

УРАЛО-СИБИРСКИЙ  
ПАТЕРИК

ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ

В ТРЕХ ТОМАХ

КНИГА 1 (ТОМ 1—2)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

# УРАЛО-СИБИРСКИЙ ПАТЕРИК

ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ

В ТРЕХ ТОМАХ

КНИГА 1 (ТОМ 1—2)



ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ  
МОСКВА  
2014

УДК 930  
ББК 63.2  
У 68



Издание подготовлено при финансовой поддержке  
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)  
Проект № 14-01-16017

Утверждено к печати Ученым советом Института истории СО РАН

Исследование осуществлено при финансовой поддержке  
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)  
(проект № 11-01-00350а, проект № 213-09-02д),  
гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ НШ 219. 2014.6  
Программа фундаментальных исследований СО РАН X.104.2.

Рецензенты:

д-р истор. наук А. Х. Элерт, д-р филол. наук Л. Г. Панин,  
д-р филол. наук Т. В. Панич

Издание подготовили:

Н. Н. Покровский, О. Д. Журавель, Н. Д. Зольникова

Ответственный редактор:

академик Н. Н. Покровский

У 68 Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: В трех томах. Кни-  
га 1 (Т. 1—2) / Отв. ред. Н. Н. Покровский. — М.: Языки славянской  
культуры, 2014. — 464 с.

ISBN 978-5-9905762-9-2

«Урало-Сибирский патерик» — обширное историко-агиографическое сочине-  
ние, созданное в конце 1940-х — начале 90-х гг. в крупнейшем на востоке России  
старообрядческом часовенном согласии. В основе памятника — сочинения старо-  
веров XVIII—XIX вв. по истории собственной конфессии, записи устных преда-  
ний, авторские тексты составителей патерика — крестьянских писателей. Пате-  
рик включает несколько десятков жизнеописаний пустынножителей, выполнен-  
ных в жанре агиографии: в условиях XX в. он воспроизводит древнейший агио-  
графический жанр, который занимал центральное место в средневековой литера-  
туре. В нем отражены такие жанры древнерусской литературы и фольклора, как  
чудо, эсхатологическое видение, легенда, предание. Издание включает научную  
публикацию текстов первых двух томов Патерика (последний — третий — гото-  
вится к печати). В него вошли также комментарии к текстам, биографические  
справки о героях Патерика, именной указатель и аналитические статьи публика-  
торов, освещающие проблемы источников, авторства, нарративных и жанровых  
особенностей памятника. Памятник является раритетным источником по изуче-  
нию народной историософии, религиозно-мифологических, агиологических и  
этических взглядов традиционалистски настроенных слоев населения России.

ISBN 978-5-9905762-9-2



9 785990 576292 >

ББК 63.2

© Издательство «Языки славянской культуры», 2014  
© Покровский Н. Н., Журавель О. Д., Зольникова Н. Д., 2014  
© Институт истории СО РАН, 2014

## Оглавление

От публикаторов .....	5
Повести чудесных событий .....	7
Т. 1. «Повести чудесных событий» .....	9
Т. 1. Дополнение .....	143
Т. 2. «Родословна стариц» .....	171
Приложения .....	277
Комментарии .....	279
Биографические справки .....	295
<i>Н. Н. Покровский</i> . Урало-Сибирский патерик .....	321
<i>Н. Д. Зольникова</i> . Авторы Урало-Сибирского патерика .....	349
<i>О. Д. Журавель</i> . Идеологические обоснования агиографии Урало-Сибирского патерика .....	403
Именной указатель .....	446

## От публикаторов

Урало-Сибирский патерик, уникальный памятник народной литературы второй половины XX в., постепенно вводился в научный оборот с момента его появления в Собрании рукописей и старопечатных книг Института истории СО РАН в начале 1990-х гг. Сразу была ясна как яркая индивидуальность народного отечника, так и очевидная связь с древней патериковой традицией, его ценность в качестве источника, не имеющего аналогов, по истории староверия XVIII—XX вв., народного сознания, этнографии и т. д. Издавались небольшие его фрагменты, но от мысли полного издания в то время пришлось отказаться: конфессиональные преследования были еще слишком свежи в памяти сибирских староверов. С тех пор прошло более двух десятков лет, и, как представляется, пришло время полной публикации Урало-Сибирского патерика.

Памятник состоит из трех томов. Первый посвящен прошлому часовенного согласия с XVIII по XX в. и жизнеописаниям его скитских старцев на Урале и за Уралом, второй — старицам часовенных скитов конца XIX — конца XX в. В третьем томе описаны всевозможные «чюдеса», о которых нашлись свидетельства жителей скитов, часовенных-мирян, а также подчерпнутые из «внешних» источников. В настоящем издании представлены первые два тома, которые объединены в книгу 1. Третий том отличается от двух первых по структуре, объем и требует обильного комментария — его целесообразно издавать отдельно.

Памятник известен в одном списке, который представляет собой автограф А. Г. Мурачева, одного из главных составителей, соредкторов и переписчиков Патерика. Для издания использовались не подлинники томов, которые остались у А. Г. Мурачева, а их ксерокопии<sup>1</sup>. Подлинники рукописей датированы переписчиком. В конце предисловия первого тома А. Г. Мурачев написал, что «книга... совершенна... бысть в лето 7471». Если учесть, что переписка шла в декабре, о чем свидетельствуют писцовые записи, то том 1 должен датироваться концом 1962 г. На втором томе — писцовая дата «3 мая 1969 г.». Дополнение к т. 1 А. Г. Мурачев написал по просьбе Н. Н. Покровского между 1990 и 1991 г.

Текст издается с наибольшим приближением к написаниям подлинника, с сохранением его орфографии, букв церковнославянского шрифта. Знаки

---

<sup>1</sup> Собрание Института истории СО РАН, № 4/90-г, л. 1–161; № 11/90-г, л. 1–138; № 7/91-г, л. 1–34.

препинания передаются по современным правилам. Буквы, выделенные в рукописи жирным шрифтом, передаются полужирным. Выносные буквы обозначаются курсивом, паерок — курсивом подчеркнутым. Сокращенные написания подлинника в строке дополняются прямым шрифтом в квадратных скобках (например: схим. — схим[ник]). Сокращенные написания после выносных набираются курсивом в квадратных скобках (схи<sup>м</sup>. — схим[ник], о<sup>т</sup> — от[еуць], частица \* — ж[е]). Слова под титлом раскрываются прямым шрифтом, добавленные буквы — прямым шрифтом в квадратных скобках: ѿць — о[т]е[ц]ь, ѿцы — о[т]ицы, ѿче — о[т]че, ѿцѣ = О[т]ицѣ. Если в таком сокращенном слове выносная буква была последней, она набирается курсивом, как и следующие за ней добавленные буквы, напр.: М<sup>т</sup> — М[a]m[b]. Если выносная была в середине слова, то она набирается курсивом, а следующие за ней сокращенные в рукописи буквы — прямым шрифтом в прямых скобках: Гсдь = Г[o]c[п]одь. Эти слова в данной рукописи не всегда раскрывались по древнерусским правилам, поэтому в тексте разыскивалось то же слово, написанное полностью: так, в рукописи в развернутом виде А. Г. Мурачев всегда писал «человекъ», а не «человѣкъ». Кирилловские цифры передаются арабскими. Номер и название главы даются в той же последовательности, что и в рукописи. Номер главы, стоящий на левом поле, ставится впереди, а на правом — после заголовка.

А. Г. Мурачев переписал Патерик скорописью с элементами полуустава. В маргиналиях, заголовках и зачастую в тексте — в именах авторитетных лиц, в словах, имеющих сакральный смысл или отмеченных особым пиететом для переписчика, этот почерк несколько больше приближается к полууставу. В сносках эти небольшие вариации почерка не отмечаются, поэтому там опускаются слова «основным почерком». Так как в рукописи все сноски, маргиналии написаны тем же, но более мелким почерком, это не отмечается. Текст публикуется без купюр, все отточия принадлежат А. Г. Мурачеву.

\* \* \*

Публикацию и комментарии для настоящего издания подготовили: т. 1: л. 1—29 об. — Н. Д. Зольникова, л. 30—64 — О. Д. Журавель, л. 64 об.—131 об. — Н. Н. Покровский, л. 131 об.—161 — О. Д. Журавель; Дополнение к т. 1 — Н. Д. Зольникова; т. 2: л. 1—46 — Н. Н. Покровский, л. 46 об.—92 — Н. Д. Зольникова, л. 92 об.—138 — О. Д. Журавель; именной указатель — Н. Н. Покровский, Н. Д. Зольникова; биографические справки — Н. Н. Покровский.

**Повести  
чюдесных событий**

# Том 1

## Предисловіе.

л. 1.

Понеже убо мнози, ови съчиниша, ови же словом из[ъ]явиша различная повествованія о пустынных жителях обоого пола, в последнее гонительное и плачевное время подвизавшихся в северных странах Россійскія земли, в пределах Уральской и Сибирской пустыни, изволися убо и нам, сим последовавшим, сїя их писанія некъю часть *от* нужнейших совокупити, и яже *от* повествователей слышахом, сїя б[о]голюбивых ушесем жаждущим любожелательно слышати о сем представить не похвалу сим, яже во устех грешных не красна есть соплетающе, но самыя вещи, самая деянія их из[ъ]являюще. И первое убо о начале благочестїя, *откуда* изыде, и проповеди слова Б[о]жїа, и о неразрушимом пребыванїи хр[и]стїанскаго рода до скончанїя века, в краткости, // таже о гоненїи, бывшем *от* никонїян, и о великодушїи страданїя ревнителєй благочестїя, еще о подвизавшихся в пустыни и борбствовавших противу невидимых врагов, и о молебствах людских на могилах их. Наконец, о различных чудесных событїях писменная и устно преданная повествованїя в сем собранїи предлагаем, да неведящїи, слышавше, удивятся, ведящїи ж[e] памятию обновятся, добраго усердїя плод обще обимут, корысть послушанїя въ н[е]бѣ воспримут. Неутверженїи же в вере, сїя слышавше и всяко сомненїе *отвергше*, утвердятся, понеже и н[ы]нѣ бл[а]г[о]дѣ[а]ть Б[о]жїа действует в достойных и во имущих твердую верѣ и любовь к Б[о]гѣ, вся на пользу строящему и творящему преславная чудеса.

л. 1 об.

О прежних безчисленных чудесех писано есть во С[вя]томѣ Писанїи, ему же не имут веры нынешнїи безбожнїи *отступницы*, не точїю сами не веруют, но и верных в неверїе совращают, ложна г[лаго]люще быти С[вя]щеннаа Писанїя. Здеже показано есть, каковыя // совершаются чудесныя событїя (и не точїю *от* Б[о]га бываемыя, но и *от* сопротивнаго, занеже писано *есть* на неверных, не признающих никаких сверх-естественных действїи и чудес и не исповедающих быти Б[о]га и никакого духа, ни добраго, ни злаго, т.е. ни анг[e]ла, ни д[у]ши, ни бѣса) в сїя последняя времена, якоже по-

л. 2



ведаша нам самовидцы сих, овїи написаша о них, инїи же *от* самовидцев слышаша и предаша нам, иная же и сами видехом... Современныя или мало прежде бывшія чудныя произшествія не менее могут дать утверженіе в верѣ<sup>1а</sup> человеку — как древнее Писаніе, аще не более. Аще и дерзостно быти мнится реченное, но на самом деле является тако, якоже есть видети в малой сей книжице, г[лаго]лемей «Повести чудесных событій», яже написана есть по бл[а]г[о]с[ло]венію о[т]ца Симеона и о[т]ца Антонїа, зде засвидетельствованных. //

л. 2 об.

Сїа книга разделена есть на три части. И в первой убо части повествуем о гоненїи *от* никонїян, о страданїи и бегстве хр[и]стїанъ, о подвизавшихся в пустыни иноках и бельцах и о преемственном бл[а]г[о]с[ло]венїи. Во второй же части назнаменовано о старицех. В третьей и последней части собраны различныя чудесныя повести. Всех, чтущих сїю книжицу, молим, аще обрящете кая в ней погрешенїя, то потщитесь исправить и нас, трудившихся в деле сем, прощенїю сподобите, не зазирая нашей грубости, да и сами прощенїе прїимете *от* Х[рист]а Б[о]га, Емѣ же слава о всем н[ы]нѣ и пр[и]сно и вовеки веком. Аминь.

Начата составляться и писаться сїя книга вѣ лето 7456, совершена же бысть в лет[о] 7471. //

л. 3

## Повести чудесных событій. Часть 1.

Исторїа о ѿцех и пустынножителех, в последнее гонительное время подвизавшихся в северных краях Русскїя земли, в пределех Уральской и Сибирской пустыни. Но прежде речем о неразрушимом пребыванїи хр[и]стїанскаго рода до скончанїя века, понеже сїе речено самим Г[о]с[по]дем нашим І[с]с[у]сом Х[рист]ом. Посему и мы зде полагаем начало и основанїе на твердости словес Х[ристо]вых, что *ж[е]* Он г[лаго]летъ: «Ты<sup>6</sup> еси Петръ, и на сем камени созиждѣ Ц[е]рковь мою, и врата адова не одолеют ей\*». Зла[тоу]ст: На сем камени — не рече, на Петре, ибо не на ч[е]л[ове]це, но на вѣрѣ Х[ристо]сѣ основа Ц[е]рковь свою\*. Кака же есть вѣра; Ты еси Х[ристо]с, С[ы]нъ Б[о]га живаго, камением нарече Ц[е]рковь, каже обрѣванїа прїемлет и не поколеблетсѣ...\* Нестъ в ней зданїа частей вѣщественных, понеже аще таково было, было, вскоре бы сѣ разрѣшило. Но исповѣданїе бл[а]гочестїа не бесове, ни ина кака тварь победити могѣт. //

<sup>1а</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле Здесь размѣстѣ тотъ, кто иметъ сомненїе о вере, не доверѣлсь С[вя]щенномѣ Писанїю;

<sup>6</sup> на правом поле Маѣ. 67;

Свидетельствѹют м[у]ч[е]н[и]цы, ихъ же ребра стрѣжеми блѣхъ, но вѣра не сокрѣшашесѧ. Сѡл[е] новыхъ вещей, стена прокопашесѧ, а сокровище не украдесѧ. Многим<sup>а</sup> бо гонителемъ и еретикомъ, иже сѣтъ врата во адъ низводаща, сѡдолъ Ц[е]рковь, составленная ѿ собраніѧ вѣрныхъ Б[о]жїихъ. И еще г[лаго]леть Х[ристо]: Не<sup>е</sup> преїдетъ родъ сей, дондеже всѧ сѧ будут.\* Родъ<sup>а</sup>, рече, не тогда сѣщїй, но родъ весь хр[и]стїанскїи вернии... Н[е]бо и земля изменится, словѣса же Моѧ и Ев[ан]г[е]ліе мое не раззоритсѧ, но пребываютъ. Аще и всѧ двигнѹтсѧ, но о Мнѣ вѣра не оскудеетъ. Ювлаетъ здѣ, яко Ц[е]рковь ч[е]стнейшѧ имать всехъ тварей. Ибо аще и тварь изменитсѧ, вѣрныхъ же Ц[е]ркви, и словеса еѧ, и Ев[ан]г[е]ліе никогдаже. Дозде Бл[а]говест[ник].

л. 3 об.

По преславномъ убо вознесенїи Г[о]с[по]да нашего І[су]са Х[рист]а Д[у]хъ С[вя]тїи прїиде на с[вя]тѹа ап[о]с[то]лы въ д[е]нь пятидесятный и наѣчи ихъ всему, еже веровати подобаетъ, они же, изшедше, проповедаша всюду Ев[ан]г[е]ліе, Г[оспод]ѧ поспешествующу и слово утверждающу последствующими знаменїи и чуде//сы и различными силами. Тогда языцы, седящїи во тме идолобесїѧ, во мраце нечестїѧ, видеша светъ ева[н]г[е]льскої проповеди, просветишасѧ верою во Х[рист]а. Ночь неверїѧ преїде, д[е]нь бл[а]гочестїѧ приближисѧ, правды с[ол]нце озари вселеннѹю<sup>е</sup>. Тогда и наша отдаленная Россїѧ не лишона была ѿ проповеди ап[о]с[то]льскїѧ. Св[я]т[ой] бо ап[о]с[то]ль Андрей прїиде в Россїю, и где нынѣ градъ Кїевъ, на техъ горахъ постави кр[е]сть и предрече, что на нихъ возсіѧетъ бл[а]г[о]д[а]ть. И оттуду обратился къ Новому граду, где къ вере многихъ привелъ. Осененная ап[о]с[то]льскимъ прор[о]чествомъ Киевскїѧ горы долго ожидали осїяніѧ бл[а]г[о]д[а]ти Б[о]жїѧ. Когда же исполнисѧ предуказанїе Б[о]жїе, тогда великїй кн[язь] Владимир своимъ доброподвижнымъ тщанїемъ възиска светлость пресветлаго благочестїѧ сїонскаго на востоке, всю Россїю привелъ во благочестїе, просвети. ѿ Сїона бо, рече, изыде законъ, слово Г[оспод]не ѿ Іер[у]с[а]лима, ѿ греческихъ странъ прїѧ бл[а]гочестїѧ доброту. Оттуду вся доброты православїѧ, вся красоты Ц[е]ркви, оттуду // архїеп[и]ск[о]пы, и еп[и]ск[о]пы, и с[вя]щенники, и весь ц[е]рковный причетъ преславно привлече. Откуду преславная Россїѧ такъ всепресветло многосїяннаго православїѧ светомъ преоблиста, что не было града, ни села, ни веси, идеже благочестїѧ светъ не сїяше. Свидетельствуетъ прїезжавшїй в Россїю всес[вя]тейшїй Іеремїѧ патрїархъ Константинопольскїи, къ ц[ар]ю

л. 4

л. 4 об.

<sup>а</sup> на левомъ полѣ Бл[а]говестникъ, 67;

<sup>г</sup> на левомъ полѣ Лѣк[а], 107;

<sup>а</sup> на левомъ полѣ Бл[а]говестникъ;

<sup>е</sup> на правомъ полѣ Книг[а] о вѣре;

ӨеодорѠ Іоанновичу тако рече: Твое же ц[а]рство, б[о]гохранимыи ц[а]рю, естъ Третій Рим, бл[а]гочестіем всех превзыде, и вся бл[а]гочестиваа во твоє ц[а]рство собращася.

Но не до конца таковым прен[е]б[е]сным окрѠжахомся веселіем, не до конца всеблагодатнаго наслаждахомся преизобильно мира. *Сл[е]* твоа ядоносныя огнедыхательныя злобы на нас, всепроклятыи дїяволе, не насытися, пожер запад, не укротися, смутив восток, но и на оставшая северная свирепо нагльствуєт и на російскую всеблагодатную (увы) наскачєт страну, вся сп[а]сительная обезобразив испроверже, вся тмою новшественных мраков загустив, помрачи. Тогда // исполнися предсказаніє писателя Правыа веры\*, г[лаго]люющаго: А по исполненіи лѣт числа 1666 не непотребно и нам ☩ сих вин опасеніє имети, да не некое бы что зло пострадати, по преждедеченных исполненію Писанія свидетельствъ, яко настоит день Х[ристо]въ, якоже рече ап[о]ст[ол]ь: и несть ли готовым быти подобаєт, аще кто достигнет тех времен на брань съ самим дїяволом\*.

### Глав[а]\* 2<sup>3</sup>.

Егдаже попущеніем Божіим всероссийскаго Ц[е]ркви правленія корабль Никону вручися, на превысочйшем престоле въ лѣто 7160, недостойне на достойныи оныи седе, всю Россію мятежа, смущенія, колебанія и кровопролитія многоплачевно наполни. Книги с[вя]тыа древлепечатныя ☩ Ц[е]ркве отверже, вместо же сих новопечатныя книги с приложеньми, и отложеньми, и пременами в Ц[е]рковь внести повеле. Непокаряющіяся его воли претерпевахѠ различныя виды лютаго мученія: пытки, ссылки и сожженія, рванія ноздрей, резаніє языка, реброломанія, // даже и до того доводили гонимых, что они сами сожизахѠся. Тогда кровь лїяшєся рекой, якоже свидетельствуєт исторія. Тако превеликое гоненіє возбудило многих духовнаго званія лиц оставить своя паствы, бежать и укрываться по разным местам. Тогда обретоша себе для храненія непорочныа веры и удобныа для жизни мнишеской места по речке Кержени. Первыми основателями были по ней следующаго званія д[у]ховныа лица: 1-й Дїонисій, с[вя]щенноинок ШѠвскій. 2-й Трифилій, с[вя]щенноинок Вологодскій, Казанскаго монастыря. 3-й Авраамій, с[вя]щенноинок Лысковскій, Казанскаго монастыря. 4-й Сергій, с[вя]щенноинокъ, игумен Бизюковскаго монастыря. 5-й Исидоръ, с[вя]щенноіерей

<sup>ж-3</sup> написано на правом поле;

Козмодемiанскій. Сїи вышепомянута о[т]цы Дїонисїи и прочїя собраша к себе ѿ всюду из окрестных мест множество б[о]голюбивых инок и бл[а]гоговейных хр[и]стїян, яко да соборне разсмотрим и обсудят, како достоит прїимати // кр[е]щенїе и хиротонїю ѿ послѣдователей новшества Никоновым. И тако испытавше опасно все б[о]ж[е]ственное Писанїе и правила с[вя]тыхъ о[т]ецъ и разсмотривше многая событїя первенствующїя Ц[е]ркве Х[р]исто[в]ой, признали законным и правильным принимать ѿ великоросїиской Ц[е]ркви приходящих вторым чином, а с[вя]щенных лицъ сознать в сущем их званїи и сане. Сїе сужденїе керженских о[т]цов всеобдержно в ревнителях древняго преданїя удержася и уважаемо бысть всеми вышеозначенными основателями скитов. По сему точному приговору начальное бысть действия прїема\*.

л. 6

## Ѿ с[вя]щенноиноке Софонїи и о прочих.

### Глав[а] 3.

Перваго прїяша на с[вя]щеннодействие проживающаго ту на Кержени изъ Соловецкой обители с[вя]щенноинока Софонїя, имущаго хиротонїю уже *от* новомудрствующаго архїерея. Аще и довольно прїи обители поживша, обаче до общаго совета не допустиша его до тайнодействїя\*. О сем с[вя]щенно//иноке Софонїи пишет Мельников Печерскїй<sup>и</sup>. Сказанїе игуменїи м[а]т[е]ри Манефы: Жилъ о[т]ецъ Софонїи в здешных краях (в керженских пределах) немалое время, право правяща слово истинны, ц[е]рковные обычаи утвердил... и поставил невелкїй скит неподалеку *от* Деянова починка въ лесѣ... Подвиги же его духовныя и труды телесныя кто исповестъ? И по многих подвигах теченїе сверши, ко Г[оспод]ѣ *от*[ъ]иде... и честные его мощи нетленны и целокупны во благоуханїи с[вя]тыни почивают, великїя изцеленїя подают с верою к ним притекающим\*... Гробница его в лесу среди поляны, полѣзгнившїи голубец<sup>ѣ</sup>. Под нижним венцом голубца много ям, нарытых руками богомольцев, бравших песок ради целенїя *от* недугов. Рядом с голубцем возвышаются саженныя старыя деревянныя кр[е]сты, а меж ними вросла в землю невысокая часовенка, в ней на полке несколько облинявших образов. В стороне неглубокїи кладезь, вода его // тоже словет в народе целебной... Ежегодно многолюдное собранїе бывет на могилѣ о[т]ца Софонїа въ Д[у]ховь д[е]нѣ\*.

л. 6 об.

л. 7

\* на левом поле «В лесах», кн. 2, ч. 3;

<sup>ѣ</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле голубецъ — могильный памятник, состоящїи из древнаго сръба с кровлей на 2 ската и с крестом на ее середине;

Паки обращаемся на вышереченную повесть: Діонисій<sup>л</sup> прїнял Θεодосїа с[вя]щенноинока, сей, по свидетельству белокриницкой исторїи, *отпущенъ* в сибирскїя пределы для духовнаго окормленїя хр[и]стїан, где и был он принимаем не токмо простыми хр[и]стїанами, но и тамошними бл[а]гоч[е]стивыми с[вя]щенниками с надлежащим уваженїем, яко сущїи с[вя]щенник Б[о]жїи. Той же Діонисїй с вышеозначенными сотрудниками своими прїняли с[вя]щенноиноков: Сергїа, и Герасима, и їерел Димитрїа, и дїакона Александра... По кончине основателей керженских скитов с[вя]щенноинокъ Софонїй, такоже по силе соборнаго о[т]цевъ своих разсужденїем, прїят вторым чином с[вя]щенноиноков: Варлаама, и Лаврентїа, и с[вя]щенника Авраамїа. Той же с[вя]щенноинокъ Софонїй прїнялъ с[вя]щенноинока Никифора. Сей с[вя]щенноинокъ Никифор прїиде со многими старцами на Уралъ, уклоняющаго разгласнаго любопренїя ветко//вских и стародубских о[т]цовъ, соблаздившихся в безразборном прїеме с[вя]щенных лицъ, пос[вя]щенныхъ малорѣскими еп[и]ск[о]пами<sup>л</sup> \*.

л. 7 об.

Зде потребно есть воспомянуги еще о бегстве старообрядцев и о построенїи ими скитов в различных местах *от* внешних писателей. Плотников, *Исторїя рускаго раскола* старообрядчества, стр. 66.

#### Глава<sup>л</sup> 4. О керженскихъ<sup>л</sup>.

Чтобы избежать преследованїя правительства, многїя старообрядцы бежали на пустынные окраины Отечества — в Поморье, Донъ, в Стародубїе, особенно же в Сибирь, за границу: в Польшу, Швецию, Турцию, Молдавію, Волахїю, Австрію и Пруссїю. Образовали там общины, скиты и монастыри и завели хозяйства\*. На первых порах центрами беглопоповчины слѣжили: Донъ, Керженец, Ветка и Стародубїе. А со второй половины XVIII ст[олетия] Рогожское кладбище и Иргизскїе монастыри\*.

На Донѣ. На берегу рек[и] Чир<sup>л</sup> (въ 50 верст[ах] ѿ впаденїя ея в Дон) с[вя]щенноинокъ Іовъ в 1672 г. основал два монастыря, му//жескїй и женскїй, в двух верстах друг *от* друга, и построил церковь, в ней ежедневно совершались все службы, иноческая жизнь

л. 8

<sup>л</sup> на правом поле Родословна;

<sup>м</sup> на левом поле дозде Родослов[на];

<sup>н</sup> слово помечено знаком v, под тем же знаком на нижнем поле никонїане называютъ старообрядцевъ раскольниками;

<sup>о-п</sup> написано на левом поле;

<sup>р</sup> в рукописи ошибочно Чирны, исправлено по: Плотников К. *История русского раскола, известного под именем старообрядчества*. СПб., 1894. С. 137;

была упорядочена. Чирская пустыня достигла цветущаго состоянія. Кроме её было основано несколько новых пустынь\*.

На Кержени. На Кержени были первые основатели с[вя]щенноинок Діонисій и прочія. В лесах Чернораменских, а особенно по рекам Керженцу и Бельбашу, иночествующіе селились скитами, а мирскіе починками. Вскоре на Керженце образовалось много скитов и деревень. Пишет Мельников, что там было 77 скитов и в них более семисот иноков и с лишком 1800 инокинъ. Деревенскіе же народ поголовно были старообрядцы\*... В 1706-м году жившій сам прежде в келіях на Керженце и находившійся долгое время в старообрядчествѣ игумен Переславскаго Никольскаго м[о]н[а]стыря<sup>с</sup> // Питирим послан был раздраженным Петром<sup>1</sup> на Керженец для истребленія старообрядства. Етот Питирим почти вконец разорил скиты Керженскіе и Чернораменскіе. Изъ разоренных им скитов старообрядцы бросились за рубежь на Ветку\*.

л. 8 об.

О сем плачевном разореніи скитов повествует Мельников Печерскій: По повеленію Питирима, архиепископа Нижегородскаго... (1719—1738)\* 77 скитов было разорено на Кержени... несколько старцев было сожжѣно на кострах... И сорок тысящ старообрядцев, не считая жен, бежало из Керженских лесов за литовскій рубежь, в подданство короля Польскаго\*. По втором разореніи Ветки<sup>1</sup> в 1764 год[у] возвысились Стародубскія слободы, снова возникли и усилились, опустошенные сначала Питиримом, а потом переселеніями старообрядцев за границу (съ 1719 по 1762 год из Керженских и Чернораменских // скитов ушло за границѣ семь восьмых всего населенія)\*.

л. 9

Скиты Керженскіе и Чернораменскіе. Вскоре скитов появилось больше сотни в Черной Рамени, в лесах Керженских, в лесах Рымских и за рекой Ветлугой\*. В лесах Черной Рамени — в верхотинах Линды, что пала в Волгу (по теченію с левой стороны) немного повыше Нижнаго (Новгорода)<sup>ф</sup>, среди лесов, промеж топких болот, выдался сухой остров, Каменным вражком зовут его\*... На Каменным вражке было до сорока обитателей, а жителей считалось до двух тысящ\*... Шарташ<sup>х</sup> и Актус, пустыни Висимских лесов, были в постоянных

<sup>с</sup> на нижнем поле под чертой бѣглопоповцами называют никоніане старообрядцевъ, пріемлющих обращающихся съ них священниковъ ко с[вя]тей Ц[е]ркви;

<sup>1</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле Петръ 1-й раздражен былъ на керженских старообрядцев за то, что они его называли антихристомъ;

<sup>у</sup> на левом поле Мельников, стр[а]н. 255;

<sup>ф</sup> в рукописи подчеркнута название города (оба слова), на правом поле также подчеркнута ныне Горькій;

<sup>х</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле Шарташъ и Актусъ — большіе скиты поблизости Екатеринбургa, н[ы]нѣ Свердловск. Висимскіе леса, где было много скитовъ, недалеко съ Нижнетагильскаго завода;

сношеніях с ними. Во время оно нередко приходили *оттуда* на Каменный вражѣк возы\* с потребными.

л. 9 об. На Каменном вражке м[а]т[е]ри Манефы обитель считалась лучшейею обителью не только во всѣм Комарове, но и по всем скитам Керженским и Чер//нораменским. Среди её на широкой поляне возвышалась почерневшая *от* многих годов часовня... До трех тысяч<sup>а</sup> икон местных, средних и штилистовых стояли в большом и в двух малых придельных иконостасах, а также на полках по всем стенам часовни. В середине небольшого пятияруснаго иконостаса, поставленаго у задней стены на возвышенной солее, находились древніе царскіе двери замечательной резьбы; по сторонам их стояли местные иконы в серебрянных ризах с подвешанными пеленами, парчевыми или бархатными, разшитыми золотом, украшенными жемчугом и серебрянными дробницами. Перед ними ставлены были огромные серебряные подсвечники с пудовыми свечами. Древній деисусъ с ликами ап[о]с[то]лов, прор[о]ков и прао[т]цев возвышался на вызолоченом тѣбле старинной искусной резьбы... С потолка спускалось несколько паникадил с прорезными золоченными яблоками, с серебрянными перьями, съ репьями и витыми // усами. Старообрядцы, не жалея денег, спасали *от* истребленія неоцененныя сокровища родной старины, собирая их в свои дома и часовни. Немало таких сокровищ хранилось в обители м[а]т[е]ри Манефы\*. Были три кр[е]ста с мощми, книгъ харатейных и старопечатных 30 или 40\*... у м[а]т[е]ри Манефы в келіи пред образом Корсунской Б[ого]ро[д]ицы неугасимо теплилась серебрянная лампадка с бисерными подвесками. В Комарове, в обители Разсохиных, бывало по 50-ти инокинь, по сотне и больше девиц. М[а]ть Клеопатра, чтимая всем Керженцем, всем Чернораменіем за преклонную старость и непомерную ревность по вере, за что пять раз в остроге сидела и много ради древняго бл[а]гоч[е]стіа нужд и скорбей претерпела\*.

л. 10

Большая была начѣтчица Салоникейя черница, строгая постница, великая ревнительница по древнему бл[а]гоч[е]стію. 12 с[вя]щенников на своем веку *от* церкви никониянской в старообрядство обратила. //

л. 10 об.

## О Ионе Курносом.

Иона Курносый, старообрядческий писатель, жил во второй половине XVIII ст[олетия] в Комаровском скиту верстах в 25 *от* города Семёнова, основаном старообрядцем Комаром, пришедшим сюда, на Кер-

<sup>а</sup> вставлено над строкой;

женецъ, изъ Тверской губерніи<sup>4</sup>. В этом скиту была мужская обитель, в которой в половине прошлаго века был настоятелем старецъ Ефрем, в его-то обители и жил Иона, одинъ изъ самых умных и начитанных старообрядцев того времени<sup>5</sup>. В Комарове крепко держались правила, чтобы приходящих от великоросійской церкви попов и мирян принимать вторым чином, т. е. посредством миропомазанія... На Московском соборе поповчины, бывшем в 1779-м го[ду] и окончательно утвердившем его правило, Иона крепко стоял за него. Он написалъ для этого собора Исторію о бегствѹющемъ «с[вя]щенстве» и другія сочиненія. На Урале некоторое время жил онъ. После Ефрема Иона был настоятелем обители, которая с того времени и получила названіе // Иониной. Иона Курносый считается у керженских старообрядцев пр[а]в[е]днымъ, у его гробницы (в Комаровском скиту) растет большая ель, называется Иониною елью, ствол ея весь изгрызенъ. Набожные старообрядцы приходят на гробницу для поклоненія, поют «канон за единоумершаго» и молатса. Особенно много ходит сюда больных зубами, приписывая Иониной ели силу чудотворенія, они грызут ее и, как уверяют, исцеляются. В 1832-м го[ду] умер последний настоятель Павелъ (тайный еретикъ, никонианин) Иониной обители. Оставшіеся мнихи и бельцы разыдошася<sup>6</sup>. Уничтоженіе было Керженских и Чернораменских скитов в 1853-м го[ду]. В<sup>ш</sup> лесах Керженских и Чернораменских, на местах запустелых скитов, остались гробницы старцов и стариц. Некоторые из них почитаются с[вя]тыми. Къ етим-то гробницам и схо//дятся летом в известныя дни на поклоненіе... Зборище бывает на могиле старца Арсенія, пришедшаго из Соловков вслед за шедшей по облакам Шарпанской иконой Б[огоро]д[и]цы (Казанской), на могиле старца Ефрема, на пепле Варлаама, огнем сожженаго, на гробницах многоучительной м[а]т[е]ри Голиндѣхи, м[а]т[е]ри Маргариты, о[т]ца Никандра, пѣстынника Илїи, добрым подвигом подвизавшейся м[а]т[е]ри Фотинїи, прозорливой старицы Феклы; а также на урочищѣ<sup>7</sup>

л. 11

л. 11 об.

<sup>4</sup> исправлено, в рукописи пропущено і; на левом поле изъ подсрочнаго примечанія Мельникова, стр. 26, под названіем Историческіе очерки поповчины;

<sup>5</sup> над второй буквой «е» в рукописи написана буква «я»;

<sup>6</sup> на правом поле Мельник[ов] Печерскій, рядом — цифра 1; под той же цифрой на нижнем поле Повествѹетса негде, что Николай I разорилъ на Кержени 140 скитовъ. У Плотникова есть писано: Въ царство Николаа I-го в 1853 го[ду] министрѣ внѣтр[енн]их дел было представлено постепенное упраздненіе скитовъ и монастырей. Николай I умер в 1855 го[ду];

<sup>7</sup> слово помечено знаком полукруга с точкой, под тем же знаком на нижнем поле оурочище это называется «Смольяны». Преданіе говорит, что тѣм былъ большой скитъ первый старообрядческій, основанный еще в 1656 г., разоренный еще прежде Питирима. Въ густом лесѣ, по болотѣ, есть тропинка. На ней местами уцелели ползгнвишіе сосновыя и словые кладки. Коннаго ездѣ, кажется, тѣтъ никогда и ни бы-



л. 12 «Смольянах», где лежит 12 гранитных<sup>14</sup> необделанных камней над 12-ю попами, не восхотевшими никоновых новин пріяти. Но самое главное, самое многолюдное // сборище бывает въ Д[у]ховъ д[е]нь на могиле (пред явленнаго) старца Софонія\*. Все эти места в Семеновском уезде Н[иже]городской губерніи\*\*.

☩ керженских могилах еще поведана м[а]ть Іуліа, бывшая на Кержени, ездившая туда. Некїи, рече, ч[е]л[ове]къ, благоговейный хр[и]стїанин, единою там виде свет, яко свещю горящую. И прїиде на то место, и нача копати, и обрете мощи нетленны некїа инокини. И рукописаніе ея подписано с[вя]щенноиноком Іовом. И паки поведана: ☩ Керженца реки верст 40 есть могила инока схимника Іакова, и на ней древо возрасте зело толстое. Хр[и]стїане же возьмут персть с тоя могилы на бл[а]г[о]с[ло]веніе, идеже и свеща горящая видима бывает верными. //

л. 12 об.

Глава 5<sup>10</sup>. ☩ Вѣтке.

Основаніе слобод на пустом острове Ветка, на реке Сожи, было в 1685-м году в Польше у самой почти русской границы Могилевской губерніи<sup>а</sup>. В краткое время старообрядцы населили 14 больших слобод. В них было до сорока тысяч жителей, явились монастыри мужскїе и женскїе, и построена была церковь, и Ветка зделалась средоточием всей поповчине, как ея митрополїи\*.

Но<sup>1а</sup> вскоре положеніе ея изменилось, в 1733 год[у] в царство Анны Иоанновны Ветка была раззорена, жители ея около 40000 ч[е]л[ове]къ были схвачены и разосланы по местам их прежняго жительства или в сылку, а жилища и скиты сожжены. Через несколько лет Ветка достиг-

л. 12 вало. Тропинка приводит пешехода до признаковъ стараго скита, уже поросших матерым лесом. Заметны погребныя ямы, следы огородных град и кладбища. На кладбище 12 могил, на могилах 12 камней. Тѣтъ похоронен Дїонисій Шуйскїй (с[вя]щенноиннок вышписанный), бывшїй некогда главою поповчины, и другїе 11 поповъ\*. У с[вя]щенноиннока // Дїонисїа былъ довольный запасъ мїра и с[вя]тыхъ даровъ, ос[вя]щенныхъ еще при Іосифе патрїархе. Около 1690 год[а] здѣлался прїемником Дїонисїа с[вя]щенноиннок Феодосїй, жившїй прежде на Донѣ, и тѣ атыи, заточен былъ въ Белозерскїй монастырь и бежал ѿтѣдѣ въ Поморїе по седмилетнем заточенїи, а ѿтѣдѣ на Кержень. И при нем смольяне были разорены дотла въ 1694 г., а Феодосїй бежа в Калѣгѣ, а ѿтѣдѣ прїиде на Веткѣ по прошенїю ветковских\*; на левом поле сноски на л. 11 об. в подстрочном у Мельникова;

<sup>14</sup> исправлено, в рукописи гранитных;

<sup>а</sup> исправлено, в рукописи губерни;

<sup>10</sup> написано на левом поле. Ниже Мельниковъ;

\* исправлено, в рукописи губерни;

<sup>1а</sup> на левом поле Плотников;

ла почти прежняго состоянія. Вместо прежней церкви была построена новая, еще благолепнее, вокруг ея было выстроено две обители, мужская и женская, со значительным количеством обитателей. В 1764 г[о]д[у] // прї Екатерине II Ветка была опять раззорена, и захвачено около 20 000 ч[е]л[ове]къ, которые большею частію были отправлены в Сибирь на поселение\* (Плотников поа<sup>н</sup>дет, что двѣхкратное Ветки раззореніе было за преслѣшаніе предлагаемаго возвратиться во Отечество).

л. 13

### Стародѣбіе.

В Стародубѣ Черниговской губерніи<sup>б</sup> после втораго раззоренія Ветки вместо нея стали возвышаться слободы Стародубскія, в которых само правительство поселяло многих старообрядцев. Сюда была перенесена ветковская церковь. В Стародубіе таким образом основалось до 17 слобод, которые управлялись волосною конторою. В этих слободах находилось 4 монастыря, 17 церквей и 16 публичных часовен<sup>в</sup>.

### Рогожское кладбище.

Во время чюмы 1771 год[а] поповцам было отведено место для кладбища на восточной окраине Москвы, в Рогожской Ямской слободе. Тогда же им было дозволено устроить часовню для отпеванія умерших. По прекращеніи чюмы кладбище это // превратилось в поповчинское (старообрядческое) монастырское общежитие. Тут были выстроены три каменных часовни с алтарями, украшены богатыми иконами древняго письма и снабжены великолепною утварію. Было настроено много жилых домов, зданіе для конторы, канцелярїи, библиотеки, богатой редкими книгами для архива, и женскія обители. Число обитателей Рогожскаго кладбища считалось сотням[и], а прихожан в Москве и ея окрестностях десятками тысячъ. К 1825 год[у] число прихожан Рогожс[кого] клад[бища] старообрядцев достигало 60 008 ч[е]л[ове]къ\*. Материальное бл[а]госостояніе<sup>в</sup> кладбища было прекрасное: капиталы его считались миллионами.

л. 13 об.

### Иргизъ.

Поселение<sup>г</sup> старообрядцев по реке Большой Иргиз, левый приток Волги, впадающій в нее<sup>г</sup> против гор. Вольска (ниже Керженца) Сара-

<sup>б</sup> исправлено, в рукописи губернии;

<sup>в</sup> в рукописи часть слова благо вставлена над строкой;

<sup>г</sup> на левом поле при Екатерине II-й;

<sup>д</sup> исправлено, в рукописи не;

- товской гѣбер[нїи], основано несколько слобод, возле которых вскоре появились скиты. Из числа последних более известны три // мужских: Аврааміев, Пахоміев и Исаакіев, и два женских, Маргаритин и Анфисин. Первые 3 основаны в 1762 год[у], а последніе в 1774 и 1783 годах. Вначале скиты эти не представляли собой сколько-нибудь виднаго центра старообрядчества: немало было таких скитов в Саратовском краю и раньше, но вскоре они значительно возвысились. Строгая аскетическая<sup>с</sup> жизнь скитников невольно привлекала к ним окружающее населеніе: многіе стали приходить сюда за советами и за решеніем недоуменных вопросов, некоторые селились здесь, и таким образом число скитников увеличилось. Были построены церкви, открылось совершеніе с[вя]щенниками литургїи. Вѣсть о формальном разрешенїи для Иргиза б[о]гослуженїя по старому обряду быстро разнеслась по Россїе (Вѣ 1780 г. с дозволенїя саратовских властей кѣ часовне построен оltарь, а потом новая церковь и инья церкви построены).
- л. 14 об. С Урала, Дона, Волги, Невы и Сибири потянулись сюда // вереницы б[о]гомольцев. Одни шли на поклонение с[вя]тыням, веря легенде, будто места для построенїя Иргизских скитов указаны были основателям самим Б[о]гомѣ и будто на Иргизе, как и на Керженце, почивают нетленные мощи подвижников; другіе шли сюда для полученїя запасных даров. По Иргизу основались новыя старообрядческія селенїя, скиты\* наполнялись всё новыми и новыми скитниками. Во всех Иргизских скитах (как мужеских, так и женских) порядки были монастырскіе. Во главе каждаго стоял настоятель. В глазах гражданскаго начальства он был ответственным лицом за всю братїю и утверждался в своей должности сначала земским исправником, потом удельною конторою, а сѣ 1828 г. губернатором. Ближайшими помощниками его были казначей и уставчик<sup>з</sup>. Первый заведовал хозяйственною частию, вѣл судебныя и письменныя дела монастыря и т. п., а другой следил за выполненїем // церковнаго устава, заведывал ризницей и творил суд и расправу над церковными преступниками. Кроме них в помощь настоятелю избирались еще десять соборных старцев. Монастырская братїя состояла изѣ иноков, схимников и бельцов. Кроме того, в скитах было много временных посетителей: приезжих б[о]гомольцев и беглых попов, принимавших здесь исправу, а потом разсылавшихся по разным старообрядческим обществам. Собственно при монастыре находилось не более 3—7 с[вя]щенников, наиболее скромных и степенных. Они

<sup>с</sup> слово подчеркнуто, на правом поле также подчеркнуто разъяснение постническаа, подвижническаа;

\* далее зачеркнуто всё;

<sup>з</sup> последний слог подчеркнут и на левом поле также с подчеркиванием исправлено на никѣ;

поочередно *от*правляли повседневную службу и совершали требы\*. Иргиз сделался митрополіею поповчины\*. Стоял он 80 годов.

## ☩ сибирских старообрядцах и построеніи скитов. Глав[а]<sup>н</sup> 6<sup>к</sup>.

А в Сибири, по свидетельству исторіи, после проезда протопопы Аввакума в Верхотуріе и в других местах явились сильные защитники старины, каковым, например, был // Ияков Лепехин и другие. Они многих научили Никоновы прелести бежати. Етой же дорогой в 1660-м год[у] был везен и другой страдалец, Иосиф, который также многих научил не *отступати* бл[а]гочестия и держатися о[т]цы преданнаго нам преданія. Иосиф, будучи в Тюмени, убедил с[вя]щенника Доментіяна держаться древняго бл[а]гоч[е]стия. Он *ж[е]*, Доментіян, *от[ъ]*иде в пустыню и основа на речке Берёзовке (при впаденіи ея в реку Тоболу) многіе келіи и часовню, где пели вечерню, утреню и часы, и снискошася зело много жителей сѣ женами и детьми. В 1679 г. пустынников набралось 700 ч[е]л[ове]къ. Тобольский воевода Петр Шереметьев, узнав об этом, и послал карательный отряд, которому предписано было разогнать всех, нам упорных вѣ расколе, заковав в кандалы, доставить в Тобольск. Пустынные жители, услышав о *приб[л]*иженіи карательнаго отряда, посоветовав между собою, решили принести себя в жертву Богу, чем изменить ч[и]стоте православия и не соблазнитися новизнам перед страхом пыток и виселиц, и сожгошася числом около 2-х тысяч ч[е]л[ове]къ, а другіе разбегошася. Когда отряд воеводы прибыл, то нашол только груды пепла да обгорелые ч[е]л[ове]чскія трупы. Так и в других местах многія, державшіеся старины, решались лучше пострадать в огне, но не изменить старой вере\*.

л. 15 об.

л. 16

Первый случай самосожженія, по свидетельству Аввакума, был в 1672-м год[у] в Ниж[нем] Новгороде, причем сгорело тысячи с две старообрядцев...<sup>л</sup>. В этом спросили протон[она] Аввакума, тот отозвался одобрительно, хотя заметил такой, что такой подвиг по силам только избранных и может быть предложен лиш в виде «самовольнаго мученичества», причем оправдывал его исклю[чительно] святоподобиями. *От*вет этот получил скоро широкую известность среди старообрядства, и самоистребленіе страшно усилилось. По словам Аввакума, в пределах Нижегородских жглися тысящи тысящ. Когда же был издан строгий указ в 1685-м году, то случаи самосожженія

л. 16 об.

\*к написано на правом поле. Выше Кзнецовъ, жѣрнал;

<sup>л</sup> на правом поле Плотников;

(усилились) умножились. В 1687-м год[у] в Берёзове наволоке Олонец[кой] губерній<sup>м</sup> вместе с соловецким выходцем Пимином сторело более 1000 ч[ел]л[ове]къ. В том же году в Полеостровском м[о]н[а]стыри Олонецкой губерній<sup>н</sup> сожглось с дьяконом Игнатием 2700 ч[ел]л[ове]къ. В 1689-м г[о]д[у] там же 500 ч[ел]л[ове]къ. Но еще ранее самосожженія началось самоумореніе, т.е. пост до уморенія. Иныя<sup>о</sup> бежали в глухие и непроходимыя леса, пустыни, на Дон, в Астрахань, на Урал и Сибирь, за границу, в Польшу, в Китайскія владенія, в Турцію, по устьям Дуная. Есть старообрядцы в Малой Азіи, в Сиріи, Киликіи, в Египте, даже в самом Каире... Из сенадскаго л. 17 указа 17 сент[яб]р[я] // 1742 год[а] видно, что с 1719 по 1736 год бежало около 4042 ч[ел]л[ове]къ<sup>н</sup>, это из 20-ти миллионов тогдашняго времени народонаселенія Россіи. И этой хлынувшей лавины<sup>п</sup> тысячнаго людскаго муравейника от преследованій и пыток, мученій и казней большая часть и разсеялась по Уралу, частию на частных заводах, где находили полное покровительство заводских властей и возможность свободнаго исповеданія своей веры по старым преданіям и обрядам\*... Вскоре появляются в Екатеринбурге, Невьянске и других заводах великолепныя старообрядческіе храмы.

Не менее великолепы храмы были построены и в селе Шарташе, состоящем от Екатеринбурга в 8 верстах, но населеніе<sup>с</sup> этого села состояло преимущественно из старообрядцев. На берегах озера Шарташ было воздвигнуто 8 женских скитов. Рядом с часовнями, скитами и потаенными моленнами созданы были десятки старообрядческих школъ, // в которых обучались старообрядческіе дети чтенію, и пенію, и церковной службе. Благодаря этим тайным школам старообрядство крепло и разрасталось. Главный скит именовался Казанским, в котором находилась чудотворная икона Казанской Б[ого]р[о]д[и]цы. Игуменьи этих монастырей были: инокиня схимница Александр<sup>а</sup>, а после нея м[а]ть Афанасіа, а затем м[а]ть Фаина. Простых инокинъ послушниц было до 60 ч[ел]л[ове]къ. Служба совершалась с[вя]щенноиноком Иларіем, а после его смерти самими старицами.

В свободное время инокини занимались рукоделием, переписывали певческия и богослужебныя книги, вышивали: гарусом, шёлком, золотом, бисером и жемчугом пелены на аналои с изображеніем херувимов, серафимов, ев[ан]г[ели]стовъ и других, низали ризы на

<sup>м</sup> исправлено, в рукописи губернии;

<sup>н</sup> исправлено, в рукописи губернии;

<sup>о</sup> на левом поле Кузнецов. Журнал;

<sup>п</sup> на правом поле Мельников. Юзов\*;

<sup>р</sup> на правом поле Истор[ия] Кузнецов[а];

<sup>с</sup> в рукописи селеніе, исправлено по тексту статьи А. Кузнецова;

св[я]т[ые] иконы\*... Кроме шарташских скитов существовало и еще множество других, разбросанных по разным другим местам Урала. // Скиты эти и монастыри, женскіе и мужскіе, находились около Верх-Нейвинскаго завода в Каслинском округе. На берегу озера Сунгула красовался мужскій старообрядч[е]скій м[о]н[а]стырь, а на озере Андышь — женскій съ четырьмя скитами; около Нижнетагильскаго завода на горах Еловой и Карасевой существовали и по настоящее время существуют мужские и женскіе скиты. Около станицы Коельской Троицкаго уезда существует великолепно устроенный землей скит с подземными ходами и по настоящее время. Около завода Миас за озером также было несколько мужских и женских скитов, а в лесах Черноисточинскаго завода знаменитые мужскіе и женскіе скиты. Настоятелем и духовником этих скитов был известный подвижник инноксхимник Максим, прах котораго покоится на Веселых горах... В настоящее время многія из этих скитов разрушены и раззорены, а имущество разграбле//но руками гонителей в николаевскіе времена\*, и о сих дозде. Дозде Кузнецов.

Мы же возвратимся на прежнее, яже оставихом, по Родословію повествованіе с[в]ященноиноче Никифоре, пришедшем с Кержени на Урал...

### О с[в]ященноиноче Іовѣ.

Сей с[в]ященноинок Никифор, будучи в Нижнем Тагиле, в лето 7233 принял с[в]ященноіерея Іоанна, он же по постриженіи Іовѣ. Сей уроженец Владимирской губер[ніи] бежал от жестоких преследованій на Урал, где и нашол себе радушный пріем. Последователи старины в лице с[в]ященноиноча Іова нашли себе великое сокровище в наставленіи их духовной жизни. В бытность свою в Нижнем Тагиле с[в]ященноинок Іовѣ принял бежавшаго от лица царя Петра Алек[сеевича] его приближеннаго писца Григорія Андреевича Перетрутова, и облече его во иноческій чин, и нарече имя ему Гурій.

Въ лет[о] 1729 прія под исправу «свергшаго иго раболепной службы и восхотевша вечно работать Х[ри]ст[о]ви» // раба некоего господина, именем Михаила, юна возрастом, и постриже его во иноческій образ, и нарече его Маѣимом. Особыми трудами и усердіем с[в]ященноиноча Іова при большой помощи хр[и]столубца Андрея Рябинина была построена первая на Урале старообрядческая ц[е]рковь в Ниж[нем] Тагиле и ос[в]ящена самим Іс[овом]. Изъ ц[е]ркви было зделано много подземных входов и выходов для укрывательства во время преследованія. В 1846 год[у] ц[е]рк[о]вь эта была отобрана насильственным путем у старобрядцев и обращена в единоверческую.

По рассказам очевидцев, событие это происходило при следующих обстоятельствах. Въ д[е]нь С[вя]тыя Тро[и]цы, когда шла служба, храм был полон молящихся, певцы пели м[о]л[и]тву С[вя]томѸ Д[у]хѸ, в которой призывали С[вя]таго Д[у]ха: «прїиде, и вселися в ны, и очисти ны ѿ всякѣа скверны», и въ этой м[о]л[и]тве как бы сливались съ самим Б[о]гом, все были исполнены великаго м[о]л[и]твеннаго экстаза. // Как вдруг врывается ѿряд казаков, посланцев архїепископа Аркадія с ленками<sup>7</sup> в руках. Посыпались удары на спины молящихся. Сначала молящїеся как будто дрогнули, произошла паника<sup>8</sup>... Но нашлись люди, которыя обратились с призывом ко всем молящимся, говоря: «Лучше умрем все, но не отдадим с[вя]таго храма в руки нечестивых еретиков». Этот призыв воодушевил всех молящихся, и они остановились на своих местах, и зделались неподвижными несмотря на то, что удары не переставали сыпаться на их спины. Сколько не свирепствовали посланники архїеп[и]ск[о]па Аркадія, но изгнать из храма верующих не могли. Тогда посланницы привезли пожарныя машины, из которых и начали молящихся поливать водой. Сколько страдальцы не отстаивали своей дорогой им с[вя]тыни, но перед физической силой // гонителей устоять не могли. Д[е]нь въ это время был ясный, солнечный, но как только изгнали из храма всех верующих молящихся хр[и]стїанѸ, къ их печали и скорби как будто присоединились и н[е]б[е]сныя стихійныя силы. Н[е]бо заволклося тучами, и загрохотал гром, разразилась страшная гроза, и н[е]бо оплакало дождевными каплями угасающую благодать. Спустя несколько, в 1871 г[о]д[у], церковь эта сгорела.

ИѸвъ вѣл кроткую жизнь ѿшельника. В трудную минуту тяжелой жизни угнетенных к нему приходил всякїй, кто только хотел, и каждого он успокаивал и подкреплял в тяжелой борьбе. Вера тогда, несмотря на гоненїе, укреплялась. 4 сентабра 1751 г[о]д[а] по долгой болезни почи ИѸвъ о Г[о]с[по]дѣ, и бысть велїй плачь среди верующих. Прошло более полуторых столетїй, но могила подвижника ИѸва не забыта. Старообрядцы сохраняют её как великую с[вя]тыню. Въ Нижнем Тагиле ежегодно на 29 маѣ, на д[е]нь его анг[е]ла, и 4 сентабра, на д[е]нь // его смерти стекается до 5000 народа для поклоненїя его гробнице. Самыя жестокїя преследованїя николаевских времен не могли воспрепятствовать совершенїю богослуженїя на могиле его. Гонители, видя, что ничего не могут зделать, задумали сжечь прах чтимаго под-

<sup>7</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле Ленек — резиновая трѣбка с толстыми стенками, орѣдїе наказанїа. Средина этой трѣбки пѣстаѣ, набивается песком или наполняется водой;

<sup>8</sup> слово помечено знаком дуги, под тем же знаком на левом поле пояснение переполох, замешательство;

вижника. В ночь на 26 сентя[ря] 1841 г[о]д[а] они *откопали* могилу. Но как *гласит* преданіе, совесть заговорила в гробокопателях и какаятю чудодейственная сила не дала совершиться злomu делу. Тело оказалось нетленным, и на гробокопателей напал такой ужас, что они не могли двинуться с места, руки *оказались* повиноваться, ноги дрожжали, и им казалось, что *от* тела исходит яркій свет. Им чудилось, что пламя огня вылетает из могилы и опалает их. Они в ужасе разбежались и *отказались от* своего намеренія. Могилу старообрядцы поспешили зарыть. Над могилой был воздвигнут летній храм. С тех пор на могилу о[т]ца Юва всё больше и больше стекалось // богомольцев, и ничто не могло препятствовать богослуженію. л. 21

## О с[вя]щеннике Симеоне и о иноке Аврааміи.

### Часть<sup>ф</sup> 1, глав[а] 8<sup>х</sup>.

Предреченный с[вя]щенноиннок Никифоръ еще принял с[вя]щенноиноков, пришедших из Вятской губерніи<sup>ф</sup>: Симеона и Гавріила, перваго на Ирюм, втораго в Ишим. Сіи оба замучены в Тобольске. Один из них покоится в Шарташе, о другом же неизвесно где. Есть еще в ирюмской исторіи сказаніе о сем с[вя]щеннике Симеоне и о *отцѣ* Аврааміи, повествуется сице. Инок Аврааміи воспріа анг[е]льскій образ, сиречь пострижен бысть во иноки в монастыре Долматове, и ощутив новопреданныа Никоном патрїархом перемены, абіе бежа из монастыря и прїиде на Ирюм, в деревню Ильину, в которой еще было тогда три двора. А из Кодинскаго монастыря бежа новин ради инок Іоаннъ, и прїиде в ту же деревню Ильину, и виде *отца* Авраамія, и бысть ему сожитель. Живущим же им ту неколико время и услышавше *от* некоего // хр[и]столюбца, что есть у нас на Кармаках деревня Павлова, и *от* нея вверх по речке Кармаку есть пустыя места и удобныя для обитанія пустынножителей. Того ради Авраамій со Іоанном идоша тамо, и тамошній жители хр[и]столюбцы доведоша их до оных пустых мест, до острова некоего, окруженнаго болотами неудобь проходимыми великими. Они *ж[е]* на острове том во глубине темных лесов соградиша келію, и начаша жити ту, и жили много лет. По сих инок Іоаннъ *о[б]иде* ко Г[о]с[по]дѣ, его же возлюби, его *ж[е]* ради бегая житеискія молвы, и суеты, и новин, и ту погребен бысть. После скончанія Іоанна попущеніем Б[о]жїим учинено бысть на о[т]ца Аврааміа доказаніе в Тобольск, и прїехали воины послан-

<sup>ф-х</sup> написано на правом поле, ниже Родословна;

<sup>х</sup> исправлено, в рукописи губерни;



л. 22 ня, и емше о[т]ца Авраамїа, и увезли в Тобольск, и был тамо не-  
 малое время под стражей. В то время был некїи инокъ, именем Ка-  
 лина, и услыша о о[т]цѣ Авраамїи, и // положи Б[о]гъ в с[е]рдцы его  
 жалость о нем, и поехал в Тобольск, и уведа, где пребывает о[те]цъ  
 Авраамїи в никонїанской церкви. И прїиде тут, и взял его на крыль-  
 цы под верхнюю одежду, и так унесь инок Калина о[т]ца Авраамїа,  
 и привезе его на Ирюм в деревню Ильинѡ, где и жил он до самой  
 своей смерти. При смерти же бл[а]г[о]с[ло]вилъ послушника своего  
 Тарасїа книгами и с[вя]тыми иконами и исправлять мирскїя нужды.  
 При конце своей жизни прорек уч[е]н[и]ку своему о смерти своей  
 и завеща о погребенїи его тела, гл[агол]а: «Как я скончаюсь, увезите  
 плоть мою, где азъ жил, в пустыню на остров, идеже погребен брат  
 мой Иоаннъ, тамо и мою плоть погребите». Таже гл[агол]а уч[е]н[и]ку  
 своему и Семѣну Ивановичу: «Как вы повезите гроб мои чрез леса,  
 л. 22 об. и *будет* на вас страх велїй, ибо *встанет* буря велїа, и *будет* лесъ  
 ломать наперед и назад, вам *ж[е]* никоего вреда // *не будет*», еже  
 и бысть. И как доправили по заповеди его гробъ его до места, тут  
 и погребли, приняли бл[а]г[о]с[ло]венїе и возвратились в дома своя.  
 ѿ мощи *ж[е]* Авраамїевых протекли цельбы с верою приходящим.  
 И почтил Г[о]с[по]дъ Б[о]гъ плоть Авраамїа и Иоанна нетленїем. Тако  
 мы имеем извещенїе о таковых угодниках Б[о]жїихъ, что в наших ме-  
 стах таковїи явишася нам на утверженїе, котория учили согласно съ  
 бл[а]гоч[естивыми] учителя, со с[вя]щенником Ѳеодосїем, который  
 был на Дону. О[те]цъ Авраамїй посылалъ на Донъ къ с[вя]щеннику  
 Ѳеодосїю по с[вя]тыа тайны два краты Иоанна Коробейника дерев-  
 ни Павловой. Тако мы уверены ѿ о[тц]овъ древних о с[вя]тых тай-  
 нах и о воде Б[о]гольвенской ос[вя]щенной. И было до лет старости  
 Тарасїя. Тогда инок Тарасїй говорил людем: «О[т]цы и братия, даю  
 вам совет и порядок, вам, мирским людем, надо с[вя]щенника». В то  
 л. 23 время прїехалъ съ заводу о[те]цъ Корнилїй // Ипатив. А на заводах  
 тогда в Черзову\* ревизїю было гоненїе велїе на хр[и]стїан. У Корнилїа  
 было тогда два послушника, Авраамїй да Моисей. И как прїехал,  
 и говорил людем: «Народ православныи, надо нам с[вя]щенника»,  
 чему люди были согласны, то и посылали на завод по с[вя]щенника  
 Симеона, и привезли на Ирюм, так прїехав ко о[т]цѣ Тарасїю. Инок  
 Тарасїй бл[а]г[о]с[ло]вилъ о[т]ца Симеона книгами и образами, и пра-  
 вил Симеон нужды мирскїа. И было жизни Симеоновой на Ирюме  
 15 лет в деревне Саломатовой. Потом соделался на него доказ, и увез-  
 ли его в Тобольск, и там во узах скончася. О сем с[вя]щеннике Си-  
 меоне и о предреченном о[т]це Авраамїе еще воспоминает во своем  
 письме Мирон Иванович Галанин, ирюмскїй житель. Пишет он по  
 освобожденїи ѿ заточенїа Стефану Ивановичу Тюменскому сице.

Г[осподи] І[сусе] Х[ристе], С[ыне] Б[ожий], п[омилуй] н[ас]. Аминь<sup>4</sup>. Глав[а]<sup>м</sup> 9<sup>м</sup>. БратѸ моему д[у]ховному, ревнителю древних преданій, другу моему пр[и]сному Стефану Ивановичу о Г[о]с[по]дѸ // радоватися д[у]ховно, о вере хр[и]стїанской веселитися. Во-первых, посылаю поклон *от* лица моего до сырой земли, прошу Творца Небеснаго, дабы послал вам жизнь мирную, телеснаго здравїя и душевнаго спасенїя. Пишу со слезами *от* радости, друже мой присныи, что сподобил мя Г[о]с[по]дѸ Б[о]гѸ видеть родный мой край. Много было горя, когда я находился в городе Тобольске, кругом люди веры с нами не одной. Как лютыя возставали звери на нас в Знаменском монастыре, при Пятницкой церкви томили во оковах нас со иноком Іоакимом дважды, вся улица было увещанїе, дабы нам принять новые обряды Никоновы. И еще разныя были пытки, которые устроены при келїях монастырских. ВѸ *этом ж[е]* монастыре Знаменском 1653 г[о]д[а] находился первый наш подвижник и страдалец за истинную веру протопоп Аввакум. Здесь он служил слѸжбу по старопечатным книгам три года. В 1656-м году // присланы новые служебники. Аввакум стал Ѹкрыто обличать духовенство и народ. Тогда его выслали из Тобольска по приказу Никона патрїарха во *отдаленныя* места, в дальнюю Украину, на границу Китая. Много было выписано жития Аввакумом из архивы записей сибирской исторїи, листов 119. Видел и те монастырскїя темницы, где томили и морили нашего страдальца инока Авраамїя и с[в]ященника Семеона. С[в]ященника заморили голодною смертию. Видел все, как колодников тиранят по рассмотренїю сибирскаго губернатора Самойлова. При мне одного мниха из Малороссїи, Феофилакта колодника, закованнаго железными цепями, под караул строгїй привезли в Тобольск и били плетями. Участвует при всех тиранствах архиерей Павел. В Успенском м[о]н[а]стыри Долматовском я спрашивал мнихов: за что так жестоко мучат телеса мнихов? Мне сказали: за б[о]гохѸльство. Не знаю положенїе его. И нас тоже прикавывали кѸ колодникам // на железныя цепи за непрїятие новоизданных книг и новых порядков. Если прочитатъ дела Тобольскаго архива, по коей исторїи в 1755 и в 1770 годах, номер уголовного дела 115, страшные и зверскїе поступки властей как духовных, так и гражданских боюсь и описывать. Как с нами в 1700<sup>б</sup> обращались власти престола ц[а]рскаго, царицы Елисаветы<sup>4</sup> Петров[ны], какїе строгїе меры были приняты в 1744 год[у]. Мы пла-

<sup>4</sup> исправлено., в рукописи Амминь;

<sup>м-ш</sup> написано на правом поле;

<sup>б</sup> слово помечено знаком v, под тем же знаком на левом поле год неизвестен;

<sup>4</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле Елизавета Петр[овна] ц[а]рствовала в 5 и 6-м десятке 18 века;

тили двойной оклад за веру, с 1752 год[а] законом нам приказано было носить особое платие, и со знаками, все это мы с терпеніем пережили. Когда настало время тишины, съ воцареніем императрицы Екатерины второй в 1762-м г[о]д[у], нам дарована свобода. В 1764-м год[у] был отменен двойной оклад за веру, разрешено всем крьющимся хр[и]стїаном возвратиться на родину. И мне, грешному и недостойному, сподобил Г[о]с[по]дь пользоваться милостию царицы Екатерины, освободили и меня на свободу из Тобольских казематов // м[о]н[а]стырских. Славить нужно Всевышняго Б[о]га в м[о]л[и]твах и молиться за державную императрицу, за здравіе ея. Во время моего пребыванія в Тобольске у нас на Ирюме много изменилось. Было сильно строго, молились ночами, собирались тайно. Теперь радость, молимся открыто. В Кокушках хотят строить часовню. Был совет на Башкиле, советовали строить. Есть у меня письмо из Старого завода, там заводскіе хр[и]стїане посылали инока схимника о[т]ца Маѣима в 1765-м год[у] в Москву для розысканія истинных с[вя]щенниковъ. И они, заводскіе, нас приглашают на д[у]ховный совет, который назначен в 1775-м год[у] около Сретенїа Г[о]с[по]дня. У них там есть с[вя]щенники, правленныя от ереси, некоторые сомневаются о них. Да раздорники творят раздел ц[е]рковныи, сохрани нас Г[о]с[по]ди от такового раздора. Когда гоненія были, тогда некогда было выдумывать разныя крамолы, нужно токмо радоваться. У нас на Бешкиле проявляются поморцы перекрещеванцы, хулят наших хр[и]стїян, крестят вторично // всякаго. Крестят, становятся ко с[вя]тым иконам задом, кр[е]сть Х[ристо]въ хулят, на котором титла Пилатом написана, С[вя]таго Д[у]ха во образе голѣба на кр[е]сте отвергают, Б[о]га Саваоѳа не прїемлют, при смерти женскїй пол одевают всякую девицей и плетут хухлю<sup>6</sup>. Наши уложенія бывших пр[и]снопамятных мужей: иноков Авраамїя, Іоанна и Тарасїя хулят, запасныя с[вя]тыя тайны и воду Богоявленскую не принимают... Друже, приезжай повидаться к нам на Ирюм к Б[о]гоавленїю. Пиши, что новое у вас по Кармаку<sup>7</sup>. Вам единомысленныи по вере духовныи брат Мирон Галанин. 2 октябр[я] 1774 год[а]<sup>8</sup>.

// ☩ Миронъ Ивановиче Галанинъ пишет Николай Николаевич Покровскїй въ книгу, созаглавленной «Пѣтешествїе за редкими кни-

л. 25

л. 25 об.

л. 1  
вставной

<sup>6</sup> слово помечено знаком ѵ, под тем же знаком на левом поле косу;

<sup>7</sup> исправлено, в рукописи Каралаку;

<sup>8</sup> между л. 25 об. и 26 вложены 2 листа с оборотами с собственной нумерацией, текст которых посвящен М. И. Галанину и написан другим почерком. Мы помещаем эту вставку в соответствии с припиской тем же почерком после окончания текста вставки на л. 2 об. вставном Етѣ повѣсть ☩ Мироне И[вановиче] нѣжно вставит[ь] въ 9-ю главѣ 1 части после письма Мирона Иван[овича] къ Стефанѣ;

гами». Москва, «Книга», 1984<sup>а</sup>, стр. 41. «Има Мирона Ивановича Галанина впервые поавлѣтса въ сѣдебно-следственных материалах Тобольской консисторїи на грани 1740-х и 1750-х гг. Въ это время въ деревнях, затерянных среди обширных болот и лесовъ Тюменскаго оуезда, вокрѣгъ Мирона Ивановича складывалса одинъ изъ очаговъ сопротивленїа дѣховнымъ и свѣтскимъ властямъ. Проповедь Галанина оувлекала в далѣкїе лесные избѣшки многих христїанъ, оубегавших ѿ налоговъ, ѿ притесненїа поповъ «щепотников»...<sup>ѿ</sup> главнымъ тайнике<sup>IIIа</sup> Мирона Ивановича, расположенномъ вдали ѿ населѣнныхъ мѣстъ — «междѣ непроходимыми и великими болотами на островѣ въ в великихъ лесахъ въ двѣхъ избѣшках... донесъ въ Тобольскѣю консисторїю церковный дѣлачокъ села Карматскаго Антонъ Байболовъ в марте 1754 г.: // Миронъ и Михайлъ «на оувещанїа не склонились... церковь (никонїанскую) называли еретической». Мало того, Галанинъ даже называлъ при етомъ самого тобольскаго митрополита халдеемъ!<sup>б</sup> Не осиливъ своихъ идѣйныхъ противниковъ въ ѿкрытомъ споре, цѣрковники прибѣгли къ болѣе привычному методѣ оубежденїа и вызвали военнѣю командѣ во главѣ сѣ самимъ тюменскимъ воеводой: Галанинъ и патеро его товарищей были арестованы въ декабре 1755 г. Первое заточенїе Мирона Галанина было очень длительнымъ и мѣчительнымъ. Онъ смогъ опять вернѣтса на родинѣ, на Ирѣюмъ, лишь черезъ двадцать долгихъ лѣтъ, претерпевъ въ тобольскихъ казематахъ немало пытокъ и истязанїй. 2 октября 1774 г. ... онъ сообщаетъ своемѣ дрѣгѣ Стефанѣ Ивановичѣ Тюменскомѣ: «Пишѣ со слезами ѿ радости...» Много позднее, въ 1784 г. во время новыхъ дѣхов//но-полицейскихъ оувещеванїй ѿбратилса въ православїе (въ никонїанст[во]) Миронъ Ивановичъ ѿвѣщавалъ с[вя]щенникамъ, что ѿставалса твердѣ и въ болѣе тяжелыхъ испытанїяхъ: «и голова-де оуже мол на плахе была, и кнѣтомъ битъ неоднократно, и руки въ хомѣте были, и рога на шею носилъ, и въ книги ваши, росписи д[у]ховные (православныхъ прихожанъ<sup>в</sup>. — Н. П.), менѣ не пишете...» Миронъ Галанинъ и его дрѣзѣа опять попали подѣ арестъ, длительность котораго намъ неизвестна. Оумеръ Миронъ Ив[анович] Галанинъ въ 1812 г. Миронъ

л. 1 об.  
вставнойл. 2  
вставной

<sup>а</sup> здесь и далее на вставныхъ листахъ с текстомъ «Путешествїа за редкими книгами» даны в рукописи переданы арабскими цифрами;

<sup>IIIа</sup> на правомъ поле стр. 43;

<sup>б</sup> слово помечено цифрой 1), под той же цифрой на нижнемъ поле сноски изъ цитируемой книги Н. Н. Покровскаго аттестациа, весьма оскорбительная для каждаго, почитающаго Ветхїи завѣтъ. Далее дописано техническое указание пропѣскъ, надо въ строки;

<sup>в</sup> слово помечено цифрой 1), под той же цифрой на нижнемъ поле вмѣсто православныхъ надо никонїанскихъ;

<sup>г</sup> на правомъ поле стр. 46;

Галанинъ хорошо владеть перомъ. До 1970 г. намъ были извѣстны лишь выдержки из его обширнаго историческаго сочиненія, процитированные Нифонтом въ «Родословіи» (само это сочиненіе до сих поръ еще не найдено)<sup>1</sup>. Стр. 44. Гордо и стойко перенесшіи все мѣки христіанинъ пользовался в Юлѣторовскомъ // оуѣздѣ огромнымъ влѣаніемъ и оумело использовал свой нелегко добытый престижъ м[у]ч[е]ника. Стр. 48. Маршрѣт нашъ пролегалъ черезъ родное село Мирона Ивановича. И стоило назвать его има, какъ събнарѣжилось удивительное: одинъ старикъ тѣтъ же принесъ изъ дома недавно переписанное имъ сочиненіе Галанина, дрѣгой объяснилъ, какъ пройти къ его могиле. //

л. 2 Об.  
вставной

продолжение  
л. 25 Об.

### ☩ Мироне Ивановиче Галанине.

☩ сем Мироне Ивановиче пишет Іуліаніа Акиндиновна, по накрытїи мат[ѣ] Іулита, дщерь черн[оризца] Аврааміа. Мирон Ивановичъ жил в деревне Кирсановой, он и основатель еа, зане первый тут поселился. От Тюменя верст 70. Тут он и конец житїю прїам, и погребен бысть. И по некїих летех от преставленія его ископавше гроб его и обретоша мо//щи его нетленны, токмо у одной руки мизинец изотлелъ. И пренесоша их на ино место належащаго ради от еретик гоненія, скрыша могилу его, и поставлена бысть на ней часовня и крыша большаа Антоніем Васильевичем Калмыковымъ Тюменским, а в часовне поставлен памятник его, якобы кр[е]сть пр[е]стольный, и приходящїи с верою достают с могилы земли и получают исцеленіе. В той Кирсановой дер[евне] была поставлена обитель Мироновска девическа, в ней д[е]в[и]цы жили, потомство Мирона Иванов[ича], до советской власти, а потом всё нарушилось.

л. 26

### ☩ основателях Оурала. Глава 10. Родослов[ная].

Предзнаменаныи ж[е] с[вя]щенноиннок Никифор еще принял с[вя]щенноиннока Якова. Сей продолжал жизнь свою в Невьянске, управляя паствою християнъ. И тако почи о Г[о]с[по]дѣ, живыи более ста лет, сотвори велїи плачь и рыданіе всем, живущим окрест его. Первїи основатели // были около Урала мниси, постриженыа с[вя]щенноинноком Софоніем преждереченным, суть сїи: иннок схимник Ипатїй и братия его, тоже иноцы схимницы: Евфимїй, Антонїй, Филарет, Пахомїй и Досифей, и прочих до тридесяти иннок... Сїе заимствовано

л. 26 Об.

<sup>1</sup> далее зачеркнуто составлено, негда стало писать;

с рукописи ирюмского жителя Мирона Ив[ановича] Галан[ина], известного летописанія о сих о[т]цах не обретено, точію един нам известный инок схимник Паисей Заверткин, словущій во о[т]цех и изуграф искусный, который довольно остави по себе уч[е]н[и]ков. Первый из них инок схимник Грігорій Коскин.

### ☩ иноке схимнике Григоріе.

Сей<sup>е</sup> Григорій был из крепостных крестьян Невьянского завода, по фамиліи Коскин. Молодость провел за извченіем иконописи, зделавшись впоследствии недюжинным живописцем. Иконы его работы на Урале ценятся очень высоко. Он первый усовершенствовал на Урале // искусство художественной иконописи. После принятія иночества уже в средних летах Григорій удалился на Веселые горы, где и прожил до самой кончины. Новым поломникам богомольцы охотно показывают то место около огромнаго камня Потной горы, где в пещере между камней обитал отшельник. Потная гора считается почти самой высокой горой среди возвышенности Среднего Урала. Летом инок Григорій писал иконы на вершине одной из скал, которая сохранилась в том ж[e] виде до сих пор. Он умер в 1731 г[о]д[у] 4 сент[я]б[ря] и похоронен около своей пещеры.

л. 27

### ☩ иноке схимнике Максиме.

Предреченный ж[e] инок схимник Маѣимъ родом был из нагайских татар, 1724 г[о]д[а] был взят в плен российскими войсками. Он поступил в услуженіе к Змееву, по распоряженію котораго кр[е]щен и наречен Михаилом. Он обучен был // грамоте и письму в совершенстве, познакомился со старообрядцами и, познав неправоту своего верованія, он тайно бежал и пришел в Нижнетагильскій завод, где и был принят с[вя]щенноиноком Ісѣвом, который облек его во иноческій образ\* и нарек Маѣимъ. По смерти о[т]ца своего духовнаго с[вя]щен[но]инок[а] Ісѣва новоначальный инок Маѣим поступил в скит, недалече отстоящій от Черноисточинскаго завода, ко иноком, ту сущим. За дальность времени неизвесно нам о именах их. Иноку схимнику Діонисію правящу тогда, и пребысть у них в послушаніи довольное время. По смерти бывшаго у них в ските настоятеля по общему всех их согласію и убедительной просьбе вручися о[т]цѣ Маѣиму строительство и управленіе общаго житія

л. 27 об.

<sup>е</sup> на левом поле ждри[ал] К8знец[ова] истор. пост.;

\* слово подчеркнуто, на левом поле дано также подчеркнутое пояснение чинъ;

- того скита. Бл[а]гаго ради разсужденія его многіе четы инок собира-  
 л. 28 шая к нему, аще и не совокупно во едином месте живяху, но раз-  
 сеянно ради належащаго тогда // гоненіа, обаче вси окормляхуся  
 бл[а]гаго разума его наставленіем. Также инокъ схимник Паисей,  
 пришеды с Кержени со о[т]цем Никифором, наполниша уральскія  
 хребты иноками, насаждени беша пустыни обоего пола подвижней-  
 шими о[т]цами и м[а]т[е]р[я]ми... Спостники ж[e] бяху и современ-  
 ники иноков схимников Паисія и Маѣзима, словущих и знаменос-  
 ных о[т]ецъ, а именно: иноки схимники Иона Городецскій, Евфимій  
 Сибиряк, Андреян, Ѳеодул, Герман, Деонисій, Иоаким страдалец,  
 Григорій Коскин, Пахомій, Герасим Никифоров, Антоній страдалец.  
 Сїи вси беша сильнїи, и словущїи в слове ученія, и в житїи искуснїи,  
 единомудреннїи и согласнїи в слове ученія, а простых иноков было  
 л. 28 об. безчисленное множество. Старообрядческим<sup>3</sup> скитам, помимо раз-  
 бойников, которые нападали на скиты, грабили, даже и убивали  
 скитников, // не менее, если не более, еще угрожали преследованіе со  
 стороны властей. Бывали случаи, что в скитах настигали паломников  
 за молитвой, и тогда их вместе с иноками отправляли в уральскія  
 застенки, главным из которых являлась Невьянская башня. Там их  
 подвергали разным допросам и пыткам. Етой участи не избежал инок  
 схимник Маѣзим. Его скит был разыскан властями и разорен. Часть  
 его сподвижников разбежались по лесам, остальные вместе с ним  
 были арестованы и посажены в Невьянскую башню. Пребываніе  
 в ней в то время было почти равносильно смерти, если не от пыток,  
 то от голода и холода. Каземат, в котором томился инок Маѣзим, был  
 сырой и холодный, с каменным полом, он даже зимой не отапливался.  
 Только благодаря сердобольным почитателям он избавился от мучи-  
 тельнаго застенка. Ему устроили побег, после котораго он удалился  
 л. 29 уже // на Веселые горы, в самую непроходимую лесную и болоти-  
 стую глушь. Но стойкіе и твердые в достиженїи даже трудных целей  
 почитатели нашли его и здесь. К нему из близи и издалека стал сте-  
 каться старообрядческїи люд, и слава подвижника с Веселых гор бы-  
 стро стала расти. По тайным тропам, по непролазной чаще, по топ-  
 ким болотам и горам пробирались они за д[у]ховной пищей к старцу,  
 кто с тяжелым грехом, чтоб покаяться, кто за советом. А когда умер  
 старец, шли на поклоненіе к его могиле. Умер он 27 мая 1783 г[o]д[a]  
 глубоким старцем. По преданїю<sup>4</sup>, он хлеба совсем не елъ, а питал-  
 ся лиш овощами. Свидетельствуют, что он был большим знатоком

<sup>3</sup> на правом поле журн[ал] Кузнец[ова];

<sup>4</sup> слово помечено знаком v, под тем же знаком на правом поле пояснение по слы-  
 хамъ;

С[вя]щеннаго Писанія и написал несколько полемических\* книг, которыя до сих пор имеются в библиотеках некоторых старообрядцев на Урале. Есть также преданіе, что по смерти инока Маѣзима тело его хотел вырыть из могилы с съжечь впавшій в ересь невьянскій житель Василій // Стариков, но когда он приблизился к могиле подвижника, его обуял такой ужас, что руки *отказались* повиноваться. Но тем не менее старообрядцы узнали о кощунственном намереніи Старикова, и когда вскоре умер брат еретика, то даже его старообрядцы, вышедшіе толпой навстречу похоронной процессіи<sup>†</sup>, не допустили на старообрядческое кладбище...

л. 29 об.

Инок схимник Маѣзим роста был средняго, похоронен на Веселых горах, на его могиле на 27 іюня ежегодно собирается богомольцев до 7000—8000 ч[е]л[ове]къ. Сему равно собираются и на прочих могилах иноков: Германа, Григорія и Павла Убіеннаго.

## Ѓ иноке Павлѣ Оубіенном. Глав[а] 12<sup>м</sup>.

Сей инок Павел бе родом из крестьян Бродовской волости, Верхотурскаго уезда, был крепостным Невьянскаго завода. Место, иде же живяше старец, на Рябиновой горе, бѣ блатно, и терпяше мраз и зной, пребывая без покрова зиму и лето. Одной из его посетительниц постоянных была родная сестра, которой он од//нажды сказал, что в следующій свой приход она его уже в живых не застанет. Слова его, по преданію, пророчески сбылись. Он был найден с пробитой головой. По одной версіи, старца убил его же послушник, пришедшій на Веселые горы с преступною целію, по другой версіи<sup>‡</sup>, он убит лесообъещиком, также кем-то подкупленным. Убит он в 1830 г[о]д[у]<sup>°</sup>.

л. 30

Прочее ж[е] от устнаго преданія воспомянем. О сем бл[а]женном Павле поведана инок Валентин о[т]цѣ Нифонту. «Егда, — рече, — о[те]ць Павел огради мя своим кр[е]стом, тогда ощутих в себе аки стрелу, прошедшу от главы даже до ногу». Сія поведана нам о[те]ць Симеон, слыша у о[т]ца Савы, сей же от о[т]ца Нифонта. Бысть

\* слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле Полемика — спор по какому-либо вопросу;

<sup>†</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле Процессія — торжественное многолюдное шествіе (собраніе);

<sup>‡</sup> на левом поле Пятник. Исторія;

<sup>°</sup> слово помечено знаком v, под тем же знаком на нижнем поле Версіа — более вероатное сказаніе;

<sup>°</sup> на правом поле дожде Исторія;



л. 30 об.

*ж[е]* сей милостив, яко *ж[е]* поведѣ нам м[а]ть Флина: «Егда бо собирахуся хр[и]стѣане на могилы прежде почивших о[т]це[в] Германа, Маѣма, Григорія, приношахъ ему м[и]л[о]стыню, различныя снѣди, он *ж[е]* раздающе тѣмъ требующимъ, видяще сѣя подающе ему, яко даемаа ему раздае прочимъ, умыслиша подати ему м[и]л[о]стыню по ѿ//хожденію людей, да не имать кому раздавати. И егда начаша сѣе творити, тогда в принесенныхъ ему сосудахъ с различными снѣдми являхуся различныя гады<sup>н</sup>. Они же недоумевахуся, откуда сѣя вхождаху, покровеннымъ бывшимъ сосудамъ. Он *ж[е]*, наказуя ихъ, г[лаго]лаше: “Аще бы сѣя принесли мнѣ прежде, и азъ бы раздалъ требующимъ, и вы за сѣя воспрѣли бысте отъ Б[о]га мзду, н[ы]нѣ *ж[е]* непотребна сѣя сотвористе, но к тому прочее сѣе не творите”».

Сей инокъ Павелъ преследуемый бе отъ никонѣи и всаждаемый отъ нихъ в темницу в Невьянске. И егда прилучашеся яту ему быти и ведену, тогда скорбяху и плакаху по немъ знаемой, он *ж[е]*, утешая ихъ, г[лаго]лаше: «Не скорбите о мнѣ, азъ бо помалѣ отпушенъ буду». И по прореченію его не по мнозе времени отпускаху его.

л. 31

О преставленіи *ж[е]* своемъ старецъ некимъ хр[и]столюбцемъ предрече: «Вы к тому не узрите мя в животе семъ. 2-го *ж[е]* сентѣбря приѣзжайте ко мнѣ на саняхъ погребсти тело мое». И збытсѣя его предсказаніе. На память бо св[я]таго м[у]ч[е]н[и]ка Мамонта, 2-го сентѣб[р]а, снегу необычно много напало, и прѣхаша // к нему на саняхъ и обретоша его убіена. И погребоша его, и часть отъ мошей его и рясу, в ней же убіенъ бысть, взяша на бл[а]г[о]у[с]ло[в]еніе, и, вложивше в ковчежецъ, поставиша на божницу в домъ некоей вдовы.

Еще съ писма м[а]т[ери] Флины. Иногда выходилъ инокъ Павелъ в Невьянск по некимъ деламъ и для душевнаго назиданія. Тамъ жили три девицы богоугодно, онъ к нимъ всегда заходилъ, верно сколько-то погоститъ, и по навету дѣяволу придутъ власти и его поведутъ. Д[е]в[и]цы заплачутъ: «Опять, о[т]че, тебя повели». Онъ скажетъ: «Не плачите, я вѣдъ съ Б[о]горо[д]ицѣй пойду, скоро вернусь». И посадятъ его в башню. Тамъ ему пищу давали мясную, и придутъ убирать посуду, а косточки рыбныя очудятся, и несколько дней пребудетъ, и выпустятъ. Ето продолжалось несколько летъ.

л. 31 об.

О преставленіи *ж[е]* своемъ старецъ некимъ хр[и]столюбцемъ, пришедшимъ к нему на посещеніе, предрече: «Вы к томъ не узрите мя в животе семъ. 2-го *ж[е]* сентѣбря приѣзжайте ко мнѣ на саняхъ, погребите тело мое». Они удивляются, что на // саняхъ, вѣдъ еще рано снегу быть. И збытсѣя его прореченіе: на память бо св[я]т[а]го м[у]ч[е]н[и]ка Маманта, 2-го сентѣб[р]а, снега необычно много на-

<sup>н</sup> над строкой знак +;

пало, прїехали к нему на санях и обретоша его убиена и погребоша его, и ноготь ☩ мошей его, и рясу, в неи ж[e] убиен бысть, взяша на благословеніе. И сіе ноготь и ряса хранилось в Невьянске у некія старья девицы в ящике. *Етот* ящик был хорошо устроен, покрашен голубой краской и в нем бархатом оклеено. «И вот мы, — пишет м[а]т[ь] Флина, — скали свѣчи в Невьянск, и со старостой познакомились, он нам предложил: “*Может* быть вы желаете, то я доставлю ящик с рясой *от[ца]* Павла вам, его теперь некому не надо”. И принесли, и поставили его мы в часовню, на левую сторону, а сверху поставили животворящїи кр[е]сть. И ящик стоял у нас года 3. А мы тогда жили на Ряжике, ☩ Невьянска верст 18, и когда приходили к нам люди, и которые были беснующїе, когда *будут* подходить и заревут. *Прїезжали* к нам черногорскїе старицы, // *просят* сколь-нибудь *отрезать* *от* рясы *от[ца]* Павла, и я кое-кому помалу резала, и осталась половина». Дозде м[а]т[ь] Флина.

л. 32

Далее повествует *от[ец]* Тимофей. А потом рясу ону м[а]т[ь] Флина привезли съ Урала на Порабель и на той займке, где они находились, были беснующїя. И жившїя до того в них нечистыя духи неявленно, а тогда они оказались в них и стали изнемогать и беспокоиться. И когда изгоняли беса из некоей старицы, сего ради молились службу с[вя]тому Іоанну Б[о]г[о]словѣ, за слѣжкой на бесную надели рясу *от[ца]* Павла, а беснью держали трое: *от[ец]* Тимофей, м[а]т[ь] Флина и Іоанн. И тогда бес закричал: «*Жмет* меня, *жмет*, вон Пашка *подходит*, *мучит* меня, *мучит*, опустите мне руки, и я в руки выйду», и ладошками зашшалкал, кричит: «Раз, два, три, шесть, девять», и вышел. Исцелешей *от* беса надо было берегчись и б н[е]д[е]ль никуда одной не ходить, а она пошла одна по грибы, и опять бес зашел в нее.

Ряса *от[ца]* Павла была завернута в шолковой шале, лежала в дому Іоанна Иларїоновича, (где обитали // старицы) на видном месте в переднем углу. И во время обыска в том дому, когда все вещи перетресали, а рясу не пошевелили, несмотря на то, что она была на виду и в шолковой шале. И посем *от[ец]* Симеон узнал о ней *от* Іоанна Маркеловича, испросил у м[а]т[ери] Флины сіе сокровище. И *оттоле* тая ряса находилась во обители нашей и нам ее показывал *от[ец]* Симеон. Она была холстенная, похоже как бы дубленая, толстая и заплатная (многoшвенная), окровавленная, видима на ней кровь. Но за наши грехи при разоренїи обителей в 1950-м г[оду] с прочей с[вя]тыней сгорела и она. Обаче немалыя части *от* тоя рясы сохранишася инде промыслом Б[о]жїим, и мы не лишихомся их. А ноготь о[т]ца Павла ☩ мошей его хранится в малом сосуде у *от[ца]* Тимофея. Слава Богу о всем.

л. 32 об.

Но если *ж[е]* вспомянули *отчасти* о иноках, Германе, Маѣиме, Григоріе и Павле, то потребно есть, судихом, зде рещи и о хожденіи паломников на Веселые Горы ради моленія, поклоненія честным их мощем, достойно бо есть воистинну удивленія!! Како Б[о]гъ л. 33 прославляющія его просла//вляет, ибо многіе сотни и тысящи со всех концев Россіи и Сибири ежегодно стекается богомольцев за сотни и тысящи верст. Сѹ молениях на могилах чтимых старообрядцами вышереченных иноков един *от* внешних, Василій Никитичъ Санин, никоніанскія веры, описа подробно все произхожденіе, который ездил туда токмо лиш для того, чтобы изобразить, яже виде и слыша, на хартии словом исторіи, яже *отзде* начинается сице:

### Исторіа Санина. Глав[а]<sup>р</sup> 13<sup>с</sup>.

Исторія Веселых Гор начинается с первых дней великаго раскола<sup>г</sup>. У одного уральскаго старожила старообрядца в дневнике так писано касающеся Гор. Во время реформы патриарха Никона сюда бежали ревнители старины, страшась монастырских тюрем, в которых узникам жилось не особенно хорошо, а также трясок, хомутов и огненных костров, на которых жарили последователей старины при Петре I-м. В диких и мрачных Уральских горах нашли пріют многіе уцелевшіе л. 33 об. *от* плахи и виселицы. Среди етих прише//льцов были и стрельцы, и бояре, и духовные, и крестьяне, все они здесь сравнились и слились в одну дружную и стойкую семью. Но и на Урале старообрядцем жилось не сладко. С лишком двухвековая исторія етого края полна кровавыми эпизодами, в которых жертвами являються старообрядцы. Не удивительно потому, что у них и здесь есть свои м[у]ч[е]н[и]ки, свои с[вя]тыни. К числѸ таких чтимых старообрядцами мест на Урале сѹносятся «Весёлыя Горы». Находятся оне на северо-западе *от* Екатеринбургa, в даче Верхне-Тагильских заводов и хорошо известны старообрядцем Урала и Сибири. Издавна каждой весной, едва распуститя пестрая уральская флора и просохнут безчисленные<sup>у</sup> горніе дорожки и тропинки, на Веселые Горы начинается паломничество для поклоненія останкам досточтимых *отцов*. Тысячи людей приходят поклоняться своим с[вя]тым, обретшим вечный покой среди грозной горной природы. Всех иноческих могил на Веселых Горах, по свидетел. л. 34 *ству* того же старожила, насчитывается несколько десятков, но

<sup>р-с</sup> написано на правом поле;

<sup>г</sup> слово помечено знаком ~, под тем же знаком на нижнем поле Писатель никоньянин называет нас, старообрядцев, раскольниками и расколом;

<sup>у</sup> буква и исправлена над строкой из буквы е;

из них особенно почитаемыя народом четыре: иноков схимников Германа, Маѣзима, Григорія и Павла Убиеннаго. Все они умерли в конце XVIII в. и в начале XIX в.

На этом дневнике прерываются историческія сведенія о горах. Но имеем мы и возможность несколько и дополнить их на основаніи распросов и бесед с местными старообрядцами. Местность, где находятся могилы упомянутых старцев, с незапамятных времен была сплош покрыта дремучим сосновым бором, и в довершеніе к этому, с[вя]тыя места сп[а]сенія и успокоенія отшельников были отделены от всего остального мира непроходимыми топями. Таким образом горы были надежным убежищем для ревнителей старой веры от преследователей, но в одно и то же время почти недосегаемыми для полонничества. И только фанатическа<sup>ф</sup> стойкость староо//брядцев творила чудеса, прокладывая неведомыя для непосвященных тропинки чрез всякія болота, каменные выступы гор и непроницаемую чашу лесной заросли. Затем по этим сокровенным тропинкам тянулись паломники, сначала къ уважаемым схимникам за советами, а после их смерти поклониться с[вя]тым могилам, или, как говорят старообрядцы, «попрощаться». Паломничество носило строго конспиративный<sup>х</sup> характер. Б[о]гомольцам буквально приходилось прокрадываться къ своим с[вя]тыням. Б[о]же упаси, если замечали местныя власти. Тогда начиналась охота на людей. Бывали случаи, когда паломников выслеживали и заставляли «на месте преступленія» за м[о]л[и]твой на могилах. Кончалось тем, что виновные откупались и их оставляли в покое до следующего раза... Об этой страничке печальнаго прошлаго старообрядчества на Урале нам привелось услышать от многих здешних // старожил. При таких условиях, конечно, невозможно было установить торжественное поминовеніе уважаемых покойников, приурочив его къ какому-либо определенному времени, а потому и поклоненіе совершалось въразброд, въ одиночку, как совершенно верно и образно повествуется в вышеприведеном отрывке из дневника: «каждой весной, едва распустится пестрая уральская флора<sup>а</sup>, просохнут безчисленныя горніи дорожки и тропинки...», т[о] е[сть] при первой возможности.

л. 34 об.

л. 35

<sup>ф</sup> слово помечено знаком ~, под тем же знаком на нижнем поле Фанатизмъ — страстная преданность своим верованіем, соединеная с крайне нетерпимостію къ чужим (исправлено, в рукописи жижим) убежденіямъ;

<sup>х</sup> слово помечено знаком ~, на левом поле таинственный; на нижнем поле под тем же знаком Конспиративный — тайный, подпольный, скрытый от официальных, т.е. правительственных властей. А въ ждрнале Златострѣй — таинственный;

<sup>а</sup> слово помечено знаком ~, под тем же знаком на нижнем поле Флора — совокупность всех видов растений какой-либо местности;

Так продолжалось много лет гоненіе, до 1905 год[а], когда наконец наступила *относительная* религиозная свобода, представилась возможность безнаказанно молиться и посещать Веселые Горы, установилось время торжественной памяти четырех схимников. Приток богомольцев сразу удесятился, были прорублены дороги, не только для пешаго<sup>4</sup>, но и для коннаго сообщенія. А в настоящее время земля под могилами площадію в пять десятин под каждой // выделена изъ посесіонных<sup>5</sup> участков и *отдана* в вечную собственность Верхнетагильскому старообрядческому обществу.

л. 35 об.

### Исторія могилы.

Если исторія старообрядчества вообще и в частности бедна строго проверенными и записанными фактами, то в особенности это убожество чувствуется при изученіи прошлаго уральскаго старообрядчества. Например, о прошлом Веселых Гор почти ни у кого из уральских старообрядцев не сохранилось никаких записей, все у них в преданіи, которое в большинстве случаев забывается со смертию свидетелей историческаго события и редко полностью передается слѣдующим поколеніям. Так, об иноке схим[нике] Германе, похороненом в 25 верстах от Невьянскаго завода, преданіе не сохранило сведеній, кто, откуда он был, и в каком году умер; по расказах старцев, он был строгій, постнической жизни, и смерть его *относят* к началу второй половины XVIII-го столетія. Вторая могил[а]. По пути на Веселые Горы находится // почитаемая могила инока схимника Маѣима. Об этом подвижнике у старообрядческаго начетчика Афанасія Трофимовича Кузнецова хранится такая запись.

л. 36

Инок-схим[ник] Маѣим был родом из нагайских татар, во дни россійскаго государя Петра Алексеевича, в 1724 год[у], будучи малолетным, был пленен российскими войсками. После он поступил в услуженіе к некоему Змееву, по распоряженію коего кр[е]щен и наречен сентября 6-го Михаилом, и по соизволенію Змеева обучен грамоте к письму, проживая в совершенной его милости и по экономіи и полной доверенности. Но познакомившись впоследствии со старообрядцами, Михаил от сего Змеева тайно отлучился, и, проходя городскія и пустынные места, наконец пришол на Урал в Нижнетагильскій завод, где в 1729-м год[у] и был принят в скит иноком Ісѡвом, удостоен иноческаго образа и наречен Маѣимом.

<sup>4</sup> исправлено, в рукописи пешако;

<sup>5</sup> слово помечено знаком ~, на левом поле под тем же знаком Посесіа - земельное арендное владеніе;

Получив оный, он проживал в лесах черноисточинских (смежных с нижнетагильскими) поблизости // с Черноисточинским заводом с бывшими там иноками в полном послушаніи. Позднее, по смерти бывшего у них настоятеля, по общему всех их соглашенію и прозбе, поступил настоятелем, коим служил долгое время. Впоследствии по случаю частых набегов на келіи иноков лесных разбойников Маџим з братію переселися в Нижнетагильскій завод, в дом известнаго всем хр[и]стїанина Андрея Рябинина, где и проживал до бывшего в 1759-м годѣ 2 мая в Ниж[не]тагильском заводе пожара, во время котораго выгорело<sup>м</sup> 250 дворов (ѣ дом Рябинина, по случаю чего перешол в жительство при том же заводе в дом к жителю Кушнову, у коего проживя не более двух лет, удалился в невьянскія леса, где уповательно в 1783-м г[о]д[у] хр[и]стїанскою кончиною умер).

л. 36 об.

Во время проживанія своего в Н[ижнем] Тагиле инок схим[ник] Маџим не оставался бездеятельным, он по прозбе старообрядцев в 1765-м год[у] ездил в Москву для розыс[ка] канѣл беглых священников и для навершенїа<sup>м</sup> справок о Грузинской земле. В Москве инок Маџим от[ы]искалъ грузинских архимандрита и протопопа, лично их спрашивал и уверился от них изо всех разговоров в том, что в Грузїи кр[е]статѣ в три погруженїа, и что духовенство постороннее не от каких мест не входило, а имеет своего патрїарха. При сем был невьянскій житель Иванъ Ив[анович] Голицын, который свидетельствует, что етот разговоръ слышал. О последних днях инока Маџима сохранилось преданїе, что он под конец жизни снова удалился в лес «на Веселые горы», где умер и схоронен вѣ 1783 год[у] в мае м[е]с[ц]а 27 день.

л. 37

Сѣбѣ иноке Григорїи — третия почитаемая могила — извѣсно, что он был иконописецъ и что умер в 1731 год[у]. Сѣбѣ иноке Павле, несмотря на то, что умер он позднее других, а именно в начале XIX столетїа<sup>4</sup>, сохранилось очень мало сведенїи. Извѣсно, что незадолго до смерти на Веселых Горах его посетил житель Невьянскаго завода О. И. Карфидов, которому он сказал, что более его в живых не увидят, и заповедал похоронить его где жил, на болотистом // месте под открытым небом, зимою и летомъ. Вскоре после етого подвижника нашли убитым. Вот и все, что знают современнїя старообрядцы о своих так горячо почитаемых и широко популярных<sup>5</sup> подвижниках «Веселых Гор». И те немногїя сведенїя, приведенїя выше, добыты нами сѣ величайшим

л. 37 об.

<sup>м</sup> исправлено, в рукописи выголело;

<sup>н</sup> на нижнем поле которое вѣ скобках, добавлено ѣ писанїа некоего уверившагоса о иноке схим[нике] Маџиме от одного его уч[е]н[и]ка;

<sup>м</sup> на правом поле наведенїа, оба слова подчеркнуты;

<sup>н</sup> в рукописи ввстолетїа (буква с написана на месте точки);

<sup>н</sup> на нижнем поле популярность — широкаа известность, народный, полезный народѣ;

трудом путем вопроса всех более или менее сведущих ревнителей старины, присутствовавших на только что закончившихся торжествах на Веселых Горах. И с уверенностию можем сказать, что вся остальная пятидесятитысячная масса паломников буквально нечего не знают о прошлом Германа, Маѣйма, Григорія и Павла. Не правда ли, странным кажется на первый взгляд такая большая популярность и почитаемость иноков с так мало известным подвижническим прошлым. Я даже высказал свое недоуменіе на этот счѣт одному из видных старообрядцев. «Ето вы потомки Фомы Невернаго, ето вам подавай факты, выдумывай чюдеса и прочіа атрибуты<sup>10</sup> с[вя]тости, а старообрядца на Веселые Горы влечѣт чистая вера». И получив я *ответ*: «Что же из-за того, что старообрядцы // мало знают о них, но все мы знаем про них, и этого совершенно достаточно, а впрочим сами увидите», — закончил мой собеседник. И я действительно увидел, и всё виденное постараюсь пересказать по возможности объективно<sup>8</sup> и ближе к художественной правде.

л. 38

### Дорога на Веселые Горы.

Дорог къ с[вя]тым могилам на Веселых Горах много. Есть со стороны Верхняго Тагила, Ниж[него] Тагила, Черноисточинскаго, Уткинскаго и других заводов, но главною из них дорога из Невьянска. Сюда с[ъ]езжаются многочисленные богомольцы, как из ближайших местностей, так и из Сибири и *отдаленных* мест Россіи. Невьянск служит как бы сборным пунктом. В нем переночуют ночь, другую, *отдохнут*, сходят поклониться Наклонной башне, в которой, как гласит предание, долгое время томился в заточеніи один из старообрядческих подвижников, а затем уже начинается паломничество, в большинстве случаев пешком до первой на пути могилы Германа и т. д. *От* Невьянска началось // и мое паломничество къ старообрядческим с[вя]тыням. А также, между прочим, побывал я и на Невьянской Наклонной башне. Ето древнее, как и само старообрядчество, сооруженіе стоит того, чтобы о нем сказать несколько слов *отдельно*.

л. 38 об.

### Исторіа башни. Глав[а] 14.

Башне насчитывается 250 лет, она заключает собой один из углов стены, окружающей Невьянскій завод и составляет собствен-

<sup>10</sup> сноска 1, на нижнем поле следующей страницы атрибут — отличительная принадлежность, присвоенный кому или чему знак, предмет для отличія;

<sup>8</sup> сноска 2, на нижнем поле объективный ...2) безпристрастный, непредвзятый, соответствующій действительности;

ность этого завода. Первое, что бросается в глаза при взгляде на башню извне — это огромный наклонъ. Получается такое впечатление, что башня валится. *Отклоненіе от* прямого угла, насколько можно определить на глаз, не менее как на 5 градусов, *отсюда* названіе башни «Наклонной». О происхожденіи наклона *существует* две версіи. Одна, что под башней вскоре после ея<sup>IVa</sup> выкладки оселъ *грунт*. Другая, что башня с таким фокусом выстроена. Последнее несколько подтверждается тем обстоятельством, что на уральских заводах много таких наклонных башен, на протяженіи долгих столетий свидетельствующих // о былых чудачествах заводостроителей. Вторая достопримечательность башни — часы съ старинным механизмом с четырьмя циферблатами на все четыре стороны, просуществовавшіе два с половиной века. Каждую четверть часа прожитаго времени башенные часы извещают колокольным звоном. А через каждыя три часа звонят куранты. То и другое *даст* впечатленіе, чо башня живет, ея колокольный звон далеко слышан, и в настоящее время является почти единственным звуком, нарушающим мертвую тишину закрытаго Невьянскаго завода. Внутренность башни невольно *настраивает* на мистическій<sup>b</sup> лад, полутемный ход, ведущій через три этажа кверху, скрип древних половиц, а главное опять-таки *отделеніе*, где помещается механизм часов, — большая наглухо закрытая комната под самым куполом башни. Могильная тишина. *Отчасти* массивность<sup>a</sup> стен башни, *отчасти* значительная высота, абсолютно *складывают* все звуки земли. Единственный звук здесь — ритмичное<sup>c</sup> *отбиваніе* секундъ // огромной секундной собачкой огромнаго механизма, приводимаго в движеніе четырех-пудовыми гирями. Тикъ-такъ, тикъ-такъ, тикъ-такъ, — зловещемерно раздается в жилище вечнаго времени. А вы вслушивайтесь и невольно задумываетесь над назначеніем этого бездушнаго механизма, который вот уже с лишком два века *отсчитывает* каждую секунду<sup>d</sup> жизни. Вдруг неожиданно что-то забилося, затрепетало около вас, спугнув зловещую тишину и заставившее вас дрогнуть, это словно крылья времени, завертелся крылатый легулятор механизма, *отбивающаго* четверть, а затем снова все *смолкает*, и снова слышится до болезненности громко тикъ-такъ, тикъ-такъ. Перед глазами встает Андреевскій Некто в сером, и вам хочется скорее

л. 39

л. 39 об.

<sup>IVa</sup> исправлено, в рукописи я;

<sup>b</sup> на нижнем поле без знака вставки Мистика — таинственные обряды, таинство, вера въ сверх-естественное, б[о]ж[е]ственное, сверхчювственное. Мистицизм — враждебен науке;

<sup>a</sup> на правом поле толчина, оба слова подчеркнуты;

<sup>c</sup> на правом поле равномерное, оба слова подчеркнуты;

<sup>d</sup> первые три буквы написаны поверх стертых букв (мин?);



уйти. В среднем этаже башни есть отделение, долгое время служившее заводской тюрьмой. Вот в нем-то, по преданию, и был заключен старообрядческой подвижник старец Маѡим.

## Глава<sup>с</sup> 15<sup>с\*</sup>. Ѡ Невьянска до могилы Германа.

л. 40 Совместное паломничество по с[вя]тымъ // местам, меня судьба столкнула в первый раз. Но, будучи наслышан про ихъ религиозныя строгости и нетерпимость к иноверцам, я сильно беспокоился за возможность близко наблюдать все происходящее на Веселых Горах. На этот счет меня успокоили сами же старообрядцы, къ которым я обращался за советами, как поступить лучше. Главное, предупредили меня, не надо привлекать на себя вниманіе куреніем табаку и другими нетерпимыми старообрядцам еретическими занятиями. Я поспешил заявить, что охотно пойду на какіа угодно лишенія, только бы не повредить наблюденіам, и что Ѡнюд[ь] не собираюсь оскорблять религиозныя чувства старообрядцев.

л. 40 об. Тогда нашлись и такіе, которые помогли мне найти лошадь на все время паломничества. Мой возница — пожилой старообрядец, уже много лет подряд полоничающій на Веселые Горы съ детми и внучатами, изъявил желаніе принять на себя все хлопоты, даже по части запаса прови//зій и заботу по устройству ночлега. Отчасти ето была с его стороны любезность, а отчасти, как я потом заметилъ, желаніе контролировать<sup>3</sup> мои действія в смысле недопущенія еретичества. В конце концов я зделался чуть ли не членомъ семьи Григорія Селиверстовича (так звали моего возницѡ), оказавшагося очень симпатичнымъ ч[е]л[ове]ком, съ открытой приветливой русской душой.

л. 41 «Если ты, Василій Никитичь, хочешь увидеть наше торжество с самого начала, то нам надо выехать завтра, 25 июня, не позднее двух часов утра», — переходя попросту съразу на «ты», посоветовал Григорій Селиверст[ович]. И, получив согласіе, действительно в два часа уже был готов къ отправленію. Я поместился в одну тележку съ его старушкой женой и мы тронулись, остальные члены его семьи полоничали пешком, и на улицах Невьянска, и затем на протяженіи 25-ти верст до самой могилы Германа. Мы опережали сотни богомольцев обоего пола, мужчины, женщины и подростки шли живописными // группами. Слышались отрывки бесед на религиозныя темы.

<sup>с\*</sup> — написано на левом поле;

<sup>3</sup> на левом поле т.е. проверять, оба слова подчеркнуты;

Многя поломничали верхом. При встрече все без исключенія делали niskий поклонъ и провожали словами: «Спаси вас Г[о]с[по]дь». Тотчас за Невьянском дорога верст на 5 поднималась в гору и шла полем среди тучной колосячейся ржи. Вдали как раз перед нами чернел лесъ, къ которому мы быстро приближались, начинался теплый солнечный день. Быстро докатившеся до леса по сравнительно наезженной дороге, ведущей на один из прѣисков, мы свернули влево, в лес в просеку. Обстановка быстро изменилась. Восходящее солнце надолго скрылось за деревьями, снова наступила полу-тма, зделалось мрачно и спустя пол часа езды нас буквально заглотил в свои недра дремучий бор. Дороги почти не было, тележка то прыгала чрез пни и камни, то проваливалась в трясины, из которых приходилось выбираться с трудом, рискуя ежеминутно опрокинуться, в конце концов так и вышло. На одном из лесных // ухабов переломилась оглобля, лошадь рванула и наша тележка повалилась набок. «Вот это уже совсем некстати», — невольно вырвалось у меня. «Ничего, Василей Никитичъ, только бы не в последній раз», — невозмутимо добродушным тоном возразил мой возница и принялся подвязывать верёвкой оглоблю. Добродушіе, с которым Григорій Селиверстовичъ желал еще раз опрокинуться, как-то сразу придало комическій<sup>и</sup> оттенок произошедшему, а его разъясненіе к своему замечанію так и совсем развеселило и окончательно уничтожило горечь паденія. «Видите ли, я так понимаю, ну вот завалились мы теперь, да и сейчас же встали и снова поедем. А вот когда завалимся на кладбище, это уже будет в последній раз. Вот я к этому и говорю в подобных случаях, завалится, — это еще с полгоря, абы не в последній раз».

л. 41 об.

Седмидесятилетній старик за починкой оглобли применительно к случаю излагал свою своеобразную философію, сводившуюся к боязни смерти и комически звучащую в его древних устах. А я // одновременно слушал, мысленно переносился в далекое прошлое здешних мест, к первым дням жизни почитаемых старцев, и думал о непроходимости и могильной глуши лесных дебрей в то далекое время, путешествіе по которым и теперь еще сопряжено с риском завалиться в последній раз. Но мои сомненія на этот счет рассеивали многочисленныя поломники, опережавшіе нас, перепрыгивая с камня на камень, с одного пня на другой или вброд переходя, казалось бы, непроходимыя трясины, и при всем этом обязательный поклон поясныи в нашу сторону и пожеланіе «Спаси вас Г[о]с[по]дь». Приходило на умъ изреченіе, что «вера горами двигает», и я чувствовал, как на мое устроеніе неизбежно начинает вліять царящій вокруг религіозный

л. 42

---

<sup>и</sup> на левом поле смешной, забавной, оба слова подчеркнуты;

л. 42 об.

экстаз. Починились, тронулись дальше, и только после шестичасовой неимоверной тряски мы выбрались на сравнительно гладкую дорогу, насланую досками. Мой возница пояснил, что до первой могилы осталось не более двух верст. Ехать приходилось шагом, так как впереди и позади нас // шли огромные толпы народа. Вскоре до моего слуха начал доноситься непрерывающійся малиновый звон мелких колокольцев, очень напоминавшій пасхальный перезвон. «Опоздали мы с вами, Григорій Селиверстовичъ, иконы нас опередили. Вы слышите, звонят? Очевидно, началась уже служба», — заметил я своему вознице. Он на это улыбнулся и поспешил успокоить меня, что иконы еще не принесли, а относительно слышавшагося звона заявил, что он никакого отношенія къ службе не имеет, и что у них не звонят в колокола. А звон становился все слышнее и слышнее. Горизонт впереди расширялся, и быстро светлело, и мы из темной просеки выехали на большую, большую, буквально залитую утренними лучами йюньскаго с[о]лнца поляну. «Вот мы и пріехали», — сказал Григорій Селиверстовичъ.

### Глава[a]<sup>к</sup> 16<sup>л</sup>. На могилѣ ѿца Германа.

л. 43

Пред моими глазами открылось оригинальное<sup>м</sup> зрелище, поляна площадью десятин в 6, окру//женная сплошной стеной столетняго леса, отстоящая на десятки верст от жилых центров, представляла собой густо населенный табор. Во всех направленіях виднелись сотни повозок, полаток, дымились костры, и вокруг всего етаго копошилось безчисленное множество людей, мужчины и женщины, дети. Мои спутники, отыскав свободное место, принялись за устройство полатки и приготовленія пищи. Меня предоставили самому себе, и я весь отдался созерцанію. Сначала, пока не привык глазѣ, все окружающее носило хаотическій<sup>н</sup> характер, но затем, ориентировавшись<sup>о</sup> в шумном движеніи табора, я стал наблюдать некоторый порядок. Так, вновь прибывшіе хлопотали над устройством полатокѣ, другіе готовили

<sup>к-л</sup> написано на левом поле;

<sup>м</sup> слово помечено знаком ~, под тем же знаком на нижнем поле Оригинальный — первоначальный, прирожденный, самобытный. 1) подлинный, неподдѣльный. 2) своеобразный, странный;

<sup>н</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле Хаотическій — разстроенный, беспорядочный;

<sup>о</sup> слово помечено знаком V, под тем же знаком на нижнем поле Ориентироваться — опознать страны света, местность, определить свое место нахожденіе. 2) разобраться въ обстановке и обстоятельствах;

пищу. Большинство же, как видно было, к чему-то готовились, переоделись в чистое платие. Женщины все без исключения были в белых рубашках, черных сарафанах и черных же платках на голове. Мужчины бо//льшинство в длинных кафтанах, похожих на подряскиники православных<sup>а</sup>. Оказалось, ждали иконы. Со всех сторон большими толпами полонники направлялись под продолговатый досчатый навес, помещающийся в самом центре поляны. Войдя под навес, старообрядцы быстрым двезе́нием творили двухперстное знаменіе и клали земные поклоны по направле́нию простой деревянной колоды, под которой и покоился прах досточтимого старца Германа. Рядом лежит еще колода над могилой другого подвижника, имя которого не сохранилось для потомства. Простая старая деревянная колода да дырявая досчатая крыша над ней — вот и все, что олицетворяет у старообрядцев популярную идею<sup>б</sup> подвижничества, идею, которая влечет сюда, в уральские лесные трущобы с[е]рдца многих тысяч людей. Для меня, привыкшего чтить с[вя]тость, покоящуюся в драгоценных раках, в грандиозных<sup>в</sup> храмах, блистающих золотыми куполами, было несколько необычайно наблюдать трогатель//ное религиозное единение вокруг такого примитива<sup>г</sup>.

л. 43 об.

л. 44

Пока я осваивался с новизной обстановки и разбирался в разнообразных впечатлениях, захвативших меня всего, прошол добрый час времени. С[о]лнце было уже высоко, заливая теплом и светом с[вя]тлю могилъ и все окружающее. На н[е]бе не было ни облачка, разгорелся один из прекрасных июньских дней на Урале. Осмотрелся вокруг, населеніе поляны увеличилось вдвое с<sup>д</sup> момента нашего приезда, а из просеки сотнями вливались все новые и новые богомольцы. Было много движеніа. В воздухе носился рой различных звуков, а надо всеми нами, словно акомпанимент<sup>е</sup> тысяче-голосаго инструмента, ни на мгновение не прерываясь, плыл все тот же малиновый перезвон. Теперь я слышал, откуда он исходит в лесу, окружающем поляну. Там паслись тысячи лошадей табора, у каждой из них на шее был медный колокольчик, извещающий о каждом движе//нии лошади приятным позваниваніем. В общей сложности получался концерт

л. 44 об.

<sup>а</sup> слово подчеркнуто и помечено знаком х, на левом поле тоже подчеркнуто никоніам, на нижнем поле л. 43 под знаком ˘ Православными — называютъ себя никоніане;

<sup>б</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле Идеа — понатіе, представление;

<sup>в</sup> на левом поле величественных, оба слова подчеркнуты;

<sup>г</sup> слово помечено знаком ++, под тем же знаком на нижнем поле л. 43 об. Прими-тив — всякое явление первоначальное;

<sup>е</sup> слово подчеркнуто и помечено знаком ++, на нижнем поле под знаком + Акомпанимент — музыка, сопровождающая и гармонически дополняющая главный голос;

звукѡв, своеобразный музыкальный фон<sup>ф</sup>, на котором быстро нарастала жизнь могил. Въ 9 часов утра со стороны дороги началось доноситься далеко пеніе. Слышно было, что пел многочисленный хор мужеских и женских голосѡв. Голоса то густо и сильно нарастали, то сразу падали, затихали, а затем снова взбивались на самыя верхи. Получался прилив и отлив звуковых волн. Юсно было, что пели на ходу, приближаясь к могиле. Шол кр[е]стный ход с иконами из Верхняго Тагила, с могилы пошли навстречу. Через полчаса показались иконы, сопровождаемая тысячной толпой народа, и быстро установили под навесом у самой могилы на времянно сколоченных из досок подставках. Вспыхнуло множество свещей, задымился ладон, началось богослуженіе. Навес и все прилегающее<sup>х</sup> к нему пространство, свободное от леса, было буквально запружено молящимися. Все четыре подвижника // Веселых Гор почитаются преимущественно старообрядцами часовеннаго согласія, не пріемлющих с[вя]щенства, а поетому в их богослуженіях ц[е]рковныя обряды, в которых необходимо участіе с[вя]щенника<sup>н</sup> или совсем не исполняются, или только те части их, в которых участіе с[вя]щенника не обезательно. Таким образом старообрядческія богослѡженіа названаго толка не носят строго определенный характер какой-либо ц[е]рковной требы, а скорее общей молитвы, состоящей из чтеніа с[вя]щенных книгѡ и пенія псалмов, стихер и других м[о]л[и]твъ.

л. 45

Так было и на стот раз. М[о]л[и]твой руководили: древній старецѡ мних Антоній из Верхняго Тагила, о[те]цѡ Галактион и о[те]цѡ Варѡ. В пеніи м[о]л[и]твъ и стихер принимали участие все молящіяся, умеющіе петь. Картина такой общей м[о]л[и]тве, в которой принимают активное<sup>н</sup> участіе все присутствующіе, производит сильное впечатленіе. Некоторое время при напряженной тишине вы слышите чтеніе с[вя]той книги. Но вот раздается запевающій стихеру голос старца Антоніа, // его подхватывают певчіе под навесом, затем близ стоящіе, волна звуков с каждым моментом усиливалась, разрозталась по всей поляне, докатывается до последних полаток и далеким ехом отдается в лесах и горах... А затем снова тишина, чтеніе, и снова море голосѡв, стройно по старинным крюкам распевающих стихерѡ... Ѡмечаю как характерное, что въ основу полонничества къ могилам на с[вя]тых горах положена обоюдность м[о]л[и]твы, т[о] е[сть] старообрядцы молятся не только досточтимым старцам, но и за

л. 45 об.

<sup>ф</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле Фон — 2) обстановка, среда, окрѡжение. Ф[он] — голос, звѡк, шѡм, речь, слово;

<sup>х</sup> в рукописи исправлено из прилагающее (первая буква е написана над буквой а);

<sup>н</sup> в рукописи далее ошибочно и совсем;

<sup>н</sup> на правом поле енергичное, оба слова подчеркнуты;

них. Об[ъ]ясняют они это тем, что их с[вя]тые не канонизированы<sup>м</sup>. В[ъ] числе икон принесены из Верхняго Тагила были древніа: Успеніе Пр[е]с[вя]тыа Б[огоро]д[и]цы, Тихвинскіа Б[о]жіа М[а]т[е]ре, изображеніе ап[о]с[то]лов[ъ] Петра и Павла и Николы Угодника.

## Кликѣшество бѣсных. Глав[а]<sup>м</sup> 17<sup>а</sup>.

И, желалъ быть ближе к центру б[о]госл[ужен]іа, поместился под навесом, неподалекѣ от икон и могилы. Пахучій дым ладона, тревожное пламя свечей и религіозное объединеніе тысящъ людей путем общаго п[е]ніа стихер[ъ] быстро поднимало настро[е]н[іе]. Вокруг меня везде были видны умиленныа лица, горящіе глаза, м[о]л[и]твенно сложенные руки. Чувствовалось необычайное напряженіе воли в религіозном экстазе<sup>м</sup>. Если и бывает, что творится чудо, то именно в такіе моменты массового увлеченіа верой в м[о]л[и]твѣ. В[ъ] один из таких моментов одновременно с началом п[е]ніа «величаніа» (ст[и]х[е]ры в[ъ] честь с[вя]таго), громогласно подхваченнаго всеми, неожиданно раздался неистово-пронзительной, не ч[е]л[ове]ческой крик: «А, а, а, ах[ъ]! Не хочу!.. О..О..О..Ой, пустите... все равно не выйду! О...хъ пустите, проклятые!!!...» Все вокрѣг вздрогнули, и как-то целыми толпами качнулись в разныа стороны<sup>д</sup>, как бы желалъ раздвинуться или попятиться назад, но этого при всем желаніи не было возможности сделать, т[ак] к[ак] позади плотной стеной стояли сотни людей. Поэтому все остались стоять на своих местах, но только, как я заметил, поспешно начали креститься. Крики періодически повторялись, впереди меня ч[е]л[ове]къ за пять я увидел молодую женщину, в судорожных конвульсіях<sup>о</sup> бившуюся на руках у троих мужчин[ъ], // крепко её державших. Лице женщины было страшно искажено, на нем одновременно изображены были и ужас[ъ], и какое-то демонское бешенство. Но всего страшнее были глаза, которые до того расширились, что сделались буквально круглыми. Совершенно остановившій взгляд был устремлен в одну точку и переходил с предмета на предмет только

л. 46

л. 46 об.

<sup>м</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле Не канонизированы — не сопричислены к[ъ] ликѣ с[вя]тых, не свидетельствованы собором;

<sup>м-ъ</sup> написано на левом поле;

<sup>д</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле экстазе — в[ъ] восторженном состояніи д[у]ха, как бы отделившимся от тела;

<sup>о</sup> вторая буква о исправлена из буквы ы;

<sup>о</sup> слово помечено знаком ~, под тем же знаком на нижнем поле Конвульсіа — с[д]орога, всакіа произвольныа движеніа одной или несколько частей тела живых людей вследствие болезненнаго состояніа;

вместе с поворотом головы. Вь узгах рта из слюны образовалась пена. Состояніе женщины можно было объяснить припадком падучей болезнни, если бы она не выкрикивала вышеприведенныя и другія фразы. Вьскоре за первой кликушей в разных сторонах раздались такіе же выкрики других. Всего на могиле Германа проявили себя 15 кликуш. Оне то порознь, то все вместе выкрикивали различныя безсвязныя фразы. «Не выйдѣ, еще пать лѣт не выйдѣ», — кричала одна. «Укажите, вь кого перейти, тогда перейдѣ», — выкрикивала дрѣгаа и т. п. Число кликуш на могиле о[т]ца Павла возросло до сорока. Их вид и выкрики ужасно нервировали, в особенности женцин. Последнія при крике кликуш тревожно озирались по сторонам, // кр[е]стили рот, затем крепко зьжавь губы, клали на них два пальца и так оставались стоять все б[о]гослуженіе. Вьпоследствїи я узнал, что делали они ето для того, чтобы бесь, вышедши из кликуши, не вошел чрез рот в одну из них. Ето в первое время, но а затем к кликушеству, повторявшемуся каждое б[о]гослѣженіе, привыкали и на них уже никто не обращаль вниманіе. Кстати, хотя и забегу несколько вперед сь речью, чтобы не возвращаться к кликушеству в дальнейшем изложенїи, здесь же расскажу и о его произхожденїи, конечно, насколько мне удалось выяснитъ причины етой своеобразной болезни «на Веселых Горах».

л. 47

Кликушествуют преимущественно молодые девушки и женщины, а если среди кликуш встречаются и пожилыя, то всё-таки начало болезни отнoсится кь их молодости. Многіе из них на мой вопрос, когда ето сь ними получилось в первый раз, ответили: на 16, 17 и 18 годѣ жизни, т.е. в період половой зрелости. Одна 19 лет девушка, страдавшая кликушеством, подробно рассказала исторїю своей болезни. На 17 год[у] жизни однажды с ней случилось легкїй обморокь, // в котором она пролежала часа 2. Когда девушка очнулась, то услышала от свидетелей обморока предположенїе, что в нее вселился бес. Случилось ето незадолго до торжественнаго молебствїя на Веселых Горах, ввиду чего многїе советовали ей сходить на Горы «попрощаться» с подвижниками, после чего бесь-де из неѣ выйдет. «Сь етого дня, — продолжала рассказывать больная, — я не минѣты не знала покол<sup>ю</sup>, мучимая сознанїем, что во мне живет бесь. Начала быстро хиреть, через некоторый промежуток времени припадок повторился, еще более утвердившїи во мне мысль о бeсe. Пришло время помолничества на Горы, я пошла сюда вместе с другими. Сь одной стороны, у меня было страшное желанїе выгнать бeсa, но с другой я ощущала безотчетный страх, который с приближением к могилам все возрастал и возрастал. Завершилось тем, что к могиле я уже сама подойти

л. 47 об.

<sup>ю</sup> буква ѣ исправлена из буквы ю (дописана над строчкой);

не могла, а когда меня подвели насильно, я лишилась сознания и превратилась в настоящую кликушу...»

Бывали случаи, когда кликушеством впервые заболели на Веселых Горах. У старообрядцев существует // обычаем всех кликушествующих выводить навстречу иконам, и их гуськом становят на колени лицом к иконам, которыя затем проносят над ними. Так вот, зачастую наряду с кликушами становятся до того здоровые женщины, желая, как оне объясняют, испытать себя... л. 48

## Перерывъ. Глав[а] 18.

Въ час дня м[о]л[и]тва прерывается до четырех часов вечера. Все спешат подкрепиться пищей и отдохнуть, кругом начинается оживленное движение. Женщины длинной вереницей идут за водой къ близ протекающей горной речке Шайтанке, хлопчут у костров за приготовленіем пищи. Лица в большинстве оживлены, радостны. Там и тут можно наблюдать древнехр[и]стіанскіа съезны братаніа, поцелѣй<sup>а</sup>. Почти у каждой полатки расположились живописными группами обедающіи за общим котлом. Среди полаток обращала на себя внимание одна, огромных размеров, так называемая общая, безплатно представленая для всех, не имеющих своей полатки отдельной. Близъ общей полатки расположен и общій столъ, также предназначенный для не имеющих своей пищи. // То и другое организовано на средствах Верхне-Тагильскаго старообрядческаго общества. Оригинальную картину представляли собой две группы иноков и инокинь, обедавших за двема общими трапезами. Бросалось в глаза обсолютное отсутствіе<sup>в а</sup> среди старообрядцев курящих табак. л. 48 об.

## Вечернаа м[о]л[и]тва.

В четыре часа вечера<sup>б</sup> раздался стук о крышу навеса. Стучал палкой один из старцев. Это был сигнал къ м[о]л[и]тве, и чрез непродолжительное время вокрѣг могилы снова сгрудились тысячи молящихся, и снова закурился ладон, зажглись свечи и полилось пеніе ст[и]х[и]рь. Д[е]нь клонился к вечеру, с[о]лнце уже завершило свой круг и скрылося за горами, стемнело, а м[о]л[и]тва все продолжалась. Наконец на поляну спустилась тихая июньская ночь, было<sup>в</sup> за полночь, а пеніе

<sup>а</sup> буква ц дописана над строкой;

<sup>в а</sup> буква т исправлена из буквы д;

<sup>б</sup> на левом поле по древнецерковному 10 часовъ вечера;

<sup>в</sup> слово написано по стертому;



все еще оглошало поляну. Я не пошёл на вечернюю м[о]л[и]тву, а наблюдал окружающее из своей полатки. Тихаа, звездная летняя ночь. Поляна, далеко-далеко заброшенная вглубь дремучаго леса, у подножіа величественнаго Уральского хребта. На этой поляне давно когда-то // подвижнически съкоротал свою жизнь безизвестный иннок. Деревянная колода с покосившимся голѣбцом — вот и все, что напоминает о подвижнике. Но стоическая вера людей спустя века отыскала ету безвестную могилу, путем титанической<sup>†</sup> борьбы проложила к ней дорогу и вот теперь привела сюда несколько тысящъ верующих, наполнивших ету тихую поляну религіознымъ экстазом...

Я прислушивался к своему настроенію, сравнивал его с настроеніем, полученным при посещеніи современных лавр и монастырей, со св[я]т[ы]ми мощами, драгоценными раками и одетыми в парчу и золото служителями олтаря. Оувы! Сравненіе было не в пользу последних. Там внешнее показаное благолепіе съедало сущность религіи и возмущало душу. Здесь же трогательное непосредственное единеніе трепетно верующих не загромождено ничемъ внешнимъ, вдохновляло на подвиг.

«Василій Никитичъ, ты здесь? — окликнул меня мой возница. — Тебе пора отдохнуть, чай, устал за день-то, а завтра рано вставать. // Я действительно очень утомился от зделаннаго пути и от множества пережитых за д[е]нь впечатленій, вскоре уже я забылся, не дождавшись окончаніе м[о]л[и]твы.

### Къ о[т]цѣ Маѣмѣ.

26 іюня меня разбудили в 6 часов утра, было тепло, солнечно. На могиле уже молились. От того, что я заснул вчера, не дождавшись окончанія м[о]л[и]твы, а сегодня проснулся после того, как она уже началась, у меня создалось такое впечатленіе, что м[о]л[и]тва совсем не прекращалась, но поляны я не узнал. Вчера она была вся усеяна полатками, а сегодня на месте ихъ виднелась только помятая трава да уголья от костров. Все уже успели сняться, улечься, и теперь у просеки, ведущей на вторую могилу, теснилось множество повозок, одна за другой исчезали в лесной чаще. «Пора и нам сниматься», — торопил Григорій Селиверстовичъ. Узнав, что далее еще беспокойнее, нежели от Невьянска, я решил до могилы о[т]ца Маѣма дойти пешком, тем более до нея было недалеко, всего около 3-х верст. Возница мой уехал с вещами вперед, а я остался налюдать последнее // прощаніе

<sup>†</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле Титанической — превосходщій обычныи ч[е]л[ове]ческіе силы;

с могилы. В 7 часов утра м[о]л[и]тва закончилась. Я видел, как просека заглотила последнюю повозку табора полонников и как в неё же вобрался весь кр[е]стный ход. На могиле не осталось не одного ч[е]л[ове]ка. Я оглянулся назад, на поляну, на ней как-то сразу зделалось<sup>1</sup> пустынно и дико-дико, ничего не было похожего на вчерашнее. Казалось, что все тепло и поезію<sup>2</sup> веры люди унесли с собой, а вернее, оно так и было. Я ушел с могилы о[т]ца Германа последним.

## На могиле о[т]ца Маџима.

Когда я пришел на могилу о[т]ца Маџима, там уже началась м[о]л[и]тва. Меня поразило удивительная торжественность развернувшейся предо мной картины со вчерашней. Та же поляна, те же могилы и навес над нею, та же обстановка, то же действо и то же оживленіе, даже было сходство в таких мелочах, как разположеніе полоток. Таким образом для наблюденія внешне-бытовой жизни могилы новаго матеріяла не было. И я решил направить свое вниманіе на отдельные личности. Сюда пріехал несколько запозда//вшій на первую могилу художник В. Ал. Кузнецов, главная цель пріезда котораго заключалась в том, чтобы зарисовать более типичныя\* старообрядческія лица. Встретившись здесь, мы уже не расходились, все остальное время полонничества наблюдая и работая вместе. Старообрядцы, вопреки распространеннаго мненія об их нелюдимости, нетерпимости и замкнутости, оказались, совсем даже наоборот, в большинстве очень добродушными и радушными людьми. Даже иногда, когда мы открывали свое инкогнито<sup>3</sup> и подробно знакомили собеседников со своей профессіей<sup>4</sup> и миссіей<sup>5</sup> на Веселых Горах, у меня, например, никогда не изгладятся из памяти как хорошіе знакомые, радушные хозяева, интересные собеседники, в высшей степени предупредительные путеводители по Веселым Горам, — популярный среди старообрядцев начётчик Афанасій Трофимович Кузнецов, Николай Трифильевич Филатов, // иконописец изъ Уткинскаго завода, сын известнаго в свое

л. 50 об.

л. 51

<sup>1</sup> буква е написана поверх стертой буквы;

<sup>2</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле Поэзіа - совокупность стихотворных произведений;

\* слово помечено цифрой 1, под той же цифрой на нижнем поле Типичный — характерный, т[о] е[сть] имеющий резковыраженныя особенности;

<sup>3</sup> слово помечено цифрой 2, под той же цифрой на нижнем поле Инкогнито — неузнанный, неизвестный;

<sup>4</sup> слово помечено цифрой 3, под той же цифрой на нижнем поле Профессія — постоянная специальность;

<sup>5</sup> слово помечено цифрой 4, под той же цифрой на нижнем поле Миссія — посланникъ от кого-либо;

время на Урале начетщика и иконописца, теперь покойного Трифилѣя Филатова, старец инок о[те]ць Варъ, о[те]ць Антоній из Верх-Тагила, мой возница Григорій Селиверс[товичъ] Ваганов и многѣ другѣ.

Узнавши, кто мы и зачем прѣехали на Веселые Горы, многѣ старообрядцы приходили сами знакомится к нам в полатку. «Здравствуйте, спаси Вас Г[о]с[по]дь», — начинал каждый вновь пришедшій. Затем следовали самые подробные распросы на всевозможные темы. Мы, в свою очередь, наводили разговор на предметы, нас интересующія, начинались беседы. С некоторых более типичных одновременно Кузнецов набрасывал эскизы<sup>1</sup>. Так были зарисованы о[те]ць Оуаръ, Пѣоръ и другѣ. Кончалось тем, что, посидев у насъ в полатке, в гости приглашали к себе, и когда мы приходили, радушійю не было границ. Меня первое время удивляло, каким образом старообрядцы находят насъ л. 51 об. художником // в полатке, затерявшейся среди сотни других. И что же оказалось? Остроумный Григорій Селивер[стовичъ] сделал из цветного носового платка флаг, который<sup>2</sup> и водрузил над нашей полаткой. Таким образом, все остальное время на всех могилах полатка с флагом и была центром для бесед. Нам указывали то на одного, то на другаго популярнаго старообрядца: вот богатой из Невьянска, вот из Сибири, а вот тот из Екатеринбургa, поломничающій ежегодно со всей семьей. Но удивительно оригинально все они вели себя здесь. Казалось, что все пять тысяць старообрядцев, поломничающих на Веселых Горах, были из одной семьи, так у них было все обще и одинаково, начиная с костюмов и кончая последней краюшкой хлеба. Я обратил на его вниманіе одного из своих собеседников. «Да, Веселые Горы — это еу[ан]г[е]льскаа страничка нашей жизни, здесь мы все равны», — было ответом о Веселых Горах. Не было даже и намека на какой-либо торг, были только две л. 52 полатки, в которых продавались иконы древней живописи да ле//стовки. Все, что касается пищи, вы можете обратиться в общую полатку и вам отпустят даром или наконец гостепрѣмно накормят в любой полатке.

### На могиле о[т]ца Григоріа.

На могилу о[т]ца Григоріа, отстоящую от могилы о[т]ца Маѣима на пять верст, мы с художником направлялись в ночь на 27-е іюня с расчетом прити туда ранее всех, а затем наблюдать переселеніе на нее поломников, и действительно, любопытно было наблюдать поспешное наполненіе до того безлюдной поляны тысящами людей.

<sup>1</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле Эскиз — предварительный набросок;

<sup>2</sup> первая буква о исправлена из буквы а;

В два часа утра на могиле не было, что называется, ни живой души, а к восходу солнца жизнь поразительным сходством отлилась в ту же форму, что и на предыдущих могилах. Много своеобразной прелести имело это передвиженіе с могилы на могилу, при этом вносило разнообразіе в поломничество, и потому не так утомляло. Местность у о[т]ца Григоріа была живописнее всех остальных могил, в особенности красива группа камней, расположенная у самой дороги и служащая как бы преддверіем на поляну могилы. // Камни носят название «Потной горы». Подвижник Григорій был иконописцем, и, по преданию, большую часть своих икон написал на вершине названной группы камней, откуда открывается поэтический вид на окружающій лес, ближайшія горы и долины.

л. 52 об.

### Дорога къ о[т]цѣ Павлѣ.

28-го іюня молебствія заканчиваются на могиле о[т]ца Григоріа. Несмотря на то, что последняя отстоит от могилы о[т]ца Григоріа на 10 верст, мы решили пройти туда пешком и не раскаялись. Половина пути дорога идет широкой просекой в долине среди волнообразных возвышеностей, покрытых столетним бором. А за этим бором далеко-далеко, в прозрачном утреннем воздухе, покрытый синеватой дымкой виден был сам могучій Уральскій хребет.

### На могиле о[т]ца Павла.

Могила о[т]ца Павла расположена у самой подошвы горы «Старикъ», считающійся самой высокой в цепи гор Средняго Урала. О[т]ецъ Павелъ // — самый популярный подвижник среди уральских старообрядцев. Сдесь число поломников значительно увеличилось, т[ак] к[ак] многіе приехали сюда прямо, не заезжая на могилы остальных подвижников. Обстановка могилы та же, что и на тех, за исключеніем мраморнаго памятника, который красуется на могиле о[т]ца Павла. В первый день молебствія у старообрядцев называется днем радостной встречи, а последній — грустнаго разставанія. Молились на последней могиле буквально круглые сутки. Чрезвычайно красиво и поэтично была последняя ночь на 29-е іюня. Молитва закончилась в час ночи. После м[о]л[и]твы надъ тысячной толпой на возвышеніи появилась худошавая хрупкая фигура начетчика Афанасіа Трофимовича Кузнецова з белокурой головой и з блестящими глазами. Лицо Кузнецова освещал пламенем свечи старец инок Антоній. Кузнецов обратился къ поломникам съ речью, в которой призывал верующих хранить заветы Х[рист]а о любви и правде, // которую так стойко

л. 53

л. 53 об.

осуществили в жизни досточтимыя подвижники Веселых Гор. Голосъ проповедника плавно лился в толпу в тишине звездной ночи, так гармонировавшей съ Нагорной проповедію на поляне. Наблюдавшій эту картину художник воскликнул: «Да, это же первый век, и перед нами первые хр[и]стїане!» Совершенно справедливо, что молившіеся перед нами хр[и]стїане XX века удивительно были похожи на первых хр[и]стїанъ. Моленіе закончилось ночью 29 іюна, а утром можно было наблюдать, как словно ручейки лилась народная толпа по многочисленным тропинкам с Веселых Гор.

### Обратная дорога.

л. 54 29-го іюня стоявшая все четыре дня, на удивленіе ясная тихая теплая погода резко изменилась. Подул сильный ветеръ, побежали тучи, накрапывал дождь. словно намеренно уральскій боръ захотел показать нам свою могучую непогоду. Действительно, в лесу сделалось неприветливо, безлюдно и жутко. Шу//мели деревья, перекликались совы, боръ зажил своей обычной жизнью. Жизнь горъ так захватывала своей оригинальностью, что за четыре дня я, например, совершенно отвык от города, очень не хотелось возвращаться к повседневной сутолоке, в сравненіи с которой проведенныя на могилах время представляются красивой хр[и]стїанской сказкой. На вокзале в Невьянске я встретил многих поломников старообрядцев, и представте, был поражен произошедшей с ними переменой, о сарафанах и подрясниках и помину не осталось, их заменили смокинги, платіе, коловол' и т[ому] п[одобное]. А когда я в дорожном костюме, достаточно поиспорченом и загрязненном за четыре дня хожденія по горам и лесам, вошел в купе втораго класса, соседи бросали на меня косые взгляды и сторонились. Начинала давать себя знать психологію города, где обращают вниманіе не на глаза, горящій от пережитаго возбужденія м[о]л[и]твой, а на ваш котелок.

**Веселые Горы. В. Санин. 25-26 іюна 1910 год[a] (7418). //**

л. 54 об.

### Глав[a]<sup>n</sup> 19°. СД преследованіи б[о]гомольцев на Веселых Горах.

Приятно и вожделенно было слушать о торжественных молебствіях верующих на Веселых Горах, когда дарована была хр[и]стїаном свобода при Николае Втором, последним ц[а]ре. Но по разрушеніи ц[а]рской власти безбожными в лет[о] 7425 настали плачевные

<sup>n-o</sup> написано на левом поле;

времена, когда покрыл бедную Россію темныи облак безбожія, вскочили князи тмы на престол правленія и обезумили русиискій народ *отступленіем от Бога*, востали с яростию, как свирепые волки, на малое стадо Х[ристо]во верных. Тогда и на Урале восхотеша прекратить молебственна собранія хр[и]стїан и запретиша, да безъ их разрешенія не дерзают совершати соборная молебствїя на Веселых Горах. Егда же по дозволенію безбожных властей соборная ослѣдцы благочестия на могилы подвижников в лето 7436, тогда и неверныи тамо стечеша соборище, и во время молебствїя, когда началось бесных кликушество, тогда невернїи, хотяще угасити ревнителей веру и любовь и развратити народ, ёмлюще бесных, различно казняху их, // яко да престанут от бесованія, мняху бо нечестивїи, яко подкуплени суть и сего ради притворяху себе беснованіе. Но обличися их ложное непчеваніе<sup>а</sup>, бесные бо, донележе содержими быша бесом, не чюствоваху ниже очуцаху наносимыя от безбожных раны, егда же приехождашу в чувство, люте болезноваху от прїятых ранъ.

Въ лето 7437-е без дозволенія власти, подвижими ревностію, хр[и]стїяне собрашася на могилы на Веселые Горы, около трехсот ч[е]л[ове]къ точію и без крестнаго хода. И слышавше безбожнїи, приехавше на поезде по железной дороге, устанившеся близ молящихся, различныи игры творяхъ и представлахъ кино, и всякими образы ищуще развратити хр[и]стїан к *отступленію от веры*, проповедающе свое безбожное ученіе, и некїих от верных емше, осудиша на заточеніе, да устрашенїи<sup>б</sup> сим, и прочїи не к тому собираются. И после сего не бысть соборнаго моленія на Веселых Горах до Великой Отечественной войны, бывшей с 7449 и по 7452 год. И по сем вернїи прїемше малу ослабу, паки начаша мало-помалу собиратися на Веселые // Горы. А с 7463 год[а], когда известіе о моленїи на Горах стало распространяться широко, опять начали собиратся тысячи богомольцев на Веселые Горы. Приезжали из окрестных городов и деревень, а иныя за сотни и за тысячи верст, из Москвы, Владивостока, из Монголіи. О сих торжественных многолюдных собранїях *отчасти описывает брат Петръ*, участвовавшїи на них въ 7463 — 4 и 7465 годах.

### Глав[а]<sup>а</sup> 20<sup>с</sup>.

Въ первый раз (говорит он), когда я пришел на могилъ о[т]ца Германа, моленіе еще не началось, народ собрался почти весь, ждали крест-

<sup>а</sup> буква ї вписана над строкой;

<sup>б</sup> написано на левом поле;

ный ход с иконами. Между тем люди, собравшіяся кучками, пели стихеры, иные некоторые вели беседы. Меня, привыкшаго ходить во тме, сразу очень удивило пеніе ст[и]х[е]рь... Потом объявили кр[е]стный приход<sup>†</sup>, многіе стали выстраиваться по одному ч[е]л[ове]ку и становились на колени лицом къ иконам для проверки, нет ли беса в ком из них. Затем проносили над ними иконы, и къ каждому из них прикасались иконами ко главе. И вдруг обстановка изменилась, вместо пріятнаго пенія стал раздаваться плачь, крик, стоны, это было *от* того, что, какъ // иконой прикоснутся к голове беснующагося, и его сразу растревожит. Когда я увидел все это, ужаснулся и изменился в лице. Один мне старичок предложил тоже сести под иконы для проверки, и я сразу же сель, прошли с крестным ходом, пронесли больше десятка икон и каждой прикоснулись ко мне, я все сидел и боялся, вдруг то же случится со мной, что и с беснующимися, но просидел спокойно. Одна женщина, смотря на мой образ, сказала: «Праведный, или чистый», — точно не помню. Меня после этого ободрило, я стал посмелее, даже стал держать беснующихся. Они кричали много, но я почти ничего не запомнил. Беснующіеся были почти всё женщины, один только мужчина, онъ больше все кричал, *от* него больше всех меня затронуло. Когда начали молиться, я успокоился *от* шума, и был в тихой радости.

Принесли иконъ много, поставили на налоях не в один ряд, и пред каждой по одной свече. Служители установились на два крылоса, в каждом из них было ч[е]л[ове]къ по 30 певцов, а помощников еще более, всех было // около трех тысячъ ч[е]л[ове]къ. Пели все, кто умел, даже женщины и дети, пели очень протяжно, и всё почти нараспев. Когда запоют оба крылоса вместе, то вливают в душу всё: раздмъ, мужество, терпеніе, и бодрость, и силу. А какой мир, какое благоуханіе, кто что желал с верою о Х[рист]е, все получал. Оглянувшись, я посмотрел на народ, много было плачущих, особенно старушек. Молодые больше радовались *от* такого торжества, и я тоже был в радости, но вскоре радость моя престала. На первой же могиле о[т]ца Германа на это моленіе пришли два отрока, родныя братья. Один учился в 3-м, а другій в 4-м классе. Одеты прилично, в новых рубашках и поесках, и их сразу же поставили на крылосе с певчими, они всё стояли около двух черноризиц. Беснующихся тоже поставили ближе к крылосу, чтобы исцелились. Вдруг Поликарп беснующій вострепенулся и начал кричать: «Куда вы их поставили, уберите *оттуда*», — и стал вырываться. Все сразу поняли, что он кричит про этих мальчиков, и их окружили теснее. Я только подумал, что они наверно

<sup>†</sup> буквы при дописаны над строкой;

праведны. Потом стали читать кафизмы, я слушал // все с радостію. л. 57  
 Вдруг он опять закричал: «Дорадуетесь!» Меня сразу свело в какой-то ужас, и я перестал радоваться. И меня стало часто затрагивать во время их криков, и часто изменялся в лице, даже многие думали, что я тоже мучаюсь. Стану дремать за моленіем, — он закричит что-нибудь ужасное, и я после долго не дремлю. У *от[ца]* Григоріа на могиле закричал, что «у Пашки разбужу». Когда пришли к *от[цу]* Павлѣ на могилу, я почти всю вечерню стоял и опасался, чтобы не закричал. У *от[ца]* Мазима на могиле беснующіе меня обличили, что я кр[е]сть потерял. Ето я оценил правильно и воздыхал в душе. Ето было еще в арміе. На меня эти трогательные<sup>у</sup> произшествіа сильно подействовали. Я подумал, что ето какой-то ум в них, в беснующих. До этих Горъ у меня всё было какое-то стесненіе молиться, стеснялся среди безбожников говорить, что я соблюдаю закон Б[о]жїи, а все умалчивал. Что-нибудь заговорят: «Что-то ты, Петя, похудал», или «в кино не стал ходить», — я все молчал, пока не выросил бороду. Один знакомый молодой мужши//на Павелъ резко изменил образ жизни. Он, как обычно и другіе молодые мужшины, ходил без бороды, но носил только усы, имел большое усердіе держать беснующих. Он говорил, что «я выросил бороду из-за того, что в последний год на Веселых Горах беснующая сказала мне: “Ты такой же, какъ и мы, ходишь без бороды”». Дозде рѣкопись Петра.

л. 57 об.

От посланія м[а]т[ери] Макед[ониц] 1 ноября 7465 года.

По извещенію писанія Парасковїи Севас[тъяновны]. Ездил на Урал, на Веселые Горы. Молится собралось 3 000 ч[е]л[ове]къ, все хр[и]стїане с разных мест, беснующихся<sup>ѣ</sup> было много, страшно слушать, а изцеляющихся мало. Посмотрели на с[вя]тыню, были в древних часовнях, которые стоят по двести лет. Дозде м[а]т[рь] Макед[ония].

Но многолюдное собраніе существовало малое время, только съ 7460 до 7466 года, а потом запрещено бысть властію соборное моленіе на Веселых Горах.

## Глав[а]<sup>ѣ</sup> 21<sup>ѣ</sup>. Память подвижник[ом].

Чтобы не возвращаться к поминчеству на могилы в дальнейшем изложеніи, zde потребно есть рещи и о иных подвижниках и о крестных ходах на могилы ихъ.

<sup>у</sup> буква о исправлена из буквы а;

<sup>ѣ</sup> исправлено, в рукописи беснующихся;

<sup>х-ѣ</sup> написано на левом поле;



л. 58 Оура́ль больше половины года погружен в долгій // зимній сон<sup>а</sup>. Больше полугода под глубокими сугробами, в густых лесных дѣбрях покоятся могилы тех, имена которых дороги старообрядству, таких могил много. Урал своей девственной<sup>м</sup> природой представлял такое место, куда сотнями и тысячами бежали от гонителей гонимые старообрядцы. Здесь они хоронились в таких местах, куда часто и ч[е]л[ове]ческаа нога не ступала, здесь они доживали свой векъ и умирали. Сколько их? Как их зовут? — Никто не знает. Имена же их Ты, Г[о]с[по]ди, веси. Забыты многѣ, но среди их были люди такіе, которые своим подвигом, своей простотой жизни, непосредственным отношеніем к природе и людям, любовію к ближним сумели сыскать к себе уваженіе и почитаніе среди своих братьев. Такіе люди переживают время, прошли сотни лет, а они не забыты. Събегут с вершин гор снега, зазвенят ручьи, вскроются реки, оживет лес и снова благодарные потомки спешат на могилы чтимых старцев. Начинается весна, а вместе с ней и ряд поломничеств на могилы. Могилы эти разсеяны // по разным углам Урала.

л. 58 об.

### О старце Аввакѣме.

Прошлым летом мне пришлось (пишет В. Судогорскій) побывать и слышать рассказы о двух могилах. Одна могила расположена в версте от деревни Сажиной, Ревдинской волости Екатеринбургскаго уезда, в лесу, в стороне от проездной дороги. К могиле ведут несколько тропинок, легко можно здесь заблудиться, так как тропинки расходятся: одни ведут на крестьянскіе покосы, другіе обрываются, третьи же идут<sup>м</sup> к могиле старца скитника Аввакума. Самаа могила расположена неподалеку от обрыва. Небольшое разчищенное от леса место окружает могилу, а то всё обступили еѣ сосна, пихта, ель. Здесь неподалекѣ от обрыва вечно гуляет ветеръ и качает онъ старые исполины-деревья, поют они однообразную песнь. А там над могилой къ простой доске прибит образ Б[о]жїа М[а]т[е]ре «Утоли моа печали». И кажется, что по почерневшей старинной живописи текут незримыя слезы, скорбит Пречистая вместе с природой. Над могилой же был когда-то на столбах зделан навесъ, вероятно, он долго стоял; и теперь столбы подгнили и ветер снёсъ // навесъ. Самый могильный земляной холмъ насыпан высоко, чтобы земля не разсыпалась, он обшит дсками. Перед могилой устроен аналой. Сюда в день св[я]т[ых]

л. 59

<sup>а</sup> на правом поле Журнал. Кузнецов. В. Судогорскій;

<sup>м</sup> исправлено, в рукописи действенной;

<sup>н</sup> написано на левом поле со знаком +, вместо слова ведут в строке, помеченного тем же знаком;

Петра и Павла сходятся помолится из Ревдинского, Шайтанского заводов и других местъ. Тагда ету местность оживляет людской говор, горячая молитва и пенё ст[и]х[е]рь создают проникновенное настроеніе. Только раз в году старый скорбный лес принимает в свои объ[ѣ]ятия верующих людей. Богомольцы бываютъ здесь по суткам и двое, заночавывают в лесу. Тогда темный лес ночной порой освещается яркими кострами и весь день и всю ночь пенё и м[о]л[и]тва не прекращается.

Старець скитник Аввакум похоронен здесь очень давно. Так давно, что даже старики деревни Сажиной говорят: «Наши деды не знали, с коих пор могила ета здесь находится». Преданіе говорит, что чтимый старец жил в лесу и питался только тем немногим, что может дать северный лес, ягодами и грибами. Он проводил время в м[о]л[и]тве. Сложилась легенда<sup>3</sup>, что всякаго одинокаго ч[е]л[ове]ка // направляющагося к могиле, старец любовно встречает на перекрёстке тропинок и провождает до могилы, т[ак] к[ак] иначе можно заблудиться.

л. 59 об.

## Глав[а]<sup>а</sup> 22<sup>б</sup>. **Ѓ м[а]т[е]ре Платониде.**

Другая могила находится в нескольких верстах от села Красноярскаго, Екатеринбургскаго уезда. Сюда на поклоненіе чтимой старице собираются 18 августа. Здесь молятся и плачут, плачут, воспоминаа прошлые невзгоды, плачут вместе с природой. Так же, как и старец Аввакум, старица Платонида жила уединенно в лесу. Ея память особенно чтится, на поклоненіе стекается масса народа. Она, по народному преданію, помогала в горе и нужде. Встанет м[а]ть Платонида, — говорят богомольцы, рано-рано, когда на покосах ни одной души. Она уже знала, кто нуждается в помощи. Осиротевшая ли вдова или, выбившись из сил, мужик. Накосит-накосит сена, да и приберет. И зделает ето все так, чтобы никто не видал, что она работала. Чуть заметит, что появились на покосе люди, она сейчас уходит в лесъ. Так рассказывают богомольцы. // Слышал я все ето, и думал, и дивился только одному — как в то далекое время ети люди, о которых говорят теперь съ благоговеніем, могли так просто терпеть невзгоды, вынося на своих плечах целостъ и с[в]я[т]ость того идеала<sup>3</sup>, которому они служили до самой смерти. Их стойкость, их какая-то внутреннаа убеж-

л. 60

<sup>3</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле Легенда — вообще преданіе о чудесных событіях;

<sup>4-5</sup> написано на левом поле;

<sup>3</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле Идеаль — высшее совершенство, конечнаа цель стремленія;

денность, идущая глубоко из «нутра», как корни лесные из самого «с[е]рдца земли», достойны преклоненія, они умели жить, и страдать, и бороться<sup>10</sup>. Сѣ сей инокине Платониде поведасу нам старицы м[а]тъ Мелетина, Елизавета Парам[оновна], м[а]т[ь] Акинфа.

л. 60 об. Сѣа, гл[агол]ахѣ, инаго<sup>8</sup> бысть рода<sup>VI,а</sup>, единокорна дщерь родителем и обречена бысть на жертву ідолом по закону<sup>6</sup> их, паде же на ню жребій. И сего ради в печали бяху велицей. Прилучишася некоему християнину, везущу с мельницы муку, у них ночевати. И сей, уведав вину печали их, рече им: «Аще хочете избавити от смерти дщерь вашу, дадите ю в жертву живому Б[о]гѣ, да послужит Ему. И азъ увезу ю тай». Они же на сѣ изволиша, и вло//жиша ю в мешок, исполнивше нечим пустыя места и положиша на воз между мешками, и тако ю увезе.

По отшествіи же их пріидоша в дом родителей ея, еже пояти ю на жертву, истязующе их о ней. Они же: «Не вемы, — гл[агол]ахѣ, — где есть». И уведавше, яко бе у них странныи, гнавше, постигоша их, и видевше его единого, и на возу точію мешки, возвратишася бездельни. Сей же благочестивый муж введе ю в монастырь. Исперва не пріимаху ю, он же умоли их, глагола: «Азъ обещах дати ю в жертву Б[о]гѣ», и тогда пріаша ю. И кр[е]щена бысть и вельми подвизавшися. И по трех летех пострижена бысть во иноческій образ, и сущіи ту возненавидеша ю зависти ради, занеже нецыи много время живуше, и еще не пріяша иноческій чин. И сего ради отиде от них тай в пустыню на безмолвіе. Бе же зело м[и]л[о]стива и трудолюбива, и помогаше сущим в нуждах, якоже выше речеса. В Синодикѣ записана година ея 18 августа. Сію м[а]тъ Платониду еще застал в живых и помнилъ о[т]ецъ Иоаннъ, пріемый иноческій чин от о[т]ца Израиля, свидѣтельствова<sup>11</sup>наго // в Родословне.

л. 61

И сей поведасу нам о ней (говорила Елизавета Парамоновна), яко сѣя пріа от Б[о]га дар исцеленіа, слепых просвещаше и больных исцеляше, не точію в животе, но и по преставленіи своем. Все бо, приходящій с верою ко гробу ея, пріемляху болезнем своим исцеленіе.

Ч[е]л[ове]къ некїи бе слеп, повеле вести себе на могилу м[а]т[е]ри Платониды, измывся весь трижды в реце, по ней же могила ея, и помолися ей с верою, да исцелит его. «И аще получу, — рече, — (исцеленіе) прозреніе, буду по вся лета приходити на могилу молиться». И взя с могилы три камыка и веден бысть восвоися, камыки же омывая водою и сею водою умываше лице свое, и по малом времени прозре. На

<sup>10</sup> на правом поле дозде Сѣдогорс[кой];

<sup>11</sup> VI,а все три слова подчеркнуты, на правом поле сѣ татаръ, или сѣ калмыков, тоже подчеркнута;

<sup>6</sup> последняя буква дописана над строкой;

камыха же явишася образы. На едином образ Х[ристо]въ, на другом образ Б[огоро]д[и]цы, на третѣм образ некоего с[вя]таго. Се же бысть в лето яко 7462. Поведаше нам м[а]т[ь] Мелетина в 7466 году, что сей ч[е]л[ове]къ и до сих пор ходит на могилѣ м[а]т[ери] Платониды.

В то же 7462 лето придоша безбожнии на могилу м[а]т[ери] Платониды и восхотеша сокрушити мраморный памятник на гробе ея, // и могилу раскопати. И дерзнувших убо беззаконному коснуться делу не оставит Б[о]ж[е]ственный суд без наказанiа быти: един бо от них лишися зренiа, другому же руце ослабеша и недействена быша<sup>а</sup>.

л. 61 об.

## СѢ м[а]т[ери] ВѢры. Глав[а] 23.

Мая 12<sup>а</sup> молебствiе совершается ежегодно на дорогой могиле подвижницы м[а]т[ери] ВѢры, находящейся в нескольких верстах от завода Мiаскаго, на острове озера Туркояк, собирается масса богомольцев. М[а]т[ь] ВѢра некогда жила в Шарташском м[о]н[асты]ре, близ Екатеринбургa, но после раз//зоренiа этого скита поселилась вместе съ м[а]т[ерью] Таисiей в поселке Погорельском, Челябинскаго уезда. Здесь также не дали им жить, и м[а]т[ь] Таисiа ушла в другую местность, а м[а]т[ь] ВѢра в 1835 года<sup>а</sup> поселилась на острове Туркояк. Как самое озеро, так и окрестности его представляют нам живописнейшii уголок Урала. Обычно на могилу подвижницы богомольцы отправляются на лодках. Близ могилы до настоящего времени хранится келья-пещера начальницы древняго благочестия.

л. 62

СѢ сей м[а]т[ери] ВѢре поведана брат Александръ Григорьевичъ. «Слышах, — рече, — от моего тестя Филиппа, иже поведана сице. “Мой, — рече, — дед Иоан по фамилии Гридин, бе богат и милостив, многую м[и]л[осты]ню даа уральским пустынножителам. Сей не име единовѣрных соседей, умысли вопрошити м[а]т[ь] ВѢру, бл[а]говолит или нет занимать ему должность наставника над домом своим, понеже не бѣше наставника у него. Пойде к ней и прииде в келiiю ея, идеже стояху две чудотворныя иконы: Г[о]с[по]дна и Б[о]городичнаа, точашii миро из очей своихъ. // И прежде вопрошенiа Иоаннова рече к немѣ м[а]т[ь] ВѢра: "Пожди до утра и тогда отвещаю ти о потребности твоей. Ныне же рекѣ ти чудную повесть. Прежде мала времени прииде ми помысль итѣти во внтуреннюю пустыню, да обрящу тамо некоего пустытника. И бех на мнозе борящяся с помыслом, помыш-

л. 62 об.

<sup>а</sup> далее половина листа оставлена без текста;

<sup>г</sup> на левом поле Журнал Кузнец[ова];

<sup>л</sup> так в рукописи;

ляючи, еда како *от* врага есть. Последи же, повинувшися, изыдох в пустыню. Идущей ми по пустыни, и се узрех пень велик, и верху его изхождаше мало дыма. Пред ним же трава бе попорана, под корнем бе западня. И разумех, яко некто пребывает ту. Сотворих м[о]л[и]твѣ и слышах гласъ, отвещающій: Аминь. Снидох в пещеру, оконца же в ней не бе, не некіи чудныи бысть<sup>с</sup> пред иконами светъ, аки клѣбъ огненный, и той просвещаше во дни и в нощи. И видех ту два с[в]я[т]о-лепна старца седяща, и по обычномъ приветствіи вопросих: «Кто есте вы и како прїидосте семо?» И отвещаста ми: «Мы с[в]я[т]еннаго чина есмы, бежавшіи *от* никонїанъ. Н[ы]нѣ же погибе с[в]я[т]енство *от* рода сего». И по до//вольней с ними беседе отпустиша мя во своа. И по некоем времени паки поидох к ним, и бывши у пещеры их, сотворих по обычаю м[о]л[и]твѣ, и не бе *отвѣта*. Снидох внутрь и видех оных старцев преставльшихся. Чюдныи же оныи свет светильник нача помалу оскудевать, дондеже вконец угасе, и бысть тма. И изыдох со скорбію *оттуду*, плача о разлученїи с[в]я[т]ыхъ\* старец. Текох в монастырь, назнаменах путь, и поведях игумену вса бывшаа, и поят братію, и идохом на предреченное место, яко да преставльшимся сотворим погребенїе. И много трудихомся, ищуще пещеру ону, и не обретохом, возвратихомся бездельни. И о сих дозде".

И яко сконча сїю повесть м[а]т[ѣ] Вѣра, ѿ повести Іоанна. Заутра же паки по повеленїю ея прїиде к ней и бл[а]г[о]с[л]ови его настоятельствовать точїю в дому своем и отпусти его во своя. И *отиде*, радуяся и слава Б[о]га, яко таковая видети и слышати сподобися<sup>л</sup>».

## Кр[е]стные ходы на могилы почившихъ.

### Глав[а] 24<sup>а</sup>.

л. 63 об. 23 апреля в Георгїев день в Черноисточинском заво//де<sup>с</sup> старо-брядцы, не имеющїя с[в]я[т]енства, в 7423-м год[у] совершили торжественный кр[е]стный ход на могилу чтимаго инока схимника Георгїа. Могила ета находится в одной версте *от* завода Черноисточинскаго. Молебствїа 23 апреля здесь совершаются ежегодно. Въ том ж[е] году 7423, 25 мая, жители Висима-Шайтанскаго завода, старообрядцы часовеннаго согласїа, совершили кр[е]стный ход на могилу инокини Ираиды, находящуюся в 6 верстах *от* завода, на правом берегу реки<sup>л</sup>

<sup>с</sup> слово написано по стертому;

<sup>ж</sup> слово написано по стертому;

<sup>л</sup> написано на правом поле;

<sup>с</sup> на левом поле Журнал Кузнец[ова];

<sup>л</sup> две первые буквы написаны по стертому;

Утки. 4 іюна Висимо-шайтанскія часовні старообрядцы совершали кр[е]стный ход на могилу инока схим[ника] Ипатіа, находящуюся в 3-х верстах от завода. 4 іюня был совершен кр[е]стный ход из деревни Нижнійя Таволги, Быньговской волости Екатеринбургскаго уезда, на могилу инока схим[ника] Варлаама. Здесь было совершено всеночное бденіе. В 22 іюля в деревне Верхнійя Таволги Невьянской волости был совершен кр[е]стный ход на могилу чтимаго старца Дмитріа. 15 іюна состоялся кр[е]стный // ход старообрядцев часовеннаго согласія деревни Шумихи Бродоской волости Верхотурскаго уезда. Кр[е]стный ход был совершен на кладбище, где был когда-то мужескій скит, а ныне устроен женскій скит. Кр[е]стный ход сюда совершается ежегодно, в память перенесенія на это кладбище останков инока схимника Нифонта. По прибытіи кр[е]стнаго хода на могилы было совершено молебствіе. Кроме обычнаго молебствія, было совершено служеніе о дарованіи победы нашему доблестенному російскому войнству (ибо в том 7424-м году состоялась война Россіи с Германіей). 15 іюля совершен кр[е]стный ход на кладбище из деревни Козинъ Верхотурскаго уезда. Ежегодно кр[е]стный ход здесь собирается<sup>м</sup> в память дарованія свободы вероисповеданія.

л. 64

18 іюля ежегодно совершается<sup>м</sup> кр[е]стный ход на Сунгуле, на могилу инока схим[ника] Леонида. Здесь беснующійся кликушествовали.

Ельма же убо отступихом сказанія повести по Родословію, внесше слово о некоторых подвижни//ках и о хожденіи полонников на могилы почивших с кр[е]стным ходом, сим zde конец сотворше, на прежнее возвращаемся.

л. 64 об.

### Глав[а]° 25<sup>н</sup>.

По кончине предреченнаго инока схим[ника] Маѣма множайшіи останахся братія, и искусніи послушницы, и воздержніи подвижницы, которіи во образ поставиша свое житіе для хотящих истинно спастися. И нача умножатися число братства, обаче распространить своя обиталища за належащую нужду преследованія их жизни от гражданскаго правительства не могли. Того ради любовным советом определиша разделить единомысленное стадо на малыя части. Стадодоводители жс[е] из братіи быша подвижніи от братства, а именно: инок схим[ник] Герасим, инок схим[ник] Антоній, инок схим[ник]

<sup>м</sup> исправлено, в рукописи собирается;

<sup>н</sup> исправлено из собирается (буквы верша написаны на правом поле и подчеркнуты, середина исправленного слова также подчеркнута);

<sup>о</sup>н написано на левом поле, ниже Родословна;

Еоодосій, инок схимн[ик] Власій, уроженец Унговскаго завода, а по фамиліи Тѣнигин. Сей в наклонной старости въ осеннее бурное время шед лесным непроходимым местом, заблудив скончався, покоится под Воробьями по Журавлихе реке.

л. 65 По нем воспрія управленіе пожившій довольное время в нелицемерном послушаніи ко игумену // и всей братіи воздержник жизни инок схимн[ик] Никодимъ. И почи о Г[о]с[по]де естественным сном вечнаго покоя в лето 7443 12 маа, память его 1 декабря, покоится тут же под Воробьями, на его могилу собираются богомольцы 23 апреля.

### ☩ последнем иноке схимнике Лаврентіи.

По кончине Никодимовой воспрія управленіе от подвижнейших его послушных инок схимник Лаврентій. Сей управлял 32 год[а]. В теченіи сих лет всех еч[ан]з[е]льских братіи своих предпосла в вечный покой. Точію один оста по нем инок Симеон, иже и рече братіи (стоа у косака): «Пождите мало и не погребайте тело преставльшагося о[т]ца Лаврентіа, понеже и азъ скоро туда же пойду». И по четырех днех и той почи о Г[о]с[по]де, и во едином гробе со своим стадоначальником положен бысть. Отшествіе же их от сея многотрудная жизни в вечны покой бяше в лето 7375, инок схимн[ик] Лаврентій преставися 13 авг[у]ст[а], а память его 17 июля, а инок Симеонъ прест[авися] 18 авг[у]ст[а], а память его 5 декаб[ря]. Инок схим[ник] Лаврентій тщате//льный бе подвижник и неленостный делатель. Мало остави по себе своего руковожденія малаго чина мнихов, зане опасен бе и бдив пастырь, ни начиная никотораго дела творити кроме упредительнаго разсужденія, опасаяся, дабы не подпасти под правильное запрещеніе.

л. 65 об.

На могилу же инока схимн[ика] Лаврентіа и инока Симеона собирашеса множество хр[и]стіан во дни памяти их м[о]л[и]твы ради. Единою ж[е] безбожна власти, преследующе их, умыслиша выгresti мощи их. И егда разскопаша могилу, тогда мощи им не показаша, но точію зряшеса вода и плаваху две чурочки на воде. И азъ бех тамо и своима очима сія видех, говорит повествователь Іоаннъ Іоакимович, настоятель, иже на Ижбалде, на Кедровке. Еще поведаше о сем черн[оризица] Миропіа, что на том месте, где покоятся инок схим[ник] Лаврентій и Симеон, были многіе могилы, и между ими были три: черн[оризица] Козмы, черн[оризица] Савы и черн[оризица] Лукіана. И по причине многолюднаго собранія заровняли те три могилы и стали стоять // на том месте, молиться. И во время моленія беснующія кричали, между прочим произносили такие слова: «Одних

л. 66

почитают, а дрѣгихъ попирают», ибо предреченныя три могилы были попираемы от молящихся.

И услышавше сія от бесныхъ, богомольцы (жители Кедровки) раскопали могилы, призвали о[т]ца Паисія. Два гроба были аки новыя, а третій бысть истлевшій, точію кости<sup>р</sup>. А гробы открыть о[т]ець Паисій не разрешил, коея ради вины — не вем. Одинъ гроб онъ открывал мало покрывку и посмотрел, но я сего не вем. И они оставлены были на своихъ местахъ не пренесены, а только срублены были новыя обрубчики и поставлены новыя кр[е]сты. Над могилами ж[e] была построена крыша из тонкихъ досокъ, где богомольцы сохранялись от дождя. А у крыши стояла толстая зеленая ель, которую восхотели лесозаготовители срубить и уронить на слабую крышу толстое дерево съ целью разрушить покровъ могильный. Но на деле явилось не так, древо преломися на четыре части, а крыша по паденіи на неѣ великаго древа в целости оста, Б[о]жїимъ яве сохранися промыслом. //

Составиши<sup>с</sup> ж[e] по о[т]це Лаврентїи малаго чина мнихи сїи л. 66 об.  
суть: черноризецъ Мина, черн[оризецъ] Іоиль, чернор[изецъ] Карпъ,  
черн[оризецъ] Дїомидъ, черн[оризецъ] Іеремїа, черн[оризецъ] Филиппъ,  
черн[оризецъ] Касторъ, черн[оризецъ] Трифилїй, черн[оризецъ] Евсевїй,  
черн[оризецъ] Никита, черн[оризецъ] Никонъ, черн[оризецъ] Іоаннъ,  
черн[оризецъ] Серапїонъ и последній черн[оризецъ] Нифонтъ, бывшїй  
намъ наставникъ и о[т]ецъ д[у]ховныи.

## Глав[а] 26<sup>у</sup>. СѢ от[ц]е Нифонте.

Сей от[ецъ] Нифонтъ съ начала от самого отца своего Лаврентїа приятъ благословенїе провождать жизнь уединенную, с малыми токмо уч[е]н[и]ки, понеже о[т]ецъ Нифонтъ вельми любяше безмолвіе. Но последи и не хотящу ему вручїся общїя жизни братнее управленїе. Но прежде прїятїя иноческаго одеянїя 15 летъ пребысть во всякомъ благопокоренїи у о[т]ца своего духовнаго и прочихъ о Х[рист]е братїи.

По воспрїятїи иноческаго образа, акоже выше речесея, немногое время на безмолвїи с малою дружиною пришлось ему пожить. Но еще при жизни о[т]ца Лаврентїа убежденъ быв от братства, да и о[т]ецъ Лаврентїй оттоле не повелелъ ему, еже токмо о себе смотряти, но благословилъ и повелелъ и о иныхъ спасенїи попещїся. Такъ // и нехо-

л. 67

<sup>р</sup> на правомъ поле М[а]тъ Миропїа;

<sup>с</sup> на левомъ поле Родословна от[ца] Нифонта;

<sup>т-у</sup> на левомъ поле ниже Родосл[овна] о[т]ца Савы;



тя повинуся общаго совета изволенію, еже воспріяти тяготу общія жизни д[у]ховнаго братства управленіе. И сей о[те]ць Нифонт управлял братією 28 лет, и тако пожив, хр[и]стїанскою бл[а]гою кончиною преставися, даже до самыя кончины умом в полной трезвости бе. Виде, яко *настояит* ему *отшествоит* отсюду, готовящесе ко исходу, и еже надлежит творити, сїя творит немедленно: еже есть со умиленіем покаяніе к Б[о]гѣ ко уч[е]н[и]ку своему старшему сотворив пред Богом чистое исповеданіе всех своих недостатков, по ч[е]л[ове]ческой немощи бываемых. По сих в напутіе живота вечнаго с великою верою причастися с[вя]тых таинъ, тела и крови Г[о]с[по]да нашего І[су]са Х[рист]а. Таже повелев собратися всей братіи своей, аще и измолкшим гортанем, обаче еще показав должное, поучив всех помнити заповеди Г[о]с[по]дни и имети между собою любовь. И сѣ сим, бл[а]г[о]с[ло]вивъ всех и единому *от* братіи (чер[норизцу] Саве) благословив вместо себе быти над прочими старшим и пешись о спасеніи их, тако исполнив, по сих тихообразно уснув сном вечнаго // покоя в лет[о] 7398, м[е]с[я]ца генваря 26, память его 13 марта (оставив нас сиротствовати, убогих ученик[ов] своих чер[норизца] Савѣ, чер[норизца] Силѣяна з братією).

л. 67 об.

Сей о[те]ць Нифонт благоразсудителен бе в Божественном Писаніи, якоже свидетельствуют его писанія. Написаная им Родословна по прошенію шедшихся в Екатеринбургѣ на собор в лет[о] 7495. И в толиком множестве не обретесе никтоже тако искусен *от* многих различных исторій составить Родословну, разве о[т]ца Нифонта. Еще немалая книга написана им: Историческое сказаніе о с[вя]тей ап[о]с[то]льской соборной Ц[е]ркви восточной, о отпаденіи Церкви западной и о борьбе восточной со оною, о введеніи уніи, о внесеніи Никоном новообрядной реформы, о ее обличителях и о страданіи их за древлец[е]рковное бл[а]гочестіе — и прочія главы в ней. Еще есть написаное им на австрійских сочиненіе: Посланіе к некоему брату, и к иноке Венедикте два посланія, писаны быша им, как видно, по *отшествои* на безмолвіе со *отцем* Савой. *От* них же *отчасти* и воспоминаю//ти не безместно есть. Начинает же ся сиче:

л. 68

Г[осподи] І[сусе] Х[ристе], С[ыне] Б[ожий], п[омилуй] н[ас]. Аминь<sup>φ</sup>.

Честнейшая во инокинях м[а]ти Венедикта и вси единомудреніи суть тебе, иже под крилома твоима блюдоміи *от* козни сопротивнаго, споспешницы твои, мне же сестрицы любиміи и чада по душе. Здравствуйте о Г[о]с[по]дѣ, радуйтеся и веселитесе о Д[у]сѣ С[вя]те. Поспешайтеся добродетелей... восходите восходы, спешно творяще шествои ваше и усердно в с[е]рдцы рекшаго слышасте: «Прїидите,

<sup>φ</sup> на правом поле Писмо;

взыдем на гору Г[о]с[по]дню и в дом Б[о]га нашего»\* и прочее... За сим посылаю всем вопще *от* недостойнства моего заочное прощеніе и благословеніе, при том же и сам повергаюся пред ч[е]стныя стопы ног ваших, взаємно требую тоже прощеніе и бл[а]г[о]с[ло]веніе. Так же равно и о[т]ецъ Сава, чадо и брат ми любимыи, тоже требует прощеніе и бл[а]г[о]с[ло]веніе. Еще же з болезнію сердечною и слезно умоляем вас, Г[о]с[по]да ради сотворите о нас теплую м[о]л[и]твѣ ко Вл[а]д[ы]цѣ Х[ри]ст[у] и Преч[и]стей Его М[а]т[е]ри, да непостыдно *будет* начинаніе нашего деланія и теченіе стезею правою шествуемо, ею же вси с[в]я[т]и ходиша, // а не кривыми и стропотными измеряюще стопами, понеже зело зарощена леностію и нераденіем жительствова нашего, обыкохом бо пространною стезею шествовати раствореннаго всяким сладострастіем жительствова. Того ради стези с[в]я[т]ых, ими же они шествовали, зело заглажены в сердцах наших, едва-едва и с великим трудом малыя признаки обретаем творимаго ими шествія, не имеюще на то чювственных наставников, точію окормляемся крупицами их, яже они оставиша в словесех С[в]я[т]еннаго Писанія, по Д[а]в[ы]довѣ словеси: «И оставиша останки мл[а]д[е]нцем своим»\*. И то, увы нашему нераденію, попрано суть, яко злато при стезях нашего шествія повержено и нами небрегомо, заблудихом в суетстве плотскаго нашего мудрованія и не разумеем. Сего ради еще касательно стопам ног ваших кланяемся, слезно и умиленно вас просим, ослабите нам на время, да в свободе д[у]ха шествіе творяще, легким кораблем волны житейскаго моря преходяще, и вкусим варѣ безмолвнаго зноя, и не понудите нас еще бежаніе творити. //

л. 68 об.

Частно известихся, яко вы мните виновна быти внезапному нашему *отхождению* о[т]ца; его напрасно: онѣ нам никакова в соблазнѣ слова не сказалѣ, а Ісаакѣ Сирин сію дорогу показал. А о жизни его не соблазняйтесь. Также равно и о малом Серг[і]и, ни о другом ком подобных не судите: аще и похабна мнится быти жизнь их пред очесы плотскаго разума ч[е]л[ове]ча, но обаче они подвигом похабства хранят разум внутреняго ч[е]л[ове]ка: не якоже немудри, но якож[е] премудри, время искупующе. И древній о[т]цы не единою стезею вси ходиша. Азѣ греш[ный] того разума далече *отстою*. Якож[е] прор[о]кѣ рече: «Образом ходит ч[е]л[ове]кѣ и вѣсѣ матетса\* всакѣ земнородныи, уловляя видимым образом славу *от* ч[е]л[ове]кѣ». Якож[е] аз первыи *от* сих вмале показях бл[а]городіе видимаго ч[е]л[ове]ка и почтен бых отъ вашего достоинства, яко с[в]я[т]ь. А Г[о]с[по]дѣ рек: «Горе, им же *рекут* добре вси ч[е]л[ове]цы»\*.

л. 69

Добре сотворите, аще сих почтете яко с[в]я[т]ы, или такое покажите приветствованіе, якож[е] и мне творили. Аз же, недостойныи не точію мнишескаго, // но и человеческого именованія, изгубив души

л. 69 об.

словесное дарованіе, по Давыдову словеси: «Приложихса скотом несмысленым и уподобихса имъ»<sup>х</sup>, и в нечювствіи своем сотворив мертву душу, естеством безсмертну суцу прежде всеобщей естеству ч[е]л[ове]ческому смерти, яко *ж[е]* Лествичник пишет в слове о нечювствіи<sup>у</sup>. Тамо вникнувыи может всяк навыкнути<sup>и</sup>, како сим недугуя, прежде смерти мертв есть и вся силы душевныя имыи недейственны на добродетель. И аще не потщимся сію воскресити *от* мертвых дел словом покаянія и чисту сотворити слезными источниками, суетна надежда всего деланія нашего.

Сестро и м[а]ти Иакинфо, здравствуй о Г[о]с[по]де, радуйся и веселися о Д[у]се С[вя]те, а не плачи ради внезапнаго моего ухода. Бл[а]го есть и плакати, но по Б[о]зѣ и о гресех, да м[и]л[о]стива усрящем хотящаго судити всей Вселенней. Рече бо: «Бл[а]жени плачѹщій, яко тїи утешатса»<sup>л</sup>. Помяни вся пр[а]в[е]дники, ни един *от*радною жизнїю спасеса, но вси скорбным путем шествоваша. Не благоволи Б[о]гъ, да починут любимицы Его, донде *ж[е]* убо в телеси, // но паче восхоте быти тех в скорби и тяготе, в трудех, лишенїих и уединенїи их, и оскуденїи потребности, в недуже и униженїи, пакостех и сердечном сокрушенїи, и отреченїи сродник. Вестъ Г[о]с[по]дь, яко несть мочно в покои телесном пребывати — и в любви Его быти. И сего ради возбрани их *от* покоя и сластей того, ибо любовь к Б[о]гу превозмогает паче смерти телесныя. На сем основанїи и о надежди будущаго воздаянїя терпим равнодушно тесноту и скорбь растоятельнаго нашего друг *от* друга жительства. При чем заочное посылаю прощенїе и бл[а]г[о]сл[овенїе и *от* тебе также требую прощ[енїя] и благос[ловенїя]. И взаимно друг о друге молящеса, в любви пребудем. Желая здравствовати и поздравляю со днем анг[е]ла. Д[у]ховно любящїй тя грешный во мнисех Нифонт.

Еще уведомяю о жизни. Прозимовали, слава Богу, в покое и благополучно. А здоровье мое, дыханье имею не очень свободно. Кашель прекратился за ваши молит[вы] и о[те]честкіе, хракотина съ нутра идет не так, как у здраваго, подобно как у о[т]ца Иоасафа в начале болезни. Осенесь испугался // и не чаял зиму прожить, но Г[о]с[по]дь еще даровал живот вашими молит[вами]. Ноги несколько вяжут, заставляют сидеть. Доколе не ославились, и никто нашей мысли не пресекает, будем сидеть, ежели будет какое препинанїе, то побежим. Не мните, яко без промысла остались, но пребудите верующе, якоже рече Исаак Сириин<sup>м</sup>, яко «Хранитель твой пр[и]сно съ то-

<sup>х</sup> на левом поле Слово 18;

<sup>у</sup> буква т исправлена из буквы ї;

<sup>и</sup> исправлено, в рукописи начал;

<sup>л</sup> на левом поле Глав[а] 31;

бою есть... ниже бо бѣсове, ниже звѣрїе тлительнїи, ниже въ злѡбѣ ч[е]л[ове]щы могѹт исполнить волю свою въ тлю и погѡбленїе, аще не окормляющаго повелит хотенїе... паки *ж[е]* гл[аго]лю к себе: И аще вола есть Вл[а]д[ы]ки моего, еже обладати лѣкавыи тварїю Его, ниже азъ сїе прїемлю злѡюте, *якож[е]* убо кто не хотя упразднити хотенїе Г[о]с[по]да своего». Сиче во искушенїих твоих радости исполнишися, *якож[е]* кто разумев и ощутив, яко мановенїе Вл[а]д[ы]ки окормляет тя и направляет тя. Прочее — утверди с[е]рдце твое, воеже уповати ко Г[оспод]ѹ, и да не убоишися ниже *от* страха ночного, ниже от стрелы, летящїя во дне<sup>а</sup>, ни усумнися в Промысл Б[о]жїи в вере своей. Не забы бо, но *прилежит* Б[о]гъ и // *промышляет* подвизающимся о добродетели, еже посещати тех на всяк час. Вопрос: Несмь, рече пр[а]в[е]д[е]нъ, да уповах буду на Б[о]га. **Отвѣтъ.** Поистинне за деланїе правды изшел еси в пустыню, исполненую скорбей, и сего ради послушлив бысть воли Б[о]жїей, прочее не сумнися о том, егда носиши сїя труды, не яко Б[о]гъ *хочет* труда, токмо ты приносиши ему жертву любве своя, скорбь. Сїе разсужденїе показывают вси, любящїи Б[о]га, оскорбляюще себе любве ради Его.

л. 71

**Ч[е]л[ове]къ**, иже *отнюд* попеченїя не творя о тленных вещех, но себе возложи на Г[о]с[по]да ношїю и днїю, ничим же пекїися мирскими, своего ради прилежанїя, еже в добродетели, и все упражненїе в дело Б[о]ж[е]ственное имыи, и сего ради не брегїи уготовати себе брашна, и одеянїя, и уготовленїя, и прочая вся — сей добре и художне упова на Г[о]с[по]да, яко Той уготовит ему, яже на потребу ... Аще ли же праздни суть вышеписаннаго деланїя, наипаче же и в противная уклоняемся, тогда и промысла Б[о]жїя чюжди и без заступленїя Его бываем. Вот вам попечитель, превозходяи // всяк разум в с[ы]нехъ ч[е]л[ове]ческих, и блаженъ ч[е]л[ове]къ, иже на Того упованїе возложивыи<sup>а</sup>.

л. 71 об.

Еще о всякой нашедшей печали и скорби прїимите утешенїе, могущее всякую горесть претворити в радость, а слезы на радость, сиречь гусли Д[а]в[ы]д[о]вы. Аще начасте и неленостне обыкните, не концем языка ударяти в оная, но о разуме его веселитесь, тогда многую сладость и утешенїе обрящете. Еще же имейте советника — писанїе с[в]я[ты]х о[те]цъ, могущая на всякую стезю правды наставляти ч[е]л[ове]ка вместо личнаго моего к вам слова, прїимите сїе: живите в любви друга ко друзей, здравствуйте и умудряйтесь. Простите и бл[аго]с[ло]вите недостойнаго во мнисех Нифонта, прекрасная<sup>ш</sup> пустыня<sup>б</sup>, и помолитесь о моем невежестве ко Вл[а]д[ы]цѹ, Тому слава веки. Аминь.

<sup>ш-б</sup> написано под строкой;

Зде выписано из двѣх писем вѣкратце. Посланіе 1-е написано 8 іюна, вѣ котором поздравляет м[а]ть Акинфѣ, до накрытіа Акилина, бывшая сѣпрѣга, память ей 13 іюна, година 7 авгѣста.

Сей о[те]цъ Нифонт не прѣшеса сѣ иноверными, но вопрошасмый *от* них, истинное свое понятіе известив, егда начинаху преніе, молчаше.

л. 72 А Никодимовы по//слушницы, иноку схимнику Лаврентію братіа еу[ан]г[е]льскаа: инок схимник Климент, инок схимник Никита. Никитины послушницы: чер[норизцы] Тарасій, Ізраиль и Иларій.

## Ѓ о[т]цѣ Савѣ. Глав[а] 27.

Предреченныи же о[те]цъ Сава<sup>а</sup>, ему же вручися *от* о[тц]а Нифонта управленіе братіей, сей о себе в дополнительной Родословной повествуе сиче<sup>а</sup>. По убежденію единомысленных во благочестіи о[те]цѣ<sup>а</sup> и братіи наших, истинно желающих уведати *от* нас о нашей жизни изначала при о[т]цѣ нашем черн[оризце] Нифонте и далее, аз же, смиренныи грехами черн[оризец] Сава, соизволих по их моленію и убежденію написать им на сей хартїи, дабы незабвено было в преднїа роды наше бл[а]гочестивое потомство. И сиче зде начинаем описовать истину пред всевидящим оком.

л. 72 об. Первое в 7380-м году аз прїидох, черн[оризец] Сава, *от* мирскаго волнѣющагося житейскаго моря в тихое пристанище, во обитель ко о[тц]ѣ Нифонту, и оныи по согласію своея братіи нас принял под свое покровительство. И проживал я со о[тц]ами 6 лет бельцом. И в сих летех мы присматривались и обучались ихнему // м[о]н[а]стырскому уставу, и чину ц[ерковныя] службы, и управленію в братїи, и прочїя порядки общаго житїя. И смотря на них анг[е]льскїи образ, т[о] е[сть] чинѣ иноческїи, прїиде мне желаніе *от* внутреняго моего ч[ел]овека принять тоже на ся иноческїи чин. И я открыл свое желаніе о[тц]ѣ Нифонту и всем о[тц]ам и поклонился им. А о[тц]ы мою прозбу о[тц]а Нифонта убедили исполнить. О[те]цъ Нифонт по их совету нам преподавал малый чин иноческїи и бл[а]г[о]с[ло]венїе, которое и сам о[те]цъ Нифонт *от* свыше текущаго благочестиваго источника, а именно сиче внимаи:

Первый основатель Керженских скитов Дїонисїи, с[вя]щеннонок Шуйскїи, был хиротонисан *от* бл[а]гоч[естиваго] еп[и]ск[о]па.

<sup>а</sup> на правом поле Родослов[на] от[ца] Савы;

<sup>а</sup> над буквой о вынесена вторая буква о;

<sup>а</sup> конец слова написан по стертому;

Діонісій же прийняв с[вя]щенноинока Софонїа, Софонїй прийняв с[вя]щенноинока Никифора, Никифор прийняв с[вя]щенноинока Ісѡва, Ісѡвъ прийняв инока схимника Маѡзима, по Маѡзиме воспрїя управленїе инок схимник Власїй, по Власїи инокъ схимник Никодимъ, по Никодиме инок схимник // Лавренїй. А инок схимник Лавренїй о[т]цѣ Нифонтѣ преподавал малый чин иноческїй и бл[а]г[о]с[ло]венїе. И сїе, братїе, бл[а]г[о]с[ло]венїе *от* бл[а]гоч[е]стиваго патріарха Іосифа по лествице низходящей друг другопредатне, аки жребїй предающе. Верземъ, яко сїе и до нас, последних, дойде.

л. 73

И паки обращаюсь на повесть вышереченную. А о[т]цов по моему приходу у о[т]ца Нифонта было 10 черноризцев, кроме бельцов. А местность у о[т]цов была недалеко *от* реки Сылвы, Конгурскаго уезда деревни Кедровки. На сем месте мы пожили 7 лет с о[т]цами. А потом о[те]ць Нифонт *открыл* мне, грешному, свое желанїе удалиться подалее в пустыню *от* молвы мирской и *от* братїи своя на безмолвіе и нас пригласил себе в послуженїе, а братиям вместо себя бл[а]г[о]с[ло]вилъ во управленїе быть старшим о[т]ца Сергїя. С[вя]тыя иконы и книги, ц[е]рковный годової круг, им бл[а]г[о]с[ло]вилъ. А мы с собою взяли малую часть с[вя]тыхъ икон и книгъ и *отправились* в намеренный свой путь. И обретохом место // удобно нашему разуму, занеже мирской чади маловходно. И мы безмолствовахом съ о[т]цем Нифонтом на том месте года 4. А о[те]ць Іеремїй тогда жил в краях Тобольской губернии Ялуторскаго уезда на заимке у братьев Калмыковых, и к нам приезжал, и места о[т]цѣ Нифонту одобрил в бору их даче. И братия Калмыковы к нам прислали нарочнаго ч[е]л[ове]ка и нас пригласили на жизнь. А у нас тогда тоже вина предлежала перемещенїю, тогда мы и переместились къ братьям Калмыковым, *от* их заимки верст 8 в ихней даче в бору. И тут мы проживали 9 лет. В тех краях мы *от* о[т]ца Нифонта и осиротали, оный бо преставися *от* временныя на вечную жизнь в 7398 годѣ, а со о[т]цом Нифонтом я жил 18 лет. А по кончине о[т]ца Нифонта чрез год раззорена бысть наша обитель у братьев Калмыковых гражданскої властью. И мы тогда переместились три старца Сава, Силѣанъ, Кирил и прочїя в 7400-м году в края Томской губернии<sup>10</sup> на реку Чулым. И проживали мы на Чулыме лет 25 // до времен трелоги государств Россїи, Австрїи, Германїи и прочих. И как колебаться век стал, и мы поколебались. О[те]ць Силѣян и Гѣрїй *отправились* в край восточный на *открытое* море. Азь же, смиренный, рассмотрев восточныя страны и Колыванскую тайгу и усмотрев удобнее перевестися в Колыванскую тайгу для братїи ветхаго существа. И се zde мы уже проживаем лет 7.

л. 73 об.

л. 74

<sup>10</sup> исправлено, в рукописи губернии;

Дозде рукопись о[т]ца Савы. А понеже воспоминается зде в Родословной и о о[т]це Силѡяне, то не безместно есть и его *от*части воспомянути бл[а]женное житие яко сожителя бывша и спостника о[т]цѡ Саве.

## Ѡ о[т]цѡ Силѡане. Глав[а] 28.

Ѡ сем о[т]це Силуяне ученик его Александр повествуе сиче. О[т]ецѡ Силуян родися в лет[о] 7367, октября 7 именины его. В странство *отиде* в лет[о] 7384 мая 8, прїя на ся иноческїй чин в лет[о] 7393 16 февр[аля]. Сей в начале странства своего (якож[е] о нем поведа нам о[т]ецѡ Симеон, слышав *от* о[т]ца Савы) с другом своим, по накрытїю Кирилом, близ некїя веси вселишася в келїю и живяста ту. Уведев же // о них о[т]ецѡ Нифонт, прїиде к ним. Они же возрадовастася о пришествїи его и к тому не остаха *от* него, прїидоста к нему во обитель, и живяста у него в послушанїи, и прїяста *от* него чин иноческїй. По неколихъ же летех преселишася на Чюлым, и ту о[т]ецѡ Кирил преставися. И собрашася неколико братїи кѡ о[т]цѡ Силѡанѡ и живяхѡ у него. Егда же преселися о[т]ецѡ Сава на Чюлым, тогда о[т]ецѡ Силѡан съ братїею прїидоша кѡ о[т]цѡ Саве и живяху паки вместе. В писании же Б[о]ж[е]ственном искусни быста обои, *от[е]ць* Сава и *от[е]ць* Силѡан, якож[е] свидетельствуют их писанїя — якож[е] *от*ветное посланїе на вопросы Алексея Димитрїевича Коновалова и прочаа их писанїя.

л. 74 об.

Сей *от[е]ць* Силуян подвижное проходя житїе, любя безмолвїе, прилежаше умному деланїю, видяше бесов д[у]шевными очесы, якоже о сем извествоваше о[т]цѡ Саве. Семѡ же недоумеющу, како безплотных видит духов. «Вижу, — рече, — ходят, яковы *ж[е]* суть изображены, и сквозе их вижу не телесными, но д[у]шевными очами». Последи *ж[е]* и о[т]ецѡ Сава // також[е] видяше их, бесовъ, якож[е] извествоваше ми (глаголет о[т]ецѡ Симеон). Во время германской войны преселишася *от[е]ць* Силуян и Гѡрїи в восточныя страны вблизи моря, и тамо пребысть *от[е]ць* Силуян до кончины своея. О скончании *ж[е]* его повествуе предреченныи уч[е]н[и]кѡ его Александр в писмах к *от[е]ць* Саве сиче, *от* них *ж[е]* зде вкратце.

л. 75

Письмо. Г[осподи] І[сусе] Х[ристе], С[ыне] Б[ожий], п[омилуй] н[ас]. Аминь.

Всеч[е]стнейшїи о[т]цы и братїя. Пишу вам сїе письмо, уже третїе, последнее и плачевное по скончании о[т]ца Силуяна, како он *от* мира суетнаго ѡиде. 14 декабря на 15-е число о[т]цѡ моему любезному тяжеле стало и три дни ничтоже вкуси: 15, 16, 17 его шибко

блисты маяли. Потом в 17 число повеле его облещи в чистыя бѣлыя холстенныя одежды. И егда сѣ сотворихом повеленіе, потом повеле читать канон на исход души. И егда со слезами горькими прочитахом, *отпуст* не повеле канонъ делать и м[о]л[и]твѣ оставить, которая в Потребнике после канона на скончаніе инока. По сем повеле къ причастію вычитать чин. И егда сѣ сотворихом, причащати *ж[е]* его не повеле... То ведайте, что он // 10 лет сидя спал и тако сидя и преставися, блисты не позволяли емѣ никак легчи (нецыи мнят, ради Б[о]га не ложилсѣ). Очень утроба болела, и пищу никакую принимать не стало давать, как поест, так блевать и нудит. И того ради три дни и не ел, а до того два дни и немного поел и сказал, что «последній раз поел аз пищи». И на 18 число всю ночь тяжко страдаше *от* великой болезни... но в целости ума до послѣдняго издыханія бе и наказывал мя грешнаго всю ночь, как жить по его кончине бл[а]гочестно. И когда стало три часа, а по ц[е]рковному 9, повеле ми братію возбудить, всегда бо мы в три часа встаем. И братія со о[т]цем Галактионом начали молиться, аз *ж[е]* со о[т]цем Силуяном бех, служа ему прилежно, что велел, то и делал безпрекословно. А молимся мы в будни по Үалтыри. И на конце утрени, когда пропели «Достойно», тогда о[т]ецъ мне повелел о[т]ца Галактиона позвать, еже поддерживать его и поставить на ноги во время м[о]л[и]твы сея, еже есть: «Мног[о]м[и]л[о]стиве и прем[и]л[о]стиве // Г[о]с[по]ди и всего добра дателю». И когда дошла речъ сея в м[о]л[и]тве: «И на конецъ исхода души моеѣ сотвори ма безъпорочна своего угодника», в то самое время о[т]ецъ Силуян истово перекрестился кр[е]стным знаменіем трижды и, очень хотя болезнію одержим, но все силы употребил и простоял сію м[о]л[и]твѣ. И потом повеле его посадить, и подвиг великій обьят его, и тако до обеда потрудился, и после обеда повеле канон на исход д[у]ши докончатъ и м[о]л[и]твѣ на скончаніе инока прочитать. И егда кончахом канон, тогда повеле причастити его преч[и]стых и животворящих Таин, Тела и Крови Х[ри]стовой, и с великою верою и желаніем причастися. И аз, греш[ный] Александр, вопросих о[т]ца: «Что, о[т]че, принял ли, почувствовал ли?» И он рече: «Принях, и почувствовах, и проглотих, слава Б[о]гѣ». И потом начах аз чести: «Ныне ѿпѣщаеши раба Твоего», и кончах причащенію чин, и *отпуст* сотворихом. И тогда *от[ецъ]* Силуян рече ми тихим гласом: «Повели братіям, дабы молчаніе сотворили и не стукали, дабы умному деланію не мешали». И аз повелех тако быти. И потом больми нача изнемогати, и вопросих его: «Како, // о[т]че, м[о]л[и]тва?» И рече: «Уже м[о]л[и]твѣ творити не могу держати, токмо “Г[о]с[по]ди, помилуй!” держу». И сему мало-му времени минувшу, паки воспоминах: «О[т]че, о[т]че мой любез-

л. 75 об.

л. 76

л. 76 об.



ный! Б[о]га не забывай и держи хотя на уме своем<sup>8</sup> имя Божіе» — боях бо ся, дабы *от* зельныя болезни ум не погубил. И он ми рече: «Добре, чадо мое любезное, и паче прилежу в сіе время, и держу на уме, и некто во уме гл[а]голетъ ми: “Еще потерпи мало — и узриши славу Б[о]жїю”». И азъ рех: «Добре, о[т]че, Г[о]с[по]да ради потерпи, якож[е] и Д[а]в[ы]дъ гл[а]голет: “По множествѣ болезней моихъ въ с[е]рдцы моемъ утешенїа Твоя возвеселиша ду[ш]ю мою”». И потомъ мало пождах, рех ему: «Что, о[т]че, кончина, поди, пришла?» И рече: «Нетъ еще». И потомъ немного прошло, и спросихъ его: «Что, о[т]че мой любезныи, конецъ, поди, пришел?» И тогда рече ми: «Конецъ ми прїиде по воле Б[о]жїей». И спросихъ его: «Братїю будить или нет?» И рече: «Буди». О[т]ецъ бо Галактионъ и о[т]ецъ Саватїи и Мокїи ушли на *отдыхъ*, когда онъ раньше рече: «Да *будетъ* тишина», а мы со отрокомъ Кипрїяномъ бехомъ ту, а наипаче азъ, Александръ, неотступно л. 77 бехъ съ нимъ. И егда рече ми: // «Буди», и потомъ тихимъ гласомъ рече намъ, сотвори м[о]л[и]твѣ И[с]с[у]совѣ: «Простите мя, чада моя любезная!» И мы рехомъ съ горькими слезами: «Б[о]гъ проститъ тѣ, о[т]че с[в]я[т]ыи, и насъ прости Х[ри]ста ради». И рече: «Б[о]гъ проститъ». И паки рече, сотвори м[о]л[и]твѣ: «И бл[а]г[о]словите». И мы *отвещахомъ* съ хлипанїемъ: «Б[о]гъ бл[а]г[о]словитъ, насъ бл[а]г[о]слови». И рече: «Б[о]гъ бл[а]г[о]словитъ васъ, чада моя». И паки рече: «Помолитесь за мѣ, грешнаго». И мы рехомъ: «Вл[а]д[ы]ч[и]це молится<sup>VII.a</sup> о всехъ насъ; за насъ, о[т]че с[в]я[т]ыи, помолитесь». И тако прости насъ и бл[а]г[о]слови последнимъ своимъ бл[а]г[о]словенїемъ. И тогда перекрестися кр[е]стнымъ знаменїемъ трижды истово въ чювстве, и абїе мало преклони ч[е]стнѣю свою главу, и азъ мало поддержахъ его. Потомъ абїе разбудихъ стариковъ и повелехъ кадильницу приготовить съ благовоннымъ фимїяномъ, а самъ возжегъ свещу *отъ* образа Пр[е]с[в]я[т]ыа Б[о]горо[д]ицы и дахъ о[т]цѣ въ руке, а самъ съ Кипрїяномъ запехъ съ горькими слезами «Сѣ Всепетая Мати, рождишая». И о[т]ецъ, егда преклони главу мало, тогда нача якобы мало на дреманїе преклонитися, и здыханїе премени, и тише нача здыхати, и тако тише и тише, и успе съ миромъ, Б[о]гъ духъ предаде. И напередъ предъ скончанїемъ л. 77 об. повеле на не//го при кончинѣ кавтырь<sup>9</sup> надети, еже и сотворихомъ. И когда преклони главу, и тогда кавтырь на него одехъ на главу по его прошенїю. И егда Б[о]гъ духъ предаде, и нападохъ на выю о[т]ца моего, и плакася горько. И како ми не плакати, лишившуся таковаго пастыря и учителя, иже мя сызмалетства воспита и добрымъ наставляше наставленїемъ.

<sup>8</sup> написано надъ строкой;

<sup>VII.a</sup> исправлено, въ рукописи молится;

Преставися о[те]цъ Силуян 18 декаб[ря] въ 12 часов, по ц[е]рковномѣ в 6, в субботу в лет[о] 7436, а память его 7 октяб[ря]. Такова бе ему кончина или переход *от* сего света на безконечныи живот. И прошу вас, о[т]цы с[вя]тїи, и братия, и м[а]т[е]ри с[вя]тїи, помолитесь Х[рист]а ради за его душу, дабы Г[о]с[по]дъ Б[о]гъ учинил дух его съ праведными.

И тако известие подахом знающим его и любящим его, иже окрест нас живут, иже придоша на погребеніе его плачуще. И тако на третїй день после кончины тело его предахом земли со ѡалмы, и песньми, и слезами. Пред скончаніем *же* своим за полчаса прорече сей о[те]цъ Силуян, что «буду дожидать о[т]ца Виталїа», и сбыться его прореченіе, яко *же* грядущее слово явит. // Зде же мало нечто речем и о о[т]цѣ Виталїи. Пишет о нем той же Александр.

л. 78

### Г҃ о[т]цѣ Виталїе.

От <sup>6</sup>др҃гаго писма, писано съ р҃кописи того же Алеѡандра<sup>а</sup>.

О[те]цъ Виталїй родися в лет[о] 7367, имяниник генваря 30, в странство отиде въ лет[о] 7387, накрыт былъ *от* о[т]ца Израилѣ въ 7397 лето, во иноческом чинѣ пребысть 41 лето. С начала отреченїя мира и до кончины своей в келарской службе пребысть. Сей о[те]цъ Виталїй восхоте переселиться на ино место, посла пред собою брата своего черноризца Авраамїа на новое место, а после и мене, греш[наго] Александра, послали старцы Саватїи и Галактион, чтобы помогчи им переехать. И аз прїехал на двух лошадах, на одном повез старца Виталїя, а на другом его вещи. И попросил его заехать к нам в гости (живущим на притоке Улунги с левой стороны), и заехал к нам 15 юна. И хотя токмо три дни погостить у нас, и аз его хотех паки *от*вести к брату черн[оризцу] Авраамїю, и пребысть у нас два дни в здравом положенїи, и бе на могиле о[т]ца Силуяна, и возлюбил оно место. И в третїй день въ // болезнь впаде. И посла ма по о[т]ца Авраамїа, до его же *от* нас день шествїя. И приехали мы на третїй день его болезни. И пребысть боля до 29 юна, в сей же д[е]нь с[вя]тых ап[о]с[то]лѣ Петра и Павла по обеде усну сном вечнаго покоя, в лет[о] 7437. И погребохом ч[е]стное и многотрудное его тело подле о[т]ца Силѣана, по пророчеству его, еже прорече *от* [е]цѣ Силуян пред скончаніем своим за полчаса, что «бѣдѣ дожидать о[т]ца Виталїа», якоже выше речеся. И аз, Александр, не дерзнух вопросити его, в каком случае *будет* ожидать, мнѣх, что он *от* великой болезни не то уже говорит, но и то помыслих, еда в то время и *от* [е]цѣ Виталїй преставится. И егда на

л. 78 об.

<sup>6</sup>-в написано на правом поле;

погребеніе *от[ца]* Силуяна собрася народ и плакахом о его разлученіи, тогда аз рех им: «Что плачем мы о *о[т]це* Силуяне, а не вемы, жив или *нет[еуць]* Виталій». И вопросыша мене, почто; и аз им сказал речь *о[т]ца* Силуяна, что *о[т]ца* Виталія поминал пред скончаніем. И вси мнеша, что и *от[еуць]* Виталій в то же время преставися. Но л. 79 потом пришло известіе, что *от[еуць]* Виталій жив. И опять по//ложили, что он сіе *от* болезни говорил, потому что между нами и *о[т]цем* Виталіем большое разстояніе было, верст 80, и никто не полагал, что им прійдется по смерти вместе лежать. Но егда по судьбам Божіим пришлося тако, тогда вси помянуша, что воистиннѣ *о[те]ць* Силуян прорече и воистиннѣ дожда *от[ца]* Виталія, и воистиннѣ с[в]я[тъ] есть. Дозде Александръ.

На могиле *о[т]ца* Силуяна беснующіе кричали, якож[е] повеству- ют Кондратій Кипр[иянович] (гостивый у него в юности) и Вера Павловна, по накрытію м[а]т[рь] Венедикта.

*О[те]ць* Силуян возрастом был мал, якож[е] *о[те]ць* Максим, бра- ду имея черну малу, речист же бе, превосходя словесностию *о[т]ца* Савѣ. *О[те]ць* Сава всегда его с собой брал, егда прилучашея какова- либо духовная беседа. О сем поведѣ нам *о[те]ць* Нифонт (брат *о[т]ца* Афанасіа), жившій на Чюлыме во время их пребыванія тамо.

## Речь старца Силѣана.

С рѣкописи м[а]т[ери] Македоніи. Глава<sup>г</sup> 28<sup>а</sup>.

Подобает зело чести книги, паче же детельные\* книги непременно л. 79 об. нужно чести на всякій часъ. // На вопросъ: «Кія суть детельныя книги» — ѿтвѣща: «С[в]я[таго] Ефрема Сир[ина], аввы Дорофеа, с[в]я[щенно]инока Дорофея, с[в]я[таго] Іоанна Лествич[ника], Альфа и СѰмега, с[в]я[таго] Ісаака Сир[ина], Нила Сорскаго. Вся книги читать полезно, а что ети детельныя наипаче всех, нужно нам в них ходить непременно, всякій день ходить и ходить.

По<sup>е</sup> преставленіи *о[т]ца* Силуяна в лето 7440 или 41 бысть в том месте раззореніе обителей и замоков христіанских *от* властей по возбужденію некоего ч[е]л[ове]ка, посланаго *от* них еже возбудити (возставити) на них заимских жителей, заеже не разумети сим коварства его. И\* во время нахожденія разорителей, приближившихся к келіям, мнози разбегошася, келіи сожгоша. Великим постом на вто-

<sup>г-а</sup> написано на правом поле;

<sup>е</sup> на левом поле поведѣ Кондрат[ий] Кипр[ианович];

\* на левом поле с рѣкописи *от[ца]* Александр[а] и *от* повести м[а]т[ери] Анны;

рое лето пришли нецѣи на попелище, и тут на пепле лежат мертвые свекровь со снохой, они жили у стариц. Точію по одежде их узнали, что лежат давно, а телеса были свежие.

Но паки на повести о[т]ца Савы обратимся, реченыи им о[т]цѣ Симеону, сей же нам предаде сице. //

## О<sup>о</sup> очарованном доме. Глав[а] 29<sup>н</sup>.

л. 80

Поведа нам *от[ецъ]* Сава (гл[аго]лет *от[ецъ]* Симеон), яко «егда, рече, еще жихом у о[т]ца Нифонта на Урале, случися вещь сицева. Бе живыи в деревне Кедровке х[ри]столоубец именем Василій, ему *ж[е]* древоделатели строиша дом для сына Гѣрїя, брата Феодорова (сей\* последній бе родитель м[а]т[ери] Міропїи, а деревня Кедровка на реке Сылве, верст 8 от обители *от[ца]* Нифонта). И очароваша его, и от того времени бываху многия различныя пакости в дому его от бесовскаго действа: метаеми бываху сосуды и прочїя различныя вещи на жену его. И в таковой напасти сыи, прїиде къ о[т]цѣ Нифонту, моля его прїити в дом его и молитву сотворити къ Б[о]гѣ о избавленїи от нападенїя вражїя. И тогда о[те]цъ Нифонт посла мя с некїими от братїи. И пришедше начахом молитися Б[о]гѣ. И бысть егда стоящу ми на м[о]л[и]тве, и се внезапно невидимыи враг удари мя в выю камнем, мне же не подвигнувшуся с места, на нем же стоях. По совершенїи *ж[е]* м[о]л[и]твы, егда начахом ясти, и во время вкушенїя пици начаша сыпатися угли на // трапезу невидимо *откуду*, и бысть на трапезе груды углей. В переднем же углу стояше сосуд с углями, приготовленными для кадила, и той обретесе тощъ; и тогда познахом, что те самыя угли, бывшіе в сосуде, насыпашася на трапезу действием бесовским. И по сем возвратихомся во обитель. Лукавый *ж[е]* не престаая кознодействуя в дому предреченнаго мужа, он не теряя надежду, паки приходит к старцем и просит о[т]ца Нифонта прїити помолитися. И тогда поиде сам о[те]цъ Нифонт, поим некїа от братїи. И егда прїиде в дом той и заметив некую юну девицу, помущены очи имущи, и начат ю вопрошати наедине о происходящим бесовском действїи, она же *отвещавши*, рече: «Наши древоделатели некогда нощїю заводиша мя в баню и даяху ми пряники ясти, и от того времени вижу мала отрока, ходяща zde, и метающа различныя вещи, и многїя пакости творяща». И по сем из[ъ]явленїи отроковицы, и по м[о]л[и]тве о[т]ца Нифонта з братїєю преста бе//совское действо в дому том».

л. 80 об.

л. 81

\*-и написано на верхнем поле;

к на правом поле говорит *от[ецъ]* Макарий;

## О умершей без покаяния. Глав[а]<sup>н</sup> 30<sup>н</sup>.

И паки той же поведѣ. У некоего, рече, хр[и]столюбца умре дщи напрасною смертию без покаянїа, о[те]ць же ея прїиде ко о[т]цѣ Нифонту, прося его м[о]л[и]твѣ сотворити о умершей. Он же отрицашеся, глагола, яко без покаянїа ѿиде. Обаче ж[е] умолен бысть и начаша молитися молебны (каноны) Прем[у]дрости Б[о]жїей и иныя. И бысть во время м[о]л[и]твы сщевое знаменїе: светильник, висящїй пред иконами, сам о себе нача двизатися (качатися). О[те]ць ж[е] Нифонт удержѣ его рукою и затвори окна, мняще бо от ветра сему быти. Но и по сем паки бысть движенїе светильника неколико крат.

## Ѡ о[т]це Феодоре. Глав[а] 31.

Той же паки поведѣ о о[т]це Феодоре, яко сей, рече, прежде пребываше у о[т]ца Израїла, и ради бывшаго ту гоненїа отиде оттуда, и прїиде ко о[т]цу Нифонту, еще млад сый, имея же велїю ревность и велико воздержанїе: егда бо подаяшесѣ ему некое уте//шенїе в пици, пирошки или что ино таково, и не хотяше прїимати таковая, аще прїимаше когда, то со скорбїю взимаше. Сей моляше от[ца] Нифонта, да облечет его во иноческїй чинѣ. Егда же не получи желаемое, сам облечесѣ в рясу и камилавку. Иногда австрїйскїе посылаху письма ко о[т]цѣ Нифонту, увещеваху его к своему мудрованїю. И егда он сїя чтяше, тогда о[те]ць Феодор, в болезни сый лежа на одре, и виде (яко ж[е] поведаше) мимо его одра ходящих бесов ко от[ца] Нифонту и обступающих его, аки бы увещавающих его преклонитися к воле австрїйских. И гла[гола]ше от[цу] Нифонту: «Когда приходят къ тебе от австрїйских письма, тогда вижу — беси-то и вертятся около тебя». Иногда некїи от братїи засыпа снегом окно келїи сего Феодора, он ж[е] гла[гола]ше свет имети. Иногда ж[е] гла[гола]ше нам: «Вижу высоко». Иногда отлучисѣ негде от[ца] Нифонт, Феодор ж[е] моля нас, да облечем и во с[в]ятыи анг[е]льскїи образѣ, мы ж[е] исполнихом прошенїе его. И пребысть на одре ле//жа. Егда ж[е] приближисѣ к скончанїю своему, гла[гола]ше: «Вижу мужа красна стояща». И по сем гла[гола]ше, аки бы с кем беседуя, и тако престависѣ от временныя жизни в вечныи покой в лет[о] 7393 8 февраля. По преставленїи ж[е] его прешедшим летом яко трїем, ископавшем гроб его, и обретесѣ тело его цело и нетленно, гроб же его бе сухѣ, зделан же из сыраго древа.

л. 81 об.

л. 82

## О чернор[изце] Паисїи бесном.

Паки той же *от[ець]* Сава поведаше: «В праздник, — рече, — с[вя]таго арханг[е]ла Михаила чтущу ми в Прологе Слово на собор его, и яко дойдох слова, еже рече с[вя]тыи арханг[е]ль Михаилъ ко анг[е]лом: «Вонмем!», и егда рекох се, тогда абїе вскочи беснии близ меня седяй чер[норизец] Паисїй, и бежа вон в лес, и помале возвратися». //

### О о[т]це Титѣ. Глава ° 31<sup>n</sup>. Съ рукопис[и] мат[ери] Македонїи и *от* повѣсти о[т]ца Симеона.

л. 83

Поведа нам о[т]ца Тита родитель Филипп (пишетъ м[а]т[ерь] Македонїа), что он до накрытия был Тимофей и видел сон. Говорит: «Был я на берегу реки некія, народу много, а я стоял весь во гнои кальном. И вопросих: “Можно ли мне очиститься?” Они сказали: “Иди, возми железныя книги, тогда очистишя.”» Далее повествуе*т* Филип[п], яко «хотящу ми его женити, поехали с ним в город Томск купить нечто на брак. И егда быхом во граде, аз на квартиру поидох, а он пошел на рынок. И ждах его, и бысть вечер и ночь, а его несть. И *от* печали не поужинав лег спать. И бысть утро, поидох искать его всюду и не обретох. Аще и в скорби, начах готовитися ясти; помолився, развернух мешец с хлебом, и ту малая хартия написана: «А пошолъ в пѣстыню спасться, прости мена, батюшко, и бл[а]г[о]с[ло]ви, и помолися Г[о]с[по]дѣ, и не ищите мена». Прочитав сїя, я вышел наружу, на восток со слезами помолился и, пообедав, // возвратихся домой. Три года не ведахом, где *есть* наш Тимофей, а егда уведах, ездил к ним (к старцам), кое-что им увез».

л. 83 об.

Последи *ж[е]* сей Филипп последовал к старцем и чин иноческїй восприя*т* *от* о[т]ца Мины, бысть черноризец Феодосїй, и *отиде* ко Г[о]с[по]дѣ.

<sup>n</sup> *далее зачеркнуто написанное*: О отцѣ Титѣ. Глава 33. И паки поведаше *от[ець]* Сава о чернор[изце] Тите, яко сей рече, исперва бе никонїанин, обаче, имея по Б[о]зѣ ревность к Б[о]гѣ, *отиде* в Соловецкїй монастырь, и мало пожив, *отиде оттуду*, позна бо неправую быти веру никонїанскую, и бысть христїанинъ // И приде к нам, тогда жившим на Чулуме, и бе живын в послушанїи, и воспрїя иноческїи образ, смирен бе, и кроток, и тщалив во всяком деле. Некогда убо постилающу ему полъ косно *ж[е]* за тщанїе плотности, зане зело добре строяше, мне же поносившу ему за медленное дело, он же, слышав, начат плакати. Сей, некое время пожив, в болезнь впаде, в неи же и преставися в лет[о] 7419//;

л. 82 об.

<sup>o-n</sup> *написано на правом поле*;

А<sup>р</sup> о Тимофее поведѣ нам о[те]ць Симеон, слыша от о[т]ца Сава сице, яко «сей,— рече,— бе прежде верою никоніянини, имейше же ревность многу, и прїиде в Соловецкїй монастырь, и мало ту пребысть. И не возлюбѣ тамо жити, позна бо неправую верѣ никоніянскую и развращены их обычаи, отиде оттуда. И Божїим Промыслом водимый, прїиде на Чулым в зимное время ко хр[и]столюбцам, просил их увести его къ о[т]цам. А<sup>с</sup> они говорят, что «мы не знаем их, даже не слыхали, что за о[т]цы». Долго находился здесь Тимофей, слѣжил им, возил дрова и сено.

Потом видевше хр[и]столюбцы труды его и желанїе, известили о[т]цам. Тогда о[те]ць Сава и от[ец]ь Силуян вышли, и собравшесѣ, начали советовать с хр[и]столюбцами. А Тимофей кланялся до земли о[т]цам, мужем, женам и детям, // просил: «Не оставте меня, грешнаго». Тогда о[те]ць Силуян сказал: «Кельи у нас тесны, если будешь спать у меня под кроваткой, иди к нам». Тогда они взяли его и увезли. Жил он с ними в послушанїи яко семь лет, во иночестве черноризецѣ Тит. Смирен<sup>т</sup> ж[е] бе, и кроток, и тщалив во всяком деле. Нѣкогда ему, настилающу пол добре и плотно, мне же (гл[аго]летѣ о[те]ць Сава) поносившу ему за медленность его дела, той же слышав, нача плакати.

Потом возболе чехоткой, и егда лежаше в болезни, исхождаше от него зловонїе. Егда ж[е] преставися, издаде бл[а]гоуханїе. Егда ж[е] несен бысть в часовню, тогда в некоем юноши нача бес вопити, душным его нарицая, и помале отиде оттуда.

Памать черн[оризцу] Титѣ 21 ѡввр[аля], година 6 сентаб[р]я 7419 года. Мы (пишет мат[рь] Македонїа) его видали, сїе было на Чюлыме.

## О Василїи. Глав[а] 34.

Паки поведѣ нам от[ец]ь Симеон, слыша от[ца] Савѣ, поведѣюща, яко «некїй,— рече,— юноша Василїй прїиде к нам во обитель, егда еще жихом со о[т]цем Силвѣном, понятїя ж[е] бе духовнаго о послѣднихъ // временах и немало о сем препирашесѣ с нами. И нача оказываться в нем живущїй бесѣ. И восхотехом его возвратити обратно в мирѣ. Уготованы быша некїим хр[и]столюбцем сани с коробом, и вседе на них Василїй. Изыдохом проводить его и узрехом его страшна виденїем: уста бо имей зело отверста, и язык испушен до персей,

<sup>р</sup> на левом поле от[ец]ь Симеон;

<sup>с</sup> на левом поле от[ец]ь Макарий;

<sup>т</sup> на правом поле от[ец]ь Симеон;

и очи яко волове гор`е зряща. Мы *ж[е]* обратихомся к стоящему над дверми келїи кр[е]стѸ ужасни и начахом молитися: «СѸ, Всепетаа М[а]ти» весь до конца. И по сем странныи беснаго вид обратися в свой образ, и тако *отпущен* бысть. И по некоем времени паки поиде к нам, и *от* некоего вопрошен вины шествїа, *отвеща* ему: «Иду убити о[т]ца Саву». Он *ж[е]* не *отста от* него, да видит что будет с ним. Сей же дойде до полупути, паде, не могїи более итьги, ни возвратитися, и последовавшїи на нартах увезе его домой». Дозде повести о[т]ца Савы, которыя слышал и запомнил *от[ець]* Симеон и передал их нам устно. И еще написа дополненїе к Родословной о[т]ца Савы сиче. //

## Дополненїе Родословной о[т]ца Симеона. Глава 35. л. 85

После описанїя своей жизни старец Сава поживе еще три лета и впаде в болезнь апреля 23. Та же повелевает собратися всей своей братїи, призва же и о[т]ца МинѸ, жившаго особенно во своей келїи. И поучив нас любви и смиренїю и прочее, и по сих глаголаше: «Уже, видно, конец приходит, о[т]цы и братїя». И тако нача вести речь, кому управлять братїею. И по многом сужденїи повеле о[т]цѸ Мине начал положить, еже и *бысть*. И тако о[те]ць Сава бл[а]г[о]с[ло]ви о[т]ца МинѸ и наказав ему по смерти своей перейти к братїи и по силе своей управлять ими, а братїи наказав тако: «*Якож[е]* иместе мене, тако имейте и о[т]ца Мину». И на сїе братия быша вси согласни и радосни. О[т]цѸ же Симеону бл[а]г[о]с[ло]ви в телесных работах нечто управлять, и тако разыдошася. Старец Сава боляше все лето, и достиже м[е]с[я]ць октябрь, и возболе тяжко, и 17 числа повеле положить себя на пол. Та же причастився С[в]я[тыхъ] Таин, яко в часу третїем, и по сих *бысть* // ему тежчае, и достиже до часа 5-го, и нача здыхати тише и тише. И тако успе сном вечнаго покоя в *лет[о]* 7437. По о[т]це Нифонте управлял братїею 40 лет. И тако погребен *бысть* братїею своею. Дозде Родословна.

л. 85 об.

Поведа нам той же *от[ець]* Симеон, гл[агол]а, яко «по преставленїи о[т]ца Савы говорил нам о[те]ць Касїан: “И дѸмаю, что о[те]ць Сава угодил Б[о]гѸ, потомѸ что а не могѸ на могиле его быть, тресет меня”. Так говорил *от[ець]* Касїан, понеже бесен был.»

Еще поведа нам мат[ь] МаѸимила: «Некогда идушим нам на могилу *от[ца]* Савы с бесной Евгенїей Семушиной, мне же не поведавшей ей, камо идем. И егда прїидохом на могилу его, тогда она закричала: “Зачем меня сюда привела к етому старичонку? Я его не люблю, он душной”. И мать Македонїа пишет, что бесная Евгенїа Семуш[ина] кричала на могиле о[т]ца Савы.



О[те]ць Сава еще при живности некогда принесе калачик хлеба *мат[ери]* Македонїи, она *ж[е]* его искрошила на сухарики и даде *от* них *мат[ери]* Акинфе. // И она единою зело боле главою 6 дней, и егда размочивши неколико крох *от* тех сухариков, и вкусивши их — преста болезнь главы. А сухарики она привезла на Тогульчес и малины с могилы *от[ца]* Савы. И оно лежало в туесочке на полке, а в келїе было сыро, и заплесневели и почернели сухарики и малина. И чрез некое время паки посмотрела, и они паки стали чисты и белы, также и малина, не заметно, что было плесневело. У той же *мат[ери]* Акинфы еще прежде главныя болезни заболело в горле, и егда принесла земли с могилы *от[ца]* Савы, бысть здрава. Дозде рукопись о[т]ца Антонїа.

### Дополненїе Родословной о[т]цемъ Симеономъ.

По смерти же *от[ца]* Савы о[те]ць Мина *отказался от* управленїя братїи, боясь понести тяготу их, и не прїиде к ним на жительство. Осташая же старцы, жившїя при недрах *от[ца]* Савы и накрытия его сии: старец Серапїон, старец Феодоръ, стар[ец] Антонїй, стар[ец] Макарий, и последнїй старец // Симеон — сиротствовать во юдоле плачевней сего мира. Аминь. Конецъ Родословной *от[ца]* Симеона.

Сей последнїй мудрованїем (по реченному, «Бѣдѣт последнїи первїи») о[те]ць Симеон написа прощальное письмо при гробнице *от[ца]* Савы пред *от[ъ]*ездом в пределы реки Енисея, имуще сиче.

Г[осподи] І[сусе] Х[ристе], С[ыне] Б[ожий], п[омилуй] н[ас]. Аминь.

Преч[е]стнейшїи и любезнейшїи о[т]че Саво. Аз греш[ный] в надежди на твои с[вя]тыя м[о]л[и]твы изрещи хощу последнее слово при последном прощанїи и зренїи гроба твоего. Первое, мы должны возблагодарить за твое великое бл[а]годееяніе, ч[е]стнейшїи о[т]че, яко твоими труды и поты сподобихомся обитать в сей безмолвной пустыни почти двадцатилетнїй круг поприща, охраняеми твоими м[о]л[и]твами, яко тобою сподоблены быхом зде положить начатки иноческїя жизни, и при твоих наставленїях нам легка была сїа многотрудная жизнь. Мы, немочнїи, всегда утекали *от* многокозненных ратей бесовских под покровом с[вя]тых твоих м[о]л[и]твъ со исповедїю. Когда вспомню азъ при твоих об[ъ]ятїях оную жизнь, то не могу // удержаться *от* слез. Мы взирали на тя как на великаго подражателя древних с[вя]тых о[те]ць. Ето не мои слова, но твои дела аки труба вопїют. Ибо в начале при младосте твоих лет, егда найде на тя раченїе пустынныя жизни, тогда оставил еси мир и яже в мире и в са-

мую глухую полночь изыде из дому своего, никим *жс[e]* ведом, текій гоня пустынную жизнь, аки елень на иточники водныя. И егда постиже, пребысть невозвратен, борясь со искушеній бесовскими. Тебя не увлекла любовь девицы<sup>у</sup> при испитии настроенныя чаши *от* врага. Ты мужественно перенес каменное заушеніе *от* демона. Ты прошел еси узилища и темницы и неоднократно был еси в руках разбойник, но сохраненъ бысть Б[о]гом для будущаго поколенія. Ты мужественно совершил еси пятьдесятолетное поприще пустынныа кр[е]стоносныа жизни и почи о Г[о]с[по]дѣ с миром, а нас оставил во младости лет сиротствовать во юдоле // плачевном сего мира. На нас теперь ужасно разбушевалась темная туча безбожія, они разрушаютъ весь строй хр[и]стїанской жизни, и мы оказались в плену не знающихъ Б[о]га. Весь мир волнуется, хр[и]стїанское сословіе разъезжаются, наступили лютые предсказанные плачевные времена, воторыа Ц[е]рковь Х[ристо]ва побегнетъ в глубочайшую пустыню, носящи терпенія вожделенныи кр[е]сть пресладкаго І[су]са.

л. 87 об.

Вотъ это-то обстоятельство подвигло и нас к поездке, ч[е]стнейшій о[т]че, оно невольнo заставляетъ нас разлучатся *от* твоя с[вя]толепныа гробницы. Увы мне! Она скоро незрима будетъ нами вечно, она скоро исчезнетъ *от* нашего зренія. И сего ради прїидохом к тебе, ч[е]стнейшій о[т]че Сава, ты нас бл[а]г[о]с[ло]ви при последней разлуке твоимъ с[вя]тымъ о[т]еческимъ последнимъ бл[а]г[о]с[ло]веніемъ на предлагащій намъ путь поездки перемещенія и на вся дела бл[а]гаа д[у]ховныа наша жизни. Мы верим, что ты жив о Х[рист]е, ты слышишь нашъ лепет, ты видишь, что вси мы в великой скорби и туге ради разлуки твоя с[вя]толепныа // гробницы и пустыни и ради путешествія посреде супостат. Ты о[т]ечески покрый чада твоя с[вя]тыи твоими м[о]л[и]твами и *от* д[у]шегубныхъ волков, ты бл[а]говоли умолишь Н[е]б[е]снаго Владыкѣ направить нас в нарочитую безмолвную пустыню. Ведь твои труды и потове незабвены предъ Б[о]гомъ, твое потомство не оскудевает, над нимъ збываются словеса С[вя]щеннаго Писанїа сии: «Домъ Давыдовъ умножается и возмощаетъ». Возведи окрестъ очи твои и виждь, се бо прїидоша к Тебе яко бл[о]госветлаа светила ѿ запада, и севера, и моря, и востока чада твоя, в пѣстыни бл[а]г[о]с[ло]ваще Х[рист]а вѣвки\*. Твоя о[т]еческая слава и нас непосрамленыхъ соблюдает, твоимъ д[у]ховнымъ богатствомъ и мы красуемся, нищїи. Но прости мя, о[т]че с[вя]тыи, что я, грубый невежда, дерзнулъ при твоей гробнице пролепетать такое слово. Я со-

л. 88

<sup>у</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на нижнем поле О[т]цѣ Сава еще в младыхъ летахъ некогда бралъ ѣгоды, к немѣ подошла наедине девица и нача его сговаривать на грехъ, но онѣ не послѣша ея, уклониса отъ нея.— *Отъецъ* Антонїи;

л. 88 об.

знаю, что оно мне не на пользу, но вот то жалко, что не стало учителей, замолкли философы пред напором безбожія, некому стало словом ученія Новаго І[зра]ила поднять умы // на высоту духовнаго разума, парить безпрепятственно къ Горнему Іер[у]с[а]лимѸ.

Да еще понудило коснуться слова скука и разлѣка последняго свиданія и для памяти перемещенія твоего потомства. И тако оканчиваю слово, и любовію запечатлеваю, и припадаю к твоему о[те]ческому гробу, и прошу твое последнее о[те]ческое прощеніе, и бл[а]г[о]с[ло]веніе, и с[вя]тых твоих м[о]л[и]твѣ в напутіе наступающаго плаванія и на все текущіе лета нашей жизни. Аминь.

### Глав[а]<sup>ф</sup> 37<sup>х</sup>. Еще другое письмо от[ца] Симеона, также приличествующее времени преселенія.

Г[осподи] І[сусе] Х[ристе], С[ыне] Б[ожий], п[омилуй] н[ас]. Ам[инь].

л. 89

Всечестнейшим старицам zde и во иных местах во извесности живущим аз, греш[ный], во-первых трекратно земно кланяюсь, мира, здравія и душеспасенія всеусердно желаю и прошу прощенія и бл[а]г[о]с[ло]веніа и с[вя]тых ваших м[о]л[и]твѣ в напутіе моей грешной жизни и наступающаго плаванія. Так что как бы уже наступили эти последніе дни моего zde пребыванія и оне меня выдвигают как бы не//волею от сея пустынной жизни. Горній ли ето Б[о]жій Промысел устрояет, или же аз по грехом моим явихся недостоин zde пребывать во с[вя]тей сей пустыни, охраняемой Б[о]гомъ в толикое бурное время?

☩ пустыне! Процвела еси яко крин, умножила чада твоих рачителей, ты явилася как бы центром по Россіе пустынножителямъ или же пристанище буруемых и гонимых. Ты ос[вя]щена еси непрестанными м[о]л[и]твами подвижников и окроплена теплыми слезами. И вот с таковой многовожденной ми пустыней ныне приходится мне раставаться, она скоро исчезнет от моего зренія, и уже к тому не узрю zde ревнителѣ<sup>н</sup> пустынных и моих любовных сожителѣй и благодетелѣй.

☩ сотрудицы мои, вы были мне рукою в деланіи, ногою в хожденіи, глазом во зреніи, ухо во слышаніи, унынія расточителями, к добродетелем советниками, при немощи<sup>н</sup> телесной кормителями. Не

<sup>ф-х</sup> написано на правом поле;

<sup>н</sup> исправлено, в рукописи ревнитерей;

<sup>н</sup> исправлено, в рукописи немиши;

возмо<sup>ж</sup>ет бо ваше благодеяніе по достоинству возблагодарити мой греш[ный] язык, точію се: Б[о]гъ вас спасет и поми//лу<sup>ет</sup>, и помози вам, Г[о]с[по]ди, д[у]шѣ спасти и получитьь вместо земных н[е]б[е]снаа и наследіе вечное в неизреченной радости со Хр[и]стом.

л. 89 об.

И затем прошу еще едино ваше великое благодеяніе, ч[е]стейшіи о[т]че Мина и вси старицы и д[е]вицы, так что я нынѣ вдаюся в волны плаванія посреде неверных истязателей, то и прошу: помолитесь о нас къ м[и]л[о]стивому Б[о]гѣ, дабы он сохранил нас от рук неверных и подал безбедное плаваніе во всем нашем предлежащим пути. И вот с[я] моя к вам слезная прозба, любимицы наши, не забудьте нас во с[в]я[т]ых ваших м[о]л[и]твах и не помяните моих грубых и досадливых к вам поступков и соображеній. Я сознаю свои великія недостатки и страстьми испорченѣю мою душу, и порабошеною яростию, и дышущю часто гневом. Но вот при последней разлуке желаю с[е]рд[е]чно проститься: Г[осподи] И[сусе] Х[ристе], С[ыне] Б[ожий], п[омилуй] н[ас], простите мя, греш[наго], о[т]цы и м[ат]р[е]ри, братіа и сестры, и вас Б[ог]ъ простит. Г[осподи] И[сусе] Х[ристе], С[ыне] Б[ожий], п[омилуй] н[ас], бл[а]г[о]с[ло]вите, и вас Б[ог]ъ бл[а]г[о]с[ло]витъ. Г[осподи] И[сусе] Х[ристе], С[ыне] Б[ожий], п[омилуй] н[ас], и помолитесь за нас, греш[ных], и за вас Вл[а]д[ы]ч[и]ца молится. Б[о]гъ да избавит нас от непріязни во веки. Аминь. //

Мая 17 вышли из пустыни обитаніа, 23 же поплыли в<sup>ш</sup> лодіах<sup>ч</sup> и 24 августа в ночь пріидо<sup>м</sup> в седалище временнаго пребыванія на Безимянку въ<sup>з</sup> 7446 г.<sup>н</sup> Дозде от[е]ць Симеон.

л. 90

Зде достоит вчинити дополненіе Родословной, в которой описано пространно о преселеніи пустынножителей, о другопредатном бл[а]г[о]с[ло]веніи, о разореніи обителей, о взятіи старцев и стариц и о освобожденіи их, и о о[т]це Симеоне и о кончине его. Имать же сице.

### Глав[а] 38<sup>о</sup>.

Г[осподи] И[сусе] Х[ристе], С[ыне] Б[ожий], п[омилуй] н[ас]. Аминь. По прошенію о[те]ць и братіи наших изволих аз, многогрешный Іе[рон]о<sup>с</sup>, описати тесношественное пребываніе и бегственное житіе старцев и стариц, продолжающееся и в наши дни сея многотрудная жизни. Описываем пред Всевидящим оком Божіим[ъ], аще и выше

<sup>ш-ш</sup> написано на правом поле вместо ошибочно написанного в строке во льдах: в обоих случаях слова подчеркнуты;

<sup>н-н</sup> написано над строкой;

<sup>с-с</sup> написано на правом поле;

<sup>о</sup> три последние буквы заменены точками;

л. 90 об. моего разума сїе, но имея надежду на Вышняго Ц[а]рѧ Х[рист]а нашего, и Пр[е]ч[и]стѧю Д[ѣ]вѧ Б[огоро]д[и]цѧ, и с[вя]тыхъ всех, имемся описанїя о сих жизни и в наши дни, елика ушима слышахом *от* них, // и елика очи наши видеша, еже бы незабвенно было в преднейшія роды.

Пишется в книге Родословной\*, что о[те]ць Мина\* воспрїят бл[а]г[о]с[ло]венїе *от* о[т]ца Савы управляти братїею по его преставленїи въ 7438<sup>м</sup> году. В Родословной повествуется, что о[те]ць Мина *отказался от* управленїя братїи и не приїде на жительство к ним. Аще вначале тако бысть, но послѣде не тако сотворися. О[те]ць Мина аще и не приїде во общее жительство ко старцем, но, в уединенїи пребывая в келїи, лобызая безмолвіе, а нужды духовныя все исполняя старцев и стариц и яко о[те]ць чадолюбив печашеся ими. А в телесных работах старец Симеон управляше, яко на се име бл[а]г[о]с[ло]венїе *от* о[т]ца Савы.

л. 91 По сем по прохожденїи неколиких лет, егда начаша безбожнїи врази кр[е]ста Христова устрашати раззоренїем и изгнанїем из обителей, да и много уже раззориша поблизу живущих, тогда и во обители о[т]ца Савы сотвориша совет о перемещенїи в другїя места. И егда, по разѣследовани мест, обретоша // места по разуму в притоках реки Енисея по теченїю левой стороны, первоначально в пределах притоков Малаго Каса.

В лето 7444-е первым изследователем и основателем сих мест из старцев был о[те]ць Антонїй\* из обители о[т]ца Савы и его накрытїѧ, гдѣ по разсмотренїю его населишася обоего пола старцев и стариц.

л. 91 об. Начало переселенїя старцев и стариц из Кольванской тайги в сїи места в 7445 году после разсмотрения мест о[т]цем Антонїемъ выше означеных, было решенїе перемещаться на них для будущаго пребыванїя. Тогда начаша переселятися старцы и старицы на новые места, аще и не во едино время вси, нецыи зимою на конях, друзїи летом в ладїях, в велицей боязни *от* преследованїя со стороны безбожных властей. Но с Б[о]жїею помочїю и за м[о]л[и]твы сподвижников прехождахѧ без вреда. В переселенїи, как и в изследованїи мест, первым был о[те]ць Антонїй, с некими // старицами преселися зимою 7445 года из Кольванской тайги в выше означеное место. О[те]ць Симеон преселися в 7446 годѧ в выше означеное место. При отъезде на новое место жительства о[т]ца Симеона о[те]ць Мина преподаде ему бл[а]г[о]с[ло]венїе на исправленїе д[у]ховныхъ нужд и управленїе над братїею. С сим с[вя]тоо[те]ческимъ другопредатнымъ бл[а]г[о]с[ло]венїем преселися о[те]ць Симеон в выше указаное место в притоки Малаго Касса. Таковое бл[а]г[о]с[ло]венїе последи дано бысть *от* о[т]ца Симеона на исправленїе духовныхъ нужд о[т]цѧ

Антонію и при раззореніи обителей в 7459 годѣ о[т]цѣ Тимофею\*, яко же подлежащая явит повесть.

Обратим речь о о[т]цѣ Симеоне, яко аще име бл[а]г[о]с[ло]веніе о[т]е[ц]ъ Симеон, обаче еще неколико время не исполняя нужды духовныя, разве телесныя работы, и разсужденіи среди братіи в телесных и духовных наставленіях на его попеченіи быша. Духовныя дела, касающіяся исповеди, исправляше о[т]е[ц]ъ Мина до преселенія его в // 7449 годѣ на речку Вороговку, приток Енисея по теченію правой стороны, со старицами Мастрадію\* с сестрами, а о[т]е[ц]ъ Симеон з братією усмотреша места в притоках Енисея по теченію левой стороны по реке Дупчес и его притоках.

л. 92

### О основаніи Дупческих скитовъ.

Вначале в пределах реки Дупчеса и его притоков в 7447 году первым исследователем и основателемъ сих мест бысть той же выше помянутый о[т]е[ц]ъ Антоній с некѣими из братіи, где последи множество населишася обоего пола старцев и стариц и некѣих из хр[и]стіян под покровительством и управленіем о[т]ца Симеона до раззоренія обителей безбожными властми. Егда в пределах Касса вышеозначенной местности временно проживающим старцем и старицам далее невозможно было пребывать ввиду притесненія от властей умноженія ради стекающагося народа, аще и поткнуша себе кущи для временнаго пребыванія. Но егда обретеша место в притоках Дупчеса, тогда подвигошася на переселеніе в сїи места, аще // и не во едино время вси ввиду скуднаго питанія сей малопродуктивной местности — более других холодной северный край. Оставляху свои колибы\* и переселяхуся в сїю малопродуктивную холодную страну, отдаленную большим расстояніем от мира, в глубокую тайгу, не боящися глада и смерти, носяще кр[е]сть Пресладкаго І[с]уса. Преселяхуся водным путем весной по открытію воды. В 7448-м году преселися в сїи места о[т]е[ц]ъ Симеон с некѣими из братіи и нещии из стариц.

л. 92 об.

В сих летех пришлось всеконечно раз[ъ]единитися старцем от[цу] Симеону и от[цу] Мине, яко о[т]е[ц]ъ Мина по прошенію м[а]м[ери] Мастрадіи преселися инамо, якоже выше о сем писано. При от[ъ]езде о[т]ца Симеона из Касовых пределов в сїи места, в\* Дупчес<sup>viii, a</sup>, о[т]е[ц]ъ Мина преподаде ему бл[а]г[о]с[ло]веніе еже прїимати на исповедь женскій пол, его же прежде удержаваше. Но о[т]е[ц]ъ Симеон не изволи примати на исповедь женскій пол, дабы<sup>b</sup> не повредить душев-

\*-viii, a *натисано на левом поле, подчеркнuto;*

<sup>b</sup> *исправлено, в рукописи дыбы;*

л. 93 ную доброту, яко бдительно о всем разсмотря и тонкочастне размышляя в борьбе с помысли *от* бесов, // бл[а]г[о]с[ло]ви о[т]цѸ Антонію прїимати на исповедь женскій пол, яко могущаго сїе понести. И даже в мире живущим и не имущих о[т]ца духовнаго по великому прошенію хр[и]стіян прїимаше помысли. А о[т]ецъ Симеон по великому прошенію старцев склонися, начат прїимати на исповедь мужескїй пол, и все нужды духовныя исполняя, и словом поученія на правыи путь всех наставляя. И тако пожиша до раззоренія обителей безбожными властми.

О[т]ецъ Мина преселися в выше реченно место на речку Вороговку, и поживе там один год и два м[е]с[я]ца, и преставися о Г[о]с[по]де с миром, бе бо смирен старец вельми. Преже скончанія своего име желаніе преселиться ко старцем на Дупчесь, но не возможе един и никто же обретесе ему помогаи. И тако почи о Г[о]с[по]де сном вечнаго покоя и погребен бысть старицами, близ с ним живущими, м[а]т[ерью] Мастрадіей с сестрами в 7450 годѸ 6 августа.

л. 93 об. А старцы под покровительством всемогущаго Б[о]га и под управленіем о[т]ца // Симеона пожиша в тишине и безмолвіи, тако же и старицы. Все находящїися в пределах притоков реки Дупчеса пребыша мирно до наступленія весны 7459 года, до опустошенія, и раззоренія, и обителей сожженія безбожными суровыми безчеловечными властми. Аще и прежде сего с воздуха многое время назираху, а в сїе время по земли шествующе, явишася посланїи *отряд* безбожных варварѸ со оружіем и палицами, аки на разбойников, жаждуще во един бы час пожрети и истребити всех, но не имеху на се позволенія. И невозможно было им всех скоро яти, яко разсеяни бяху, жилищам сокровенным по разным местам укрывающися<sup>в</sup> и стези не имуще к жителству своему, яко мнозех без вожатых невозможно бе обрести.

л. 94 Егда же Б[о]жїим попущеніем прїидоша до близу живущих стариц, бывших во известїи *от* них на речке Мал[ый] Тугульчес, на пути елико кого обретаху мирян возмогающих, пленяюще сих, емляху с собою в путь, везуще// с собою оружіе и продукты питанія, всех плененных впрягаху аки скота, хотяща и не хотяща нудяху шествовати с ними, везуще сим потребная и стезю показующе, преди текуще на лыжах, яко зима бе и уже к весне<sup>г</sup> приходдаше. Сїи вельми спешно идуще, в малые дни великое растояніе пути проидоша, не чуху усталости. Б[о]гѸ в мале попустившу пострадати, а врагу сих вооружившу, с великим тцаніем и скоростію текуще на раззореніе стада Х[ристо]ва словесных овец.

<sup>в</sup> в рукописи буква и исправлена из буквы ъ;

<sup>г</sup> исправлено, на правом поле вместо написанного в строке концу; оба слова подчеркнуты;

В ночь на 23 марта 7459 года, в среду 4-я недели с[вя]таг[о] и Великаг[о] поста неожиданно явился хр[и]стїаноненавистный полк безбожных варвар к жившим на Тогульчесе смиренным старицам, многим уже почивающим, яко ночь бе. Сїи варвари по указанїю своего предводителя во вся проходы раступишася и окружиша, но никтоже бе сопротивляяся или бежа куда, но вси смирено пребываху во ужасе *от* незапнаго нашествїя дікообразных во множестве варвар, не смеюще рещи какова-либо слова. Мало последи несколько прїидоша в чувство, // начаша г[лаго]лати. По первому требованїю *от* старших *отряда* было дать им пищи, накормить всех пришедших, близ 40-ти человекѣ. Сїе сотвориша смиреннїи старицы, всех накормиша и напоиша. А место для *отдыха* они, зверонравнїи б[о]гохульницы, избраша часовню, где по прибытїи сразу же сїя красоту обнажиша, с[вя]тыя книги и иконы попираху и сожигаху, аще и не вси первее, но егда по *от[ъ]езде* — вся сожгоша, келїи, и книги, и иконы, разве аще негде Божїим бл[а]г[о]воленїем ошаша или сокровени быша негде. Зде явнаа мерзость запустенїя творящеся *от* них на месте с[вя]те\*, скверными своими руками всю с[вя]тыню истребляюще, б[о]гохульными словесы и скверными неизг[лаго]ланными сквернословїи насмехающеся, и табачным дымом всюду обдыхающе, аки пси ненасытнїи сего сосуще, никогда же насытишася, и аки мотыло смердяще. И прочая наруганїя и посмеянїя неизчетная творяху над всеми обычаи хр[и]стїянскими и утварми ц[е]рковными. Како стерпе м[и]л[о]с[е]рдый Г[о]с[по]дѣ, за таковое беззаконїе не // казни их, не повеле земли пожрети сих живых? Великое м[и]л[о]с[е]рдїе Б[о]жїе долготерпит о всем. Стражу поставиша, день и ночь стрегуще, еже бы никто никуда возмог убежати.

л. 94 об.

л. 95

Зде на Тогульчесе сотвориша главное место пребыванїя, всех *от* всюду, кого емляху, сюда привождаху. Во утрїй день 23 марта зело рано пришедше к соседствующим старицам Флине\*, *отстоящим* 4 поприща, и сим об[ъ]явлено было *от* старших *отряда* выселиться на Тогульчес. При помощи мирян старицы вместе с животными своими были выведены и перевезены человеческою силою вси в главный штаб, а кельи чрез несколько дней все были сожжены, старицы собрани во едино место под стражу.

Главный *отряд* состоял из 22-х человек, а остальные собрани были люди по дороге; кои были взяты дальнаго разстоянїя пути, всех пустиша домой, а близуживущих крепко надзираху, да не убегут *возвестить* прочим тамо живущим, и скрываются, // и не обрящут кого из старцев. Сїе вельми было для них печальным и недопустимым. *По* сему крепко всех испытавше и истезавше, ово ласканїем, ово страхом, не возмогоша обрести ч[е]л[ове]ка, самохотно ведущаго их ко старцем. Тогда сами поидоша и всех пленных с собою ведущи, оставльше

л. 95 об.



некую стражу для охраны стариц. Но путь не ведяку направлєнїя, не можаху пойти. Сего ради среди пути избираху таковых, кто мог бы их довести. И обретєся таковыи ч[е]л[ове]кѣ, г[лаго]ла им: «Аще и вем ко старцем путь, но не поведу вас, да не буду предателем Ц[е]ркве Х[рист]ове». В такомє исповеданїи гнаху его пред собою, биюще без милости палицами, пременяющеся; преїдоша дне путь, обночеваша. Во утрїи 27 марта в понедельник 5 нед[ели] поста, аще и не хотяще, обретєся близ стариц Валентины\*: направлєнїя пути ко старцем меньше, сих миновахом, а ко старицам Валентине внезапно заїдохом.

л. 96

Зде зверонравный отряд безбожных варвар мно//го лютости показа, озлобленный неудачным походом к старцем. Многих стариц напугаша, порядки свои поставиша, много наругавшеся над с[вя]тынею, красоту ц[е]рковную обнажиша, якоже в начале сотвориша у стариц на Тогульчесе, зде больше показаша озлоблєнїя.

Оставльше стражу над старицами, 28 марта во вторник поїдохом в поиски старцев. Вышепомянутый исповедник, пребывая непоколебим во своем исповеданїи, г[лаго]лаше: «Не иду предавать Ц[е]рковь Х[ристо]вѣ с вами». Они ж[е] бяху его палицами без милости, яро взирающе и кричаще убити, г[лаго]люще, и всех нас, яко не ведем их, дающе направлєнїе на юг итьти, и сами следующе сим направлєнїем.

л. 96 об.

Но аще со слезами и не хотяще быти предателями, Б[о]гѣ попустившу, обретохомса близ старцев сим направлєнїем. Егда ж[е] видєша обитанїя старцев безбожнїи, тогда аки зверїе дивїи устремишася на них, един другаго погоняюще, со оружіем на безоружных смиренных старцев наскочиша, ничто же таково чающих. // Елико обретше, всех взяша под стражу, допытывались старейших: о[т]ца Симеона, о[т]ца Антонїя и Александра\*, личности сих не вєдуще. И егда по многом истязанїи нецїи из братии назвашєся сими имены, каковы они требоваху, дабы избежать поисков сих старцев — занє имена сих старцев у них записаны, а личности не знают — но не возмогоша сих укрыти. О[т]ец Антонїй обретєся сам зде взятым (г[лаго]лемо на старине), а о о[т]це Симеоне и Александре уведано бысть от неких старцев страшливых, яко инамо пребывают на новом месте. И снова поиски открылись, обретєся таков ч[е]л[ове]кѣ, страха ради приведе их к дверем келїи и не ведеху, что зде есть жилище, понеже в земли вкопавшеся и незримо бысть отнюд. Но по указанїю вєдушаго сїе укрытие ничтоже возбрани, ни поможє укрытїя таковоє многотрудное созиданїє, и стези не имущєє. 1-го апрєля в субботу акафистову в вечернее время прїїдоша зверонравнїи во обитель о[т]ца Симеона, обночеваша. Во утрїи всех с собою поведоша ко // старцем на старину во едино место, где находилос[ь] главное их начальство. А келїи и всю с[вя]тыню, ели-

л. 97

ко бысть древних с[вя]тых книг и икон великое множество, все огню предаша (точію напр[е]стольное Ев[ан]г[е]ліе древней крупної печати и бисерныя ризы со с[вя]тых икон содраша, с собою взяша), также и хлеб, и овощи, и все продукты питанія, ничтоже пощадеша.

Прежде сего времени многое нечто было сокрыто в снегу, даже и сами старцы сокрывахдся, а на сіе время, все изнесше наверх, к жилищу принесоша и сами пріидоша: аще и боящеса, предположительно ожидаху такового нашествія, но уже тепло бе и вода нача являтися, но сами старцы еще хотеша воскр[е]с[е]нние пребыти и по сем паки бежати по лесам укрыватися, но не успеха. В сіе время пріидоша к ним безбожнїи и взяша их, Б[о]г҃ тако попустившу, точію два ч[е]л[ове]ка сокрышася из старцев: о[те]цъ Тимофей и Макаріи\*, не яты быша. А прочїи вси из старцев яты быша и выведены на Тогульчес в главное местопребываніе безбожнаго отряда, где были весма радостни безбожницы, // яко обретше того настоящего о[т]ца Симеона и всех прочих. Тако же и стариц по мале времени всех во едино место собравше, и стрежаху крепко. А келїи и всю с[вя]тыню, книги, иконы, и продукты, и вещи — все огню предаша, наругавшеся над с[вя]щенным местом и с[вя]тынею. А еще многое безчинныя воины женское празничное одеянїе емляху, во своя влагалища наложиша. Животных всех по оскуденїи снега тоже сюда на Тогульчес во едино место собраша. Главари безбожнаго отряда были по фамиліи Щербин, и Валов, и обыскатель народа и вещей лютый безбожный тиран Сафронов, и словоиспытатель Соколов. Впоследствии была об[ъ]явлена от неких м[а]ть Тавифа\* с сестрами, скрывшимися негде. Поход в поиски сих был немногими из отряда солдат с предводителем Софроновым и Нечаевым. Сей последний поход в поиски сих стариц совершался без нас, точію со старцами: миряне в то время находились на работе плотов по реке Дупчесу. Но слышахом от неких, како зверонравный безбож//ный тиран Софронов кия козни не умысли над смиренными старцы, дабы сказали пребываніе стариц и путь к ним и да ведут на место. Старцы, не хотяще быти предателями, не хотяху показывать путь к ним, аще нецыи и ведяху путь. Един из старцев дерзновенно изрече: «Аз вем сих стариц, но не иду предати стадо Х[ристо]во». Сей зверонравный в ярости бияше перее толстыми палками, потом тонкими прутьями бїяше без м[и]л[о]сти, потом верівю, оцепив за тайныя уды, влечаше без милости, дабы вел ко старицам (ето<sup>д</sup> былъ о[те]цъ Израиль<sup>е</sup>) и прочая<sup>ж</sup>

л. 97 об.

л. 98

<sup>д-е</sup> написано в строке более мелким почерком;

<sup>ж</sup> в рукописи буква а исправлена над строкой из первоначально написанной в строке буквы і;

многа истязанія и томленія новым исповедником содела, б[о]гохульная наруганія и срамословія воздух оскверни скверногланіем. Сїи терпяху о Г[о]с[по]де вся находящая на них напасти. Нецыи из старцев не были тако истязуеми, якож[e] друзїи несколько, усумнешася, видяще тако истязуемых, начаша соглашати ся искати, аще точно не все ведяху сих стариц, но хождяху семо и овамо, разсмотряюще ради стра/ха, аще и чрез велїю скорбь бе обаче хождяху, Б[о]жїим попущенїем найдоша на стариц.

л. 98 об.

Старцы просили канвой, чтобы внезапным нашествїем не устрашить стариц, и молища Софронова не оказывать суроваго обращенія. И так тихо помалу-помалу прїидоша<sup>3</sup> къ келїям и вшедше в ня спокойно. Таковым приходом старицы мало устрашени быша. По обысканїи было об[ъ]явлено всем собираться и выходить на Тогульчес, где вси собрани уже быша, старцы и старицы, во едино место. И собравшеся пойдоша, не могущих же идти старцы в нартах повезоша. По выходе из келїй стариц обычно бысть все предано огню, разве что где возмогоша сокрыти, а на себе мало что возмогоша понести; оставшее все нещадно предаша огню.

И старицы Евгенїя\* и Маргарита\* в сїе же время взяты быша и выведены, яко близ живущїи со старицей Тавифой. Приход был властей к сим старицам 12 апрела в Страстную среду; четверток отдыхали, в пяток пошли с места. Дорогой начевали две ночи, пришли на Тогульчес в Хри//стов день.

л. 99

И тако вси во едино место собрани быша под стражу. Потом избраша некїих и отправиша на реку Дупчес к миряном на строенїе плотов, большая часть людей оставлени быша на месте. Могущїи строили плоты и здесь на Тогульчесе. Приспе праздник Пасхи, всех изгоняху на работу и неволею творяху озлобленїе. По открытїи воды соделаша плоты zde на Тогульчесе и на Дупчесе и собравше мало точїю не всех, как старцев и стариц. Из старцев ошастася два ч[е]л[ов]е[к]а вышепоманутые — о[те]ць Тимофей и брат Макарїй, а из стариц — мать Анатолїя\* с пятїю послушницами: Божїим изволенїем покрываеми ошастася в некоей сокровенной келїе, близ старицы Валентины пребывающих. А прочїи вси волею или неволею об[ъ]явлени быша и изведены из келїй 60 ч[е]л[ов]е[к]ъ, из них мужеска пола 19 ч[е]л[ов]е[к]ъ и женска 41 ч[е]л[ов]е[к]ъ, но потом с пути плаванїя из того числа убегше мужских два ч[е]л[ов]е[к]а и женских четыре. Оставшїяся 54 ч[е]л[ов]е[к]а были вывезены на плотях на Енисей в народное место, половина из них были отпушены на свободу

л. 99 об.

как менее // значительных по определенїю безбожных, а другую по-

<sup>3</sup> исправлено, в рукописи ошибочно прїидоша;

ловину — 13 ч[е]л[ов[е]къ мужских, из них 8 черноризцев, и женских 14 ч[е]л[ов[е]къ, из них 12 черноризиц, были под строгой стражей отпращены в красноярскую внутреннюю режимную тюрьму, за которыми более имелось подозрѣнїе от властей, яко предводящїи людьми и для них неблагонадежными.

Здесь начались допросы и разследованїе\* от рожденїа и до сего времени, кто каков и откуда бысть, и что имя ему, и чесо ради последова на пустынное житїе. И из мирян хр[и]столубцев были вывезены, кроме скрывшихся, три семьи и одиночки, всего 14 ч[е]л[ов[е]къ. Из них трѣх удержаша, а оставшїи пущены быша на волю. И еще из хр[и]стїан трѣе из других мест взяты быша в сіе же время, и во едино место собрани, и вси отпращены быша в тюрьму. Хр[и]столубцев 6 ч[е]л[ов[е]къ — сим об[ъ]явиша вину, яко помоществоваху старцем и старицам.

И по многом разследованїи и содержанїи в тюрьме один год и несколько дней сих 33 ч[е]л[ов[е]ка осудиша неви//нных неправедным судом, всех к лишѣнїю свободы и на работы сроком на 25 лет, инїи же на 15 и на 10 осуждени быша. И потом вси быша отпращены по лагерям на работы, нецыи и в дальняя края, кого куда по имени властели определиша. О[те]ць Симеон, от[ецъ] Антонїй, и Александр, и еще нецыи из старцев и мирян, и мнози из стариц были отпращены в Иркутскую область в мае м[е]с[я]це 7460 года. А уже 5 августа 7461 год[a] преставися о[те]ць Симеон, пребыв в заключенїи от начала взятїа два года и четыре м[е]с[я]ца, мало пищи прїимаше, в воздержанїи пребывал. В тюрьме варево не прїимаше, и в лагерях тоже варево не прїимаше, разве когда даваху крупу, сам варяше. Оскуде здравїем, яко и прежде сего здравїем некрепок бе, изнеможе телом и впаде в недуг, об[ъ]ят его опухоль, и помалу предаде д[у]хъ свой Г[о]с[по]деви. И прїят могила неизвесная для нас многострадальное тело его в недра своя, погребен бысть тамо сущими погребатели на указанном месте. Сїе мы слышахом чрез писменное сообщенїе с ним бывшаго некоего сострада//ца по лагерю, по имени Ивана, сообщившаго о его кончине сюда родственникам.

л. 100

л. 100 об.

С великою слезною скорбїю было слушать таковое печальное известие, что мы вси лишихомся такового светильника, сияющаго всему миру и всем нам делом и словом, могущаго научити и утешити во всех напастех. Вельми бо разумен, и" в Писанїи наказанъ, и мудръ\* во всем бяше, и в духовном, и в телесном разсужденїи несть сему подобнаго, всех на путь спасенїя наставляше и поучаше словом

\*к написано на левом поле со знаком вставки +;

и житием. И в сѣ время невозможно утешитися о лишеніи возлюбленнаго нашего наставника и учителя, даже солнце светит немило, и свет помрачися во очах, не видя и на слыша сладкїя г[лаго]лы о[т]ца Симеона.

Но се все не *от* нас бысть, Б[о]гъ тако благоизволившу и восхотевшу пояти его к себе в место покойно, *от* скорби на радость, *от* молвы в тишину, *от* труда в покой. А нас оставил сиротствовать во юдоли плачевном сего мира безбожнаго, яко брань бе велика на нас *от* видимых и невидимых враг наших. И всегда находимся во иступленіи, и желаем спастися, но враг запинает ны и в погибель низводит. И дел л. 101 дел добрых не творим, // в лености пребываем. Едина чаша, всем предстоит испити ея — смерть, никто же ея не минует. Но грешным горька она, и не имущи конца мученіе ожидает мя, грешнаго... Но молю тя, о[т]че с[вя]тый, помолися о нас, грешных, к милостивому Создателю Б[о]гъ нашему, да избавит нас вечнаго мучения. Мы веруем, что ты жив о Г[о]с[по]де и слышишь наш лепет, все твои труды и потове незабвены пред Б[о]гом. Желаем мощи твои имети zde, но не возмогаем: жестокосердечнїи власти не дают. Безбожие водворилось и царствует, и видится весьма близко и конец всему етому видимому миру. Все события по Писанію предсказывают, и не знаем, где укрытися *от* насилїя врагов кр[е]ста Х[ристо]ва. Помолися о нас, о[т]че с[вя]тый, дабы Г[о]с[по]дь еще дал нам место тихо и безмолвно, воеже укрытися.

По раззореніи и по освобожденіи бывшіе люди, чада твоя, в сѣ время разсеяни по лицу земли, а еще нецїи и широким путем пойдоша, в погибель ведущим. Но мнози, ревнующе бл[а]гомъ житию, ищут пристанища, аще бы хотя не во едином месте обрести возмогли. Бл[а]говоли и не забуди о сих. //

л. 101 об. Еще обратимся на прежереченная. Весть о кончине о[т]ца Симеона егда бысть пропущена, тогда по нем пропето было и погребеніе. А еще при *от[ъ]езде съ* Дупчеса и выселенію властью всех весной 7459 года 5 маѣ, выезде на плотах, прежде сего о[те]ць Симеон чрез единаго брата преподаде бл[а]г[о]с[ло]венїе<sup>а</sup> на исполненіе д[у]ховных нужд и управленіе над братією о[т]цѣ Тимофею, кроме еже не прїимати на исповедь женскїй пол. И тако малое стадо Х[ристо]во словесных овец оставаша в пределах Дупчеса в велицей скорби и плачи и сетованіи о лишеніи своих сподвижников, и разрушеніи пустыннаго пребыванія, и сожженія до основанія всего м[о]н[а]стырскаго стяжанія, паче же д[у]ховнаго, с[вя]тых икон и книг. И себе не имуще

<sup>а</sup> на левом поле нарисован голгофский крест;

пристанища, одержими боязнію, бегающе аки зверіє\* *от* места на место. Едва помалу в себе пришедше, собращася вкупе вси, и посудивше о сотворшемся событіи весьма печальном, и реша: яко не без Б[о]жіа промысла сицевое сотворися дело, исполнено великаго ужаса и // смятенія. И аще по Б[о]жію изволенію се бысть, что нам много скорбети о сем: бысть искушеніе избранным его, яко злато в горниле, кто каков явится.

л. 102

И мало утешеніе обретше, поткнуша себе кущи для пребыванія, аще и немалое время ради опаности *от* воздушных назирателей переходяще *от* места на место, носяще кр[е]ст пресладкаго І[с]у[с]а, вся с радостію терпяху под наставленіем и управленіем о[т]ца Тимофея и м[а]т[е]ри Анатоліи, пребываху в теплых м[о]л[и]твах и мольбах к Б[о]г[у] со слезами о себе и о страждущих о[т]цех и братии, м[а]т[е]рей и сестр, тружующеся в телесных работах, кормящеся *от* трудов своих, всю печаль свою на Б[о]га возложше, аще той попусти на ны бурю велію сію и скорбь, той же паки силен и укротити ю и печаль в радость пременити, еже и бысть: по скорби радость велія явися.

По прохожденіи трех лет и 9 месяц, *от*нележе взяти быша старцы и старицы и хр[и]столюбцы безбожными, изліяся м[и]л[о]с[е]рдіе Б[о]жіе за м[о]л[и]твы всех укрывавшихся и страждущих за веру Х[р]исто[в]у. Идеже // быша слезы, тамо радость велія явися. В 7463-м году, зимой в декабре м[е]с[я]це вси *от*пущени быша на свободу во свояси, кто куда изволят поехать невозбранно, и вины не имущи на себе некоеже, ї аки никогда же осуждени быша именоватися. О[т]ецъ Симеон и м[а]ть Маргарита, сіи почиша о Г[о]с[п]оде в заключеніи и в злостраданіи д[у]ша своя предавше, яко м[у]ч[е]н[и]цы венцем победным *от* Б[о]га венчани будут в день праведнаго суда Б[о]жіа. А прочіи вси оставшіися в живых старцы, и старицы, и хр[и]столюбцы возвратишася. Аще и не вси на первое житие обратишася, но мнози нецыи изволиша пространное житие и широким путем пойдоша, ведущим на погубленіе. А иніи, ревнующе по Бозе, ев[ан]г[е]льским путем изволиша ходити и на преднее житіе сташа, аще и в разсеяніи бяху, под наставленіем, елико возможно, о[т]ца Антоніа, яко имущаго на сіе бл[а]г[о]с[л]овеніе прежде *от* о[т]ца Симеона, еже управляти братіею и все духовные нужды исполняти старцев и стариц. И по раззореніи невозможно всем пребывать во едином месте, ради// предостереженія для предидушаго проживанія более безопаснее, изволиша разделитися.

л. 102 об.

л. 103

\* исправлено со знаком замены + на левом поле вместо написанного в строке елени;

И тако с Б[о]жією помощію пояснихом мало нечто о старцах и сих другопредатном бл[а]г[о]с[ло]веніи, начиная *от* преставленія о[т]ца Савы, еще в Кольванской тайге жительствовавших с 7438 года, и кончая настоящим временем, 7465 и 66-м годом. Какія произошли событія и перемены за сіе время, гоненія и опустошенія *от* безбожных властей, и всех крыющихся — уму непостижно. Но Б[о]жіим смотреніем и строеніем еще остаются и пребывают, согласно С[вя]таго Писанія: Не имѣт бо скончатиса грады І[зра]илевы до втораго пришествія Х[рист]ова\*.

Аще кто уведати хочет родословіе и другопредатное сих бл[а]г[о]с[ло]веніе старцев начиная *от* Іосифа патріарха, да чтет книгу Родословную, а сіе токмо дополненіе ко оной, вкратце пояснихом: самое нужное уяснить о другопредатном бл[а]г[о]с[ло]веніи о[т]цѣ наших, како оное и в настоящее время простирается, и по сіе время не пресякло — поясняется вышеприведенном описаніем настоящаго сочиненія.

л. 103 об. По сем прошу прощенія *от*[е]цѣ и братіи наших за все мои грубыя // ошибки, недоразуменія и забвенія. Истиннолюбно прошу исправить, что излишнее — оставить и сократить, и недостаточное восполнить, ибо забвеніе и неразуміе надо всеми нами хвалится\*. Да воздадим бл[а]годареніе о всем, и да речется *от* нас: Слава О[т]цѣ и Сынѣ и С[вя]томѣ Духѣ и н[ы]нѣ и пр[и]сно и во вѣки вѣком. Аминь.

Написася сіе дополненіе к книзе Родословной в 7466-м году, закончена 1 марта. Написано многогрешным и недостойным имени и званія, слагаемо численностию является: десятичное число, и пятичное, и с-тое с седмидесятим, и пятьдесятые последи\*.

### Глав[а]<sup>н</sup> 39°. СѦ о[т]цѣ Симеоне.

А понеже в предреченных воспоминается о страдальческой кончинѣ нашего наставника о[т]ца Симеона, то потребно *от*части вспомянути и бл[а]женное житіе его, яко *ж*[е] *от* сожительствающих с ним слышахом, иная *ж*[е] и сами видехом.

л. 104 Сей о[т]цѣ Симеон родился в лето 7404<sup>н</sup> в Тюменской области, деревни Жидки. В отрочестве вскоре научися грамоте, преспеваше памятию и разумом паче всех сверстникѣ своих. // В юношеском возрастѣ живыи по слабости до призыва<sup>р</sup> на военную службу, *от* которой был освобожден. А когда отошѣл *от* призыва, тогда начал приходить

\*-о написано на левом поле;

<sup>н</sup> на левом поле кир.;

<sup>р</sup> на правом поле *от*[ецѣ] Антон[ий];

в чувство духовной жизни и не пропускал ни один праздник, ходил молиться в часовню. И на моленіе идет по улице в кафтане, а его ровня на него глядят и улыбаясь говорят: «Вон Сафон пошел молиться». А в часовне мало не все люди желали, чтобы Сафон почитал на моленіи, а тем более поученіе, понеже чтеніе его было для всех внятно и понятно, а слушать было зело пріятно. Потом начал заводить Божественныя книги, и стал их читать, и из них Божественнаго разума навывать, и глубины мудрости почерпать. И стал ездить по беседам, и тогда еще более стало ему открываться духовныя мудрости разум. Среди многих книг приобрете и книгу преподобнаго Феодора Студита в двух частях, которая его и направила на пустынную жизнь смотреніем Божіим для пользы многих и для себя полученіем подвижнаго и страдальческаго венца.

Сей Сафон ( по накрытїи // о[те]ць Симеон) в 7427 лето, 22-х лет от рожденія, изыде из мира и поиде в пустыню. И быв во обители м[а]т[е]ри Елизаветы на Ашпанаке, и зело пользоваясь от душеполезных словес ея. И прїиде в Колыванскую пустыню Западной Сибири ко о[т]цу Саве, и отдаде себе ему в непрекословное послушаніе, и с великим усердіем творяше повеленная ему, и с верою служаше братии в келарской службе.

л. 104 об.

И еще некїй брат с ними живяше, такожде млад леты, именем о[те]ць Афанасїй, иконописец, но мало с ним поживе о[те]ць Симеон; той бо во младых летех преставися. И жалея о нем зело добронравія его ради, понеже о[те]ць Афанасїй послушлив бе и трудолюбив до зела, со усердіем делаю. До накрытїя имя ему бе Антонїи; заболел тяжело внутренними, и дня два сильно мучася, и по прошенію его облечен бысть во иноческїи образ. Преставися 18 декаб[р]я, а память его 7 декабря. Сей по преставленїи своем являшеся на моленїи на своем месте, идеже прежде стояше, видя бо его о[те]ць Сава трижды: в третины, в девятины и в сорочины. И в сей последнїй раз хотя его рукою осязати, он ж[e] // невидим бысть и к тому не являшеся.

л. 105

По смерти ж[e] о[т]ца Афанасїа о[те]ць Симеон прїя на ся иноческїи чин от о[т]ца Савы, яко ж[e] сам о себе пишет о[те]ць Симеонъ сице: «На се место в средоболотіе мы поселились в 7429 лета, того ж[e] лета аз накрылся в Великїй пост, марта в третїй день в среду». И якобы устав полагаю себе, сице пишет в своей малой книжице:

«Їселе начинаю правило молиться сѣ вечера, не помолившись правило да не лягу спать, и до правила после павечерницы немного

<sup>с</sup> вставлено над строкой;



почитать, листа три, и тако молится правило. На молитве со страхом стояти и внимати неподвижно. Потом храни молчаніе веліе, и празден не буди, и укоряй себе. Аще служиши, то служи аки самому Х[рист]Ѹ *от* всея души. На трапезе не насыщайся, но укоряй себе, недостойна помышляя себе братїи и брашен. Сладких брашен ошайся, в полдне не яждь. І аще служиши, всегда укаряти себе не забывай. После вечерни почитай, потом помолися да еще почитай». Дозде его уставленіе. //

л. 105 об.

При раззоренїи же обителей, *якож[e]* выше речеся, о[те]ць Симеон, когда сидел с нами в заключенїи в тюрьме, питашеса точїю хлеб и воду и малую уставленную даемую часть *от* рыб, когда устав разрешает. Иногда приношаху ему вместо варева печеную картовь, а иногда капусту. Над пищей каждый раз прочитывал Большой начал, т. е. Царю н[е]б[е]сный, Тр[и]с[вя]тое, Помилуй мя Б[о]же и ВѣрѸю, и кр[е]стом ограждал пищу, и тако вкушаше.

А в лагере он был некое время вместе со о[т]цем Антонїем, и сей о нем повествует так. В лето 7460-е мая 26 привезли нас со о[т]цем Симеоном в город Тайшет на зборный пункт, и я ему предложил, чтобы питался варевом. Но он сказал, что нет, наперво посмотрю, какова мне будет в лагере жизнь, можно ли мне так жить, как мне надо, а то и не буду начинать принимать варевом.

л. 106

И когда прибыл в назначенный ему лагерь и увидел, что неподходящая жизнь для нас, а поестому и варевом не принимал и до последу. Так передавали братїя, кои с ним были. // А ходил на работу в лес на заготовку дров и прочиа работы, хотя было и трудно. Врачи ему предлагали принимать лекарство, но он *отказался*, не принимал никако лекарство *от* них. И ту *преставился*, *якож[e]* предречеся. И тако страдальческою кончиною запечатле свою жизнь временную, преселися на вечную. Тело его привезено бысть в место, где находилась м[а]ть Евгенїа (также вывезена сѸ ДупчесѸ). Ей сказали, что с[вя]щенника привезли, она подумала: «Не о[т]ца ли Симеона?» Пришла, и познала его, и положила мантию в гроб его. И тако погребен бысть.

Бе же о[те]ць Симеон искусен в Божественном писанїи, *якож[e]* являют писанїя его. И аще когда прилучашеся ему с сопротивными имети пренїе, и сїи не можаху противу ему стояти, побеждени бываху *от* б[о]годохновенных словес его. Сей во время проживанїя своего в пустыни написа девять сочиненїй:

л. 106 об.

1. Против кооперації, т. е. торговой организації, вступившїи в неѸ получали книжки и по ним вы//давали им, что нужно.

2. Краткая памятная запись н[ы]нѣшних событїй.

3. СѸ пришествїи прор[о]ков Еноха и Илїи и о антихрис[ме].

4. Доказательства *от* С[вя]таго Писанїя против австрїйских.

5. Преніе вернаго с неверным о воскр[е]с[е]ніи І[сус]а Х[рист]а.
6. Познаніе *от* твари Творца и правителе Вселенные.
7. Воинствующая Ц[е]рковь Х[ристо]ва на земле.
8. Ц[е]рковь Х[ристо]ва на Севере.
9. Противу неверных, познаніе *от* твари Творца и рассмотреніе о твари Его.

С[в] добродетелех же его поведѣ нам о[т]е[ц]ъ Маѣимъ: «Жил я со о[т]цем Симеоном на Парбике лѣт 8 и никогда же видех его, дабы какю службу без слез помолился он или когда бы задремал. Но моляшея прилежно со слезами всякую службу, или уставную, или по Чалтыри, или правило молился — и услаждашея м[о]л[и]твою, и во время соборныя м[о]л[и]твы внимаше чтенію. Егда *ж[е]* на правиле обыдут помыслы, тогда быстро // чтяше м[о]л[и]тву І[сус]овѣ, иногда же ударяше рукою по главе». Дозде о[т]е[ц]ъ Маѣимъ. л. 107

Видехом же его мы знаменающа кр[е]стом лице свое истово, не борзо и кланяшея ниско. Во время славословія и Тр[и]с[в]ятаго наипаче уделяше вниманіе. Пеніе его бе зело умиленно и трогательно, на самых трогательных выдающихся словах выдерживал медленностію, а протяжное пеніе мало ускорялъ. Тако*ж[е]* и чтеніе его бе умиленно. Время наблюдал, егда прійдет час м[о]л[и]твы, тогда всякое дело оставляше. За делом не советовал молиться за слѣбжу и правило, точію в пути по нужди, а не всеобдержно. Имяше *ж[е]* веліе бл[а]говеинство ко с[в]ятымъ иконам и книгам.

С[в] о[т]е[ц]ъ Симеон не любил запаздывать на работе и вообще старался содержать по возможности обычай и порядки о[т]ца Савы. Да еще сей о[т]е[ц]ъ Симеон надпоминалъ: «Аще кто *будет* провоженъ на некую работу или дома, и аще *будет* работы на час или два, и не растегать дело на полдня. Или *будет* дела на пол//дня, и не растегать его дело на весь день: и се *будет* леность и небреженіе. Но потщимся окончить дело во свое время, и приди, извести о окончаніи дела, и тогда тебе дадут ино дело; аще не будет дела, тогда *проводят* на м[о]л[и]твѣ». Се и о[т]е[ц]ъ Сава говаривал: «Занеже нѣжно есть Ц[а]рствіе Б[о]жїе, и нѣжницы восхищают е»<sup>†</sup>. л. 107 об.

Рече о[т]е[ц]ъ Симеон: «Подобае*т* подвизатися, в начале м[о]л[и]твы просити помощь *от* Б[о]га, дабы укрепил, и нужно покрепче кланяться. И во время нахождения помыслов полезно руки кр[е]стообразно на персех покрепче прижать, и умом в с[е]рдцы внимать, и молится стоя, наклонив главу». Паки рече: «Нужно всегда нести кр[е]сть терпенія, воздержаніем удручать плоть. Егда *ж[е]* тяжкія дела, и *требует* тело укрепленія в пици, тогда трудом утомлять его».

<sup>†</sup> на правом поле о[т]е[ц]ъ Антон[ий];

Глава<sup>у</sup> 40<sup>ф</sup>. **Ѧ** крестной ж[e] непобедимой силе.

л. 108 Написа о[те]цъ Симеон сице<sup>х</sup>: «Симъ побѣждай сопротивнѣю силѣ, гордаго дѣвола, понеже убо чудо быше преславно зело. Больше сего ничто же реку, дерзайте, убо сѣ побѣдитъ враги, // яко уже и бысть, и достоинъ веровати Святомѣ Писанію, что г[лаго]леть о нем. Поведано ж[e] бысть мне в лето 7426 м[е]с[я]ца іюня 29, како побежденъ бысть дѣволъ». Дозде рукопись о[т]ца Симеона. **Ѧ** сем мнитсе быти сказано от Прокла Филимоновича о[т]цѣ Симеону, яко ж[e] слышашом от него.

## О Прокле Филимоновиче.

Поведа нам о[те]цъ Симеонъ о Прокле Филимоновиче, иже бысть муж хр[и]стіянин, добродетельно живый в Бийскихъ пределах. Сей, рече, поведа ми чудесное событіе, како силою кр[е]стнаго знаменія рушатся бесовскія действия. «В некую, — рече, — ночь виде мой родитель некоего аки бы с фонарѣмъ ходяща, и мнѣ, яко тать есть, вземъ оружіе, хотя стреляти в него. Аз ж[e] изыдох на крыльцо дому и видѣхъ светъ необычный, разумѣхъ быти бесовское действо и оградихъ кр[е]стнымъ знаменіемъ кр[е]стообразно на ту страну, глагола м[о]л[и]твѣ І[с]у совѣ. И абіе исчезе свет, и слышанъ бысть страшный велій грохот, аки бы разседеся гора».

л. 108 об. **Ѧ** сем Прокле Фил[имоновиче] поведа нам Діомид Арсентевичъ, яко зело бе м[и]л[о]стивъ: егда видяше кого в чем-либо нуждающася, без прошенія подаваше ему потребная. Ц[е]рковную // службу никогда же оставляше; аще и в пути прилучашеся быти, то прежде совершаше слѣдбу на стану, и тогда в путь идяше.

Глава<sup>н</sup> 41. О бесныхъ при от[це] Симеоне<sup>с</sup>.

**И** паки той же от[ецъ] Симеон поведа нам. Ученик, рече, бе некій у о[т]ца Савы, его же он некогда посла ко хр[и]столюбцамъ по некоторой<sup>м</sup> потребе<sup>м</sup>. И се жена некая, бесна души, услыша о нем и хотящи видети его, иде к нему. И начатъ ю разслабляти на пѣти сущій в ней бесъ. И едва дойде до сеней храмины, в ней же обиташе старец, и паде

<sup>у-ф</sup> написано на левомъ полѣ;

<sup>х</sup> на левомъ полѣ С рѣкон[иси] о[т]ца Симеона;

<sup>ц-ч</sup> написано на левомъ полѣ;

<sup>м</sup> вторая буква е вставлена надъ строкой;

<sup>н</sup> написано надъ строкой вместо написаннаго в строке причине;

в сенех, начат вопити с плачем. И прїйдоша две жены, возтавиша ю и приведоша ко старцу, она *ж[e]* *от*вращашеся *от* него и принуждена бысть поклонитися ему, испросити прощенїе. И тако помалу успокои-ся. И паки ина бесная жена прїиде в женскую обитель, ту же прїиде и вышереченный старецъ. И жена начат смущатися и кричати. И вопрошена *бысть* вины смущенїя, *от*веща, показуя его: «Вот тотъ старичонко мучит мена, но а не выйдѣ, еще время не пришло». И тако помалу укротися.

Сїя поведаше нам о[т]е]цъ Симеон яко о ином старце, уч[е]н[и]ке о[т]ца Савы, сам *ж[e]* *бе* той, яко*ж[e]* *после*же извести // нам, егда л. 109  
бе с нами в тюрьме в городе Красноярске пред разлученїем с нами.

«Еще до раззоренїя обителей яко бы за один год, — пишет м[а]ть Софїа\*, — о[т]е]цъ Симеон был у нас, т. е. у м[а]т[е]ри Валентины во обители на Керженке, и была духовная беседа в часовне, поучал о[т]е]цъ Симеон полезному ко спасенїю. И когда сталъ говорить о покойных, какую имеют по смерти бл[а]г[о]д[а]ть, и помянул инока Павла. Тогда Евдокїя Ивановна закричала: «Ох, ох, не могѣ, не могѣ». Тогда о[т]е]цъ Симеон осклабился и сказал ей: «Что тебя задело?» И когда она опомнилась, сказала, что «как ты, о[т]че, помянул инока Павла, так и не могла вынести (стерпеть)». Она была беснующая».

Еще было событие после раззоренїя, когда старцы освободились *от* лагеря и жили на Чуне\*. Некогда пришли на заимку Прилуг по некоей потребе и сидели в дому у хр[и]столубцев, и тут же пришла вышереченная Евгенїя Семушина, беснующая. У о[т]ца Маѣзима\* была с собою мантия покойнаго о[т]ца Симеона, и когда он её развернул и стал Евгенїе показывать, говоря: «Вот эта мантия о[т]ца Симеона», тогда она // стала беспокоиться, говорит: «Да ты её не показывай, она л. 109 об.  
ведь душная, разве вы не слышите, что она душная?» И нача плакати. О[т]е]цъ Маѣзим стал говорить о о[т]це Симеоне, как он пострадал ради Б[о]га, а она ему говорит: «Да ты всё то не рассказывай». Писатель сему самовидец.

Еще было событїе в Луговой, 7469 года 3 декабря, в день памяти о[т]ца Симеона сотворися чудо во обители м[а]т[е]ри Флины. Молились они<sup>а</sup> панахиду по о[т]це Симеоне, и одна беснующая не могла стоять за панахидой, все бы бросала и ломала, ето была м[а]ть Серафима. Она же и сказывала, что пред панахидой еще м[а]ть Флина только взяла кадильницу и пошла в келарску по горячіе угли, а уже дым каженїя появился в часовне. И во время пенїя панахиды нездо-

\* на правом поле Дозде м[а]т[ь] Софїа;

<sup>а</sup> вставлено над строкой;

л. 110 ровая м[а]ть Серафима смущалась сердцем, и вынуждало ее кричать: «Зачемъ Семка пришолъ сюда?» Но невидимая сила не попускала ей кричать. Однажды она оглянулась и, точно, увидела о[т]ца Симео-на съ кадилницей // стояща между рядами, понеже старицы стояли в два ряда. А видевшая м[а]т[ь] Серафима стояла у налож, читала 17-ю кафизму и оглядываться больше не посмела, понеже о[те]цъ Симеон стоял за ней не больше метра. А когда окончили панахиду, м[а]т[ь] Серафима огланулась, пошла на свое место, и виденіе уже скрылось, и неизвестно когда. А прочіи старицы не одна не видели. Это я, греш[ный] Афанасій, слышал от самой м[а]т[ер]и Серафимы, а теперь она уже покойная с 1965 г.<sup>а</sup>

### О о[т]цѣ Нифонте. Глав[а] 42.

л. 110 об. Еще при живности поведѣ нам о[те]цъ Симеон: «Живущим нам,— рече,— еще в Колыванской тайге, и бе ту живыи с нами некїи черноризецу Нифонт. Сей многожды слышаше бесовскїя гласы (яко ж[е] самъ г[лаго]лаше) иногда многих зовущих: “Помилѣй насъ” многократно, иногда единого, такоже множицею повторяюща: “А у Никона пророком былъ, а у Никона пророком былъ”. Некогда возсмѣяшася братїя на трапезе. По востанїи же от нея г[лаго]лаше бесъ: “А у васъ на трапезе былъ”. Егда ж[е] нача его болезнь душить, // боѣшася, да не задушат его бесове. Азъ же г[лаго]лахъ емѸ (говорит о[те]цъ Симеон): «Не бойся, без Б[о]жїа бо попущенїа ничтоже могут бесове сотворити». И сїя слышав, утешися, прочее без боязни пребываше. Егда ж[е] хотяше скончатися, слышаше (яко ж[е] г[лаго]лаше) «некїи шум, яко вихрь велїй, аки хотящъ сорвати съ мене одежду». И тако преставися.

### Въ часовне бл[а]г[о]д[а]ть Б[о]жїа.

Егда мы жили на острове близ Дупческаго притока Мал[ого] Тугульчеса, и в лето 7450-е ходили на Дегильдо, Сымскїй притокъ, по оставшїя там вещи. И оставшася во обители точїю о[те]цъ Симеон и о[те]цъ Арсенїй (тогда еще был не накрыт, Артемїй). И тогда к ним приходили старицы пол мыть, и едина от них была беснующая, она не могла тогда у нас в часовне находиться, занеже в часовне много бе с[вя]тыни, яже суть сїя.

Часть от древа ч[е]стнаго кр[е]ста Г[о]с[по]дна и малыя части от мощей святыхъ, zde реченныхъ:

<sup>а</sup> дата написана арабскими цифрами;

Ап[о]с[то]ли	С[вя]т[ите]ли	Пр[е]п[о]д[о]бніи	М[у]ч[е]н[и]цы
Андреа Пер[возваннаго]	Николы Чюд[отворца]	Андреа	Θеодора вел[ико]мѣ- ч[еника]
Варфоломеа	Василіа Велик[аго]	Георгіа Хоз[евита]	Меркѣріа
Варнавы	Григоріа Б[о]гос[лова]	Никона	Христофора //
	Іоанна Злат[оу]с[ма]	Θеодора Сик[еота]	Іоанна Воин[а]
	Афанасіа Вел[икаго]	Марка Печ[е]р[скаго]	Мѣч[еников] сожженных
	Кирила Алек[сандрий- скаго]	Пр[е]п[о]д[о]б- но]мѣч[еника] Анастасіа Перс[аннин]а]	Безсреб[реника] Кира
Разных с[вя]тых, не именован[ых]	Спиридона Трим[ифунт- скаго]		

л. 111

С[вя]тыа тайны, и просфира, и раса инока Павла Убїенназ[о].

И по возвращенїи нашем во обитель поведи нам о[те]цъ Симеон:  
«Вѣ часовне, — рече, — у насъ бл[а]г[о]д[а]тъ Б[о]жїа пребывает,  
бесная старица не может zde пребывать».

## О СВЯТЫХЪ ТАЙНАХЪ. СЪ РѢКОПИСИ О[Т]ЦА АНТОНІА.

### Глава 43.

По прїезду нашему (пишет от[ець] Антон[ій]) ко о[т]цѣ Саве в 7434-м году в марте м[е]с[я]цѣ, о[те]цъ Сава показывал нам с[вя]тыа дары, и в них расли три пшеничных зерна. Одно изъ них полное зерно, а второе немного неполное, а третье в половине. А когда уже прїехали в здешній край, после 7446-го года, смотрели, и тогда уже третїе зерно было мало менее по сравненїю других. И разве это малое чудо, что изъ сухих крошечек выросли три настоящих пшеничных зерна? Дозде от[ець] Антон[ій].

И они начали расти еще до о[т]ца Савы; пред кончиною о[т]ца Нифонта начало расти третїе зерно, чуть // было заметно малое. Сие поведи нам от[ець] Симеонъ.

л. 111 об.

Подобно сему бысть и прежде чудо, якож[е] в Патерике Азбучном, знаменїе 9, глав[а] 10, повествуется: с[вя]тыа тайны Х[ристо]ва Тела класъ прорастиша.

Еще пишется сему подобное в Лимонаре\* в 79 слов[e], яко въ Селевкїи некоего еретика кѣпца рабѣ правовѣрный вземѣ с[вя]тое причащенїе, хранише е въ ковчежце. И по некоем времени, увѣдавшѣ о сем господинѣ его и сожещи с[вя]тыя тайны хоташѣ, вса части Преч[и]стаго Тела Х[ристо]ва под видом хлеба в ковчежце томѣ хранимыа, прорастиша класы.

## Ѓ черноризце Матѣе. Глав[a] 44.

Поведа нам м[а]ть Анфиса о о[т]це Матѣе. «Сей, — рече, — живый прежде некое время у Калмыковых, потом же преселися на Чюлым к о[т]цѣ Саве, идеже по многолетних трудах своих добродетельнаго житїа преставися. На гробе же его по вся лета на память его совершаема бе панахида. Единою бо по обычаю прїидохом к нему на могилу и запозданїя ради канон точїю за упокой пет бысть. И во время пенїя тропарей “Со духи пра//ведными” аз своим очима видех над гробомѣ его сїяющую звезду, восходящу мало и низходящу над могилу его, яко две четверти. И по окончанїи тропарей\* невидима бысть. И по м[о]л[и]тве поведах виденїе прилучившимся ту».

л. 112

## Ѓ Андреане. С рѣкописи м[а]т[ери] Македонїи.

### Глава<sup>3</sup> 45<sup>о</sup>.

Пишет м[а]ть Македонїа: «Егда жихом на Чюлыме, в Томске бе казак хр[и]стїанин Андреанѣ. Дело его бе конопатить дома. Единою пошел он с квартиры на работу. Путем идыи, и се напересек дороги явися на белом коне юноша и говорит ему: “Андреан, скоро Страшный сдѣ бѣдет. Андреанѣ, скоро Страшный сдѣ бѣдет. Андреан, скоро Страшный сдѣ бѣдет”. И бысть невидим. Андреан возвратился на квартиру, сказал ето хозяевам. Они хр[и]стїане — и говорят ему: “Тебе надо уходить к старикам отсюда”. И чрез неделю прїехали старики от о[т]ца Гаврїила, жившаго на Юксе. Он с ними поехал к ним, а от них наналѣ есашных на Чюлым кѣ о[т]цѣ Саве. Сходил на исповедь, три года жил и скончалса. Трудовых денег было у него три тысячи рублей, о[те]цѣ раздал их // по его душе до единой копейки. Андреанѣ година юла 23, а память 26 августа.

л. 112 об.

<sup>3-ю</sup> написано на правом поле;

## Глава\* 46<sup>IX,a</sup>. **Ѓ** о[т]цѣ Георгіе и м[а]т[е]ри Павлине.

Съ рѣкописи и **Ѓ** сказанїа о[т]ца Антонїа и с рѣкописи м[а]т[ери] Акинѣ[ы].

**Ѓ**[те]цѣ Георгій (до накрыт[ія] Грїгорій) в молодости по приходу с военной службы домой изволи безсупружное проходить житїе, поиде в пустыню ко о[т]цѣ Сергію и с ним жил до его кончины. А потом жил у о[т]ца Кастора, и обоих о[т]цов допокоил, похоронил. По сем прїехал в Кольванскую тайгѣ ко о[т]цѣ Саве и с ним жил до его преставленїа, а потом со о[т]цем Симеоном жил до Сымскаго\* преселенїа. Трудилса все время в келарской слѣдбѣ в добром послушанїи. Иногда случалось в воскресенїе или в кїи-либо праздник о[те]цѣ Сава пошлет старичка помогчи ему, а о[те]цѣ Георгій проситъ его: «Ты по че пришол?» — «Меня де о[те]цѣ Сава послалъ тебе помочь». А он его отправитъ обратно и скажет ему: «Я не молюсь, и ты тут со мной тоже не будешь молиться, иди с Б[о]гомъ, молись, а съ Б[о]жїею помощїю один поправлюсь<sup>6</sup>». А келарска у него // была маленька, и он ее не загромождал, а все продукты у него были в анбаре, и каждый вечер ходил в анбар по продукты съ чашечками, и что нужно ко утру, все заготовит, а утром у него все готово. А хлеб пѣк зело хорошій, корки никогда у хлеба толстой не было, и сырого тоже не было. И всю пищу приготавливал вкусно для питанїа братїи. И был добр огородник, вся оwoць у него росла хорошо, ботун во все лето не прїедали, даже и ко старицам носили, и на зиму насаливали. Лук у него росъ крупный, и капуста тоже росла, хороши вилки и крупны. Словом, что умел ходить за огородом. Весной, как только отпуст отпустим вечером, и о[те]цѣ Георгій сразу тут же в моленной кладѣт поклоны, и благословляется у о[т]ца, и идет полевать капусту и прочїя овощи, и некогда не скажет, дабы кто-то емѣ помог, но о[те]цѣ скажет братїи: «Идите, // помогите ему». И о[те]цѣ Георгій носил вериги на своем теле Х[рист]а ради, и когда молился правило, вериги у него все побрякивали. А былъ неграмотной и заметно, что м[о]л[и]твѣ часто говорил, и был молчалив и смирен.

л. 113

л. 113 об.

Преселенїе же из Кольванской тайги в Енисейскую было неодновременно. «Сначала о[те]цѣ Антоній с Кирилом в 7444-м год[у] ездили, а потом в 7445-м год[у] поехали на Безиманку, а оттуда на Сымъ: о[те]цѣ Антоній, о[те]цѣ Георгій, о[те]цѣ Маѣим, о[те]цѣ Макарій, бывшїй сожитель о[т]цѣ Сергію на Урале, Филип и Иоаннь,

\*IX,a написано на левом поле;

<sup>6</sup> исправлено, в рукописи поправлюсь;



по накрытїи *от[еуць]* Юсиф, и мы двое с матушкой Павлиной (пишет м[а]ть Акинѡа). «И тут мы зиму прозимовали, а потом уехали вверх по Сыму *от* верхней заимки Брусов более ста верст. Построили временно келїю на протоке Сыма на правой стороне, места тут для жительства не нашлось. О[те]цъ Антонїй с братїею выехал обратно на Бези/мянку, а *оттуда отпразился* на Дупчес искать новые места. О[те]цъ Георгїй и мы с *мат[ерью]* Павлиной остались тут на месте, заготовляли на зиму пищу, брали ягоды брусникѡ. О[те]цъ Георгїй говорил: “Столь много ягод, здесь, видно, нам умирать”.

л. 114

Бывало, когда он уснет, и поет: “Стопы моѡ направи по словеси Твоему” и прочее, стих до конца. Некогда говорил нам прор[о]чески, а мы тогда не разумели. У него был в келїи особый уголок за печїю, за занавесой, и он там едино сидит и говорит сам себе: “Еко дело, пчелы переполнены ульѡ моѡ и м[а]т[е]ри Павлины, а у м[а]т[е]ри Евгенїи пѡсто, *нет* ничего”. И потомъ сказалъ: “Еко горе сосѡдъ непрїазни есть”. И она слышала, сама тяжело вздохнула, ничего не сказала. А потом нас постиг голод, 6 м[еся]цевъ ели мало хлеба с торфом.

л. 114 об.

А потом // 60 дней жили без хлеба, из торфа с ягодами пекли лепѡшки, и солѡну горячую воду пили. О[те]цъ Георгїй и м[а]ть Павлина не заогли ягоды и соль ясти, а только росол ягодный вареный питались. *От[еуць]* Георгїй говорил, что “я хлеба ради не поеду в мир, лучше с голоду умереть, как пишет с[вя]щенноинок Дороеѡ въ 10-м слове”. Часто просил он нас прочитатъ его слово, сам не умел, был неграмотен. Б[о]га за все бл[а]годарил и говорил, что “я желаю умерети без всякаго обычнаго погребенїя, верзите меня в болото”. И по его желанїю так и пришлось ему, страдальцу, долгое время лежатъ без погребенїа. На Пасхе в среду прочитали ему исповедь, подали С[вя]тых Таинъ, прочитали канон на исход д[у]ши и еще акафист помолились, и тако преставися *от* временныя жизни в вечную м[е]с[я]ца марта 30 д[е]нь въ лет[о] 7447, память ему 17 ноябрѡ. А мы остались // трое гладни и запухшіе, м[а]ть Павлина вовсе не ходила, и были в недоуменїи, не знаем, что сотворить, можно ли нам его срежатъ или *нет*, да и безсильны и немочны. Так завернули его пологом и вывезли на нартах, загребли снегом, дожидатъ о[т]ца Антонїа.

л. 115

### ☩ м[а]т[е]ри Павлине.

Прилично *ж[е]* zde воспомянути *от*части житїе и м[а]т[е]ри Павлины, яко в том же месте закончившей страдальческую жизнь. М[а]ть Павлина до накрытїя была Пелагїа, родом из Челябинских пределов,

<sup>а</sup> в рукописи ошибочно повторено дважды;

казачка. С мужем поживе 4 лета, были два детища, по сем едино умре. Она ходила на Сунгул, первый раз там погостила. В то время был кр[е]стный ходъ на могилѣ инока схимника Леонида, где было многочисленное собраніе б[о]гомольцев, ее тут затронуло, и зело возлюби во обители пребывати. Муж ея Никон былъ взят на военную службу. Она молилась Б[о]гѣ, // дабы свободной быть от мужа — и быть по ея прошенію: убѣн быть на войне. Еще име попеченіе о детищи, помале и тое умре по ея желанію. Еще бе у ней любимый конь, и сей також[e] издше. Сие все быть по ея прошенію: желаніе ея исполняя, Г[о]с[по]дь свободи ю от всех препятій. Остася одна корова, и поемше ю, прійде с ней во обитель м[а]т[ери] Оеклы и м[а]т[ери] Елены, двадцать два лета суши ей тагда. Во обители семьи было 40 ч[е]л[о]в[е]къ. Жила в послушаніи, служила келарем лет 20. Потом переехали на речку Танаевку, тѣ она получила анг[е]льскій чин, с м[а]т[ерью] Алевтиной, сестрой по плоти о[т]ца Антоніа и м[а]т[ери] Тавиѡы, которая была им м[а]ть д[у]ховнаа. Накрывал их от[е]ць Тарасій, а его от[е]ць Иоаннѣ. М[а]т[рь] Алевтина там преставилась в 7436 год[у] 16 июня, память ей 18 марта. И потом переехали на Тавангу, по сем на Парбик, оттуда на Безимянку, а отсюда на Сым, якож[e] выше // речеся. И когда заехали вверх по Сыму — о[т]е[ц]ь Георгій и м[а]ть Павлина с нами — хлеба завезли мало, посеми и предлагали нам хр[и]столобцы осенью выехать на заимку. М[а]ть Павлина сказала: «А не поеду на заимку, буду в пустыне умирать». А потом в октябре заболела она запором и кое-что нам сказывала: видела во сне бывшаго мужа своего Никона, что звал ее к себе. Она ему говорила, что «почто я пойду к тебе, живу в пустыни», а он ей сказал: «Если бы ты знала, где я живу, так бы не осталася и просила бы меня». О покойных говорила, бывших сожительницах на Сунгуле, живших в послушаніи, почивших на Таванге: о м[а]т[ере] Севастіане и о м[а]т[ере] Полинарій, что они во оправданіи за м[о]л[ит]вы о[т]цовъ и м[а]т[ерей], за м[о]л[ит]вы м[а]т[ери] Мелетины. А мне говорила: «М[а]ть Акинфа, ты проси м[а]ть Тавиѡу, чтобы она пустила тебя с собой во обитель, // а видела её добра и красна, проси, не отставай от нея». М[а]ть Павлина единою вышла ноцію на улицу и увидела смерть, которая шла мимо окна, и говорит: «Оглянулася на меня, я зело утрашилася». А мы тогда спали; она потом написала на бумаге смерть и м[о]л[ит]вѣ Исѣсовѣ, и на стену прилепила, смотрела и готовилась к концѣ в молчаніи, читала Скитское покаяніе и молилася каноны за о[т]ца Георгіа. И сказала: «Последній раз прочитала,

л. 115 об.

л. 116

л. 116 об.

<sup>†</sup> над словом *арабская цифра 1*), на нижнем поле под чертой сноски 1) М[а]ть Полинарійа — сестра м[а]т[ери] Акинфе, м[а]т[рь] Севастіана — сродница;

более не прочитаю, конец сегодня будет». Утром рано нам говорила: «М[а]т[е]ри, вставайте, сегодня будет мне смерть, м[а]т[е]ри в гости придут, м[а]ть Елена». В той же день говорила, что о[те]цъ Антоній в лесѣ сидит. Мы спросили: «А почто нейдет къ нам?» Она отвѣтила, что ему мешают три полена к нам прїйти. И мы заплакали, что как мы останемся без тебя? Она говорит мне: «Не плачь, прїдет о[те]цъ Антоній, // и поживете, и м[а]ть Тавиѡу дождёшься, с ней поживешь, хлеба белаго поедите, и опять будет вам большой перелом жизни». Вечером сказала: «Мене смерть варит». И мы прочитали поновленіе и подали ей С[вя]тых Таин. Приняла и сказала: «Читай на исход д[у]ши канонъ». За все часто повторяла: «Слава Б[о]гѣ, я волею не постилася, Г[о]с[по]дь привел, что голодной смертію скончатися. Мама у меня тоже с голоду преставилася, и мне Г[о]с[по]дь привел, слава Б[о]гѣ». И тако преставися 17 апреля в субботу вечером, в 11 часов, от временныя жизни в вечнѣю, память ея 8 октябрѣ. И мы в н[е]д[е]лю помолились канон за умершую, понесли хоронить на досочке, вынесли на горку, тут была репна амка готова, в ней была вода. На чюрочки поставили, засыпать нечем, земля стыла, копать не можем. Поскребли моху мало и заклали.

л. 117 об. Смирена бе старица м[а]ть Павлина, в бо//лезни Б[о]га благодарила и более пребывала в молчанїи, читала Фалтырь, изучала на память кафизмы. А то, что она говорила, что о[те]цъ Антоній в лесу сидит, мы тогда не разумели, да и то подумали, что она от болезни не то говорит. И как было подумать, что он в лесу сидит, ведь он уехал от нас на Безиманку, а оттуда хотели итти места искать. Но потом, когда он к нам пришол, рассказал, что действительно он тогда в лесѣ сидел больше м[е]с[я]ца. А что ему мешают три полена к нам прїйти, мнимъ быти три причины: 1-я: опасался потыти къ нимъ<sup>а</sup> ради хотящих преследовать сильных мира сего; 2-я: дабы исполнилось о[т]ца Георгїа желанїе, чтобы не сподобиться обычна го погребенїя; 3-я: они лишились бы м[у]ч[е]н[и]ческаго венца, как пишет с[вя]щенноинок Дороеей в 10-м слове: «Аще ли нарочно уготовишися и верѣ усерднѣ стажа, и потребнаа телѣ имеющи, и потом оскудеют, аще и гладом слѣдится ти умре//ти, надежса на Б[о]га жива, а не на именїе тленное, всако причтет насъ Б[о]гъ съ м[у]ч[е]н[и]ки. Не на покой бо и сытость мира сего изъшелъ еси, но на исканїе Ц[а]рства Н[е]б[е]снаго».

И тогда нам стало понятно, что она воистину провидела отстоящая, яко близ сушая. И еще говорила нам, что м[а]ть Тавифѣ дожделсѣ, съ ней поживеш, и хлеба белаго поедите, и опять вам будет перелом в жиз-

<sup>а</sup> исправлено на левом поле вместо написанного в строке намъ; оба слова подчеркнуты;

ни, якож[е] выше речесея. И тогда нам тоже было непонятно. А потом м[а]ть Тавифа приехала, и с ней пожилы, и хлеба белаго поели, и пришол нам большой перелом жизни попущёнем Б[о]жїим за наши грехи: власти разорили наши обители и разсеяли нас по лагерям. Но потом за о[те]ческїе и сих страдальцев м[о]л[и]твы возвеличил естъ Г[о]с[по]дь м[и]л[о]сть сотворити с нами, возвратив нас в желаннѡю пустыню, и быхом веселящесея. **И** тогда только мы познали, что она прор[о]чески предсказала о будущем, и воистину исполнися ея пред//реченїе, и *от* сего яве известуется, яко угоди Б[о]гѡ. А что она говорила «м[а]т[е]ри в гости придут, мать Елена», то видим в житїях с[в]я[т]ых, когда они *от*ходили от здешних, тогда сретаху их д[у]ши пр[а]в[е]днѡх.

л. 118 об.

**По** преставленїи м[а]т[е]ри Павлины мы еще пожилы десять дней, и зашевелился лед Сыма, и мы поехали вместе со льдом двое на заимку, кое-как живы. Потом тут пришол о[те]ць Антонїй, и мы с ним опять возвратились 25 мая погребать о[т]ца Георгїя. Онъ был положен на нарты, снег растаял и он свалился в разлив воды, лежал в воде, а при нас уже тут воды не было. Тело его было цело и не вреждено ни *от* зверей, ни *от* птиц плотояднѡх. И запаху *от* него несколько не было, а были тогда дни теплые. Трудолюбив былъ сей старец, и молчалив, и искусен в келарской службе, с великим тщанїем труждашесея, служа братїи. Погребли мы его мощи, а м[а]т[е]ри Павлины землей засыпали. Оставшїя вещи тамъ // взяли и поехали, лишились наших сожителей.

л. 119

Еще мало нечто добавим о о[т]цѣ Георгїе ї о м[а]т[е]ри Павлине°. То, что она предсказала, что о[те]ць Антонїй сидит в лесѡ, и сїе Г[о]с[по]дь показалъ нам, что она пред концем нечто предсказала будущее. И сїе когда збылось, тогда мы поняли, что Г[о]с[по]дь ее не оставил своим м[и]л[о]с[е]рдїем, но даровал ей жизнь вечную и дар бл[а]г[о]д[а]ти свояея.

**А** о[те]ць Георгїй, когда еще к нам прїехал на Парбик, часто просил Б[о]га, говорил во услышанїе всем: «Г[о]с[по]ди, когда ѡ умрѡ, чтобы меня не похоронили, но такъ выкинули». Смирясь глагола сїа, ревнующа прежнимъ о[т]цам. Как говорит Писанїе, что нецыи подвижнїи о[т]цы заповедовали своим уч[е]н[и]ком оцепить вервїю и увлещи в блато, таково же и у него было желанїе. Но мы сему не внимали, потому что он уже старичек, а живет во общем житїи, сего не может быть, аще преставится, то братїя его не выкинут. Но на нем збылись словеса прор[о]ка Д[а]в[ы]да: «Г[о]с[по]дь волю // боящихся Его сотворит, и м[о]л[и]твѡ их услышит, и сп[а]сетъ ихъ»°.

л. 119 об.

Да еще было у него желанїе в пустыни з гладу умереть. Зде придитися подивитися смотренїю Б[о]жїю, как Он строит мудро. Во-

° на правом поле С рѡкопис[и] о[т]ца Антонїа;

первых, попустил за м[е]с[я]ць до кончины о[т]ца Георгіа впасть нам во опасность. Мы тогда (от[е]ць\* Антоній съ бр[ат]іей) направились везти на нартах продукты о[т]цѸ Георгію и прочим, а Г[о]с[по]дь сего не соизволил, но остановил случаем таковым: попустил неверным обнаружить нашу лыжню и нарядил ч[е]л[ове]ка нам известити сѣ, но обаче совет врагов наших разрушил, а нас сим остановил. И мы поопасались итти к о[т]цѸ Георгію, дабы и они желаніе свое получили. А если бы мы пришли к ним, то от[е]ць Георгій и м[а]ть Павлина желаніе свое не могли бы получить: если бы при нас умер от[е]ць Георгій, мы бы его сразу похоронили.

л. 120 А второе<sup>3</sup>, а по открытїи воды поехал к ним на лодке, уже и м[а]ть Павлина престависа, а остальные тоже поехали вниз мне навстречу, и на половине доро//ги мне пришлось заехать в боковую речку, и в то время тыя проехали. И сѣ бысть, дабы долгое время пролежал от[е]ць Георгій не похоронен. (Дозде о[т]е]ць Антоній).

## Ѡ о[т]цѣ Касторе.

С рукописи о[т]ца Макаріа Уральск[ого].

л. 120 об. О[т]е]ць Касторъ<sup>4</sup> бе до накрытїа Кириакъ, в миру имелъ жену, и по смерти ея вторую, и по ней трею, и всех похоронил. От[ѣ]иде в пустыню, имыи от рожденїа лѣт около 30-ти, в постничестве подвижном единственномъ житїи поживе лѣт 12 в пределех Черносточинска завода. И ту воспрїа иноческїй образ от от[ца] Израїла, бывшаго послушника инока схимника Никиты, свидетельствованных в Родословной. А о[т]е]ць Израїль тогда жил в Томских пределех, он прїезжал на Урал временно и возвратился во свою обитель. И потом о[т]е]ць Кастор на Веселых горах познакомился с о[т]цом Афанасіем, и сей пригласил его во свою келїю. О[т]е]ць Касторъ не отказался, придѣ в его келїю, яже есть близ поселка Шамара, о[т]ца Афанасїа не сталъ. В келье книги, иконы, и // много нашоно хр[и]столюбцами всяких продуктов — мѣду, масла и прочих, записка написана: «Что осталось — сим пользуйся». От[е]ць Касторъ посмотрел и поразсудил, что от чего от[е]ць Афанасій бежал на безмольіе, то есть от народнаго стуженїа, то zde и мене срящет». И не изволи ту пребывати, но преселис на Чижму.

А о[т]е]ць Сергій<sup>5</sup>, воспоминаемый в Родословной от[ца] Савы, его ж[е] о[т]е]ць Нифонт остави на Кедровке во управленіе братїи,

\* слово сокращено с ошибкой: под титлой — выносная с;

<sup>3</sup> на левом поле от[е]ць Антон[ій];

<sup>4</sup> на левом поле Ѡ о[т]це Сергіе;

сей с Кедровки преселися на Чижму, где у него гостил Михаил Иларіоновичъ. Зде *от[ецъ]* Сергій поживе лѣт 12, по сем преселися в пределы Нижн[его] Тагила в гористые леса. Тут у него гостили два родные брата по\* фамиліи Суботины<sup>а</sup>: Антоній иконописец (о[те]цъ Афанасій), воспоминаемый в 39-й главе книги сея, и Никола (*от[ецъ]* Нифонт). Сей о[те]цъ Нифонт поведа нам, что у о[т]ца Сергїа пред иконами горела лампада неугасимо. Здесь стали на них нападать разбойники, некоего НиколѠ с женой и с чадом, живших около них, убили. Один разбойникъ // стрелил в окно в о[т]ца Сергїя, носящаго двои вериги, пуля угадала в бланку, *отскочила*, только счакало. Он стоял, молился, и не остановился молиться, а разбойник удивился и пришел, с ним простился. Прилеженьъ бе на м[о]л[и]твѠ о[те]цъ Сергїй. И ради разбойников они преселились на Лаю, и ту о[те]цъ Сергїй преставися в 7422-м году 8 октября, *память 12 декаб[р]я*. После его наследников не осталось. О[те]цъ Сергїй и о[те]цъ Кастор на исповедь ходили друг ко другу; вместе не молились и не питались с мирянами, живущими по слабости, а которые миряне жили покрепче, с теми после прощенїа молились и питались. У *от[ца]* Сергїа жил послушник Григорій, сей по кончине своего о[т]ца прїиде на Чижму к о[т]цѠ КасторѠ. И если кто-либо попросится погостить к ним, о[те]цъ Касторъ не дожидал, когда соберется, а *послет* по него ч[е]л[о]в[е]ка, и привезут. Он все время держал безродных, или хромых, или слепых, которы недвижimy, Грїгорій<sup>а</sup> им служил. Иногда до 10-ти ч[е]л[о]в[е]къ старичков жили у него, никому // не *отказывал*. О[те]цъ Кастор на Чижме три раза сменял место, старое оставлал старицам, уходил *от* стуженїя народа, лобзал безмолвіе, уединяся в келїи. На исповедь он не принимал, а здавал о[т]цѠ Захарїю, жившему особъ.

л. 121

л. 121 об.

На Чижме он жил около 25-ти лет, *оттуда* переехал на Бись, где пожил один год. Сюда преселися на реку Нѣкъ, ту поживе около 8 лет. А жил он в келїи един, *от* нас верст 8 (пишет о[те]цъ Макарій, жившїй тогда в его обители), проходил житїе подвижное, в молчанїи, м[о]л[и]тва непрестанна во устех была, воздержанїе великое, питашеся помалу, плоть свою изнури и изсуши. В последнїй год своей жизни собирался ехать кѠ о[т]цѠ Саве, но болезни ради остася на месте. Осенью на праздник св[я]т[ого] Иоанна Б[о]гослова к нам пришел, храмовыа иконы собрал и сказал: «Иконы меня проводят, а вы теперь ко мне не ходите». И унесъ их во свою келїю, а был больной, здоровому было досыта нести. Чрез н[е]д[е]лю Григорій к немѠ сходил, // *дров*

л. 122

<sup>к-л</sup> написано на левом поле;

<sup>м</sup> в строке перед этим словом стоит арабская цифра 1), на нижнем поле под такой же цифрой 1) по накрытии *от[ецъ]* Георгїй, о немъ въ главе 46;

приготовил, наносил. И потом еще Григорій къ нему пришел посетить, о[те]ць лежит больной и говорит Григорію: «Иди сходи по парня (Матѳея, то есть от[ца] Макаріа). Вы меня одне похороните, в деревне не сказывай, чтобы не пришли провожать, дабы не было мольбы». Григорій прибежал и мне сказал. И мы с ним быстро потекли, чтобы о[т]ца в живых застать. Пришли, помолитвовали, отдал аминь и сказал: «Меня снимите с кровати, еще ноги-то наслаждаются, поскорее подайте с[вя]тыни». И сказал, от кого она (с[вя]тыня). Причастился и сам повернулся на живот, стал на колени, прощеніе прочитал резко, и мы прочитали у него, и он стал изменяться, дали ему свещу в руки, еще хотел ознаменаться, но рука опустилась. И тако преставился бл[а]гою кончиною 5 октября 7435 год[а], а память ему 29 сентября.

л. 122 об.

В некое время пошли на могилу о[т]ца Кастора старицы м[а]ть Алевтина, мат[ь] Евстоіа и мать Платонида беснующая. Шли охотно с Кедровки 30 вёрст // до хр[и]столюбцев, которые им рассказали путь к могиле о[т]ца Кастора по направлѣнію тайгой. И не доходя версты три до могилы беснующая зашумела: «Не пойду, душно, по что меня повели к душному старичонку?» Они подхватили её за руки, ноги таском ташшили, а она все кричала: «Душно, старик душит меня, душит». На могиле пока читали канон за единоумершаго, она все кричала и потом успокоилась.

### Глава[а]<sup>н</sup> 47°. Ѡ виденіи н[е]б[е]снаго свѣта.

С рѣкописи от[ца] Тарасіа.

л. 123

Когда я был еще лет шести (пишет от[ец]ъ Тарасіи), мнѣ рассказывала родительница различныя повести и поученія, и я, грешный, слушал все со вниманіем и верою. Вот она говорит: «Открывается н[е]бо, и в то время просят у Г[о]с[по]да Б[о]га, комѣ что нужно из двух предметов: или земнаго богатства, или души спасенія. И я етому поверовал и все думал, как бы мне улучшить желаемое. И прошло уже с того времени лѣтъ 6 или 7, и вот во время осени родитель посылает нас // с братом на мельницу, отстоящую от нашей деревни версты две. И мы один воз свезли, брат остался на мельнице, а я поехал за вторым возом. И мне пришлось ехать ночью, ночь была ясная, звезды ярко светили. И вот вдругъ по всей территоріе стал свет, я не знаю, где что есть, и возрелъ на н[е]бо, а оно уже закрывается, было отверсто. И вот я, грешный, желаемое получил, Г[о]с[по]дь меня не оставил. И так остался етот свет в моих очах на весь мой век. Было сіе виденіе около 7433 года.

<sup>н-о</sup> написано на левом поле;

## ☩ виденїи свѣта.

Поведа нам о[те]ць Тимофей о своем родителе Иоанне Иларионовиче. Когда он был еще молодой, первой год женатый, и вот однажды во время зимы во едину ночь вышел он на улицу, и видит: раскрылось н[е]бо и возсѣа свет велїй, что невозможно было зрети на н[е]бо, и *от* сего на земле стало везде светло. И *от* виденїя сего Иоанн зело устрашился, мня уже быти конец миру, // потече в дом, возбуди домашних. Они выбежали на виденїе, но уже свет умалился и помале скрыся. А потом и мы тоже видехом необычный свет, я тогда был еще дитя лет пяти. Единою во время осеннее, вечером, окна были закрыты, и мы уже хотели ложится спать, и се внезапно явися в дому необычный свет (сей свет мнится быти не бесовскїй, но свыше), достойный удивленїя, разлившїйся всюду, храмину всю исполняющїй. Не бысть *от* него никакой тени, каковая обычно бывает *от* солнца или *от* иного светилника. А тогда на полатях забегал, хорошо везде светло. Сѣ бысть в деревне Больших Кустах Пермс[кой] области в лето 7428.

л. 123 об.

## Глава<sup>п</sup> 48<sup>р</sup>. ☩ бесовском действе в заслонке.

Той же *от[ець]* Тимофей поведа нам: «Во время, — рече, — нашего пребыванїя на Бакчаре однажды осенью во един вечеръ сидели мы со сродниками, смотрели картины в Апокалипсисе, было нас // всех 8 ч[е]л[о]в[е]къ, все молодые, мне было тогда лет 17. И сидящим нам, и се внезапно слышан бысть необычный великїй звон. Мы же устрашихомся, слышаще таковыи звон, и вскочили, смотрим, *откуда* получился такой шум. В дому у нас стояла железная печка, сверху вырезано было круглое *отверстїе*, которое закрывалось железной заслонкой. И вот эта заслонка начала скакать на печке, но звон сильно преувеличенный. Тогда наша родительница Пелагїа оградила кр[е]стным знаменїем заслонку кр[е]стообразно с м[о]л[и]твой І[су]совой и по молитве сказала триж[ды] «Аминь». И тотчас заслонка перестала скакать, и бесовское действо окончилось сильным шумом, поднявшимся в трубу и раздавшимся. Сѣа *предреченная* Пелагїа проходила жизнь добродетельную. О[те]ць еа Иоанн настоятель был добродетельной, брагѣ не пил никогда ради воздержанїа. Его добродетели и она подражала, по гостям не ездила, скончала // жизнь свою во обители м[а]т[е]ри Мастрадїи на Вороговке, по накрытию м[а]т[е] Порфирїа, памать еа 8 октябр[я], година 31 декабря.

л. 124

л. 124 об.

<sup>п-р</sup> написано на левом поле;



Глава [а]<sup>с</sup> 49<sup>г</sup>. С рѣкон[иси] того ж[e] от[ца] Тимоѳ[ея].

### О изстѣпленіи.

Во время нашего пребыванія на острове в пределах Дупчеса по притоку Мал[ого] Тогульчеса в лет[о] 7450, 7 генваря было произшествіе таково. За недостаток питанія вкусили вредную для естества ч[е]л[ове]ческаго пищу (ето была конопленнаа куглина\*, ее толченю ставили въ чаше на трапезѣ, братіа клали в похлебкѣ каждый въ свою чашѣ во время обеда). После вкушенія коснулось у меня до с[е]рдца (говорит от[ецъ] Тимоѳ[еѣ]), начало захватывать и сильное зделалось трясеніе всех составов и жил; примерно в продолженіи часа захватывало с[е]рдце, получалось что-то чрезестественное. Когда, видно, захватит с[е]рдце, получалось разделеніе души с телом, но не совершенно, в таком виде, как бы дух жизни еще был связан с телом. Несколько раз получалось, // что я был вне тела, потому что смотрел на тело как на чужое, но в то же время паки обращался в тело. И чудесное происходило: когда выдвигался вне тела, как бы, примерно, какая-то тма находила, совершенно выталкает из тела, получаюся в необ[ъ]ёмном пространстве, и то чудно, что почему не задерживала стена. Но только былъ еще связан с телом, не мог разрешиться, как бы некоею силою держим. Когда обращался в тело, то гладел чрез телесныя очи, а когда выталкаетъ из тела, то смотрю на тело — и чудилсѣя: почему тело мое, а я сам вне его, но мало время паки обращался в тело. И то чудно, что как бы я сам в совершенном размышленіи, когда бывал вне тела. А когда паки зайду в тело, то покрывает тма, бываю в нечувствіи и в непознаніи. И дивилсѣя тому, // что как так быстро двигаюся то из тела, то опять в тело, какая такаа легкость. Но когда пришол в телесныя чувства, то ощутилъ сильную болезнь, у меня не было такого места, чтобы не билось. Только тогда ощутил, что я хвораю, и познал, что я уже был близко у раздела с телом.

Глава [а]<sup>у</sup> 50<sup>ф</sup>. СѢ Иларіоне Ивановиче.

Сей Иларіон Ивановичъ\* был брат по плоти предреченной Пелагіе Иван[овне] (мат[ери] Порфиріи). Подражая добродетели своего о[т]ца, воздержлив бе и м[и]л[о]стив. В старости лет последовал в пустыню к о[т]цѣ Симеонѣ и жил тут во обители в послушаніи и в скудости питанія. Трудилсѣя в келарстве: исперва помощником был, а потом

\*-т написано на левом поле;

у-ф написано на левом поле;

старших келарей заменял. Во время разоренїа вывезен был из пустыни с прочими, оставлен на свободе, жил на поселке Подбель. А его дщери м[а]ть Еванфіа и м[а]ть Трифена были с прочими // осбждены в лагерь. По освобожденїи *ж[е]* они с ним тут жили до его кончины. А о его болезни и кончине пишет м[а]ть Еванѳіа сице: «Иларїон все был больной, как мы пришли из лагеря, каждый день ждал смерти... Два года совсем был больной, не одну ночь не ложился на постелю, а только сижа, да еще скорчится, покачаться. Были боли сильные в животе и в груди, и кашлял почти с кровїю. А ходил на свою нужду все сам, мало когда поддержим. В заговенїе 14 ноября молоком горячим заговелся и больше не питался, когда только квасу пил. И лежал до 11 декабря, не ворочался с боку на бок. Читали Исповедь келейную и Скитское покаянїе. Часто прощался он у нас и мы у него. Исправляли только великой водой. До последней минуты быть в разуме и говорил, лежал на спине. 10 декабря в пяток вечером ознаменовался трижды истово, // и растался сь душею, и больше не вздохнул и не сморшился. Година 11 декаб[р]я 7469 года, пам[ят]ь 5 маа.

Последнее наставленїе нашего родителя, когда м[а]ть Трифена спросила сказать на пользу. Он показал на садочки, которые стояли на окне — зеленые цветы, говорит: “Вот вы садочки поливаете каждый день, и оне растут и цветут. Так и душу полевайте слезами каждый день, и она просветится и процветет”. Имел глубокое смиренїе и каждое слово говорил со слезами, редко увидиш, что не плакал, все был во умиленїи и слезах, до последней минуты благодарил Б[о]га в болезни. За родителя нечо нам в сомненїе приходить, так как вот мне, грешной: я не достигну в меру его добродетелей. Г[о]с[по]дь его прославил по его кончине: и какїе были мощи хорошіе. Хоронили его через трои сутки, и были телеса светлыя и как живые, не было запаху, а чистый свежїй воздух. Празновали первые години у м[а]т[е]ри Флины, // то беснующая старушка болела трои сутки, бес ее ломал и кричал: “Спалило меня смиренїе его”; кричал, что теперь наша власть и управительство, а так спасаются. Много было у беса шуму: “Спалило, выйду, прославляет Распятый своих угодников”». Дозде м[а]т[ь] Еванѳ[ї]я.

## О избавленїи от плена.

Сь рѣкон[иси] грешн[аго] Афанас[їя]. Глав[а]<sup>х</sup> 51<sup>а</sup>.

Поведа нам сей деда Иларїон Иван[ович], когда еще он жил во обители о[т]ца Симеона. «Бых, — рече, — в плененїи у немцев во время

<sup>х-ц</sup> написано на правом поле;

германской воины и со мной еще два мужа, и нас гнали два жандарма, один впереди, другиі создади. И азъ, — рече, — зело просих с[вя]т[ите]ля НиколѸ, дабы меня избавил *от* них. Егда везохомся на поезде, хотех бежати, но несть мочно, понеже бодро блюдут. И ста поезд, и нас погнал конвой, и со мною, — рече, — нечто случися, найде на мя обморок. И повалихся, и исьступих из ряду, и навалихся на стену, они же мимо идоша. Аз же в себе пришед, обретохся един стою, и устремихся // бежати под вагоны. И слышу онех кричащих: “Потеряли, потеряли одинаго”. И тако избавлен *бысть* с[вя]т[ите]лем Николою, прїидох к своим, они же вопросиша мя, како избежа. Аз же поведах, како, они же чюдишася”.

л. 127 об.

Еще сей деда Іларіонъ поведа нам во обители *ж[е]*. Когда он еще жил на Безимянке и был об[ъ]ят тяжкою болезнїю дважды, и также дважды причащал его старичок (кажется, дедушко Семеон) с[вя]тою вел[икою] водою. И один раз показалаь ему с[вя]таа вода зело сладкая, «даже, — рече, — я еще желал еѣ выпить, а в другой раз зело горькая, только я не запомнил», в первый или во второй раз показалаь ему сладкая.

### Глав[а]<sup>ч</sup> 52<sup>ш</sup>. Свидетельство с[вя]тыни, и о пчелахъ.

Паки той же деда Іларіонъ Иван[ович] поведа чюдо сицево.

«Когда еще мы жили в миру, была у меня кадь меду, и оказалась закрыта неплотно, и по грехом пали в мед две мыши. Аз, — рече, — лопатою почерпнул их со всем с медом и бросил, а из кади // верхній слой собрал в корыто. И потом пришел старичёк по моему прошенїю, исправил мед в каде и в корыте. И я, — рече, — г[лаго]лах ему: “Я не буду сам-то ясти из корыта-то, но пчелам скормлю”. Он же, слышав, осклабися, ничто же рече. И я, — рече, — взял корыто с медом, унес, поставил пчелам, и ни едина пчела не прикоснулася меда. Аз же дивихся много. И паки прїиде тойже старичок, и аз рех ему: “Скажи мне, почто пчелы меда не касаются, который в корыте.” И гл[агол]а он: “Ето за твое маловерїе: ты же сам сказал, что в корыте мед сам не будеш ясти, а я ведь одинаково как в кади, так и в корыте исправил. Я тогда хотел рещи тебе, дабы ты сам прежде вкусил *от* того меда и тогда пчелам бы поставил, но постеснялся <sup>ш</sup> рещи. Прежде надо бы тебе самому вкусить, а ты возгнушался”. Азъ, — рече, — сїа слышав, *вземъ* // лжицу, ознаменовался кр[е]стным знаменїем, съ верою

л. 128 об.

<sup>ч-ш</sup> написано на левом поле;

<sup>ш</sup> исправлено, на правом поле со знаками замены вместо написанного в строке обрамихса:

хлебнул из корыта и поставил пчелам. И абіе нападоша и из[ъ]ядше вса. Аз же чюдихся много о сем. Ето нам свидетельство о том, что воистинну малая вода имеет бл[а]г[о]д[а]ть о[свя]щеніа, хотя она не погруженіем кр[е]ста, но располненіем пріемлется.<sup>3</sup>

### Глава[а]<sup>1</sup> 53<sup>2</sup>. Ѡ о[т]цѣ Лаврентіи.

Съ рѣкописи мат[ери] Акинфы.

Ѡ о[т]цѣ Лаврентіи мы слышали Ѡ м[а]т[е]рей сице. Рожденіе его деревня Коптелы, река Сылва, Пермской губерніи<sup>1</sup>. Рода был хр[и]стїанска. Когда он начал измѣнять образ жизни, *отставать от* мира, стал учиться Фалтырь. Если когда куда-либо поедет, все с собой Фалтырь брал. Были две дочери маленьки, как *станет* молиться службу, обоих поставит на лавочку и некуда не *отпустит*, пока не кончат слѣзбу. С супружницей молодые разошлись и стали жить по-келейному. Иноческій чин он получил *от* о[т]ца Варлаама на Танаевке. И о[т]ецъ Варлаамъ после шести недель бл[а]г[о]с[ло]вилъ // его опять л. 129 на родину исправлять нужды, было много стариц. О[т]ецъ Лаврентій жил zelo подвижно, молился два правила и две полуторницы, был ревнитель молиться; бывало, когда *воздежет* руце на высоту, и молится, не спустя, 40 лестовок «Г[о]с[по]ди, помилуй». В шести неделях на ребрах не спал, токмо сидя мало подремлет. Жили с ним старики. Потом он пріѣзжал къ о[т]цѣ Саве на жительство, и о[т]ецъ Сава емѣ посоветовал, что нельзя оставить д[у]ховныхъ детей, и проводил его обратно на Урал. А потом стало смятеніе веліе на всех живущих, и тогда он поехал искать места подъ Кузнецко и *оттуда* на Абакан. И тут присмотрели место, перевезли багаж, но жить не пришлось, ибо узнали власти и взяли его под стражу. Точно не знаем, в котором году, около 7440 года. Очень его мучили за то, что принял к себе в сожителство малаго отрока. Мы слышали *от* м[а]т[е]ри Евфаліи, его племянницы, что ему давали в руки Ев[ан]г[е]ліе и говорили: «Брось его // на пол и топчи!» л. 129 об. Онъ этого не делал, они сами *бросят*, и *начнут* его бить, сколько хотят, на допросах, и опять *отнесут* въ камеру тюремную. Когда ему говорили на допросах, что *отрекися* Ев[ан]г[е]ліа, он им говорил, что благодарю Б[о]га, сподобившаго мя за его пострадати. Питаться не стал; *говорят*, 40 дней не вкѣсилъ пищи. Потом его *отпустили* на квартиру, тут он и преставился 6 июля, а память ему 17 июля.

<sup>1</sup> на левом поле Дозде Афанас[ий];

<sup>2-3</sup> написано на левом поле;

<sup>3</sup> исправлено, в рукописи губерни;

Был мужественный и крепок телом. А бывшая его сожительница, по накрытiю м[а]ть Максимила, преставися на Безимянке 12 апреля, а памалть ей 22 июля. Также и дочери их были накрыты: м[а]ть Енафа и м[а]ть Измарагда. Сѣа преставися 11 лет, а м[а]ть Енафа 25 лет. Прѣехала она на могилы посетить родителя и зело плакала; говорят, что м[а]ть Енафа<sup>ю</sup> просилася к немѸ и заболела, три дни поболела и преставилась 20 сентаб[р]а, памалть ей 25 сентаб[р]а, рядом со отцемъ похоронили. //

л. 130

## О[т]ецъ Іовѣ.

Съ рѣкописи *отца* Маѣзима и некѣа старицы<sup>а</sup>.

О[т]ецъ Іовѣ (до накрыт[і]я) Іоаннѣ из деревни Лошкомоев. Мать Евгеніа рассказывала про него: «Когда он овдовел на Безимянке и хотел другую посягнуть старушку, помощницу себе, у него она и жила на дому. И мать Македонія увидела его и сказала: “Я у тебѣ не вижу бл[а]г[о]дѣ[а]ти Б[о]жїа, а то все видела”. Они спросили: “Как видела?” Она сказала, что тень всегда над главою его была, а сечасъ не вижу. И спросила винѸ, и он сказал, что думает старушку поять в сожитницу себе. И с тех пор он не стал думать жениться, жить стал с дочерью Екатериной, и помогать ей во вдовстве, и воспитовать детей: у нее тогда мужа убили на войне.

л. 130 об.

Іоанна Федоровича все любили, он был наставником, и мог наставлять на путь спасенія, и утешал бедствующих. Был строгій, и все его боялись и слушали, поучал не так просто, но всегда *от* Божественнаго Писанія, и всем было // на пользу его поученіе. Много раз бывало и так: если кто на него сѣбидится или враждует, и он узнает, то пойдет к нему ночью, чтобы никто не видел и не зналъ, и попросается, и завинит себя во всем — и вся козни вражїя разрушатся. Или иная кая вражда у кого-либо с кем бывала, он всегда примирял, и было при нем всегда мирно и любовно.

И когда он былъ наставником, всегда *отказывался от* настоятельства, все смиряясь говорил: “Вот вы ведь молодые да грамотны, а я старик ведь уш стал глухой да слепой, то не слышу, то не вижу, тут ведь надо вострому быть-то, давайте, избирайте себе другаго вместо меня”. Часто ето говорил братїям. А болелъ о[т]ецъ Іовѣ пред кончиною около двух годов, последній год тяжело болелъ. В начале болезни получил иноческїй чин, а потом по по некоем[у] времени большого

<sup>ю</sup> исправлено, в рукописи ошибочно Евфалїа;

<sup>а</sup> на левом поле Ирин[ы];

увезли в келію къ о[т]цѣ Маѣиму. Зело в тяжкой был болезни, не стоял и не скорбел ни о чем, зело был благодарен во всем. Аз грешная изредка // его проводывала и спрашивала у него: “Что тебе, о[т]че с[вя]тѣи, поди трудно, тяжело терпеть-то, долго болеешь”. Он скажет: “Слава Б[о]гѣ, чо ъ еще терплю, ведь только год един; вон Стефанида Сидоровна 10 годов лежит, даже и ставать-то не может — вот она как терпит. А я ково, еще сам поднимаюсь, только за мной ходят да стирают, моют одежду. Я вот видиш, какой стал”. И сам заплачет, и скажет: “А теперь только смерти ожидаю, а вам ведь придётся еще всяко пожить, годы еще молодые, и жизнь опасная, и время последней”. А сам говорит и плачет.

Болѣлъ<sup>х,а</sup> о[т]ецъ Ісѣвъ около двух годов, последний год тяжело болелъ, два раза исправляли. А последний раз исправляли, язык у него отнялся, а в чувстве был, помоячил; стали причащать, уста не может раскрыть, пальцы свои закладывал в рот и тако раскрыл. А кончину его не увидали, тихо преставися 23 евраля 7475 год[а], а память его 18 апреля. Некаѣ беснующая с великим трудом за его // молилась. И другая беснующая м[а]т[ь] Фекла говорила, что мантию его не могла починять, — кажется, душная.

Поведа нам от[ецъ] Ісѣв: «Верст 15 от нашей деревни Лошкомоев, в деревне Лешаках, у некоего хр[и]стїанїна по испеченїи хлеба мякиша не было, разрежут — только одни корки (яве, яко бесовским действием).

Краткое полсненїе объ обществе, называемом

## «Климовщина». Глава<sup>б</sup> 56<sup>а</sup>.

Общество климовщина получило названїе от о[т]ца Климента Чер... Это названїе дано на почве враждебнаго настроенїя. О[т]ецъ Климент жилъ в пустыни, в пределех Висимскаго района, в 25 верстах от горъ, на которые собирались наши хр[и]стїане старообрядцы, от деревни Галашки он жил 10 верст. О[т]ецъ Климент принадлежал к обществу наших уральцев о[т]цов, и чин иноческїй от них полѣчил, и все преданїа и уставы такїе же содержал. Всем известно, что до 1905 года старообрядцы не имели // полной свободы, а с етого времени, когда получили свободу и жить стали роскошно, свободнее, впали в большїе слабости, и со стороны пастырей (настоятелей) подбавоющей поддержки не было. Появилось много незаконных браков,

<sup>х,а</sup> на правом поле О[т]ецъ Маѣимъ;

<sup>б-в</sup> написано на левом поле. Там же, строкой выше, написано: «От[ца] Ефрема Уральскаго;

брадобритіе, со еретики смешательство в пици и питіи. Хотя и раньше были эти слабости, но не в такой мере. Особенно зажиточные люди стали совершати браки со всякими незаконными обычаями, не стали соблюдать посты и к тому же стали принимать и регистрировать<sup>†</sup> общины. Принявшіе общину настоятели обязаны выполнять правила общины, выработанные Государственной Думой. Этот закон для общины вырабатывали члены Государственной Думы, еретики и отступники. Этот закон был противен С[вя]томѸ Писанію и правилам соборным св[я]т[ых] о[те]ць.

л. 132 об. Тогда многіе люди стали сомневаться, что мы *отделились от* церкви никоновской за нарушеніе ц[е]рк[ов]наго // преданія и уставов, а сами тоже стали *нарушать*. Тогда вот некоторые *от* старцев и живущих в пустыни, как о[те]ць Климент и прочіе, и некоторые *от* (простых) людей мирских грамотные стали указывать настоятелем храмов на разные допущенные слабости, настоятели же не только сознали свои ошибки, но стали все это только оправдывать и подсмеяться над стариками. Тогда эти люди, а особенно пустынники, решили себя охранять и не стали с мирскими сообщаться и вместе питаться и молиться. И таким образом общество разделилось: некоторые люди сознательные из мирян, хотя и не *отделялись от* храма, но сочувствовали *отделяющимся*, а другія из хр[и]стіанъ, живущих в мире, *относились* враждебно к тем, которые стали храниться *от* смешательства. Кто со всеми не молится и не яст, и не пїет, называли их фарисеями, наватянами и наконец называли это общество *отделяющихся* «климов//щиной».

л. 133 В обществах часовенных зло не стало уменьшаться, а только возрастать. Тогда и прочіе старцы и пустынножители на Урале стали следовать примеру о[т]ца Климента, как о[те]ць Сергій, престарелый старец, и его последователи тоже *от* миру *отделились*, и прочія женскія скиты. О[те]ць Варлаам, престарелый старец и игумен женским скитам, тоже *отделился*, о[те]ць Іоанн, игумен женским скитам, тоже *отделился от* миру. Здесь, в сибирских краях, жили знаменитые старцы о[те]ць Сава и о[те]ць Силуан, известные всей Сибири, тоже *отделились*. И все эти многія старцы и старицы последовали примеру о[т]ца Климента и называются *от* противников «климовщиной». И до сего времени старцы и старицы, где бы не жили, *отделяются от* мирских. Въ старое время царское, когда старообрядцев преследовала царская власть и людіе, живущіе в мире, жили более скромно и воздержно, разделеніа не было. Некоторые немногіе // из старцев *от* общества *отделились* и они враждебно *относились* к тем, кто

<sup>†</sup> исправлено над строкой из лигистрировать;

отделялся. Это отделение не было противно С[вя]томѸ Писанію, но основано на примере св[я]т[аго] Феодора Студита, который отделялся даже от благоч[е]стиваго патріарха св[я]т[аго] Тарасіа, который был представитель Седмаго Вселенс[каго] Собора. Греческій царь Константин свою жену отослал в монастырь, и взял другую, и попросил<sup>а</sup> патріарха его свенчать, но патріарх отказался венчать. Царь пригрозил и патріарха иконоборством, тогда патріарх замолчал, чтобы не слѣнилось большее зло. Един с[вя]щенник цара свенчал и патріарх не смел действовать против этого зла, а св[я]т[ой] Феодор Студит, игумен монастыря, отделился от патріарха и от цара, и с ним многія монастыри. За это царь разорил монастырь Феодора и начальных иноков послал в заточеніе. Св[я]т[ой] Феодор писал, что брак беззаконный служит нарушеніем Ев[ан]г[еліа] Х[ри]с[то]ва. Св[я]т[аго] Феодора называли раздор//ником ц[е]рковным, а он писал: «Знай, что у насъ не ѿделеніе ѿ церкви, но зачищеніе истины и оправданіе Б[о]ж[е]ственныхъ законовъ». (Феодор СтѸдит. Т. 2, 4, а пис. 28).

л. 134

Некоторые говорят, что о[т]ца Климента кто-то когда-то судил и проклинал, но это неправда. Кто его будет судить за разделеніе<sup>с</sup>, когда все старцы и старицы за ним последовали и отделились от общества, где происходило большое нарушеніе ц[е]рковнаго преданіа и правил св[я]т[ых] о[т]ецъ, за что с[вя]тыми о[т]цами угрожает проклятїе<sup>с</sup>.

## Ѽ о[т]це Антонїи, съ рѸк[описи] и ѿ повести его и съ рѸкопис[и] о[т]ца Мих[аила] и некїа старицы.

Глав[а]\* 57<sup>а</sup>.

Ѽ[те]ць Антонїй, до накрытїа Афанасїй Михаиловичъ, 7403 года рожденїа, уроженецъ дер[евни] Быстрл, МинѸсинскаг[о] р-на Красноарскаг[о] краа. Родиса ѿ родителей хр[и]с[тіанских], по малом времени они возвратились на прежнее свое место, вѸ заводѸ Кыштым (они // уезжали вѸ МинѸсинскїа пределы на время). Когда пришолѸ л. 134 об. Афанасїй вѸ возраст, восхоте удалитьсѸ ѿ мира и жити вѸ келїи, просилѸ о[т]ца Иринеа прїати его вѸ сожитїе, но онѸ посоветовалѸ емѸ прежде ѿвести военнѸю слѸжбѸ, желанїе его не исполнилось. Даже онѸ позавидовалѸ своим сестрам, м[а]т[ери] Тавїе и м[а]т[ери] Алевтине, жившим тогда на СѸнгѸле, во обители м[а]т[ери] Феклы

<sup>а</sup> приставка по дописана над строкой;

<sup>с</sup> исправлено из раздееіе (слог дел написан над строкой со знаком замены);

<sup>ж-з</sup> написано на правом поле;



и м[а]т[ери] Елены. Сам онъ говорилъ, «чтобы и был д[е]в[и]ца, жилъ бы теперь въ келїи».

А потомъ въ 7422-мъ годѣ началась война Германская, и онъ взятъ былъ на войнѣ 20-ти летъ. На войнѣ былъ одинъ годъ, и тамъ плененъ бысть германцами. Въ пленѣ жилъ въ Германїи три съ половиной года. Сѣдѣлъ бежалъ съ иными, несколько ихъ рѣскихъ набралось, утекли въ Россїю, а здесь уже ц[а]р[а] свергли, заняли власть советскїе, открыто дома жить емѣ было опасно, скрывался около обители м[а]т[ери] Елены, они его покрывали, и, когда было возможно, онъ имъ хлебъ покрѣпалъ, // привозилъ. М[а]т[ери] Елене желательно было его иметь д[у]ховнымъ о[т]ц[ем], ради сего она его не ѿпѣскала, о[т]ц[ов]ь около нихъ близко не было. Онъ сходилъ на исповедь къ м[а]т[ери] Фекле, она была д[у]ховна и разсѣдательна старица, посоветовала емѣ: «Тебе, — Афанасїй, — не подходи здесь около старѣхъ жить, поезжай къ о[т]цѣ Саве».

И вот онъ въ 7433 годѣ съездилъ къ о[т]цѣ Саве, попросился у него погостить, онъ не отказалъ. Тогда онъ возвратился съ надеждой и собрался совсем, въ 7434-мъ годѣ прїехалъ къ о[т]цѣ Саве. А въ 7436-мъ годѣ 15 февраля полѣчилъ иноческїй чинъ от о[т]ца Савы. Онъ, видно, до сего времени попрашивался накрываться, от[ец] Савы, видимо, дѣлалъ, что еще можно повременить. Въ начале Вел[икаго] поста онъ исповедь иноческѣю прочиталъ всемъ братїямъ, Афанасїй опять кланяется, просит накрываться. Тогда о[т]ецъ Савы сказалъ: «Дакъ ты что, тебе надо ведь читать мирскѣю исповедь». И вот от[ец] Савы // прочиталъ емѣ мирскѣю исповедь, и тогда облече его во иноческїй чин, и нарече имя емѣ чернор[узец] Антонїй, и заде его о[т]цѣ Симеонъ въ послѣшанїе. Таковъ былъ обычай: по приходѣ изъ мира первый разъ читали мирскѣю исповедь, также и предъ накрытїемъ тоже читали мирскѣю исповедь. Такъ намъ передавалъ от[ец] Антонїй. Въ етомъ же 7436-мъ годѣ онъ написалъ письмо своей сестре м[а]т[ери] Алевтине на Танаевкѣ (зри о ней во 2-й части глав[ы] 13).

Пишетъ сице: «Прошѣ а тебѣ, не скорби и не обижайся, Х[рист]а ради, но бл[а]годари Бога, болезнь бо очищатъ д[у]шѣ, аще кто со бл[а]годаренїемъ терпитъ, се бо не наказанїе, но любовь Б[о]жїа. И о томъ не скорби, Х[рист]а ради, что не пришлось тебе со мной уехать, верѣй, что и сіе не безъ воли Божїей сотворилось тако, но всѣ терпи и за все благодары, дабы не вотче былъ трѣдѣ нашѣ, но по Б[о]жїи».

Затѣмъ ты, сестро, просишь ѿ мене совета, какъ бы тебе не погибнѣть и жизнь бы твоя была Богѣ прїятна ... И кто есмь // азъ, да начѣлъ тѣя семѣ, когда азъ ѿнюдѣ того не творю... но по вашей просьбѣ ... вопрошихъ о[т]ца Савѣ и посоветовахъ, и кже ѿ него слышахъ, поведаю ти. Онъ говоритъ: “Если оздравѣетъ или бѣдетъ легче, такъ что сможетъ ехать

без опасности, то пѣсть приедет сюда. А если не бѣдетъ легче и безнадежно, то не ѿлагай накрываться, но всачески съ разсмотреніемъ". ѿ главизнѣ с[вя]таго Симеона Новаго Б[о]г[о]слова: «Аще восхощеши ѿрещиса мира и еч[ан]г[е]льскомѣ житію наѣчитиса, да неискѣснѣ, ниже страстномѣ уч[и]т[е]лю себе вдаси», и проч[ее]. Посем прочти со вниманіемъ вѣ иноческомъ Потребнике оглашеніе и обещаніе и внемли опасно, чемѣ обещаешиса, а иноческій чинѣ полѣчившимъ не старейшинство искати или послѣженіа, но разве кр[е]сть и смерть. Сиреч[ь] вса терпети, по словеси Г[о]с[по]дню, да бѣди всемъ рабѣ и слѣга, не к томѣ взиматиса мыслію или кого уничижити, или осѣдити, но пр[и]сно себе внимати и себа во всемъ зазирати, а не инех, и заключи // вѣ с[е]рдцы своемъ, под всеми быти ... а если болеешь, потребно ти есть се: безпрестанна м[о]л[и]тва со смиреніемъ, и не можеша инемъ послѣжити, а тебе слѣжатъ, а ты с[е]рдце того не желай. А кто хочетъ тебе послѣжити, темъ не ѿкажи, но со слезами пріемли, и бѣдетъ ти безѣ ущербѣ, а тѣи мѣдѣ свою полѣчатъ. Свидѣтельство семѣ Никои Черн[ыя] горы, слов[о] 58, листъ 512, тамо прочти\*.

л. 136 об.

А егда накроешиса, помышлай: «Се полезно есть». Седашѣ же ти вѣ безмолвіи вѣ келіи своей, собери свой помыслѣ и рцы с[е]рдцѣ" своемѣ: «Ч[е]л[ове]че, неси ли мира оставилѣ, и по плоти родитель, и дрѣгѣ, и богатство, Г[о]с[по]дѣ спешествѣющѣ». Но кѣи успехъ, аще и zde пришедъ на спасеніе и сопротивнаа делаеши, и согрешаеши предъ Б[о]гомъ, токмо вѣ праздно има облеклса еси\*. Прочти сѣ Ефрема Сирина слово 14, съ начала и до конца. Егда пріидѣтъ помыслы, не пріемли ихъ и не гл[агол]и противѣ имъ, се бо совершенныхъ есть, но гл[агол]и м[о]л[и]твѣ І[с]усовѣ умильно и со с[м]иреніемъ, и обращаеши покой ... не сѣдитсѣ бо прилогѣ помысла, аще не пріимеши его, но венець сплетешѣ. Не бѣдетъ помысловѣ, не бѣдетъ и венцовѣ. Но сѣдитсѣ, егда сладце пріимеши его и бесѣдѣши с нимъ. За сѣю бо винѣ 12 поклоновъ. Іосифъ Волока[амскій]\*.

л. 137

Аще кто на деле смехъ творитъ или празднословіе гл[агол]етъ, да поклонитсѣ 100 или сѣхо кастѣ д[е]нь единѣ. И с[вя]таго Феодора Стѣдима[а]. Т[ом] 2. Кто пѣстословитъ или говоритъ шѣтливое, да поклонитсѣ 40 поклоновѣ. А книги чти детельныа, то ест[ь]: Лествицѣ, патерикъ, Исаака Сирина, Ефрема Сир[ина], Симеона Новаг[о] Б[о]г[о]слова, Дорофеа и житіа с[вя]тыхъ\*. И поревнѣй ихъ житію и добродетелемъ, потщиса пройти деломъ и спасешиса. Вотѣ тебе, сестро, уч[и]т[е]ль и наставникъ С[вя]таго Писаніе, аминь. Писахъ не ѿ себе, ни ѿ своего разѣма, но каже слышахъ ѿ о[т]ца моего и за любовь возвестихъ ти по бл[а]г[о]с[ло]венію его. Писалѣ грешный

\*к первое слово и три первые буквы второго написаны по стертому;

л. 137 об. чер[норизец] Антоній, тако ми есть наречено има съ 15 феврала сего 7436 года». Дозде ѿ // письма о[т]ца Антоніа.

А въ повести о м[а]т[ери] Тавифе и о м[а]т[ери] Алевтине о[те]цъ Антоній пишет такъ о себе: «Любезный еа брат поехалъ къ о[т]цѸ Саве». И паки: «Посланный о[т]цемъ Савой брат ом[ецъ] Антоніи съ просьбой ко хр[и]столубцамъ, примѣт ли нет старицѸ». И паки: «Б[рат] Сава паки проводилъ того же брата (ом[ца] Антоніа) възбѣдить хр[и]столубцевѸ строить келіи». И о[те]цъ Антоній съ ними строилъ же келіи дла старицѸ, еще первый год после накрытїа. Ом[ецъ] Симеонъ не советовалъ емѸ идти, а о[те]цъ Сава сказалъ, что «больше некомѸ, ты ведь не пойдешь». Ом[ецъ] Антоній спросилъ: «А где а бѣдѸ находится во время стройки келій?» Ом[ецъ] Сава сказалъ: «У старицѸ, потомѸ что мирна тоже живѣт съ женами, лѣчше ужѸ у старицѸ».

л. 138 И потом ом[ецъ] Антоній несколько разъ ходилъ на ТавангѸ. И во единъ ѿ походовъ тѣда негде просили его мирна, старичок со старѣшкой и со снохой, принять ихъ на исповедь, и онъ не принялъ, не посмелъ безъ бл[а]г[о]с[ло]венїа, а сноха была непрадна, и потом въ родах умерла. О[те]цъ // Антоній полснилъ ето ом[цу] Саве, и онъ, говорит, ничего не сказалъ, а только ето о[те]цъ нам говорил, что если ч[е]л[ове]къ при кончине просит принять на исповедь, нѣжно принять. Тѣм не требѣтса бл[а]г[о]с[ло]венїе, а если не прїимеши, ѿвечать бѣдешъ.

л. 138 об. После о[т]ца Сава о[те]цъ Мина послалъ ом[ца] Антоніа на ТавангѸ принять на исповедь старицѸ, потомѸ что сам не могъ идти<sup>а</sup> къ ним далеко, 90 верст. Ом[ецъ] Антоній сказал: «Ом[ецъ] Симеонъ мена не ѿпѣстит». Ом[ецъ] Мина говорит: «Не спрашивай его, ѿ старше его». Сотворилъ послѣшанїе, сходилъ, принял старицѸ. И когда пришлоъ домой, сказалъ, что принялъ старицѸ на исповедь. О[те]цъ Симеонъ попотазал его за ето<sup>б</sup> и далъ емѸ епитимїю. А потом, когда уже переселились на Дѣпчесъ, старицы просили ом[ца] Симеона принимать их на исповедь, но онъ на сїе не соизволилъ. (Ом[ецъ] Симеонъ принял на исповедь точію однѸ м[а]т[ерь] АлевтинѸ больнѸю, при конце жизни исправил и накрылъ. О сем зри во второй части, глас[а] 20)\*. // А прочих старицѸ бл[а]г[о]с[ло]вилъ принимать отцѸ Антонію, какъ онъ уже прежде началъ ето дело, принялъ на Таванге старицѸ по бл[а]г[о]с[ло]венїю ом[ца] Мины.

О[те]цъ Антоній великіа переносилъ трѣды и опасности въ различныхъ пѣтешествїах и переселенїахъ съ места на место. Когда опас-

<sup>а</sup> буква д исправлена из буквы т;

<sup>б</sup> буквы то написаны по стертому;

но стало жить на Парбике, насочетовали посмотреть новые места, о[те]ць Антоній по советѣ и по о[те]ческомѣ бл[а]г[о]с[ло]венію въ 7444-м годѣ 21 маѣ поехалѣ на лодке на Касѣ. По разсмотреніи местѣ возвратилсѣ обратно зимой въ 7445-м г[одѣ] 23 декабрѣ. Пошолѣ съ попѣтним Кирилом А[ковлевицем] пешком, продѣктовѣ пѣдов около плати везли на нартах в самыя морозы, были бѣраны, дорогѣ заметало, такѣ шли верстѣ 300<sup>и</sup> до Краснаго Юра, в нем кѣпили лошаденкѣ маломальнѣ, говорѣт: «Хотѣ бы котомки везла, а сами пешком». На Парбикѣ прибыли въ половине генварѣ, насочетовали перемещатсѣ чрезѣ н[е]д[е]лю не съ большим, поехали на трех лошадах 8 ч[е]л[ове]кѣ: от[ец] Антон[іи], от[ец] Макар[іи], м[а]т[ь] Тави//фа, м[а]т[ь] Акинфа, м[а]т[ь] Касіаніа, м[а]т[ь] Алевтина, (от[ец] Иоаннѣ), Кирилѣ Юковлев[ич]°. Повезли книги, иконы и прочій багажѣ. Дорога была опаснаѣ, много было страха у пѣтшествѣющих, но десница Б[о]жіа покрывала их. Опасныя места ехали по ночам, а въпередѣ их уехалѣ председатель, они опасаютсѣ, чтобѣ съ ним не встретитсѣ. Имѣ было сказано, что есть в стороне займка Козловска, единоличники, председатель тѣм не долженѣ быть. От[ец] Антоній ехалѣ впереди, и, не доезжа до своротка, онѣ заповедает коню: если нет на Козловской председателя, дабы своротилѣ на Козловскѣю, а если онѣ там, то прѣмо иди на Вьюковѣ. И после сего немного подались, и вразѣ передній конь своротилѣ по малой дорожке въ сторонѣ, дабы хозяина не подвести въ напасть. И задній возна Кирилѣ Юковлев[ич] закричалѣ переднемѣ: «Стой! Стой! Конь у тебѣ пошолѣ неладно!» От[ец] Антон[іи] полсил, что таковѣ завет далѣ коню, чтобы тѣда шел, где нет председателя. Тогда Кирил Юковлев[ич] сказалѣ: «Нѣ, тогда продолжай».

л. 139

На Козловке ночевали, потом поворотили на // северѣ, пересекли проезжѣю дорогѣ. Вторѣю ночь ночевали у Нестора. Сей Несторѣ сбежалѣ изѣ тюрьмы, скрывалсѣ. При пѣтественниках пришолѣ, поѣжиналѣ и скрылсѣ. Ночью прѣехалѣ начальникѣ Анковады<sup>и</sup> и с ним еще двое, искать Нестора. От[ец] Антоній еще не спалѣ, пошолѣ нарѣжд и точію спѣстилсѣ съ крыльца, подскочилѣ къ немѣ начальник, ударѣет пальцем въ грѣдь<sup>и</sup> и вопрошает его: «Слѣшай, хозяинѣ, а хозяинѣ где?» От[ец] Антоній дѣмает: «Если скажѣ, что был хозяинѣ дома, то бѣдѣ Юда предатель, а если скажѣ — не былѣ, то ведь насѣ 8 ч[е]л[ове]кѣ и могѣт иніи сказать, что былѣ дома, и тогда начальник может меня даже забрать». И наконецѣ заключилѣ

л. 139 об.

<sup>и</sup> в строке кириллическими, на левом поле арабскими цифрами написано 300;

<sup>о</sup> исправлено, в рукописи Юковлев[ич];

<sup>и</sup> исправлено, в рукописи грѣдь;

л. 140  
 въ уме не быть предателем, ѿветил емѸ резко: «Не видалѸ никакого хозяина». Такожъ[е] и прочіи вси вопрошаеми ѿветили: «Не знаемъ никакого хозяина». А пѣтешественники здесь узнали, что председатель на КозловскѸ прѣхалѸ, а они въперѣдѸ уехали и тако разѸехали съ ним, м[и]л[о]стїю Б[о]жїею покрываеми, перемещались въ самое опасное время. ЖѸтко было въ то время // даже простомѸ пройти. И вотъ въ такихъ трѣдныхъ обстоятельствахъ и опасностяхъ всѧ забота, хлопоты и попеченїе, все лежало на отце Антонїи. И сей бл[а]годѣшный, б[о]голюбивый и тщательный прїобретатель своего и прочихъ спасенїа николиже поропта, ни малодѣшествова.

л. 140 об.  
 л. 141  
 Прѣехали на БезыманкѸ и тѣмъ прїостановились, а весной въ томъ ж[е] 7445 годѸ от[е]ц[а] Антонїи съ Безыманки поехалѸ на СымѸ разсматривать места более ѿдаленныя, возвратилса на БезыманкѸ въ конце авгѸста и съ 10 сентѧбра 7446 г[ода] братїа ѿправились на большой лодке на Сым. От[е]ц[а] Антонїи съ тремя старѣшками, м[а]т[ерью] Павлиной, м[а]т[ь] Акинфой и м[а]т[ерью] Евгенїей, пошли пешкомъ на рекѸ Колчим, тамъ была у него оставлена лодка и сети. ПродѣктоѸ взяли на 10 дней, спѣстились въ Сым, у долгаго Юра дожидали лодкѸ, лодка пришла чрезъ 18 дней, недостатокъ хлеба рыбой заполняли. На лодке плыли до 12 октѧбра, дорогѸ ледѸ закрылѸ, 25 верстѸ до БрѸсова на нартахъ возили. Тѣмъ поставили однѸ келїю, а дрѣгю для старицѸ // не стали делать, потомѸ что начальство стали призирать. Начальникъ хотелѸ къ нимъ ехать, выпросилъ изѸ сельсоветѸ парѸ оленей и вразѸ раздѣмалѸ, стало быть, емѸ Г[о]с[по]дѸ не попѣстилѸ. А потомъ уже летомъ ложно обвиняли старцевѸ, якобы они пѣстили пожарѸ въ тайгѸ и хотели от[ца] Антонїа забрать, и онѸ стоя на ЮрѸ, слышалѸ ихъ заговоры на берегѸ, бегствомъ спасеса ѿ нихъ по м[и]л[о]сти Б[о]жїей. На СымѸ жизнь не состоалась, решили на ДѣпчесѸ. Съ 1-го авгѸста от[е]ц[а] Антонїи съ братїей поехали на Дѣпчес, Усекновенїе праздновали на Сандакчесе. Въ 7447-мъ г[одѸ] въ сентѧбре заехали по МаломѸ ТогѣльчесѸ, нецыи остались тѣмъ рыбачить, от[е]ц[а] Антонїи съ двѣма братїями пошли на Сымъ проводить оставшихса тамъ от[ца] Георгїа съ вышереченными старицами, у нихъ хлеба не хватило на 6 дней, игодѸ шипикѸ ели. Обратнo пошли съ Михайлова дна двое: от[е]ц[а] Антонїи и от[е]ц[а] Виталїи на лыжахъ. У нихъ не хватило хлеба на 4 дня, шли голодомъ, да еще былъ // тогда морозѸ, они Въведенїе Б[о]горо[д]ицы съ трѣдомъ дошли до Сандакчеса, жители дали имъ ведро мѣки, и съ нимъ дошли до места. А съ 6-го декабр[я], съ Николы (какѸ пришли съ СымѸ) братїа вси пошли на лыжахъ съ нартами на БезыманкѸ напрямки, оставили одного от[ца] Маѣима. ПодѸемѸ не было, дни коротки, ночи морозны и безѸ хлеба, точїю на одной заварѣшке жиденькой, однѸ крѣжкѸ на ч[е]л[ове]ка, а когда и на

платерых 4. Дошли сѣ Б[о]жѣй помощію бл[а]гополѣчно до о[т]ца Симеона и поаснили о местах все. Сѣ Безиманки пошли трое: *от[ец]* Антоній, *от[ец]* Юсїе и *от[ец]* Витал[ій]. Сїи два ушли на Дѣпчес, а *от[ец]* Антоній остался на Сымѣ, сиделѣ до весны вѣ тайге ради опасности. А весной, какѣ только пришолѣ на Брѣсовѣ, и в то же утро прибежалѣ сыщик сѣ факторїи, и сразѣ обежалѣ всех жителей, сказалѣ потом жителям, что посланѣ былѣ узнать, не пришолѣ ли кто к ним изѣ пѣстынножителей, еще добавилѣ, что по ѿкрытїи Сыма поедет охотоведѣ // вѣ верха садить андатровѣ и соболей. Опять *от[ец]* Антонїю второе препатїе, страх и опасность ехать вѣ вершинѣ, но необходимо надо ехать до охотоведа, багаж сѣ берегѣ убрать и келїю сожечь и все следы замаскировать, и поетомѣ приходится спешно и торопно ехать, и спать ладом некогда, ниже кисти. А езды рекой триста верст, ехать по самой большой воде, еще лед не прошолѣ. На половине есть речка Дегильдо, по ней завезѣ багажѣ, сделалѣ лабазокѣ, склалѣ, поехалѣ вѣверхѣ по Сымѣ, прїехалѣ на место вѣ келїи, — никого нет. М[а]м[б] Павлина похоронена, *от[ец]* Георгїи не похоронен, вывезенѣ вѣ пихтачек, его не увиделѣ. М[а]м[б] Акинфа и м[а]м[б] Евгенїа выехали на Брѣсовѣ, разѣехались.

л. 141 об.

Когда заезжалѣ *от[ец]* Антонїи вѣ Дегильдо, лодкѣ онѣ обнобоилѣ, багажѣ погрѣзил, остальной вѣ сторонѣ на лабазокѣ склалѣ, келїю сожегѣ и ѿправилсѣ спешно, чтобѣ сѣ охотоведом не встретитсѣ, заехалѣ вѣ Дегильдо, тогда здохнѣлѣ свободно, подналсѣ до материка, багажѣ выгрѣзил, лодкѣ // оставилѣ, пошолѣ на заимкѣ Брѣсовѣ пешком верст 40 узнавать о старицах. На заимке обрелѣ их, они поаснили свои бедствїа и поехали все троѣ хоронитѣ о[т]ца Георгїа. Багажѣ ѿтуда весь забрали, завезли по Дегильдѣ, сколь можно было ехать, обратно спѣстились на Брѣсовѣ. А потом вѣ Илїинѣ д[е]нь о[т]ец Антонїи нагрѣзилѣ в обласокѣ хлеба, завесѣ по Дегильдѣ, сѣделалѣ лабазѣ, грѣзѣ склалѣ, пошолѣ пешком на Дѣпчес, сѣхарей намералѣ на 10 дней да соли взалѣ, а прошолѣ 19 дней. Была погода дождливаѣ, поэтомѣ шолѣ тихо, да немного ошибсѣ: на Дѣпчес вышелѣ ниже, хотя на 9 дней прошолѣ дольше, но голодѣ не виделѣ, поетомѣ что грибы все заменили, и хлебѣ, и варево. А по старѣшекѣ на Брѣсовѣ сходили уже вѣ конце зимы, вѣ 7448-м г[одѣ]. А весной и о[т]ец Симеонѣ прїехалѣ на Дѣпчесѣ. Тѣтѣ хлебѣ страпали напополамѣ сѣ гнилѣшкой. Даже такѣ слѣчалосѣ, что на одинѣ ковшѣ мѣки гнилѣшки клали ѿ трехѣ ковшей и до пати, и квашню никогда не солили, // и о вариве тоже скѣдно было, также и о одежде, и обѣви. А работа была тяжелаѣ, раскарчевка пашен и постройка келїи.

л. 142

л. 142 об.

Еще ходили вѣ 7453-м г[одѣ] о[т]ец Антонїи сѣ братїами на Безиманкѣ напрамки, *отчасти* ради економїи хлеба, да еще и м[а]тѣ

Еванѳа просила о[т]ца д[у]ховнаго побывать на Моховкѳ. Около Сымской факторіи были вѳ большой опасности, а когда пришли на Моховкѳ кѳ м[а]т[е]ри Еванѳи, и узнали безыманскіа старѳшки, попросили Алеѳіа Ефимовича сходить привести им *ом[ца]* Антоніа.

Зимой на Моховке строили келію и часовню, и м[а]т[е]р[ь] Еванѳію похоронили. А весной паки пешком ѳправились обратно на Дѳпчес, да еще со скотом, и помысли ми за толико дальное растоаніе, около двесте верст, сколько было трѳдностей и опасностей: реки, рема, непроходимыа галеи и ломашники, и сѳ котомками, да и на коровах тоже котомки, и вса сіа минѳли за о[те]ческіа м[о]л[и]твы сѳ Б[о]жіею помощію бл[а]гополѳчно, а попеченіе // все и рѳководство опать же на о[т]це Антоніи. Потом, по раззореніи, заключеніе, на долговременном следствіи многоразличныа истазаніа, осѳжденіе под строгіи надзорѳ вѳ режимный лагерь. По освобожденіи большее попеченіе (без о[т]ца Симеона) о старцах и старицах, различнаа пѳтешествіа и плаваніа, ѳ них же поне едино воспоманем бывшее вѳ 7465-м год[у].

На Дѳпчесѳ сѳ предреченным попѳтчиком Кирилом Юколевич[ем] на большой лодке, грѳзѳ около 60 пѳдовѳ, на Енисее объезжали некій островѳ, и когда выехали на срединѳ Енис[еа], подналса сильный ветерѳ и волны, и уже постигла темнаа ночь, волны стали запласкивать вѳ лодкѳ. И по смотренію Б[о]жію, у *ом[ца]* Антоніа обрелись вѳ кармане несколько гвоздиковѳ, и ими приколотили брезент кѳ лодке, и тогда не стали волны запласкивать вѳ лодкѳ. И вѳ такой опасности Г[оспод]ь сохранилѳ ѳ потопленіа за о[те]ческіа м[о]л[и]твы. А по Дѳпчесѳ плыли сѳ большим трѳдом, воды мелко, лодка засежает, ветер, дождь, снегѳ, холодѳ, // река замерзает. Пошла шѳга, и река стала, а проехали только около половины. Склали багажѳ, сделали лыжи и нарты, сѳ 11 октября пошли на лыжах, снегѳ мало, трава, чаща, воза большіа, шли 17 дней, погода не равна: то снегѳ, то холодѳ, то слакоть, ѳтепель. А потом *ом[ец]* Антоній каждое лето выезжал за различными потребами, дорога дальнаа, поднимать грѳзѳ вѳверхѳ по воде на шестах, на веслах и бичевой, перекаты быстрые, мели, иногда дожди, холода, а потомѳ уже облегчили трѳдѳ моторы. Дозде о различных трѳдностях и пѳтешествіах о[т]ца Антоніа, описавшаго о сем пространно вѳ посланіи кѳ м[а]т[ери] Тавифе и м[а]т[ери] Анатолїи сѳ сестрами, зри выше 37 главѳ, zde *ж[е]* сокращенно написано сѳ его рѳкописи. И еще добавлено, аже от самовидцевѳ слышахом, инаа же и сами видехом. Мѳжественѳ был онѳ дѳхом, но и телом крепок бе. Когда емѳ кѳда-либо нѳжно идти, его ничего не держало: ни дождь, ни снегѳ, ни распѳта, ни морозѳ, // но онѳ не счталѳ себѳ понесшим трѳды и скорби, ради смиреніа. Пишет вѳ конце повести сиче:

л. 144

«И после всего я, грешный писатель сея повести, помяну: да не возмнит кто и о мне, грешнем, яко бы азъ те же трѣды или же каковы скорби понесъ, яко же и братѣа понесли во время перемещенїа на новые места, и во всех движенїах и походах, и въ различных скорбех и напастех, въ трѣдех и работах ѿнюд не понесъ, ниже что даже до малейших не пострадал, но простите Х[рист]а ради: в лености пре-проводилъ жизнь свою и всегда чѣжими трѣдами питахса и одевахса». Дозде *от[еу]* Антонїй.

Еще вспоманем и о том, какю онъ имелъ несѣмненню верѣ и по вере полѣчил исцеленїе. О сем онъ пишет сице: «Тайнѣ ц[а]ревѣ добро хранити,— глаголет Писанїе, — а дела Б[о]жїа проповедати преславно *есть*»\*.

### Повесть ѿ м[и]л[о]с[е]рдїи Божїи.

Въ 7470-м или 71-м годѣ у меня, грешнаго, запобаливалъ и второй правый глазъ пред Сырной н[е]д[е]лей, и всё увеличивалась болезнь, и я пы//талса лечить мылом, кѣпоросом, медом и сахаром, и сперва якобы поѿрадит мало, а потом никакой пользы ни ѿ чего не стало, а болезнь все увеличивалась, и въпалъ во унынїе. И *вот* на первой н[е]д[е]ле Великаго поста, въ п[о]нед[ельник] или во втор[ник] вечером, вложи мне, грешномѣ, Б[о]гъ во умъ обратитса съ прозьбою къ Б[о]гу и его угодником. А у нас был ч[е]стныи кр[е]сть со св[я]тыми мощами, и я, грешный, надѣмалъ попросить помощи ѿ с[в]ят[и]т[е]ла Афанасїа Великаго, дѣмаю, что онъ мой с[в]ят[и]той, мне при кр[е]щенїи наречено има въ его имѣ. И я, грешный, помолилса 12 поклонов Афанасїю Велик[ому] и приложилса къ его ч[е]стным мощам, и глазом тоже приложилса, и якобы мало ѿрадило. И пришло время опочивать, и я, грешный, легъ и уснѣлъ, и утром всталъ, почѣлъ облегченїе, и тако съ Б[о]жїею помощїю отошла болезнь.

л. 144 об.

2-е. И после сего н[е]д[е]ли чрез две порѣбил топором у большого пальца левой рѣки казанокъ, и по некоем вре//мени рана уже поджила, а палець снова заболелъ, рѣблено место покраснело и на ране начала расти шишка костанѣа, и полѣчилась ломота, препатствовало перебирать лестовку. И я, грешный, паки обратилса къ томѣ же с[в]ят[и]томѣ Афанасїю Вел[ик]к[ому], акоже и прежде. Тоже въ вечеръ помолилса 12 покл[онов], и приложилса къ мощам его, и больной палець приложил, и сразѣ почѣлъ облегченїе ломоты, и мало-помалѣ и шишки не стало, и совершенно палець оздравелъ.

л. 145

3-е. И посем въ лето 7474-е ездилъ некамо на лодке, пришлось понѣдйтса грестись. И у меня заболела шея, сперва мало, а потом увеличилась болезнь. И въ теченїи двѣх или трех н[е]д[е]ль не стало



л. 145 об.

давать поворачивать головѣ и сталъ заботиться, дѣлаю, какъ ѿ поедѣ обратно, дорога дальнаѣ и труднаѣ, подниматьсѣ надо вѣрхъ по реке. И *вотъ* вѣ первыхъ числахъ авгѣста вѣ воскр[е]с[е]нїе вечеромъ во время правила ѿ попросилъ м[а]ть Алезандрѣ о исцеленїи, а вѣ *понеде[ельникъ]* сталъ здоровъ, шеѣ не болитъ, даже // и забылъ о болезни, и только уже вечеромъ, когда сталъ молитьсѣ правило, тогда вспомнилъ, что у мене ведь шеѣ болела, и тако за м[о]л[и]твы м[а]т[ери] Алезандры Г[оспо]дѣ даровалъ исцеленїе, и проехалъ обратный пѣтъ здоровъ, слава Б[о]гѣ о всемѣ.

4-е. Вѣ 7485-мъ год[у] втораго декабра заболела у мене поясница, а третѣго утромъ пели панихидѣ за о[т]ца Симеона, емѣ память в той день. И ѿ, грешный, во время панихиды попросилъ о[т]ца Симеона и м[а]ть Алезандрѣ, сказалъ: «Помолитесѣ Х[рист]а ради, дабы поясница не болела, вы ведаете мою нѣждѣ, что мене, грешному, приходится кое-кѣда ходить», и вѣ той же д[е]нѣ не стала болеть поясница.

л. 146

5-е. И паки пятый слѣчай. Генварѣ м[е]с[а]ца вѣ шестыи д[е]нѣ паки заболела поясница и нога, и вечеромъ попросилъ о[т]ца Симеона, и м[а]ть Алезандрѣ, и м[а]ть Анатолїю о здравїи, и не докончилъ свое вечернее правило, легъ ѿдыхать, и утромъ вѣ Соборъ Пр[е]д[е]л[е]чи вѣсталъ сѣ такой же болезнїю, еще ихъ попросилъ о исцеле//нїи, и началъ недоконченное правило оканчивать, и потомъ пришло время начинать соборнѣю слѣжбѣ. Собрались братїѣ и начали полѣнощницѣ, и пока молились полѣнощницѣ и утреню, Г[оспо]дѣ подалъ здравїе за молитвы просимыхъ мною грешнымъ. Бѣди честь и слава всесильному Б[о]гѣ за Его великое м[и]л[о]с[е]рдїе. Аминь». Дозде о[т]е[ц]ъ Антонїй.

л. 146 об.

Достоитъ вспоманѣти и сїе, что *от[ец]* Антонїй делалъ всакое дело со тѣшанїемъ, старалсѣ какъ лѣчше сделать, какъ вѣ телесныхъ, такъ и вѣ д[у]ховныхъ делахъ. На соборной м[о]л[и]твѣ наблюдалъ за чтецами, слѣчающїесѣ ошибки поправлялъ, пенїе лишно не растагалъ. На келейной м[о]л[и]твѣ, если когда умъ уклонитсѣ ѿ м[о]л[и]твы вѣ разсеанїе, то после каждыхъ 100 покл[оновъ] или м[о]л[и]твъ добавлялъ по<sup>р</sup> 12 покл[оновъ] или м[о]л[и]твъ. Тако онъ приналъ ѿ о[т]ца Савы, добавлять поклоны за разсеанїе ума. Правило молилсѣ даже в лагере, не оставалъ, разве когда в дорогахъ, на поездахъ или инде, где невозможно оставалось, за оставшее потомъ ѿмаливалсѣ, // кѣ кажомѣ правилѣ добавлялъ по 100 покл[оновъ] и 200 м[о]л[и]твъ. И такимъ образомъ (говорилъ онъ) можно вѣ н[е]д[е]лю два правила оставшїѣ вымолить. А добавочнѣю епитимїю, взятѣю на постѣ

<sup>р</sup> буква п исправлена из недотисанной кириллической цифры 100;

пред Р[о]ж[е]ством Х[ристо]вым, онъ молился до Б[о]гоавленїа, ради прїатїа св[я]т[ой] воды, тако и братїам советовал. А о посте онъ сам себе написалъ сицевое правило: «Въ Великій пост на 1-й н[е]д[е]ли питаться: въ сред[у], въ п[я]ток и въ с[в]бот[у], а на последней н[е]д[е]ли во втор[ник], въ четв[ерг] и въ с[в]бот[у]. А во весь пост по 1-ж[ды], кроме с[в]бот и н[е]д[е]ль. А также и иныя посты: къ Успенїю Пр[е]с[в]ятыа Б[о]горо[д]ицы, къ Р[о]ж[е]ствѸ Х[ристо]вѸ и пост с[в]ятых ап[о]ст[ол]ь Петра и Павла, во все 4 поста, кроме с[в]бот и н[е]д[е]ль, питался по 1-ж[ды], также и во весь год, сред[у] и п[я]т[ок] по 1-ж[ды]». Дозде от[ец] Антонїй<sup>с</sup>.

Старался онъ выполнять слова о[т]ца Савы, за трапезой творить м[и]л[о]стыню, ☩ доброй пищи воздерживался, довольствовался более простой пищей. Онъ написалъ м[а]т[ери] Тавиѳе (сестре по плоти) Цветник — дѣше//полезная дательная словеса изъ разных книг: л. 147 преп[одобнаго] Симеона Новаг[о] Б[о]г[о]слова, Слов[о] 22, Нила Сорскаг[о], Слов[о] 2 и проч[их]. О[те]цъ Симеонъ, видно, не шибко советовалъ писать, а о[те]цъ Сава сказалъ: «Пѣщай пишет». Много онъ написал кратких дательных цветников и поучительных писем просащим. Въ 7473-м год[у] написалъ большое письмо м[а]т[ери] Тавиѳе и м[а]т[ери] Анатолиѳе съ сестрами. Въ нем пишет о обычаех о[т]ца Савы и о кончине его, о ревнителѣх и о перемещенїи въ Енисейскїа пределы. Изъ сего письма взятое зри въ вышеписанныхъ главах: 33, 34, 35 и 37. Второе большое письмо поучительное всем хр[и]стїаном: ☩ поканїи, о м[о]л[ит]ве, ☩ кр[е]стном знаменїи, о последнем времени, о смещенїи со еретики, о пїанстве. Потом еще въ 7476-м г[о]ду от[ец] Антонїй писалъ себе на воспоминанїе: «Егда азъ, многогрешный, писалъ возлюбленным братїам и старицам, и после всего написанїа решилъ нечто пописать и о себе, да вси познают мое непотребное<sup>т</sup> поведе//нїе, ни БогѸ, ни добрым людем, что ѿ грешный, многим пишѸ и говорю, и вспоминаю некоторым некїа недостатки, а сам более всех имею недостатковѸ, но за собой не вижд ... но точїю не престал осѣждаю всегда ближнаго, сиреч[ь] каждаго ч[ел]ове[ка]: одинаго зазираю, яко не ѿмеет работать, а инъ ленится, а той не усматривает о деле, и нет тшанїа, а дрѣгїи долго спитѸ, онъ сица неистово молится и не по местам знаменается, а инъ плохо кланяется, а дрѣгїи не ѿсерден на моленїи, и много сидит и дремлет, тотѸ-то хѣдо читает и въ речах не те бѣквы называет, а инъ запатыа проходит и на точках не останавливается, а инїи неправильно поют и не плавно, голосомѸ мотают и звѣки здваивают, и во всем точїю людей

л. 147

л. 147 об.

<sup>с</sup> на левом поле зри главѸ 33;

<sup>т</sup> буквы бное написаны по стертому, далее стерта еще одна буква;

зазираю и осѣждаю, и за инеми наблюдаю, а о себе ничтоже когда помыслию и не виждѣ, но аки бы за мной *нет* никакой ошибки и недостатка.

- л. 148 Охъ, увы мне, грешномѣ, и что есть сего горше и ока//аннейши високаго и гордаго сего мѣдрованіа и мненіа, еже всегда о себе помышлати доброе и безъошибочное! Могѣ ли а, малосмысленный и многогрешный, въ чем-либо не ошибиться, но вполне и определенно можно сказать, что не может минѣть ни единѣ малѣ часецѣ, дабы азѣ, многогрешный, въ часом-либо не ошибсѣ и не согрешилѣ, непотребенѣ ни Богѣ, ни добрымъ людемъ. И ѿ написаніа вси видятъ мою грѣбость, понеже всё аѣе обѣависѣ ѿ моего поведеніа, яко ничтоже имею ѿ добрыхъ делѣ, и прочее внимай себе и умолкни. Ѹ старче, познай свою немощь, кто еси, яко земля еси и пепелъ, и под ногами у всехъ, и что возносишисѣ; Ѹ старче, внимай себе и за собой блюди, а за инеми не глади, но точію за собой следи, яко близѣ ты конецѣ, а ты о себе не радиши, но точію за инеми следиши, но довлеетъ ти сіа свинскаѣ жизнь, в ней же ты изнѣрилѣ еси всѣ дни живота своего. Помысли, кій // ѿвѣтъ имаши дати въ часъ смертныи и въ д[е]нь сѣдныи, а Сѣдѣ при дверехъ есть. И ты о себе не радиши, но точію за инеми зазираеши, а о себе не печешисѣ. Ѹ горе тебе, окаанне, и что имаши рещи тогда, егда истазанѣ бѣдеши? Но одѣмайсѣ, и умилисѣ, и прослезисѣ, и усердно покайсѣ, да тѣ предваритъ покой».

л. 148 об.

И паки пишетъ онѣ на воспоминаніе себе о вниманіи и о м[о]л[и]твѣ: «Увы мне, грешномѣ, ленивомѣ, и нерадивомѣ, и не пекѣшемѣса о сп[а]сеніи д[у]ши своеѣ и о деле Божіи. Паки забылѣ еси дело свое, но поне въ сіи д[е]нь последній одѣмайсѣ и попекисѣ неленостно, но с великимъ усердіемъ гл[аго]л[и] молитѣсѣ сію: «Г[оспод]и І[сх]с[е] Х[рист]е, С[ын]е Б[ож]іи, помилѣй мѣ, грешнаго». И сѣ великимъ тщаніемъ семѣ внимай и никакоже сѣ забывай. И еда паки забѣдеши, трезвисѣ, пока не поздно, лениве». Дозде *от[е]ц[а]* Антоній.

- л. 149 Ѹ сего писаніа видно, какое великое онѣ имелъ стараніе и тщаніе о умномъ деланіи. Некогда онѣ сидель // единѣ въ келіи, читалѣ м[о]л[и]твѣ І[сх]с[о]вѣ вслѣхъ со ѣмиленіемъ жалостнымъ мотивомъ поѣченіа, сѣ слышно бысть ѿ некоего брата, при двери столцаго.

Ѹ посланіа того же *от[е]ц[а]* Антоніа къ *от[е]ц[у]* Маѣимѣ 7482 г[ода] марта 13. «Здравіе у мѣна, грешнаго, что-то, видимо, слабеетъ, *вот* нынѣ зимой кое-какѣ написалъ Цветникъ на тетрадной бѣмаге за лишнимъ 100 листовъ о болезняхъ, о смертной памяти, о воскр[е]с[е]ніи мертвыхъ, о Сѣде и прочее кое о чемъ полезное для сп[а]сеніа дѣшевнаго». Даже бы желательно и вамъ поделиться, дабы вы переписали прочимъ, но не знаемъ, какъ Г[оспо]дѣ поможетъ умножить сѣ написаніе, потомѣ что у насъ видисѣ письма очень много ...

А ѿ грешный, уже выхождъ изъ строю, пишѣ тихо, а делать уже ничего не делаю, но тѣне имъ хлебѣ и не потребенъ ни Б[о]гѣ, ни добрымъ людемъ, подвига тоже нет. Ранее дѣмалѣ, что постарее бѣдѣ, и тогда бѣдѣ готовиться ко исходѣ, но вышла большаа ошибка, // и не заметил, когда протекли лета моей грешной жизни. Конечно, для вас это неинтересно, но ѿ для того это писанѣ, дабы кто изъ вас также не могъ ошибиться... еще усердно прошѣ вас, о[т]цы, братіа, аще услышите ѿшествіе мое ѿсюдѣ, то Х[рист]а ради помолитесь за мою д[у]шѣ грешнѣю ко Г[оспо]дѣ Богѣ».

л. 149 об.

Еще вспоманем и о том, что от[еу] Антоній по освобожденіи принималѣ братію на исповедь, и старицѣ, и много миранѣ, великое имелъ о сем попеченіе, чтобы всех наставить на пѣть сп[а]сеніа, а наипаче на пѣстыннѣю жизнь. Некаа старика спросила его: «О[т]че с[вя] тыи, поди тебе трѣдно, столько нас много принимаешь, каждѣю нас надо наставить на пѣть сп[а]сеніа и успокоить во всем?» Онѣ сказалѣ: «Не трѣдно, когда вы слѣшаете и живете въ любви по заповеди Б[о]жій, а когда не слѣшаете, какѣ вам говорю, а наставляете по-своемѣ, тогда тажаленько бывает. Не знаю, что с вами и делать». // И сам прослезился. «А что мне принимать, говоришь, поди тажело: ѿ бы ровно весь мирѣ принал, и мне не в тагость было бы, только бы слѣшали да исполняли заповеди Б[о]жій. У Ц[а]рл Н[е]б[е]снаго места хватит во Царствіи Н[е]б[е]сном, аще и весь мирѣ бы обратился и покаался. А мне какаа въ етом трѣдность?» И станеть рассказывать о Х[рист]е и сам заплачет. «Когда Х[ристо]с сошел съ н[е]б[е]съ ради ч[е]л[ове]ческаго рода и стр[а]сти претерпе, и кровь свою изліа ради нашего спасеніа, и виде мало спасающихся, и вот емѣ ета болезнь тажчайши всех страданій была, что всѣ кровь Его изливается. Вот онѣ терпел за насѣ, грѣшных, а что ѿ терплю? Никто меня еще не ударил, вот надо как терпеть-то, ведь Онѣ нам пѣть показал, вот нам надо таким пѣтем идти». И ѿ, грешнаа, сказала емѣ: «А мне, о[т]че с[вя] тыи, почто тажело терпеть?» И онѣ мне сказалѣ: «Вот какаа же тѣм тагость, одного слова не можешь понести, поминай стр[а]сти Г[о]сп[од]ни и держи во уме всегда, како тебе ради Г[оспо]дѣ нашѣ І[с]х[р]истѣ, когда несѣ // кр[е]сть на теле Своем и зрит вспасть, дабы кто емѣ помогѣ понести сей кр[е]сть, и когда тебе прійдет тажело, прискорбно и невыносимо, зриай умныма очима на Х[рист]а, съ какой Онѣ тажестью несет кр[е]сть, и помощи емѣ нести кр[е]сть. И если бѣдешъ сѣ держать во уме, тогда тебе и не трѣдно бѣдет терпеть всакіа скорби, и обиды, и напрасинѣ, и все бѣдешъ съ радостію терпеть. А ты говоришь, тажело. Надо наоборот радоваться, ведь мы сейчасѣ на торгѣ стоим, надо успевать, пока еще есть время, оно ведь прійдет, и тогда

л. 150

л. 150 об.

хватимса, а уже позно бѣдет, и мы ето время еще бы вернѣли, но тогда уже не в нашей власти бѣдет, а что посеем за етѣ маловременнѣю жизнь, то и пожнем. Вот надо как-то не ошибитса, Г[оспо]дь м[и]л[о]стивѣ, всех пріемлет». Изъ исповеди часто говорил: «Како жадает Б[о]гъ покааніа нашего, гл[аго]лет бо: “Сѣ обратитса ко мне, и обращѣса къ вам”», и еще: “Хотеніем не хошѣ смерти грешникѣ, но еже обратитса, и живѣ быти емѣ”». Сѣ въ выраженіем даже ети слова

л. 151 говорил и // со слезами.

И о смерти часто нам воспоминал, а наипаче въ последній год его жизни, какъ бы ровно предчювствовал. Видимо, всегда на уме держал час смертнѣй... И когда къ нам приходил, всегда нам надпоминал и говорил: «Вот о чем бы надо всегда заботитса, а не о житейском, ето все останетса, а о смерти надо всегда дѣмать: какъ бѣдем умирать, какъ бѣдем пить чашѣ смертнѣю горькѣю, и никомѣ не миновать, всем нам придетса испить еа. Вот о етом нѣжно заботитса. А что оно житейское-то, все пройдет как сонѣ. Вот ѣ прожил, а что видел? А теперь мне говорѣт: “Ты уже старинькой сталѣ”, вот, а когда ѣ прожил<sup>у</sup>, не видалѣ. А поди скоро теперѣ и позовѣт. Что ѣ сделаю? Увы мне, грешномѣ, сѣ чем пойдѣ? Ничего не припасѣ». И сказалѣ: «Не знаю, сколько ѣ проживѣ». И ѣ сказала: «О[т]че, неужели ты нас оставишѣ?» И стала его просить: «Ты поживи еще<sup>ф</sup> подольше». И онѣ на ето сказал: «Прошѣ м[и]л[о]сть Б[о]жію, а не знаю, сколь мне еще продлитѣ // мою жизнь. И еще потѣжил: «Шипко ведь ѣ многих принимаю, если не бѣдет мена, кѣда они деваютса, къ комѣ пойдѣт? Вот всех мне жалко, а не только вас, вы всегда около мена, а вонѣ м[а]т[ѣ] Афанасіа, когда ѣ пріедѣ къ ним, насколь они рады мной, грешным!»

л. 151 об.

И вот въ последнюю зимѣ онѣ наипаче о нас всех заботилса, когда приходил къ нам и всегда нас наставлял со слезами, и скажет: «Вот ѣ хошѣ къ вам ради вас, охота, чтобы вы все спасалиса и все были спокоины, ведь мы пришли сюда не лесѣ карадлить, онѣ и без нас стоим по Б[о]жіемѣ веленію. А чемѣ обещалиса, надо то и выполнятѣ, сѣ нас ето потребѣтса».

И вот въ последній разѣ 8-го марта въ п[о]нед[ѣльник] о[т]ецъ Антоній пришол къ нам и сталѣ после ужна нам читать цветничек, д[у]шеполезныа слова, о Страшном сѣде и о мѣце, как грешники бѣдѣт вечно гореть, читалѣ со слезами. И после чтеніа еще надпомандлѣ: «Дакъ вот что ѣ изъ видѣ выпѣстил, самое главное не сказал вам: любовь-то не забывайте». Дозде старица. //

<sup>у</sup> исправлено, в рукописи прожи;

<sup>ф</sup> дописано над строкой со знаком вставки;

Во вторник 9 марта о[те]ць Антоній пришо́л ѿ старицѣ обратно до- л. 152  
 мой больным и началъ сильно кашлять, видимо, заболелъ гриппом,  
 у него и до сеѣ болѣзни болелъ живот, подпирало под грѣдь. Онъ  
 принесъ железинѣ, устроеню дѣла расправленіа живота, и хотелъ сам  
 давлать ѿ грѣди надъцадѣ. У него грѣдь и живот были запѣхшіе. Въ  
 средѣ пообѣдал за общим столом немного, но пища уже не пошла, его  
 после обѣда сорвало. Такожде и въ че[тверто]к немного попиталса,  
 но после кистиа тоже сорвало. Въ па[то]к повелел приготовить осо-  
 бо ѿ братіи дѣла него трапезѣ и сам ходилъ въ келарню безъ помощи  
 братіи, немного попиталса. Пред павечерницею братіа предложили  
 о[т]цѣ испить, онъ сказалъ, что «мне ходить въ келарню тяжело, при-  
 несите сюда теплой воды въ часовню», и онъ сталъ ложкой хлебать, но  
 рѣка трасетса, и брат одинъ его съ ложки напоилъ. И после павечер-  
 ницы нецыи советовали емѣ намазаться медом и прогретьса на пече,  
 дабы утолилса<sup>х</sup> // у него кашель, но онъ сказалъ, что «после греваніа л. 152 об.  
 а молиться не замогѣ и у меня правило останетса не помолено»,  
 и так его не прогревали. И нецыи емѣ предложили немного подавить  
 живот, и онъ на ето согласилса. И немного поправили у него живот,  
 у него был сильный опѣхоль на грѣди и на животе, и тако разошлись  
 по своим местам. И въ 9 часовѣ ночи онъ пошел до рѣкомойки, и не-  
 цыи ѿ братіи за ним следили, и онъ хотел пойти обратно и занемогѣ,  
 совсем ослабел, и обратно его уже унесли на рѣках и положили на  
 кровать, и созвали всю братію, что о[те]ць сильно изменилса. И ког-  
 да собрались братіа, нецыи у него спросили, что «поди тебѣ, о[т]че,  
 надо исправлять». Онъ сказал: «Надо, не оставте, Х[рист]а ради». И  
 когда вычитывали начал и м[о]л[и]твы, положенныя въ малом По-  
 требнике дѣла причащеніа больнаго, онъ сам по окончаніи каждой  
 м[о]л[и]твы давал «Аминь», и на м[о]л[и]твах знаменовалса, был въ  
 полном разѣме.

И тако причастиса С[вя]тых Таинъ съ великим желаніем, и по- л. 153  
 сле // пріѣтіа с[вя]тыни прошло минѣт 10, онъ начал ограждать себя,  
 сложилъ кр[е]сть и раза два ознаменовалса, и въ третій разѣ рѣка  
 не дошла до плеча и опѣстилась на грѣдь. Въ ето время онъ силь-  
 но сморшилса и сразѣ же лице выправил и глазъ закрылъ, и въ ето  
 же время сложенный кр[е]сть въ правой рѣке подѣправил, два паль-  
 ца подтанѣлъ къ великомѣ пальцѣ и лице его начало белеть, и после  
 сего больше не здохнѣлъ. При разлѣченіи д[ѣ]ши никакого страха въ  
 его лице незаметно было. И тако закончил сію многотрѣднѣю жизнь  
 на 83-м годѣ, почи о Г[о]с[по]дѣ сном вечнаго покоѣ 13-го марта, въ  
 сѣбот[у], акаѣиста 5 н[е]дѣ[е]ли поста, въ 12 часѣ ноши, въ лет[о]

<sup>х</sup> на нижнем поле мелко 6 декабря писал;

7485. Поживе въ пѣстыни 51 годъ. А памальт емѣ 18 генвар[а]. Много потрѣдилса за свою жизнь, всех побчал, всем нам желал д[ѣ]ши сп[а]сеніа. А когда срежали его, тогда уже кр[е]сть въ правой рѣке его был распѣшен.

л. 153 об. Сѣ рѣкописи некїа старицы. «После девятинѣ о[т]ца Антонїа, на 23 марта а въ 7-м часѣ // ходила на могилѣ м[а]т[ер]и Александре, попросила ее, какъ-то бы узнать, где о[те]цъ Антонїи находится, въ каком месте. Говорю: “походатайствѣй, м[а]т[ер]и Алезандра, и поччи мена, какъ спастьса”. Снегѣ нагребла сѣ ее могилы на ее годинѣ, и у о[т]ца Антонїа позаочь прочитала прощенїе, и посем пришла въ келїю, легла на постель, мало съдремнѣла и увидела о[т]ца Антонїа во всем чинѣ, лицом полныи, лице его изменялось всакими разнообразными цветами, рѣманной, какъ спыхнѣть хочет, въ веселым виде, въ светлом месте, въ обители его сїает светло-желтый свѣт высоко ѿ земли, ровно выше облак[ов]. А сѣ ним радом стоала и на него шипко смотрела въ лице, но ничего не поговорила сѣ ним и пробѣдилса, пожалела, что такой светлости лишаюсь».

л. 154 Еще м[а]т[ер]и Енаѣ[а] свидетельствѣет о о[т]це Антонїи. Пишет сице. «Въ лето 7466-е у мена заболелѣ глазѣ, и а не знаю, где места найти. Мне одна сестра говорит, что “проси о[т]ца Антонїа, за его м[о]л[ит]вы даст Г[оспо]дѣ полегче”. А сказала: “Как а его попрошѣ<sup>н</sup>, // его здесь нет”. Она мне сказала: “Вот его камилавка, приважи еа на глазѣ и скажи, что “за м[о]л[ит]вы о[т]ца Антонїа дай, Г[оспод]и, ѿрадѣ хотя малѣ<sup>н</sup>”. И вот а приважала и помолилася за него тропарѣ, легла спать, и сразѣ стало лѣчше. И потом стала так держать всегда поближе камилавкѣ». Дозде м[а]т[ер]и Ен[аѣа]<sup>н</sup>.

А потом въ 7486-м годѣ она приходила ко старицам въ авгѣсте пред Преображенїем, заходила на могилѣ от[ца] Антонїа, и тѣм в ней бесѣ кричалѣ (равкал). И когда обратно пошла домой, бл[а]г[ос]л[ов]илася у о[т]ца Михаила зайти на могилѣ от[ца] Антонїа, тоже равкал, мы слышали. Потом ее спрашивали: «Почто кричала на могиле от[ца] Антон[їа]?» Она сказала: «Когда а стала подходить кѣ могиле, сразѣ мена ударило въ грѣдь так сильно, что а дѣмала, упадѣ, и тогда врагѣ зашѣмелѣ, поетомѣ а дѣмаю, что о[те]цъ Антонїи угодилѣ Б[о]гѣ». Дозде м[а]т[ер]и Ен[аѣа]<sup>н</sup>.

л. 154 об. Еще зри о нем во 2 части глав[ы] 22 «Ѿ исцеленїи», сѣ рѣк[описи]<sup>н</sup> некїа старицы. «Въ 7485-м г[одѣ] на Страстной н[е]д[е]ли // заболела у мена голова (пишет старица) так сильно, что а даже не замогла

<sup>н</sup> на нижнем поле 17 декабря;

<sup>н</sup> в рукописи Ен..., восстановлено по контексту;

<sup>н</sup> в рукописи рѣк..., восстановлено по контексту;

кланаться. И вот дожили мы до Пасхи, и старшки стали мне головѣ мерить поасом, и намерили вершок съ лишным не на месте. И мне не одинѣ разѣ трасли головѣ и правили, и опять мерили, и все было въ одном положенїи, и болезнь не облегчала, но еще более увеличивалась. И а запереживала и не знаю, что делать и как лечить. И вот мне, грешной, пришло во умѣ обратиться ко о[т]цѣ Антонїю, как онѣ еще когда был въ живности, всегда сострадал нашей немощи. И вот а, грешнаа, попросила у о[т]цовѣ камилавкѣ о[т]ца Антонїа, надела ее на головѣ и помолилась за ѣпокой тропар[ь] 3-ж[ды] за о[т]ца Антонїа, онѣ был тогда въ сорочинах, и сказала емѣ как живомѣ: «О[т]че с[вя]тыи Антонїе, исцели мне головѣ, верѣю, что сіе тебе возможно бл[а]г[о]датїю Б[о]жїею». И так а, греш[наа], припала къ немѣ умом, и поплакала ѿ печали, и попричитала: «Исцели ма, о[т]че, чадо свое». И въ тотѣ же д[е]нь вечером ста//ли прощенїе читать, и мне сразѣ облегчила болезнь, а стала в землю кланаться. Немного еще слышала боль, а наутро оздравела совсем, точїю голова какаа-то была как пѣстал ѿ большой болезни. И до сих порѣ пока Г[о]с[по]дѣ хранит, больше голова так не болела, за м[о]л[и]твы о[т]ца Антонїа». Се писано бысть въ 7487-м год[у] въ генваре и въ феврале.

л. 155

ѿ повести некїа старицы. «Нѣкаа старица беснѣющая<sup>м</sup> ходила на могилѣ о[т]ца Антонїа и как, говорит, стала подходить къ могиле, такѣ и заволновалса бесѣ внѣтри, и страх напалѣ ѿ могилы от[ца] Антонїа. Потом стала молиться, читать прощенїе и тропарь «Елика въ житїи сем»\* и помале успокоихса. Дѣмаю, что от[ца] Антонїй угодилѣ Б[о]гѣ».

Сѣ рѣк[о]писи м[а]т[ери] Ѧины. Писала она къ от[ца] Антонїю: «Ты помнишь, встретились въ Калином у о[т]ца Ефрема Уральс[каго], как мена кто-то трепалѣ ѿ твоей встречи, а не могла одетьса» (она была беснаа). А потомѣ она жила на Ангаре. И когда от[ца] Антонїй сѣ Дѣпчеса ездилѣ тѣда, она его не видела, а бесѣ ее уже ломал и за/кричалѣ: «Кривой пришел!»\*. «Желательно было, — говорит она, — сѣ ним поговорить, и не могѣ къ немѣ подойти». И паки таажде пишет къ дѣпческим жителям, просит принять ее къ себе. Она не могла о[т]ца Антонїа именовать, когда онѣ еще былѣ въ живых, також[е] и по кончине называет его кривым. (Пишет она): «Кривой спасса, неужели вам неохота спастись? Делайте такѣю же любовь, как онѣ делал, онѣ всех просащих принималѣ, никомѣ не ѿказывал». М[а]т[ери] Ѧина свидетельствует, что от[ца] Антонїй спасса, умоляет оставшихса по нем емѣ подражать, въ сожитїе ее принять. Писала она въ 7486-м г[о]ду, а въ 7487-м прїехала на Дѣпчес и въ 7488-м г[о]ду

л. 155 об.

<sup>м</sup> на правом поле м.м.;



18 сентабр[а] пришла въ обитель от[ца] Антонїа, и некто ей сказалъ: «Надо сходить на могилѣ от[ца] Антонїа». Она говорит (паче же бесъ въ ней): «Не пойдѣ къ пропащимѣ, не пойдѣ къ кривомѣ». Несколько разъ эти слова повторала.

л. 156 «Въ той же годъ на могиле от[ца] Антонїа, — пишет некаа старица, — 28 сентабр[а] ходили мы на могилѣ от[ца] Антонїа съ м[а]т[ерью] Ѡаинной, и она не до//шла до могилы сажен пать, оставилась, и мы её подхватили под рѣки, повели, она задыралась, говорит, что «не пойдѣ», и довели до могилы, она ногой пинала могилѣ и бесъ у нее закричалъ нелепымъ голосом: «Ѡаинка пропастина, зачем ты къ немѣ сюда прїехала, пропадала бы там, все равно хоть где пропадать, и тѣтъ пропадешь, пропадала бы там». Мы ее вокрѣдъ могилы силой тащили, и когда стали прощаться у от[ца] Антонїа и читать прощенїе, она все шѣмела: «Зачемъ меня сюда привели? Охъ, какой противный, дѣшной», и всако его обзывала, и нелепо кричала, и дразнила, и ногами топала, и часто повторала: «Противной, дѣшной, ты зачем за нее молишса? И зачем ее къ себе зовешь?» И еще то же повторала. И насилѣ ее склонили на могилѣ, но она прощенїе читать не стала, а все бормотала и ревела, обзывала его всако и колотила кѣлаком срѣбъ могильный. И когда прочитали прощенїе и стали молитьса тропарь за от[ца] Антонїа, бесъ тоже сильно кричалъ:

л. 156 об. «Не надо // молитьса, все уходите, все продѣхли вместе съ ним, не надо молитьса», часто повторала: «Дѣшной, противной». И когда начали молитьса канонъ за единоумершаго, бесъ кричалъ: «Не надо молитьса, тошнехонько, не надо молитьса! Зачем за него молитесь, уходите, уходите!» И когда читали канон, мы ее вътреомъ держали, двое за рѣки, а третїа ноги. Она сильно рѣками махала, и ногами топала, и могилѣ пинала. Когда началъ читать тчець первѣю песнь, мы ее не могли удержатъ, она его пнѣла крепко и сказала: «Не молись, не надо молитьса». Обзывала его и схватила у него лестовкѣ, так крепко зажала, насилѣ рѣкѣ у нее разжали. Когда сталъ второй тчець читать, она его много раз рѣкою ударла, хотя мы и старались удержатъ, но не могли, она все его ударла, толкала их кѣлаками и пинала ногами, сильно кричала: «Почо сюда прїехали и зачем вы молитесь? Ухъ, противные!» И стал ее бесъ всако // ломать и гнѣть. Долго кричала: «Тошнехонько!» и плевалъ на могилѣ. Потом надели на нее мантию от[ца] Антонїа, бесъ у нее закричал: «Пахнет, кривой пришол!» — и схватила рѣкой мантию, начала рвать, кричит: «Все равно порвѣ! Ухъ, монахи проклатые, привели его сюда!» И насилѣ разжали ее

л. 157

<sup>3</sup> написано на левом поле вместо ошибочно написанного в строке раз: оба слова подчеркнуты;

рѣкѣ. Она опять зѣбами схватила мантию и крепко зажала ее, не могли ее взять изъ зѣбовъ.

Очень ее вслако врагъ ломалъ, и мы изъ силъ выбились ее держать. Посем поставили ей на главѣ ч[е]стныи кр[е]сть, и тогда бесъ сократилса, не сталъ ее ломать и ѿналъ у нее все чѣвства, мантию изъ зѣбовъ ѿпѣстила и сидела безъ чювства. Посем кр[е]сть убрали. А когда запели «Со Д[ѣ]хи пр[а]в[е]дными», бесъ опять ее заломал и закричалъ: «Тошнехонько!» Когда запели «Вечнаа памать», тогда еще сильнее сталъ ее ломать, рѣками махать и ногами топать, даже не змогли мы ее держать, она повалилась назадъ, едва удержали ее. Она все кричала: «Ой, тошнехонько!» Когда канон // закончили, ей сказали: «Помолись тропарь за о[т]ца Антоніа», бесъ не далъ ей молиться за него. Мы стали молиться тропарь, она задразнилась: «Ба, ба, ба» и стала плевать на могилѣ, головѣ сделала набокъ, лицо исказила и изыкъ выставила. Страшно было на нее смотреть.

л. 157 об.

### Глава<sup>а</sup> 58<sup>а</sup>. Повѣсть о брате Глебе.

Съ рѣкон[иси] от[ца] Антоніа и от[ца] Миха[ила].

По пріездѣ въ наши краа 7482 г[ода] брат Глебъ попросилса въ наше братство, и емѣ не ѿказали пожить вместе съ нами, и онъ начал жить въместе съ братіей, сходил на исповедь и сталъ жить въ полном послѣшаніи от[ца] д[ѣ]ховнаго и всей братіи. И так прожил около полѣторых годовъ, пріехал больным, у него болели лѣжки, но по своей силе трѣдилса на братских работах. И за это время онъ всегда заботилса о сп[а]сеніи дѣши. Даже было удивительно, что онъ так возмог себя изменить, что в теченіи всего времени, сколь у нас жилъ, и до кончины своей жизни ни одному // братѣ слова не ѿвѣтил вопреки или грѣбо, и на кого не обиделса и не гневалса, хотя нецыи съ ним обходились и грѣбовато, но онъ все переносил терпеливо, а только скажет со смиреніем: «Простите Х[рист]а ради», а сам вечером придет проститса, что «а брата оскорбилъ, или позазрил, или осѣдил». И никогда ни на кого не пожалѣтса, что кто бы его оскорбил или досадил. Да к томѣ еще онъ и ѿ пищи воздерживалса. А въ мирѣ когда онъ жилъ, совершенно не так, если бы кто знал его житіе въ мире, то ни в коем слѣчае не поверит, потомѣ что прежде онъ жизнь проводил весело, полностью по н[ы]нѣшному роскошномѣ мирскому житію, даже был и гормонист. И въ то время даж[е] и молиться хорошо не ѣмел, а когда къ нам пришолъ, уже истово съ великим умиленіем и со стра-

л. 158

<sup>а-б</sup> написано на левом поле;

л. 158 об. хом молилсѧ, а кланалсѧ низко поасныѧ поклоны, до самых колень. А каалсѧ зѣло усердно, почти каждый вечеръ приходил прощатсѧ во грехах. По первости // за старые мирскіе грѣхи прощалсѧ, все подробно рассказывалъ, а потом точію за настоящіе недостатки прощалсѧ. По-видимому, что помнил, за все простилсѧ, смотря на его усердіе, а чистое покааніе больше всего подаютъ помощь, избавленіе д[8]ши при исходе, на мытарствах и на Сѣде.

л. 159 И поетомѸ не глаждлосѧ врагѸ его у нас житіе, и вскоре по приходѸ его кѸ нам врагѸ начал влагать емѸ мысли кѸ выходѸ, но онѸ всегда поаснал о сем свои помыслы мне, грешномѸ (пишет от[еу] Антоній), и ѧ побуждаю его, и онѸ успокоитсѧ. И мало-помалѸ паки смѣтит его выходом изѸ обители, и онѸ спросит: «Что же, о[т]че, то ли шипко грехъ выходить изѸ обители?» И ѧ емѸ скажѸ: «ВрагѸ не гланетсѧ, что ты здесь живешь, смотри, ты сѸ Ангары ненадолго выехалъ вѸ мир, и что уже ѿчасти коснѣлсѧ первых твоих дѣлъ. А если ты уедишь домой, то имей вѸ видѸ, что тебе не устоятъ, враг тебѧ паки совратит на первыѧ дела». И онѸ опять вразѣмитсѧ и уми//льно начнет просить ѿ Б[о]га помощи, даже со слезами, дабы укрепил его Г[о]с[по]дѸ противъ сего прилога вражіѧ. И так его до самого конца томил враг вытѣти изѸ обители. А когда попѣще заболел, и тогда видит врагѸ, что скоро конец, и пѣще перваго начал смущать. Некоторым изѸ братіи говорил, что «помогите мне на нартах выехать обратно», что «вѸ мирѸ лѣчше». Последнюю зимѸ ГлебѸ пока могѸ, еще возил дрова, и приблизительно за м[е]с[яц]ъ до кончины у него заболели ноги и опѣхли, и онѸ началъ ходить сѸ трѣдом, но все сам похаживал, никого не отаготил. ВѸ это время онѸ писалъ, и до кончины днѧ за два незамогъ писать, и 3-го марта вечером у него увидели изменѸ вѸ его болезни. И спросили его: «Что, тебе тяжело?» И онѸ ѿветил: «Тяжело». И сказал: «НахождѸсь сѸ бесами, сильно на меня нападают, и м[о]л[ит]вѸ никак не могѸ говорить, беси совсем меня задавили, не тело дават, но д[8]шѸ».

л. 159 об. Во время болѣзни, н[е]д[е]ли за две до кончины, беси // начали на него по ночам нападать во образе многих людей, несколько разѸ и во сне, и на кѣве. И далее увидели, что емѸ становитсѧ хѣже. И тогда о[т]е[ц]ъ д[8]ховный призвал некоторых из братіи и начал спрашивать его: «Поди тебѧ надо исправлять (причащать)?». И онѸ ѿветил: «Ничего не надо». И его спросили: «ПочемѸ не надо?» ОнѸ ѿветил, что «ѧ все равно погибѸ». И емѸ стали говорить, что «ты до утра не доживешь, можешь умереть». И онѸ сказалъ, что «этой болѣзнію долго болеют», и далее его начали убеждать, что Г[о]с[по]дѸ м[о]л[ит]вѸ стивѸ, всем грехи прощаетѸ, и всех пріемлет, и всех милѣет. И такѸ мало-помалѸ ѿвалили ѿ него беси. И начал просить: «Не оставте, Х[ри]ст[а] ради, исправить меня». И тѣтѸ же начали готовить кѸ

исправе. Еще сам, хотя с помощію прочих, зашел в часовню и тако причастиса С[вя]тых Таинъ. И въ тѣ ночь емѣ было полегче и поспокойнее.

И посем утром 4-го марта, после полднощницы, // нецыи ѿ братіи л. 160  
начали прощаться с ним и сказали ему, что «ты скоро умрешь». И онъ ѿветил: «Какъ вы знаете? А, может, еще долго проживѣ». И тако разошлись по своим местам, а нецыи остались около его. И немного погода онъ кого-то увидел и часовъ за пать до скончаніа кто-то къ немѣ пріехал, и онъ начал говорить: «Пріехали гости, да и богатые». И немного помолчал и снова заговорил: «Потерпите, потерпите минѣткѣ, на секѣндѣ, на секѣндѣ оставте меня». И после сих словъ начал звонким голосом говорить: «Г[о]с[по]ди помилѣй! Г[о]споди, Г[о]споди, Г[о]споди помилѣй! Г[о]споди И[с]се, помилѣй! Г[о]споди И[с]се, помилѣй! Г[о]споди, прости! И[с]се Христѣ, помилѣй! Помилѣй, помилѣй! И[с]се, помилѣй! М[и]л[о]с[е]рдїа двери ѿверзи нам!»<sup>3</sup> И потом еще пель «Б[о]гъ Г[оспо]дь», и въ такомъ устроеніи и моленіи и подобном семѣ у него прошло примерно около 3-х часов. И въ сіе время братіа собралиса и начали петь «СѢ Всепета М[а]ти», и онъ вмѣсте с ними тоже пель сѣ начала. И тѣт ж[e] прочитали канон на исход д[ѣ]ши, и въ ето время о[те]ць раздѣль // кадильницѣ л. 160 об.  
и начал кадить. И тѣт же спросил его: «Ты кого-то видишь?» И онъ ѿветил: «Вижѣ». «Что, поди конецъ пришол?» И онъ ѿветил: «Конецъ». «А кого видишь?», — спросил его. И онъ ѿветить хотел, гѣбы шевелились, но ничего не могъ сказать. Въ сіе время, видимо, онъ увидел, что ему пришол конецъ. А кого видитъ, сказать емѣ было, видимо, возбранено. А прежде сего, видимо, беси емѣ закрывали конецъ<sup>3</sup> и въводили его во ѿчальнїе, как писано въ «Невидимой брани», что пред скончанїемъ дѣвол искѣшает умирающаго ч[е]л[ове]ка: 1-е искѣшенїе противъ вѣры, 2-е искѣшенїе ѿчальнїемъ, 3-е искѣшенїе тщеславїемъ, 4-е искѣшенїе въ час смертнїи призраками<sup>3</sup> (Часть 2, глав[ы] 10, 11, 12 и 13).

И вотъ его, видимо, дѣвол искѣшал больше всего ѿчальнїемъ. И так мало-помалѣ языкъ у него не заговорил, и въ часѣ 6-мъ въ сред[у], на 2-й н[е]дѣли поста, 4-го марта 7484 г[ода] разлѣчиса ѿ телеси д[ѣ]ша его, немного сморщилса, глаза сам закрыл, лицо у него было светлое, сѣжелта. Погре//бенїе молились на дрѣгой д[е]нь. Можно полагасть, что Г[оспо]дь его не оставил, потомѣ что незадолго до смерти емѣ далась така умиленна м[о]л[и]тва, а прежде сего даже сам про себя не могъ м[о]л[и]твѣ И[с]совѣ читать, а въ сіе время онъ въ такихъ призыванїяхъ проводил толико время, таковыя м[о]л[и]твы и умиленїе при см[е]рти дается не всемъ, но малымъ. Едва са комѣ

<sup>3</sup> после буквы е одна буква зачеркнута;

слѣчит даром Б[о]жїим, потомѣ что беси ненавидѣт тех, кто призывает имѣ Г[о]с[по]да І[с]с[а], и просѣт ѿ него м[и]л[о]сти, и не доп[у]скают прїити на покалнїе. А у Глеба ѣзыкѣ звонко призывалъ Г[оспод]а І[с]с[а] и просил м[и]л[о]сти. ѿ сего ясно, что здесь Глебѣ дано было ѿ Б[о]га таковое моленїе. А Г[оспод]ь Самѣ сказалъ: «Просите и дастсѣ вам, толцѣте и ѿверзетсѣ вамѣ». И инде г[лаго]лет: «В чемъ тѣ застанѣ, вѣ томъ и сѣждѣ». А Глеба застала смерть вѣ м[о]л[и]тве, вѣ призыванїи Г[оспод]а І[с]с[а]. Покой, Г[о]с[по]ди, д[ѣ]шѣ его со с[вя]т[ы]ми. Память его 24 йюла, престависѣ на 28-м годѣ. //

*Записи: на л. 2 об. в конце предисловия рукой А. Г. Мурачева — «Начата составляться и писаться сия книга в лето 7456, совершена же бысть в лето 7471». На л. 152 его же рукой: «6 декабря писал»; на л. 154 об. его же рукой: «17 декабря».*

*— Собрание Института истории СО РАН, № 4/90-г. Л. 1—161. Ксерографическая копия. Скорпись, 1962. Автограф А. Г. Мурачева. Бумага оригинала — листы из школьных тетрадей в клетку, переплет — оклеенный тканью картон (Описание см.: Мальцев А. И., Панич Т. В., Титова Л. В. Рукописи XVI—XX вв. из коллекции Института истории СО РАН. Новосибирск, 1998. С. 204—205).*

# Том 1

## Дополнение

**О о[т]це Паладіе пишетъ внешній писатель  
Анатолій Федоровичъ Емельяновъ  
в вѣ книжке «Сѣ мира не уйти».  
Документальные повести. Монахи.  
Глава 2, стр[а]н. 78. Глава 59.**

л. 1

Сѣ[те]ць Паладій, до накрытия Петр Карповичъ Чунарев, родился в 1881 году в деревне Развилы Тойкинской волости Сарапульского уезда Вятской губерніи. Повествует о себе о[те]ць Паладій писателю Анатолію Ф[едоровичу] Е[мельянову] такъ: О[те]ць мой Карпъ Созонтьевичъ, старообрядец, был сильно верующим. Вот такой слѣчай расскажу: заставил он нас съ братом снег с крыши сбрасывать. Снег мы с крыши сбросили, но перед тем, как начать работу, не помолились. О[те]ць заметил это и велел снег обратно на крышу перебросать, помолиться и снова съ крыши сбросать. С 16 лет я уже в скитах на Урале жилъ. В 1900 году царская власть усилила гоненія на старообрядцев, их стали переводить изъ скитов в посёлки, призывать в армію. Часть пошла на это, другие уезжали в Сибирь. Наша семья тоже уехала в Кузнецкій уезд. Вот в арміи я никак не // мог служить. Когда наступил мой призывный год, я вернулся на Урал и скрывался в скитах, так и просрочил свой призыв. После этого снова уехал к родителям в Сибирь. Потом война началась, и я снова укрывался в скитах, хозяйства никакого не было, только пчёл колодок пять. Делал кадки, туески из бересты, рыбу ловил. Всѣ это продавал на базаре и покупал одежду и хлеб. Так мы прожили до февраля 1917 года. В ту пору среди старообрядцев ходили разговоры, что неподалеку сѣ Кузнецкаго уезда Урянхайскій край, очень богатый лесами, рыбой, плодородными землями. Некоторые старообрядцы уже побывали там. Мои родители стали настаивать, чтобы я отправился в Урянхай, а потом приедут и они. Чрез одного знакомаго я достал справку на

л. 1 об.

л. 2 имя Лебедева Кирила, инвалида войны, но на границе документов не спрашивали, только спросили: «Что везёшь?» Я ответил: «Самого себя». Следом за мной перебрался в Урянхай мой брат Памфил, а затем и о[те]ць с матерью и сестрами Анной и Евфимией. Здесь уже были в то время молитвен//ные дома и церкви старообрядческие в Знаменке, Владимировке и по реке Брени. В 1932 году Памфил был арестован вместе с отцом Паладём. Когда везли нас всех в Кызыл, — рассказывает о[те]ць Паладй, — мы с братом сидели в одних санях, он особенно переживал утрату ценностей (был богат и раскулачен). Говорит мне: «Видно, брат, не устоять мне, нет, не устоять». Я ему сказал тогда: «Крепись, брат, молись». Но он уже, видно, всё решил по-своему и приготовился исполнить свое решеніе: высвободил руки из дохи, и когда проезжали мимо порога (вода вь нем и зимой не замерзает), выскочил из саней и бросился в полынью. Полынья была длинная, узкая, его долго тащило, но всё-таки утонул. Этот порог и теперь называют Памфиловым порогом. Как брат утопился, нас всех связали, а я говорю: «К чему это? Я топиться не хочу, потащите топить, буду вырываться».

л. 2 об. В Кызыле, — продолжал о[те]ць Паладй, — я заметил, что охрана слабая, тут же ходит городской народ, и решил бежать. Однажды утром отделился от заключенных и смешался с толпой, убежал за Енисей, до // ночи прятался в кустах, а ночью ушел в Верховье. С этого времени я и стал старшим над черноризцами, т. е. с февраля 1932 года, всё время скрывался до второго ареста в феврале 1936 года. Арестовали меня около заимки Бай-Балыкь, снова привезли в Кызыл, потом в Красноярск и там осудили на высылку на пять лет. Сослан я был в деревню, там работал по вольному найму в бондарской мастерской колхозной, а потом занялся рыбной ловлей. На заработные в мастерской деньги и от продажи рыбы покупал хлеб, сушил его на сухари, готовился к побегу. Окончательно я решил бежать после одной встречи. В тех местах на плотбище для парашодов лотки<sup>а</sup> делали. Плотник Васёв прежде жил у границы с Тувой, занимался сам охотой, промышлял соболей и других зверей. Во время охоты не раз заходил в Урянхай. Он хорошо знал все эти места и рассказал мне, как дойти до границы, как перейти её, какие деревни и реки встретятся в пути. Всё это я записал на бумагу, начертил план побега и уплыл. В Красноярске сделал пересадку, на парашоде документов никто не спрашивал. От Минусинска пошёл пешком. В деревнях в магазинах л. 3 покупал хлеб и сушки, // а как пошёл тайгой, питался сухарями, собирал грибы, ловил рыбу. Названіе сёл и деревень, по которым шёл,

<sup>а</sup> над строкой над буквой т в качестве исправления написана буква д;

теперь уже не помню, запомнилось одно село — Каратуз<sup>6</sup>... Это село я обошёл вёрст на пять. Местные жители указали мне более прямой путь до реки Козыр, котораа была у меня в плане. В одной из деревень на реке Казыр был пограничный пост, я его обошёл. Дней пять плыл на плотике, сам его сделал. Название реки, по которой плыл, не знал, знал только, что она *впадает* в Хамсару, а та *въ* Енисей. В пути попадало много рабочих, которые плавиле лес по реке. Что я имел тогда? Фунтов 30 сухарей, маленькйй топорик, котелок, ножь, шило, шпильки, сапоги чинить, и тусок. Пользовался спичками, покупал в магазинах по деревням. Границу перешёл около речки Кызыр по тайге, никто меня не задержал, никого не видел. Шёл на полдень, вот так дошёл до Верховья. *От* Минусинска шёл 20 суток. «А как же Вы, о[те]цъ Паладйй, деньгами пользовались? Ведь по Вашей вере держать деньги не разрешается, а Вы продавали и покупали...». — «В Писанйи не сказано, что//бы нельзя было денег иметь, это всяк про себя, — *отвечал* Паладйй. — Иные *говорят*, что на деньгах печать антихриста, поетому и не держат их! Но это не наш толк!» Ну, а что было дальше? Остановился я у своей родительницы, черноризицы Августы, жила она тогда с моей сестрой, а со своей дочерью, тоже черноризицей, Агнией *въ* Ужепе. А весной переехал на Шивей<sup>8</sup>, построил там две кельи, одну для себя, другую для матери и сестры. Летом они жили в келиях, зимой скрывались в тайге. В третий раз о[т]ца Паладйя арестовали уже в июне 1946 года. Но в заключенйи он пробыл недолго, не более трёх месяцев. Его *отпустили*, взяв подписку, что он не будет скрываться и вести антисоветскую пропаганду. Правда, подписывать какйе бы то ни были документы о[те]цъ Паладйй неизменно *отказывался*, но собственноручно указывал, что «ввиду своего религиознаго убежденйя *от* подписи *отказываюсь*». «О[те]цъ Паладйй, за что Вас арестовали?» — спросил я черноризца. «А вот за то, что скрывался и не подчинялся властям...» Я знал, что Паладйю *предъявлялись* куда более серьёзные обвинения в том, что он *вёл* антисо//ветскую пропаганду среди старообрядческаго населенйя. Агитировал не подчинялся советской власти, уходить в тайгу, скрываться и даже самоуничтожаться, выступать против строительства школ и вообще против обученйя детей в школах... Я спросил его *объ* этом. «Я советскую власть признаю, — заявил мне Паладйй, — ... в Писанйи также не написано, что старообрядцы могут самоуничтожаться. Это делали немногие, но я эти действия осуждаю и сам на самоуничтоженйе никогда не пойду, потому что это по законам веры грех. Я вот тех, которые детей заморили, для поминовенйя

л. 3 об.

л. 4

---

<sup>6</sup> *исправлено, в рукописи* Картуз;

<sup>8</sup> *в рукописи* Швей, *исправлено по современной топонимике*;



как усопших в Синодик не вписал. Помешать самоуничтоженію я не мог, потому что я мних и не касаюсь мирской жизни, могу только принимать помощь *от* мира продуктами».

Стр[а]н. 76. Спросил я, не притесняет ли их кто за веру и не притесняют ли они кого? — *Нет*, нас никто не трогает, а мы мирских дел не касаемся. Мнихи эти, не скрою, эти под моим началом, а мирские вот уже много лет не ходят, они сами решают всё. — А почему не голосуете на выборах? — Ну, это уж просто не положено, нельзя по вере. Вь // Писаній сказано: «Бл[а]жень мѣжъ, иже нейде на советъ нечестивыхъ». — «А глас народа — глас Божїи? Это как понимать?» — встрял было в разговор Иван Федоровичъ, явно намериваясь вступить в спор, — этого нет? Возразил о[те]цъ Паладій: «Ето я не знаю». И уклоняясь *от* спора, перевёл разговор на другую тему... Пригласили нас и отобедать, посадив за большой стол, а о[те]цъ Паладій, помолившись, устроился рядом, за *отдельным* небольшим столиком. Угощали харіусом в разных видах: свежемороженным, жареным, в пирогах, мѣдом, брусничкой, квасом. Принесли в стаканах парное молоко, смешанное с толчёным кедровым орехом. Всё это было для гостей. Сам Паладій ель постное и особенно с большим услажденіем пил хлебный квас\*.

л. 4 об.

Стр[а]н. 83. Думал я и о других обитателях монастыря, которых, как я узнал, было 13 накрытых и не накрытых в черноризицах старух. Жить в одном монастыре мужчинам и женщинам не положено, это подтвердила и сама настоятельница м[а]ть Надежда. Конечно, нарушеніе, — говорила она, — но что поделаешь: о[те]цъ Паладій стал старым, нужен за ним уход\*.

л. 5 **Съ рукописи мат[ери] Анны.** О[те]цъ Паладій молиться был очень усердным, повседневную уставную службу молился // каждый день, не оставлял. Если простая служба, то утром начинал в 9 часов, а полиелеосную в 8, а бденную в 7 часов начинал. «Бл[а]жень мужъ» и «возвахи» — всё пел, не оставлял. На Акчарах у м[а]т[ери] Евфалїи не было ключа, и он тросточкой прочертил и сказал: «Долженъ тѣтъ потѣти ключъ». И он пошел, промыло до камешков. И дома тоже не было ключа, и он прочертил тросточкой и говорит: «Долженъ тѣтъ ключъ подти». И пошел, и большой шол. Где о[те]цъ Паладій чертил, в тех местах вода пошла из земли (родники), и эти ключи впадают в Енисей, и этими ключами пользуются старицы, мать Надежда и м[а]ть Евфалїя съ сестрами. А вот без разрешенія договорились поддержать лошадь и последи ему сказали. Он не разрешил им две лошади держать и сказал: «Она не будет у вас жить». Немного подержали, и она ногу сломала, и нарушили лошадь. Вот такие слова все збывались. И мне сказалъ (пишет мать Анна): «Ты уедешь к о[т]цѣ»

Антонію». Я тогда ничего не говорила о поезке и не думала ехать, а потом уехала к о[т]цѸ Антонію. Так получилось, как сказал о[те]ць Паладій, и он там без меня преставился. //

**О о[т]це Игнатїи и о о[т]це Паладіи дополнительно,  
от посланїа предѣрченна м[а]т[е]ри Надежды.**

л. 5 об.

Родитель о[т]ца Игнатия, о[те]ць Іоаникїй, был из никониян, служил урядником, потом перешѸл в веру, а мать хр[и]стїанка. А с[ы]нь у них (о[те]ць Игнатий) был один, они его выучили обои грамоты, десять класс прошол, выучился на землемера, писать, читать и петь. Было ему 14 лет, и он пожелал в пустыню, пришел к о[т]цѸ Сергїю. *От[е]ц* Сергїй о[т]цѸ Саве был ев[ан]ѣльскїй брат. А *от[е]ц* Паладій некое время пожил у о[т]ца Савы<sup>1</sup> и *от* него пришѸл тоже к *от[цу]* Сергїю, и стали тут вместе жить. Неизвестно, сколь время они тут жили, а потом ради опасности забоялись тут жить, стали советовать, куда-то бы уехать в тайгу. *От[е]ц* Сергїй сказал: «Ступайте, я не поеду, я старой, поди, скоро умрѸ, я на машине не еживал». Вот стали советовать, куда ехать? *От[е]ц* Паладій сказал: «Поедемте к нашим родителям на Кондобу, там леса, народу мало». Вот согласились // и поехали. И м[а]ть Измарагда молодые были, тоже им посоветовали удалиться *от* миру подальше. Прїехали, год прожили. О[те]ць Игнатїй говорит: «Что же мы будем делать, когда о[те]ць Сергїй умрет, *от* кого будем накрываться? Я, однако, поеду». *От[е]ц* Паладій сказал: «Ступай». Он поехал и накрылся. Сколь он там жил, неизвесно. Обратнo прїехал, привѣз с[вя]тыню и икону, на этой иконе выросли цветочки, когда она стояла у о[т]ца Паладіа. Потом переехали в Туву и тут жили до кончины своея. О[те]ць Игнатїй преставился в тюрьме, за веру пострадал. И когда мы тут скрывались *от* власти, построили келїю *от* воды далеко на горе, ходить по воду под гору плохо, мох, чешша, круто. *От[е]ц* Паладій сказал: «Давайте, помолимся всеношну кр[е]стѸ». Маленькїй был ложѣчик, он там покопал, и стало маленько сыренько. Давайте, говорит, еще помолимся. Еще помолились, и стало немного воды. Давайте еще помолимся, еще помолились, и стало воды много, стали черпать ведром, и зимой не застывала. А потом, когда уже не стали скрываться *от* власти, по освобожденїи *от[ца]* Паладіа,

л. 6

<sup>1</sup> слово помечено цифрой 1), под той же цифрой на нижнем поле О[те]ць Паладій был тогда д[у]ховнаго понятїа о последних временах и о антихристе. У него сѸ о[т]цом Савой мненїе не сходилось. *От[е]ц* Сава ему сказал: «Тебе, Петре, надо иди кѸ о[т]цѸ Сергїю, у вас с ним сойдѣтса». Примечанїе *от[ца]* Антонїа;

- л. 6 об. ходили мы с ним смотреть место<sup>а</sup> // для жительства. *От[еу]* Паладїй сказал: «Вот здесь построим келїю». А я его спросила (*пишет матъ Надежда*): «Воды нет, как будем жить?» Он говорит: «Пойдём, посмотрим там в черемошнике». Пришли туда, посмотрели, а там только чють сыренько под ногами. Он прочертил тросточкой и сказал: «Вот тут должен пойти ключь». И с другова боку зашёл, тоже прочертил и в одно соединил. И мы пошли дальше, две версты сходили и вернулись обратно. Пришли, уже течёт ключь. Я сказала: «Будет жарко, и вода высохнет, и зимой застынет». Он *ответил*: «Эта вода никогда не высохнет и зимой не застынет». И так до сих пор бежит ключик, т. е. до 7486 года. В 7487 или восьмом году у нас эти годы была засуха, и ключь стал маленькій, а на Акчарах ключь всё одинаковый. А о подвигах и о трудах их, о[т]ца Паладїа и м[а]т[е]ри Измарагды, кто может исповесть? Мы не можем об[ъ]снить. Сѣ молодых лет питались постное, одежду имели только в однорядочку и рубичное, спали очень мало. *От[еу]* Паладїй поболел семь дней, в полном разуме былѣ до последняго издыханїя. В последній день еще наказывал, как жить. И в последнїя уже минуты еще устав рассказывал, какѣ // молиться, и начал часовать, и тако престависа, тихо, спокойно, 22 марта 7479<sup>е</sup> года. Память его 13 генвар[я]. М[а]т[е]ри Измарагды година 30 генвар[я], память 11 октября, помолитися Х[рист]а ради. Как *от[еу]* Паладїй престависа, мы с мат[ерью] Анафролїей обои увидали во сне одно. М[а]т[ь] Измарагда говорит: «Почто шипко плачите? Мы ведь не оставим, будем вам помогать». Я её спросила: «А вы, мат[ушка], далеко живете или нет?» Она сказала: «Живём-то мы далеко, но приходим-то скоро». После сорочин *от[ца]* Паладїа м[а]т[ь] Анафролїа увидела его во сне, он ей говорит: «Я теперь буду вам помогать».

- О[т]це Паладїе пишетѣ предъреченныи Анатолїй Ф[едорович] Е[мельянов].** О[те]ць Паладїй был роста средняго, телом крепок, чернь, борода небольшая. В школах не учился, самоучка\*. **М[а]т[е]ре Измарагде пишет той же Анатолїй Ф[едорович] Е[мельянов], стр[а]н. 53.** М[а]т[ь] Измарагда, до накрытия Зинаида Федоровна Руковицына, основательница и бессменная, как называл её *от[еу]* Паладїй, настоятельница женскаго монастыря\*. Этот м[о]н[а]стырь основали в 1918 году в пустынном месте, на берегу Мал[ого] Енисея молодые м[а]т[е]ри, м[а]т[ь] Измарагда и м[а]т[ь] Полинарїа... Старообрядцы-беспоповцы // отдавали в монастырь своих дочерей... уходили в мо-

<sup>а</sup> слово помечено цифрой 1), под той же цифрой на нижнем поле Это в Туве в верховьях Мал[ого] Енисея, на правом берегу, полверсты от Енисея, место именуется по-тувински «Сивиль-он» (ельник);

<sup>е</sup> на правом поле арабскими цифрами 197[1];

настырь и вдовы. Был там хор, в богослужениях участвовали старо-  
 обрядцы из ближних посёлков. В монастыре подружилась я (говорит  
 Марѳа\* Ивановна) съ Вассой Ивановной Хлебниковой. Поначалу по-  
 нравилось нам в монастыре, много молодых поют... а в праздники все  
 одеваются красиво... Но порядок в монастыре был строгий... встают  
 рано, съ двух часов ночи уже начинается служба. Полунощница 40  
 минут, потом заутреню 2 — 3 часа. Каждая инокиня должна 10 ле-  
 стовок помолиться. Перебираешь бобины, — вспоминала Марѳа Ива-  
 новна, — повторяешь, два раза чередуя «Г[о]с[по]ди Ис[ус]е Хр[и]сте,  
 С[ы]не Б[о]жїи, помилѣй насъ» и «Г[о]с[по]ди Ис[ус]е Хр[и]сте, С[ы]не  
 Б[о]жїи, помилѣй ма, грѣшнѣю» — одну лестовку кланяясь, а две —  
 без поклонов, только съ м[о]л[и]твой. 10-я лестовка читается съ  
 м[о]л[и]твой: «Вл[а]д[ы]ч[и]це моа, Пр[е]с[вя]таа Б[огоро]д[и]це,  
 сп[а]си ма, грешную». Потом: «Анг[е]лы Хр[и]стовы, хранители мои  
 с[вя]тїи, сп[а]сите ма, грешную, рабѣ свою», 100 покл[онов], после  
 этого Б[о]городична лестовка 150 бобин. И снова м[о]л[и]твы, и сно-  
 ва поклоны, это до десяти часов утра. С десяти до двух перерыв для  
 работы, а некоторые продолжают молиться сами по себе. В два часа  
 акафист, потом ве//черня, ужин, снова молебен, потом павечерня, по-  
 сле них говорить друг с другом запрещено. Но все молятся весь день  
 только по воскресениям и праздникам, а в обычные дни молятся боль-  
 ше старшіе, а молодые больше работают. М[а]ть игуменїа съ утра рас-  
 пределяет работу: комѣ дрова пилить, кому огород копать или поли-  
 вать. Оставляли готовить пищу двух келарей и двух недельницѣ. Днѣм  
 обычно не ели — работающїе ели немного. В Великій пост ели только  
 один раз в день, а в первый день поста не ели совсем. Я-то молодень-  
 кая была, — улыбаясь, вспоминает Марѳа Ивановна, — хотелось по-  
 бегать, петь сильно хотелось, а нельзя. Тяжело перебороть плоть. Бы-  
 вало, молодые соберѣмся и плачем. Однажды летом шли с поварихой  
 через поляну, на с[о]лнцепеке цветы, хочется играть, я сказала: «Уйду  
 из м[о]н[а]ст[ы]ря». А та передала игуменїи. Поставили меня читать  
 м[о]л[и]твѣ «Б[огоро]д[и]це Д[е]во, радѣса», целый час читала и де-  
 лала поясные поклоны. Повариха сказала: «Ну что, получила?». А я  
 говорю ей: «Ты донесла, вот и получила!» Однажды все старшіе ушли  
 на моленїе, а мы с Вассой разбаловались, одели на себя всё мнишеское,  
 бегаем вокруг ке//лїи, смеѣмся, спрашиваем одна другую, похожа —  
 нет на монашку? Потом сняли всё, но рассказали об этом м[а]т[е]ри  
 Измарагде. Получилось, что наше баловство не такое уже безобидное:  
 самовольное накрытие. Старшіе собрали совет: что делать? О[те]цѣ

л. 8

л. 8 об.

\* слово помечено цифрой 1), под той же цифрой на нижнем поле Марѳа И[вановна]  
 9-ти лет пришла въ м[о]н[а]стырь, а Васса 8-ми;

Іоаникій так сказав: «Кто наденет чин, надо накрывать хоть насильно». Одной 11 лет, другой 13. А монастырская жизнь проходить в строгости... Решили нас накрыть, дать чин монахинь. Это было нарушеніем правил, потому что по правилам вступающим в мнихи должен три года прожить бельцем... Одели на нас мантии, которые мы сами заблаговременно сшили. Так мы съ Васеней стали монашками (чер[норизица] Мастрадїа и чер[норизица] Варсанофіа). Въ конце 20-х — начале 30-х годовъ в Туве начались переписи населенїа и паспортизация. Это вызвало сопротивленіе некоторых старообрядцев. От[ец] Игнатїй в Цветниках вычитал, — рассказывала Марфа Ив[ановна], — что новая власть от антихриста, и кто покорится ей, будет в геене огненной, что перепись ведут и паспорта выдают предотечи антихриста, а паспорт, фотокарточка — печать антихриста. А тут еще школы начали строить... // Молодых монашек<sup>1</sup> Желнин с Паладїем и Измарагдой переселили в горы, в тайгу, вѣрст за 15 от посѣлка Шивеи по скитам, а старух по кельям вокруг посѣлка. В общем, начали мы бегать по тайге, — вспоминала Марфа Ив[ановна], — выкопаем землянки и живем, мирскїе приносили еду. Трудно было, многие погибли\*.

л. 9

**Стр[а]н. 48.** М[а]ть Мастрадїа (бывшая Марфа Ив[ановна]) оказалась непохожей на монашек-молчунїй, с которыми мне случалось встречаться ранее и которые обычно ни на какїе разговоры нейдут, не смотрят на говорящего, сидят, положив руки ладонями на колени, опустив голову вниз, и в лучшем случае отвечают на вопросы односложно: «Как зовут?» — «Раба Б[о]жїа». «Где родилась?» — «Не знаю, не ведаю, на всё воля Б[о]жїа, это нас не касается, это мирское», а чаще вообще молчат, словечка не вытянешь\*.

л. 9 об.

**Стр[а]н. 86.** М[а]ть Измарагда (в последніе годы своей жизни) жила в местечке Чодѣралыг в небольшой келье с тремя други//ми черноризицами. Когда мы вошли в келїю — это нестерпимо резкїй неприятный запах, от котораго, что называется, все внутри переворачивается и который, казалось, вынести нормальному ч[е]л[ове]кѣ совершенно невозможно... такие запахи мне приходилось встретить и в других монашеских келїях. И как я понял, получались они от немытаго многими годами ч[е]л[ове]ческаго тела, не убираемаго также многими годами жилья, застоявагося воздуха, ретьки, которой питаются мнихи, затхлого трепья, ладана... дневной свет слабо пробивался сквозь маленькое оконце. Но

<sup>1</sup> слово помечено цифрой 1), под той же цифрой на нижнем поле О[те]цъ Іоаникій, главный наставник черноризцев, бывший урядник Желнин, от[ец] Игнатїй, его с[ы]нъ, были арестованы за антисоветскую деятельность. От[ец] Іоаникій, когда его вывезли из тайги, ночью въ два часа 3 февраля вышел оправиться, бросился съ утеса внизъ, но бл[а]годаря толще снега осталсѣ живъ, и спустьсѣ на Енисей, бросилсѣ въ полынью и утонѣл. С[ы]нъ его Игнатїй тоже бежалъ, обморозилсѣ и умеръ въ больнице въ Кызыле;

старая женщина в чёрном... согбена была так, что казалось, вот-вот коснётся лицом пола, а когда обернулась к двери, чтобы рассмотреть входящих людей, то особенно бросилось в глаза её очень темное, прямо-таки землистое лицо и черные, пронзительно и nastороженно смотрящие глаза... Монашеские одежды висели и топорщились на иссохшем теле. Тут м[а]ть Измарагда пригласила нас присесть и сама уселась в некое подобие кресла. И сразу отчётливо стала видна её глубокая старость... Худые руки и ноги, высывывавшийся из-под трепья, безжизненными висели или лежали как бы сами // по себе, как бы *отдельно от* тела... Вот зашли посмотреть, как живете, поговорить, — начал я разговор. — «Да съ нами что говорить, что на нас смотреть! Старые стали, не баские, что толку-то. Мы в мирские дела не лезем. Молимся и всё... старые, воды принести не можем... вчера съ пошла за водой, упала вместе с ведрами и с коромыслом, еле добралась до келїи»... На вопрос, не сожалеет ли, что пошла в монашки и так прожила годы, Измарагда, подумав, сказала, что не сожалеет: «Мы так росли, съ этой верой. Из веры-те в веру прыгать не шипко баско, тоже ведь нехорошо», вроде бы оправдываясь, добавила она. Все время нашего разговора с Измарагдой такая же согбенная, как и м[а]ть Измарагда, мать Горгонїа, не переставая двигать губами, шептала молитву, бывшая Гликерїа Максимовна Казанцева... Тут же неподалёку на лавке сидела м[а]ть Иеремїа, до накрытия Тюкалова Евпраксія Артемьевна. Давно когда-то её о[т]ца разбил паралич, и они всей семьёй переселились в верховья, и здесь сначала её о[те]ц и м[а]ть были накрыты в чернцы, а потом и она пятилетней девочкой. Так и прожила всю жизнь черноризицей\*. //

л. 10

**☩** прочих тувинских старицах пишет вышереченна м[а]т[ь] Надежда. Когда мы жили в семье\* (пишет м[а]т[ь] Надежда), у нас были бесные. Когда будем правило молиться, они ухают: то за службой или когда хороним покойных. Одна была сильно бесная, не стояла Ев[ан]г[е]ліе. Матушки её поставили на пост, ячменным хлебом стали кормить и Ев[ан]г[е]ліе все прочитали на голове её *от* корки до корки. Бесъ всё кричал: «Сожгли, сожгли, все рога обгорели». Тогда он смирился, стал стоять. Когда о[т]цы к нам засобираются, бесные ужъ закричат: «Косматы идѣтъ». И когда придут, тогда их трясѣт, хворают. У нас родительницу хоронили, одна бесная топала, ухала и упала.

л. 10 об.

**С иныа" рѣкописи.** Родительница наша (м[а]т[ь] Надежды), по накрытїи мать Есфирь, жила как старушка, по силе возможности мо-

\* слово помечено цифрой 1), под той же цифрой на нижнем поле Мнитса, родная сестра м[а]т[ь] Надежды писала сїе въ 7488-м г. 23 июня. М[а]т[ь] Надежда болеетъ 5-ю н[е]дѣлю, писать не может;

лилась, была в разуме до конца, преставилась тихо, спокойно. Когда её хоронили, беснал топала, ухала и упала (якоже выше речеся). Преставися 10 июня.

л. 11 **Еще пишет м[а]т[ь] Надежда:** «Оу насъ один старичёк за сутки до смерти увидал бесов и говорит: «Вы зачем сюда пришли? Я вот вас б[о]городичной лестовкой как начну парить, дакъ». Я // говорю (пишет м[а]т[ь] Надежда), ты чо, кого-то там видиш? Поди, бесов?» Он сказал: «Да, на их находят, большій с рогами». Я сказала: «Читай «Да воскреснет Б[о]гъ». Он прочитал и говорит: «Потянулись». Я сказала: «Еще читай». Он прочитал и говорит: «Малиньки стали, вон сидят на шкапу». Я говорю: «Еще читай». Он прочитал и говорит: «Убежали». **Толже:** У нас две старушки когда преставлялися, разъсмеялися. Были милостивы. У одной была одна шуба, она и ту подала нищему. **Дозде м[а]ть Надежда.**

### Мешокъ овса за чигѣнки. С рѣкописи Афанас[ия].

л. 11 об. Поведа Лука Феофановичъ. В Туве на Окчарах живут старицы: м[а]ть Анатолія, м[а]ть Валентина и Маріа Стефановна. Некогда они в келіи молились, и вот некто *открыл* дверь, не сотворивши м[о]л[и]твы, *говорит* имъ: «Вот я вам принёс мешок овса, расцот\* за чигунки», и опять дверь закрыл. Матушка вышла в сени, посмотрела, стоит мешок. Она рукой пощупала и подумала, что это был ихній знакомый Іаков Давыдовичъ. И опять зашла в келію, стали молиться продолжать. После сего получился шум на дворе, и опять матушка вышла, и увидела, якобы соседняя старица м[а]т[ь] Текѣса понесла мешок съ овсом к себе // домой без спросу хозяев. Матушка крикнула ей вслед: «Ты зачем нашъ мешок понесла?» Та *ответила:* «Вы еще не *отмолились* за него». А сама спешно *утекает*. Матушка вошла в келію. Мало спустя пошла к соседним старицам сверяться, стала их упрекать, зачем унесли мешокъ без прося? Те старицы, *отнюд* ничего не ведая, стали *отпираться*. А ета *говорит:* «Я сама видела своими глазами, что м[а]ть Текуса понесла мешок к себе домой». А м[а]ть Текуса, крестясь с м[о]л[и]твой и *отпираясь*, ничего про дело не *знает*. Да она худинькая, и мешок-то ей никак не унести. Тогда Марья Стефановна пошла в поселок сверяться к Іакову Давыдовичу. И тот также ничего про дело не *знает*, мешок овса к ним не приносил. После сего старицы остались между собою нелюбовны. Прочим всем стало разумно, что это им бес наблазнил. Это было в 1980-м г.<sup>1</sup>

\* вставлено над строкой;

<sup>1</sup> дата написана арабскими цифрами;

## Ѓ о[т]це Никифоре.

### Съ рѣкописи м[а]т[ери] Анны. Глава 60.

Ѓ[е]ць Никифор, до накрытия Никита, прежде жил на востоке, потом в Туве, в пределах города Кызыла. Отсюду ездил ко старицам, к м[а]т[ери] Мастрадіе, жившим в горних пределах Шивен<sup>м</sup>, привозил им потребная, бывшій ихній попечитель. Посем переехал на реку Конгу, от о[т]ца Паладіа верст 8. Имел пасе//ку, стал пчёл держать. л. 12

Потом был в гостях у о[т]ца Паладіа, 26 сентабра молились службу Іоанну Б[о]г[о]словѣ. Пообедал и ушел домой на Конгу, там ночевал и утром стал рано, пошел вверх по Конге смотреть сено. Пришел к сену, залез в остожье, и тут его парализовало. Он упал и лежал, шапка с него спала, а надеть не мог. И лежал тут до вечера, ночью было холодно, снег шоль и ветер дул, сильно стал мѣрзнуть и очень дрожжал. А утром стало с[о]лнцем пригревать. На вторую ночь он был в восторзе и видел врата открыты и пр[е]стол Б[о]жій. Пророков Ілію и Еноха видел, и вси с[вя]тїи шли на поклоненіе к Б[о]гѣ. И я, говорит, туда же иду. Дошѣл до ц[а]рских врат, и тут Іоанн Пр[е]дт[е]ча протянул руку, не пустиль меня, и врата закрылись. И видел он это яве, а не во сне. И лежал тут двои сутки, а потом охотники нашли его и привезли домой. А отсюду на тасках на лошаде ночью привезли его к о[т]цу Паладію ввиду того, что его надо накрывать. Здесь он тяжело болел, голову грели отрубями в мешках, а потом прорвало и во уши гной шол, и тогда ему полегче стало, замог лежать, а кормили его с ложки. Два м[е]с[я]ца он лежал, четверо его // обслуживали по-сменно. А потом ему полегче стало, и замог один лежать, и стали за ним ходить другие. А потом к концу опять сильно заболел, еще ему стало тяжелее, и тогда пришлось с ним водиться, как с маленькимъ, 2 м[е]с[я]ца не отходя с ним были. А прежде осми дней смерти пришли к нему яве с[вя]тїи Іоанн Пр[е]дт[е]ча и два анг[е]ла, сказали ему о кончине. И потом он меня спросил (пишет м[а]т[ери] Анна, она его обслуживала): «Есть ли, нет кто в келіе?» Я сказала: «Нет». И тогда он рассказал о явленїи ему с[вя]тых, и наказал никому семье не сказывать. И еще сказал: «Когда будите меня поворачивать, то растягайте меня». Но он нисколько не дался, его всего стянуло. И вот на 8-й день после виденїя с[вя]тых преставился 31 декабря на праздник Обрезанїя, в 10 часов вечера, а память ему 24 мая. А когда преставился, сразу весь распустился. Болель более 2-х лет, а когда болел, прїйдем к нему, спросим, как дела, о[т]че? Он все говорил: «Слава Б[о]гѣ». Всегда был благодарный. Очень был тихомирный и спокой-

л. 12 об.

<sup>м</sup> исправлено, в рукописи Швей;



ный, молился усердно с[в]ятому Иоанну Пр[е]дтечи, был довольно грамотный начётчик, мог беседовать на соборах.

### О черноризице Митродоре.

л. 13 **Е**ще у о[т]ца Никифора была сестра Макрина, пришла в // келію, и её накрыли, наречена бысть черн[оризица] Митродора. И она тоже сильно тяжело болела, день и ночь не *отходя* ей служили. И всё время пить просила, шипко часто пила. А потом не стала просить, и я её спросила (пишет м[а]т[ь] Анна): «Пить-то хочешь или нет?» Она сказала: «Нет, не хочу» и говорит мне: «Никому не сказывай — два ч[е]л[ове]ка ко мне яве приходили и меня напоили, и я теперь не хочу не пить и не исъ». Не стала пить и на третий день преставилась. И она тоже сильно была тихомирна, смиренная и спокойная, болела около двух недель, память ей 19 июля.

### ☩ Тимофее Соломенникове

#### сѣ рѣкопис[и] тоа ж[е] м[а]т[ери] Анны. Глава 61.

Тимофей Соломенников жил на востоке, Приморскій край, в поселке Светлом, был очень препростый и кроткій, имел старушку (женѣ), а когда состарился, *отделился от* нея, *от[ъ]иде* в пустыню, жил около о[т]ца Кирила во своей келіи. И вечером задумал сходить ко старушке попроведать. Сходил, пошёл обратно во свою келію, и встречу ему *отрадѣ* идёт солдат. Убили его вечером, и он упал на спину, руки крестообразно сложил на груди, и всю ночь так лежал, и огненный столбѣ всю ночь над ним стоял, и боялись солдат[ы] по него итти.

л. 13 об. А утром, // когда разсветало, тогда по него сходили и погребли его.

### ☩ Симоне Андреевиче.

**Вѣ** том же посёлке Светлом жил Симон Андреевич Новожилов, был настоятель, имел жену и детей. Ихъ стали теснить высылкой. Он стал семью звать, чтобы куда-нибудь удалиться в тайгу. Но они не согласились и остались на месте. А он пошёл один и, не доходя о[т]ца Силуяна, жил один в келіи, лето и зиму прожил. А весной с[ы]нъ его пошёл проведывать после снегу, зашёл в келію, а он сидит, преставился, на лавочке около столика. А в келію зашла вода, и ноги у него были во льду. Он его погрѣб тут же и возвратился домой. А потом летом еще пошёл проведывать, потому что весной земля была стылая, и он его похоронил мелко. И еще далеко не дошел, видит, огонь горит, и го-

ворит: «Слава Б[о]гѣ, кто-то еще здесь живѣт». А пришел на место, и огня не стало. И тогда он ночевал в келье, утром пошел на могилу и видит: на могиле вырос садик, нигде таких не видел. И он тут дневал ради этого садика и весь д[е]нь на него глядел. Потом домой пришел и все виденное семейнымъ рассказал. И они тоже запросились сходить // на могилу, старушка и дети. Он туда их привел, и старушка, мать его, заболела и на третий день умерла. И рядом тут же её похоронили, а дети ушли домой. И после къ ним ходили на могилы, у него на могиле виделся огонь, как *от* свечи, и садик, а у нее нет ничего. л. 14

**Ѓ О[т]це Мине, *от* повести *от[ца]* Макаріа  
и с рѣк[описи] м[а]т[ери] Триѡены<sup>и</sup>  
и Иерона А[лексеевича]. Глав[а]° 62<sup>и</sup>.**

О[т]ецъ Мина, до накрытия Михаил, последовал в пустыню на Чулыме к о[т]цѣ Саве. Неизвесно, сколь время он жил во обители. Там же около них и старицы жили с девицами. И он с единой *от* них согласился жить по-супружному, вышли в мир и жили некое время, а потом разошлись, обои опять ушли в пустыню. Супруга его последовала ко старицам, и у них скончала жизнь в чину, по накрытіи м[а]ть Антонида. А Михаил паки прїиде ко о[т]цѣ Саве, тогда они уже жили на Парбике, и тут прїят на ся иноческїй чин, наречен бысть черноризец Мина. Жизнь проходил подвижную, воздержную. О[т]ецъ Сава с братьями и старицы съ молодыми жили вдали *от* мирян, а *от[ец]* Мина находился близ мирян, и м[а]т[ери] со старушками около них. А пред кончиной *от[ец]* Сава преподаде бл[а]г[о]с[ло]веніе о[т]цѣ Мине на все духовные дела, принимать на исповедь старцев и стариц, а в теле//сных работах управлять *от[цу]* Симеону. *От[ец]* Мина, хотя жил в уединенїи, лобызая безмолвіе, но о всех имел попеченїе, все духовные дела исполняше. А в 7446-м годѣ, когда переезжали с Парбика *от[ец]* Симеон с братией и старицы на Безимянку, тогда пред *от[ъ]*ездом *от[ец]* Мина преподаде *от[цу]* Симеону бл[а]г[о]с[ло]веніе на духовные дела. Зри о сем выше в 34-й и 38-й главах, писано пространно. л. 14 об.

А в 7447-м г. и *от[ец]* Мина прїехал на Безимянку с оставшими старицами и христороубцами. И когда его привели к м[а]т[ери] Мастрадїи, одна беснующая, м[а]ть Авсіанїа, как встретили его, она сразу упала на пол и стала без памяти. Бес в ней закричал: «Душной старичошка, спалил меня». И долго кричал: «Сгорел, спалило, спали-

<sup>и</sup> последние пять букв имени вставлены наискосок над строкой;

<sup>о-п</sup> написано на правом поле;

ло меня». *От[еу]* Мина стал молиться, а бес всё кричал: «Спалило меня». *М[а]м[ь]* Мастрадїа попросила *от[ца]* Мину надеть на бесную его мантию, которая была на нем, а ему дали другую мантию. Он снял съ себя и положил на бесную. Тогда бес сильнее закричал: «Спалило, спалило, выйду, выйду». А *от[еу]* Мина всё стоял и молился. Бесная лежала среди часовни на полу, и глаза у неё были закрыты, и из ротѣ шла какая-то слюна, как пена, а бес все кричал: «Съгорел, спалило».

л. 15 *М[а]м[ь]* Мастрадїа попросила<sup>р</sup> *от[ца]* // Мину, чтобы он ему сказал, чтобы вышел бес. *От[еу]* подошел к бесной, оградил её и сказал, но я не помню, что он сказал. Только бес еще сильнее закричал: «Спалило меня, выйду, выйду». И сразу как из ружья выстрелил и вышел. Больная сразу глаза открыла, и стала молитву творить, и ей стало легко. Она жила до осени и не болела, у ней беса не было. Осенью пошли молодые д[е]в[и]цы на заимку лён мять и там жили. Она попросилась сходить их посетить, пошла одна и шла одна по деревне вечером в потѣмках. И вот выскочила собака и скочила на нее. Она сильно испугалась и бес опять зашел в неё. А потом в 7449-м году *м[а]м[ь]* Мастрадїа поехала на Вороговку, и о[т]ца Мину попросили с собой ехать. И когда заехали в Вороговку и стали подниматься самый сильный пережат, все вышли из лодки и пошли по берегу, которые посильнее — потонули бичеву. *От[ца]* Мину оставили одного в лодке, и он стал на руль, еще другая лодка была сзади привязана. Когда затянули в самую быстрину, даже и лодки не видно в валнах, его с лодкой развернуло, и у нас из рук выдернуло бичеву, а его даже не видно, как унесло. Мы все отчаялись, что все утонуло, но за его м[о]л[и]твы ничего не утонуло.

л. 15 об. Задняя лодочка сильно была загружена и не опро/кинулась, его прибило к скале в заводь на другую сторону, и мы к нему попасть не можем. Ехали сзади нас люди, его вывезли, и все поудивлялись, как не опрокинуло лодки. На Вороговке жили, *от[еу]* Мина большія перенёс недостатки в питанїи: летом, в<sup>с</sup> первое лето<sup>т</sup>, еще хлеб ели, а зимой стряпали с мохомъ только по одному маленькому кусочку, а летом совсем хлеб не пекли, в<sup>у</sup> другое<sup>ф</sup>. Было только одно ведро ржи на седмь ч[е]л[ове]къ. Питались калбу, да пѣчки, да саранки выкапывали, и он дожил до Преображенїа. 5 августа еще пришёл молиться вечерню, немного поужинал и пошёл в свою келїю, сказал мне: «Проводи меня». Я его вела, у него ноги плохо шагали. Он сказал: «Меня завтра утром попроведай». Пришли утром в Преображенїе, он лежал на койке и ничего уже не говорил. У него были на налое открыты книги, и Акафист

<sup>р</sup> исправлено, в рукописи ошибочно попросил;

<sup>с-т</sup> вставлено над строкой;

<sup>у-ф</sup> вставлено над строкой;

открытой, и коробка со с[вя]тыней открыта, и всё выложено. Его еще м[а]т[ь] Матрадіа исправила, и тако преставися о Г[о]с[по]де с миром 6 августа 7450-го года. А память ему 12 июля. Опрята же мощи его Иоанн (брат от[ца] Тимоѳ[ея]), и погребен бысть ту. Бе же вельми смирен старецъ сей. Когда приходил в праздники к нам молиться, то молился со слезами, особенно, когда молились понахиду и пели «Содете//лю и Творче», он слезами ульетса. Дозде м[а]т[ь] Трифена.

л. 16

## СѢ Феодоре Зиновьевиче. Глава 63.

Поведа нам Григорій Карповичъ, рече: «Мой дед, настоятель Феодор Зиновьевичъ, был с детства христианин, имея веру к Пр[е]с[вя]тей Б[о]горо[д]ице, и он у купца торговал. Арханг[е]льское поздравленіе «Б[о]горо[д]ице Д[е]во, радуйса» и тогда читал, съ лестовкой было неудобно, и он по чёткам из рыбных позвонков считал. Если кто его спросит: «Что это у тебя?», — ответит: «У меня старушка неграмотная, это её щоты». Ездилъ он по городам, товар закупал, и был м[и]л[о]стив к нищим и бедным, м[и]л[о]стыню им подавал. А во время революцьи с прочими от красных отступалъ. Вначале, как поехал из ворот, а на них стоял ч[е]стныи кр[е]сть, и он пал ему прямо на ноги. ЕмѸ говорили: «Не езди (в отступ), не на добро тебе будет путь». Но он не послушал, поехал и доехал до города Омска. Тут заболел, жил на квартире, а хозяева боялись, дабы болезнь его на них не перешла. И когда он уже стал плохой, был недвижим и не говорил, они его вынесли в коридор, а там холодно, была зима, около Х[ри]с[то]ва Р[о]ж[де]ства, и ему было сильно тяжело, да и холодно, и он только умом молился: «Б[о]горо[д]ице, не погуби мене zde, но приведи меня в // келію умирать». И вот явися ему Пр[е]с[вя]таѧ Б[о]горо[д]ица, имущи кошницу\* со благоуханными цветами. И взявши един цвет, удари его в лице, и абіе облегча ему болезнь. Тако же и вторым цветом удари, еще бысть легчае. Посем удари третиим цветом в лице и бысть невидима. Он же бысть совершенно здрав, воста от одра и начат стучати во врата. Хозяева отверзше двери, удивившася и ужасошася о его нечаянном приходе, который вынесен был как мертвец, а теперь сам пришел совершенно здрав. И он немедленно собрался и поехал домой, прожил у них время около одного года. И когда ехал на поезде, почувствовал на себе тягость, тогда всю лишнюю одежду с себя снял, и всё это положил в саквояшь, и по сем сразу почувствовал лёгкость. И тут он задремал, и видит, что его окружили со штыками, заколоть хотят, и он их устранился, и скоро соскочил, и не побоялся того, что поезд шол на полном ходу, выскочил из вагона на снег, все

л. 16 об.

л. 17 вещи остались в вагоне. *Одет* был по-лёгкому, в шляпе, и тут он простыл, прѣехал домой, заболел. Я у него, т.е. у деда Феодора, взрос, — говорит Григоріи Карп[ович], — он был строгій, воли мне не давал, на игры и на всякія душепагубныя позорища меня не отпускал. А как он из до//му уехал, я привык без него самовольничать. А теперь, хотя он и больной, но воли мне не даёт. И вот, когда он в тяжкой болезни лежал, паки явился ему Пр[е]с[вя]таа Б[огоро]д[и]ца, прїиде к нему не во дверь, но свыше, раскрыся покров хранины, и у ней над главою светлый круг, подобен радуги. И она ему поперѣк колен рукою проведши, говорит: «Обещаніе исполни, пока жив»... и положи на него три печати: на обоих руках повыше дланей две, а третію на пупѣ. Печати — простые круга без слов и *отпечтаны* не на коже, а под кожей. И после сего явленія Пр[е]с[вя]тыа Б[огоро]д[и]цы бысть здрав, яко же и прежде. Воста *от* одра и будит нас: «Вставайте, надо молиться». И после моленія он всё нам рассказал, яже виде и слыша. И просит нас увезти его в келію, и сему бывшу. В келіи поживе с н[е]д[е]лю и преставися 25 ѳевраля около 7430-го года, а память ему 5 марта. И когда опрятовали его мощи, печати были целы, при погребеніи его бесныя не могли стоять, падали.

## СѢ черноризце Ісѣсифе, с рѣкон[иси] Афанас[иа]. Глава[а] 64.

л. 17 об. Агрипина Симоновна Кузнецова сказывала: её прадед Іоанн был по вере никониянин, ревнитель, помогал попу притеснять хр[и]стїанѣ подобно Савлу, а потом заболелъ // и стал как разслаблен, на печь поднимали или с печи снимали артелью. Утром посадили его на печь, и сыновья его молодья уехали по сено, а жена его ушла доить корову. И в это время он на печи заснул и увидел, пришел к нему с[вяти]т[е]ль Никола и говорит ему: «Если не будешь изгонять християн, то будешь здоровый. А если будешь изгонять, то так и будешь болеть». Бабушка Агрипины Симоновны в то время, будучи 7-ми лет, слышала, что больной о[те]цъ её с кем-то разговаривает. И потом он с печи слез и сял перед печь, а до этого был три года недвижим. Жена зашла и увидела, что больной сидит перед печью. Она спросила: «Кто тебя снял?» Видит, что взрослых людей в доме нет. Он *отвѣтил*: «Я сам слез». Он попросил, чтобы жена принесла ему все рубахи его. Она ему принесла, он взял и забросил их все в печь, а печь топелась. Жена зароптала, потому что жили бедно, а он ей сказал: «А все одно мне нельзя их носить». Она сказала: «Если нельзя тебе, то сыновья бы износили». Он сказал: «И сыновьям носить нельзя». И еще сказал: «Вот

ребята с сеном приедут, и я поеду выкупать овчины» (у них были отданы овчины на выделку в другую деревню). Сыновья приехали, он запрет одну лошадь, надел толуп и // уехал. На другой день лошадь пришла домой, и толуп в саях, а сам был без вести 7 лет. В этом времени попъ сильно семье его<sup>x</sup> помогал питаніем, одеяніем и всем. А потомъ Иоанн пришел домой вечером в сумерках, чтоб люди посторонніе не видели, уже накрытый черноризецъ Иосифъ, показался семье, и привёл всю семью в истинную хр[и]стіянскую веру, и помог семье переехать на другое место под Курган, в деревню Токарёвка, а сперва они жили на Урале, Балабановскій завод. А сам опять ушел в монастырь. А потом сделалось гоненіе на хр[и]стіян-старообрядцев, и они переехали за Минусинск в деревню Паначова, в Каратузском районе. Там и упокоился черн[оризец] Иосиф. И сказывали, что до сорочин на его могиле теплилась свеча после его скончанія, там жили его племянники.

л. 18

## ☩ двѣхъ старцах. Глава 65.

Поведа Марфа Петровна в Айдаре. Был случай на Юксе (она впадает в Чулым по теченію с левой стороны), шла экспедиция, рубили просеки, и направленіе гласило прямо на келію двух старцев. Один был болен и скончался в это же время, гроб был готов. Другиі старец спешно положил во гроб и отнес, положил в готовый // ров, который был когда-то вымытый водой, и замусорил хвоей и старыми шишками, чтобы только незаметно было, и остальное все из келіи распрятал, и сам ушел ко христороубам в деревню. Это было примерно в августе. И он думал, когда пройде́т экспедиція, тогда идти и похоронить старца, но осенью никак не удалось. Зимой мирыне христороубы не согласились пойти хоронить. Старец был в большом переживаніи о том, что весной вода зальёт все ямы, может и гроб залить, и тело иструхлявить, или зверь похитит. А весной, когда прошло полноводье, пришли на то место и видят, что вода не пошла старой бороздой, в которой лежит гроб, а пошла<sup>u</sup>, промыла новую борозду. Пришельцы добыли гроб из рова, они думали, что<sup>v</sup> он полон воды и одеяніе на теле мокрое. Решили открыть гроб, и видят, что одеяніе сухое и во гробе сухо, только в одном уголке плесень немного, и от тела худаго запаха не было. Имена старцев неизвесные. //

л. 18 об.

<sup>x</sup> вставлено над строкой;

<sup>u</sup> исправлено, в рукописи бошла;

<sup>v</sup> вставлено над строкой;

л. 19

## СѦ Іероне Алексіевиче.

СѦ рѣк[описи] м[а]т[ери] Сус[анны],  
от[ца] Макс[има], Акинфы и от иных. Глав[а]<sup>м</sup> 66<sup>м</sup>.

л. 19 об.

Іерон Алексіевичъ родился в Алтайском крае, в пределах города Камень. Во время революціи увезён родителем в Томскую область, в Чаинскій р[айо]н. В отрочестве отсюда переселился в Парбинскій р[айо]н. Здесь жену поял и во время коллективизаціи оттуду уехал на Безимянку с женой и чадом. Здесь он раскорчевал поля, так потом прозвали «Іероновы поля». Крепок он был телом и духом и воздержлив. Еще в молодости не любил пьянствовать: если кто принуждал его брагу пить, то он немного только попробует. Имел он тщаніе приобретать с[вя]тыя иконы и книги и молиться. А потом тут же на Безимянку пріехали от[ец] Симеон и от[ец] Антоній с братьями и м[а]т[ь] Тавифа и м[а]т[ь] Валентина сѦ сестрами, и тут немного пожили. И когда от[ец] Симеон с братьями поехали сѦ Безимянки на Дупчес, Іерон Алек[с]евичъ поехал вместе с от[цом] Симеоном на одной лодке // места смотреть. Насмотрели места с весны, обратно вернулся после Р[о]ж[де]ства Х[ристо]ва, шол сѦ Ворогова по Енисею и по Касу пешком на лыжах около м[е]с[я]ца, были тогда морозы. А весной с Безимянки поехали на Дупчес в мае м[е]с[я]це, а пріехали на место к Петрову дню, привезли лошадь и два маленьких быка. Іерон лошадь отдал старицам, м[а]т[ери] Тавифе, а волов от[цу] Симеону, пахать и боронить на них. Любил он пустынножителей, и было у него тщаніе помогать им. И велію веру имел ко от[цу] Симеону, и часто ходил к нему и пользовался от его душеспасительных словес. А во время Отечественной войны 1941—1945 он скрывался в тайге, охотничал. Пушнину вынес в Ворогово, там его арестовали, ночью сбежал, поймали и посадили в тюрьму. От[ец] Симеон с братией прилежно за него молился, и за молитвы их избавил его Г[о]с[по]дь от смерти.

л. 20 Все, кои с ним были, умерли с гладу при его глазах, а // он чудесно сохранился жив. Александра Меркуріевна, жена его, говорила: «Когда прійду к Кирилу Яковлевичу, погоревать, он мне скажет, что Іерону не вынести будет в тюрьме, не выжить, он помногу питается». Тогда в войну худо кормили в тюрьмах, у ней еще горе делается больше. Пойду, говорит, к от[цу] Симеону со слезами, вот что мне Кирило сказал. От[ец] Симеон её утешит и скажет: «Не горюй, Іерон прійдет живой, здоровой». И ей опять печаль облегчит. Часто к нему ходила погоревать, посоветовать, пока не пришел Іерон из тюрьмы. В то вре-

<sup>м-м</sup> написано на правом поле;

мя жил у о[т]цов старичок, дедъ Яков, позднее был черн[оризец] Иосиф, попросился он у от[ца] Симеона к нам побывать (пишет Иеронова дочь Стефанида, позднее была черн[оризица] Сусанна), он и раньше у нас жил на Безимянке. От[ец] Симеон его благословил с[ъ]ездить, и он спросил от[ца] Симеона: «От[че], сколь мне там пожить?» Он ему сказал: «До Иеронова прибытия поживи». От[ец] Симеон, видимо, верно знал, что Иерон скоро придет // из тюрьмы. И то чудно, как он говорил, все збывалось.

л. 20 об.

А старик был несвышный ездить по воде, да и руки худо действовали. На реке перекаты быстрые и камни, и проехал благополучно, только за м[о]л[л]и[т]вы от[ца] Симеона, как он сам рассказывал. И как только приехал дед Яков к нам, вскоре Иерон Алекс[еевич] приехал домой. По освобожденіи из тюрьмы заехал в Безимянку и с м[а]т[ерью] Флиной путешествовали, помогал им ехать, да их еще дорогой в Ярцевом задерживали, продукты взяли, только на дорогу им оставили (во время войны был голод, нерабочим давали только по 200 грам, а рабочим по 400. Разве только кто больше выработает, тем добавляли. Это шол третій год войны<sup>3</sup>). А книги и прочее ничего не взяли. А потом когда пошли начальство разорять скиты, шли чрез нас, и один из них сказал: «Потанин, антихрист на твою землю пришол». Себя назвал антихристом. Тогда Иерона забрали и прочих мирян, и принудили их везти дорожные продукты и прочіе ихніе вещи. Тогда // Иерона бил один безбожник палкой, даже палка изломалась о его спину, за то, что он не сознался, что знает дорогу, направленіе къ о[т]цам. Зело он был печален, потому что пришли зорить беззащитных о[т]цов. О раззореніи обителей Иерон Алекс[еевич] написал пространную повесть, яже внесена в сію книгу, зри выше, глав[а] 38-а.

л. 21

А после розоренія вывозили старцов и стариц на плотах, немощнейших по Малому Тогульчесу, а могущих отправляли на Дубчес. Сделали там плоты и поплыли. На рулях стояли Иерон Алекс[еевич] съ м[а]т[ерью] Паольгой, и когда стража уснула (ночью мало спали, проиграли), он подрулил плот к берегу, иплыли возле берег, и он вышел на берег, также и м[а]ть Паольга, и м[а]ть Ерміонія, и Иван Трофимовичъ вышли и утекли, а плоты ходом проплыли. А также и семья Иеронова, Александра Мерк[урьевна] с детьми и Марина (позднее черн[оризица] Македоніа) утекли из дому, жили они ниже Мал[ого] Тогульчеса вёрст около 25-ти. А потом на // второй год зимой Иерона вывели, арестовали и посадили в тюрьму. А когда освободили старцов и стариц изъ заключенія, тогда Иерона тоже освободили, как по одному делу был с ними осуждён, потому что помогал им. Он сам

л. 21 об.

<sup>3</sup> на левом поле арабскими цифрами 1943-й;



говорил с благодушѣм, что пришлось пострадать ради о[т]цов. И после освобожденія Іерон Алек[сіевич] съ семьёй переехал в Ангару на реку Тасей, в посёлок Бурный, а еще позднее на Ону в Усть-Кайтым. И опять ему желательно было ко о[т]цам поближе, не убоаяся, что был в лагере и пострадал с ними. Как нецы бояться близ себе содержать пустынных, дабы им не пришлось пострадать, если власти узнают, что содержат от[ца]вых. А Іерон наоборот, когда поехал на Ангару<sup>14</sup>, пригласил от[ца] Максима, от[ца] Вит[алия] и Афанасія, и жил он там близ их более 20-ти лет.

л. 22 Был онъ zelo милостив, старался каждому ч[е]л[ове]ку помогчи, кто в чём его просил. Несколько раз бывало так: прійдут люди с ним посоветовать и долго его задерживают. // Ему надо бы идти или ехать на работу, иногда и до вечера его держат, и он себя спокойно ведет. Не помню, не видала (пишет м[а]т[ь] Сусанна), чтобы когда он засуетился и сказал: «Нет, мне сейчас некогда, надо скорее на работу идти, потом на другой раз приходите». Так не говорил, а с какой прозьбой придёт ч[е]л[ове]къ, даст ему ответ. Когда, бывало, и весь день продержат, и он никогда не пороптал, что вот ведь весь день продержали. Но каждаго ч[е]л[ове]ка старался успокоить, кто в чём нуждался. Также и вопросы разные писали ему, и он на вопросы писал ясныя пространныя ответы. Имел он от Б[о]га дар разсужденія, поетому о[те]ць Антоній благословил его быть наставником, управлять духовными делами и принимать на исповедь кающихся. Еще прежде от[ец] Симеон говорил о нем: «Это будет столп ц[ер]ковный». И это действительно исполнилось на деле, ибо он старался содержать обычаи хр[и]стїанскїа и прочих семѸ поучал. //

л. 22 об. Даже и пустынножителем надпоминал держаться того, какой был порядок у о[т]ца Симеона, и многіе его ненавидели за его ревность по благочестии, поношали и укоряли его, и он не скорбел, не обижался на них, но стоял как столп непоколебим, всё переносил со благодареніем «со стороны от ч[е]л[ове]къ, ненавидящих его, и наветы от лукавых бесовъ», — как он сам писал о сем в письме от[цу] Антонію съ братіей 23 апреля 7482 г., зане и бесная м[а]тъ Ѳаина его не любила и от ненависти именем его не называла, но точію «Потанин». Паче же сам бес имел на него злобу за его добродетель. Однажды прїехал Іерон Алек[сіевич] на коне на пасеку, выгружал с саней, а бесная м[а]т[ь] Ѳаина пошла по воду и бадошкой его по ногам наступала.

Когда мы жили близ Кайтыма, Іерон Алек[сіевич] пришёл к нам в келію на посещеніе, сидел в келарне, и м[а]т[ь] Ѳаина попросила квасу кружку. Келари дали ей, думали, что она пить хочет, а она по-

<sup>14</sup> на левом поле арабскими цифрами в 1955 г.;

шла, выплеснула всю кружку квасу на Иерона, а он был в шубе. // Еще когда мы жили у Абрама Федоровича на пасеке, Иерон Алек[сѣевич] приходил к нам. М[а]м[ь] Оаина сидела на печке, Иерон пошел к рукомойке руки помыть, она взяла полено и его хотела ударить, ей не дали. М[а]ть Софїя подошла, загородила его *от* нея, а она еще из-за матѣшки его доставала поленом ударить.

л. 23

Еще там же было, Иерон Алек[сѣевич] был у нас. М[а]м[ь] Оаина сидела, питалась лапшу и сколько-то не доела, выплеснула ему в лицо и сказала: «На, ешь» и еще что-то бормотала. Еще один раз мы с м[а]м[ерью] Оаиной были в деревне у Иерона, он делал ульи ко пчелам. М[а]м[ери] Оаине дали молока битон, и когда она шла мимо Иерона, и этим битоном стукнула его в спину враспloh, он не видел, спиной к ней сидел. Я ей говорила: «Почему так сделала, враспloh можно напугать». — Молчит. И вот Иерон Алек[сѣевич] все терпел вражїи нападенїи, не обиделся на м[а]м[ь] Оаину, а наоборот, старался ей помочь. Когда у ней было желанїе удалиться в дальнюю пустыню, он об ней хлопотал // писал к пустынножителям, чтобы её приняли, еже и бысть.

л. 23 об.

Тако же и на м[о]л[и]твѣ он был усердный, старался молиться с прилежанїем. А перед прїятием с[вя]тыя воды он молился тысячное правило (10 лестовок) целую неделю, такоже и семейным велел молиться. Каждое воскресенїе Х[ристо]во и каждый праздник не оставлял службу и прочим говорил: «Надо молиться». А последнїе годы жили они на Кайтыме, и там зимами ездили чужие люди с района на машинах. И ради этого он старался рано с полночи начинать молиться, чтобы успеть до людей. Еще он много терпел и *от* телесных болезней несколько лет, о сем он сам писал в 7482-м году: «Здравїе скудное». Еще писал в 7483-м г. 4 маа: «Здравїе скудное телесное, кольми паче душевное, помолитесь Х[рист]а ради, дабы нам не погибнуть в прелести мира сего суетнаго. Аз, грешный, мало не умрох за едину ночь и утро с 9-го на 10-е апреля. Оказался простатит, воспаленїе предстательной железы (простаты), были нестерпимыя боли, пришлось вызвать скорую помощь, при//летел на вертолѣте врач-хирург с прибором по этой болезни, облеглили болезнь, увезли меня в больницу в наш район Тасеево. Пролежал в больнице три н[е]д[е]ли с 10 апреля до 1 мая. Чрез н[е]д[е]лю лучше стало, за ваши молитвы облеглило, не знаю, как *будет* дальше, потому что застаревшїя болезни труднее поддаются леченїю. У меня уже десяток лет эта болезнь была, первоначально хотя легче было, а потом хуже стало. Возстановить трудно до полного облеглиенїя, хотя бы по-среднему было, и то бы добре, терпимо. Лечат сейчас больше все уколами, в пици и в питии воздерживаться нужно *от* кислого и соленого. Очень жаль было, страстную

л. 24

и пасхальную н[е]д[е]лю пришлось быть в больнице по грехом моим великим, тако Б[о]г бл[а]говолившу и попустившу. Если бы врачи не помогли, наверно, сутки бы не прожить, можно умереть *от* сильной боли живота. В больнице помогли, сейчас хотя не так этим страдаю, поддерживаюсь, пью траву зимолобку (надсадник), она мне *отчасти* помогает против воспаления предстательного железа»...

л. 24 об.

Еще он писал в генваре // в 7484 г.: «Аз, грешный, по грехом моим великим болею, лежу с праздника Введенія Прес[вятой] Б[огоро]д[и]цы и до сего времени. Нога правая болит, в жилах ломит, ноет, не дает ни сидеть, ни ходить, только лёжа даёт покой: грели, натирали, правили, кровь брали пъявками, и все еще мало лучше. Сейчас нечего не делаем, только на пече грею, облегчает болезнь постепенно. Может, Бог даст полегче, отойдѣт. Она у меня болит уже третий раз и подолгу, м[е]с[я]ца по два, по три».

Еще писал 14 февр[аля] сего же 84 года: «Аз, грешный, всё еще болею, ноги болят, сейчас левая нога болит. Болела правая, переходит из одной в другую через спину нездоровая кровь. Сейчас немного хожу». Еще писал он в 7487-м г.: «Аз, греш[ный], здравием оскудел, болею внутри, печень болит. Врачи предлагают делать операцию, опасаясь, пью из трав лекарство, как-то плохо помогает, мало-мало брожу, пища плохо идет, аппетита нет, может, долго не проживу. Только большая беда умирать, грехов сильно много. Был в больнице на проверке, лечился, ничего // лучше нет. Еще думаю на курорте подлечиться грязями, не будет ли лучше? Простите Х[рист]а ради» (Дозде Иерон).

л. 25

В то лето, как заболел родитель (пишет м[а]ть Сусан[на]), было много мѣду, и он все ездил на пасеку один, пока не отошёл мѣд, некогда было помогать домашним, и он тут надцадился, сделалось воспаление в животе, жар был в нутре, пил холодную воду, пища плохо шла. Хотя он не хотел ехать лечиться, но нецыи *от* сожаленія к нему посоветовали ему с[ъ]ездить в больницу, и он согласился поехать в Минусинск к знакомому врачу, и там в больнице сделали ему операцію 9-го марта. После операції врачи предлагали ему питаться молосное ради подкрепленія, но он не изволил в Великій пост питаться молосное. Тогда жена врача знакомая приносила ему рыбы, предлагала питаться, старалась поддержать. Но он рыбу не питался, по *отхожденіи* ея отдавал старику, лежавшему рядом с ним, а питался он в больнице из своей посуды. После операції // чрез н[е]д[е]лю написал домой письмо, что операція прошла нормально, маленько начинаю ходить, восьмой день, сегодня уже стало лучше. А через две н[е]д[е]ли после операції приехал к нему Афанасій Герасимович попроведать, повидаться. Его не пустили в полату, Иерон Алек[с]евич

л. 25 об.

вышел в коридор, а там сквознячок, видимо, простыл, и ему сразу после того стало хуже. Болел он 10 дней воспалением живота. Старик сказывал, бывший с ним, что до самого конца был в разуме. В субботу Лазареву еще мало говорил потихоньку, а в Н[е]д[е]лю Цветную представился рано, в 4 часа утра, 2 апреля в 7487-м году, а память ему 7 ноября, жил 65 лет. Врачи чрез телеграмму известили родным, сын его Артемій и Иларіон Акиндинович откупили машин в Тасеевом, тут и гроб сколотили, прѣехали в Минусинск, Артемій купилъ белое полотно и завернулъ мощи. Привезли домой в Великій Четверток вечером, тело было белое, не оковешшее, погребеніе пели в 6 день в Великій Пятокъ, после страстей. Запаху // никакого не было. Все погребеніе лицо было открытое, вид был веселый, глаза закрыты, уста немного неплотно, мало видно торсы зубов, а зубы были светлы, несколько не посинели, все смотрели и сильно плакали.

л. 26

Іерон Алексеевич года за два до своей кончины ездил в Фергану к сродникам, они его звали несколько лет, но он все не ехал к ним, боялся мешаться, потому что они живут<sup>б</sup> по-мирскому, как и прочие люди неверные. Только дядя и тѣтка его мало что соблюдают, со всеми не ядят и немного молятся. На исповедь ходят только сами старики, а ихніе дети даже три поклона не кладут. И вот он прѣехал к ним, питался из своей новой посуды. Поговорил им о спасеніи души, о загробной жизни. Они сказали: «Мы думаем, что Б[о]гъ есть, только молиться неохота». А потом написал Іерону сродник его письмо: «Вижу во сне, — пишет он, — прѣехал бы ты к нам, как до этого был у нас, так же нам говорил, как д[у]ши на спасеніе, и потом пошел от нас, а у нас // как тма в городе, и ты, светлая звезда, во тме пошѣл от нас, видно в темноте хорошо светлое-то, в белой рубашке, в поясу. И так ушел от нас, далеко видно». Но это письмо Іерона Алексеича в живых не застало. Когда собрались на погребеніе, это письмо читали.

л. 26 об.

### **Съ явленіи Іерона Алексіевич[а], съ рѣшк[исц] Парасков[иц] Терент[ьевны].**

Вскоре после того, как похоронили Іерона Алек[с]евича, утром молились у них... много людей собралось в Велику Суботу или во ин день, тогда Парасковія Терентьевна сильно скорбела и со слезами тужила, что не стало Іерона Алек[с]евича, оставил нас. И вот увидела его яве, а не во сне, на том же месте, где он обычно стоял в живности у наоя, лицом к иконам. Она увидела его сбоку, обрадовалась и еще

<sup>б</sup> исправлено, в рукописи живу;

пуще хотела увидеть его в лице. Зашла повыше, и сразу его не стало. И пошла еще созади смотреть и больше не увидела. //

л. 27

**О исцеленіи болезней, с рѣк[описи] от[ца] Макс[има],  
м[а]т[ери] Акинѡы и м[а]т[ери] Сус[анны].**

А когда Іерон Алекс[іевич] отошел от сея жизни, и от его могилы многія получают исцеленія. Аз, греш[ный] Максим и м[а]т[рь] Аполинарїа сходили на могилу, взяли земли съ могилы и сразу принесли воды в сосуде, и землю крестообразно всыпали в воду, и тут же сразу стали за Іерона за упокой канон читать, и еще старушки пришли, несколько помолилися и стали принимать воду. Феодосія Терентьевна нездоровая (бесная) не стала принимать. Я принудил её принять, а когда приняла, тогда нестерпимая об[ъ]яла её болезнь, а потом отошло. Старушки все приняли воду, и эта вода осталась. Я тут ночевал у Абрама Федоровича, и на следующую ночь еще ночевал, и стало мне плохо, заболел. Стали утром, Абрам Ф[едорович] говорит мне: «Ты болеешь, дак за реку ко старицам не ездѣ». А я ему ничего не сказал, а вода еще осталась, и я принял маленько, и как только принял, болезни не стало. И поехал за реку ко // старицам, помогать камин класть. Дезде рѣк[описи] от[ца] Максима. Еще было чудное событіе. О[те]цъ Максим поведал о себе, некогда говорил со мною от[ец] Виталій, я не могъ понять, что он говорил, зане глух есмь. А когда положил в уши земли с могилы Іерона Алекс[іевича], тогда услышал и понял ег[о] реч[ь].

л. 27 об.

Съ рѣк[описи] Акиндина Фил. Теперь мы остались сиротами, Іерона Алек[с]іевича не стало. Но он нас не оставляет, болезни лечит. Даже и мне, грешному, зуб вылечил. У меня зуб долго болел, и не имел никакого покоя, и хотел ехать в больницу. От[ец] Максим мне посоветовал взять съ Іероновой могилы земли, положить на зуб. Я положил, и зуб перестало ломить.

М[а]т[рь] Сѡс[анна]. Часто болела голова у Александры Мерк[урьевны], и когда она помажет землей с могилы Іерона Алек[с]іевича, и сразу лучше бывает. Однажды в боку у ней сильно заболело, и она с могилы землѣй то место понатирала, и сразу лучше стало. Наумъ Іероновичъ сказывал: заболела спина у него, и он сходил на могилу, помолился // и земли взял с могилы, водой развѣл и помазал спину, тоже говорил, лучше стала. Нарыв был у него на подошве, рвало невтерпѣшь, и он помазал водой съ могилы, и сразу рвать не стало, и помаленьку стал нарыв умяляться, и зажил. У Татьяны заболел палецъ у ноги, уронила она на него железину, и стало сильно рвать, незамогла лежать, пошла, намочила водой съ могилы Іерона Алек[с]іевича и сразу, сказывала, что боль затихла, и так лучше стало. Заболели зубы у Алек-

л. 28

сандры Иакинфовны, она послала по воду с могилы Иерона, принесли ей, и она полечила, и говорила потом всем, что сразу лучше стало.

У Парасковїи Акиндиновны болела часто голова, более летом в жар, и она водой с могилы Иерона А[лексѣевича] намочит, и сказывала, что весь день продюжит, и много раз так делала, и голове лучше будет. А так, говорила, что к вечеру разболится и невозможно ни/чего делать. Парасковїа Акинд[иновна] и сама о себе писала: «Я стала сильно угорать, даже и на пасеке от курилки. И вот ездили мы съ Артемїем Иероновичем на пасеку, и я сильно угорела, домой прїехали, и меня даже вырвало. А тут у нас вода с землѣй с могилы тятиньки Иерона Алек[сѣевича]. И я её чуть пивнула, потому что если угорею да попью что-нибудь, так вырвет опять. Вот я и побоялась пить, да умылась. И так прошло около часа, у меня начала голова оздоравливать и чрез час я захотела поесть. А так, если только угорею, то ужь никакой ужин не нужен, а только спать, да еще и наутро голова болит. А следующие разы как поеду на пасеку, так и умоюсь этой водой и попью, и вот Г[о]с[по]дь хранит от угара за м[о]л[и]твы Иерона Алек[сѣевича].

л. 28 об.

Ксенья Иерон[овна], его дочь, сказывала, зоб у ней растет на горле, и ей предложили мазать с могилы Иерона Алек[сѣевича] водой, и она немного раз помазала, и зоб // меньше стал, мы нарочито смотрели.

л. 29

**В 7487-м** году Феодосїя Терентевна копала картовь, и заболела у ней спина. И её полечила Февронїя Иер[оновна] землѣй с могилы Иерона Алек[сѣевича], так и болеть не стала, и всю картовь выкопала.

М[а]ть Аполинарїа, говорит, болела гриппом и силно кашляла. И когда взяла земли с могилы Иерона Алек[сѣевича], завернула в тряпку, привязала к горлу и замотала, и сразу кашель перестал.

Съ мать Агнїей были такїе случаи: некогда затрясло её, и воды с могилы Иерона Алек[сѣевича] ей подали, и быстро лучше стало. Второй раз еще сильнее её затрясло, и попили этой же водой, тоже скоро отошло.

Некогда у меня заболела голова (пишет м[а]м[ь] Соф[ия]), нельзя было подняться, сразу тошнило рвать, и я помочила водой съ могилы Иерона, и сразу лучше стало и тошнить не стало, а то нельзя было голову поднять. // Несколько раз случалось, если что заболит много или мало внутри или снаружи, только водой с могилы помочишь, и сразу лучше делалось. Еще было сколько раз, болело сильно внутри, и только подумаю идти водой помазать это место, и сразу же болезнь облегчит. Таких случаев много было раз. Гриппом болела, и был сильный кашель, ночами спать не давало, и етим только отбивалась, только умомъ переведу: хотя бы за м[о]л[и]твы Иерона дало бы маленько уснуть, и сразу кашель стихнет. Еще 23 октября 7490 года у меня заболела нога в коленке, и я заунывала, что надо сено возить

л. 29 об.

и как я буду? И потом маленько<sup>9</sup> водой помазала, и сразу же лучше стало, и сено возила несколько дней.

### Заключительное слово Афанасіа.

Еще я скажу несколько слов о Іероне Алексіевиче. Действительно, это был ч[е]л[ове]къ примерный и образец для искренно верующих. Вот он бы мог сказать слова // ап[о]с[то]ла Павла: «Подобни мне бывайте, а коже и азъ Хр[и]сту»<sup>10</sup> \*. Но, к сожаленію, у нас пока нет ч[е]л[ове]ка во всем обществе хр[и]стіан, чтоб мог бы заменить его. Пока он был жив, казалось, что у нас не было недостатков в сужденіях и мысленіях о текущей жизни, казалось, что всё ясно и понятно<sup>8</sup> как солнечный день. Только теперь мы поняли, что мы потеряли. Мы потеряли миролюбивую и общительную голову, какой больше в нашем обществе нет. Все печальные, обиженные и в чем-либо нуждающіися приходили к нему и принимали полезный совет, утешеніе и благодушіе, возвращались радушны домой. Насколько он был велик и славен *от* людей, настолько против его был враждебный и мстительный Лаптев Кирил Яковлевичъ. Это был ч[е]л[ове]къ гордый, властолюбивый, самомнивый, непримиримый<sup>11а</sup>. Всегда только играл на нервах Іерона Алек[сіевича] и приурачивал ему отлученіе *от* братства и проклятіе. Я, конечно, сколько // мог, старался зачищать невинность Іерона Алек[сіевича], незаменимаго друга в жизни. Даже однажды упрекнул меня пред людми Лаптев Кирил, показал на меня пальцем и говорит: «Вот, это первый защитник Іерона Алек[сіевича]». И еще говорил мне: «Ты не зачищай Іерона Алек[сіевича]». Іерон Алек[сіевич] был правая рука о[т]ца Симеона. О[те]ць Симеон был образец и светильник для скитов. Іерон Алек[сіевич] был образец и светильник для мирян бельцов. *От* всего христіанскаго люда вечная память обоим и сердечное пожеланіе Царствия Небеснаго. //

л. 31

### Г[о] о[т]це Ефреме Уральском.

#### Съ рѣк[о]н[иси] Никиты Алекси[евича]. Глав[а] 67.

Г[о]тець Ефрем родом с Урала, Пермской обл., проживал в деревнях на Ряжике и в Быньгах. Смолода пожил с женой, прижили сына Константина, а потом проходил одинокую жизнь, по горячему желанію

<sup>9</sup> исправлено, в рукописи ошибочно мелко;

<sup>10</sup> на правом поле зач[ало] 131;

<sup>8</sup> исправлено, в рукописи понято;

<sup>11а</sup> исправлено, в рукописи неприимимый;

около 40-летияго возраста сам себя накрыл, т. е. одел чернеческій чин, а позднее был другими старцами довершон. Два<sup>б</sup> раза был арестован. 1-й раз в молодости, а второй раз около 1938 г., давали ему много тюремного заключенія, но в честь победы немцев<sup>в</sup> в 1945 г. амнистіей всё было отменёно. Он опять возвратился на Урал и опять собрал изрядно всяких книг. Мне было удивительно и озартно, что у него столько много книг, потому что я тоже страстно люблю чтеніе и книги. А он мне говорит: «Это еще какіе книги? А вот когда меня арестовали и все книги забрали, вот то действительно были книги. А после освобожденія таких уже встретить мне<sup>г</sup> не удалось». Сей от[е]цъ // Ефрем написал краткое поясненіе объ обществе, называемом «Климовщина». Зри сіе выше, глав[а] 57. Еще вспоминаются слова сего о[т]ца Ефрема во 2-й части сея книз[у] «Повести чудесныхъ событий» в 53 главе.

л. 31 об.

Далее Никиты Алек[сневича]. Со[те]цъ Ефрем все дни своей жизни шествовал с посохомъ правды С[вя]таго Писанія, на него и опирался и ни на часъ не выпускал его из рук. Его наставленія и вразумленія можно было слышать, как кимвал доброгласный, во всехъ уголкахъ христіанскихъ обитателей Урала... У каждаго, слушающаго его проповедь, пробуждались чувства извиненія Ц[арю] Н[е]б[е]сному, и истекали потоки слезъ умиленія, а если и не у всехъ, то у многих... О[те]цъ Ефремъ нёсъ болезненные труды почти около сорока лет. 1-е. Была поражена нога трафической язвой, вся стопа до половины голени (волосъ называют), которая мало давала ему покою. 2. Трамбосъ вены. 3. Геморрой — расширеніе венъ нижней части кишки в виде узлов, иногда крово-точащихъ, // воспаляющихся и ущемляющихся в заднемъ проходе. 4. Калитъ — частые запоры. И противъ всехъ этихъ заболеваній нужно было вооружить себя терпеніемъ и бдительно охранять душевные границы отъ нападенія невидимыхъ враговъ (демонов).

л. 32

Около 1963<sup>а</sup> года от[е]цъ Ефремъ уехал на жительство в Кемеровскую обл., Таштагольскій р[айо]н, пос. Н[ижний] Сокол. Черноризца Фотинія, которая получила анг[е]льскій чин, накрытие, от о[т]ца Ефрема, в последнее время почти большую часть находилась у него в келье, бывшая его родная сестра, и что требовалось больному, всё исполняла. Откровеніе, которое было видено о[т]цемъ за день до его преставленія, сицевое. М[а]ть Фотиніа зашла къ о[т]цу в келію, положила приходный начал, зажгла свещъ у иконы и стала что-то молиться близъ его постели, чтобъ было удобнее наблюдать за состояніемъ больного, потому что в больномъ была замечена измена в худшую сторону.

<sup>б</sup> на левомъ поле его поясненіе Афанасія Гер[асимовича];

<sup>в</sup> имеется в виду надъ немцами;

<sup>г</sup> вставлено надъ строкой;

<sup>а</sup> дата написана арабскими цифрами;



- л. 32 об. Это было в пятницу в 1-й час дня 24 апрел[я]. // Вдруг он заозирался, таким острым и пронзительным взором стал смотреть, то на иконы, то на м[а]ть Өотинію посмотрит. Потом свой взор устремил в окно, смотрит и спрашивает м[а]м[ь] Өотинію: «А какіе там на огороде сидят три ч[е]л[ове]ка?» М[а]м[ь] Өотиніа спрашивает у него: «А эти люди что говорят?» А о[те]ць уже крайню ослабевае, мало помолчал, набрал сил и глухо стал говорить: «Один из них говорит: «Кайтесь со слезами о своих грехах и принимайте с[в]я[т]гю вод!»». — «Отченька, отченька, скажи, а второй что сказал?», — спрашивает у него м[а]м[ь] Өотиніа. Он мало помолчал и с большим трудом стал говорить: «Не все войдут в Ц[а]рство Н[е]б[е]сное, войдут богатии». М[а]м[ь] Өотиніа спрашивает: «Какіе богатии, у которых много именія, раздадут его и спасутся?» На эти слова о[те]ць запоматывал головой вправо и влево, как бы возражая, и сказал: «Богатии добрыми делами». М[а]м[ь] Өотиніа хотя видит, с каким трудом о[те]ць говорит, но стремится // ничего виденнаго им не опустить. «О[т]че, а что сказал третий?» После продолжительнаго молчанія он ответил: «Ничего не сказал, только посмотрел на меня внимательно». И после такою виденія о[те]ць стал безгласен и во вторый ден[ь] в субботу в три часа дня преставился 25 апреля, в 7490-м годѣ, на 95-м годѣ от роду. Память его 1 апреля. Преставися тихо, спокойно, воистину «праведнику смерть, яко сонъ». Был в памяти до последняго издыханія и сподобился получить от Б[о]га извещеніе о своей кончине, якоже выше речеся. Тело было очень белое, лучше, чем у живаго, запаху никакого не было. На погребеніи, когда запели «Последнее целованіе дадим», пошел мягкій снег, шол минут 20 и перестал. Когда стали спускать гроб сѣ покойным в могилу, опять пошел недолго снег и перестал. Когда погребли, пошел снег, а ночью шол дождь. И все эти виденія и явленія служат признаком, что отход о[т]ца Ефрема от временной жизни был сѣ разрешеніем. **Дозде Никита Алек[с]иевич**. //

л. 33 об.

### Дополненіе ☩ самовидца

Бе на погребеніи некїи беснми ч[е]л[ове]къ Стефан, бес не давал ему покою, кричал, называль душным и иными ругательными словами. //

— *Собрание ИИ СО РАН, № 7/91-г. Л. 1—33 об. Ксерографическая копия рукописи 1900—1991 гг. Скоротись. Автограф А. Г. Мурачева. Бумага оригинала — тетрадная в линейку (Описание см.: Мальцев А. И., Панич Т. В., Титова Л. В. Рукописи XVI—XX вв. из коллекции Института истории СО РАН. Новосибирск, 1998. С. 230).*

## Том 2

### «Родословна стариць»

л. 1

#### Часть втораа. О старицахъ

##### Глава[а] 1

Древняя<sup>1а</sup> Родословна стариц нам неизвесна, до нас не дошло никаких старых рукописей о ихъ родословіи, но только лишь о последних старицах *от* устных преданій, елика слышаху *от* сожителей ствующихъ, и елика сами видеша старицы м[а]ть Флина и м[а]ть Анатоліа и по нашему прошенію написаша, мы же с ихъ рукописей и *от* повествованія м[а]т[е]ри Акинфы собрахом. И еще к тому достойная памяти некихъ деянія и душеполезныя повести приложивше, написахом; имать же сице.

На Урале, Кунгурскаго уезда, дерев[ни] Кедровки, недалеко *от* реки Сылвы на Зарослой жили старицы около сорока ч[е]л[ове]кѣ, бе у них игуменія инокиня схимница Θεодора, а после // ея инокиня схимница Зинаида, и по ней управляла инокиня Венедикта. И к ним тут пришли м[а]ть Мелетина и м[а]ть Алеѣандра, а потом они переместились в Ялуторовскія пределы Тобольской губернии, к Калмыковым.

л. 1 об.

После инокини Венедикты была игуменія черноризица Акинфа, сѣа бе на управленіи точію 4 года. По смерти ея о[те]ць Нифонтъ вытребовал черноризицу Анатолію Невьянскѣю и сам просил ея, целѣю [не]д[е]лю кланялса до земли, чтобы стала на управленіе сестр. Она зело плакала, *отрицалась от* старейшинства, но потом все же послушалась. Ставили м[а]ть Анатолію игѣменіей, а м[а]ть Павлинѣ келарем, клали на налой и запон келарской; м[а]ть Анатолія была в соборной мантиіе и зело плакала. **И** тут они несколько времени пожили,

---

<sup>1а</sup> слово помечено знаком ~, под тем же знаком на нижнем поле Старческаа Родословна нам извесна, а старицы хотя и имели своих игѣменій, но были под управленіем д[у]ховных о[те]ць, засвидетельствованных в Родословной, и *от* них полѣчали бл[а]г[о]с[ло]веніе; и zde говоритса только обѣ ихъ потомственном пріемстве;

и потом *от* Калмыковых м[а]т[е]ри Анатолія, Афанасія<sup>6</sup> и Алевтина л. 2 пере//селилися в Невьянск к братіям, а из Невьянска переехали на Черную гору, и ту преставися м[а]ть Анатолія в лет[o] 7418, 23 маа. И после ея была игуменія м[а]ть Афанасія<sup>а</sup> и преставися в лет[o] 7432. И по ней бе игуменія м[а]ть Евстолия, сія смиренна бе старица и многосведущая в Божественном писаніи. Любовь бе у ней с вышереченной мат[ерью] Алевтиной, а потом ненавистный враг устроил между ими неудовольствіе, тогда она полтора года не престая молящися сице: «Г[о]с[по]ди, даждь ми терпеніа, Г[о]с[по]ди, даждь ми терпеніа». И по сем паки бысть попережнему любовно. После м[а]т[е]ри Евстолии бысть игуменія м[а]ть Маргарита. По свидетельству мат[ери] Іуліи сія мат[ь] Маргорита, когда была послушницей м[а]т[е]ри Евстолии, келарила целый год, каждый день прочитывала Фалтырь, питалась однажды днем, кромя субботы и н[е]д[е]ли. И по ней бысть игуменія м[а]ть Антониды. //

л. 2 об. **А по** ѿшествіи м[а]т[ери] Анатоліи у Калмыковых поставлена была игуменіей матъ Мелетина вышереченная, а матъ Алезандра была ей помощница. А когда о[те]ць Сава сѣ братией поехали *от* Калмыковых на Чулым, тогда и матъ Мелетина сѣ сестрами туда же переселились. А потом с Чулыма переехали на Парбик, и тут матъ Мелетина преставилась, и по ней бе игуменія матъ Афанасія. По смерти м[а]т[е]ри Афанасіи у них в своей обители управительниц не было и они пришли под управленіе м[а]т[ере] Тавифе Сунгульской. Но зде потребно есть *отчасти* вспомянути и о сунгульских старицах.

На Сунгуле прежде был мужескій м[о]н[а]стырь, воспоминается о нем в 1-й части книги сея, л[ис]т 16, и по сем старцы скончашася, и место опусте. И по некоем времени паки основательницы женскія обители первыя были матъ Фекла и матъ Елена. И тут к ним пришли д[е]вицы едина по одной: Маріа и Анна, сестры мат[ери] Елене; л. 3 Татіана, сестра о[т]ца // Антоніа. Маріа и Татяна накрывались вместе, еч[ан]г[ельскіа] сестры, имена их во иноческом чину: м[а]ть Мелетина и матъ Тавифа. И тут матъ Елена преставися. А по ней бе игуменія сестра ея матъ Мелетина, а помощница ей бе матъ Тавифа, зане матъ Фекла тогда уже от старости изѣнемогаше. А вышереченная д[е]в[и]ца Анна, сестра матъ Елене и матъ Мелетине, перешла къ мат[ери] Еванфіе по приглашенію мат[ери] Валентины и ту наречена бысть во иноческом чину матъ Анатоліа.

<sup>6</sup> имя помечено знаком ˇ, под тем же знаком на нижнем поле л.2 М[а]ть Афанасіа сестра по плоти бе мат[ери] Алевтине, жившей на Дупчесе;

<sup>а</sup> имя помечено тем же знаком ˇ, что и в предыдущем случае;

И потом старицы переселились с Сунгула в деревню Солобоево, отсюда — на реку Танаевку, а потом на реку Тавангу и на Парбик, а оттуда на Безимянку. И во время пребывания их на Безимянке мать Тавифа с сестрами уехали на Дупчес, и ту бысть им игуменія. Во время их пребывания на Дупчесе на Безимянке мать Фекла преставися, а по ней вскоре и мать Мелетина преставися<sup>†</sup>. По смерти же сих оставшіе с Безимянки на Дупчес переселились под управленіе мат[ери] Тавифы и живяху с ней до разоренія обителей<sup>†</sup> на Дупчесе. И после разоренія еще сохранишася // Божіим промыслом останцы пустынножителі, вышереченная мать Анатоліа, бывшая помощница мат[ери] Валентины, с малыми сестрами. А мать Тавифа была вывезена с прочими в заключеніе в 7459-м год[у]. И по освобожденіи, бывшем в 7463-м, м[а]ть Тавифа с послушницей мать Акинфой живяху в Туве, а в лето 7470 пріехала на Дупчес к мать Анатоліе. И тут паки мать Тавифа была за старшую, а уже бе ветхая, а мать Анатоліа помочницей. Ся мать Анатоліа преставися в лет[о] 7474, а мать Тавифа преставися в лет[о] 7475, и тогда осталась семья в сиротстве, и тогда определили послушницу мат[ери] Тавифы, мать Акинфу, за старшую, а мать Поольг<sup>8</sup> ей помочницей. И сия мать Паольга преставися в лет[о] 7478, 26 августа.

л. 3 об.

А вышереченная мать Алезандра с оставшими сестрами по от[в]езде мать Мелетины на Чюлым преселися на Черную гору<sup>а</sup>. И тут мать Анатоліа и мать Алезандра жили неподалеку, были две обители. И когда стала происходить община, тогда не стали с мирянами молить//ся вместе, а отдельно.

л. 4

(Община: в опчихах регистрировались хр[и]стіяне, часовни у них были в зависимости от никоніян, которые владели ими, брали с них подать, давали им колокола на часовни. Регистрація: 1. Внесеніе в список, в книгу. 2. Составленіа перечня, описи всех вещей храма. 3. Запись фактов или явленіе с целію учета, с целію приданіа факту законности).

И тут на Черную гору к мать Алезандре пришла мать Еванфіа, тут была и накрыта. И вышереченная мать Валентина таможе пришла с Чижмы от своих родителей, а отсюда они переселились в Лаю, верст 20 от Нижняго Тагила, из Лаи — на Танаевку, и тут мать Алезандра преставися. И по ней бысть игуменія мать Еванфіа. С Танаевки они переселились на Бись, верст 100 от Лысьвы. И потом в Кольванску тайгу на Таванг<sup>8</sup>, оттуда на Парбик и потом на Безимянку, а отсюда на Моховку (ето речушка впадает в Сымскій при-

<sup>†</sup> на правом поле арабскими цифрами ошибочно в 1950 г., следует в 1951;

<sup>а</sup> на левом поле в Конг<sup>8</sup>рской области;

л. 4 об. ток Колчюм с правой стороны). И тут мать Евванфіа преставися, и по ней бысть игуменія мать // Валентина. С Моховки они переехали на Дупчес, и во время разоренія мать Валентина была с прочими вывезена. И по освобожденіи поживе на Чюне 3 лета и преставися, и похоронила её послушница мать Софія. По кончине мать Валентины и сей пришлось управлять и допокаивать старушек на том же месте, на Чюне, и там семья набралась вся нова. А на Дупчесе после мать Валентины бысть игуменія помощница ея мать Анатоліа, якож[e] выше речеся.

л. 5 Еще потребно воспомянути об одной отросли сей Родословны. У предреченной мать Алезандры на Лае жила с ней вместе мать Елизавета, а потом они разделились: мать Алезандра уехала на Танаевку, а мать Елизавета уехала за Бииск в деревню Ашпанак. И потом тут пришла мать Флина, от нея и получила иноческій чин. И тут мать Елизавета преставися<sup>с</sup>, и по ней бысть игуменія мать Полиженіа, а потом мать Іларія. Сія последи уклонившись от праваго пути, после//дова ученію Завьялова<sup>с</sup>, изменивши монастырскій устав<sup>ж</sup>. И тогда бысть во обители нестроеніе, а потом и конечное разореніе, разошлись кто куда. Мать Іларія так и скончалась в разномысліи в 1969 г. в пределах г. Минусинска. А мать Флина с мать Авсияніей уехали на Урал и там получили от некоего о[т]ца бл[а]г[о]с[ло]веніе на управленіе сестрами. А потом они переехали на Парбик. И тут мать Авсиянія от[ъ]иде от мат[ери] Флины к мат[ери] Мастрадіе в помочницы по приглашенію тоя. Оттуда мать Флина переехала на Безимянку и потом на Дупчес. И тут были три обители в разных местах на притоках Дупчеса с правой стороны: на Малом Тогульчесе обитель мат[ери] Тавифы, на Дунчесе<sup>с</sup> мат[ери] Валентины, а мат[ери] Флины — на острове версты три от обители мат[ери] Тавифы.

л. 5 об. А потом пред разореніем они разделились страха ради преследованія гонителей. А при разореніи и мать Флину с сестрами вывезли в лагеря. По освобожденіи они жили на рек[е] Чюне, а потом переехали на Ону // (Бирюсу) в 1959 г., и тут мать Флина преставися в 1979<sup>н</sup>, а сестры ея и доселе сиротствуют на том же месте под окормлением о[т]ца Маџима.

А вышереченная мать Мастрадия жила у мат[ери] Мелетины вышереченной, которая преставися на Парбике, а по смерти ея при мат[ери] Афанасіи жила отдельно с молодыми. А потом они переехали с Парбика на Безимянку и отсюда на Вороговку, а потом уехали

<sup>с</sup> далее зачеркнуто ошибочно написанное дважды и по ней бысть;

<sup>ж</sup> написано на правом поле;

<sup>с</sup> слово помечено знаком +, под тем же знаком на левом поле Керженке;

<sup>н</sup> на левом поле 1979 г.;

в Туву. И там *мать* Мастрадїа преставися в *лет[о]* 7464<sup>м</sup> го[ду] 19 апреля, память ея 1 апрел[я]. И по ней *бысть* игуменїя помощница ея вышереченная *мать* Авсїянїя. И по сем преселися на реку Чюну в пос[елок] Прилуг.

Глава[а]<sup>к</sup> 2°. О инокине Маргарите,  
с рѣкописи чер[норизицы] Миропїи и о[т]ца Антонїа  
и от повести чер[норизицы] Акинфы.

Инокїня Маргарита бе дщерь по плоти и по д[у]хѣ вышереченной инокине схимнице Зинаиде, сестра же по плоти пред явленою игуменїе инокине Венедикте. Сїя живуши уединено в келїи близ реки Сылвы и хождаше за реку на горкѣ ежедневно три года, кадить етѣ // горку. А чрез реку не бе моста, ни ладїи, а река велика, она же ходящи верху воды, аки посуху. Тако видяху ю ходящую верху воды пред явленїи инокини Венедикта и чер[норизица] Мелетина, бывшая потом игуменїя, и дивляхуся о сем. Инокїня Маргарита жила в болотном месте с пол версты от той горки и заповедавши сестрам, дабы по смерти погребли ю на том месте. В болезни же служаше ей *мать* Мелетина<sup>м</sup> предреченная и допокоила ю. Потом по преставленїи ея, мат[ери] Маргариты, прославишася ея мощи. Умыслиша австрийскїя увести их к себе, и пришедше ношїю, начаша раскапывать. И тогда явися из могилы оболочко, они же устрашишася, мало-мало забросали и ушли. И егда пришли ближнїи жители, видят могилу разрыту и не знают, в чем дело. Последи же, уведавше от своих, что австрийскїе хотели перенести мощи к себе. И тако оставшася на месте. В день ж[е] е[го] години ея 2 ѳюня на могилу // ея собирахуся много народа м[о]л[и]твы ради, идеже и беснующїе кричаху.

л. 6

л. 6 об.

Глава[а]<sup>к</sup> 3°. О м[а]т[е]ри Мелетине

О м[а]т[е]ри Мелетине отчасти сказано было выше: что она допокоила *мать* Маргаритѣ, и что первоначальное ея пребыванїе в пустыне бысть на Зарослой, у инокини Венедикты, и что она поставлена бе игуменїя у Калмыковых, и прочее. О житїи ея отчасти и о кончинѣ поведана нам бывшая ученица ея, а потом игуменїя, предреченная *мать*

<sup>к</sup>-л написано на левом поле двумя строками ниже;

<sup>м</sup> исправлено, в рукописи Меленина;

<sup>н</sup>-о написано на левом поле;

Мастрадїа, яко сїя, рече, зело смирена бе и кротка, и всегда моляшеся Богу, не токмо о сїбе, но и о других, и о умерших; сон же бе ея краток, точїю один час или два.

И тако добродетельно живши, преставися *от* временныя к вечной жизни 21 генвар[я] в лет[о] 7436. И изменися лице ея, и бысть вельми желтосветлое. Во время ж[е] пенїя погребенїя виде некая старица при главе умершїя три с[в]я[т]и[те]л[а]: Василїа Велик[ого], Григорїя Б[о]г[о]слова и Иоанна Зла[ту]ст[а] явльшихся. И тако погребохом ю, а память ея 31 декаб[р]я.

л. 7 По ней же бе игуменїя *мать* Афанасїа. Во обители нашей бе тогда // ч[е]л[ове]къ 12. И по некоем времени мы с молодыми переселихомся далее в пустыню<sup>н</sup> верст седьмь, а старые остались на старом месте. И по прошествїи осми лет прїиде ми желанїе перенести мощи ея со стараго места на новое, во свою обитель. И пойдоша старицы, ископавше ея и обретоша мощи целы и нетленны. И егда идоша с мощами, и еще версты две не довезоша до нашей обители, обонях благоуханїе, и пойдох на сретенїе им, и елико приближахомся, толико более очушах бл[а]говонїе. И с великою радостїю сretoх возлюбленныя м[а]т[е]ре ч[е]стныя мощи. И во время пенїя втораго погребенїя бесныя не терпяще пребывати в часовне, идеже лежаху мощи ея. *От* них ж[е] не точїю тогда, но и по погребенїи всю н[е]д[е]лю бысть благоуханїе. На другїи ж[е] день по погребенїи ея истече миро *от* образа с[в]я[т]аго Василїа Великаг[о]. А *мать* Акинфа свидетельствует, что миро *от* образа шло в день погребенїя 17 апреля.

л. 7 об. ꙗко сей *мат[ери]* Мелетине, и о чудотворной иконе // кн[я]зл Феодора\* и чад его, и о теченїи мира ꙗко предреченнаго образа с[в]я[т]аго Василїа Вел[икаго] м[а]т[ь] Македонїа пишет сице. По входе во обитель первоначалнаго жительства м[а]т[е]рей бе на Юксе, *от* Чульму *от*стоящо яко верст 10, старицы жили 12 ч[е]л[ове]къ, управляеми о[т]цем Савой.

*От* храма м[о]л[ит]вы у них был дровяник, крыша шагов яко 10. Тут нецыи из них правило молились пред иконою с[в]я[т]аго кн[я]зл Феодора и чад его, иже сентября 19 бывает. Икона древлеписменная, складни небольши, на воскресны дни и на празднечны св[я]т[ая] икона невидимою силою преносилась в молебный храм на божницу. А на буднечны дни седмиц являлась в дровянике, где старицы молились правило.

Когда на Чюлыме жих во обители чер[норизицы] Мелетины, откуда-то приезжала д[е]в[и]ца, именем Евдокїа, сказывала: «Когда они сбирались в моленну с наставником, свечи ставили св[я]т[ым] иконам — свѣщи сами о сїбе загорали». Вот какїе люди были древле.

<sup>н</sup> исправлено, в рукописи пустыню;

Через несколько лет о[т]цы и м[а]т[е]ри переселились оттуда в Колыва//нску тайгу, на место, зовомо Средоболотіе, от Двоечаги верст л. 8  
яко 12. Мат[ери] Мелетины обитель бе на реке Двоечага, с ними бе живя и азъ. М[а]ть Мелетина кротка бе в житіи и простодушна, всегдашним упражненіем ея было м[о]л[и]тва къ Б[о]гѸ. По осми летех от преставленія ея пренесли мощи ея нетленны на ино место, верст яко семь, во обитель мат[ери] Мастрадіи. Сіе бысть при нас. Я тканец чина мантіи ея погребальной рвала руками, не могла порвать, крепок бе. Случилось мне во обитель мат[ери] Мастрадіи итти, делом не упомню каким, у них вот что было. Стояла св[я]т[ая] икона древлеписменная св[я]т[ителя] Василія Велик[аго], складни, все его житіе, три листа, листы в четверть, в среднем листе стоит с[в]я[т]и[тель] Василій Вел[икій]; в Великій пост всем молящимся видели — от образа его шло миро, на божницу лилось. Им бы надо тогда в сосудец собрать, а они нарезали новаго холста, намочили, намакали и бумаги листов немного. Немного и мне дали холстинку, хранили мы во с[в]я[т]ыни ящичка много // время, а потом власти у нас нарушили. Письменных выборок было у нас многонько, но за наши грехи сильнїи мира взяли. Дозде мать Македонїа.

л. 8 об.

## ☩ м[а]т[е]ри Афанасїи. Глав[а] 4.

М[а]ть Афанасїа до накрытия была Анисїа, веры никоньянской, из завода Елтарка, верст 10 от Солобоевой. Когда пришла в возраст, была некогда на девишнике у подруги позно вечером. Вышли на улицу прохладиться и увидели: н[е]бо открылось и возсїа неизреченный свѣтъ. Анисїа в то время дала обетъ Б[о]гѸ, что пойду в м[о]н[а]стырь и буду душу спасать. И потом пришла домой, рассказала м[а]т[е]ре своей виденіе и обетъ. М[а]ть ей не припятствовала в етом нисколь, аще и единородна бе дочь. Привезла её на лошаде къ Калмыковым. И тут была игуменія мат[ери] Акинѳа. И ихъ тут долго не принимали, зане никонѳанки. И был обычай во обители таков: ниже // двадцати лет не принимали во обитель. Анисїе д[е]в[и]це было 20 лет, и потом её приняли, а мать её все собиралась перейти в веру и не перешла. л. 9

А Анисїю поставили келарем, проходила добре послушаніе, бе трудолюбива и телом сильна. У мат[ери] Мелетины была племянница Агафїа, и Анисїа с ней жила в д[у]ховной любви, как обои сверстницы молодые. И когда поехали на Чулым, мат[ери] Мелетина, мат[ери] Порфирїа и Агафїа, Анисїю оставляли, она поскорбела и попросила Вл[а]д[ы]ч[и]цѸ, всем помощницу, тогда они её взяли с собой. На Чулыме жили годов 25, тут Агафїа заболела чехоткой, кашлала по всей



ноче, Анисіа любезно служила ей в болезни и никогда не пообиделась на её. Агафіа, по накрытію чер[норизица] Анисіа, преставися на Чюлыме в лет[о] 7403, по рукописи мат[ери] Македонїи — 29 сентаб[р]я, а память ей 5 февр[аля]. Сїа по преставленїи явися своей бывшей сожительнице Анисіе во сне, вся в золотой // парче и в золотом перстне. Д[е]в[и]ца Анисіа спросила её: «Кто тебе даде такое одеанїе?» Она ответила, что м[а]ть Мелетина сїе мне даде; ты у ней проси, и тебе даст. Тогда Анисіе прїиде желанїе получить анг[е]льскїй чин, и наречена бысть по накрыти чер[норизица] Афанасіа. И она сама сказывала о своей жизни пользы ради. М[а]т[е]ре Мелетине была помочница во всем, а по преставленїи ея бысть игуменїя, когда уже жили на Парбике, а на Парбике жили они 20 лет. Мат[ь] Афанасіа всё по хозяйству знала и видела, взыскательна была по закону, о[т]ческїя заповеди опасно соблюдала. О[т]цами была любима ради смиренїя, ибо смиренна бе, себя ставила ниже всех, даже за трапезой сидела на последнем месте и любила молчанїе. Мы когда замолвим, она застукает в стену палочкой: «Тише, тише». Сама не могла ходить, ноги болели зело, пять лет вовсе не ходила. Когда направ//лялись поехать с Парбику на Безимянку, вывезли её на нартах, чтобы потом весной поехать на лодке. И тогда вышли от[цу] Симеон и прочїи вси последнїи старцы и старицы, приготовили лодку и погрузили вещи, только проводить праздник Вознесенїя Г[о]с[по]днѧ и ехать. А мат[ь] Афанасіа была больная, просила, что унесите меня в лодку и я буду на месте. И вот видать, что с ней измена, подали ей С[вя]тых Таин. Когда стали читать Ев[ан]г[е]ліе на литургїи, и она с д[у]шей расталась м[е]с[яца] маѧ 20 ден[ь] в лет[о] 7446, память ей 30 декаб[р]я. В той же день похоронили в лесочке. Был ясен день, и когда стали погребать, внезапно спустился сильный дождь и кадило погасло, и скоро престал. На похоронах о[т]цѧ Симеон кадил, и тут были м[а]т[е]ри Еванфіа, Валентина, Паольга и много мирян.

## ☩ м[а]т[е]ре Късенїи. Глав[а] 5.

Сїа м[а]ть Ксенїа (до накрытия Капетолина) бе богатых родителей, иже живяху в Карматске // селе в Тюменских пределах, девою сущи, чистоту любящу и девство хранящи. Еще в мире живущи, в летнее время кроме обеда и ужны никогда же пияше, в среду и пяток ядыше однажды. И гла[гола]ше она: «Молитьсѧ мне никогда же не надоело». Егда прїиде в пустыню ко о[т]цѧ Саве, и прїа на ся анг[е]льскїй чин, тогда приложи большїя труды ко трудом, пребываше в молчанїи, мало что гла[гола]ше. На церковней службе мало седяше, на кафизмах одну славу посидит, а две стоит, ето мы сами видели. Ноги у ней были отекише от многого

стоянія и больны зело, и мокрота шла, но она не радяше о том, чтобы пользоваться, говорит: «Ладно, все равно умирать». Летом трудящися на жатве и на всякой работе, за трапезу сядет, только и пїеть *от* дневной жажды. После *отпусту* сначала молилась акафист, а потом правило с вечера все до конца. Когда я видела её плачущую, вопрошах: // «Что, л. 11  
мати, тако плачеши?» Она же *отвещеваше*, гла[гола]ше: «Дорогая сестрица, помыслы бїют, что не будет тебе никакого воздаянїя за сїе». И более вооружашесь горячею м[о]л[и]твою и теплыми слезами, молящися с несытным желанїем. Поживши не более 5 или 6 лет в пустыни, потом *мат[ь]* Афанасїа *отделилась* с молодыми послушницами подалее в пустыню, а м[а]ть Ксенїю оставили со старушками, ч[е]л[ове]къ 7. Она этого не желала, чтобы быть начальствующей, и вот сказала: «Матушки меня оставили старшой, это мне зело тяжко бремя носить, а я буду Б[о]г҃ молиться, и Г[о]с[по]дь не оставит мя своим м[и]л[о]с[е]рдїем». И нача повсеночно молитися, и Г[о]с[по]дь услыша ея, посла вестника, заболела. В болезни говорила: «Жалко мне, что я не намолилась и не начиталась». Призвали о[т]ца Мину, исповедася и причастися С[в]я[т]ых Таинъ, и тако преставися в вечную жизнь 12 апрел[я] 7441 лет[а], а память ей 27 окт[об]р[я]. После *мат[ери]* Афанасїи поживе один м[е]с[я]цъ. Дозде *мат[ь]* Акинфа. //

## Глава<sup>р</sup> 6<sup>с</sup>. Г҃ старихахъ.

л. 11 об.

### Съ рѣкописи *мат[ери]* Македонїи.

#### Сказанїе старицы Аркадїи Нижнегородскїа.

Марїа д[е]ва лет 40 поживе в монастыре, зовомом Игнатиев\*. *От* туду часто гостила в монастыре, где ныне рядом погребены 50 инокинь-схимниц и 8 инокинь, в живых бывшим им тогда. Старица Аркадїа послежде бе тамо и виде место, идеже м[о]н[а]стырь бе. Гряд при м[о]н[а]стыре бе 30 и точию борозды знатко, колодцы, пряслицы — куча и согниша уже. Трудяхуся бо ся зело по писанному, тако очерѣдно по десятски. Послежде же последователи Никоновы разориша и постницъ по 4 и по седми в дельвы\* вложивше, посмоливше, умориша, а иных пожгоша в дельвех смоляных.

Инокїя схимница Маргарита обмирала и вопрошающим ю сестрам и много нудящим глаголати, где бе, что виде, ничтоже рече, // точїю се: л. 12  
«М[а]т[е]ри мои, м[а]т[е]ри, имейте любовь, смиренїе и послѣшанїе». И паки аще вопрошаху ю, что виде, и паки тоже повторяше умильным

<sup>р-с</sup> написано на левом поле двумя строками ниже;

гласом и непрестанно плакаше, яко и ланите ея изгниша *от* слез. Егда же о раи вопрошаху, святяшеся лицем, аще *ж[е]* о муках, изменяшеся, и бяше темна виденіем, и плакаше горько, ничто же глаголя.

Инокія Капеталина. Бе м[о]н[а]стырь женскій близ Москвы благочестив, над ним же змій вертящійся виден бысть, потом паде, провалився в монастырь, и абіе пріяша Австрію. Точію тии остаха постницы четыре, змія видевшія, и *от* монастыря изшедше во ино место, скитающеса, храняще бл[а]гочестіе. О сем нам поведа черн[оризица] Анфиса, и *ж[е]* на Яи, *от* Томска недалеко, сказает же и старица Аркадіа (река Юга впадает в Чулым с левой стороны, повеише села Асина).

л. 12 об.

Черноризица Дорофея, иже скончася на Юи // — над сею на гробе ея столп огнен виден бысть, *от* земли до н[е]б[е]си досяжушь на полчаса. В житіи своем словеси не гл[агол]аше, но всегда м[о]л[и]твѣ [су]совѣ во устех ношаше, и сердцем къ Богу внимаше, и Фалтырь чташе. Грамотою не вельми бяше, книги бо другія чести не можаше. 5 лет во иночестве поживе и к Богу *от[ъ]*иде.

Инокіи схим[ницы] Февроніи, инокини схим[ницы] Есфири, инокини схим[ницы] Маргариты, инокини схим[ницы] Хіоніи: сіа огонь влагаше во уста, егда причащашеся.

### СѢ инокине Евгеніе.

Инокія Евгенія в мире бе богата, сія перее последующи церкви Никона патріарха, заблуждаючи с мужем своим, ему же юну умершу, оста вдовствующи, имущи именія многа и рабы, мягко живуши, чай пілше, имея самовар, ничто же ведящи греха, в пространстве хождаше. Б[о]жій же смотреніем таково виде виденіе: зраци м[о]н[а]стырь постниц и в нем игуменію и ино//кини, в нем же повелено бысть ей, вшед, жити. И яко возбну *от* сна, абіе вся рабы свободою дарова. И взят самовар, поеха, повелеваючи слуге, да везет ю в монастырь. Слуга же доеха с нею до своего монастыря (никоніанска[о]), его же знаяше, мня, ико ту внидет в онь г[о]с[по]жа его. Она *ж[е]* *от* рече, г[лагол]ла: «Несть той, в него же ми внити, вези мя во инѣ». И слуга поеха, и яко точію приближахуся к монастыреви, она вспяты возвратитися повелеваше, сказѹючи, не той быти, в нем же хошет та жити. И тако многа монастыри обшед, бысть печален и недоумя, камо ю везти. Она *ж[е]* зрящи на него, негодоваше, сказѹючи, како м[о]н[а]стырь зовом *есть*, и подобіе сказа. «Ужели не веси, — рече, — м[о]н[а]стыря того?» Тогда удивися раб, *от*веща, г[лагол]ла: «Г[о]с[по]же, его *ж[е]* ты сказуеши м[о]н[а]стырь, знаю его и аз, но несть он *от* нашея Церкви». Г[лагол]ла она: «Да что до сего, гряди в него, аз *ж[е]* тамо жити буду». И слуга поеха, // и яко точію при-

л. 13 об.

ближахуся, она, узревши, позна и прекр[е]сти лице, г[лаго]лющи: «Слава Б[о]гѣ, до своего м[о]н[а]стырѣ доидохъ». И отпустивши слѣгѣ, входяше во врата, имея в руку самовар. Г[лаго]лют же, яко игуменія име дар провиденїа, сущи во искусе, яже прїят ю, тако вшедшу, и до дву н[е]д[е]ль стерпе пити оней *от* своего самовару, не чай обаче, но некую траву бл[а]говонну. Потом много беседоваше с нею и поучивши ю, разбиша самовар. И снемше с нея мирскїя ризы, облекоша ю во иноческїа, повелевши жити по всему уставу своего м[о]н[а]стырѣ. Г[лаго]лют же, яко хлеб, тамо ядомый, не вем, как чернѣ<sup>†</sup> бѣше и сыроват, яко недопечен. И не можаше исперва она его ясти, но, помалу ядущи, терпяше. Последи же навиче ясти добре таков хлеб. И дотолика успе в смиренїи и послушанїи, яко всех постниц превзыде и всем бысть на пользу. И добре поживши, *от*<sup>‡</sup>иде ко Г[о]с[по]дѣ ... Родом же бе *от* татар. Сїе пове//да нам старица Аркадія в бытности жизни нашей на Чюльме. Много памяти достойнаго сїа старица повествова, гостящи во обители старицы Мелетины, нам обступльшим ю послушати... Старицу Аркадію неоднократно видели, бе художественна с[вя]тыа иконы низать, на аналои пелены шить шёлками, Апокалипис писать с картинами, и службу править, и пенїе.

л. 14

## Ѓ м[а]т[е]ри Македонїи.

С рѣкописи чер[норизицы] Флены и тоа самыа мат[ери] Македонїи. И *от* повести *от*[ца] Антонїа. Глава<sup>‡</sup> 7<sup>ф</sup>.

М[а]ть Македонїа до накрытия бе Марїамїа Пет[ровна], во младости жила с родителями, они жили в Томских пределах, в Белобородовой тайге. У ней была ревность жить в пустыне, но не знала, куда потти. Она еще в молодых летах уходила в лесѣ тайно *от* родителей, никому не поведала, взяла питанїа и зделала себе келеику в земле. Не знаю, сколь она тут пожила. Потом ея родители и домашнїи пошли искать, нашли // и увели домой. Сїе она сама поясняла намѣ, пишет мат[рь] Елена. А потом не знаю, как она добралась до Чюльма.

л. 14 об.

Пишет она о себе кѣ м[а]т[е]ри Маѣимиле сице: «По приходу в пустыню я жила с м[а]т[е]рю Порфирїей 10 лет в строгом послушанїи, так равно во обители м[а]т[е]ри Мелетины во общей жизни 20 лет, потом на Двочаге 12 лет. Тут и ты к нам пришла, дитата».

<sup>†</sup> на левом поле ржаной. Это слово и слово чернѣ в строке подчеркнуты;

<sup>‡</sup> написано на правом поле;

А иноческїй чин *мат[ь]* Македонїа получила *от* о[т]ца Израїля, а *от[е]*ць Израїль принял иноческїй чин *от* инока схимника Никиты. А о[т]ець Израїль жил в то время в Томских пределах, братиѣ у него много. Грамота у *мат[ери]* Македонїи была зело острая, службу ц[е]рковную она знала, а петь нисколь не могла, на м[о]л[и]твѣ была усерднаа. Писать была гораздая, добро и скоро писала, и вот у ней была ета работа, все время писала, что о[т]ець заставит. Много книг, цветников, акафистов и канонов написала. И писала с великим тщанїем и трудом, как она сама написала в конце // книги Великаго зеркала в выходе: «Сїа б[о]годохновеннаа книга, нарицаемаа Великое зеркало, начата бысть великим тщанїем преписоватися вѣ *лет[о]* 7424 декаб[ря] 15, совершена *ж[е]* бысть великими трудами того же лета апрел[я] 30<sup>то</sup> сѣ книги Зеркала *ж[е]* древлеписменныя»; 367 листов, листы на четверти, 263 главы. Написала *мат[ь]* Макед[онїа] несколько д[у]шеполезных чудесных повестей, иже *от*части обретаются в сей книзе «Повести чудесных событій» в 1-й части в 20-й главе; во 2-й части в 6-й главе: Сказанїе старицы Аркадіи Нижегородскїа, и письма к матѣшке Маѣземиле и *мат[ери]* Софїи, и в 3-й главе о матери Мелетине; и вѣ 3-й части в главах 27-й и 28-й. Еще у ней были написаны чудесныя повести, но не сохранилися, были взяты безбожными в ящике со с[в]ятыней и с различными д[у]шеполезными рѣкописями. «Но к сожаленїю, — известует она к просящему написать чудесныя повести, — подробностей таких повестей, кои имели, н[ы]не не имамы, бысть взято руками сильных мира. Писменных выборок // было у нас многонько, но за наши грехи сильныя мира взяли; мы плакали, что за грехи лишилися великаго добра».

л. 15 об.

Обаче опишу нечто такое. По входе во обитель первоначальное жительство м[а]т[ери]рей бе на Юксе, *от* Чулыму *от*стоящо верст яко 10. И прочая зри выше, лист 7 оборот, гл[ава] 3. И полезных поучительных писем немало написала, и по сїе время хранятся у пустынножителей и мирян ея руки письма душеполезныя. Устно она не могла поучить, но письмо напишет очень полезное и зело попользует.

До старости *лет* писала безѣ очков. Поведа нам о[т]ець Антонїй о ней (ей тогда уже было близ ста *лет*): «М[а]ть Македонїа худо видит, ч[е]л[ове]ка плохо узнает, точїю близ, а пишет без очков». Она ему сама говорила: «Вижѣ свѣтлый клѣбочик, и он мне освещает, егда пишу. Не повеждь до смерти моей никому». *От*сюду показуется яве, яко сподобися благодати Божїа. И о сих дозде.

Мы же возвратимся на прежнее жительство ея на Двоечаге. Во время про//живанїя их там, когда *мат[ь]* Мелетина сѣ молодыми уезжали дальше в тайгу, *мат[ь]* Македонїю оставляли старушек допокаивать, исправлять. Около их жили хр[и]столюбцы Зебзеевы. О сем

л. 16

сама мат[ь] Македонїа воспоминает в писме к мат[ери] Маѣзимиле: «А когда наши старшія с могущими *отделилися* за 15 вер[ст] на Водянку, меня оставили с ветхими во управу. Тогда я видела без старших нам жаль бываемых, Б[о]гъ вестъ. Сия ти описуочи, милая, прости нас, и помолися ко Г[о]с[по]дѣ. А потом мат[ь] Македонїа с прочими старицами и старцами переехали в Енисейскїа пределы и жила с мат[ерью] Евстолїей на Безимянке и на Малом Касу. Пишет она *оттуда* на Дупчес ко старцам сице: «Всеч[е]стнейшим д[у]ховным старцам *чер[норизице]* Тавифе с сестрами и *чер[норизице]* Олене с сестрами кланяемся по нискому поклону, просим *от* вас прощен[їа] и *благ[ословенїа]* и с[вя]т[ых] ваших м[о]л[итв]ь... Ч[е]стнїи м[а]т[ери] Тавифа и Олена, так бы и повидались с вами мы, грешнїи, но слабость наша и хладость к Б[о]гѣ не допушают нас двигаться к вам, простите нас, худых. // А вам Г[оспод]и помози в подвигах достигнуть венцев и почестей на н[е]б[е]си за здешнее оскуденїе потребных, идеже веселящимся житие и богатое воздаянїе награды *от* десницы Вышняго.

л. 16 об.

А здесь худо очень и нельзя жить более *от* находа людей всяких положенїй. Есть пыгатели во овчине, ходят в дома хр[и]стїан с лестию, волцы суще внутрь, во одежде обычной и с брадою, выпрашивают пустынных жителей, ведущїе все наше положенїе и древность. И простые им скажут, а они пишут и шлют высочайшим, и последи что-то *будет* недобро. Бл[а]жен, кто удалился в пустынно местоположенїе и грядущаго зла не узрит. М[а]т[ери] с[вя]тїи и вси ваши юныя трудницы, горящїи к Б[о]гу пламенем терпенїа потребных, добро вам *будет*, живите, готовящеса к н[е]б[е]си изшествїю, и за нас, грешных, помолитесь.

Н[ы]нѣшняго года я болела очень, дней 30 не ела, даже, говорят, обмирала, но не помню. Потом легче стало, и опять пишу. Здесь н[ы]не стариков бл[а]г[о]с[ло]вили наста//вников, у них *нет* ничего, и писать много потребовалось. Простите нас, *греш[ных]*, м[а]т[ери]. Болезнь тяжкаа бе, и смерти чаянїе, и исповеданїе ко образѣ Сп[асовѣ], и что *тут* прїимет ли Б[о]гъ покаанїе убогое и бедное и С[вя]тыхъ Таин причащенїе. Простите Г[о]с[по]да ради нас и благодарите Б[о]га, яко вы со о[т]цами сподобились сожития. Хотя и трудна ваша жизнь, но и награда велика вам почестных даров, и при конце чистое исповеданїе, и С[вя]тых Таинъ причащенїе надежно и несъмнительно. Наше *ж[е]* положенїе и исход *от* телесе слезен во всем. Но помолитесь Г[о]с[по]дѣ о нас, грешных.

л. 17

Ч[ерноризица] Мак[едонїя], ч[ерноризица] Евстол[їя], ч[ерноризица] Акинѣ[а], вам известныя...

Затем Варваре наособицу кланяюсь. Нога болит — мною и на деле бе: шшолокѣ осиновою и тварагу кравїа узолок... ѣтать и бучить в ти-

шине; и на тварог волос\* идет шипко и легче бывает, спасайсѧ. Затем еще особенно шлю поклон возрастшей при мне д[е]в[и]це Маріе Леонтиевне (мат[ери] Маѳимиле), о коей *есть* во мне какое-то сочувствие и по ночам м[о]л[и]твѧю к Б[о]гѧ за ню, чтобы Г[о]с[по]дь помог ей // в подвизе пустынном.

Да особенно шлю приветствіе и поклон Іустине (м[а]т[ери] Іуліаніе), сестре о[т]ца Симеона. Хотя и не видались, но д[у]хом бываем вкупе, наипаче по Агрипине (м[а]т[ери] Алевтине, сестре еѧ). Я же просила за ню молить Б[о]га о ней, когда жили на Двоечаге. А потом услышахом, что Іустина последовала в тихое пристанище ко о[т]цам, и порадовахсѧ д[у]шею со слезами, и прославих Б[о]га зело, Г[оспод]ь ей в помощь подвиг совершить и достигнуть райских обитаній». Дозде *от* писма м[а]т[ери] Макед[оніи].

Еще известует о ней некая старица, гостившая у ней на Кассу малое время: «И когда поехали с Касу,— пишет она,— я ходила к ним последний раз. М[а]ть Македоніа меня провожала и говорит: “Больше к нам не приедешь”. А я хотела еще прійти к ним, и говорю: “Матѳшка, я еще прійду к вам.” Она сказала: “Нет, уж больше не увидимся.” Раза три меня останавливала и все полезное наказывала. И так больше не пришлось повидаться с ней, по еѧ предсказанію, *от* них уехали». Дозде старица. //

Еще пишет о ней некая старица, что мат[ерь] Македоніа была прозорливая, видела благодать над людьми. Некогда у них был гость Іоанн Ѳеодорович, сидел обедал, и она у него над главою видела бл[а]г[о]д[а]ть Б[о]жію». Дозде старица.

Сей Іоанн, по накрытіи *от[ець]* Іовѧ, преставися в пустыни, зри о нем в 1-й части книги сеѧ. Тамо повествуем, якобы не единою м[а]т[ерь] Македоніа видела над ним бл[а]г[о]д[а]ть Б[о]жію. Когда он хотел пояти 2-ю женѧ по смерти 1-ѧ, и мат[ерь] Македоніа увидела его и сказала: «Я у тебя не вижу бл[а]г[о]д[а]ти Б[о]жіа, а то все видела. Они спросили: «Как видела?» Она сказала, что «тень всегда над главою его была, а сечас не вижу».

А потом после раззоренія Дубческих обителей мат[ерь] Македоніа съ м[а]т[ерью] Евстолей жили на Еловой, д[у]ховна[о] о[т]ца у них не было. Просит она *оттуду от[ца]* Антоніа к ним приехать, посетить их, прочитатъ исповедь и попроситъся. Между прочим пишет сице: «Мы, падѧ на землю кѧ образѧ Сп[аса], грехи своѧ со слезами исповедаем и прошеніе просим // ѿ м[ил]о[с]р[е]дїѧ Б[о]жїа и тако с[вя]тыни прїемлем недостоинїи. В Баронїи\* написано: «Аще кто и с[вя]тейшїи былѧ бы, *от* мира сего безѧ исповеди *от*ходить не должен». О сем мы болезнуем и просим вас, о[т]че с[вя]тый». О[те]ць Антонїй ездил к ним вѧ 7465 году, вот тогда она ему и говорила, что «вижѧ светлый клѧб, егда пишу», якож[е] выше речеся.

**И** по сем она ко старцам писала, воспоминает и о *отце* Антоніе: «25 июля был у нас<sup>х</sup> дядя Антоній, радость бе велика, и полезна потреба етого гостя, Б[о]гъ да сп[а]сет всех нас, давый нам познаніе своего прес[вя]таго имени. Июля 30 мы его проводили и остались, желали бы поблизу жить с вами, но воля Б[о]жїя да будет. *От* ваших чернеческих рук читали посланїице, прослезихомся, воодушевляемся, яко спасаемїи до дне суднаго будут; штось рады, что старцы есть, хотя и далеко *от* нас. Пролог, март[а] 21 «О сокровенном м[о]л[а]ст[ы]ре». Тут нам надежда стоит упованїа ко сп[а]сенїю... Вы бл[а]женны, не слышащїи молвы, ваш ум всегда стоит у подножїя кр[е]ста Г[о]с[под]нѧ, ваши // м[о]л[и]твы невозмутимо идѣт кѣ Б[о]гѣ, сатана приближаться к вам не может, ношныя м[о]л[и]твы не допускают к вам врага, не терпя пустыннаго вашего поста... слышно о вас, что многотрудственная стезя ногам — Б[о]гъ вам на помощь...

л. 19

Здесь мы живем 4-е лето нам настанет 12 августа, всем довольны, телесно пищею и д[у]ховно книгами, ето свет и радость. Есть у нас цветнички и немного книг, зело полезны — и не могу до самой кончины растаться с ними. А по кончине надо бы предпослать сіе богатство иночествующим, и не вем — како, но Б[о]гъ управит. Вся жизнь дыханїя нашего в книгах... Я совсем оскудела и оглохла, и мне надо готовиться к смерти.

☩ словес преп[одобно]го Иоанна Дамаскина: «Всегда готова нам скорая помощь Б[огоро]д[и]цы, она и *от* заблѣжденїа отвратит, и к покаанїю возбудит, и в добре наставит, и кѣ подвигам ревность оживит, и в телесных нуждах поможет, *от* болезни исцелит. Чего мы попросим чрез нее у Г[о]с[по]да, ради ея м[о]л[и]твь непременно получим, не туне именуется Заступнице усерднаа // рода хр[ис]тіянскаго. Кто с верою приходит ко с[вя]тым иконам, тот получает великую пользу». Дозде ея писанїе.

л. 19 об.

**И** по сих приехали с Чюны по м[а]ть Македонїю, хотели еѣ на Чюну увезти с Еловой. И она согласилась, собрала котомки, села в лодку — и они заводили матор целых 3 часа и не могли завести. И по сем она сказала: «Видимо, Г[оспо]дъ не благоволит мне ехать на Чюну». И как только вылезла из лотки, и матор сразу же завелся, но она уже больше не сяла. А потом с Еловой паки на Безимянкѣ привезена бысть м[а]ть Македонїа, и ту сконча временную жизнь.

Повествует о ней послушница ея, что м[а]ть Македонїа предсказала о своей кончине. Она сильно хварала и мне сказала, что я еще прозимую и пролетую. Так и случилось: оздравела и еще прозимовала и пролетовала. И после сего я хотела уехать домой, и она мне сказа-

<sup>х</sup> исправлено, в рукописи наю;



ла: «Не ездѣ домой, но клади поклоны и прощайса». И я не поехала. А она перед концом немного время поболела и преставися в тихом спокойном виде 29 // декабря 7475 года, а память ей 17 феврал[я]. Жила всего 108 лет, тело ея покоитса на Малом Касу на Васевской. А писала она все время безъ очков до последней болезни, хотя и помалу, но писала. Кротка и смиренна была в житіи, себе уничижала во всем, ризное украшеніе не любила, носила одеяніе простое и немногоценно, но и не худое. Была zelo молчалива, только что спросиш — *ответит*. Всем была образ добродетели. Терпеніе у ней было великое, ей все было добре. Была у ней послушница. Бывало, м[а]ть Македонїа скажет ей: «Холодно, надо печьку затопить». Послушница *ответит*: «А мне не холодно», и так не затопит. Хлебъ пекла чрез две н[е]д[е]ли, никогда маконьким хлебом не попитает. Или скажет: «Мат[ь], свари мне киселька». Она наварит много, и он прокиснет. Но много ли она поест? Или кто принесет что-нибудь м[и]л[о]ст[ы]ню, не даст поестъ ей, *отнесет* в лес или закопает. Сїе поведѣ м[а]ть Серафима, она немного гостила у них. На трапезе иногда хлеб // не положит ей, а только варево или ино что, а когда только один хлеб без прихлебки. И она питалась, что поставлено, никогда на свою послушницу не обиделась, а все еѣ хвалила: «Добрая матушка». Вот какое у ней было терпеніе. А когда послушница похоронила м[а]т[ь] Македонїю, тогда хватилась, заплакала, что «я матѣшкѣ Македонїю заморила».

Еще поведѣ Агрипина Симоновна Кузнец[ова] о м[а]т[ери] Македонїи: «М[а]ть Македонїа, когда еще жила на Безиманке во время немецкой войны, то предсказала послушнице м[а]т[ери] Евстолиѣ, говоря: «Вари больше варева, сегодни к нам прїидет Агрипина Сим[оновна]». Ето было с утра, и вот потом стал вечер. Говорит мат[ь] Евстолиа: «Матѣшка, а достану варево, так как гостыя не пришла». Матѣшка *ответила*: «Нет, не вынимай, еще подожди, день еще не кончилса». «И я, — говорит Агрипин[а], — пришла к ним уже ввечерѣ, сѣ огнем». При встрече мат[ь] Евстолиа ето об[ъ]яснила ей. Ето было в лето 7451. А во время скончанїя м[а]т[ери] Феклы, // м[а]т[ери] Мелетины и м[а]т[ери] Елены Агрипина Симоновна слышала запахъ покойником и говорила домашним: «Кто-то у стариц преставился, мне слышится запах с ихной стороны». А растолиа было 2 версты. «Когда, — говорит, — пойду в ихну сторону, тогда пахнет, а как пойду от них — не пахнет». Я спросил: «А если пахло покойником, то наверно был запах неприятный?» Она сказала: «Нет, наоборот, пахло оимилном и обеденным приятным запахом». А носѣ у ней ничего не чюл, и другим етого не чюлось запаху.

<sup>11</sup> на правом поле мелким почерком Афанасій;

Еще сказывала мат[ь] Евстоїа (послушница мат[ери] Макед[онїи]) о себе, что «некогда я задумалась в себе во время келейных м[о]л[и]твы, и думаю: “вотъ бы поехать к своим родственником и поучить бы их на путь спасенїа”. А матушка Македонїа тоже молилась близ меня и говорит мне: “А спросить тебѧ, сама-то ты что знаешь?”» Еще мат[ь] Евстоїа поведѧ: “Когда мат[ь] Македонїа престависѧ, то лице у ней изменилось и стало как у девятнадцати//летней девушки”».

л. 21 об.

### Из писем мат[ери] Макед[онїи] избранн[ы]е слова.

Тѧ достоин водворятисѧ, идеже незнаемство и безчестїе, и оттуду бѣгати, идеже честь и слава, жити, где ни един человеческїи глас. Ничто же тако д[у]шѧ очищает и в первообразное приводит, яко ж[e] пустыня и безмолвіе. Любяи быти со Х[рист]омъ, любит одиночество, любяи ж[e] быти со многими, сей друг есть миру. Видимость мира сего много вредит, даже и словеснейши умъ. Д[у]ша, любящая Б[о]га, о Б[о]зѧ едином покой имать. Имей прикуп жительство изрядна, да обрящещи богатство в день нужды. Бывай ревнитель праве живущим и тех деянїа написуй в с[е]рдцы. Пребывай в келїи, воспевае своего Вл[а]д[ы]кѧ, подобисѧ херѧвимом. Варлет нас Б[о]гъ всюду, токмо еже похотети нам. Бл[а]годаренїе вмѣняется вместо подвижничества у Б[о]га. Кѧю же радость, который покой не имать, иже себе укоряя, аможе аще пойдѣт, яко ж[e] рече авва Пимин: «Иже себе укоряя, аще что-либо прилучитсѧ ему, или тщета, или безчестїе, или какова-либо скорбь, // предварив имать себе пакости достойна, и николи же смущается. Егда великодушїе с[вя]тых н[ы]не воспоминаем, веруем, яко и они нас воспоминают пред Б[о]гом». С[вя]тїи Б[о]жїи елико часто воспоминаютсѧ, толико бл[а]г[о]дѧть Б[о]жїю в с[е]рдца гл[агол]ющих и слышащих вѣливают. Велика пагуба д[у]шам, идеже правила и окормленїе не жительствоуют, и еже не требовати вожда — последняя беда и окалнство. Аще кїи брат вопросит от нас каковыя либо помощи в слове или в деле, и его не утешим и не поможем, то м[о]л[и]твы наши непрїятны сѣтъ Б[о]гѧ. Во все века и въ нынѣшнїа времена слово Б[о]жїе и заповеди драги паче злата и сладки паче меда и сота; тѣм наше все дыханїе лежит, и радость наша в м[о]л[и]твах состоит, вся жизнь дыханїя нашего в книгах, ето свет и радость. Время настоит злобы, разумевающїи умолкнут и себя скроют бл[а]гополучно от людей. Довольство наше — м[о]л[и]тва к Б[о]гѧ. Лютость злобы, что вредит — точїю виновно венцам. О[те]цъ сам нам говорит: «Прочести оглаше//нїе иноком в Потребнике, и довлеет вам на

л. 22

л. 22 об.

<sup>4</sup> на правом поле помета зри;

спасеніе». Аки недоумевса ѿкѣдѣ, сѣа вам во утешеніе рекѣ. Да како себя увидишь и познаешь, будучи на своей воли, ведь вредна нам свобода. Вниди во общее житіе, и себя увидиш, тут покажут. Ибо много раз бывало, дело делаеш или слово молвиш, кѣ добру мня, а со стороны так подхватят, до того крепко стиснут — бывало, хотя и оплюнеш и оширшивешь, но последи непременно в разѣм смиренія прїдѣшь. Во общем житїи до того бывало тесно, так тесно, что даже тела-то оттиснеш и обрусниш. Вот где пользуетса ч[е]л[ове]къ.

Глав[а]<sup>м</sup> 9<sup>м</sup>. ГѢ м[а]т[е]ри Аннїи.  
С рѣкон[иси] м[а]т[ери] Акинѣ[ы].

л. 23

М[а]ть Аннїа жила в обители м[а]т[ери] Мелетины на Чюлыме и на Двочаге. Мы еа (пиш[ем] м. А.) при о[т]цѣ Савѣ еще застали. Гласъ у ней былъ, многіе говорили, аки гласъ анг[е]ла, умиленной, и пенїю научона zelo добре, и уставную службу знала, иноческїй чин шить могла. Zelo препроста была, даже сестры говорили: «М[а]ть Аннїю не увидишь, чтобы когда гне//валася на кого». А преставилася она у м[а]т[ери] Мастрадїи. Сѣа матъ Мастрад[їя] сказывала о м[а]т[ери] Аннїи, что за три дни до своей кончины м[а]ть Аннїа говорит: «Слѣшайте, слѣшайте, анг[е]ли поют». Сестры сказали ей: «Мы не слышим», и спросили ю: «А что поют?» Она сказала: «Аллилїа поют». И по мале тоже повторила: «Слѣшайте, слѣшайте, анг[е]ли поют». М[а]ть Мастрадїа спросила: «Что поют?» М[а]ть Аннїа отвѣтила: «“М[и]л[ос]рдїа двери ѿверзи нам” поют». Престависа м[а]ть Аннїа 20 декаб[ря], память ея 22 декаб[ря].

ГѢ м[а]т[е]ре Маргарите. С рукописи м[а]т[ери]  
Акинѣи и от повести м[а]т[ери] Тарсилы. Глав[а] 10.

л. 23 об.

М[а]ть Маргарита (до накрытїа Макрина) родиса в 7419-м году в деревне Бол[ьшие] Кусты Усинского р. Пермской обл. 18 лет в пустыню последовала в 7437 году к м[а]т[е]ре Афанасїе на Парбик. Полѣчила иноческїй чин от о[т]ца Мины 22-х лет в 7441 год[у]. «Мы с ней вместе получили бл[а]г[ос]ловенїе иночества (пишет мат[ь] Акинѣа). Она была здана мат[ери] Афанасїе, // проходила послушанїе, работу всякую могла работать топором. Грамотой была не быстра, точїю Фалтырь читала, за то много терпела поношенїя и досады. Потом, когда переехали

<sup>м-м</sup> написано на левом поле;

с Парбика на Дупчес, тут она жила в послушаніи у *мат[еру]* Евгеніи до раззореніа. А во время раззореніа в 7459-м год[у] их вывели с прочими из пустыни и осудили в трудовые лагеря<sup>3</sup>. М[а]ть Маргаритѣ съ иными увезли на север за Уральские хребты на окраину Европы (в Коми АССР Кожевинскаг[о] р-н[а]). И там она находилась в одном месте съ *мат[ерью]* Трифеной и съ м[а]т[е]рью Тарсилой».

Сія *мать* Тарсила повествует о ней сице: «Тамъ в женском лагере в четвергом *отделеніи*, где мы находились, было около 3 000 ч[е]л[о]в[е]кѣ, люди были разных вер. Тут м[а]ть Маргарита трудилась на обчих работах. В праздники не работала, аще и принуждаема бе, и наказуема тюремным заключеніем. Воздержавшися *от* всяких плотских удовольствій, в баню мыться не хождаше, варево<sup>3</sup> суп // не вкушаше, зане с мясом бе, а принимаше хлебъ<sup>3</sup> точію да кашу и малую часть рыбы, иноческий чин всегда имуще на себе. И по некоем времяне впаде в болезнь. Боляше 12 дней, воспаленіе легких. Великое стараніе имяху врачи о ея исцеленіи, но ничтоже успеха. Она всегда собиралась домой и говорила определенно, что “мы скоро все домой поедем, нас всех *отпустят*”. Во время болезни все слышалось ей пеніе о[т]т[о]в и м[а]т[е]рей. Преставися в вечную жизнь м[е]с[я]ца *март[а]* 21 в *лет[о]* 7462 на субботу ноцію, память ей 19 іюля. Лице ее было светлое, и когда средили ее в чинъ, тогда весело осклабися и тако лежаше в веселом виде. Даже сама начальница лагеря сказала: “Весело пошла, видно, заработала”. Подобно сему и старейшая врачей докторица рекла: “А еще не видала таких покойниковъ”. Когда она была вынесена в больничной колидор, где лежала полторы сутки, тогда тут множество людей // к ней ходили, и молились всяк по-своему, кто как мог, и целовали ея. А им възбраняла его делать, потому что они с нами веры не одной, а они *отвечали*, что она ведь *от* сего не погрешит. Зделали ей кр[е]стъ по прошенію нашему, но неправильно, и мы попросили их поправить его по-хр[и]стїански, и они поправили и покрасили его, также и гроб красили желтой краской. А потом в воскресеніе утром, когда повезли её из больницы в санях, тогда многочисленный народ за ней пошли толпой до вахты, и тут также люди у неё толпились, как и в больнице. И потом уже под вечер положили её на машину, и народу столько сяло провожать её, сколько могло вместиться. И тако увезоша ю на кладбище, и погребоша, и поставиша на могиле ея кр[е]стъ.

л. 24

л. 24 об.

Воистину достойно удивленіа, како прославляет Б[о]гъ прославляющих Его, *икож[е]* прослави рабу свою, вдохнув такое бл[а]горасположенное чувство народу, еже почтити кончину ея. // Сколько было тут умерших, и люди никого так не провожали, ни к кому не собира-

л. 25

<sup>3</sup> исправлено, в рукописи ворево;

лись и такой почести не приносили, но смотрели на них с отвращеніем как на чюжих, странных и иноверных. Та же и власти никого из них не почитали, кр[е]сты им *делать* не разрешали, но призирали их как осужденных. А здесь было наоборот, сердечною любовью как магнитом всех привлекало к ней. Также и власти почтили её, разрешили сделать кр[е]сть и окрасить, и говорили о ней достойныя памяти слова, и позволили народу проводить ее на машине, вопреки лагерному закону, по которому заключенные не имеют право выходить за вахту, только лишь на работу под стражей по назначенію начальства.

В подтвержденіе сказаннаго приведем препод[обного] Феодора Студита, том 2, стр[а]н[ица] 463, письмо 20, писано в 818 году къ Ипатію о пр[е]п[о]д[о]бном Іаковѣ Исповеднике, сыне по д[у]хѣ, память его 24 марта. // Пишет так: «Если, как ты говоришь, он (Іаковъ) предсказал смерть свою, то и это вследствие подвигов. И если, как ты прибавил, было многочисленно собраніе при его погребеніи, и при том людей знатных обоого пола, то и это служит подтверженіем сказанія, ибо не было бы такого собранія к ч[е]л[ове]кѣ незнатному по плоти, если бы не было указанія Б[о]жїаго».

Еще о м[а]т[е]ре Маргарите, с рѣк[о]мисіи о. А.

В лет[о] 7474 27 ѡеврал[я] въ воскр[е]с[е]ніе м[а]ть Анатолїа советовали съ м[а]м[ерью] Акинѡой о м[а]т[е]ре Маргарите, что она жила в большом поношенїи и укоризнах. Сїе они советовали пред обедом. А после обеда во время отдыха м[а]ть Маргарита показалаь во сне мат[ери] Акинѡе и сказала: «Что вы сейчас обо мне говорили, что я жила в поношенїи?» И сказала: «Естьли бы вы знали, каково там бывает за его воздаяніе, то вы бы обоими рѣками загребали к себе его укорение...» Так и руками показала. //

л. 26

О сѣн҃гльских старицах, о м[а]м[ери] Ѳекле,  
м[а]м[ери] Елене и о м[а]м[ери] Мелетине.

С рукописи м[а]м[ери] Анатолїи и от повести от[ца]  
Антон[їя]. Глав[а]<sup>м</sup> 11<sup>в</sup>.

М[а]ть Ѳекла до накрытия бе Феодосїя. Сия во млодости лет от[ъ]иде от своих родителей къ отцѣ Никону, где жила тогда у него м[а]ть Екатерина, бывшая его сожительница, и дочь их Пелагїя, по

<sup>м-в</sup> написано на правом поле;

накрытію *мать* Полинарія, яже последи бысть игуменія на Сунгдле, близ обители м[а]т[ери] Феклы. Жили они в заводе Касляты, и тут у них д[е]в[и]ца Феодосіа прожила 20 летъ.

А девица Елена, старшая сестра нам съ м[а]т[ер]ію Мелетиной, — пишет *мат[ь]* Анатолѣа, — бывшая возрастомъ лет 17 или 18, ушла тайно от своих родителей изъ заводу Кыштыма во время Великаго поста, 1-й д[е]нь въ п[о]нед[ельник], взяла с собой иконѸ, Фалтырь, лестовкѸ и сарафан. Шла пешком до завода Каслей 20 верст озером, а от Каслей до Сунгдля 12 верст озером. Тут на Сунгуле жила старѸшка Анастасіа, родительница д[е]в[и]цы Феодосіи. И с ней жили // еще 2 старушки. И тут еще жила отдельно старѸшка. Елена к ней попросилась, но она её не приняла. Тогда Елена пошла къ бабушке Анастасіе; когда подходила к етой маленькой келейке, помыслила: «Если не примут, сяду к углу и умрѸ, а отсюда не от[ъ]иду». Тут ей не отказали, она пожила с ними немного, съ н[е]д[е]лю или мало более.

л. 26 об.

По отшествіи еѧ родители, утром воставши от сна, потеряли ее. Сначала думали, к подруге ушла; сходили, поискали — нет негде, д[е]нь, два и далее. Родительница плакала неутешно, она была сильно плачевная и болезненная к чадом, не дает покою родителю: «Искать надо!» 1-я н[е]д[е]ля поста все же прошла; къ воскр[е]с[ен]ію Православіа поехал родитель с другим старичком до завода Каслей ко о[т]цѸ Никону, тут получил известіе, что прошла на Сунгуль молодая гостыя из Кыштыма. Он поехал туда, нашол бегунку и не оставил её, повѣз до//мой показать м[а]т[ере], она уж от печали была в постели. Когда они приехали в Касли къ о[т]цѸ НиконѸ, тут родителя уговорили не возить её домой, и тут она осталася на время, погостила немного. А девица Феодосіа тогда тут жила, и Елена с ней тут подружилась. И объединились они мыслію, согласились вместе отити от о[т]ца Никона на СѸнгдль. Феодосіе тоже причина была ути отсюда, но ее не отпускали. Потом она попросилась у *отца* Никола на Горы молиться\*, они её отпустили. А д[е]в[и]ца Елена уехала домой к м[а]т[ери], немного пожила, утешила м[а]ть свою, и потом её родители не стали более удерживать. Когда Феодосіа возвратилася с Горъ, более къ о[т]цѸ Никону не пошла, но по соглашенію их желанія поехали на Сунгдль. И вот тогда началась маленькая обитель, 5 ч[е]л[ове]къ: Анастасія с двумя старушками, едина от них чер[норизица] ђенефонта, Феодосіа и Елена. И тут сія д[е]в[и]цы получили // анг[е]льскій чин. Феодосію накрывала м[а]ть Глафира, нарекла её чер[норизицей] Феклой, а ЕленѸ — о[т]ецъ Григорій, имя ей не переменилъ. Потом тут к ним чрез некое время пришла д[е]в[и]ца Маріа, по накрытію м[а]ть Мелетина, сестра м[а]т[ери]

л. 27

л. 27 об.

Елене. А по ней чрез год пришла д[е]в[и]ца Татїлна, по накрытїю м[а]ть Тавифа, сестра о[т]ца Антонїя. По них пришла убогая старушка Анастасїя, однорукая, хромая. А по ней мы с Александрой (сестрой *от[ца] Ант[онїя]* и мат[ери] Тавиѳ[ы]) приехали погостить. Тогда мы с ней были еще малыньки, одной было 10 лет, а другой меньше. Потом пришли черн[оризица] Македонїа и д[е]в[и]ца Соломонїа, а потом так и далее более стала прибывать обитель, доходило до 43-х ч[е]л[ове]къ. Духовными делами управлала м[а]ть Ѳекла, а во всех внешних делах управлала м[а]ть Елена. Но и в духовных делах она помогала м[а]т[ери] Ѳекле, могла поучить и словом утешить послушниц в случающихся в большой семье // неустройствах. Бывали случаи, что просиживала повсенощно с требующими помощи в назидательных наставленїях. Бе бо zelo м[и]л[о]стива, пекущая о д[у]шах, хотящих спастися. Не подобает и сїе умолчати ея благоденїе. В поселке Нязи овдовела некая жена и бе zelo бедная (мужа ея власти растрелали за дезертирство), имела малых детей и хотяше их *отдати* в прїют. Но м[а]ть Елена не попусти сему быти, но так сказала, что «вот две д[е]в[и]цы, одна 3<sup>х</sup> лет, а другой было несколько недель, и вот я их возму к себе». А мужескаго пола детей посоветовала взять хр[и]стїаном. И тако избави несколько д[у]шъ от погибели. Меньшая малютка у м[а]т[ери] Елены мало поживе и преставися еще в пеленах, а трехлетняя, та поживе лет 14 и заболела, пред концем ее накрыли, и тако' в чину преставися на Таванге, по накрытїю чер[норизица] Ульянїа. Таково бе попеченїе м[а]т[ери] Елены о д[у]шах ч[е]л[ове]ческих. Всех // она принимала, кто когда прїйдет или прїедет. Жили на дороге, многїе заезжали обедать, всех старалась накормить. ВеликѸ же имела верѸ кѸ Б[о]гѸ и ревность и умиленїе в м[о]л[и]тве. Великїй канонѸ на 1-й н[е]д[е]ле поста без слезѸ не читала. И взыскательна была по законѸ, могла порядок установлять, и все еѸ слѸшались. Имела от Б[о]га дар слова, против еѸ даже и начальство не могли говорить, но умалчивали. (М[а]ть ЕленѸ некогда власти хотели усыпить действием вражїим, но не могли, потомѸ что она всегда находилась вѸ м[о]л[и]тве, и начальник кричалѸ: « У, черношарая!»). Жили мы тут до голодных годов 7430—31—32 все вместе, а потом ради гладу и преследованїя от властей пришлось разѸехаться с СунгѸла большей части семьи, поехали вѸ Тюменскїя краа, жили по деревням, а м[а]ть Ѳекла и м[а]ть Елена с прочими старѸшками остались на месте. Отсюда м[а]ть Елена пишет кѸ разѸселнным посланїе, // его же zde вчинити небезместно есть на пользу чтущим, имущее сиче:

<sup>3</sup> исправлено, в рукописи тако;

Г[оспод]и І[су]се Х[рист]е, С[ы]не Б[о]жїи, пом[илуй] нас. Аминь.

Мир вам, возлюбленные мои дочери и о Х[рист]е д[у]ховныя сестры, отлученныя овчата *от* своих м[а]т[е]рей, и разсеянное мое стадо по всем странам вселенныя, избраницы Б[о]жїи и странницы, повсюду залетныя птицы, не имеюще и своего гнезда, залетевшія за далекія версты на чужїя поля. Не видите превысоких Сонкдльских горъ и Сунгульскаго моря, оставили вы прекрасную пустыню и премилый Сунгульскїй край, а он точно как Едемскїй рай. Вот, милыя мои матушки и девицы, зрите, что грехи наши уготоваша нам. В живности мы разлучились друг *от* друга, лишились совокзпленія неведенія, но увы, горе, на нас навелъ Г[оспод]ъ гнев свой, и кто может утолить и угасить его? Но припадем ко Г[о]с[под]у вси единомысленно и единокорно и принесем Ему покаяніе с теплыми слезами, // да умолим и преклоним Его на м[и]л[о]с[ер]дїе и м[и]л[о]сть, да прострет нам свыше свою всещедрую десницу и прїимет нас, якож[е] блуднаго сына или яко единаго *от* наемник своих, да соберет нас паки во едино совокупленіе. Дорогіе мои, никогда я не думала, что жить мне с вами в разлуке, не желаю *от* вас разлучитися ни в сем веце, ни в будущем, но судьба Б[о]жїа заставляет сетовать. Вторую зиму я сетую по чадах своих, ужасаюся и трепещу за вас, дабы враг вселукавый не посмеялся бы что над вами. Он всегда старается заплати стопы наша и совратить нас с пути истиннаго и низринуть в пропасть глубокую. Дорогіе мои матушки и сестрицы и преизящныя голубицы, вы мои первенцы, сотрудницы и сожительницы, послушайте мене, убогую странницу, вашу м[а]т[е]рь, и настоятельницу, и попечительницу, вы ведь сами хорошо знаете, как я о вас имею попеченіе о д[у]шах ваших, купно ж[е] и о телесных // потребах. Понеже глада ради я наставлена была Б[о]гомъ в ту страну, в которой вы пребываете в настоящее время и преобретохом вам виталище для пропитанія, то прошу вас, мои дорогїе, не лишайте д[у]ховнаго брашна свои души, но питайте их д[у]ховною пищею, сиреч[ь] С[в]я[ты]м Писанїем, и напойте *от* источника слезнаго. Первое вам *от* меня наставленіе и наказаніе: прежде всего имейте страх Б[о]жїи. Аще ч[ел]овекъ имеет в себе страх Б[о]жїи, таковыи вса добродетели стяжати потщится. Мир и любовь да водворятся в вас. Ходите по стопам Вл[а]д[ы]ки Х[рист]а и последуйте Его ева[н]г[е]льскому ученію, понеже Он своими пр[е]ч[и]стыми усты изрек: «Тогда вси познают, яко Мои уч[е]н[и]цы есть, аще любовь имате между собою». Б[о]гъ любви есть, и пребываяи в любви — в Бозе пребывает, и Б[о]гъ в нем пребывает. К тому же имейте смиреніе, терпение и послушаніе. Празднословие, прекословіе и смехотвореніе // опроверзите *от* себе. Старайтесь готовым быти всегда на сретеніе жениха н[е]б[ес]наго, понеже д[е]нь Г[о]с[по]д[е]нь

л. 29 об.

л. 30

л. 30 об.



яко тать в нощи прїидет. Уготовим светильники наша и наполним ея, да не угаснут во время сретенїа жениха съ н[е]б[е]сѣ, да не останем вне чертога Х[ристо]ва, да не услышим нем[и]л[о]стиваго гласа, отсылающа во огнь вечныи грешники, но да услышим м[и]л[о]стивый глас, приглашающъ наследовать Ц[ар]ство Н[е]б[е]сное, его же да сподобимся получитьи о Х[рист]е І[сус]е Г[о]сп[од]ѣ нашем, ему же слава н[ы]не и присно и во веки веком. Аминь.

Шлю я вам м[а]т[е]рній привет, д[у]ховныя мои дочери и сестрицы, притом же шлю свое прощенїе и бл[а]г[о]с[ло]венїе, которое может вас хранить и миловать во вся дни живота и в будущем веце дарует вам безконечное и Н[е]б[е]сное Ц[ар]ствїе; аще не забудите наше бл[а]г[о]с[ло]венїе, то и вы от Б[о]га не забвены будите ни в сем веце, ни в будущем. При сем преклоняю свою малосмысленную // главу и кланеюсь трехкратныя земныя поклоны, потому что сейчас Великій пост, и прошу от вас прощенїа и бл[а]г[о]с[ло]венїе и с[вя]тых м[о]л[и]твѣ, помяните меня многогрешную во с[вя]тых своих м[о]л[и]твах, а надеюсь на ваши м[о]л[и]твы, что могут меня избавить даже и от смерти. Затем поздравляю вас съ Великим постом, желаю вам проводить в д[у]ховной радости и веселїи и бл[а]гополучно встретить светлый день Воскр[е]с[е]нїя Х[ристо]ва, достигнуть красныя весны и испросить у Б[о]га бл[а]гоплоднаго лета, дождать свежих плодов и возвратиться на старое место, воздать Б[о]гѣ хвалѣ о возвращенїи от Вавилона в Сїон, возвратиться от мира в пустыню, от многоволненнаго моря в тихое пристанище.

Тогда и мы с прор[о]комъ Исаѣем возопїем, сїце рекуще: «Возвеселиса пѣстына не раждающаа, расторгни и возопїи не болевшаа»\* и прочаа. Вы подумайте, дорогїя, как нам сейчасъ живется, наверно, скучно со временем приходится, // понеже безчадствуют м[а]т[е]ри, плачет наша обитель и не хочет утешиться, пока не увидит сожительниц, лишившись и м[о]л[и]твенный храм, и с[вя]тыя иконы, умильно зрят ко входу западных дверей и ждут тех поклонниц, которыя вмещались в сем храме и поклонялись много лет тем с[вя]тымъ иконам. Также и древа наша и дубравнїи пустыни преклоняют свой верх и шумят тонким визгом, точно стонут по вас. Горы, и холми, и расселины каменныя, и вся лужная места не ощущают на себе ступанїя ног ваших, сетуют и дряхлуют вашего лишенїя, но только пред ним веселится, тщится паки воспрїяти, аки мати отрочати в недра своя, и припокоить ваши души от странства и скитанїя и разных мирских слышанїй молв и мятежей.

Затем простите, много заговорилась и слишком распространила речь, но ето потому, что я очень опечалена о ва//шем разлученїи, не поступило бы д[у]ховное богатство расточенїю. Вот затем прошу

я вас, мои дорогіе послушницы, вы помните и знайте, что вся ваша жизнь и ваше д[е]вство обручено н[е]б[е]сному жениху, то не мозите солгать в том и преобручитьъ земному жениху, за что и мучени будите навеки безконечныя. А ежели соблюдите обещанная, воспріймете вечная бл[а]гад *от* вседержителевы руки Б[о]жїа, его же и буди всем нам получитьи о Х[рист]е І[сус]е Г[о]с[по]де нашем, емѣ же слава н[ы]нѣ и пр[и]сно и во веки веком. Амин[ь]. Дозде мат[ь] Елена.

Їсюда показуется, какое м[а]ть Елена имела попеченіе о сестрах и с каковым желаніем ждала их возвращенія. Но, к сожаленію, не исполнилось ея желаніе, сестры не возвратились к ней, не позволили им обстоятельства жизни, а пришлось еще дальше убраться в другую страну. Но это переселеніе было уже по кончине м[а]т[е]ри Елены. Заболела она лет // 45-ти, болезнь у ней была на персех<sup>40</sup>, называемая ракъ. Зделали врачи операцію, наказали ей, что нужно берегчись и не петь. Ей облегчило, но она зело любительница была петь, попела, да еще к тому попростыла и опять заболела тою же болезнію близ горла, а *от* шеи и рука правая заболела. Тогда уже врачи *отказались* делать ей операцію. Зимѣ болела в ожиданіи смерти, готовилась ко исходу и попеченіе имела о устройстве семьи. О сем писала к м[а]т[е]ри Еванѣи и м[а]т[е]ре Валентине сице.

л. 32 об.

Г[осподи] І[сусе] Х[ристе], С[ыне] Б[ожий], п[омилуй] н[ас]. Аминь. Дорогіе матушки, наверно, уже конец мне приближается. Прошу вас, дорогие, первым долгом о стаде своем, наставить их на путь спасенія, и устроить их в Танаевских жить, и научить их иноческой жизни и безмолвію. Не оставте их своим наставленіем, остаются ведь сиротами. Я *отхожу от* жизни сея, а матушка Ѳекла *от* старости изне//могает и *от* печали с[е]рдце ея уже тает... Писать не могу... и прощеніе *от* вас испроша, и вам взаимно *от* своего недостатка оставляю прощеніе и бл[а]г[о]словеніе, и в сем вѣце *от* вас разлучаюся, а в будущем что будет, не заручаюся. Надеюсь на м[и]л[о]сть ч[е]л[ове]колюбїа Б[о]жїа, да совокупит всех нас во одной радости и сподобит вечному бл[а]женству... И оставляю вам прощеніе и благословеніе на заповеди Б[о]жїа. И оставляю вам вместо себя матушку Мелетину, а помочницу ей матушку Тавифу, а последовательниц — Аннѣ и Александрѣ, а остальным матушкам и д[е]в[и]цам жить у них в послушаніи.

л. 33

Еще *от* инаго письма кратко той ж[е] м[а]т[е]ри Елены, писаннаго къ живущим в Солобоевой о[т]цѣ Тарасію и матушкам.

Г[осподи] І[сусе] Х[ристе], С[ыне] Б[ожий], п[омилуй] н[ас]. Аминь. Мир вашему спасенію, дорогіе матушки и сестры и предобрый па-

<sup>40</sup> над строкой в круглых скобках въ грѣди;

л. 33 об.

стырю словесных овец о[т]че Тарасіе. Первым долгом посылаю вам свое бл[а]г[о]с[ло]веніе на всю вашу текущую // жизнь, на добрая дела и на вся бл[а]га[я] спянія\*, то же взаимно и от вас требую. И прошу вас, дорогіе матушки и сестрицы — во первых, м[а]ть Вера, и м[а]ть Енаѡа, и Евгеніа — принять от нашего недостойнства, наверно, уже последнее бл[а]г[о]с[ло]веніе в жизни сей, и, наверно, приходит час и время отитти мне от житія сего, и предстати судіи страшному и нелицемерному, и слово отдати о всех делах своих и словесех и помышленіих и о стаде своем. Увы, горе, что воз[гла]г[о]лю и что реку? Неумытен суд срящет мене, неумолимый судія. Но надеюсь на его щедроты и м[и]л[о]с[е]рдіе и на ваши с[в]я[т]ыя и теплыя м[о]л[и]твы, да предстану непостыдна пр[а]в[е]дномуѡ сдѣи и полѣчу простыню\* и м[и]л[о]сть.

И вот теперь вам даю свое завещаніе. Ежели меня Г[оспод]ъ посетит смертным посеченіем, матушку Мелетину поставляем вам в игуменіи. Ежели Г[оспод]ъ изволит, собирайтесь все в одно место на Танаевку, а ежели вам ето будет не по совести, то как вас Г[оспод]ъ направит..... //

л. 34

Дорогіе мои матушки и сестры Вера, Енаѡа и Евгеніа, ежели вы пошли Х[рист]а ради жить, то не место спасает ч[е]л[о]в[е]ка, но ч[е]л[о]в[е]къ место просвещает. Не держитесь за место, а держитесь за ч[е]л[о]в[е]ка да за бл[а]г[о]с[ло]веніе. Бл[а]г[о]с[ло]вено с[в]я[т]о, а не бл[а]г[о]с[ло]вено проклято.

Дорогіе мои матушки и сестрицы, помолитесь за мя, грешную черноризицу Еленѡ, да избавит мя Г[оспод]ъ вечнаго мученія и сподобит мя деснаго стояніа и будущаго бл[а]женства... Пишу дрожащею рукою, не могу. И еще попрошу вас, пролейте теплые слезы и приложите к воплю вопль и к въздыханію въздыханіе, да умолите Вл[а]д[ы]ч[и]цѡ Б[огоро]д[и]цѡ, и она попросит Сына своего, Х[рист]а Б[о]га нашего, да утолит болезнь и даст ми мало время на покаяніе. Вся сестры наша и весь Сунгуль съ веліим воплем вопіют о разлученіи моем от них. Дозде от писма м[а]т[ери] Елен[ы].

л. 34 об.

И тако преставися м[а]ть Елена от временныя жизни в вечную 17 апреля 7435 год[а], память ей 11 июля. И<sup>1а</sup> тогда кто // ее зналъ, все пожалели за нее добродетели.

По кончине м[а]т[ери] Елены и м[а]ть Ѳекла со оставшими переехали на Танаевку, от Тюменя верст 80. М[а]ть Мелетина и мать Тавифа еще жили в Солобоевой после Танаевки и из Солобоевой пое-

\* текст, возможно, неправильно переписан, в исходном тексте предположительно прошение;

<sup>1а</sup> на правом поле м[а]т[ери] Анатоліа;

хали на Тавангу, а *оттуда* на Парбикъ, а *отсюда* на Безимянку. И так странствовали, переселяясь с места на место ради преследованія *от* безбожных гонителей.

Но время уже о м[а]т[е]ре Ѳекле и Мелетине воспомянути и тако закончить слово. Жизнь м[а]ть Ѳекла проводила подвижно, молилась службу уставную повседневною, правило молилась двойное во своей келїи. Часто слышно было моленїе ея с великими слезами и воплем с[е]р[д]ч[н]ным, и в часовне за службой часто плакала. Празно слово и смеха не бе в ней. Нам всегда говорила, когда что запраднословим: «Горе смеющимся, яко тии восплачются»\*. Часто // она плакала и говорила сїа словеса: «Г[о]с[по]ди, хотя бы и у адских врат, только по ету сторону». Писанїе С[в]я[т]ое читала повсегда, когда только выберется время. На Сунгуле жили лет около 30. Когда переехали на Безимянку, тут были последнїе годы и дни ея жизни. Болела часто, были сильныя схватки, и потом разбил параличъ. Г[о]с[по]дъ посетил слепотой, язык отнялся, год была без языка, но в памяти. Когда временем лежит и плачет, спросиш: «почто плачешь, матушка, о грехах?» Она скажет: «Ну», и сама опять заплачет. Тако жизнь ея скончася в моленїи, слезах и во чтенїи Писанїи. Поживе всех лет 95 или более.

л. 35

А м[а]ть Мелетина была м[и]л[о]стива и смиреная. «Ровно не помню, — пишет м[а]м[ъ] Анатолїа, — когда она сказала жестоко, даже у меня жила в послушанїи». При кончине м[а]т[е]ри Ѳеклы она плакала и просила ю, чтобы и ея взяла съ собой. По желанїю ея тако // и бысть: м[а]ть Ѳекла преставися 24 апрел[я] 7452-м год[у], и м[а]ть Мелетинѧ не оставила, и сїа преставися 28 ѳюна того же года, поживе 58 лет, покоятся в одной могиле. По преставленїи м[а]т[е]ри Ѳеклы м[а]ть Мелетина зело тужила по ней. М[а]м[ъ] Ѳеклы не стало, и м[а]м[ъ] Анатолїа ушла к м[а]т[е]ре Еванѳе и Валентине, и впаде в печаль, ово по м[а]м[ъ] Ѳекле, ово на м[а]м[ъ] Еванѳю и м[а]м[ъ] Валентину, как виновных отхожденїю от нея м[а]м[ъ] Анатолїи. И во время печали молилась Б[о]г[о]р[о]д[и]це три полуторницы одну за другой — и Г[о]сподъ дал отраду. Наказывала мне, грешней (пишет м[а]м[ъ] Анатолїа): можетъ когда что-либо слѣчится печальное, тако твори.

л. 35 об.

Когда<sup>6</sup> похороны были матѳшке Мелетине, тогда народу множество было, со всех сторон собрались, удивительно было, как невидимая сила собрала их; пеша шли и на лотках плыли съ Ломоватки, съ Безиманки, съ Мокреков, съ Касѧ. Всех было 70 ч[е]л[ове]къ, и некому было не сообщено. На могиле их кричали беснующїи Евгенїа Се//мушин[а] и девушка Евдокїя Долгих. Еще одна старлица чер[норизица] Елена

л. 36

<sup>6</sup> на левом поле С рѣк[описи] мат[ъ] Македон[и];

жила у нас в боковочке, пошла молиться в часовню, утром темно, и увидела свещу на могиле их, когда стала подходить ближе — свещи не стало. Сіе было в лето 7452 или 53-е. Сія чер[норизица] Елена — бывшая Ефросинья, старушка деда Максима, жившаго на Ломоватской пристани, была больная, покоится на Безимьянке.

Сїи старицы, м[а]ть Ѳекла и м[а]ть Мелетина, на Сѣнгуле были понятїа д[у]ховнаго о временах царства антихриста, тако *от* тамо сущих во младости научишася, но разделу не учиняли с теми, если кто и чювственно понимал. А по приезде на Безимьянку были *от* о[т]ца Симеона перевоспитаны и обращены к древлецерковному понятїю о временах, а прежнее свое оставили. Памать чер[норизице] Ѳекле 29 маа, а чер[норизице] Мелетине памать 1 апрел[я]. //

л. 36 об.

### Глава[а]<sup>в</sup> 12г. Повесть о м[а]т[е]ри Тавиѳе, съ рѣкоп[ису] от[ца] Антон[їа] и м[а]т[ери] Акинѳы.

М[а]ть Тавиѳа до накрытия бе Татїана, родися в лет[о] 7394 в заводе Кыштыме Екатеринбургскаго уезда, родителей благочестивых и боящихся Б[о]га. Тако и воспитана в добром наказанїи и во страсе Б[о]жїи и родительском, якоже[e] подлежащее явит слово.

Понеже родители ея уежали на жительство в Сибирь ради воспитанїя детей, и малютку Татїану увезли году на 6-м, и там проживали 12 лет. А у ея родителя родительница осталась в Росїе, понеже жила в келїи, чер[норизица] Марїа. И когда в Сибири проживали, егда перешло отроковице Татьяне 10 лет, тогда неоднократно родитель ей воспоминал: «Танюшка, если бы мы жили в Росїе, то ты бы пошла или нет къ м[а]т[е]ре Марїе въ келїю?» Она отвечала: «Пошла бы», понеже в Сибири, где они жили, пустынножителей не было.

л. 37

А после 12-летняго проживания в Сибири родители ея паки возвратились обратно в Росїю. Но тогда уже родитель // не надпоминал ей, что поедешь или нет в пустыню, но боялся ей вспомнать, понеже он хорошо знал, что ей не сказать то, что родитель ея желал, а она бы не желала того. А быть может, что сердечнаго желанїя нет у ней, и тогда может не ужиться, и тогда будет от Б[о]га грех, а от людей стыд. Поэтому, видимо, молил Б[о]га, дабы Г[оспод]ь вложил ей желанїе на пустынную жизнь, и тако Г[оспод]ь исполнил желанїе его.

В одно время в мясоед родитель ея уехал в дальню дорогу и ездил целый м[е]с[я]цъ, и приезжая домой, оглядая семью и не виде своей любимой дщери Тани, и вопрошает супругу свою в тревожном виде:

<sup>в-г</sup> написано на левом поле;

«А Таня где?» Она *ответила*: «Нету». И *сим* *ответом* паче встревожила его, понеже лета у ней уже были возрастныя, а время — мясоед. И паче ужаснулся, и паки тревожнее перваго спросил: «А где она?» И тогда поведала, что у ней пришло желаніе в пустыню, и вот приезжал Василій Федор[ович] // из Каслей и говорит, что «мы можем её увезти в келію, потому что мы ездим по сено мимо келіи на виду, точію версты полторы, а всего верст 12 от нас». А до Каслей было ехать 30 верст за лишком. И когда услышал родитель ея, что Таня уехала в келію, от радости заплакал. А почему Таня не дождалась родителя ехать в келію, видимо, тоже поопасилась жить весь мясоед дома, как бы не случилось каково препятіе ея горячему желанію, понеже исполнилось ей уже 18 лет. И поетому нисколь не стала отлагать, попутчик прилучился — и поехала. В келіи сроду не бывала и не знает, какова там жизнь, и старицы незнакомы. А спутник, когда привез Таню домой, и не торопится везти её в келію, потому что родня близка, и говорят, что погости да погости. А она сколь слез пролила о том, что её не везут в келію — и наконец стала действовать самостоя//тельно. В одно время заметила, что коней запрягли, и Татїлна взяла подмышку свою котомочку, вышла, села на сани на бастричок\* и ожидает, когда ворота *откроют*, и боится, как бы опять не остаться.

И вот, когда спутник довез Татьяну Мих[айловну] до келіи, она слезла, а спутник заворотил коней и поехал. А она не знает, как и заходить в келію, не смеет, обычаев и порядков келейных не знает<sup>а</sup>, и как будет проситься. Но старушки увидели в окно, что какой-то ч[е]л[ове]къ под[ѣ]ехал, и вышли встречать, пригласили гостюшку в келію. И когда она зашла в келію, порадовася д[у]хомъ и возвеселиса с[е]рдце ея, сразу же[е] ей поглянулось и далее начала гостить и присматриваться к житію и порядку пустынной жизни. Келїа была на берегу озера Сунгула, а настоятельница у них были м[а]ть Ѳекла и м[а]ть Елена. И тут Татьяна Михайловна до накрытия поживе у них 5 лет, // и получила анг[е]льскій чин от о[т]ца Генадїа вместе съ мат[ерью] Мелетиной, и наречена бысть чер[норизица] Тавифа. 23 лет передана была в послушаніе м[а]т[е]ре Елене и поживе у ней всего 24 лета в полном искренем послушанїи и смиренїи. О[т]цы их редко посещали, понеже жили неблизко. Но м[а]ть Тавифа все свои сердечныя помыслы извещала своей д[у]ховной м[а]т[е]ре Елене. Но по накрытии м[а]т[е]ри Тавифы уже мало пожили в покои, скоро наступил переворот власти, и тогда им пришлось жить в великом страхе и скудости. А семья была 40 ч[е]л[ове]къ, и приходилось по

<sup>а</sup> в рукописи сначала было написано не знает келейных, правильный порядок слов обозначен над строкой цифрами 1,2;

хлеб ездить за сотни верст, хотя сами и присевали, но были неурожай и поетому приходилось *ездить* далеко. А проездов не было, ловили, *отбирали*, арестовали. А поетому опасныя места приходилось ездить ночами, и нередко и хищники нападали и грабили проезжих. И все эти страхи были при них. М[а]ть Тавиѡа хотя еще и юная была л-тами, но // всегда её посылала м[а]т[ь] Елена как искреннюю и надежную послушницу. А естли сама поедет, то нередко с собой брала или одну посылала со инеми сестрами в такія опасныя дороги, потому что м[а]т[ь] Тавиѡа была во всем надежная, и способна на всяко дело, и никогда не *откажется*. Но впоследствии жить на Сунгуле стало опасно, неоднократно уже *прѣзжали зорить*, но Г[оспод]ь не попускал им, и уезжали обратно тщи. И когда стали развозить семью на новы места, в Тюменскія пределы, наперво проводили м[а]т[ь] Тавиѡу в село Журавлево с некоей частію семьи, а иных во иныя места на пропитаніе, а м[а]т[ь] Ѳекла и м[а]т[ь] Елена пока остались на Сунгуле на старом месте. А м[а]т[ь] Тавиѡа из Журавлевой переехали в дерев[ню] Солобоеву и тут жили в келіи на кладбище вместе с м[а]т[ерью] Мелетиной, а семьи было 20 ч[ел]д[ове]къ. И там вооружился враг на м[а]т[ь] Тавиѡу и м[а]т[ь] Мелетину таким образом. // Прїиде к ним из миру погостить некая жена Ксенія молодая и восхотела быть игуменіей. И она подружилась с некоей слепой девицей Акилиной. И эта Ксенія свое намереніе сказала своей подруге Акилине, что «вон как почитают старших матушек — и я их отравлю, и тогда я буду старшая, и меня так *ж[е]* будут почитать». И потом Акилина замысел Ксеньин рассказала мат[ь]шкам, и так у ней ничего не состоялось, мат[ери] побереглись, а потом сговорили Ксенію возвратиться домой и отправили с подарками.

л. 39 об.

И по сем м[а]т[ь] Елена опять уехала на Сунгул и там заболела<sup>с</sup>. А когда у ней увеличилась болезнь, тогда потребовала м[а]т[ь] Тавифѡ к себе, и служила ей до кончины. И тут м[а]т[ь] Тавиѡ[а] похоронила свою д[ух]овную м[а]ть Елену в лет[о] 7435-м. И тогда поехали м[а]т[ь] Ѳекла с м[а]т[ерью] Тавиѡ[ой] на новы места на Танаевку и жили там 4 года.

А когда еще при живности м[а]т[ери] Елены м[а]т[ь] Тавиѡ[а] жила в Солобоевой, тогда сестра ея по плоти, по накрытїи м[а]т[ь] Алевтина, тѣт *ж[е]* // с ней жила в Солобоевой, а когда любезный брат ея поехал ко о[т]цѣ Саве, и м[а]т[ь] Алевтина (тогда еще была не накрыта) вождедела с ним ехать в дальнюю пустыню *от* мирской молвы. Но обаче не решилась ехать самовольно, но решила с[ъ]ездить на Сунгул к м[а]т[ери] Елене на совет. Но м[а]т[ь] Елена не

л. 40

<sup>с</sup> исправлено, в рукописи ошибочно заболела;

посоветовала ей ехать, и она осталась в Солобоевой. А когда ея любезный брат, прѣхавши ко о[т]ца Саве, пояснил о ихней жизни, что близ мира, и тогда от[ец] Сава сказал, что в крайнем случае можно даже и без благословенія ехать из такого соблазна молодым. А потом м[а]м[ь] Алевтина сильно заболела, тогда прѣехала к м[а]м[ери] Оекле на Танаевку и ту скончался. И точію проводили сороковой день, сразу начали советовать о новых местах, потому что время жуткое, мир весь заволновался, кто куда поехали. Тогда вспомнили слова о[т]ца Савы, что молодым близ мира жить бесполезно. Хотя раньше и никогда не думали куда-то ехать, // но сразу надумали, что не примет ли нас о[те]ць Сава под свое крыло попеченіе. И паки проводили м[а]м[ь] Тавиѳ[у], и когда отправляли м[а]м[ь] Тавиѳ[у] на новы места, тогда м[а]м[ь] Оекла и м[а]м[ь] Мелетина дали ей бл[а]г[о]с[ло]веніе управлять семьей и все д[у]ховныя дела. А до сего времени она была помощницей игуменіи по определению м[а]м[ери] Елены, и от сего еще более стала иметь заботу и попеченіе о сестрах. И только м[а]м[ь] Тавиѳ[а] уехала с тремя д[е]в[и]цами, еще не прошло 3-х недель, оставших на Танаевке власти раззорили, и что обрели при них — книги, иконы и вещи — забрали, а самих арестовали, затворили в келіи и 3 дня подержали, и отпустили. А молодых у них не застали, одна была м[а]м[ь] Анатолія, но она сумела убежать. И тогда эти позорные старицы переехали в Солобоеву.

л. 40 об.

А м[а]м[ь] Тавиѳ[а] когда прѣехали к от[цу] Саве, и он приветил их и не отринул, но сказал так, что «не кланяйтесь, Б[о]га просите, Б[о]г управит. И я уже стар, а братія у меня еще молодые, и пешися о вас некому будет. Но вот // меня приглашают на Тавангу и Коргу мои хр[и]столюбцы, я узнаю, возможно, вас примут». И тотчас ж[е] послал спешно одного брата на Таванг прямо тайгой, растояніе было 100 верст, а время уже было осень, Воздвиженіе в дороге. А потому спешно, что м[а]м[ери] Тавифе нужно поспеть к последнему пароходу, возвратиться обратно с результатом и с вестію к м[а]м[ери] Оекле, уже позорным. А когда посланный брат от о[т]ца Савы прибыл на Тавангу и Коргу и передал прозбу от[ца] Савы о старлицах, позорёных и не имущих где приклонить печальную главу, хр[и]столюбцы усердно приняли прозбу от[ца] Савы о старлицах и с любовію пригласили. И с этим успехом и добрым приветом возвратился посланный брат ко от[цу] Саве, и пояснил успех своего путешествія за м[ол]ч[и]твы от[ца] Савы, и известил добрый привет хр[и]столюбцев и приглашеніе. И от[ец] Сава оставил трех молодых старлиц у м[а]м[ери] Афанасіи на время, а м[а]м[ь] Тавифа возвратилась от от[ца] Савы к м[а]м[ери] Оекле и Мелетине с радостью и пояснила им свои успехи в путешествіи и благонадежное обретеніе мест.

л. 41

л. 41 об.



И тогда все порадовались и возблагодарили Б[о]га и о[т]ца Савд, что не оставил ихней прозбы, но попекся, *якож[e]* достояше.

И по сем *мат[ь]* Оекла направили некоторых из семьи с *мат[ерью]* Тавифой на новоселье, в генваре м[е]с[я]це *отправились* в путь, 12 генв[аря] было условлено на некоем месте их встретить таванганским христороубом, и все ето совпало хорошо. Получили багаж (на станц[ии]) и *отправились* с хр[и]столубцами в Пудинский р-н на Корг8. И как только м[а]т[ь] Тавио[а] уехали, м[а]т[ь] Оекла и м[а]т[ь] Мелетина изменили свое намереніе *ехать* к м[а]т[ери] Тавио[е], паче же о[те]цъ Тарасій. А причина сему была такова: ихний близкій и надежный хр[и]столубецъ Фома Абрамовичъ ездил во Владивосток, присмотрел места и начал их приглашать, и говорит, что там *будет* лучше етих мест, куда уехала м[а]т[ь] Тавио[а]. И о[те]цъ Кирил с востока писал письмо им, шипко приглашал их во Влади//восток. И они уже были согласны и туда поехать, но м[а]т[ь] Тавио[а] с попутным ч[е]л[ове]ком послала решительный поклон м[а]т[ери] Оекле и м[а]т[ери] Мелет[ине], говоря: «Пѣскай едут сюда». И с етими словами пріехал той ч[е]л[ове]къ в Тюменскія пределы в Солобоеву ко старицам и передал поклон, что м[а]т[ь] Тавифа заказывала со мной вместе вам *ехать* к ней. И его спросили: «Письмо есть или нет?» — «Нет письма, я пріехал по семью, и вы собирайтесь со мной». И тогда задумались о[те]цъ Тарасій и м[а]т[ь] Мелетина, не знают, что сказать, потому что совсем решили *ехать* во Владивосток, но раззори совет их Г[оспод]ь. И пошли советовать к м[ат]ре Оекле, и говорят: «Вот пріехал ч[е]л[ове]къ от м[атери] Тавио[ы], привез поклон и говорит, чтобы мы ехали к ней вместе с ним». И тогда м[а]т[ь] Оекла, подвизаема Б[о]гом, резонно сказала: «И что еще надо лучше сего, рас ч[е]л[ове]къ пріехал, надо собираться и *ехать* с ним». И так собрались, с ним поехали, и он довез их до Пудина бл[а]гополучно, а с Пу//дина поехали 30 верст на конях и даже до христороубцев не доехали, но прямо с пути повернули в келію *от[ецъ]* Тарасій, м[а]т[ь] Оекла, м[а]т[ь] Мелетина и юнаа послушница Валентина и прочіи, и с багажом. А потом не чрез долгое время, когда услышали, что во Владивостоке, куда хотели *ехать от[ецъ]* Тарасій и м[ат]ри, всех раззорили и прибили, тогда много дивились великому м[илосердію] Б[о]жію, что наредил ч[е]л[ове]ка, ими же вестъ судьбами, *отказал* им туда *ехать*.

И тут они пожили 5 лет, хотя не вместе: одни на Корге, а другіе на Таванге, верст 10. И потом паки начали начальство посещать. И некоторые молодые тут представились, а с некоторыми молодыми паки м[а]т[ь] Тавио[а] *отправились* на Парбик пешком 90 верст, напрем-

л. 42

л. 42 об.

ки тайгой и болотами, под крыло потомства *от[ца]* Савы, к *м[а]т[е]ре* Афанасіе. Их любезно приняли старцы и *м[а]т[ь]* Афанасіа. Тут они пожилы около 4-х лет, и тут стало жить опасно. И паки *о[т]цы* начали розыски//вать места в Енисейских пределах. И по обретеніи л. 43 новых мест, когда стали двигаться на новы места, и паки первым делом проводили *от* стариц *м[а]т[ь]* Тавиѳ[у] съ некѣими послушницами обживать новые места на Безымянке. А поехали на конех зимой, а время было сильно\* опасно, никого никуда не пропускали, даже и простому было опасно пойти, а оне ехали на 3-х лошадях, воза большіе, и восемь ч[е]л[ове]кѣ старцев и стариц. И много за дорогу встретили трудности и опасности, но вся сѣя минули бл[а]гополучно за *о[те]ческія* молитвы.

И тут на Безымянке *м[а]т[ь]* Тавиѳ[а] мало пожила, а когда поехали на Дупчес, то она поехала вперед с некоторыми послушницами, хотя ей<sup>3</sup> предупредил *о[те]ць* Симеон, что там вам будет трудно, да и *о[т]ца* духовнаг[о] нет, но она ни на что ни посмотрела. И когда направились жить на Малом Тугульчесе (приток Дупчеса с правой стороны), тогда и прочіе семейные // стали к ней под[ѣ]ежжать под ея управленіе, потому что она могла управлять. Поведеніем была кроткаа, смиренная и незлобива, трудилась на всякой работе: была первая жница серпом, копала, сеяла и на мельнице молола водяной. Но хотя и трудно по первости было жить, потому что во всем было скудно, а больше всего в пици и одежде, но нещии сестры говорили: «Хотя и трудновата жизнь, но с *м[а]т[ерью]* Тавиѳой и ради Х[рист]а нам кажется не трудно».

По некоем времени Г[оспод]ь попустил нашествію быти врагом Б[о]жїим на Дубческія обители и на близ живущих мирян хр[и]столюбцев, все обители пожгли, а самих старцев и стариц вывезли (кромя малых, возмогших угонзнути\*), некоторых в миру оставили, а прочих по разным лагерям развезли. *М[а]т[ь]* Тавиѳ[а] сначала 16 дней тюремный хлеб не принимала и сперва свои крошечки помалу принимала, а потом и так стала жить на одной воде. // А когда узнали л. 44 власти, что она хлеб не питаетса, и тогда накормили ю нуждею молосным: насильно кормят чрез машинку, во уста вставляють трубку и пускають питательную жидкость. И по сем она стала принимать хлеб, и воду брала кипячону всегда в свою посудинку, а из общей посуды не питалась. А в лагере было режимом не допускали, дабы кто из своих обителей был с ней, но все была одна и поетому ей было трудновато и скучновато бытъ одной в лагере. А в заключеніи *от* аре-

\* исправлено, в рукописи сино;

<sup>3</sup> буква е исправлена в рукописи из буквы и;

ста до освобожденія *от*была 3 год[а] 8 м[е]с[я]ць и несколько дней. А из лагеря выехала в Минусинск и потом в Туву. Хотя там она и в келіи жила, но не в той любимой пустыни, из нея же вывезли власти. При ней были две послушницы, а о[т]цов своих, с которыми раньше жила, там не было, и поетомѸ все время о том плакала, и беспокоилась, и молилась Б[о]гѸ усердно, и // Г[о]с[по]дѸ своим промыслом наредил добраго ч[е]л[ове]ка в помощь им, и пріехали во свою любимую пустыню ко своим о[т]цам, потомству *от*[ца] Савы, во обитель м[а]т[ери] Анатолїи, с которой м[а]т[ь] ТавиѸ[а] жила еще первыя лета пустынной жизни, и *тут* еще пожила 6 лет. Все время радовалась и благодарила Б[о]га, что он не презрел ея плачь и м[о]л[и]твѸ. А всего в пустыни поживе более 60 лет.

л. 44 об.

л. 45

л. 45 об.

И говорит одна послушница ея: «Жила я с м[а]т[ерью] Тавифой 44 года и не видала, когда бы она зашумела на кого или грубо сестру потезала, но всегда с кротостію. Грамотой была не быстрая, она дома в миру выучилась читать только азбуку, вечерню и покойный канон, а прочее училась во обители с большим трудом, грамота плохо давалась, и сего ради много слез пролила, Б[о]га просила. И с Б[о]жіею помощію изучилась читать хотя нескоро, но слова называла правильно без повторенія. Зна//менному пенію научилась и служебный устав добре знала. Молилась она усердно, со страхом и со умиленіем, слезы у ней всегда были близки. Б[о]г[оро]д[и]це полуторницу и анг[е]лѸ хран[ителю] лестовку молилась. А о правиле она шипко заботилась, как бы не оставить. А в последнія годы своей жизни делала запас, к обычному повседневному правилу добавляла несколько лестовок. Часто голова болела и шея, а последи и руки еще пуще стали болеть, но она молиться не попускалась, и зело усердно молилась за умерших, и много поминала покойных, и каждый день читала канон общій за умерших. А пред концем года за два не стала видеть читать, молилась за канон по І[су]совой м[о]л[и]тве, да и прочих заставляла молиться за упокой. А послушниц у м[а]т[ери] ТавиѸ[ы] было 11 старец ей здано, и добре их наставляла на путь спасенїа; 7 уже покойных, а 4 еще // в живых». Писавшая повесть сїю м[а]т[ь] АкинѸа сѸ м[а]т[ерью] Тавифой жила 44 года.

Но и о покойных ея послушницах мало нечто речем. Во-первых — которая преставилась на Таванге чер[норизица] Севастїана. В последний день спросили ю: «Сегодня будешь или *нет* питаться?» А больная *от*ветила: «Какой же питаться, ведь я сегодня буду умирать». Тако и *бысть*, в той бо день и преставися. Вторая послушница — м[а]т[ь] Павлина, преставися на Сьму, о ней писано пространно в 1-й части, 46 глава. Третїа послушница ея — м[а]т[ь] АлександрѸ, о ней писано ниже во главе 18-й. О ней сама м[а]т[ь] Тавифа пред кончиною своею

сказала, что «знайте, что м[а]м[ь] Алеѣандра — великаа чюдотворица». Вот таковы были послушницы м[а]м[епу] Тавиѡы, поставльшей им во образ свою подвижную безвозвратную жизнь. Как она и сама говорила к некоему, просившу рещи полезное слово, за один год до своей кончины // о себе сказала, что «отнеле же пришла в пустыню, Г[о]с[по]дь сохранил, не бывало того в помысле или возвратиться в мир, или инаго коего намеренія, еже прейти во иную обитель, но всегда усердно желала в той обители жить со старицами, к коим пришла первее». л. 46

Но время уже воспомянути о болезнех м[а]м[епу] Тавиѡы. Еще с перваго времени, как она пришла в пустыню к м[а]м[епу] Фекле, открылась у ней сильная головная боль. Если только чуть угар или какой чад, то у ней уже заболит голова, и всегда в постели лежит во время головная болезни, и так тяжело, чуть только изъ ума не вышибает. А вторая болезнь с первых лет пустынной жизни — у ней ноги болели часто, так называемый волос. И редко ходила, что не перевязаны ноги, и все от болячки течет то гной, то кровь. И эта болезнь немалѡ приносила ей скорбь, потому что во своих путешествіях ездила с больными ногами. Третья боле//знь та, что она не могла спать на правом боку, только на левом, более 30 лет терпела эту болезнь, и от сего получилась у ней на левом стегне болячка пролежень. И мало кто знал етой болезни, потому что она мало кому поясняла, но переносила со благодареніем все болезни. л. 46 об.

Затем мало нечто речем и о последней ея болезни, в ней же и представися. Заболела она в четверг в Вознесеніе 26 маа 7475 год[а], а 29 в воскр[е]с[е]нїе от[ец] Антоній пришел с гостями проведовать больную. И тогда еще старицы кое-как привели её в моленну. И тут сказала м[а]м[ь] Тавиѡ[а] мне (говорит от[ец] Антоній), что «я заболела, а тебя нет дома, а теперь слава Богу, буди воля Божія». И паки ю отвели в боковку, но лежать на постеле долго не могла. Да еще заболела у ней нога, и никакого покоя нет, даже и не в силу ей было терпеть. И я, греш[ный], в то время пришел проведовать больную, и она мне пояснила, что все бо//лезни вместе соединились, а больше всего болит нога. И я смотрю, что больная приуныла от невыносимой болезни, и я, греш[ный], сказал: “А почему не привяжите земли с могилы мам[епу] Алеѣандры?” И я когда пошел домой, зашел на могилы читать прощеніе, и они попросили меня взять земли с могилы, и помочили землю, и привязали к ноге, и м[а]м[ь] Тавиѡ[а] стала сидеть спокойно, а когда высохла земля, то начало колоть больную ногу. Старицы размочили сухую землю и паки привязали, а потом и совсем убрали, и после того не поминала, что нога болит. л. 47

22 іюна некая старица легла *отдыхать* и мало забылась тонким сном. И видит во сне м[а]т[ь] Анатолію и м[а]т[ь] Алеѳандра, в соборных мантиях пришли в келію. И кагда стали заходить к ней в боковку, м[а]т[ь] Анатоліа сотворила истово м[о]л[и]твѣ тихообразно и внятно и сказала: «Собирайтесь все к нам, а м[а]т[ь] Тавиѳ[у] почто не переводите, переведите ю к нам». И больше ничего не сказала и повернулась обратно, // а м[а]т[ь] Алеѳандра за ней стояла, ничего не сказала, и когда стала обращаться, точію зглянула на нее и ослабилась, а лице у м[а]т[ь] Алеѳандры зело белое, даже блестящее. И только они пошли, старица проснулась, и быстро соскочила с постели, и побежала за ними, но увидеть больше не могла. А 15 іюла после *отпуста* м[а]т[ь] Тавиѳ[а] взяла меня, греш[ного], за расу, потянула к себе и сказала зело внятно: «Знайте все вы, что м[а]т[ь] Алеѳандра великая чудотворица». И я, греш[ный], спросил: «А как ты знаешь?» Она *ответила*: «Не знаю, как сказать, но точію знайте, что м[а]т[ь] Алеѳандра великаа чудотворица». И эти речи повторила трижды. И после сего сказала, что, быть может, и м[а]т[ь] Анатоліа не меньше, но я про нее не знаю.

Старушки частенько приносили земли с могилы м[а]т[ь] Алеѳандры и клали в кипяченую воду, и эту воду пили все, также и м[а]т[ь] Тавиѳ[е] понравилась эта вода, она даже говорила: «Где у меня Х[ри]с[то]ва-та вода?» А пила // зело мало, а был сильный жар, говорила: «Я помалу пію, не то, что не хочу, я бы крушку выпила, но нельзя, лихотит». А питалась во время болезни зело мало, потому что внутри болело, и пищу не принимало, и лихотило. И так с 26 мая до 10-го іюля все же славу делала, что будто питалась, а с 10 іюля уже *отказалась*, что «мне пищи никакой не носите», и уже сидеть не змогла. 5 раз исправляли в теченіи 60-ти дней ея болезни, потому что болезнь была неравная, но были приступы. Пред кончиною ея едина старица читала акафист за больную пред образом Б[ого]р[од]ицы всем скорбящим радости, пред иконою стояла теплилась свеча, составленная из двух огарышков. И вот старица увидела, что верхній огарышек *стоит* на воздухе против образа, а нижній *отпал* и упал на налой. 24 іюля в воскресніе утром, в доходе 11-го часа, преставился м[а]т[ь] Тавиѳа на вечную жизнь.

И когда опрятали мощи // ея, тогда изменилось лице ея чудно и на удивленіе всем: стало лице светлое и полное, бело-желтоватое, и моложаво, и весело, аки на улыбке губки ужала, так что всем желательнo было посмотреть. И мы после службы пропели положеніе во гроб и занесли в моленну, а после обеда приходили старцы м[а]т[ь] Тимоѳ[ей], м[а]т[ь] Ефрем, и они соизволили посмотреть и подивились честности лица ея. В понедельник погребоша старицы свою любезную м[а]т[ь].

## О исцеленїи. С рукоп[иси] того ж[е] о[т]ца Антонїа.

Ето было в 7476-м год[у].

Поведа нам м[а]ть Филонида: «У меня с Божоявленїя заболела сильно голова, а 9 генваря добывала из ямы картовь, и у меня болезнь добавилась, заболель сильно бок и шея, и не давало согнуться. 4 дня болела, и почему-то на ум не пришло, чтобы попросить покойных матушек. И вот 12 генв[аря] была память м[а]т[е]ри Тавиѳе, и старицы принесли снегу с могилы м[а]т[е]ри Тавиѳ[ы], натаяли и пїют для здоровья. И я спросила // их: «Для чего вы пьете, разве вам тоже охота умереть?» Аки над ними посмеялася неразумно. И у меня тоже приходило на ум, что етой воды попить, ведь у м[а]т[ери] Тавиѳ[ы] тоже болела голова и шея, может, она поможет мне. Но скоро ета мысль закрылась, а пришло неверїе и повернулся помысл: «Да, поди, ничего не поможет». И так в обед не пила, а сестры пили. А вечером хотя и с недоверїем, но обаче попила и не внимала сему, что то попользует. А болезнь-то все время заставляла рукой давить на шее жилу. И после ужена, когда попила, и ничего не заметила от неверїя, что требовать давить шею, видимо, болезнь облегчила, а я ничего не заметила. А когда утром встала, и думаю, почему у меня сегодни ни голова, ни шея, ни бок ни болят? А то каждое утро, как буду вставать, голову едва подыму, шея не воротится и бок не дает пошевелиться. А тут ничего ни чую, и едва вспомни//ла, что вечером попила воды и м[а]ть Тавиѳа, видимо, исцелила. И тагда только побл[а]годарила Б[о]га, и вот уже прошло 4 дни, и болезни не чую».

л. 49

л. 49 об.

Того ж[е] от[ца] Антонїа повесть. 7476 год[а]. Азь, грешн[ый] ст[арец] Антонїй, извещаю во славу Б[о]жїю, 26 генв[аря] в три часа ночи врас получилась во мне боль поперек груди, под левым соском, а под правым еще более болезни. И так по окончанїи своего обычного правила я лег спать, а боль была в одном положенїи. Так же и встал, и отвел утреннюю службу, а болезнь в одном положенїи. И я, греш[ный], призадумался о нечаянной болезни, и то, что в самом жизненном месте, в груди. И прїиде ми во ум испить воды с землей с могилы м[а]т[ери] Тавиѳы с тем упованїем, что за м[о]л[ит]вы м[а]т[ери] Тавиѳ[ы] Б[о]гъ дастъ легче. Даже подходил со стороны и другой помысл, что не надо пить, не будет пользы, но я его не послушал. А ранее сего 12 генв[аря], на память м[а]т[ери] Тавиѳ[ы], я ходил после панахиды и взял земли с могилы. // И тот же час посыпал в кружку етой земли, и налил воды, и поставил пред с[вя]т[ы]а иконы, и начал часы и акафист. И по окончанїи сего пошли обедать, и я, греш[ный], за обедом испил етой смешаной с могилы землей воды. И после обеда по м[о]л[ит]ви Б[о]жїей и за м[о]л[ит]вы м[а]т[ери] Тавиѳ[ы] не

л. 50

ощутил оной нечаяной в груди болезни, и до сего дня, вечера Сретенія Г[о]с[по]дня, 2 февр[аля], слава Б[о]гѸ о всем. Потому написал сей-час воспросившим мя братьям и попросившим записать на память и в славу Б[о]жїю. Даже некое облегченіе и ногам ощутил. И руки у меня раньше побаливали, и когда ходил на память м[а]т[ери] ТавиѸ[ы] на могилу, и там руки и шею понатирал землей с могилы, и тоже получил облегченіе. Б[о]гѸ нашемѸ слава н[ы]нѣ и пр[и]сно и во веки веком, аминь. //

л. 50 об.

### Глав[а]<sup>н</sup> 13\*. О м[а]т[е]ре Алевтине.

С рукоп[иси] м[а]т[ери] АкинѸы и от[ца] Антон[їя].

М[а]ть Алевтина, до накрытия бе Алезандра, младшая сестра от[ца] Антонїю и м[а]т[ери] ТавиѸ[е]. Сїя еще отроковица сущи 9-ти лет во обитель прїиде из Кыштыма завода с подругой отроковицей Анной во время Велик[ого] поста (яко ж[е] о ней воспоминается в сказанїи о сунгульских старицах). Грамоте еще дома начала учиться, б каѸизм[у] прошла. А в обители в малое время стала все книги читать и жертвенник, а потом весь Чалтырь на память изучилась чести и к пенїю научона была добре. Несколько человек научила знаменному пенїю; бе же громогласна. Она сама говорила: «Никогда не устаю петь, более пою — сильнее голос». Глас бо пенїя ея бе позволителен и сладок послушающим ч[е]л[ове]ком, а бесом ненавидим бысть, яко ж[е] предлежащее явит слово.

л. 51

Бысть у них в Солобоевой некая девица Акилина, слепая и бесная. Во един убо праздник во время службы, егда пропела Алезандра обеденную славу по Ев[ан]г[е]лїи, тогда // бесная закричала: «Вот ета хайластая-та расхайлалась, и невозможно переслушать». Алезандра сказала, что «если мало, то я могу добавить», и запела «Помяни нас, Г[оспод]и!» на распев. А бесная в то время бормотала то и другое. И потом взяла подрушник, и свернула его вчетверо, и бросила в Алезандру, угодила прямо в лице несмотря на то, что слепая, но зато бес не слепой. А потом м[а]т[ь] Елена с беснующей ездили на остров ко иноку Авраамїю\* (где покоатса нетленныа мощи инока Авраамїа и инока Иоанна\*, яко ж[е] воспоминается о сем в Ирюмской родословне\*). На лошаде доехали до деревни Шелконоговой\*, а оттуда на остров ходили пешком, силом тянули ю, и к могиле силой подташили, и тут она упала, и начала блевать, и исцелела, и более сего не повторялось.

\*-к написано на левом поле;

Але́зандра телом была сильна, послушанієм тшалива, в скорбех великодушна, могла писать полезныя письма. В рукоделіи бе искусна, пелены и чины шила, деревяныя кр[е]сты вырезала, иконы низала. В м[о]л[и]твах и на пеніи слезныя потоки // изливала, и то было удивительно, что когда поет или читает, глас не изменяет, а слезы по ланитом текут. Все любила уединеніе и безмолвіе, плачь и воздыханіе, имела попеченіе, как бы со врагом братися и взять победу. Зело была бл[а]гоговейна, кротка и тиха, и всех любила, и всеми была любима и почитаема. Хр[и]столюбцы очень желали послушать ея гласа, а наипаче привлекало людей, что она была украшена смиреніем и целомудріем, д[е]вством и ч[и]стотою, могла слушателей пользоваться полезным словом.

л. 51 об.

Некогда потребовалось надпомянуть некоему старцу нечто ко исправленію, и Але́зандра не посмотрела на свою юность, но решила ему о сем вспомянуть, и взяла с собой некую юную отроковицу, пойде к нему в келію, и что требовалось ему ко исправленію, вспомянула ему, и той не оскорбися, но точію почудися, и со удивленіем сказал: «Подумаи ли, что в таком скудельном сосуде такова хранится премудрость», и свою ошибку исправил. Да еще некоей // старейшей старице тоже потребовалось некое вспомянутие ко исправленію, и она не умолче, но вспомянула ей потребное. Не туне она была предусмотрена от м[а]т[е]ри Елены и наречена последовательницей помощницы. Она говорила, что «я зело боюсь, когда будет царство антихристово, не приведи, Г[о]с[по]ди, мне дожить до того времени». И тако по желанію ея не привел Г[о]сподь видеть сих плачевных дней, но своим премудрым промыслом попусти ей впасти в телесную болезнь, и тако пресели ю от болезненныя и многотрудныя жизни в бесконечныи и вечныи покой. Болезнь ж[е] ея начася сице. В ноябре м[е]с[я]це около Введенія послали ю по некоей потребе в деревню Журавлёвку на молодой лошадке: она очень любила коней и за ними ходила, кормила и обучала. И когда уже ехала домой, под[ъ]ехала к линіи, идет поезд, она из саней вышла, подошла держать за узду, чтоб лошадь не испугалась и не кинулась, и как поезд свиснул, лошадь дрогнула, // сбила Але́зандру и потоптала. Сперва была не в чувстве, а потом пришла в чувство и ощутила себя сильно больную, и так болезнь все постепенно умножалась, и силы истощевались, но она духом не изнемогала, сколь могла, трудилась на работах, а потом незамогла делать на общих работах. Во второе лето болезни только ходила по ягоды: ягоды собирает и Уалтырь читает, чрез 5 часов и Уалтырь кончает.

л. 52

л. 52 об.

В сред[у] на 3 н[е]д[е]ли поста получила иноческій чин от о[т]ца Тарасіа вместе с м[а]т[е]рію Павлиной и наречена бысть чер[нори-



зица] Алевтина. В чину поживе 3 м[е]с[я]ца. Она желала поболеть, и когда болела, была в великой благодарности, что Г[оспод]ь послал вестника, и готовилася к исходу смерти. И когда была в тяжелой болезни, м[а]т[ь] Анастасія её спросила, бывшая ея подруга Анна: «Что, тебе шипко трудно болеть-то?» А она только и ответила: «По-моему-то». А сама никогда не стонала. 2 н[е]д[е]ли вовсе не ставала, понимали, а по ночам огонь добывать не велела и караулить // её не принимала, чтобы никого не затруднять. Покараулили только 2 ночи. А с[в]я[ты]ню м[а]т[ь] Фекла подавала ей многократно, в последній раз приняла с[в]я[ты]ню за с[в]тки до кончины. В последнюю ночь ей очень было тяжело, м[а]т[ь] Тавиѳ[а] была с ней. В последній день сказала м[а]т[ь] Маргарите: «Меня сегодня попотчуй». М[а]т[ь] Марг[арита] ответила: «Чем тебя попотчевать?» — «Попотчуй слатеньким». — «А ты ничего не можешь питаться». Но все ж[е] маленько попиталась, и помале помешкала, и сказала: «Позови м[а]т[ь] Феклу, надо прочитатъ отпуст и прощеніе». М[а]т[ь] Тавиѳ[а] ей сказала: «Еще рано, только что полдня прошло». Она сказала: «Отпущу отпуст и буду готова». И в 8 час прочитала м[а]т[ь] Фекла отпуст и прощеніе ей. И после вечерни м[а]т[ь] Алевтина опл[а]тъ сказала: «Призовите м[а]т[ь] Феклѧ». И когда пришла м[а]т[ь] Фекла, она подает ей левую руку. И взяла м[а]т[ь] Фекла, посмотрела у ней руку и говорит, что конец приходит, убирайте подушки и пригото[в]ляйте кадило». М[а]т[ь] Алевтина попросила б[о]городичную лестовицу-полуторницу\*, посмотрела на ню, как её нужно держать, и надела на руку, ознаменовалася кр[е]стом истово и сказала: «Теперь простите Х[рист]а рад[и]», и мы начали с ней прощаться. Тогда видели вси, ту стоящія, что она улыбнулася, а м[а]т[ь] Фекла стала кадить, и запели: «Г, всепетая Мати, рожд[и]шая...», и она вовсе мало поздыхала редко, свещу подали в руку, она хотела ознаменоваться, подняла руку, и рука упала на лице. И м[а]т[ь] Фекла убрала руку, и тако м[а]т[ь] Алевтина преставися 16 іюня 7436 год[а]. Болела 2 года и 7 м[е]с[я]ць, всего поживе 25 лет и 3 м[е]с[я]ца, а память ей 18 мар[та].

л. 53

л. 53 об.

На погребеніе были приглашены соседніе две обители, м[а]т[ь] Таисея и м[а]т[ь] Мастрадїа со своими семейными\*. У м[а]т[ь] Таисеи была послушница д[е]в[и]ца Агафїа 16 лет беснующаа, и у ней все болела голова. И когда пели погребеніе, она не могла стерпеть, упала и ле//жала долго без сознанія, и её закрыли скатертїю. А потом она пришла в чюство, стала спокойно, и от того времени голова не стала болеть. Подали ей распятїе со свещей нести на могилу, и она шла спокойно. Еще было другое чудное событіе: в предреченной обители м[а]т[ь] Мастрад[и] была некаа старушка, у ней болела нога,

л. 54

на ней была рана, 3 года болела. И она пришла на погребеніе со своей свещей, и с ней стояла на погребеніи, а потом останок той свечи взяла домой и затеплила пред образом, помолилась канон за м[а]ть Алевтины, и посем, пока еще горела свеща, покапала *от* нея воскѣ на рану ноги и получила исцеленіе, славя Б[о]га. И *от* радости не дождалася девятин, пришла к нам сказать, что за м[о]л[и]твы м[а]т[ери] Алевтины получила исцеленіе.

Еще когда была в живых м[а]т[ь] Алевтина, говорила: «Мне на телеса положите образ Пр[е]с[вя]тыя Б[огоро]д[и]цы, и на кр[е]сть тоже Б[огоро]д[и]цын образ. // Все так и зделали по ея желанію. Казанскїа Б[огоро]д[и]цы образ стояла низана. Все 40 дней пели понахиду на могиле каждый день, и неугасиму молилися все 40 дней, и всенощное бденіе тоже 40 дней. Семья была 35 ч[ел]о[век]ъ, на всех хватало моленія. «А когда подходили сорочины м[а]т[ери] Алевтины, у нас не было рыбы, проводили меня (пишет м[а]т[ь] Акинѣ[а]) ловить ко хр[и]столюбцам в деревню Коркину, *тут* речка пошла, заводиночки небольши. Мы трое были, небольшим бреднем бродили, и вот нарыбачили шипко хорошей рыбы. Они удивляются, что никогда в этих заводиночках не было столь много рыбы. И *тут* пришла некая почтенная жена, и говорит нам, что это не просто было, но за м[о]л[и]твы м[а]т[ери] Алевтины наловили столько рыбы. И разделили мы рыбу на три части, мне дали девочку пособить нести рыбу домой, растоянїе 3 версты, и когда мы пришли домой, матушки были очень // рады, что Г[оспод]ь послал рыбы на поминки м[а]т[ери] Алевтины».

л. 54 об.

л. 55

## Ѓ м[а]т[ери] Анатолїи.

С рѣкопис[и] м[а]т[ери] Акинѣы и *от* иных. Глав[а]<sup>н</sup> 14<sup>н</sup>.

М[а]ть Анатолїа до накрытїя бе Анна Васильевна, младшая сестра м[а]т[ери] Елены и м[а]т[ери] Мелетины. Еще отроковица суши 10 лет из Кыштыма завода пришла на Сунгул во обитель м[а]т[ери] Ѳеклы с подругой отроковицей Алеѣандрой в Великом poste, *якож[е]* воспоминается о них в повести о сунгульских старицах. В поделїи была искусна, могла с[вя]т[ые] иконы низать, древяны кр[е]сты вырезать, шолком и золотом пелены и чин шить. И *яко* остроумна суши, грамоте была горазда во чтенїи и пенїи, *якож[е]* и Алеѣандра, подруга ея, впоследствии учила и прочих знаменному пенїю. И когда была лет 22-х, болела в тифу очень чежелю, что даже изступала из ума. После сама сказывала, что не могла принимать с[вя]тыню, что не

<sup>л-м</sup> написано на правом поле;

л. 55 об. надо, но с великим трудом, говорит, понуждаю себя. Потом сказала м[а]т[ери] Ѳекле, она посоветовала мне молиться пр[е]п[о]д[о]бному // ВенедиктѸ и с[вя]т[ите]лю Евтихію. И потом стало можно принимать с[вя]тыню за м[о]л[и]твы с[вя]тых. После болезни, говорил[а]<sup>н</sup>, люте страдах от духа хульнаго, целую зиму, и бывши близ отчаянїя. И егда прїиде к нам о[те]ць ИоаннѸ, исповедах ему беду свою, и повеле мне молиться сице: «Кр[е]стѸ твоємѸ поклоняемса, Вл[а]д[ы]ко, и с[вя]тое воскр[е]с[е]нїе твое славим». И егда сице молихся довольно, поклоняющїся кр[е]стѸ Х[р]исто]вѸ, и тогда силою ч[е]стнаго кр[е]ста свободихся от хульнаго беса. Еще говорил о[те]ць ИоаннѸ, когда враг приводит во отчаянїе, говори ему: «А хотя погибшая овца, да всещедраго О[т]ца». Дозд[е] мать Анатол[і]а.

л. 56 А потом пришлось переезжать с Сунгулю старицам в Тюменскїя пределы на реку Танаевку, и там безбожныя власти разорили их. И по сих в 7435 лет[о] после кончины м[а]т[ери] Елены и разоренїя Анна Вас[ильевна] перешла к м[а]т[ре]м Еванфїе и Валентине, и жизнь вовсе переменяла, и точїю к Б[о]гѸ стала прибегать во всех скорбех и паче смиряться, а враг более во//оружаться. А в лето 7437 получила анг[е]льскїй чин от о[т]ца Лаврентїя и наречена бысть черн[оризица] Анатол[і]а. И тут они мало пожили, пошло разоренїе. О[те]ць Лаврентїй уехал за Ёїск, и там его взяли. Старицы переехали с Урала в Сибирь в Пудинскїй район на речку Тавангу. Сначала двое, м[а]т[ь] Валентина и м[а]т[ь] Анатол[і]а уехали.

л. 56 об. О сем многотрудном путешествїи м[а]т[ь] Анатол[і]а пишет сице. Начало нашего выезда из Лысвинскаго р-на в лет[о] 7441-е, весной отправились со станціи Унь Кузнецк\*. Около Кузнецка жили наши хр[и]столюбцы, мы к ним прїехали на квартиру, пожили тут около м[е]сяца, но место тут нам не приобрелось. Мы решили поехать дальше в тайгѸ, где жили старцы и старицы. Из Новосибирска мы сели на параход, взяли билет до пристани Коломина\*. Когда доехали до назначеннаго места, вышли из парахода, направляемся на Дарму и на Парбик\*. Тут на берегу маленькой // базарчик, мы ходим и унываем, как доедем до того места, куда нам надо: путика у нас нету, страна чуждая, люди незнакомы, и хр[и]стїан не видится. Ну, все же решили нанять извозчика на лошадке довести нас до Дармы. Лошадь плохаа, мы просим только увезти наши котомочки, а сами хотим пойти пешком за лошадкой. А м[а]т[ь] Валентина была больнаа.

И вот, когда направились со всем, средились с извозчиком, а ехатъ далеко, около 100 верст, вдруг идет параход, встречный нашему параходу. Смотрим, выходят из парахода 2 ч[е]л[ове]ка, мужчины с бо-

<sup>н</sup> на левом поле м[а]т[ь] Анатол[і]а;

родами, почетныя старички, подходят к базару, мы на них смотрим, и они смотрят на нас. Мы тогда насмелились спросить у них, не знают ли они, как нам проехать на Парбик. Они нас спросили: «Куда едите, наверно, к старушкам?» Мы говорим: «К ним». Они нам говорят: «Вы неладно едите, тут вам не попасть к м[а]т[е]р[а]м. Вам надо ехать // на Парабель, и на Пудино, и на Тавангу». Говорят: «Давайте, садитесь с нами на паракод и ежайте с нами на Парабель, билет возьмите в паракоде». По совету их так мы и сотворили. Когда приехали на Парабель, эти старички помогли нам купить лодку и нашли спутника, и поехали мы вверх по Парабели. Но спутник нам попал не шипко помочник. Хлеба мы купили в Новосибирске печеного немного, нам сказали: «Дорогой лучше кбпите хлеба». А когда мы поехали дальше Парабелю, хлеба вовсе не стало, ни фунта ни купишь: тут люди живут выселенцы, они сами полумертвые от голода, и многя умерли с голода. Мы тогда совершенно обезхлебели, изнемогаем от голода. М[а]ть Валентина больна, у ней рука сильно болела, и питаться нечего, только плачет и плачет, говорит, наверно, придется умирать на чужей стране, и нет верных людей, никто нас // и знать не будет из наших братий и сестр.

Проехали мы около 100 верст своей силой, больше не можем работать. Где купим кринку молока, где кортовочек немного, больше нет ничего. Доехали до какой-то дереvушки, вышли на берег и седим, ждём катера, может, нас подвезут. Просидели двои сутки, а катера нет и поесть у нас нечего. И вот вечером седим и горюем, подходит к нам мужчина и спрашивает: «Вы что здесь седите долго и куда едите?» Мы ему об[ъ]яснили свое горе: едем ко своим, но работать не можем на лодке, обезсилели, и хлеба купить не можем, никто не продает. Он ушел, вечером опять пришел, погоревал с нами и говорит: «Может бы кто продал, да никак нельзя, преследуют». Мы осмелились его попросить: «Если возможно, сотвори м[и]л[о]сть, не дайте нам помереть в дороге». Он говорит: «Вот как потемне будет, люди упокоятся, вы придите ко мне, я живу за деревней в бараке, я вам сколь-ни//будь уступлю хлеба». И когда стало темненько, мы пошли. Потти боимся, и нужда заставляет пойти. Нашли его квартиру, и он нам продал большую булку хлеба, кринку молока и два яйца. И вот, слава Б[о]г[у], пока опять живы.

С этой булкой мы ехали более 100 верст до поселка Старицы. Я по ломотику питалась, а м[а]м[у] Валентина не знаю, чем жила. С нами еще ехала молодая жена к матери в гости в Старицу, говорит: «Я там хлеба добуду». И когда мы под[ъ]ехали к берегу этой деревни, нас встречает милиционер, спрашивает: «Откуда и куда едите?» М[а]м[у] Валентина испугалась и не может что сказать. Женщина

эта выскочила и убежала. Тут мы последни крошечки вытресли из мешочка, и больше *нет* надежды на жизнь. Пошла я в *этом* поселок искать хлеба, вижу, люди сыты, хлебныя, и прошла весь поселок по порядку из дому в дом, просила, молила, но м[и]л[о]сти не полѣчила, л. 58 об. ни продал никто ни единого фу//нта.

Теперь мы оставили свою лодку и пошли пешком вверх по Чузику. Пойти не можем, маленько порвем полевых стручков, гороху поедим и опять пойдем. И вот встречается нам ч[е]л[ове]къ, который с нами ехал, спрашивает: «Вы все еще хлеба не достали?» Мы говорим: «*Нет*». Он нам сказал: «Вот тут есть заимка, вы зайдите, может, тут продадут». Когда мы дошли до заимочки, зашли, видим, люди не голодны, мы стали просить продать нам сколь-нибудь хлеба. Они сначала молчат, мы приступили к ним с большим прошеніем: «Х[рист]а ради, не дайте умереть на дороге». Они нам продали муки фунта 4 да краюшку печенаго хлеба дали. Вот маленько отошли от заимки, стали варить заваруху. Пообедали, слава Б[о]гѣ, и опять пошли вперед°. И опять нам встречается мужчина, мы спрашиваем: «Где бы нам купить хлеба?» Он говорит: «Вот тут не шипко далеко жители Ѡадей Федоровичъ Чукуров, вы к ним зайдите, они люди хлебные, тут, может, купите». //

л. 59 И вот мы тихоньку идем, дошли и до этой заимки, подходим вечерком, маленько начинает дождь. Мы думаем, где будем ночевать? Подошли к *этому* дому, зашли в дом, положили приходныя поклоны, просим м[и]л[о]сти, говорим: «Нельзя ли начевать у вас, не оставте Х[рист]а ради». Они спрашивают: «Откуда вы?» Мы говорим: «С Урала». Они говорят: «Наверно, на Тавангу, м[а]т[ери] Мелетины сестра?» Мы говорим: «К ним едем». Они нас приняли с великим благодеяніем, как своих близких, говорят: «М[и]л[о]сти просим, раздевайтесь», и накормили нас ужином. И мы были рады ихнему привету даже до слез. Утром встаем, и надо нам дальше ехать. Ѡадей Ф. говорит: «Погостите у нас маленько, отдохните с дороги». Мы еще больше возрадовались ихнему приглашенію и н[е]д[е]лю отдыхали у них, сп[а]си их, Г[оспод]и, празновали у них Илїинъ д[е]нь. И потом пошли дальше, поехали по Чузику. Тут уже дорога нам была во всем благополучная, люди, жившія здесь по реке, хр[и]стїаны, они нас наделили всакими продуктами // для питанія. И так последнія версты проехали мы с рабочими без труда и сыты. На Тавангу приехали 1-го августа, вот и слава всемилостивому Б[о]гѣ за вса Его благодеянія, до сих пор живем, хранимы Б[о]гом. Дозд[е] м[а]т[рь] Анатолїа.

л. 59 об.

° исправлено, в рукописи ошибочно впедед;

М[а]т[ь]<sup>п</sup> Аки[н]ѳ[а]<sup>р</sup>. А потом к ним прїехали и м[а]т[ь] Еванѳа с сестрами, и жили они тут с м[а]т[ерью] Ѳеклой, и м[а]т[ерью] Мелетиной, и м[а]т[ерью] Тавиѳой вместе в одних келїах лет около 5-ти, а потом переселились в Красноярскїй край на Безимянку под попеченїе старцев, последователей о[т]ца Савы: о[т]ца Симеона и о[т]ца Антонїа. С[ѣ]ехались тут все обители: м[а]т[ери] Еванѳа и Валентина и наши матери — Ѳекла и Мелетина, м[а]т[ь] Флина и старица Алевтина. И вот тут были дивны вещи, что Г[оспод]ь собрал во едину страну столько обителей, это было в 7447 году. И тут на Безимянке нецыи от стариц отошли ко Г[осп]с[по]дѣ, а оставшія переселялись в Дупчeskїя пределы в 7449 году, а иныя позднее. А м[а]т[ери] Еванѳа, Валентина и Анатолїа с сестрами переехали с Безимянки на рек[у] Моховку.

Сказывала м[а]т[ь] Анатолїа: // «В некое время на Безимянку л. 60 носила часы маленькіе поправить, и когда понесла обратно к м[а]т[ери] Еванѳе, дорогой не пошли, что-то повредила их. Опечалилась, и помолилась пр[е]п[од]обному Венедиктѣ дорогой ношїю, и исправились часы, и пошли в ход. И тут на Моховке они жили все вместе, а потом стали новоселить ввиду опасности. М[а]т[ь] Еванѳа осталась на старом месте, а м[а]т[ери] Валентина и Анатолїа пошли на новоселїе. Тогда м[а]т[ь] Еванѳа сказала м[а]т[ери] Анатолїе: «Ты утешай м[а]т[ь] Валентину, если когда что-либо прилучится ей печальное». А прежде того никогда так ни говорила, как бы подобно ей предсказала, что ведь останитесь сиротами, потребуется утешать одна другую, и тако в конце той зимы м[а]т[ь] Еванѳа преставися.

Некогда прилучися м[а]т[ери] Анат[олїи] отити некамо по некоей потребе и умедлить, то м[а]т[ь] Валентина заботилась и просила ее поспешить, зане в неприсутствїи д[у]ховнаго о[т]ца прощалась у ней во своих недостатках\*, яко ж[е] показу//ется от ея писанїя, каковоe она имела попеченїе о покаянїи. Пишет она: «Прелюбезнаа ми м[а]ти и чадо... ты веси моа скорби д[у]шевные, много бо согрешаю и никому ни поведаю, ожидая твоего прихода. А время не ждет, все течет со скоростїю и к смерти движется. Когда тебя дождусь, не вем. Тако пиша, слезы роняя и прося м[и]л[ос]ти от Б[о]га, дабы скорее сподобил мя видети тя в моем об[ъ]ятїи. Прости м[а], и благ[ослови], и помол[ись]. Дозд[е] ѿ пис[ма] м[а]т[ери] Валент[ины].» л. 60 об.

В лето 7455 м[а]т[ь] Валентина и м[а]т[ь] Анатолїа с прочими переехали с Моховки на Дубчес к м[а]т[ери] Тавифе. Построили им келїи на Керженке, притоке Дупчеса, и тут они жили до раззоренїя, 7459

<sup>п-р</sup> написано на левом поле;

<sup>с</sup> вставлено над строкой;

год[а]. А пред раззореніем м[а]т[ь] Анатолїа с немногими сестрами отделилась на другое место по совету о[т]ца Симеона ради опасности. И тут они Божіим промыслом были сохранены от раззоренїа. А м[а]т[ь] Валентина с сестрами остались на старом месте и были раззорены и вывезены безбожными. Попустил Г[оспод]ь, и сильныя вла[сти] распудили Х[ри]с[то]во стадо, сожгли с[вя]т[ы]я иконы, книги и келїи. Осталась едина м[а]т[ь] Анатолїа с малой дружиной, разве кто возможе бегством угонзнути. Сколько ей было скорби и слез, точїю единому Б[о]г[у] известно, к нему она прибегала во всяких скорбех и просила его помощи. В праздники они молились ц[ер]ковную службу уставную, а кроме праздников всегда молилась м[а]т[ь] Анатолїа службу по Псалтыри и акафист. Правило молилась со воздыханїем и слезами, поклоны кланяшеся с большим трудом, зело нудящися, руки были слабыя. К тому еще полуторницу Б[о]г[оро]д[и]це, и с[вя]т[ы]м много моляшеся. Также и за рукоделием, даже и в трудных работах, в молитве и во чтенїи псалмов упражняшеся, занеж[е] наизусть чташе всю Псалтырь съ тропари и м[о]л[и]твами покаянными. Также[е] акафист и неколико прочих канонов чташе на память. На покаянїе она была усердна, слышахуся иногда за сте[н]ой ея плачевныя гласы: «Г[оспод]и, прости». После моленїа прощалась, поклонится и скажет: «Г[оспод]и, прости». Также и в соборе иногда было заметно — прощались, видно, что-нибудь помыслит за моленїем недобре.

л. 61 об.

Сказывала она нам о сем. Вопрос м[а]т[е]ри Алевтины (Черногорской) к о[т]ц[у] Висарїону: «Что сотворю, умь разсеваеся во время м[о]л[и]твы». Отвещав он: «По скончанїи м[о]л[и]твы поклонися Г[о]с[по]деви и рцы: "Согреших в раселнїи ума, Г[оспод]и, прости ма". Прощалась у меня (говорит м[а]т[ь] Алеџандра), когда не было о[т]ца и старших м[а]т[е]рей, в самых ничтожных делах, все до тонкости на исповеди рассказывала. Надо, говорит, помолиться епетимїи за то, что за моленїем посмотрела на глџхаря. А пред причащенїем С[вя]т[ы]х Таин м[а]т[ь] Анатолїа велїе молчанїе соблюдала, иногда была в то время вопрошаема и вместо ответнаго слова писала ответ вопрошающим сестрам.

Зде потребно есть вспомануть нечто чудное для утверженїя. Каковыя // быша прежде извещенїя сомнящимся, якоже являют чтущим писанїя с[вя]т[ы]х о[те]ц[ъ], тако и н[ы]не содеяся. Некая старица пишет о сем: «Простите Х[ри]ста ради меня, грешную, я ведь недостойна и зглануть-то на С[вя]т[ы]я-то Таины, а дерзаю принимать. Да еще было сомненїе, то ли есть польза, то ли нет. И вот во время причащенїа С[вя]т[ы]х Таинъ, когда м[а]т[ь] Анатолїа стала класть в сосуд С[вя]т[ы]я Дары для меня, грешныя, и я стояла радом, тогда появился яко столп огневиден по обему сосуда, аки искры испуща-

л. 62

ющь и яко *ж[е]* разноцветный бисер блистающь. А когда я причастилась, и после меня *м[а]т[ь]* Анатолїа стала готовить причастие для другой сестры, и я больше не видала». И потом ета старица поведи виденная *м[а]т[е]ре* Анатолїе, и она ей говорит: «Вот ты сомневалася о великой с[в]я[т]ыне, и тебе Г[оспод]ь известил, чтобы к тому не имела сомненїа». И сїе бысть в лет[о] 7470<sup>е</sup> или 71. И о сих дозде.

Мы *ж[е]* еще мало нечто речем о *м[а]т[ери]* Анатолїе ради пользы // слышащих, дабы подражать ея добродетельному житию, незлобїю, любви и смиренїю. Ризы светлыя она не любила, всегда нам говорила: «Не надо желать здешное красное, мимоходящее, надо на будущее *взирать*». Едино бе у ней попеченїе, да получит будущая благая, и нам часто воспоминала о смертной памяти, о исходе души, дабы всегда в сих поучатися, читала иногда канон на исход д[у]ши. Плоть свою изнурила, питалась мало, всегда у ней что-нибудь болело, никогда не скорбела и не говорила, все терпела, во всем Б[о]га благодарила. Всеми была любима и о всех заботилась, всех поучала *иметь* смиренїе и любовь между собой. На *м[о]л[ит]вѣ* и чтенїе усердна; что *прочитает*, все нам *расскажет*. Если какие выйдут соблазны в семье, ей только скажешь, и она скажет: «Молимся М[и]л[ос]р[д]їа двери, и Г[ос]п[од]ь поможет», и сразу, бывало, *облегчит*. А когда *прїидет* унынїе, точїю к ней пойдешь, *посоветует*, и *утешит*, и скажет: «Себе внимай, не теряя данное нам время на // *покаянїе*». Или когда к ней *прїдешь* с какой-либо обидой, мало *поговорит*, только скажет: «Внимай себе, ето все *пройдет*, как ветер *продует*». Могла она на пользу *поговорить* и *утешить* во всякой печали, словом была одарена, яко *ж[е]* и сестра ея *м[а]т[ь]* Елена, но ради смиренїя молчанїе предпочитала. Написала несколько чудесных повестей ко утверженїю верных: о *м[а]т[ери]* Антониде, о виденїи беса, о Анне Иван[овне], у которой она учила детей пенїю, о сунгульских старицах и прочїя. Написа же и посланїя полезная, *от* них *ж[е]* и *вспомянути* зде не безместно *есть*.

л. 62 об.

л. 63

## Ї писем *м[а]т[ери]* Анатолїи к чаду своему м. А.

«Блюди, блюди, возлюбленное чадо, да не снидеши с креста, да не прикоснешиси неповеленному саду, да не имаши плакати во веки безконечныя, внимай себе и своему спасенїю... не забуди, не забуди, положи двери чувством своим страх Г[оспод]ень и жива будеши вовеки. Блюди себе опасно во всех делех твоих, чтобы // не *отити от* жизни сея бесплодной. Горе нам, не сохранившим обещанїя нашего пред Б[о]гом, и анг[е]лы, и ч[ел]овеки. Паче всего смиренїе и любовь как-то надо просить от Б[о]га и *хранить* уста своя яко зеницу ока, нуж-

л. 63 об.



нейшая токмо г[лаго]лати о спасеніи души своя... І[су]се пресладкїи, д[у]ши моеї утешеніе, более сея сладости несть ни на н[е]б[е]си, ни на земли. Егда придет скорбь, и трудно, и тяжело, припади пред ним с сердечною м[о]л[и]твою и с воплем крепким, к могущему спасти нас во всяко время на всяком месте, да покрыет нас и поможет перейти сіе житейское волнящееся море и не потопитися в различных страстях нашего любосластнаго вожделенїа... Плачи, убо яко во гресех родися и непрестанно на всяк день пред Г[о]с[по]дем согрешаем тмами темь. Плачи, яко имаши умерети и во тлю обратишися, д[у]ша ж[е] проити имать страшная мытарства, и кое место получиши, ц[а]рство или адова жилища, сїя вса разсмотривши, плачи zde вкратце, да в безконечная веки // со с[в]я[ты]ми возрадуешися о Х[рист]е І[су]се, аминь».

л. 64

Тод же паки к некоему изнемогающу неверіемъ ко о[т]цѣ д[у]ховному написа: «Г[о]с[по]ди І[су]се Х[рист]е, С[ы]не Б[ожий], п[о]милуй н[ас]. Аминь. Г[оспод]и, бл[а]г[ос]лови и поспеши написати, яже слышахом от с[в]я[тых] о[т]цѣ и матушек к нашему наказанію и малодушіем болящим. Некогда болех недугом неверїа ко о[т]цѣ д[у]ховному, и меня подтверждали матушки сими словесы, сице гл[агол]юще: “С[ы]не, не пренегай в наказаніи Г[о]с[по]днем, ниже ослабей, от него обличаем, его ж[е] бо любит Г[о]с[по]дь, наказует, бьет же всякаго с[ы]на, его ж[е] прїемлет” и прочая. И паки обещаніе наше, еже дахом пред Б[о]гом, и анг[е]лы, и ч[е]л[ове]ки, на вопросы, сохраниши ли послушаніе ко игумену и ко всей, яже о Х[рист]е, братїи, отвещали: “Ей Б[о]гъ споспешествующу”. И паки притча Соломона: “Иже отметае наказаніе, ненавидит себе, соблюдая ж[е] обличеніе, любит свою д[у]шѣ”. Се время бл[а]гопрїатно, се д[е]нь спасенїа, понудимся мало, да веки возвеселимся. И паки Апокал[ипсис]. Аще соблюдѣ еси слово терпенїя // моего, и аз тя соблюду от часа искушенїя, хотящаго прїити на всю вселенную\*. Сего ради надо нам попросити Г[оспод]а, чтобы дал веры и любви к Б[о]гъ и о[т]цѣ духовному. О[т]цѣ Варлаам говорил: “Без веры не спастись. Аще что и скорбно прилучится — тяжело слово или что другое, надо понудить свое с[е]рдце претерпети со смиренїем и бл[а]годаренїем. Во время разлученїя д[у]ши от тела дорого будет все здешнее страданіе. Надо бы покупать Ц[а]рство Н[е]б[ес]ное в данное время нам на покаянїе”. О[т]цѣ Иоаннъ говорилъ нам: “Естьли найдет лукавый помыслъ или смущенїе, поклониса триж[ды]: «Кр[е]стѣ Твоемѣ поклоняемса, Вл[а]д[ы]ко, и с[в]я[тое] воскр[е]с[е]нїе Твое славим». И Г[оспод]ь поможет ти”. Посем простите нас Х[рист]а ради, и бл[а]г[ос]ловите, и помолитесь Х[рист]а ради за невежественныя строки. Дажь Г[оспод]и веры и любви къ Б[о]гъ, и о[т]цѣ, и братии, да не бесплодно будет теченїе наше». Дозд[е] послан[іе] м[а]т[ери] Анаст[оліи].

л. 64 об.

А предреченное свое путешествіе с Урала на Таванг<sup>8</sup> м[а]м[ь] Анатолїа написала в 7474-м год[у] в последнюю зи//му своей жизни. л. 65  
 Ету зиму всю она изнемогала, а слѣзбу и акафист сама молилась, все нудилась. Основательно заболела она в субботу на 3 н[е]д[е]ли *пост[а]*: кашель и сильный жар получился, несколю незамогла спать и питаться. Мы стали говорить: «Матушка Анатолїа, оставиь нас хошеши, мы будем молиться Ѡалтырь за здравіе твое». Она *ответила*: «Нет, не молитесь, вскую землю упражняю», сама наши руки держит и гладит. Я заплакала, греш[ная] м[а]м[ь] Акинѳ[а], и говорю: «Как мы будем жить-то без тебя?» Она сказала: «Не плачи, Б[о]гъ с вами и о[т]цы не оставят вас, точію помолитесь Х[рист]а ради, чтобы безбедно мытарства минути, боюся — долго жила, много нагрешила». Мы ей сказали: «Часто о[т]ца видишь[ь], и пишеш[ь], и прощаешся» (она записывала свои недостатки в неприсутствїи о[т]ца д[у]ховнаго). Она сказала: «Б[о]гъ *весть*, где все спомнишь за всю-то жизнь, точію помолитесь Х[рист]а ради». И мне сказала: «Молися слѣзбу, я // не мог<sup>8</sup>».

л. 65 об.

На 1 часѣ поклоненїе было ч[е]стному кр[е]ст[у], еще сама подошла, кланялася в скамейку и поклонилася кр[е]стѣ и древѣ. После 1-го часа расход был, молилися акафист и потом часы с вечерней. И вот она зело больна лежит и молится правило по Ѡалтыри с м[о]л[и]твами покаянными и Б[огоро]д[и]це. Ночью несколю не спала, в седмом часу сяли *обедать*, она на своей кровати сидела, принесли ей попитаться, маленько взяла и сказала: «Не глотается». После обеда о[т]ецъ Антонїи пошел *отдыхать* в боковкѣ. Она сказала: «О[т]че с[вя]тыи, завтра Г[оспод]ь восхошет, да живи будем, после полунощницы причастиши мя добре, не остав[ь] Х[рист]а ради». И *вот* сказала *сестрам*, что «мне охота уснуть маленько». И прошло немного время, только 5 десатков «Б[огоро]д[и]це Д[е]во радуйся» помолились за нее, пошли *проведовать* матушку, а она тяжело здышет. Спросили: «Что, матушка, тебе тяжело?». Она сказала: «Тяжело». // — «Испить, поди, хочеш?» Она тихо сказала: «Хочѣ, да кафизму дочитаю». И потом дочитала и славу *отклала*, посадили на кровать, подали *пить*, сама взяла крѣшку в руки, начала *пить*, поддерживали. Маленько пивнула, и згланула на окно, и рѣки у ней опустились. Мы заговорили: «Матѣшка, что с тобой?» Она нам ничто не сказала, посмотрела на нас и главу преклонила. Мы о[т]ца Антонїа разбудили и м[а]м[ь] Тавифѣ, приготовили кадило и С[вя]тыа Дары, подали свещу в руку. О[т]ецъ подал вел[икие]† с[вя]тыни, добре причастилася, запели «СѢ всепетая М[а]ти». Тихоньку поздыхивала, и помале сама закры-

л. 66

† вставлено над строкой;

ла очи, и Б[о]гъ д[у]хъ предаде во 8 час дня, в сред[у] 4 н[е]д[е]ли пост[а], марта 3, в лет[о] 7474, а пам[я]ть ей 25 юла.

### О блестящих крѣгахъ.

И после погребенія в 3-й или в 4-й ден[ь] после полунощницы на свету некая старица пошла открывать окна. Открыла окна и пошла на могилу м[а]т[ери] Анатоліи // читать прощеніе. Не доходя до могилы 11 сажен, и увидела: над главой могилы вылетел алый круг, и окрѣжнулся, и спустился паки к могиле, и тут же под ним появились еще два круга, желтый и зеленый. И она 8 сажен не доходя, остановилась, а крѣга пошли ей навстречу. И она начала пачиться назад. А крѣга дошли до тропинки полденной и повернули по тропинке на запад вдоль келіи, и когда стали доходить до моленной, повернули к окну моленной. Желтый шел впереди, за ним зеленый, а над ними алый, между ими было пространства в ладонь. И лучи от них исходили как искры, и шли нескоро, потряхивались, вышиной от земли в рост ч[е]л[ове]ка, размером кїждо их около двух четвертей, яко ж[е] венцы (нимбы) пишутся у с[вя]тых. И они когда дошли до окна, и паки алый крѣг кверху окружнулся, и спустился паки к окну, и невидим бысть, за ним желтый и последи зеленый. Растояніе места от могилы до часовеннаг[о] окна, // где они шли, 8 сажен. И старица ушла в часовню, и более там ничего не видела. И Б[о]гъ вестъ, что ето могло знаменоватъ виденіе.

Съ рѣк[описи] от[ца] Антон[ія]<sup>ф</sup>. И по сих в лето 7475 12 ѳевр[аля] у м[а]т[ери] Енафы заболели рѣки в субботу вечером, и не могла молиться правило, и попросила м[а]ть Анатолію: «Матушка, помолиси Х[рист]а ради, дабы Г[оспод]ъ устроил полезное: или оздравели бы руки, или пуше захварать». И в воскр[е]с[е]ніе утром встала, и руки как не баливали, и сейчас не болят.

☩ черн[оризице] Антониде, бывшей послѣшнице  
м[а]т[ери] Ѳеклы и м[а]т[ери] Елены,  
съ рѣкописи тоя же м[а]т[ери] Анатоліи. Глав[а] 15.

Во обители м[а]т[ери] Ѳеклы бысть некая старица, черн[оризица] Антониде, вышереченная Анастасія, убогая, хрома, однорука. Пришла во обитель молодая, около 30 лет. У ней остался дома родитель

<sup>у-ф</sup> написано на правом поле;

и чрез несколько лет преставися. Она *ж[е]*, услышавши о преставленіи своего родителя, загоревала. И преобразися бес во образ ея родителя, стал к ней *ходить*. М[а]т[е]ри стали её заме//чать: *отидет* в сад и с кем-то *говорит* и *говорит*. Стали спрашивать, сначала не сказывала долго, потом сказала: «Ко мне о[те]цъ *ходит*. Вы сказали, что он помер, а он живой, носит мне гостинцы. Вот он обещался за мной *прѣхать*». Матушки ей сказали: «Скажи нам, когда по тебя *прѣдут*», и стали ее караулить. И вот во едину ночь легли *спать* с нею по обою страну — м[а]ть Ѳекла и *мать* Елена. Она в полночь соскочила, закричала: «Он *прѣхоли!*» М[а]т[е]ри ее стали *держать*, она вырывается, ну, все же удержали. После етого опять пришел к ней, *огневался*<sup>х</sup>, *пеняет*, *почто, говорит*, рассказала про меня. А она все не *верит*, что к ней бес *ходит*.

л. 67 об.

Потом в некое время в другой обители, близу нас живущих, у вышереченных м[а]т[е]ри Полинарїи случилось поминовенїе за усопших. Они нас пригласили на всеношную, и мы пошли утром рано зимой, а *мать* Антонида осталась дома одна. Потом после всех пошла и она туда *ж[е]* молиться. И *видит*, // *летит* змїй огненный. Когда подлетел, *пред* нею *паль* и *разсыпался* съ искрами огненными. И *вот* *пред* ея глазами оказался — *стоит* ея о[те]цъ. Стал *опять* ей *говорить*: «Почто рассказала, что я хожу к тебе?» Она тогда испугалась и пришла в чувство, что воистину бес *ходит*. И *отселе* преста мечтанїе бесовское. А старица Антонида еще жила долго и преставися с миром 26 декабря, а *память* ей того же м[е]с[я]ца в 22. Сїе бысть событїе на Сунгуле около 7420 год[а]. Мы тогда еще малыньки.

л. 68

## О слышанїи бесовскаго шума и о виденїи его.

### Глаз[а] 16.

Еще поведана *мать* Анатолїа: «Въ юности нашей, когда мы жили на берегу озера Сунгуля, *верст* 12 от завода Касли, однажды во время лета ехали мы с покоса трое часов в восемь или 9 после обеда. Недоезжая нашего жилища *версты* 4 стали спускаться с горы к речке, речка малынька, но топкая. Вдруг зашумел какой-то необычной *голос*, раздается по всему лесу, а что *кричит*, непонятно, мужескїй *голос*. Мы испугались, *оста//новились*, он замолчал. Мы *опять* поехали, он *опять* зашумел. Так мы ехали одну *версту*, *поди*, часа два: *остановимся* — *молчит*, *поедем* — *кричит*. Мы читаем м[о]л[и]твы: «Да *воскр[е]снет* Б[о]гъ»\*, «Иже *кр[е]стом* *ограж-*

л. 68 об.

<sup>х</sup> исправлено, в рукописи ошибочно *оневался*;

даеми»\*, еще, что могли, почитали, он все шумит. Когда пріехали к речке, мы думали — кто утонул в речке, видим: мелькнул по кустам как ч[е]л[ове]къ; видели не вси. Ехали мы: мать Мелетина, наша сестра, и маленька девушка Маріа, и азъ, греш[ная] Анатоліа. М[а]ть Мелетина никого ни увидела, а Маріа говорит: «Я всего видела». Мы спрашивали, какой он. Она говорит: «Черной». А мне показался только ноги до колону черныя, как единойды шагнул, мелькнул между кустов, и больше ничего не слышали. Так доехали бл[а]гополучно до своего жилища.

### Глава [а]<sup>н</sup> 17<sup>ч</sup>. О Анне Ивановне и о прехожденіи иконы с[вя]т[ите]ла Николы.

л. 69 Еще поведает мать Анатоліа о Анне Ивановне. Местожительство ея бе на Урале, от завода Шамахи//нскаго верст 80, в деревне Белоко-тае. Я у них жила в 7430 и 31 годах, учила ее сынов пенію. Она была в то время лет 70, и сказывала о себе, что ее уводила некая невидимая сила в малолетстве. Бабушка ее побранила, и косматая старуха ее схватила и посадила под крыльцо. Домашній ее не хватились весь день, потому что детей было много. Вечером потеряли, забегали, за-искали везде, найти не могли. Под крыльцо смотрели много раз, го-ворит, чуть не заденут за мое лицо, а увидеть меня не могѣт. А я их вижу, а сказать ничего не могу. Так просидела весь день. Потом домашній начали за нее молиться, тогда косматая старѣха ей сказала: «Он, чорают тебя, бегают». Тогда девушке развязался язык, и она сказала: «Отпусти меня, бабушка», и вышла сама ко своим. А стару-ха косматая весь день сидела, чесала голову. Это мы сами слышали от ея уст.

л. 69 об. У сей Анны Ивановны жила некая старица в // другой избе чрез сенки. У ней была маленька икона с[вя]таго Николы — образ мед-ной вершковой или немного боле. Когда она преставилась, они её перенесли во свою избу, а икону забыли, которую она всегда носила с собой. Когда стали петь погребеніе, тогда икона с[вя]таго Николы пришла сама с улицы на окно и встала на рамочку снаружи. Когда они увидели, взяли ее и хотели опять тут же поставить на рамочку, но поставить не могли, не стала стоять. Сію икону св[я]т[ителя] Ни-колы я видела и свидетельство о ней слышала от сей Анны Иванов-ны. И еще другой старичек, ихній сродник, был с ними етому чуду самовидец. А я просила у них ету икону, но не отдали.

\*-ч написано на левом поле;

Глав[а]<sup>m</sup> 18<sup>m</sup>. О м[а]т[е]ре Алеѡандре. С рѣкописи  
от[ца] Антон[іа], м[а]т[ери] Анатолїи и от иных.

М[а]ть Алеѡандра, до накрытия бе Агрипина, родися в лет[о] 7433, последовала в Дупческую пустыню во обитель мате[ри] Тавифы вкупе с родительницей в лето 7449, в 16-е лет[о] от рожденїа. Воспрїя на ся иноческїй // чин на 22 годѣ от рожденїа. И сперва труждашеся в различных монастырских работах, потом учинена бысть в келарской службе служить сестрам. Служаше со тцанїем и поспешностїю, яко не требовати многих помочниц. Пищу устрояючи добре, тцанїе имущи, как лучше сделать сестрам, а о себе небрегла, как придется: когда оставит, а когда и нет себе добрую пищу, худышею питалась. А потом, когда они переселились в глубочайшую пустыню, а сеяли на старых полях верст за 30 и больше, по келарству много разной принадлежности, посуды и прочее, все она носила, никого не просила помогать нести, но даже обиделась за то, когда у ней будут разбавлять котомку, помогать ей нести. А пищу ей болезнь не позволяла много принимать, а когда и вовсе не поужинает, а иногда болезни ради мало поспит. А утром встает и идет на работу, и поестому нельзя было и думать, что она болеет. И как только ей Г[оспод]ь помогалъ, удивительно было мне. //

л. 70

А в последнїя лета ея жизни она келарила только частно, упражнялась на разных работах. Работать могла отчасти и топором, и всякое рукоделїе делала: шила иноческїй чин, лестовки и прочее, писала добре и рисовала картины. А когда на пашне копала, на работе, бывало, до обеда правило отмаливалась по Ѳалтыри, кафизмы на память читала, с обеда опять на работе молилась, когда и после трудной работы вечером опять молится. Правило никогда не оставляла и Б[огоро]д[и]це молилась полуторнику. На м[о]л[и]твѣ была усердная, себя понуждала на м[о]л[и]твѣ. Написала она себе паматкѣ: «Черн[оризица] Алеѡандра, молись, не ленись. Когда станешь молиться, думай: только смрад от меня исходит, только гной, пуще смиряясь, отнюд не помысли о себе доброе, ето возношенїе и гордость, не забывай сама себя, блюди опасно о своем спасенїи, мантїю надела, блюди, како ходиш. Люте тебе, Алеѡандре, горе тебе, како инїи венчаются. Сице г[лаго]ли // ко своей д[у]ши: “Чрез меру согрешила еси д[у]ше моа и паче всех прогневала еси преб[а]гаго Б[о]га, поне ныне по достоянїю покайся, смири ума, умили сердце, пролей слезы въздыхаючи точно, исповеждь на ся беззаконїя своя, да и анг[е]ли о тебе порадуются, и дїявол посрамится. Аще хоцещи плакати, то въздыхай от с[е]рдца, то сѣть истинныя слезы. В болезни всегда врачевство имей м[о]л[и]твѣ, а врача — Б[о]га”». Дозд[е] ея рѣкопись.

л. 70 об.

л. 71

<sup>m-m</sup> написано на левом поле;

л. 71 об. А во время разоренія обителей м[а]ть Алезандра с прочими се-страми была арестована безбожными властями, но бегством ѿ них избавилась. По раззореніи ж[е] она молилась по ночам несколько зим, молебны по 6 канонов и более избранным с[вя]тым за одним нача-лом и акафист, много сорокоустов молилася. А от сна она всегда воздерживалась, спала мало, 3—4 часа. И нам она сама так говорила, что // «три часа спать мало недостает, а 5 часов излишно, 4 часа до-вольно». Она всегда уединялася, не любила многоречіе и себе напо-минала: «Возлюби молчаніе, изменит бо та многих сквернѣ и муки, пр[и]сно грешных поминай, боася, да некако не по мнозех всих и сама бѣдеши. Часто уготовися ко исходѣ, по вса дни того чаа, в онъ же бо час, не веси, и горе неуготованному». Дозд[е] ея рѣкон[ись].

л. 72 Она с[е]рд[е]чно любила пустыню и некогда не хотела растаться с ней, и сіе покажется от ея писанія, как она скорбела, когда ей по некоим судьбам пришлось выехать въ иное место. Пишет она оттуда: «Сколь я живу здесь, не могу успокоиться, все охота обратно ехать. Оставили родную пустыню, просвещеную с[вя]тыми о[т]цями, нечо здесь немило, нет никакова утешенія. Кто бы дал мне, яко птице, два пернатые крыла, улетела бы я в те края. Умирать здесь шипко неохо-та, помолитесь Х[риста] р[ади], чтобы // Г[оспод]ь мне дал здравія к м[а]т[е]ре Анатоліе уехать обратно. В грѣде болит, пища нейдет, нечо не могѣ питаться, ослабеваю. Петъ охота, а не могу, попою, ка-жется чежеоло». Дозд[е] ея посланіе. И чрез год она возвратилась об-ратно на прежнее место в 7468-м год[у].

л. 72 об. На покаяніе была усердная: выясняла все ясно и подробну, каждый вечер извещала помыслы о[т]цѣ д[у]ховному, а когда если его нет, то записывала и по прибытіи извещала. И если какое письмо даст ей о[т]цѣ на свитки к листовкам и скажет: «Ты его не читай», и она его не читает. При извещеніи помыслов извещала и то, чем она пользуется и что имеет. И обретесе у ней обломок зеркала, и о[т]цѣ сказал, что ета вещь излишняя для нас, и взял, уничтожил. И потом хр[и]столюб-цы дали ей хорошее зеркало, и помысел ей внушал, что не об[ъ]вляй о[т]цѣ, он опять уничтожит. Но она не послушала помысла, об[ъ]вила о[т]цѣ, и он у ней его взял. Говорит св[я]т[ой] Феодор Стѣд[ит], том 2, оглаш[ение] 17: // «Если вы из-за моего недостоинства бѣдите ѿноситься ко мне с недоверіем, то для вас ето составит немалѣю опасность. Сам Г[оспод]ь умоляет вас чрез меня, смиренного, что-бы вы закрыли свои очи на тотѣ вредѣ, который идет к вамѣ ѿ меня, худаго, и стажали утвержающею ваши с[е]рдца верѣ, благодаря кото-рой стоитѣ всякій стоаціи и хвалится всак хвалащійся уверенностію въ своей силе. Ибо она, ета искренная преданность игѣменѣ, для по-слушнаго есть основаніе твердаго житіа, и на етом основаніи, как на

золоте, или серебре, или драгоценных камнях он строит заповеди Г[оспод]ни. Даже если он и ничего еще такого не имеет, а только одно основаніе, то впоследствии он устремится *воздвигнуть* на немъ роскошное зданіе. Без веры *ж[e]* что бы ни стал делать ч[е]л[ове]къ, напрасно, ибо всако сказано — еже не ѿ вѣры, грех есть». Дозд[е] Феодор Ст8д[ум]. А также во всем у м[а]т[е]ри // Алеѣандры было большое тщаніе и усердіе в послушаніи и во *отсеченіи* своей воли, а самое главное — в покаяніи. И<sup>а</sup> сего ради уповаю на м[и]л[о]сть Б[о]жію, что Г[оспод]ь ю не оставит своим м[и]л[о]с[е]рдїем, вечных бл[а]гъ, и покоя, и радости с[в]я[т]ых сподобит.

л. 73

Первая болезнь у ней была зуд и коросты на голове лет 10. Вторая болезнь, чехотка (т8беркулез), приключилась: во время жары потная написалась холодной воды и потом мучилась *от* кашлю. Болезнь терпела с бл[а]годаренїем. В 7473-м году в конце ноября заболела сильнее, а болело в груди, питалась зело мало, а во время приступов тяжкой болезни вовсе не питалась дня два или три, пока не ослабит болезнь, также и не спала. Как она и сама написала ко близ живущим: «Помолитесь Х[риста] р[ади] за мя, греш[ную], дабы Г[оспод]ь дал мне терпенїя в болезни. Я радуюсь, что Г[оспод]ь меня еще не забывает, м[и]л[о]сть мне посылает. А как будет тяжело, не хватает терпе//нїа, тяжело кажется, не мог8 не лежать, ни сидеть. Ночь-то шипко долга кажется, а утром-то полегче бывает. Выйду на волю, погляжу, нечо не мило, унынїе придет, тоска, ходить не могу, нечто не знаю. Если Г[оспод]ь пошлет по д[у]ш8, то помолитесь Х[риста] р[ади] попрїежнее за ма, греш[ную], дабы Г[оспод]ь простил моя согрешенїа». Дозд[е] еж р8кон[исъ].

л. 73 об.

Во время болезни правило молилась по Фалтыри, а иногда молитвами, и полуторницу не оставляла. Н[е]д[е]ли за две до кончины она молилась двойное правило несколько дней, делала запас в чаянїи тяжкой болезни. В последнїе 9 дней м[а]ть Алеѣандра вовсе ничего не питалась и спать почти вовсе не спала. До 8 часов ночи даже и на др нельзя было прилечь, но ползает всю ночь по полу и не может обрести покоя. Разве к утру мало заснет. Зде еще известим и сіе о С[в]я[т]ых Тайнах. Случися великое чудо: в 7470-м году три раза причащали мать Алеѣандр8 С[в]я[т]ыми Дарами. И после се//го они лежали в сосуде закрыты два года, 5 м[е]с[я]цъ и 13 дней. И в 7473-м году паки потребовалось причащать этими же Дарами мать Алеѣанд[ру]. И сотворися великое чудо: «Егда бо аз (пишет *от[е]ц* Антон[ій]) развернул бумажку, чудна дела Твоя, Г[оспод]и! И обретеса капля крови по об[ъ]ему со пшеничное среднее зерно. И когда-то ета кровь была

л. 74

<sup>а</sup> на правом поле о[те]цъ Антон[ій];



и в сыром виде, потому что на кромке крови с одной стороны прильнувшие крошечки С[вя]тых Даров, а с другой стороны, с которой была кровь, также и под серединой, не было крошечек. И поетому является, что из этих *ж[е]* крошечек С[вя]тых Даров получилась кровь, прильнутая к бумажке. И когда я отлипил эту кровь, и на бумажке осталось красное пятно, аки *от* естественной крови. Сему чудеси свидетели самовидцы о[т]цы и братія, м[а]т[е]ри и сестры». Дозде.

л. 74 об. А исправляли *мать* Алезандр8 много раз. В последній раз исправили 22 марта утром в 8 часов, ей стало еще чежелей, стали вси прощаться с ней и сме//нили постелю, положили на соломенн8ю, подушки убрали и сказали, что надо хотя под главою подушку оставить. А она сказала, что «убирайте все». И только творит м[а]т[е]р[и] и просит *от* Бога помощи. И я спросил ю: «Поди уже тебе конец *подходит?*» А она мне *ответила*: «Не знаю». И потом пришли м[а]т[е]р[и] Тавиѡа, и *мать* Анатолија, и прочіе сестры, и мало помалу она заи-менялась. И я разжег кадило, и подал в руки свечу, и стал кадить, и все запели «СѸ всепет8ю», и чрез полчаса время м[а]ть Алезандра скончалась. Было время около 12 часов, *чуть* засветило с[о]лнце, 23 марта, в понедельник 5 н[е]д[е]ли *пост[а]*, в *лет[о]* 7473. Память ей 23 іюня. В пустыне поживе 24 года, а всего *от*роду 40 лет без 3-х месяцев.

л. 75 М[а]ть Алезандра, когда болела тяжело в последніе дни ея жизни, был *от* нея запах, зане внутри сильно болело и рвало иногда с кровию и печенками, а когда преставилась, запаху не было, лице было белое, // вид веселый. А Домника Савишна (*чер[норизица]* Досиеѡя) говорит: «Я обоняла по преставленіи м[а]т[е]р[и] Алезандры *от* нея запах нехорошій, также и на могиле с первых дней обоняла запах нехорошій (она была бесная). А *когда* понесли мощи м[а]т[е]р[и] Алезандры хоронить, Домника шла позади, и видит: *от* ног идущих за гробом взялся демон, и как бы подобно медленно промелькнул или проплыл в боковые сени, и она пошла, свернула за ним в сени, он *ж[е]* невидим *бысть*. Показался он ей небольшим, около полуторых аршин, и у него не ног, ни головы *нет*, а только горбатой, черемный. «А после погребенія в 3-й день (пишет м[а]т[е]р[и] Акинѡ[а]), *когда* приходила на могилу м[а]т[е]р[и] Алезан[дры] читать канон, и после стала читать прощеніе, и в то время обоняла запах из могилы как роснаго ѡиміана. А перваго апреля, в сорочинах м[а]т[е]р[и] Алезандры, м[а]т[е]р[и] Акинѡа говорит: «Я видела во сне мать Мелетину, сестру м[а]т[е]р[и] Елены и м[а]т[е]р[и] Анатолиі, и м[а]ть Маргарит8, родительницу *от[ца]* Антонія и м[а]т[е]р[и] Тавиѡы, // им обоим тогда память, и м[а]ть Алезандр8, которая *стоит* подалее их, веселая. Я спросила у м[а]т[е]р[и] Мелетины, где находится м[а]ть Алезандра. Она

л. 75 об.

сказала, что м[а]т[ь] Алеѳанд[ра] с нами определена в одной обители, но теперь еще не пребывает с нами, зане еще в сорочинах».

«Азь, грешн[ый] от[ец] Антоній, в сороковой д[е]нь вечером ходил на могилу к м[а]т[ери] Алеѳанд[ре], читал прощеніе, и когда простился, и сказал: “Иди, чадо, в место покойное, его же тебе Г[оспод]ь дарова”. И потом с 7 маѳ у меня заболела шея, поясница, руки и ноги, и я 22 июня пред памятью м[а]т[ери] Алеѳандры был на ея могиле, и взял с могилы земли, и понатирал больныя места землей вечером, когда ложился спать, и просил м[а]т[ь] Алеѳанд[ру], дабы меня полечила, понеже известно, ведаеш мою болезнь и нужду. И не презрела мою прозьбу, но вскоре исполни. Утром же 23 йюня, как только встал, и почюл, что Г[оспод]ь подал облегченіе моей // болезни за ея м[о]л[и]твы, слава Б[о]г[у]».

л. 76

Еще поведѳ от[ец] Антон[ій]. «В лет[о] 7474-е я ездил в путь на лодке, пришлось понудиться грестись, и у меня заболела шея, сперва мало, а далее д[е]нь ѳ дня увеличивалась болезнь, и в теченіи двух или трех н[е]д[е]ль не стало давать поворачивать голову, и стал задумываться, как я поеду обратно, дорога дальная, подниматься надо вверх по реке. И вот в первых числах августа в воскресеніе вечером во время правила я попросил м[а]т[ь] Алеѳандрѳ о исцеленіи. И в понедельник стал здрав, шея не болит, даже и забыл о болезни. И только уже вечером, когда стал молиться правило, вспомнил, что у меня ведь шея болела. И тако за м[о]л[и]твы м[а]т[ери] Алеѳан[дры] Г[оспод]ь даровал исцеленіе, и проехал обратный путь здрав, слава Богу о всем».

Еще пишет м[а]т[ь] Акинѳа. «В праздник Пр[е]д[е]л[е]чи 29 август[а] сего ж[е] года аз, грешн[ая] Аки[н]ѳ[а], зело болела поясницей, не // было покою. И во время службы, на 7-й песни, м[а]т[ь] Тавифа покадила в часовне и в келіях. И мне сказали м[а]т[ери] Тавифа и Анатоліа: “Сходи на могилу м[а]т[ери] Алеѳандры, покади”. Я положила 3 поклона, и бл[а]г[ос]ловилась, и пошла кадить могилѳ. Прочитала прощеніе, помолилась тропарь, и взяла с могилы земли, и понатирала поясницу, и попросила помощи. Пришла домой, ощутила пользу, слава и благодаря Б[о]га, что за м[о]л[и]твы м[а]т[ери] Алеѳандры даде мне исцеленіе».

л. 76 об.

Еще пишет м[а]т[ь] Филонида. «С какого времени получилась болезнь, точно не знаю, но мнится, в 7470-м году, заболел у меня правый бок и правая рука, болезнь была протяжная, иногда было полегче, а иногда больнее. И я уже много разных трав пила, и правилась, и грелась, но пользы мало было, и отчаялась исцеленія. Да и вспомнила, как было при м[а]т[ери] Алеѳандре, хотя и мало она // поправила, и бывает легче. Посоветовала с м[а]т[ери] Тавиѳой взять

л. 77

земли с могилы м[а]т[ери] Алеѳандры. Она мне бл[а]г[о]с[ло]вила и велела прочитать канон за м[а]т[ь] Алеѳан[дру] и попросить ее. Ну, я так и делала, пришла на могилу м[а]т[ери] Алеѳандр[ы], прочитала прощеніе, припала к ней, хотя и недостойная такового исцеленія, точію несомненно стала просить, да еще взяла ея трудовлюбу рубашку, которую храню у себя, подержала в честь лекарств[а]. И когда начала канон, не могла стоять от болезни, дочитала до кондака, и стала болезнь ослабевать. А когда уже отпушала отпуст, болезни не ощущала, и стала молиться покойный тропарь, рука движется, как не болела. Это было в 7474-м году, в декабре. И после того времени какіе бывають недуги, и опять призываю на помощь м[а]т[ь] Алеѳан[дру], и всегда помогает и подает исцеленіе мне, недостойней, греш[ной] чер[норизице] Филониде.

л. 77 об. И потом второй раз во время сезона летней работы обновилась болезнь по причине: во время зноя напилась // холодного квасу и заболело в боку. И так продолжалась болезнь н[е]д[е]ли две. А я, как неблагодарная в скорбех, заунывала от болезни. И пришло на помыслъ попросить матушку Алеѳандру, да и стесняюсь, не молилась и не просила. Ну, все же пошла, попросила, канон прочитала и легла отдыхать, наутро чувствую свободнее, и тако по м[и]л[о]сти Б[о]жіей болезнь облегчила. И потом в третий раз было приступом, заболело ночью и разболелось до изнеможенія. И я уже не могла встать и помолиться, а токмо умом и мыслію попросила мать Алеѳанд[ру] и пообещалась, если замогъ, помолюсь канон за нее. И после того стала болезнь послабее и полегче, и тако помалъ-малъ и совсем отпустило, и назавтра пошла на работу как здоровая.

л. 78 И по сих 4-й раз получила чудно исцеленіе. В 7475-е лето, 8 сентяб[ря], у меня заболела рѳка // оттого, что потолкла натужно сок. Рѳка вся заболела, распухла и не гнется, не дает ничего брать, а надо молотить рожь. Я просто загоревала и не знаю, чем пользоваться. Да и вспомнила врача безмезднаго. Пошла опять просить м[а]ть Алеѳандрѳ. Прочитала канон, взяла с могилы земли, потерла больную рѳкѳ и попросила м[а]т[ь] Алеѳан[дру], легла отдыхать. Наутро встала, немного слыхать. Пошли молотить и когда стали начинать охлястывать, я вспомнила, что поди рука-то опять заболит. И больше не почувствовала боли, хотя и прилежно молотила. А у сестер и не болели до того руки, а после молодѳбы стали жаловаться на руки. И после того в том же году у меня опять заболела рука, получилось в ней колотье, и болела немало время. Я начала ее поясом перетягать, она еще пуще заболела. И мне вспомнилось о м[а]т[ери] Алеѳандре.

л. 78 об. Пошла на еѳ могилу, попро//сила ее и потерла землей с могилы больную руку в кисте. Лучшее стало, колотья не стало, а в плече не престала

болеть. И я после того вспомнила о рубашке м[а]т[ери] Алеѳандры, к ночи обернула ей больную руку в плече и завязала. Утром стала, и рука не болит за м[о]л[ит]вы м[а]т[ери] Алеѳандры, слава Б[о]гѳ о всем». Сїа<sup>14</sup> написахом о ней, не возвышая и похваляя ю, но выясняя в славу Б[о]жїю, в пользу чтущим и послушающим, а не в похвальбу. Сїа буди в воли Б[о]жїей, помолитесь Х[риста] р[ади] о д[у]ши еѳ ко Г[о]с[по]дѳ Б[о]гѳ, дабы Г[о]с[по]дѳ учинил д[у]шѳ еѳ с лики с[вя]т[ых]. Аминь. //

## ☩ м[а]т[е]ри Мастрїдїи.

л. 79

С рѳкон[иси] м[а]т[ери] Ѳлин[ы], и м[а]т[ери] Авсїанїи, и<sup>15</sup> от[ца] Антонїя. Глава 19<sup>16</sup>.

М[а]ть Мастрїдїѳ (до накрытїѳ Марїѳ) с малых лет отлучилась от родителей, 10 лет жила в прислугах, в больнице работала. И бл[а]говоли Б[о]гѳ еѳ избрать себе послужить для спасенїя души. И она узнала каким-то образом, что на Чюльме есть старицы живут, приехала к ним на Чюльм, просила их принять еѳ. Они приняли ю, у них тогда молодых не было, они рады были. Память у ней была хорошая, она все книги прочитала, сколько было у них, и Устав по службе прочитает, и более за моленїем Устав не глядит. Очень была остроумная, 15 молебнов знала на память. Но было ей искушенїе, от сестр много пришлось потерпеть. С некоей сестрой была непрїятность, о[те]цъ Сава им сказал: «Если вы не примиритесь между собой, тебя накрывать не буду, а тебя причащать не буду». При мне, пишет м[а]ть Флина, когда я у них гостила, она келарила и молиться // успевала с нами, семья тогда была 10 человек. Тогда она еще и свое молилась моленїе — акаѳист, 40 сорокоѳстов. Говорила она: «Я слыхала, что если кто помолитсѳ 40 сорокоѳстов, то ета д[у]ша во аде не бѳдет». И я кое-что слышала от нея полезное, и она со мной делилась, когда что придѳтся: что спросиш[ь], она на все ответит, и я много от нея пользовалась. Проходила она делом жизнь иноческую, жила подвижно, слезы у ней были, как град. О[те]цъ Сава говорил мне: «У меня м[а]ть Мастрадїѳ звезда»<sup>17</sup>.

л. 79 об.

Сїа м[а]ть Мастрадїѳ исперва жила в послушанїи у м[а]т[ери] Мелетины, а по кончине еѳ жила с м[а]т[ерью] Афанасїей. И по некоем времени м[а]ть Мастрадїѳ с молодыми преселисѳ далее в пустыню

<sup>14</sup> на левом поле о[те]цъ Антон[їи];

<sup>15</sup> написано на правом поле;

<sup>16</sup> на левом поле написано дозде м[а]т[ь] Флин[а];

л. 80 верст яко 7, якож[e] о сем речеся в повести о м[а]т[е]ри Мелетине, в главе 3-й. И сіе бысть на Парбике. А потом они переехали оттуда на Безимянку, а отсюда на Вороговку. И тут они потерпели большой недостаток в питаніи. И потом // преселилися в Туву, и там они жили на горе в лесу на левой стороне Малаго Енисея. Там было тяжко дышать ей, даже и зимой спала наруже, вне келій.

л. 80 об. Еще пишет о ней послушница и помощница ея м[а]ть Авсіаніа: «Наша старица м[а]т[ь] Мастрадіа, бывшая о[т]ца Савы и м[а]т[е]ри Мелетины накрытия, сіа, живши в пустыни 50 лет, избегала мирскія жизни, крившиися в горах и вертепах. И всегда она увещала своих сестр, что как-то надо укрываться и мирскія молвы удаляться. Всегда говорила, что лучше я под корягой з гладу умру, нежели около миру близко жить. И вот так она скончала свою жизнь в глубочайшей пустыне по ея желанію и прошенію у Бога. Поболела немного, только 5 дней, но тяжко болела. В болезни все была в разуме и любила быть еди-на, беседовать с Богом». «И видит, что болезнь умножается (пишет от[ець] Антоній), и говорит м[а]т[е]ре Авсіаніе: “Видится, что мне конец подходит, и вот что я вам хочу сказать: кагда о[т]ецъ Антоній пріедет // сюда, если вы не попрепятствуете, то отдайте ему книгу Исаака Сирина”. Хотя я ранее и не обещался к ним пріехать, но она как-то предвидела, познала, что я еще пріеду к ним. И когда я пріехал к ним в 7465-м год[у], и мне сіе ея предсказаніе м[а]ть Авсіаніа пояснила, и меня весьма удивило, даже до слез, что при такой тяжкой болезни позаботилась наделить нас такой богатой книгой, даждь ей Г[оспод]и Ц[ар]ство Н[е]б[ес]ное за ее такое великое попеченіе. И якобы предвидела, что таковая книга нам будет нужна»<sup>а</sup>.

л. 81 Ѣ кончине м[а]т[ери] Мастридіи пишет м[а]т[ь] Авсіаніа сице. «Егда лежала она на смертном одре, мы думали, что она уже часует. Старица потщиалась ей подать причастие на дорожку, а другія приготовили кадило. Она последнюю речь сказала: “Понарови маленько”. Немного время прошло, и стала чесовать, и ей подали С[вя]тых Таин. И тако представися в 7 часов дня 19 апреля 7464 года, а память ей 1 апрел[я]. //

Оставила своим сестрам вопль, и рыданіе, и плачь. И в тот же час такая зделалась пурга, снег, дождь и ветер. А лесины у нас не было на гробъ, и мы нашли пустой пень, принесли его, и обделали, и положили ея мощи. И вот как похоронили, и все время заботилися и жалели, что м[а]ть положили в такой утлый гроб. И вот у нас всё было желаніе, что как бы переменить гроб. Сами собою посоветуем, а главных спросить не смеем, что могут запретить. И вот прошло 4 года, на пятое лето на-смелилися спросить главу от[ца] Паладіа. И он дал бл[а]г[о]с[ло]веніе

<sup>а</sup> на левом поле дозде от[ец] Антон[ій];

переложить в другій гроб. И мы взяли бл[а]г[о]с[ло]веніе и устроили новый гроб. И вот стали раскапывать могилу, докопалися до гроба, углины были прикрытыя берестом, и как открыли утлину, из гроба пошел дымочик, как ис кадильницы. И вот открыли гробницу, и хотели мощи брать с гробом вместе, а гроб пристыл, не могли его *взять*, и говорим: “Как будем брать? Если *брать* за главу, она скоро *отстанет // от тела*”. л. 81 об. И говорим: “Давайте за нозе попробуем”. И вот взяли за нозе, и она вся заподнималась. Тогда мы подхватили на полотенцы, и вынели без труда, и положили в новый гроб. Хотели *взять* на бл[а]г[о]с[ло]веніе перст *от* рѣки или *от* ноги, но она не бл[а]говолела нам дати, но точію ногомь *от* ноги дала. А тело у нея несколько не распавшее, плотное-плотное. Хотели *взять* перст *от* руки, качали-качали, и некак не дается. Показалось, аки живое, красное, аки бы живая кровь. А мощи у ней желты, светлы, которыя белы, аки снег. Начали петь погребеніе, и когда запели стихеры на целованіе и стали по обычаю прощаться, некак старца видела: *от* главы такой же дымочик пошел, аки ис кадильницы. И вот чрез 12 лет оказался источник *от* нея могилы истекает, вода целебная. И вот Г[оспод]ь в последнее время прославляет своих, кто его прославлял в животе своем на земли. //

В странство пришла м[а]м[ѣ] Мастрїдїа на 20 годѣ ко о[т]цѣ Саве л. 82 и к м[а]м[ѣ] Мелетине. Накрытіе получила ѳевраля 10 на 24-м году *от*роду. А молилась она неленостно повседневною службу уставную, тщицалась всегда, чтобы ничто не осталось, все вычитывала, и нам всегда наказывала, чтобы источник не пересыхал, и веревочку тените, т.е. службу уставную. Фалтырь читала *наизусть* и молебнов по 12-цеть слагала и на память читала. Да еще когда она болела, уже в последній день пред концом прорекла, что сегодня *прїдет* к нам о[т]ець Кастор. А мы говорим, что как он *прїдет*, уже распута, но она говорит: “*Прїдет*”. И тако случилось, *пришел*. И она только при нем часа два поздыхала и тихо к Б[о]гѣ отошла»<sup>III.a</sup>.

## Ѓ м[а]т[ѣ]ри Досиѳеи. С рѣкон[исц]и м[а]м[ѣ] А. Глаз[а] 20.

Мать Досиѳея (до накрытіа Домника) была трудолюбива и незлобива, ни на кого не имела злопомненія, ко всем была услужлива, всем тщицалась помогчи сло//вом и делом и на м[о]л[и]тву усердная. Она л. 82 об. из миру в пустыню направила и о[т]ца Виталїа. М[а]ть Досиѳея за н[е]д[е]лю до кончины, 6 маа, проводила *отца* Антонїа в путь, по-

<sup>III.a</sup> исправлено, в рукописи ошибочно оттошла;

шла обратно и зашла на могилу м[а]т[ери] Анатолїи, попросилась, подклонила и полегала на ней. Пришла в келїю вроде невесела и говорит: «А погрелась на могиле м[а]т[ери] Анатолїи, она меня как ровно приговорила теплом-то». Заболела м[а]т[ь] Досїеел ночью на 7 маа и очень чежело, 6 дней нисколя не поела, а только пила. Во вторник 11 маа одна старушка спросила её: «Что, тебе шипко тяжело?» Больная *ответила*: «Чежело». — «А что-то видишь?» Сказала: «Завтра в ето время узнаете, что *будет*». Она еще спросила: «А что будет?» Ответила: «А вот *прїйдут* ети часы, и увидите сами».

В среду утром 12 маа пела «Б[о]гъ Г[оспод]ь» и сказала: «Слава Б[о]гъ, помолились службу, давно уж не молилася». Очень билася и постанывала, перенесли в столовую и положили на пол, она все что-то говорила нам не//понятно. Сказала: «Безбожник пришел, и его не приняли». Потом сказала: «М[а]т[ь] Валентина пришли, поют». Мы спросили: «Где оне и что поют?» Сказала: «Поют за упокой канон вси матушки, вы разве не слышите?» Более ничего не поняли. Во время болезни два раза причащали, а пред кончиною кадили и пели «ГД Всепетую», и в 8 часов преставися спокойно *от* временныя жизни в вечныя обители в лет[о] 7474, 12 маа в среду. А память ей 8 гевв[а]р[я]. Въ лето 7467 дед Логин видел прекрасную обитель м[а]т[ери] Досїеи и говорит: «Не сказать красоты ея, уж шипко хороша». Зри о сем в 3-й части. Також[e ] и м[а]т[ь] Тарсила видела пресветлую обитель м[а]т[ери] Досїеи, якож[e] ниже речется.

## ГД м[а]т[ери] Тарсиле. С рѣкон[иси] м[а]т[ери] А.

### Глав[а] 21.

М[а]т[ь] Тарсила, до накрытїя бе Татїяна, в молодости последовала в пустыню во обитель м[а]т[ери] Валентины. Во время разоренїя была вывезена с прочими, в лагере находилась вместе с м[а]т[ерью] Маргаритой и там // причастницей была ея трудов и всякаго злостраданїя в том невольном заключенїи. М[а]т[ь] Маргарита там преставися, а м[а]т[ь] Тарсила по освобожденїи и по некоем времени паки возвратися в пустыню, и прїаѣ на ся иноческїй чин в Рождественском посте в лето 7472, и наречена бысть чер[норизица] Тарсила. И когда она находилась в шестинах\*, и на последнїй д[е]нь ея шестин потребовалось молиться для ея причастную службу ко исправе ношїю, и отошли в *отдельнѣю* келїю. С ними еще изволила едина старица поити, с ними помогать молиться слѣзбу, понеже м[а]т[ь] Тарсила не могла читать. И когда пришли в келїю и затеплили свещу животворщему кр[е]стѣ, тут же поставили и сосуд со

С[вя]тыми Дарами открытой пред образом. И когда только о[те]цъ началъ молиться причастную службу, и внезапно появился над сосудом С[вя]тых Даров тоже огонь, подобен свещному огню, точію помене. И поясняет // эта старица, коа пришла помогать молиться службу, и говорит, что «всю службу с прилежаніем я наблюдала за этим огнем, который горел над сосудом, и удивлялась, что откуду етот появился огонь? И погляжу с той и с другой стороны, и все виделся огонь. А когда о[те]цъ дочитал последнюю м[о]л[и]твѸ, и зажегъ инѸ свѣтильник, и угасил свещу, и после угашенія свѣщи еще немного посветил над сосудом и невидим бьсть».

Наконец речем о болезни и о кончине м[а]т[ери] Тарсилы. Много болезней она претерпела. В последнюю весну болела, кашляла, и ноги были запухшіе, кое-как ходила. Ее исправляли 9 маа. М[а]ть Тарсила видела во сне старца, похож, как на иконе с[вя]т[ите]ль Никола. И видит домик zelo светлый, и внутрь малою скважнею зрит, что пол золотом и серебром блестит. И говорит старец: «М[а]т[ери] Досиѣе обитель готова, и пол послали, можно переводить». И проснулась, говорит: «Очень стало обидно мне, а я, видно, не // готова, мне надо трудиться еще более». Но и потрудилася более: май, ѳюнь, ѳюль и до 20 августа, очень чежело, лечь не давало, душит, кашляет. Последнїя 6 дней нисколь не питалась, а болезнь терпела со бл[а]годареніем, три раза исправляли. Дня за 4 до кончины вечером после отпуста нападе на ню дух хулы и отчаанїа, говорит, что нет Б[о]га, нет никакого воздаянїя. И была она всю ночь как в бездне, и в каком-то нечувствїи и неблагоприятїи, и вся замерзла. И посем пришла к ней м[а]м[ь] Акинѳа, проговорила м[о]л[и]твѸ І[су]совѸ, и м[а]м[ь] Тарсила ответила: «Аминь» и сказала: «Вот-вот, ето мне и надо, как из холоднаго колодца меня выгашила», и паки прїиде в прежнее устроенїе.

Сего ради больных, особенно пред концом жизни, нужно часто посещать. Писано в «Невидимой брани»\* во 2-й части главы 9 и 10: «Четыре главных и опаснейших искушенїй, каковым в час смерти обыкновенно подвергают нас враги наши демоны. 1-е: колебанїа веры. 2: ѳтчаанїе. // 3: тщеславїе. 4: разные образы, вѸ какїе облакаются демоны, и прочее». Посему видно, что м[а]т[ери] Тарсиле было искушенїе от духа отчаанїа. 20-го августа в пятницу утром м[а]м[ь] Тарсила велела подушки убрать и просила покадить, покадили. И потом мы в 6 часов стали обедать, она сказала: «Меня когда с матушками вместе посадят обедать?» М[а]м[ь] Іуліанїа к ней наклонилася, подает ей крушку с водой. Она рукой отодвигает и говорит: «Та же крушка-та, из которой я пила, я ведь отлучона была, когда буду с матушками-то вместе?» Ей сказали: «Вместе будеш с матушкам[и]». Она ответила: «Слава Б[о]гѸ, Б[о]гѸ сп[ас]ет». Потом сказала: «Исполнилось

л. 84

л. 84 об.

л. 85



л. 85 об.

прор[о]чество». Ее спросили: «Какое пророчество?» Она говорит: «Я не знаю, как иначе-то сказать-то». М[а]т[ь] Іуліаніа сказала, что она не то говорит. М[а]т[ь] Тарсила услышала и говорит: «Как не то? То говорю, я ведь знаю, что говорю». М[а]т[ь] Тавиѳа спросила больную: «Что, спотела или нет?» Она ей сказала: «Нет». После обеда *отдохнула*, м[а]т[ь] Тавиѳа // пришли *проведают* ее. Она рѣкой маячит, что подойдите, и вот подошли. Она *показывает* на лобѣ, что смотри — спотела. И скоренько стали кадило раздувать, подали свечу в руку. На полу сидя, направо склонила главѣ, *помигивает*. Мы «СѢ Всепетаа» пели немного, и расталася с д[у]шею в пяток в 9-м часу 20 авгѣста 7474 год[а]. Память ей 12 генѣ[аря]. Мощи ея были светлы, аки уснула.

### СѢ м[а]т[ь]ери Алевтине.

СѢ повести м[а]т[ь]ери Алезандры. Глав[а] 22.

л. 86

М[а]т[ь] Алевтина, до накрытия бе Агрипина, келарила у м[а]т[ь]ери Тавиѳы на Тѣгѣльчесе. Была добродетельная. Заболела, о[те]цъ Симеон принял на исповедь, накрыл и подал С[в]я[ты]х Таинѣ. А заканчивали исповедь и чин накрытїя и причащенїя потом, понеже о[те]цъ Симеон торопился, зане измена с ней. И посем прочитали канонѣ на исход д[у]ши, и тако преставися 19 феврал[я] 7450 год[а]. И когда старицы пели погребенїе, о[те]цъ Симеон зело плакал, слезы у него лились потоками. Говорил он о м[а]т[ь]ери Алевтине: // «Я думаю, Г[оспод]ѣ не оставит ее». Память ей 23 іюна.

СѢ м[а]т[ь]ери Ѳаине. С рѣк[ониси] м[а]т[ь]ери Ак[инфы?] и от повести м[а]т[ь]ери Алезандры.

М[а]т[ь] Ѳаина, до накрытїа бе Февронїа, была обители м[а]т[ь]ери Алезандры. Бе трудолюбива и смиренна, молилась прилежно. Когда она жила у м[а]т[ь]ери Тавиѳы на Тогульчесе, тут жили в недостатке пищи, пищу всем разделяли по чашам. Она свою часть лучшую, кашу с соком смешат и раздаст сестрам, а себе оставит что похуже. Говорит: «Рабочих-то кормить надо». Ей скажут: «Сама-то почто не питаешься?» Ответит: «Я ведь не рабочїй ч[ел]ове[къ]-то». А когда скажет: «У меня сегодня вот тому-то память». А сама, сколь могла, все трудилась, собирала ягоды, грибы, калбу и прочїя работы. Иногда вечером после отпуста ходила копать саранки. Болезнь имела внутреннюю много лет и Б[о]га бл[а]годарила. А пред концом похварала мало. 28 іюна кирпичи делала и пол подмыла, а 30-го іюна пред черней преставися. А память ей 25 іюна. //

Ѓ м[а]т[е]ре Вере. С рѣкописи м[а]т[е]ри А[кифы?]

л. 86 об.

М[а]ть Вѣра, до накрытіа бе Васса, сестра о[т]ца Арсеніа, жила на Тогульчесе у м[а]т[е]ри Тавифы, трудолюбивая была. Преставися 28 декабрѣ. И когда положили на лавкѣ, срядили, весело осклабися. О[т]ецъ Симеон говорил, что тогда у ней д[у]ша вышла. Память ей 21 авгѣста.

Ѓ м[а]т[е]ре Таисее.

С рѣкопис[у] м[а]т[е]ри Анатолїи и м[а]т[е]ри А[кифы?]

М[а]ть Таисея, до накрытія бе Татїана, была смирена, и кротка, и терпелива. В пустыни пожила у м[а]т[е]ри Валентины только один год. Никогда ни с кем не прекословила, а только и говорила: «Простите Х[рист]а ради, не оставте Х[рист]а ради». Каждый раз после обеда побл[а]годарит и скажет: «Простите Х[рист]а ради, без страха Б[о]жїа питалася». Когда заболела, пожелала анг[е]льскїй чин. В чину пожила 11 м[е]с[я]цов. А пред смертію перенесли в часовню, положили на пол. Последнїй раз простилась, и бл[а]г[о]с[ло]вилась, и // сказала: «Б[о]гъ простит, Б[о]гъ бл[а]г[о]с[ло]вит, Вл[а]д[ы]ч[и]ца молится. Помози вам Г[оспод]и по заповедем Б[о]жїим пожить-то». И тако преставися бл[а]гоч[е]стно 5 марта, а память ей 12 генваря.

л. 87

Ѓ м[а]т[е]ре Евникїе. С рѣкон[у]с[и] м[а]т[е]ри А[кифы?]

М[а]ть Евникїа, до накрытія бе Екатерина, была простая, смиренна, в послушанїи жила, коров пасла. Когда ей скажут: «Возми продуктов на обед», она ответит: «Ничего не надо, найду калбы или саранки, хлеба дали, и Б[о]гъ спасет». А была нужда и недостатки. Была во всем бл[а]годарна. Зимой заболели ноги, запухли, подступила водянка, стала просить чин. Спросили у ней: «Поди, шипко неохота умирать-то?» Сказала: «Почто неохота, вот придут безбожники да заберут, м[а]т[е]рей посадят в тюрьму, а молодых работать заставят». И вот когда она чествовала, тогда чин на нее положили, и помале преставися 2 апрел[я] въ сѣбот[у] светлѣю. // Жила около 30 лет, памать ей 24 ноябрѣ.

л. 87 об.

Ѓ м[а]т[е]ре Анисїе. С рѣкон[у]с[и] м[а]т[е]ри А[кифы?]

и от повести м[а]т[е]ри Анатолїи.

М[а]ть Анисїа, до накрытія бе Алаѣандра, пришла в пустыню 16 лет, с ревностию и верою, здрава телом, простодушна, незлобива, трудолюбива и послушлива на всакѣ службу. Иногда скажут ей: «Почто небрегеш себя?» Ѣтветит: «Пока могѣ, надо трудиться». А в щот

питанія была скудость. Она была бл[а]годарна всегда и говорила: «Мне всего хватает, слава Б[о]гѸ». После разоренія пережили, много было труда, она изгнанія и тюрьмы избавлена, Б[о]гом сохранена с многими. Но со оставшими трудилась, котомки носила, а растояніе дальное, верст 30, 40 и 50. Все нужно было носить на себе. И вот *от* котомок-то, мнится, она и заболела. И когда тяжело болела, спрашивали ее: «Умирать-то охота или нет?» Она *отвечала* подобно м[а]т[е]ре Евникіе, желала *отитти от* сея многотруднаѸ жизни и просила шипко с большим желаніем *обле//щися* во ан[г]л[е]льскій чин. И когда получила, шипко была рада. Преставися *от* временнаѸ жизни в вечную 23 ноября 7461 год[а], а *память* ей 18 марта. В пустыне поживе 6 лет, а всего *от* роду 22.

л. 88

По<sup>6</sup> кончине ея м[а]т[ь] Анатолїа с сестрами преселися на ино место, а келїа пуста бысть по теченію на левой стороне Бол[ьшого] Тогульчеса. И вот по некоиѸ летех шол пал (пожар), выгорела вся та местность и вся гора, а келью и на могиле кр[е]сть м[а]ть Анисья сохранила невредимо *от* огня. Келья стояла на раковом месте, и не было иной защиты, кромя наблюденія агницы Х[ристо]вой м[а]т[е]ри Анисїи. Чествуем мы м[а]ть Анисїю как искреннюю любимую послѣшницу м[а]т[е]ри Анатолїи, яко и она облаговонися их чудотворною бл[а]годатию.

## Съ рѣкописи м[а]т[е]ри ЕнаѸ. Пишет о себе.

### Глав[а] 23.

В лето 7466-е у меня заболел глаз, и я не знаю, где места найти. Мне одна сестра говорит, что по//проси о[т]ца Антонїа, за его м[о]л[и]твы дасть Г[оспод]ь полегче. Я сказала: «Как я его попрошу, его *нет* здесь». Она мне сказала: «Вот его камилавка, привяжи еѸ на глаз и скажи, что за о[т]ца Антонїа м[о]л[и]твы дай, Г[оспод]и, *отраду* хотя малу». И *вот* я привязала и помолилась за него тропарь, легла спать, и сразу стало лучше. И потом стала так всегда держать поближе камилавку\*.

л. 88 об.

Въ лето 7468 мы переехали на другое место, строились и приходилось не под силу. В ноябре у меня заболели рѣки, я их лечила тем да сем, намазала их вином и попросила о[т]ца Маѣима помолиться Б[огоро]д[и]це, чтобы дала здравіе, и сама просила еѸ. Как сидела, так и уснула, и вижу во сне, будто съ иконы Б[огоро]д[и]ца сошла и говорит мне: «Просишь меня руки твои исцелить, а сама намазала

<sup>6</sup> на правом поле грешн[ая] Афанас[ія];

их змійным ядом». Я тогда ей сказала, что я их вымою. И вот мне казалось, что я их // помыла, назавтра стала, и у меня руки не болят. л. 89  
 Вот я надеюсь и верую, что попросиш, то и получиш. И еще матушки наши много *помогают*. Как заболееш и помолитишся за них канон, и сразѣ бывает лучше.

Еще в 7473-м году в мае заболели у меня руки, надо картовь садить, а я не могу. Сказала сестрам: «Что я буду *делатъ*, не могѣ в руки взять мотыгу». Они сказали: «Пойди в другую келію, потопи печь, погрей», дали мне вина намазатъ руки. А я когда пришла, затопила печь, мне пришло на помысл, что я когда-то лечила вином, просила Б[огоро]д[и]цѣ, она что мне сказала, я вспомнила и тогда решила, что не буду мазать, а пойду на могилы и попрошу матушек, оне за меня помолятся. Пришла на могилы, прочитала три канона и сказала: «Матушки, помолитесь за меня Б[о]гѣ, чтобы Г[оспод]ь устроил полезное». И за м[о]л[и]твы их получила<sup>в</sup> // исцеленіе. И в ту ночь мне приснилась м[а]ть Досиеѣл. Сказала мне: «Пока буди тако», то есть облегчила болезнь. «А если хочеш<sup>г</sup> быть совершенно здрава, сама молись, без престани м[о]л[и]твѣ говори».

л. 89 об.

**В**<sup>а</sup> лето 7475, 15 ѳевраля во вторник часа за два до прибытія о[т]ца Антонія к старицам, или менее, разом враг зажал шію м[а]т[е]ри Енаѳы, как клещами, до великой боли. И она подумала: «Наверно, о[те]цъ Антоній придет». А когда стали читать прощеніе и прощатся, тогда еще пуще заболела шея. А когда пообедали, *отдохнули*, тогда отошла болезнь. Искѣшеніе: м[а]ть Енаѳа мало нечто не известила помыслы о[т]цѣ д[у]ховномѣ, и с того времени начал враг *влагать* ей мысли, дабы уехать обратно к 1-й м[а]т[е]ри на Бирюсу. И немало время бе томима вражіими помыслы, еже возвратитися. И когда на се сложишя, то//гда толико враг *возобладал*, что не стало покою, что надо и надо немедленно ехать, и не ожидая весны, но на лыжах *уходить*, враг там *найдет* подводу. И на всякія ч[е]л[ове]ческія увещанія *отимашеся* надежда, разве аще Г[оспод]ь поможет по своей м[и]л[о]сти. И *вот* 11 генв[аря] 7476 года она приходила к о[т]цѣ Антонію, и он много ей поговорил, всячески увещевая ю къ терпенію, воспоминавая иноческое обещаніе пребывати во обители до последняго издыханія, и нужно крепко *стоять* против ратующих и *отражать* вражія прилоги.

л. 90

И на другой раз пришла, о[те]цъ Ант[оній] спросил: «Ну, как твои мненія в шет поезки?» Она *ответила*: «Подумаю». А 13 генваря пришла и сама начала *говорить*: «Ну, о[т]че, я раздумала ехать, помолити-

<sup>в</sup> далее на л. 89 об. слово ошибочно повторено и зачеркнуто;

<sup>г</sup> первоначально хочиш, затем в качестве исправления над буквой и написано е;

<sup>а</sup> на левом поле с рѣк[описи] о[т]ца Антон[ія];

л. 90 об. тесь Х[риста] р[ади]». Он спросил: «А чего ради?» Она говорит: «Вчера 12-го, когда я читала 13-ю каөизму, за упокой общую, и сказала слова: «*Ико вси бози языкъ бесове, // Г[оспод]ъ же н[е]б[е]са сотвори*», тогда как какал-то тягость свалилась с меня, и сразу *отпали* вражїи прилоги о поездке, и почновствовала в себе большое облегченїе и радость. И после сего изменилось у меня настроенїе в счот поездки. А вечером ходила на могилы, просила м[а]т[е]рей помолиться о мне. Да еще пила воду с могилы м[а]т[ери] Тавиөбы, снег натаяной, тогда бо бе паматъ ей. И за ихние м[о]л[и]твы *отпали* все вражїе прилоги, слава Б[о]г[о] у всех.

### Съ рѣкописи м[а]т[ери] Енаөы. Пишет о себе.

л. 91 Когда я прїиму Преч[и]стых Таин или с[вя]той воды, то бывает *отрада*, не так душит. Я видела во сне с[вя]толепнаго старца, и он меня спросил: «Что, все еще болеешь?» Я ему сказала: «Прости Х[рист]а ради, за свой язык страдаю». А он мне *ответил*, что потрудись Х[рист]а ради, скоро выйдет, я не вижу того, чтобы не было его (беса). Когда попросила сестер помолиться Иоанн[о] Б[о]г[о]слову, тогда полѣчила небольшую // *отраду*, стал поменьше *кричать*, больше *молчать*. И когда стану молиться правило, все же помолчит. Прошу вас, не оставте Х[рист]а ради, помолитесь за ма, грешную<sup>е</sup> чер[норизицу] Енаөу.

В<sup>ю</sup> лето 7475 12 *өввр[аля]* у мат[ери] Енаөы заболели руки, вѣ сѣботу вечером не могла молиться правило. И попросила м[а]ть Анатолїю: «Матѣшка, помолися Х[рист]а ради, дабы Г[оспод]ъ устроил полезное: или оздравели бы руки, или пуще захварать». И в воскр[е]с[е]нїе утром встала, руки как не баливали, и сечас не болят.

### Ѓ м[а]т[ери]ре Авгѣсте. Глав[а] 24.

л. 91 об. Вѣ Тюменской области, от деревни Рамыла версты 3, на речке Танаевке, от Тюменя верст 80, где жили мать Еванфїя и Валентина, тут была другая обитель м[а]т[ери] Мастрадїи. И тут к ним пришла чер[норизица] Авгѣста. Она жила в мире веселенько, а по приходу в келїю стала с каждым ч[е]л[ове]ком прощаться на особицу каждый день. Не знаю, сколь так жила, // только немного, и скоро преставилась. И по некоей причине пришлось ее перехоранивать, мне мнитса, как чрез три года, точно не знаю, но тело ея было нетленно.

<sup>е</sup> исправлено, в рукописи ошибочно *грению*;

<sup>ю</sup> на правом поле *от[ец] Антон[ій]*;

Это было уже при советской власти. Это я слышала *от* м[а]т[е]рей Еванѳи и Валентины.

### Ѓ м[а]тери\* Алеѳандре.

Ѓ м[а]т[е]ре Алеѳандре, предреченной в Родословне бывшей игуменѳи м[а]т[е]ри Евфалѳи, что слышали мы м[а]т[е]рей, поведующих сице. Сѳя *отиде от* мира возрастом 22-х лет, со своим супружником Власѳем (по накрытѳю о[те]цѳ Варлаамѳ) ушли вместе. Она пришла на Зарослу, неподалеку *от* реки Сылвы, Кунгурскаго уезда, деревни Кедровки. Тут жили старицы 40 ч[е]л[ове]кѳ. Игуменѳа была инокиня Венедикта. Ее долго не принимали, сказали, что у нас довольно семьи, и места нет, разве под кроваткой будеш спать. Потом за ее неотступное желанѳе все же приняли. Она тут училась Фалтырь по ночам, днем некогда было, келарила. // Ночи мало спала, *от* недостатку сна у ней заболели глаза, и ей дали время спать, когда захочет, и не будили, пока не поправилось здоровье. Потом они жили у Калмыковых на Чорной горе, на Лае, на Танаевке. О сем писано в Родословной стариц пространно в 1-й главе.

л. 92

М[а]ть Алеѳандра была искусная старица, порядки пустынный строго соблюдала. Когда что случалось в сестрах неудовольствѳе, всех призывала к себе и до тонкости выправляла ошибки сестр, кто виновен в какой-либо нелюбви. Когда они переехали на Танаевку, она вскоре заболела, еще не достроена была постройка. И сестры стали молиться Б[о]гѳ, чтобы Г[оспод]ѳ оставил еще еѳ хотя на три лета. Тако и бысть. Г[оспод]ѳ дал ей здравѳя на три лета, и потом преставился 24 марта, а память ей 4 генваря. Еще молилися пред еѳ кончиною, просили Б[о]га о здравѳи еѳ, но не благоволи более ей пожити. Когда она болела к смерти, просила сестр попокоить о[т]ца // Варлаама, сказала, что он после нея долго не живет. И по смерти еѳ, в 20-й д[е]нь, преставился и о[те]цѳ Варлаамѳ 13 апреля, а память его 11 февраля.

л. 92 об.

Ѓ сем о[т]це Варлааме слышахом, что смиренѳе его бе велико, и когда он еще был молодой, однажды шел кротко, якоже подобает старцем, с посохом и лестовицей по переходам через прясло и показал, что «я могѳ вот так, и без переходов перетти прясло», и пошел скоренько, и махнул чрез прясло, только ноги мелькнули. И сказал: «За устав нашего жития старцем не подобает тако творити, но все с кротостѳю и со смиренѳем». И еще хотя одно поясню о его смиренѳи. Однажды он был у Калмыковых на многолюдном обеде, и ту нещии восхотели искусить его смиренѳе, не положили ему ложку. И он по-

\* исправлено, в рукописи ошибочно м[а]те;

л. 93 бедал без ложки и не сказал, что «почемѸ мне не положили ложку», но смиряясь, тако пребысть. Мы (пишет о[те]ць Антоній) еще его своим ачима видехом, и его пресветлыя седины, а когда он жил последніе часы, // м[а]т[е]ри пришли попроведать, он сидел, молился Акаѳист, и тако скончася сядя.

### Ѓ о[т]це Арсеніи.

л. 93 об. Оу сего о[т]ца Варлаама жил некое время в послѣшаніи Анатолій, бывшій из никоніян. Сей сначала пришол ко отцѸ Алимпію и несколько пожил у него, и ради слабых порядков пустынной жизни ночью ушол от него тай ко о[т]цѸ Варлааму, здесь покрепче было. Тут он немного пожил и заболел, и по его прозьбе был накрыт и наречен чер[нец] Арсеній. Он был шипко доволен, говорил: «Бл[а]годарю вас, о[т]цы с[вя]тїи, каковаго дара вы меня сподобили», — а сам плачет. М[а]ть Валентина, приходившая на посещеніе, спросила его: «Почто плачеш?» Он сказал: «Не о себе я плачу, но о вас, ибо вам придется много страдать», и тако в той болезни преставися. В синодикѣ записана година ему 5 декабря, а память 3 июля. По предсказанію о[т]ца Арсеніа, действительно м[а]т[е]ре Валентине пришлось много пострадать, претерпеть // на Моховке и на Дупчесе скудость в питаніи и разореніе, таже заточеніе, и наконец, тяжкїа пред кончиною болезни. Ѓ[те]ць Варлаам последніе годы своей жизни проводил на речке Танаевке, близ обители м[а]т[ери] Алеѳандры.

### Глав[а] 25<sup>я</sup>. Ѓ м[а]т[е]ре Еванѳи.

л. 94 Сїа предреченная м[а]ть Еванфїя до накрытїя бе Евдокїя, первоначально пришла на Черную горѸ кѸ м[а]т[е]ре Алеѳандре и ту получила иноческїй чин. И потом по преставленіи м[а]т[е]ри Алеѳандры бысть игуменїя. Сїа была теплая м[о]л[и]твеница к Б[о]гѸ, якож[е] предлежащее явит слово. У ней жила черн[оризица] Ираида, обратившаяся от никонїан. Пришла к ним на Лаю, а потом ослепла... И когда они стали собиратся поехать с Таванги на Парбик, черн[оризица] Ираида говорит: «Я не поеду, здесь останусь», и много ее уговаривали поехать, и не могли увещать. Тогда м[а]ть Еванфїа сказала: «Здесь ей одной оставаться не подходит. Надо молится о ней к Б[о]гѸ». И когда стала м[а]ть Еванфїя молиться о ней к Б[о]гѸ, // м[а]ть Ираида заболела и скоро преставися, 13 авгѸста.

<sup>3-я</sup> написано на левом поле;

А потом, когда они жили уже на Моховке, а старцы на Дупчесе, *мать* Еванфія уже в последній год своей жизни говорила: «Я буду молится Б[о]гѸ, чтобы о[те]ць Антоній пришел», и написала письмо о[т]цѸ СемеонѸ и о[т]цѸ Антонію, и послала с попутными, просила, чтобы о[те]ць Антоній пришел. По полученіи письма о[те]ць Семеон з братією итти на Моховку не насоветовали, ради дальнаго растоянія и неупражненія, совет был на Малом ТогѸльчесе, где тогда братия работали. А наше жилище было верст 30 у галей\*, о[те]ць Семеон ушел туда домой и там только д[е]нь или два пожил, приходит опять на ТогѸльчес неожиданно в растроеном виде и говорит: «Ну, м[а]т[е]ри Еванѳи молитвы не дают мне покою. Давайте собирайтесь, идите къ ней». Пошли о[те]ць Антоній с братією четверо, во время осени пришли на МоховкѸ. *Мать* Еванфіа, получивши желаемое, сходила к о[т]цѸ Антонію на // исповедь. Вот таковы еа были сильныя м[о]л[и]твы, и Г[оспо]дь исполнял ея прошеніе, по писанному: «Волю большихса Его сотворит, и м[о]л[и]твѸ их услышит и сп[а]сетъ ихъ». Бысть же сѣя и трудница великая и смиренная, всем служила сестрам, от утра до вечера без *отдыха* ходит и ходит, постели направляет, тряпки подбирает, онучи моет да сестрам их подает. Всем служила с великою любовію. Дней за девять до смерти *мать* Мамельфа ей сказала: «Довольно, матушка, работать». Она *ответила*: «Вот буду именинница, больше не буду работать». С именин заболела 1 марта, и 6 марта преставися в лето 7453». Дозде рѸкопись м[а]т[ери] Анатолїи.

л. 94 об.

## ☩ м[а]т[е]ре Валентине. Глав[а] 26.

☩ сей м[а]т[е]ре Валентине пишет послушница ея м[а]ть Софіа сице.

«Сїа м[а]ть Валентина до накрытия бе Вера. Осми лет последовала в пустыню вместе с родителями. С матерію она пожила до 15 или 16 лет и потом последовала к м[а]т[е]ре Александре. // Сначала ее не принимали, но за ее великое желаніе не ѳказали. И ей много пришлось перенести скорби, ибо многіе ѳ сестр ее ненавидели ради еа смиренїа и послушанїа. 18 лет она получила анг[е]льскїи чин. Трудилась самую тяжкую работу много лет. Лет *десять* и больше чистаго хлеба не едала, добрыя одежды при наших глазах никтоже видел, дабы когда одела, считала себя хѸже всех. М[о]л[и]тва І[с]с[с]ова не выходила изо уст еа до кончины жизни еа. Правило николиже без слез помолилась. Лет 8 или *девять* до кончины живота своего мало когда преставала от слез.

л. 95

Кончина ей бе такова: сильно заболела она с 1 августа, но еще ходила на своих ногах до 1 ноября, мало нечто питалась, с перваго нояб[ря]



ничтоже вкуси, разве питія. В такомъ состоянїи прожила 28 дней, м[о]л[и]твѣ не оставила до кончины своея. Много бысть ран на теле ея. л. 95 об. Преставилась 28 ноября, в 7 часов дня, 7466-м год[у]. // Когда бысть при последномъ дыханїи, весело осклабися и расталась с д[8]шею. Азѣ, грешная Софія, что видела и слышала про нее, то и написала. Память ей 17 сент[ября]».

Дозде мать Софія. Прочее\* зри о м[а]т[ери] Вален[тине] выше в родословной старицѣ, глав[а] 1, лис[т] 3<sup>а</sup>. Годъ<sup>н</sup> рожденїа ея бе 7430<sup>н</sup>.

СѢ посланїи м[а]т[ери] Македонїи къ м[а]т[ери] Софіе. О м[а]т[ери] Валентине.

«Ч[е]стнаа м[а]ти возлюбленная, допокаивай мать Валентину, ети старушки раньше запаслись добрыми делы, довлеет им на все оскуденїе ума до самой смерти. Г[оспод]ь рече: “Болен быхъ, и послужиште ми”<sup>н</sup>, и прочее. На себя взял Х[ристо]с ету службу. Не им служиште, а самому Х[ри]ст[у]. Потерпи ихну немощ и лишенїе, мы не знаем, до чего сами доживем».

И паки тая ж къ той же: «Добре, что подробну описала кончину м[а]т[ери] Валентины. У нас на Кассу мать Акинѡа, умирая, осклабися весело, и се кончина бл[а]гаа, анг[ел]ом пришедшим по д[8]ш[у]».

Еще пишет мать Софіа о м[а]т[ери] Валентине.

л. 96 «Мы нонче, вѣ 7471 год[8], в конце мая, ходили на // могилу м[а]т[ери] Валентины, пропели панахиду общую и канон за одну пропели. Водили старшкѣ беснующую, она за м[а]ть Валентину не могла молиться, всякїя нелепья слова бес выкрикивал, их и писать нельзя. Она за нее и дома не может молиться, за сутки захварывает, когда бывает память или години м[а]т[ери] Валентине».

л. 96 об. И бысть по сих иногда случася у стариц некїя разговоры в части разделенїя семей, за еже умалитися обителем и снитися воедино, и бывшимъ им в такомъ размышленїи, едина от них, м[а]т[ерь] А. виде во сне мать Валентину, се бысть в 7475-м году, 28 ноября, тогда же и година ея. Сїя м[а]ть Валентина говорит мне (пишет мать Акинѡа): «Что вы размышляете, “ети нашей семьи, а ети не нашей”, сїе не полезно есть. Мы все в одной обители», — и показала перстом на восток и сказала: «Смотри, где мы находимся». Я зглянула и вижу неисчетно мно//жество венцов разноцветных, аки множество звезд, или когда с[о]лнце играет, и всё как живое, и посем сказала м[а]т[ерь] Валентина, «что за малую и великую скорбь и терпенїе со благодаренїем во всем с радостию от всяя души может ч[е]л[ове]къ ету же светлость получить, и даже за одно благодаренїе может кто тую же светлость

\*-л дотисано мелким почерком в строке и над строкой;

м-н написано на левом поле;

получить. А молиться за нас — ваше желаніе, сколь кто изволит, сим вы нас вынуждаете ходатайствовать о вас к Б[о]г[у].»

И вот я опечалилася, что ради лености лишаюсь такой светлости. Простите, Х[рист]а ради.

## ГѠ истеченіи мѡра Ѡ образа Р[о]ж[е]ства Х[ристо]ва. 27 глав[а].

Поведа нам м[а]ть Валентина. «В нашей, — рече, — обители, еще при м[а]т[е]ре Алезандре в лет[о] 7424, мне тогда бывшей лет 23-х. В праздник Р[о]ж[е]ства Х[ристо]ва, во время церковной службы, показася чудо предивно. Егда бо запели стихеру, на литіи славник, глас 5, “Волсви, персидстїи царїе” (по знамени), и в то время, по внезапу //тече

л. 97

## ГѠ горащем светильнике.

Еще поведа нам м[а]ть Валентина. «Слышах, — рече, — от своей игуменїи м[а]т[е]ри Алезандры о Ѡбразе с[вяти]т[е]ла Николы, его ж[е] она принесла с собою, приходящи в пустыню. Пред сим, — рече, — образом стоящи светильник, и сотворися единою таковое чудо: возже бо ся сам светильник кроме рѣк ч[е]л[ове]ческих, Б[о]жїим яве мановенїем, и шесть недель горяще неугасимо, и никто же к нему масла не подливаше. Егда ж[е] прикоснуса к нему едина от стариц, восхотевши поправить его, и тогда абїе угасе светильник он. Образ же той с[вяти]таго // Николы бе написан: мера высоты его около двух четвертей,

л. 97 об.

## ГѠ знаменїи Ѡ иконы с[вяти]таго Іоанна Б[о]г[о]слова.

Еще поведа мать Валент[ина], гл[агол]а, яко от[е]ць Сергїй пред скончанїем своим бл[а]г[о]с[ло]вил икону Ч[е]стныи Кр[е]сть с предстоящими отдельными от него иконами в нашу обитель еще при

жизни нашаея игдменіи мать Алеѣандры, и престаився от[ея] Сергій в 7422-е лет[о]. В сорочины ж[е] его бысть знаменіе от предреченныя иконы с[вя]таго Иоанна Б[о]г[о]слова, предстоящаго Кр[е]сту Х[ристо]вѣ, сицевое: из очей его потекла слеза по иконе, и егда дойде до божницы, преста тещи.

### Обретеніе мощей старца Саватїа. Глав[а] 28.

л. 98 И еще поведана мать Валент[ина]. «Яко некая, — рече, — вдова // услышала, яко в некоем месте в заводе естъ погребены мощи некоего старца Саватїа, и обята бысть желаніем во еже обрести я, и сего ради преселися на то место, и моляше о том Б[о]га, да явит ей о них, где суть. И извещена бысть знаменіем сицевым: петух начал петь под амбаром не по обычаю, яко ж[е] совершается куроглашеніем на возвышеностях. И от сего разумевши ту быти искомомѣ, и приведе на то место беснующую жену, и возопи в ней бес, и начаша копати ту и обретоша мощи, уже тленію предавшася точію кости, и некія части от погребальных риз осташа. И на пренесеніе их вдова она позва нас с матерью Еванфїей, и быхом самовидцы, и доселе хранятся у нас части тех одежд. Того лета бысть изобиліе во всем у онныя вдовы и гл[агол]аше она, яко «зам[о]л[и]твы о[т]ца Саватїа бл[а]г[о]с[ло]ви Б[о]гѣ домѣ мой».

### Об Артемїи и Варваре.

л. 98 об. Еще поведана мать Валент[ина]. «В некоем, — рече, — месте бе живыи // некій ч[е]л[ове]кѣ хр[и]стїанин, именем Артемїи с женой Варварой. И были уже в летах преклонных, жили подвижно, молились правило тысячное. И близ их жил старик никониянин со старушкой, и сїя старушка видела по ночам на дому Артемїа горящїя две свечи и говорила своему старику: “Прїимем старую веру, сообщимся с Артемїем”. Но жестокосердый старик грубо отвещал: “Я лучше говну поклонюся, а не тому старику”, еже и бысть: поиде бо во двор скотскїи и паде ницѣ лицем в кал, и ту умре».

### Об избавленїи пѣтшествующих.

Еще же поведана нам мать Валентина, г[лаго]лющи: «В некое время в росїйских пределах люди ехали на поезде. И се узреша впереди некоего старца с красным флагом стояща, небл[а]гополучїе являюща. Остановился поезд и видят железну дорогу разрушену, старец ж[е] невидим бысть. И г[лаго]лаху хр[и]стїане, яко явивыися бе с[вя]тїи

Никола, понеже во всем подобен ему бе по образѸ. И, видимо, неции изъ хр[и]стїанъ, // имущїи веру ко с[в]ятому Николе, помолѣшася ему, да сохранит их в пути, и явися им скорый помощник и избави их и иже с ними *от* напрасныя смерти, понеже бо умрети имяху при сокрушенїи поезда». Дозд[е] м[а]т[ь] Валент[ина] (пишет *от*[е] Антон[їи]). л. 99

Бысть сїе чудесное событие не случайно, но по вере ту сухих, яко *есть* обычай во хр[и]стїанех, пред путешествїем молятся, кто кому имеет веру: кто 3 поклона, кто 12, а кто и молебен, дабы сохранил Г[оспо]дь в дороге.

### Поученїе матъ Валентины, с тол рукописи.

«Возлюбленнїи мои о Х[рист]е, сестры и чада Б[о]жїа... прошу и молю вашу любовь. Елика *есть* сила, подвизайтесь о своем спасенїи и не возлюбите временную жизнь сїю, но всею д[Ѹ]шею и с[е]рдцем и умом прилепитесь к любви Б[о]жїей и по вся часы поминайте разлученїе д[Ѹ]ши и како стати пред страшным судїею, и како *от*-вещати о содеянных нами согрешенїих. О сем помышляйте и тогда вам все будет // легко и будите трудиться с радостію д[Ѹ]ховною без празнословия и прекословия, и труды ваши будут, яко миро бл[а]говонное пред Б[о]гом и мене, грешную, помяните во с[в]ятых ваших м[о]л[и]твах. Б[о]гъ да сохранит нас *от* непрїязни векови, аминь... Простите мя, убогую сироту». Дозде м[а]т[ь] Валент[ина]. л. 99 об.

### С рукописи предреченныя м[а]т[ери] Софїи и *от* повести самой Агнїи. Глав[а]° 29<sup>н</sup>.

В лето 7465 я получила письмо (пишет м[а]т[ь] Софїя) *от* тѣтаньки Агнїи, сестры моего родителя Онисима Филимоновича. Она объмирала на 3 дни, что видела, все описала. «Когда, – говорит, – я заболела, вижу — по меня прїехали двое черные на черной лошади, посадили меня и привязали к лошади и привезли к огненной реке, зело шумящей и воныщейся, и в ней было гѸсто людей. И когда меня спустили в реку на лошади, тогда я напугалась сильно и соскочила с лошади, и в то время сяла, поглядела на иконы, они все ходили на божнице. Тогда шли три с[в]ят[и]т[е]л[а] къ востоку // по божнице, у них в руках были чашечки и ложечки. Погледела на восток, а там распятие, суд уже готовый, мертвые все воскресли, *стоят* на земли густо и *смотрят* на восток. Посмотрела кверху — н[е]бо *отверсто*, *стоит* страшный пр[е]столъ, и великїй сїем л. 100

<sup>н</sup> написано на левом поле;

л. 100 об.

свет. И сильно устрашилась и стала просить Б[о]га (суцаго во образе отрочате, сядящаго на руках матерних), чтобы он меня простил, а он не прощает. Б[огоро]д[и]ца посадила его с рукъ и ему поклонилась, и он тогда меня простил, я попросила у Б[о]га на три дня жизни. Потом сходили по наставника Варлаама, и он стал молиться, и у его на плече явился голубь. Я сходила на исповедь, наставник пошел домой, а голубь остался, а на правом плече появилась черная с рожками и с хвостом собачка. Я просила, чтобы его воротили, и когда он, возвратившись, стал молиться, тогда опять явился на плече голубь. И когда пошел опять, явилась собачка на плече. Три раза ворочался по моей прозбе, и всё таковыя были // виденія, которья видела только я одна. Потом я попросила пить, мне принесли воды, вместо воды получилась кровь в чашечке и мл[а]д[е]н[е]ць. В то время я прочитала: “Тело Х[рист]ово прїимите, источника безсмертнаго въкусите, аллилїа”. Выпила, в чашечке ничего не осталось. Плюнула на пол, получилась кровь, и я ножом соскоблить никак не могла. А муж ея, Никола, на полу не видел кровь, говорит ей: “Почто скоблиш пол?” «Потом пришли двое светоносны по меня, и пошли мы к востокѸ (стоат<sup>р</sup> темныя домики<sup>с</sup>), я спросила, чьи ето домики, сказали: “Ваших хозяев”. Я поглядела, в одном там стоит Григорій на льду, босой и нагой (Григорій был скупой, наш хозяин, у него мы жили на квартире, онъ утонул). Потом пошли домой, стоит котель, в котле сидит наш Саватий, руки поднял вверх, просит молится (ето был Агниной сестры муж, нечаянно застрелился). В другом котле сидит наш сват Бакулев Михаил. Саватия отпустят, он только до Страшнаго суда. //

л. 101

Пошли дальше. Стоит стол, сильно снаряженный и уставленный весь пищама. Над столом висят яблоки и кругом сидят люди. Пошли дальше, стоит стол, кругом сидят люди, на столе нет ни кусочка. Пошли дальше, стоят три с[вя]т[ите]ля, Василій Вел[икий], Григорій Б[о]г[о]слов и Иоанн Зла[тоу]ст, и о[те]ць Сава к ним подошел, как вроде что-то советовать. И тогда водящій меня пошли от меня, и я осталась одна, пошла дальше. Увидела хорошій домик, весь в цветочках. Стала подходить, вышли моа м[а]ть Парасковїя и сестра ея, крѣсна Зиновїя. Я сильно стала рада и с радости съ ними заговорила.

<sup>р-с</sup> дописано над строкой со знаком вставки;

<sup>†</sup> под знаком + в нижней части листа мелким почерком написано Парасковїа и Зиновїа Ивановны были добродетельны. Их уже по преставленїи видела Агнїа. Агниина м[а]ть Парасковїа бе вельми добродетельна. Сїа, егда престависа от временныа жизни, тогда н[е]бо открывалось. И видахѸ свет м[а]ть Мелетина вышереченнаа (игуменїа м[а]т[ь] Афанасїи), суцей ей в келїи, и некїй старичѸк, жившїй в том селенїи, идеже престависа Парасковїа. Сїе бысть на Чюлыме, о сем свидетельствует м[а]ть Акинфа, слыша от м[а]т[ери] Алевтины, скончавшейся на Дупчесе, яже поведает о своей свекрови Парасковїе Ивановне;

На меня заворчал муж, и я проснулась, и оказалась в избе. Во время виденія ви//дела: с правой стороны за стеной стоял бесовскій начальник, ибо тогда мне не препятствовали стены *смотреть*. И когда читаю м[о]л[и]твѣ “О[т]че *наи*”, тогда он сильно злится на меня. После виденія стала читать книгѣ Златоуст о Страшном суде и о муках, и о чем читаю, то и вижу. Сѣ было в лето 7431 в деревне Можарке, в Минусинских пределах». А что Агнїа видела на н[е]бе, не сказывает, говорит, «не велели мне сказывать». О сем поведѣ нам муж ея Никола, брат о[т]ца Афанасїя, предреченнаго в житїи о[т]ца Симеона.

### О о[т]це Нифонте

Сей дед Никола в старости лет последовал в пустыню к о[т]цѣ Маѣмю. От него прїя иноческїй чин и наречен *быть* о[т]це[м] Нифонт. Он с братом *от[цом]*<sup>у</sup> Афанасїем в юности вместе жили некое время на Урале у *от[ца]* Сергїя. У сего о[т]ца Сергїя пред иконами лампада горела неугасимо. О сем поведѣ нам о[т]це[м] Нифонт. Некїи брат говорит о нем: «Жили мы с о[т]цом Нифонтом около двух // лет, и никогда не слышали от него грубаго слова, ниже какое-либо прекословіе, ему всё было добре, так или иначе. И потом некое время поболев, преставился 18 декаб[р]я/ 7469 г[оду]. Память ему 6 декаб[р]я/. У м[а]т[е]ри Флины беснующая кричала о нем: “Етот старик к Распятому ушол”. А когда молились за него, она кричала: “Опять за душнава-то молитесь”.

О сем подробнее пишет послушница м[а]т[е]ри Флины м[а]т[е]р[ь] Е... «Когда услышали матушки, что о[т]це[м] Нифонт преставился, тогда начали молиться за него тропарь “Елика вѣ житїи”, беснующая закричала: “Не надо за него молиться, он и без вас прокис, к Распятому ушол, я не стану молиться за него”. За понахидой то же самое кричит. А предреченная Агнїа без накрытїя скончалася у м[а]т[е]р[и] Софїи. Пришла к ней в то же время, когда и *от[ец]* Нифонт к о[т]цѣ Маѣмю. Преставился 1 іюня 7467 год[у], а память ей 21 генваря.

Ѓ м[а]т[е]ре Елизавете. С рѣкописи м[а]т[е]ри Флины. //

Ѓ повести м[а]т[е]ри Авсїанїи,  
м[а]т[е]р[и] Иларїи и прочих. Глав[а]<sup>ф</sup> 30<sup>х</sup>.

М[а]ть Елисавета во младых летех последовала к выше реченной м[а]т[е]ре Алѣксандре на Лаю и жила у ней в послушанїи. А потом

<sup>у</sup> написано над строкой;

<sup>ф-х</sup> написано на левом поле;

мать Алезандра с Лаи переехали на Танаевку, а мать Елисавета за Бииск, в деревню Ашпанак, от города Бииска верст 150, вверх по Бие на левой стороне по теч[ению]. Там жили Мягковы, Михаил Ефимович, брат о[т]ца Савы, они жили по-хр[и]стїански, свет миру были, одежду носили хр[и]стїанскую, с миром не сообчались. Они бывшіе наши соседи на Урале (пишет мать Флина). И они уехали в Ашпанак, и м[а]ть Елизавету туда пригласили, и она переехала в Ашпанак, и ту бысть игуменїя и образ добродетели сущим во обители, учащи сестр не словом токмо, но и делом. Воздержанїе ж[е] велико имущи: исперва убо мало-помалѸ отлагающе от брашен, послежде же ничто же ино, точїю хлебѸ // да воду вкушаше. М[о]л[и]тва ж[е] ел бе прилежна к Богу и к Б[огоро]д[и]це. Кроме обычных м[о]л[и]твѸ, молилась Б[огоро]д[и]це полуторницу, в полночь кланялась в землю 50 бобочков «Достойно есть», и 50 бобоч[ков] «СѸ тебе радѸетса», и 50 «СѸ Всепетаа М[ати]и» и 15 «О[т]че наш». В 7 426-м год[у], — говорит м[а]ть Флина, — я туда, в Ашпанак, прїехала к м[а]т[ери] Елисавете и с ней пожила года 3 и от нее получила бл[а]г[о]с[л]о[в]енїе, т. е. англ[е]льскїй чин. И когда я еще жила первый год, м[а]ть Елисавета ездила с мат[ерью] Иларїей куда-то далеко и 8 дней поездили, и привезли мощи инокини Миропїи. Сїя инокиня Миропїя и иже с нею, бежавшіе в Никоново время, и в той деревне старики свидетельствуют, люди хр[и]стїане, когда старицы жили в келїи, на Х[ристо]въ д[е]нь (на ПасхѸ), огонь сходил к ним в келїю. И вот м[а]ть Елисавета узнала про них, привезла эти мощи, косточки только, тело тленїю предалось. 8 іюля они прїехали после обеда и привезли // образ Пр[е]с[вя]тыа Б[огоро]д[и]цы Казанской, помолились малѸ вечерню на бденїе, и вот я пробудилась и вижу — огонь в часовне, я прибежала в часовню, и нет никого, еще не молатся и огня нет. И какой был свет, не знаю.

Когда я тут жила, м[а]ть Елисавета поведана нам. «Некогда, — рече, — прїиде к нам семо некїй ч[е]л[ове]кѸ хр[и]стїан издалече и попросил у нас с[вя]тѸю воду, и мы емѸ налили в сосуд с[вя]той великой воды. Он же возвратился восвосяси. И по некоем времени, неведомо кїа ради вины, сїю с[вя]тѸю воду вылил в рекѸ, и ту сотворися чудо предивно: воспламени бо ся с[вя]таа вода вылитая, он же устрашен быв и позна свой грех. И сего ради паки прїиде к нам, исповеда вся бывшая. Прося прощенїе о своем согрешенїи». Дозд[е] м[а]ть Флина.

Повествова ж[е] еще о м[а]т[ере] Елисавете и о[те]цѸ Симеон. «Прихождах, — рече, — некогда в Ашпанак для разсмотр[ен]їя во обитанїе мест, егда еще бых мирянин. Видех мать Елисавету и зело пользовахся от душеполезных словес ея. Егда ж[е] хотех отитти в намеренный путь ко о[т]цѸ Саве, сїа поклонимися, посылая поклон

л. 103

л. 103 об.

л. 104

о[т]цѣ Саве, просѧ от него прощенїя и благословенїя, тако ж[e] и от себе посла прощ[енїя] и бл[а]г[о]с[ло]венїя. Сїа аще и д[ѣ]ховнаго бе понятїя прежде о прор[о]ках и антихристе, но не творяше разделенїа и не зазираше о[т]ца Саву ради чювственного о прор[о]ках и антихристе понѧтїа. **В**опроша ю о последних временах, но она уже тогда в противословїе не входила, но в судбах Б[о]жїих оставляла».

Ѓ сей м[а]т[ери] Елисавети поведѧ на ея ученица м[а]т[рь] Авсїанїа. «**И**ко сїа, — рече, — бе zelo подвижна: тажки вериги носѧци на теле своем и пищу вкушаше единою днем. Хлеб точїю и воду, кроме суботы и н[е]д[е]ли, и мало сна прїимаше. Ей же и послужити аз сподобихся в болезни еѧ. Сїа 1 августа в болезнь впаде. **В**ъ праздник же Преображенїа Г[о]с[под]на // утром собирающимся сестрам в часовню на м[о]л[ит]ву, келїа ж[e] бе ея подле часовни<sup>4</sup>, и двери въ келїю из часовни. Аз ж[e] восхотех внити в келїю еѧ по наметку, и яко приближихся ко двери келїи, и абїе обят мя ужас велїи. И мало открых двери келїи, внутрь же внити не могах. И мало постоявши у двери, паки понудихся внити, и тогда вшедши мне в келїю еѧ. Она ж[e] тогда лежащи на одре, и аз на ню воззрети не могах, ужасу ма обдержашу, точїю слышах ю, г[ла]голющю: «Г[о]с[по]ди, помилѧй». И взях намѣтку, изыдох, последи ж[e] разумех, чесо ради бысть на мне ужас тогда, и не могах внити в келїю м[а]т[ери] Елисаветы, яко Сам Г[оспо]дъ явился ей тогда, яко ж[e] сїя исповеда нам послежде, яко ж[e] предлежащее явит слово».

л. 104 об.

С<sup>ч</sup> рукоп[иси] о[т]ца Антонїа<sup>ш</sup>.

Ѓ сей м[а]т[ери] Елисавети еще<sup>ш</sup> поведѧ мат[рь] Иларїя<sup>а</sup>, бывшая игуменїа по м[а]т[ери] Полиженїи. «**П**о празднице, — рече, — Преображенїя Г[о]с[под]на, во един от дней начахом молитися службу н[е]б[е]сным силам о здравїи еѧ. // И уже начахом пети вечернїе стихеры, и мат[рь] Елисавета спросила нас: “Вы что молитесь?” И мы рекохом: “Службу н[е]б[е]сным силам молимсѧ за твое здравїе”. Она ж[e] рече: “Нужно молиться Успенїю”. И мы оставихом петь н[е]б[е]сным силам, начахом молитися Успенїю по желанїю еѧ. И утром, егда начахом пети величанїе, тогда она попросила образ Пр[е]с[вя]т[ы]х Б[о]горо[д]ицы и, взяв его в руки, усердно приложися ко образѣ и подаде его мне. Одръ ж[e] еѧ, на нем ж[e] лежаше, бе на середине часовни близ с[вя]т[ы]х икон. И по скончанїи службы попросила она с[вя]т[ю] икону «Нерѣкотворенный образ Х[ри]стовъ», большаго размера, около аршина. И взявши его в руце, и начат его

л. 105

<sup>4</sup> исправлено, в рукописи часовню;

<sup>ш</sup> написано на левом поле;

<sup>ш-ъ</sup> вначале было еще мат[рь] Иларїя поведѧ, порядок слов исправлен с помощью цифр 1, 2;



л. 105 об.

усердно лобызати, а сама уже не питалась много дней и зело ослабела, но подкрепляема бяше великою любовію. И посем рече сестрам, дабы и онаы имели таковую *ж[е]* любовь ко Спасителю и друг ко другу, “и Он вас не оставит”. И нача молитися ко образу, его *ж[е]* держа в руку, дабы Г[оспо]дь их // не оставил. И по довольной м[о]л[и]тве подаде им образ». Дозде<sup>4</sup> *мать* Иларія и р[у]копись о[т]ца Антонія<sup>4</sup>.

Мы *ж[е]* паки последуем продолженію слов м[а]т[ери] Авсіаніи. «Егда, — рече, — лежаше м[а]ть Елисавета больная в часовне, в некую ночь мне сущи в часовне *ж[е]*, почиваючи на одре, не спящи, и слышах ю внезапно рекущую протяжным гласом: “Аминь. Заходи, матушка, заходи”. И абіе начат молитися за *мать* Евникію за упокой тропарь “Елика вѣ житіи сем яко ч[е]л[ове]кѣ согреши”, и прочал. И егда помолися, паки умолче. Зде мнится быти явленіе ей м[а]т[ери] Евникіи, родительницы ея, прежде преставльшиися.

Во един *от* днй по Преображеніи Г[о]с[по]дни м[а]ть Елисавета поведана нам всем сестрам сице. «Яко явися мне, — рече, — Сам Г[оспо]дь в Преображеніе и сказа ми *отшество*е *от* сея жизни в той день, аз *ж[е]* молих Его, да даст ми еще некое время пребыти zde и по м[и]л[о]сти своей приложити мало днй к жизни моей. И предрече ми *от* тела разрешеніе в праздник Б[о]горо[д]ицы Успенія, в третій час дне».

л. 106

И услышавше сія // сестры, яко скоро *отходит* их м[а]ти *от* жизни сея, восплакашася, г[лаго]люще: “Почто нас оставляеши, возлюбленная м[а]ти, и како имамы без тебя жити, кто нас будет наставлять на путь спасенія, и кто будет управлять сестрами?” И тогда на управленіе обители м[а]т[ери]ю Елисаветой назначены были три старицы: м[а]ть Иларіа, *мать* Полиженіа и *мать* Евтихія, бывшая по плоти сестра м[а]т[ери] Авсіаніе. По моленіи молебна даны были им всем жребія, брала жребія сама м[а]ть Елисавета, пал жребій на *мать* Полиженію. Предсказаніе было м[а]т[ери]ю Елисаветой, что *мать* Полиженіа проживет на этом месте один год, так и получилось. Выехала она изъ обители и по некоем времени утонула. М[а]т[ери]е Иларіе предсказала *мать* Елизавета<sup>5</sup> быти 9 лет на игуменстве, на том месте.

<sup>4-4</sup> *написано на верхнем поле;*

<sup>5-50</sup> *написано таким же крупным почерком на вклеенном листике вместо написанного на л. 106 Она ж[е] утешая их от плача и рече им: “м[а]ть Иларіа вам будет игуменія”. И егда услыша сіе *мать* Иларіа, тяжко си вмени и нача отрицатися от управления. И тогда рече м[а]ть Елисавета: “Подобало бы быти игуменіи м[а]т[ери] Иларіи, но понеже не хочет послушати, вот вам еще м[а]ть Полиженіа. И на сих двоих метните жребій, и на котору падет, та вам будет игуменіа”. И паде жребій на м[а]ть Полиженію, и бл[а]г[о]с[ло]ви ю *мать* Елисавета на игуменство, и предрече ей токмо едино лето пребыти игуменіей, а *мать* Иларію бл[а]г[о]с[ло]ви на под игуменію. И предрече ей;*

И по сих збысться прореченіе еа. Мать Полиженіа, сестра м[а]т[ери] Измарагды, утонула<sup>а</sup>.

Егда ж[е] приспе праздник Успеніа Пр[е]с[вя]тыа Б[огоро]д[и]цы, тогда // сбысться прореченіе м[а]т[ери] Елисаветы. По многих бо трудах своих успе сном вечнаго покоя, отиде ко Г[оспо]д[у], Его же возлюби, в лет[о] 7429, 15 августа. Память еа 25 іюня. Г[о]с[по]д[ь] же прослави рабу свою сицевым образом. В самый бо день Успенія Пр[е]с[вя]тыа Б[огоро]д[и]цы предреченныи хр[и]столубецъ Михаил Ефимовичъ, по плоти брат о[т]ца Савы, единомыслен ж[е] бе ему и в понятіи о последних временах, яко ж[е] учит с[вя]тая ц[ер]ковь. Он виде над обителію столп огненный от земли до н[е]б[е]си досяжушь. И от сего виденія разуме тогда быти преставленіе м[а]т[ери] Елисаветы. И поиде по обеде во обитель, отстоящую от селенія поприщъ 5, и пришед, виде м[а]ть Елисавету преставльшуюся и сестры, плачущія о разлученіи своея возлюбленныа м[а]т[ери]. И поведи им, яже виде. И слышавше сіа, прославиша Б[о]га, прославившаго рабу Свою. И тако погребоша ю с честію. М[а]ть Елисавета преставися не стара еще, не бе 50 лет.

л. 106 об.

По преставленіи ж[е] м[а]т[ери] Елисаветы, во время сорочин, на // могилѣ еа хождаше мать Иларія и чтяше канон за умершую, и по каноне чтяше прощеніе у м[а]т[ери] Елисаветы и слышаше глас еа от гроба, прощающею ю. И сице бываше несколько раз. О сем свидетельствует м[а]ть Авсіанія. И сама мать Иларія, слышавшая глас от гроба, вопрошена сущи о сем от о[т]ца Антонія, отвеща, что воистинну слышала глас еа от гроба.

л. 107

Еще поведи нам м[а]ть Флина.

«По преставленіи, — рече, — м[а]т[ери] Елисаветы, во время сорочин еа, сущей мне в келіи еа, во едину ночь явися мне м[а]ть Елисавета во всем полном чину и в соборной мантии. Мне тогда обидящейся на некую старицу, и, сія запретивши, рече ми: “Остави сіа”. И се рекши, нача пети ирмос, глас 3, песнь 4 “Положи кѣ нам твердѣю любовь си, Г[осподи]”. И егда скончавши ірмос, из келіи изыде.

После м[а]т[ери] Елисаветы была игуменіа мать Полиженія один год, а по ней мать Иларія. Я с ней прожила 7 годов, а всего 11 лет жила я съ // ними. Видела м[а]т[ери] Елисаветы монастырскій чин

л. 107 об.

<sup>а</sup> на клеенном листике мелким почерком написано В 53-й главе от начала листу на 3-м написано: подсрочное примечаніе о м[а]т[ери] Полиженіе надо другое сіе: «М[а]ть Полиженіа, по сказанію м[а]т[ери] Авсіанія, потом утонула. Ехали по реке, было два коня, передній конь едва (? — слово ушло в переплет, почти не читается) не провалился на льду, задній с ней провалился, восклиц выскочил, сам не потонул, и вторую женщину за волосы вытащили в живых, а мать Полиженіа утонула с конем и съ упряжью». Старое подсрочное закленіе;

и устроенеі, а у м[а]т[ери] Иларіи стало все не так. И потом нас зорили в 7436-м или 7-м году, и разошлись кто куда. И когда *быть* паденеіу в наших монастыри при м[а]т[ери] Иларіи, когда Завьялов повернул по-своему, тогда Мягковых не было никого в живых. Некій ч[е]л[ове]къ был б[о]гозливый, именем Гордій, он все к нам ходил. А когда Завьялов стал жить у нас, тогда он и не стал *ходить* к нам, да и нельзя стало. Завьялов не мог терпеть его смиренія. Этот ч[е]л[ове]къ видел над м[о]н[а]ст[ы]рем нашим, змій как собака пал на наш м[о]н[а]ст[ы]рь. И он мне поведал, что недобре делается у вас, и я стала с того времени уклоняться *от* них, они меня тоже возненавидели. И так я уехала на Урал, там пожила 8 лет. По сем на Парбик переехала, где один годъ пожила у м[а]т[ери] Еванфій. Потом на Безимянку, посем на Дупчес, где жила 6 лет, до раззоренія обителей». //

л. 108

### Ѓ мощех инока схимник[а] Варлаама.

С рѣкопис[и] от[ца] Антоніа. Глав[а] 31<sup>6</sup>.

Поведа нам м[а]ть Февруса. «На Урале, — рече, — *от* Невьянска верст 15, и ту был похоронен инок схимник Варлаам. И *от* преставленія его на третіе столетіе там поблиз живущіи хр[и]стіане пожелали поставить мраморный памятник на его могиле. И для сего потребовалось раскопать могилы, понеже ту было 4 могилы: черн[оризца] Иоанна, черн[оризца] Юсифа, чер[норизца] Павла. *От* преставленія сих трех черноризцев пройде 30 лет. При животе охранял их змій, не пускал в келію приходящих с лукавством. И егда прокопали канаву у сих 4-х могил в ногах, и у черн[еца] Иоанна едины кости, а у черн[еца] Юсифа увидели точію лапти, а мощи не смотрели. А у черн[еца] Павла гроб тоже целый, а у инока схимника Варлаама даже и гроб был как новый. И тут присутствовал о[те]ць Патрикій и м[а]ть Неонила. О[те]ць был зело стар, а поетому попросил м[а]ть Неонилѣ спуститься в канавѣ для удостоверенія. И егда спустилась м[а]ть // Неонила в канаву, и с конца гроба осязала мощи инока схимн[ика] Варлаама и рече: “Мощи все целы, как сейчас похоронены”. Настоятель Иван Иванович попросил, чтобы *взять часть от* мощей его, но м[а]ть Неонила сказала, что “я не смею *держать* на се”, и они просили: “Хотя возми лоскуток *от* схимы”. И она едва оторвала *часть от* схимы с большую ладонь, и аки златым бисером посыпана зело блестящая, а благоуханіе зело благовонное,

л. 108 об.

<sup>IVa-6</sup> написано на правом поле;

нельзя сравнить ни къ какому нынешнему благоуханію. И ту был часовенный староста, а был крутоват, и рече: “Я не верю, что все цело, я сам посмотрю”. И егда спрыгнул в канаву, и скрышася *от* него мощи. И начат копати, и много раскопал в ширину и глубину, и не обрете никакого гроба, и рече: “Нет ничего”. Посем спустился настоятель Иван Иванович, зело смирен бе, и рече: “Вот гроб, где был, тут и есть, и веліе благоуханіе”. И тѣ поставили мраморный памятник, моленіе соверша//ется м[е]с[я]ца маія в 5 д[е]нь. При сем изследованіи присутствовали и мы (говорит мать Феврѣса) съ м[а]т[е]рїю Елисаветой». О[те]ць Патрикій всегда видел свет на могиле инока схими[ика] Варлаама и обонял бл[а]гоуханіе, а в праздники слышал пеніе зело рано, всегда пробужался во время пенія. Дозд[е] рук[опись] от[ца] Антон[ія].

л. 109

## Ќ м[а]т[е]ре Ниониле. Глав[а] 32.

Поведа нам тая ж[е] м[а]ть Феврѣса, г[ла]гола, яко «егда мы жили на Урале, верст 12 от Невьянскаг[о] завода, во обители м[а]т[ери] Нионилы, бе ту стариц 20. М[а]ть Нионила зело бе подвижна и мало сна прїимаше. Сїа заповеда нам не открывать ея мощи по смерти и по погребеніи ея. И г[ла]голаше нам: “Аще обрящу аз м[и]л[о]сть пред Б[о]гом, то по преставленіи моем будет в нашей обители изобиліе во всем”. Еже и бысть по прореченію ея. Сїа, егда бе еще жива, помолихомся за ню половину “Неугасимы” со светом, а другую половину мо//лилися до сорочин за преставльшуюся. И егда начахом молитися вторую половину “Неугасимы” без свечнаго света, тако бо сѣдохом, что прилежная м[о]л[и]тва прїятна Б[о]гѣ и без света, и вот заболела у нас корова, опухла так шея наравне с головой, и когда понатирали снегом и землей с могилы м[а]т[ери] Нионилы, и абіе оздраве корова. И оттоле прочее молихомся со светом. Познахом бо, яко за небреженіе наше таковое бе наказаніе. После сорочин молилися и вторые сорочины сорокоуст, по изволенію нашему. Потом приложихом еще третіе. И во время третїих сорочин единою в пяток, егда начахом пети панахиду за м[а]ть Нионилѣ, и се во время пеніа аллилїа и чтеніа стихов “Блажена, юже избра, и прїят ю Г[оспо]дѣ”, егда мне, начавшей кадить медный ч[е]стныи кр[е]сть, тогда он сам о себе отошел от стены и ста прамо, и начат наклонятися на десную и шую страну и преступати // с места на место, и посем паки сам ста на своем месте. И мы вси со удивленіем и страхом на таковое заменіе смотрехом. И после кажденія с[в]я[ты]х икон обратихся лицом къ сестрам

л. 109 об.

л. 110

и вопросих их, кто что помышлял пред сим временем, и тогда едина от стариц черн[оризица] Елисавета, яже бе бесная, исповеда свои помыслы, что помышляла, что нужно молиться за всех умерших, а мы токмо за едину м[а]ть Неонилу всё молимся. **И** посем, егда прїиде к нам о[те]ць Иоаннъ<sup>в</sup>, и егда услыша о бывшем знаменїи, повеле м[а]т[ери] Елисавети молиться епетимїи 5 листовок за такїе помыслы, г[лаго]ла, что м[а]ть Неонила за нас молится, подобает и за ея душу молиться<sup>г</sup> нам».

О сем поведана нам и м[а]ть Елисавета вышереченная. Быша ж[е] сїа в лето 7426 во обители м[а]т[ери] Өеврусы. Зде воспоминаем отчасти родословіе их. Была прежде иг҃менїа инокина Надежда, а по ней была иг҃менїа м[а]ть Таисья, а потом м[а]ть Иларїя. Сїа сначала управляла, а потом изменила образ иноческой жизни, явленїа бесовскаа свет видела, вознесся, и умре без чина. По Иларїи бе иг҃менїа м[а]ть Неонила. Память ея 26 августа, а год[и]н[а] 14 октября. А после ея иг҃менїа м[а]ть Өевр҃са. Сїа поведана нам о м[а]т[ери] Неониле и прочїя повести ч҃дныа в лето 7463.

л. 110 об.

### ☩ м[а]т[ери] Екатерине. Глав[а]<sup>в</sup> 33<sup>о</sup>.

Еще поведана нам м[а]ть Өевруса. «На Урале, — рече, — жила некая сестра Евдокїа в келїи. Сїа бе zelo м[и]л[ос]тїива и многих сестр҃ допокаиваючи до смерти и погребаше их, сама пребываше в келарской службе. И по некоем времени сїа прїиде во обитель м[а]т[ери] Александры малой и прїа на сѧ иноческой чин, наречена бысть черн[оризица] Екатерина. Бе же тѧ и другая старица черн[оризица] Досидеа. Сїа поживе в чину точїю три м[е]с[я]ца и преставистася сїи обои купно во едино время. По трех же летех братїа по плоти преставльшихсѧ прошиша мя пренести мощи их на место прежняго // обитанїа м[а]т[ери] Екатерины в келїи. И немалое бысть мне о сем сомненїе дерзнути на таковое дело, дондеж[е] вопросих о сем о[т]ца Иоанна, и рече ми: “Без сомненїа идите и пренесите их мощи, вем бо, яко нетленны суть. Токмо принесите мне некую часть от мощей их”.

л. 111

И поехали на могилы их, и егда начахом копати землю, то сама о себе чудесно по обою страну разметавшися, и гробы их, яко точїю коснухомсѧ им, сами подъяшася, и мощи их обретошася нетлен-

<sup>в</sup> слово помечено знаком ~, под тем же знаком на нижнем поле Сей о[те]ць Иоаннъ накрыт от о[т]ца Израїла, а о[те]ць Израїль сѧ инока схимника Никиты, свидетельствовааннаго в родословной;

<sup>г</sup> исправлено, в рукописи молилитися;

<sup>л-с</sup> написано на левом поле;

ны. И восхотех взяти некую часть от мощей м[а]т[е]ри Екатерины и осязах персты рѣк ея, и все они целы и крепки. И помолихся ей сице: “Мати, якож[e] в животе своем была еси м[и]л[о]стива, тако и н[ы]нѣ сотвори с нами м[и]л[о]сть, даждь нам часть от мощей твоих”. И сице мне помолившейся, и се абіе отторжесе един перст, иже подле малаго, и взях его с радостию, и принесохом мощи их и погребохом а».

## ☩ бесовском мечтаніи. Глава 34.

Поведанам предреченная м[а]ть Елисавета. «Яко идох, — // рече, — л. 111 об. некогда путем и узрех двух жен наших хр[и]столубцев, шедших к нам с другія страны реки, и вопросих их: “Куда идета?”, и отвещаста ми: “Кѣ вам идема ленѣ трепати”. Аз же не дождах их, простихся с ними, понеже спеших в путь, нужно было скоро итти, и идох по своему брегѣ, не обращающися вспять, точію помыслих се, что они у нас были вчера и третяго дне, почто же паки идут к нам сегодня, идут спешно. И посем, егда вопрошени быша вины прихожденія во обитель, ѿвещаста, что “мы в той день во обитель не ходили”. И по возвращеніи моем суцїи во обители говорили, что тии жены в то время к нам не приходили. И бе тѣ бесная жена. И егда сїа усълыша таковыя слова, нача смеатися. Тогда мы познахом, что бѣше бесовское мечтаніе, видимое мною во образе жен наших хр[и]столубцев».

## ☩ томѣ же. Глав[а]\* 35<sup>3</sup>.

Еще поведана нам м[а]ть Ѳеврѣса. «Некогда, — рече, — мы съ м[а]т[ерью] Елисаветой из Невьянска завода ехали в свою обитель // зимой на санях. И се — маленькая собачка с долгим хвостом л. 112 подбежала к нам и лает, и хочет заскочить к нам в сани, и долго бежала за нами. И м[а]ть Елисавета сказала, что надо посадить собачку в сани. И рех ей, что ето бес, а не собачка. И по сем изреченіи абіе изчезе бес, явивыися во образе собачки. И егда прїехали мы во обитель, и ту бесная<sup>к</sup> девица<sup>к</sup>. Сїя говорит нам: “Почто же вы не посадили к себе собачку ту? И вот, если бы посадили её в сани, то голова-то бы здесь была, а хвост-то тамѣ”». О сем повествует и м[а]ть Елисавета.

<sup>ж-3</sup> написано на левом поле;

<sup>и-к</sup> слова помечены знаками ~ и +;

А бесная<sup>л</sup> девица<sup>н</sup>, то бе Елисавета Парамоновна, теперь она живет на Безимянке во обители м[а]т[ери] Анфисы, по накрытии м[а]ть Енафа. Дозде м[а]т[ери] Елисавета и ӨеврѸса.

## Ѓ Елисавете Парамон[овне]. Глав[а]<sup>н</sup> 36°.

л. 112 об.

Сїа Елисавета Парамоновна поведѧ нам о себе, како вниде в ню нечистый дух, и како изыде. Бысть же сице. «Во младости моей, — рече, — о[те]цъ мой взят был на германскую войну в 1915 году, и мне о нем зело стало скучно и тоскливо. И начат являтися мне бес во образе // моего о[т]ца. И от великой скуки хождах иногда по пустыни, и вижу сквозь лес, как бы ходит мой о[те]цъ. И во едину ночь, егда бех в дому едина, прїиде ко мне и прошаше у меня ясти. И я с великою радостию встретила его и, приготовивши снедь, поставих на стол. И лампочка стояла на столе. И егда мы сяди с ним за стол, тогда он мне сказал: “Вот я теперь пришол совсем”. И я ему ответила: “НѸ вот и слава Б[о]гѸ, что ты прише<sup>л</sup>”. Но ему, видимо, такие слова не понравились, что сказала я “слава Б[о]гѸ”, и тогда он как ударил по столу, так и огонь погас, и лампочка упала, и двери отворились, и я упала на пол и лежала без чувства. И тогда он вошел в меня. Мне тогда было от рожденїя лет 8. И егда прїиде домой моя м[а]ть, видит, что двери отверсты и лампочка уронена, и я лежу на полу, спрашивает: “Что у вас случилось?”, но я ей тогда не сказала, но своей родственнице все подробну рассказала.

л. 113

И потом меня начали водить на Веселы горы, на могилы подвижников: инока схимника Германа, инок[а] схим[ника] МаѸима, инок[а] схим[ника] Григорїа и инока Павла Убїенаго. Сначала иду на могилы в памяти и в чувстве, якобы здоровая, и егда будем приближаться к могилам, тогда мне будет тяжело. И елико приближаемся, толико тяжесть умножается, и дохожу до такой степени, что без чувства падаю. И тогда меня водят на могилы. И во время моленїя держат меня мужчины ч[е]л[ове]къ по шесть, понеже тогда бес действует во мне своей силой. И единою некогда на могиле держали меня всей силой 6 мужей. И неверный некто к держащим меня сказалъ: “Что это такое, подкуплена она у вас, что шестеро держите одну девушку, отойдите. Я один с ней справлюсь”. И когда они отпустили меня, и только лиш он подошол ко мне, как я схватила<sup>н</sup> его за волосы

<sup>л-м</sup> слова помечены знаками ~ и +, данное предложение играет роль примечания к словам, отмеченным выше теми же знаками;

<sup>н-о</sup> написано на правом поле;

<sup>н</sup> исправлено, в рукописи ошибочно схватила;

и начала его *трепать*, а он *закричалъ*, и едва воможе угонзнути *от* рук моих. И больше не стал *говорить*, что я подкуплена. И сколько раз водили меня // на могилы, всегда таковые происшествiя случались со мной. И так я страдала *от* беса да 17 лет возраста своего. л. 113 об.

В последнiй же раз пред исцеленiем повели меня на могилы старицы: м[а]ть Ѳевруса, *мать* Августа, *мать* Елисавета, *мать* Миропия, *мать* Маргарита, м[а]ть Калисфенiа, *мать* Феофанiа и две девицы, Стефанида и Анна. Старицы держали меня крепко, одну меня никуда не *отпускали* и ясти нечего не давали, кроме одних сухарей, да и тех zelo мало, понеже дух нечистый ничим же *исходит*, токмо м[о]л[и]твою и постом, по Г[о]с[по]дню словеси. И егда привели меня на третiю могилу инока схимника Григорiа, и тут помолились вечерню, павечерню и канон покойный. И утром во время пенiа величанiа изыде из меня бес во уста в виде великаго червя, и старицы подставили на се приготовленный сосуд и затвориша его ту, и ввергоша его во огонь, и абiе *бысть* велiй звук *от* огня, аки выстрел из орудiи. И егда // свободихся азъ *от* беса, тогда ощутих в себе *отраду*, *веселiе* и покой. Но старицы и по исцеленiи моем еще 6 н[е]д[е]ль меня хранили и никуда одну не *отпускали*, да не паки *войдет* в меня нечистый дух». л. 114

### ☩ виденiя пожара

Еще поведана нам Елисавета Парамоновна. «Егда, — рече, — жила во обители м[а]т[ери] Авгѳсты на Урале, на реке Нлзе, где переведена бых *от* м[а]т[ери] Ѳеврѳсы, ту живяше и предреченныи о[те]цъ Иоаннѳ. *Бысть* в 1931 году виденiе над обителiю м[а]т[ери] Авгѳсты сицевое. Три версты *от* нашей обители живяху миряне хр[и]столюбцы и видеша над обителiю нашею пламень огненный и дым. И мневше, яко случися у нас пожар, обитель наша *горит*. И спешно собравшеса, побегоша к нам пожар тушить, ови пеши, ови же на конех. Егда приближахуся к нашей обители, и уже бяху недалече *от* нас, сажен около ста, и видят, что на месте обители все почернело, и токмо едины искры *оттуда* *исходят*, и в воздух разсыпаются. Егда *ж[е]* // прiйдоша к нам, и видят, что у нас все строенiе цело, и с великим удивленiем сказаша нам о чудесном виденiи. Сiе виденiе, по мненiю многих, предзнаменоваше раззоренiе нашей обители. По лете бо едином раззорена *бысть* наша обитель неверными властью. М[а]ть Авгѳстѳ и бывших с нею арестовали, токмо старых и немочных оставили». л. 114 об.

По пред[ъ]явленном же виденiи пред раззоренiем обители еще виде о[те]цъ Иоанн виденiе: два огненныя столпа в воздухе над нашей обителiю, и сiи столпы *от* обители вознесошася на н[е]бо.



И г[лаго]лаше нам о[те]цъ Иоаннъ: «Отошла бл[а]г[о]д[а]т[ь] от обители нашей». О[те]цъ Иоаннъ преставися до раззоренія обителя.

Ѡ чудотворной иконе Пр[е]с[вя]тыя  
 Б[огоро]д[и]цы Казанской. С рѣкони[си] Афанас[ія].  
 Глав[а]<sup>р</sup> 38<sup>с</sup>.

Поведа нам м[а]ть Івлѣа о чудотворной иконе Пр[е]с[вя]тыя Б[огоро]д[и]цы Казанской, котораѣ находится верст 70 от Светлаго озера, за селом Вознесенском, там, где покоится инок схимник Нифонт, а жители там большинство поморскіе. Высота иконы тоя четвертей пять, письма невысокаго, но zelo древняго и уже расколона. И как бы видится, что предвечный // мл[а]д[е]н[е]цъ врозь от бл[а]годатныя м[а]т[е]ри. И егда смотриш на образ Приснодевыя, то кажется, что она тебя привлекает своим зреніем. И zelo взоръ ея сладок, любезен и приветлив. И по окрестности все верующіи люди, иже болезнями и скорбми одержиміи, приходят к ней и приемлют исцеленіе и от скорби премененіе. И сѣѣ икона нигде не страждет, ни от пожара, ни от неверных, но невидимо сама ся избавляет.

л. 115

Некогда неверныя власти умыслиша сожещи сѣю икону с прочими иконами, г[лаго]люще о ней, что она сама выходит и во огне не старает. «И мы посмотрим, как она выйдет». И зажгли ночью собор. И тут же в них был такой же безбожник, как и они. Взял тайно икону, вынес и скрыл дома в огороде в картофнике. Сѣѣ сотвори ради жены своя, понеже она пылающую веру имела къ иконе. Он мыслил, что если жена его услышит, что икону сожгли с собором, то она может в болезнь впасть или ума лишиться. Оно пришил домой, искушая жену свою, сказалъ: «Мы сожгли твою икону». И она услышала // и с болезнью с[е]рдца крикнула: «Охъ!» И он поспешительно сказал: «Не волнуйся, ни печалься, я её вынес из собора». И сходил, принёс икону в дом. И поставили на кухне на полку, за занавесу. А в доме у них курят и дым от табаку. И сѣѣ икона ношью, никому не видящу, сама о себе с полки спустится, на пол станет, поворотится лицом под стол и привалится верхом своим на стол, и сѣѣ бысть многожды. И говорит жена: «Не угодно и гнусно у нас, кажется, от табаку Пр[е]с[вя]той Б[огоро]д[и]це». И умыслиша проводить ея къ другой верной, старой деве, и та послала некоего мужа привести икону, и он пришил за ней, повез ея на санках, растояніе пути верст 30. И ему встретился ч[е]л[ове]къ с табаком. И он взял у него табаку и положил съ иконой

л. 115 об.

на санки, и икона не пошла, стала тяжка, как жерновый камень, и он не возмог везти икону, снял и поставил ее к сосне и пришел домой, тяжело заболел. По долгой болезни // оздравел, паки послала его д[е]ва, л. 116 и он сходил, и она тогда была легка, как перо. С[е] бысть в 1928 году.

## ☩ заблѣждших въ пѣстыни. Глав[а] 39.

И паки поведана нам м[а]ть Іуліа, г[лаго]ла, «егда еще жили мы на реке Танаевке со о[т]цем Ѳаром, и по его повеленію я купила в деревне хлеба, и когда напал снег, тогда по бл[а]г[о]с[ло]венію о[т]ца я пошла и попросила некоего мужа стара привезти нам хлеб. И поехали мы на коне в санях во время осени и заплутали в пустыни, заехали в болото по дровяной дороге и обратно невозможно было выехать, потому что снег густой сыпался и след за нами завалило. И старик стал негодовать на меня и роптать, говоря: “Если не знаешь дорогу, то почто поехала?” И тако преиде д[е]нь и занаступала холодная осенняя ночь, и мы остановились ночевать. Старик стал коня выпрягать и в горести души сказал мне: “Я вот возьму дугу и на//чну тебя ей хлестать!” Хлеб у нас был с собой, но спичек не было, огня нечем было развести. И тогда я, видя себя в напасти, пришла в большое сокрушеніе с[е]рдца, отошла немного от старика и стала на кочшу\*, воздохнула слезно и думаю: “Г[о]с[по]ди, где нам пришлось погибать!” И опять думаю: “Кому же молится и коего с[вя]таго скорее умолить, и кого на помощь призвать?” И внезапно слышу шорох ногъ, и пало на умъ: “Вот еще звери придут да исьедают”. И вижу — два ч[е]л[ове]ка подходят ко мне, подошли и стали. И я обрадовалась сильно и кликнула: “☩, ето вы откуда? Откуда вы?” Они отвели: “Мы здешные”. “Кто же вы, куда ходили?” Один от них отвил: “Мы охотники”. Я смотрю — у них маленькіе ружейцы и маленькіе топорики, и на спине у обоих маленькіе мешочки на лямочках. И я говорю им: “Мы ведь заблудились”. И они отвели: “Мы тоже заблудились”. Я спросила: “А есть ли у вас спички-то? У нас даже и спичек-то нет”. Они отвели: “Есть”. И отошли, стали рубить лес. И меня удивило, что топо//рики сильно маленькие, а так скоро срубили сушины и как-то очень умело, что сушины падают одна на одну, и я не успела рассмотреть, как разом запластал огонь, почти нарвнне с лесом. И мы подошли къ огню, а они от нас перешли на другую сторону огня, сяди и посиживают молча. А мой вожак старик с большим недоуменіем смотрит на все ето происхождение, и, обятый размышленіями, молчит.

Добыли мы хлеб, стали ужинать. А те два мужа спокойно посиживают, оба курчавиньки, безбородья и очень красивья и друг на друга

л. 117 об.

похожія, как будто братья. Я пошла к ним, и той, который ближе ко мне, *отворотился от меня* и лицами стали почти друг ко другу и *смотрят* в пол с большим благоговеніем и целомудріем. Я спросила: “Вы почто не ужинаете?” Один *ответил*: “Мы поужинали”. Я *от* них ушла и думаю, насколько же я страшна, что они даже не *хотят* взглянуть на меня. Посидела и *опять* насмелилась потыти к<sup>ъ</sup> ним. Думаю, *может* быть хлеба-то у них *нет*. Вижу, что // мешочки у них просты, стала к ним *подходить*, они *опять* также бл[а]гоустроились. Я спросила: “У вас поди хлеба-то *нет*?” И *опять* той же *ответил*: “Есть”. И я *опять* ушла на свое место и стали спать. И так прошла ночь, а видеть<sup>1</sup> нам их было невозможно, понеже всю ночь плама стояло, как стена, и за-слоняло их *от* нас. Если *посмотреть* на них, то надо итти к *комлям*<sup>2</sup> сушии. Утром я *посмотрела* к ним и вижу, что остался только один, той, который с вечера ко мне *отвечал*. Я подошла к нему и спросила: “А где у тебя друг?” Он *ответил*: “Друг мой уже ушел на охоту”. Я говорю: “А ты почто остался?” Он *ответиль*: “Я остался вывести вас”.

л. 118

И вот мы собрались и он пошел вперед, я за ним. А старик поехал за нами. Я стараюсь как бы поближе к етому мужу, а он все *пода-ле от* меня творится. И где-нибудь с бугорка *поспешусь* *подбежать*, а он уже *опять* вон впереди. И так // он нас вел с полверсты и потом остановился, *говорит*: “Здесь *есть* недалеко озеро, на нем *рыболо-вы* *рыбачат*, вы *ежьжайте* к ним и они вас *направят*. Слушай, *от-селе* слышно лай ихних собак”. Я *наклонилась*, стала *прислушиваться* и *услышала*, что *лают* собаки. *Расклонилась*, *посмотрела* туда и сюда и негде не вижу своего жоака. Смотрю — *следов впереди нет*, *ду-мала*, *обратно следом* ушел. И старик был недалеко, *подъежьжает*, я говорю: “Куда он *делся*?” Старик *отвечает*: “Я не знаю, ты *ведь* с ним *шла*, *должна знать*, куда он *делся*”. И *етот* муж невидим стал нам. И мы *выехали* к рыбакам, они *направили нас* на дорогу. *С* сем *произшествіи* я *сказывала* некоторым, и мне *говорили*, что ето были не люди, но анг[е]ли».

С<sup>Г</sup> Димитріе. С рѣкописи тоя же м[а]т[ери] І҃҃ліи.

Глав[а] 40.

л. 118 об.

Говорит м[а]тъ І҃҃ліа. «Поведа нам старѣшка Александрѣ Димитревна о своем родителе Димитріе. *Пріехал*, — // *говорит*, — в нашу деревню некогда австрійскій с[в]ященник и стал всех *приглашать* во свою веру.

<sup>1</sup> исправлено, в рукописи видеть;

<sup>2</sup> вторая буква е исправлена над строкой из буквы и;

А Димитрій не шол в ту веру, говорил, что надо помолится об етом, которая вера правая. А соседи все говорили, что если Димитрій пойдѣт в австрійскую веру, так и мы все пойдѣм. Он был ч[е]л[ове]къ д[ѣ]ховный, на его все основывались. Он молился об етом нощю и уснул, и спал трои сутки. Его ждали, когда проснется, и чрез трои сутки пробудился. И спросили его, что он там видел. Он *отвечалъ*, что все виделъ: рай и муку, но “мне не велено сказывать”. Правал наша хр[и]стїанская вера, а австрійская не правал<sup>ф</sup>, они все в муке. И попросил полотенце, сидел и гладил его, и говорил: “Вот каким тамъ надо быть, чистым<sup>г</sup>, без пороков”. И говорил, что колоши носить не надо, такж[e] и пестрое, красное и зеленое. И предсказал свою кончину. “Через год, — рече, — мое будет преставле//нїе”. За хозяйством не следил, носил кафтан без рубашки. А старушка его Θεодосїа сошьѣт ему рубашку, а он только и смотрит, как ее *отдать*, а сам опять без рубашки в одном кафтане. Всѣ время молился ночами и будил своих детей, меня с Емельяном, и заставлял молиться. Емельян еще был мл[а]д[е]н[е]цъ годов трех, и говорил, что ето будет сиротка. И чрез год преставился, по прореченїю своему, около 7386 года. И тогда мы были рады, что не будет больше нас заставлять молится». Дозде Алеѣандра. Сїа Алеѣандра жила с нами на Урале в нашу бытность там.

л. 119

## Ѓ м[а]т[е]ри Хїонїи и о прочих<sup>и</sup>. Глав[а] 41<sup>и</sup>.

«Инок схимник Климент сам сидел на углу, строил м[о]н[а]ст[ы]рь и говорил: “Кто бы пришол, всех прїиму”. А после тут жили м[а]т[е]р Хїонїя с сестрами. У них жили и учились д[е]в[и]цы. Я была в том м[о]н[а]ст[ы]ре, и одна старѣшка Алеѣандра мне сказывала, что у них сам загорался огонь в семь часов ночи: «М[а]т[е]р Хїонїа нас будила, говорила: “Девки, вставайте, огонь загорел, затеплились лампа//ды”. А мы все спали, когда станем, когда нет. И я видела тот огонь», — говорила мне бабушка Алеѣандра. А я ее спросила: «Как они жили, старицы?» Она мне *отвечала*: «Жили нестяжательно, не было запасу несколько». Ето было в Верхнейвинске селе, тамо много было раньше иноков и инокинь, теперь только ихнїе могилы. Еще там ж[e] жил с[в]ященноинокъ Іоасаф, он тоже говорил, что «я не тружусь огня добывать, он загорается свыше». Аз, грешная чернор[изица] Іулия, была на его могиле, и мне там старые жители говорили об етом. Еще мне говорила моа учитель-

л. 119 об.

<sup>ф</sup> буква ѡ дописана над строкой;

<sup>г</sup> на левом поле написано гладким, оба слова подчеркнуты;

<sup>и</sup> три последние буквы дописаны над строкой;

<sup>и</sup> написано на правом поле;

лица Ирина Ильинишна, я у нея училась, и она мне сказывала, что «мы ездили кр[е]стить мл[а]д[е]нца, и когда прїехали к часовне, меня оставили одну в санях у часовни. И я на стене вижу — большой кр[е]сть в рост ч[е]л[ове]ка, и на нем висит Г[о]с[по]дь. И бежит кровь из рук, изъ ногъ и из ребра на пол, а с полу *отскакивает* на меня. И когда они пришли, я им показываю, а // они ничего не видят. Им говорю, что боялась здесь быть, мне тогда было лет 11—12».

Поведа нам дед Феодот: «В Тѣвїе на Усть-Сизиме молились в соборе, видел *от* распятїя лучи светлыя, оно было стерто, немного было заметно черты глаз, и ему никогда не ставили свещу, то, что оно стерто». Еще сказывала мне старушка Татьяна: «В том же соборе молились, и задремала, проснулась и видит — посреде людей ходит медвежонок на задних лапах, и потом его нигде не стало». Еще поведа мне бабушка Варвара, тетка *от[ца]* Виталїя: «Там же молились, и видела — на некоей старице появился венец, как радуга, светлый, полоса желтая и зелѣная, и лучи *от* него, а свыше светлая звезда». Она смотрела долго, и потом она ушла, ее хозяйка позвала что-то помогать. А потом уже не видела венца.

## ☩ черноризице Евгенїе. Глав[а] 42.

л. 120 об. М[а]ть Евгенїя болела тяжело, и все время просилась на улицѣ, и ее выносили в сенки на кровать в полог, она // *тут* и ночевала. Я ходила к ней, часто проводывала. Дней за пять или за шесть до смерти ея пришла к ней, она мне говорила, что «я скоро умру, ко мне пришла смерть». Я спросила ее: «Какая она?» Она<sup>м</sup> мне сказала: «Сейчас здесь *стоят* вон у меня у головы двое светлые, хорошіе, в белом одеяніи, да еще у ног черный, страшный, хотел меня тащить, белоризцы *отгоняли* его и говорили, что “она так болеет, уходи *от* нея”». А я ее спросила: «Ты ведь не глядишь, а как их видишь?» Она мне сказала: «Не гляжу, а вижу как-то, не знаю, какъ». И говорила: «Я боюсь больше *ночевать* здесь», и унесли ее обратно в прируб.

## Еще о другой чернор[изице] Евгенїи.

л. 121 Сїа чер[норизица] Евгенїя до накрытїя бе Евдокїя Фомишна, родом изъ села Лыпа, племянница знаменитаго Ивана Сенатова, брата ее родителя Фомы. Бе же zelo бл[а]гоговейна, смиренна и м[и]л[о]стива. Име еще и прежде желанїе удалиться *от* мира и жить // в келїи,

<sup>м</sup> исправлено, в рукописи ошибочно оно;

аще не бы была под игом брака. Заболела она внезапно на 25 йюла: ушла в собор к вечерне и разбил параличъ, обратно домой принесли на носилках. Глаза закрылись, она видела только тогда, когда *откроют* у ней вежды, закрывающія зреніе. Лежащи в болезни до 5 августа, просилась в келію. И по ея прошенію унесена *бысть* на носилках къ м[а]т[е]ри Ѡлине 1 авгѹста. И ту облечна *бысть* во иноческій чин. В болезни же служаше ей м[а]ть Іѵлія. И преставися 5 августа в покойном виде в 7 466-м году. А *память* ея 4 августа.

## Ѓ черноризиц[е] Риѡиміе. Глав[а]<sup>н</sup> 43<sup>н</sup>.

Ѓ посланіа м[а]т[е]ри Антониды с сестрами к м[а]т[е]ри Флине. Ѓ м[а]т[е]ри Реѡиміи о кончине еа пишу<sup>т</sup> сиче. М[а]ть Реѡиміа преставися *от* сел жизни на вечную, *отиде* ко Г[о]с[по]дѹ Б[о]гѹ м[е]с[а]ца октабра в 14 д[е]нь в 11 часов, 7464 года. Болела сильно и три н[е]д[е]ли вовсе не вставала с одра без помощи других. *Отход* ея был таков. Какое-то все виденіе будущее, и // видела вас и спрашивала: «Где Флина?» л. 121 об. А мы говорим, что ее *нет*. А она *говорит*, что она на столы накрывала. И видела м[а]ть Валентину там *ж[е]* и поминала, что с Валентиной. Мы еще такого конца не видали. Все ей казалось, и видела какіе-то три обители, и 3 одры и пр[е]столы. А очювствуется и *говорит*, что «как я к вам попала?», что «я уже была в Ц[а]рствѣ Н[е]б[е]снѹм и там пила воду», а нашу *пить* не желала. И была в сильном жарѹ все время. И в последнее утро закричала в 7-мь часов ночи: «Анг[е]ли Г[о]с[по]дни, возмите меня! Ц[а]рь Н[е]б[е]сний, возьми меня! Ц[а]р[и]ца Н[е]б[е]снаа, возьми меня!» С кем-то она боролась и говорила: «Почто меня оставили одну, возмите меня, возмите!» И сколь есть силы кричала: «Возмите!» Я спросила ее: «Ты разве видиш анг[е]лов?» Она сказала: «Вижу анг[е]лов и Ц[а]р[а] Н[е]б[е]снаго, и Ц[а]рицѹ Н[е]б[е]снѹю». И ей казалось, что ее били кто-то. А потом заговорила, что ее освободили, и сказала: «Слава Тебе, Г[о]с[по]ди, // освободили!» И сказала: «Бл[а]годарю Теб[а], Г[о]с[по]ди!» Потом начала *говорить*, что «вижу покойных моих родителей, наших матушек». И посылала меня им кланяться, но «я кланяться им не буду», — ей сказала. А потом она еще сказала, что «вижу о[т]ца Саву и о[т]ца Симеона. Но ведь я их не знала», — *говорит*, — и не видала. А теперь их *вижу*. Я ее спросила: «В какой они одежде?» Но она мне ето не *ответила*, а сказала, что они пришли издалека и сели *отдохнуть*. И потом *говорила*, что мы теперь все в раю. И ето продолжалось до 4-х часов дна, пока не кончилась служба.

л. 121 об.

л. 122

<sup>н-н</sup> написано на правом поле;

Я такого конца при своей жизни не встречала никому и не знаю, что это было за виденіе и *от* кого. Но только м[о]л[и]твѣ І[с]ѡсову ни за что в то время не творила и кр[е]сть никак не давала сложить и оградить ее. А потом с обеда пришла в чѣство и попросила покушать яблочка<sup>а</sup>. И м[о]л[и]тву два раза сотворила и благословила. И по//пила *от* м[а]т[ери] Платониды воды и из сознанія больше не выходила. И стала спокойно прощаться со всеми и всех прощать, а я читала над ней Акафист. А потом еще простила в последних с м[а]т[ерью] Мелетиной. И я кончила Акафист, и она начала с д[8]шой раставаться, и только успели покадить, и она с душой расталась. А исправлена была раньше о[т]цем Ефремом, так как мы одни нечего не можем, так я его попросила. А она к нему на исповедь не пошла, а нам с Елестиміей некоторые предметы рассказала, почти што одно и то же обоим. Но мне сказала, что «ты мне м[а]ть ева[н]г[ельска] и можеш меня разрешить». Так если о[т]ецъ Антоній тут, то пусть ее простит во всех ея согрешеніих и разрешит. Ведь она говорила: «Я не то что не хотела сказать, но не вздумала в скором времени, а была молодая жизнь, и в лагере была, жизнь приходилось всяко проводить». И мы его просим, которое нам исповедано, а передать нам нельзя ему писмен//но, так пусть ее во всех и етих согрешеніих, которыя нам исповеданы, разрешит, а мы его в рукописаніи подписали и прочитатъ над ней попросили о[т]ца Ефрема и в руку положить. Похороны были в 4-й день, потому что ожидали сестру. Людей было 43 ч[е]л[ове]ка. Телеса м[а]т[ери] Ришиміи были белые, хорошіе. Я за панахидой не стерпела и упала (занеже бех *от* беса мучима), а теперь прошу вас: передайте всем, кто ее знал, и кто не знал, старцам и старицам, дабы помолились о д[8]ши ея Х[рист]а ради, дабы Г[о]с[по]дь вселил д[8]шѣ ея со с[вя]тыми и пр[е]п[од]обными во обители, идеже присещает свет лица Его.

Дозде *от* письма м[а]т[ери] Антониды, свидетельствованной в родословной стариц, бывшей игуменіи по м[а]т[ери] Маргарите.

## Ѓ Дометіане Перьмьскомѣ. Глав[а] 44.

Поведа нам матъ Мелетина о хр[и]столюбце Доментияне, жившем в городе Перме. «Сей, — рече, — обрати во хр[и]стіанство свою жену и тещу, бывших никоньянскія веры, и бе богат и зело м[и]л[о]стив, пустынножителем подаяше // м[и]л[о]стыню, воск, фиміян и прочая потребная. Жена же его желеяше именіе свое раздаяти в м[и]л[о]стыню и сего ради разделиста именіе свое. Он же свою часть всю раздаде

<sup>а</sup> буква ч дописана над строчкой;

требуючим. Моляшесь прилежно Богу, стоя всю службу, по вся же дни моляся Б[огоро]д[и]це полуторницу с прилежаніем и прошаше облещися во иноческій чин, но не получи желаемаго за дальность растоянія, сам же болен бе. Помолиса последний раз полуторницу и прочте: “СѸ Всепетаа М[а]ти”, лежа на одре, смотря горе и руке в высоту простре. Взяхом его со одра, и тако преставися на руках наших в веселом виде 29 март[а] в 7 445 год[у]. Есть у меня лоскут от рясы инока Павла Убіенаго ... его ж[е] прежде того положих на божницу за с[в]я[т]ыа иконы, и потом не бысть его ту, и опечалихся о сем. Егда ж[е] взяша гроб с мощами Доментіяна и понесоша их к погребенію, тогда лоскут той обретеса под гробом. По погребеніи ж[е] явися // Доментіан в сонном виденіи м[а]т[ери] Маргарите и г[лаго]ла ей: “Вы молитесь за меня, за черноризца Доментіана”».

л. 124

Сія преже помянутая м[а]ть Мелетина жила у м[а]т[ери] Антониды, преставися на Чюне 20 генвар[а] 7467 года, память ея 17 декаб[р]а. Еще о добродетелех Доментіяна и о его прилежном моленіи, о преставленіи повествуют то же самое мать Флина и м[а]ть Івліа.

## На могиле инока схимника Григоріа. Глав[а] 45<sup>9</sup>.

Паки тая же м[а]ть Мелетина поведана нам. «Бысть, — рече, — некогда ходящим нам с м[а]т[ерью] ФеврѸсой и с м[а]т[ерью] Елисаветой на Веселыя горы м[о]л[и]твы ради и поклониться мощем подвижников. И егда быхом на могиле инока схимника Григоріа, помолихомся вечерню и после ужина пойдох по бл[а]г[о]с[ло]венію м[а]т[ери] Феврусы, испросихся у ней доставать шишки с кедры, стоящей на Каменной горе. И пришедши ми к ней, прїиде мне желаніе обойти окрест гору, да вижу ю, и пойдох подле ея. И се, зрю от единыя страны отвер//стие около 6 четвертей, и сіе зрящи, помышлях, почто не поведаша ми о сем м[а]т[ери]. И преклонихся, внидох в сіе отверсте до полу и стах на колени, смотрю внутрь камня, и ту бе пусто, в широту и в высоту большое пространство, яко ж[е] в ц[е]ркви. Внизу ж[е] все покрыто водой, яже волнуется и ударяется в каменныа стены в ту и в другую. От ѿтверстия ж[е], в нем ж[е] бех, до воды вниз бе четвертей около трех. И посем возвратившися, поведана виденая м[а]т[ери]ям, и слышавше, удивихася. И реша: “Мы никогда ж[е] видехом, ни слышахом сего”. И рекох им: “Пойдем и привяжем бутылъ на бадог и почерпнем той воды”. И прїидохом на реченное место и не видехом никакого отверстия, но точію щель в камени. И вложихом

л. 124 об.

<sup>9</sup> написано на правом поле;



в ню долгую трость, яже вся вместися. И потом при многократных хожденіях на могилы не видехом ту *отверстія*».

### п иконе пр[е]п[о]д[о]бныя Марїи. Глав[а]<sup>ю-я</sup> 46<sup>а</sup>.

л. 125 **И** паки поведѧ нам таажде м[а]ть Мелетина. «Бывши ми — рече, — единою // в городе Лысьве в Великій пост, и молящимся намъ на Марїино стояніе, сиреч[ь], въ чет[верто]к 5 н[е]д[е]ли поста, и бе ту икона пр[е]п[о]д[о]бныя Марїи Египтяныни, с житѣм изящно написана, размер ея — высота четверти две с половиной. И сїя икона бе некїя старушки, яже по скончанїи моленїа хотяше *отнести* ю восвояси. И молих ю, да продаст мне сїю икону. И не хотяше исперва, но по многом увещанїи продаде ми за 50 рублей. И принесох ю во свою обитель, и *бысть* по едином лете, егда начахом молитися бденїе въ чет[верто]к 5 н[е]д[е]ли поста, тогда прїиде ми сомненїе о предреченной иконе пр[е]п[о]д[о]бныя Марїи, помышляющей мне, что сїя икона новаго письма, *может* быть, она не имеет в себе бл[а]г[о]д[а]ти Б[о]жїа. И сице помышляющей мне, и се — зрю на иконе под ногами пр[е]п[о]д[о]бныя явися капля мира. Аз же zelo удивихся о сем, что икона сухая, *откуда* явися миро? И собрах его на хлеб, но еще сомневаюся о с[в]я[ты]не иконы, и паки // явися на иконе другая капля мира. Собрах и ту такожде на хлеб. Сїя крохи и до сего времени хранятся у мене. О сих рече ми о[те]ць Ефрем: “Сїа крохи можно *принять* вместо причастїя”. Сїе же *бысть* в нашей обители, яже *стоит* верст 10 от Лысьвы в деревне Выломово, в лето 7456 или 7-е».

л. 125 об.

### п силе кр[е]стнаго знаменїа. С рѣкописи Афанас[їя]. Глав[а]<sup>v-г</sup> 47<sup>б</sup>.

**Въ** той вышереченой обители у м[а]т[е]ри Антонида живет м[а]ть Евстолиа, кротка и боящаяся Б[о]га. До накрытїя бе имя ей Епистимїа, предреченная в слове о м[а]т[е]ри Репсимїе. Сїя в юности жила с мѣжем, и потом развратился муж ея, стал *ходить* любодействовать, а потом и в дом привел любодейцу и стал с ней жить, а законную свою жену принудил, чтобы она служила им как раба. И<sup>ю-я</sup> поведѧ нам, что «они сядут за стол, а я подносила им блюда и готовила им яди, и про-

<sup>ю-я</sup> написано на левом поле;

<sup>v-г</sup> написано на левом поле;

<sup>в-г</sup> слова заключены в круглые скобки;

чую управу домашнюю всю исполняла, и свое несчастіе и судьбу на Б[о]га возлагала, и, ра//спалаема законною ревностію на зле живущих, л. 126 в ношех слезно Б[о]га молила, исправить судьбу Б[о]га просила». И вот у них в доме было радіо, которое незатыкаемо бе, все гласило. И сія жена бл[а]гочестивая во-первых, как оскорбленная, а во-вторых, так как часто в молитвах упражняющаяся, возненавидела злошуменіе дозела, говорит: «Я подошла и оградила его кр[е]стным знаменіем, и оно заглохло». И потом по некоторой причине, нужной для потехи мужа прельщеннаго, то, что он *от* скуки кѣда-то хотел поехать, и говорит она: «Я только подумала, что пушай нето радіо говорит, да только бы он был дома, и оно заговорило». И это время минуло, и она опять его оградила, и оно опять онемело, а муж этого не знал, он его направлял и направить не могѣ. Ето я слышал *от* самыя *от* нея, когда она жила уже в келіе у м[а]т[ери] Антонида в лето 7467-м. Дозде Афанас[ій]<sup>а</sup>.

Съ том ж[е] сѣ рѣкопис[и] м[а]т[ери] Акинѣы. Пишет она о себе по освобожденіи, бывшем в 7463-м году. Еще когда мы были в лагере (в заключеніи), во время шмона, когда у нас в бараках производили обыск, всех нас выгоняли в клѣбѣ. Тамо было радіо, баан, потифоны и кино. И *вот* бывало, когда прочитаю м[о]л[ит]вѣ «Да воскр[е]снет Б[о]гъ», или подойду кѣ радіу, ознаменую его кр[е]стом, и оно зашшипит как змѣа и заглохнет (замолчит). Артисты забегают, заговорят: «Ето что такое?» Направляют его и не могѣтѣ направить до нашего выхода из клуба. Простим[е], Х[ри]ст[и]а ради. Дозде м[а]т[ь] Акинѣ[а]. О том ж[е] зри в 3-й части глав[у] 47 под заглавіем «Бесовскіа чюдеса рѣшатса исповеданіем православныя веры»\*. //

### Съ м[а]т[ери] Ираиде. С рѣкописи некїа стариц[ы].

л. 126 об.

М[а]т[ь] Ираида, бывшая Ирина, обратилась в верѣ из никоньян, пришла в келію к м[а]т[ери] Софіе в лето 7468. Чрез два года получила а[н]г[е]льскїи образ, была передана м[а]т[ери] Аполинарїи. Была очень усердная на моленіе и на книжное чтеніе, хотя сама и худо читала, но всегда просила м[а]т[ери], чтобы ей почитали. Была глухая, за слѣдбой далеко не слышала, подходила все к налою и слушала со вниманіем, что читают и поют, а наипаче поученіе и паремїи. А после службы которое не поймет, спрашивает. И ей сильно охота было научиться грамоте, но при старости лет не могла научиться за службой читать, а про себя все

<sup>а</sup> на левом поле знак — восьмиконечный крест, под тем же знаком на вклеенном листке помещен следующий затем текст;

<sup>б</sup> здесь начинается текст, написанный на вклеенном листке, на левом поле знак — восьмиконечный крест;

<sup>в</sup> здесь заканчивается текст, написанный на вклеенном листке;

книги потихоньку разбирала. На покаяніе была усердная, каждый день прощалась со умиленіем и слезами и очень была услужливая, все старалась, как бы сестрам помогчи. Работать она ничего не могла, только молилась. А когда // придеш с работы, она приветит и приласкает, скажет: «Б[о]гъ бл[а]г[о]с[ло]вить, я за тебя лестовку — две проклянаясь, прими, Х[рист]а ради». Каждому так говорила. Съ м[а]т[ерью] Фаиной беснующей уговаривались молиться друг за друга в животе и по смерти, аще кто прежде отидет от сея жизни и примет дерзновеніе у Б[о]га, тогда наипаче ходатайствовать. И когда м[а]ть Ираида преставилась, бес у м[а]т[ер]и Фаины закричал: «Ухъ оне противные, уговаривались, сидели, шептались, молиться одна за другу». Повторял часто слова: «молиться одна за другу». «Ухъ, она пропастина, как мучит меня!», — и начнет себя бить, говорит: «Вот вам за это, всю Фаинку изобью, убью её пропащую, чтобы не выдумывали, молиться одна за другу». И долго шумел и мучил, и всю избил в синяки. А когда стали молиться в сороковой день понахиду за м[а]ть Ираиду, и он сильно шумел, кричал: «Ухъ она противная, как мучит меня!» И часто повторял: «Противная, противнущая», и кричалъ // во всю часовню, и ногами топал. Пол дрожжал, и кричал: «Ох она там что делат!» Обзывал ее всяко: «Райка, Иришка пропащая!» И когда запели «со с[вя]тymi покой», и он её еще пуще заломалъ и затрепал, и много шумел, но мы не слушали, что он шумел. И она (м[а]ть Фаина) выбилась из сил и пала и лежала без сознаниа, все чюства бес у нее отнял. Мы ее поднимали и не могли поднять. Была вся как разслаблена, на нее смотреть было, затрагивало умиленно с[е]рдце. После отпуста пришла в сознание. Мы спросили: «Почто тут лежиш?» Она сказала: «Ничего не знаю и не помню, сильно мне чежело, отпустите меня скорее домой». Матушка заставляла ее за упокой молиться, и она никак не могла назвать «черноризица Ираида», а только «Райка да Ирка». Часто повторяет «Райка, Ирка, ну Иришка, так неладно вам!» Болела м[а]ть Ираида долго, не знаю, сколь годов, с год не могла сама вставать, поднимали, и ночи не могла спать, часто будила. А м[а]ть Фаина не могла къ ней сходить на могилу. //

л. 128

### Ѓ м[а]т[ер]е Венедикте.

Съ рѣкописи м[а]т[ери] Флины. Глава 49<sup>а</sup>.

Мать Венедикта, до накрытия Вера Павловна, грамотой была вострая, очень читала хорошо, и память добрая. Отец у ней был грамотен, ездил по беседам, и она с ним, ей тоже приходилось читать

<sup>а</sup> — написано на правом поле;

Писаніе на беседах. И вот в ней осталось что д[8]ховное, и до послѣдняго часа все она могла поучать. Жила она с родителем в перево-  
рот власти. Они жили на Востоке, о[т]ца у ней захватили, неизвест-  
но где покончили. И вот она осталась после переворота. Жили они  
с матерію в Минусинске и в Туве, в Барнауле и на Урале. А когда мы  
с ней познакомились, она следовала сначала на Бурный, а потом на  
Луговой, Тасеевскій р-н. И так у нас покончила жизнь.

Сѣчасти воспомяну ея житіе, как она свою жизнь провожала  
в трудах и подвигах, и какую имела ревность о благочестіи и любовь  
к Богу и ближнему, и о благочиніи и стояніи в ц[е]ркви Х[ристо]вой,  
о чтеніи и пеніи во время б[о]гослуженія, наблюдала все, // чтобы  
было бл[а]гочинно, и учила к пенію, и во время ученія и пенія вела  
строго. Если только кто разсмѣялся между собой, сейчас ставила на  
поклоны, не позволяла не глумиться, ни смеяться, и ученики слу-  
шали и подчинялись ей. Кои имели д[8]ховный разѣм, и те научи-  
лись петь. Поминают ея ученики: Ермил Артемьевич, Макар Пе-  
трович и Федор Лазаревич. Поют правильно, как она их научила.  
За свою жизнь многих она научила знаменному пенію. Чюдный был  
у ней глас, поверху всех голосов шол, и зреніе у ней было дально-  
видное, завсегда стояла сзади всех и нигде не качнет голосом или  
соль прибавит или убавит. Она не скрывала свой талант, всех учи-  
ла петь и читать независтно. И мне, грешной, кое-что поднаумила,  
я много от нея попользовалась, бл[а]годарю Б[о]га. Мы с ней весь  
Апокалиѳис прочитали, и я в Библии кое-что почитала, а мы ранее  
все суетились, некогда было читать. А теперь вот // не вижу чи-  
тать, не могу долго сидеть, время прошло. Теперь хоть радуюся то,  
что маленько кое-что она мне пояснила, и какіе за мной недостатки,  
я поняла.

л. 128 об.

л. 129

Она завсегда старалась посеять семя духовное в нас, но у нас  
нива не оранная, земля жестокая, хотя и пало семя на землю, но  
не имело влаги, и подавило терніе, и ничего не выросло, а только  
плевые. Она была у нас как камень ценный, и мы его не ценили и по-  
нятия не поимели в нем, что в ней есть, и речи ея были настоль  
ценны, кои в ней хранились, как золото или бисер. А почему? Да по-  
тому, что от С[вя]таго Писанія бл[а]годатію Х[ристо]вою. И всякій  
догмат расскажет, что и к чему, и как источник истекал изо уст  
ея. А мы как невеличили, ни во что вмѣняли её слова, а она завсегда  
старалась, и имела такую наклонность, чтобы влить в душу всяка-  
го ч[е]л[ове]ка д[8]шеполезное слово для спасенія д[8]ши. Но мы  
грубій и невежи, // мимо пускали ея слова, как будто бы и до нас  
не касается, а кои и на смех пускали. Я думаю, что Г[оспо]дь нас су-  
дитъ будет за ето. Но не тѣне ето ея поученіе, но Г[оспо]дь воздаст

л. 129 об.

ей. Она каждому ч[е]л[ове]кѸ, малому и великомѸ, старалась послужить. Все это было у ней ради Х[рист]а, всем нам образ показала, а теперь хватились — да и поздно, нету этого ч[е]л[ове]ка.

л. 130 **Вся** ея жизнь была в гоненіи за слово Б[о]жїе, еще в молодых летах после переворота власти скиталась в лесу целый год, были дожди, дах на ней одежда погнила, на голой земле спала, сколь придется, по горам и лесам скиталась и без пищи была несколько время. А зимой без спичек ходила, её всё преследовали. Она прообразовала иноческую жизнь, но напоследок Г[оспо]дѸ её привел получить чин чернецства, и наречена *бысть* черн[оризица] Венедикта. И все старалась выполнить правило, а болезнь ея была тяжкая, рак желудка, как что попитается, и обратно все *отрыгает*. СѸреченіе мира и яже // в мире, и что положено инокѸ, она старалась выполнить. 40 дней совершила свое поприще в тяжкой болезни. Скончала свою временную жизнь и преселися на вечную жизнь, идеже глас празднующих и поющих Г[осподе]ви всегда. И совершилось на ней, что *будут* первїи последнїи, а последнїи первїи\*. И паки: «В чем застану, в том и сужду», и паки: «Нужно есть Ц[а]рство Н[е]б[е]сное, и нужницы восхизают е». Упокой ея, Г[о]с[по]ди, во Ц[а]рствїи Н[е]б[е]снем. Преставися 26 ноября 7470 года, а *память ея 17 сент[ября]*. А родительница ея черн[оризица] Анатолїа, еще жила один год. Обои у нас покоятся на Луговой.

### СѸ бесовских действїах. С рѸкописи *от[ца]* А.

л. 130 об. **Однажды** утром м[а]ть Флина бл[а]г[о]с[ло]вилась затопить очаг, и только стала затоплять, и враз на вышке шумело, как будто пала труба, и дым не пошел в трубу, но весь в келїю, и забегали, не знают, что *делать*, и тогда мать Флина прочитала икос Б[огоро]д[и]цѸ: «Ангель престатель», да наверно // и оградила, не знаю точно, и дым пошел в трубу. И прискочила Анна бесная, бес в ней скричал: «Ох, хотели задушить старушонок! Ох, Фленка догадалась!» И когда светало, пошли на вышку, труба цела, только в ней оказалась с реки галька с кулак. **Вышереченная** Анна бесная, по накрытии черн[оризица] Асенефа, преставися 4 декабря 7475 года.

### О свещи.

**Некогда** м[а]ть Флина сказала семейным старицам: «Давайте, надо помолиться Б[огоро]д[и]це полуторницу, бесишки стали одолевать». Затешила свещу Б[огоро]д[и]цѸ, и сколь молились, свеча угорела и стала ниско. Матрона надпомянула м[а]т[ери] Флине, что

поднять надо свечу-то, ниско стала, а бес закричал в ней: «Не надо поднимать свечу, меня и так шипко палит, а когда против усть будет свеча, еще пушше будет палить, како тебе дело подсказывать, не надо подымать». И когда сѣ сестра Матрона беснующая молилась «Б[огоро]д[и]це Д[е]во радѣйся», знаменовалась истово, когда читала «И бл[а]г[о]с[ло]венѣ плодѣ», // рѣкѣ обычно полагала на лобѣ, «чрева л. 131 Твоего, яко родила еси», — на пѣпѣ, а когда чтет «Х[рист]а Сп[а]са», рѣкѣ полагала на правое плечо, «избавителя»<sup>к</sup> — на левое. Тогда бесу стало не любо, огорчился и закричал: «Ты зачем так истово знаменашся? Не надо так класть кр[е]сть по местам, не надо, как-нибудь ладно!» И взял у ней руку, стал махать как попало, говорит: «Вот так надо». Бесѣ говорит Матроне: «Что ты плачеш, Матрона? Выйдем, выйдем, только не сечась».

**Оу** м[а]т[е]ри Олины в некое время стали молиться за своих покойных ѡалтырной сорокоуст. М[а]ть Іцлїа попросила у Матроны: «Дай нам ѡалтырь м[а]т[е]ри твоей, она светла». А бес закричал: «Не надо по етой ѡалтыри молиться, еѣ Домка уревела, слезами промочила, не надо по ей молиться, не надо! Домку не надо поминать, она и так прокисла!» (Домна или Домника — ето мать Матронины). «Не надо поминать Яшку<sup>к</sup>, он и так прокис, Ларьку<sup>л</sup> тоже не надо поминать, он тоже прокис, // не надо за их молиться, оне и так прокисли без вас, не надо за их молиться, не надо, они прокисли, вы тоже хуже их, не надо молиться за их, не надо! Сожгли, сожгли, спалили меня, спалили!» Іаковѣ<sup>м</sup> и Іларїонѣ<sup>н</sup>: первый — родитель м[а]т[ери] Енаѡы, вторыи — родит[ель] м[а]т[ери] Еванфїи. Писано о нем в 1-й части, глава 50<sup>о</sup>. л. 131 об.

## Ѓ м[а]т[е]ре Серафиме.

Сѣ рѣкѡн[исц] м[а]т[ери] Флины. Глав[а] 50<sup>р</sup>.

М[а]ть Серафима во младости прїиде в келїю кѣ м[а]т[ери] Флине в лето 7465, 17 марта, жила в послушанїи, на м[о]л[и]твѣ была усердна. Когда накрыли мать Досиѡею больную, она не могла молиться правило, и за неѣ все время молилась правило м[а]ть Серафима, и свое 10 лестовок молилась.

<sup>к</sup> слово помечено знаком + ;

<sup>л</sup> слово помечено знаком √

<sup>м</sup> слово помечено знаком + ;

<sup>н</sup> слово помечено знаком √

<sup>о</sup> на левом поле арабская цифра 50;

<sup>р</sup> написано на левом поле;

Пишет о ней м[а]ть Флина. Мать Серафиму все не любят, потому что наблюдает все порядки, *вот* они ее за это не любят. Нет лукавства у м[а]т[е]ри Серафимы, она всю правду скажет, что у них произошло. Они говорят: «Не надо м[а]т[е]ре рассказывать, почто м[а]ть разстраивать... Как у Икова Иосифъ былъ //справедливой, и его братія не любили за это». М[а]ть Серафима тяжело заболела и стала просить иноческїи чин, и ее накрыли, и потом она стала оздоравливать. И вот наяве пришли к ней два ч[е]л[ове]ка незнаемы и принесли к ней деревянный большой кр[е]сть, наподобіе какой ставят на могилу. И сказали ей: «Ты теперь не умрешь, а вот *этом* кр[е]сть понесешь. И положили его, говорит, на меня и ушли. Такой он тяжелый, что я и пошевелиться не могу, кое-как пошевелилась. И *вот* 8 лет она несла *этом* кр[е]сть съ горькими слезами. Нецїи сестры зело ю оскорбляли. И *вот* одна сестра оскорбляла до самаго того времени, пока больная ходила на ногах, она плохо питалась, что маленько послаще надо поесть, эта сестра все ее оговаривала, что «вот ты все выбираешь послаще», все ея оскорбляла, но Г[оспод]ь ей воздаст за то, что она претерпела.

Пишет она м[а]ть Серафима о своей болезни: «Заболела я в августе 7475 года, сильно болела полтора // м[е]с[а]ца, колотье не давало ни сидеть, ни лежать, и уснуть нисколь не давало, душил кашель, а кашлять нельзя было, сильно колотье било в крыльцы и в бока. Потом мало облегчило ... Каждый день рвет, ночами сильно кашляю, сама не сплю и сестрам не даю отдохнуть. Каждую ночь рвет меня. Ни в чем силы нет, ни в ногах, н и в руках, все тело дрожит от немощи ... правило молюсь сїжа, стоять не могу, ничего не делаю. В болезни приходит и обида, потому что я еще молодая, надо мне служить старшїкам, а сейчас приходится, меня обслуживают. Дакъ *вот*, любезный о[т]че Антонїй, слезно прошу Вас, и вси о[т]цы с[вя]тїи и братїя, м[а]т[е]ри и сестры, помолитесь Х[рист]а ради за мя грешную, дабы Г[оспод]ь устроил полезное для дѣши моей. Аще ли на пользу — то здравїя, аще ли ни — то прощенїя грехов и жизнь вечную. Болею, уже год доходит». Писала в іюле 7476 г.

Далее пишет м[а]ть Флина.

М[а]ть Серафима болела очень тяжело, болели у ней легки, // пока ходила на ногах, кашляла, питалась плохо, все пила алой с медом, но ничего не помогло. Сначала в Великом посте все сидела, лестовки шила, а в конце марта кашлять не стала, а сделался кровавый понос, что поест, желудок не стал работать, и не замогла ходить. Еще Х[рист]а встретила и разговелась, крошечку спиталась, и легла и более не встала. Все на правом боку лежала, вставать не замогла, даже и до своей нужды не могла. И 15 дней хлеба не вкусила, только пила маленько, спать нисколь

не спала. И вот потрудились полтора года и преселилась на индю жизнь, идеже гласъ празднующих, пошла весело, как пташечка улетела, преставилась 16 апреля 7477 г., а память ей 11 ноября.

Когда она преставилась, зделалась распута, нельзя было приходить к нам, и мы одни хоронили, 4 ч[е]л[ове]ка, а меня и считать нечего, я только кр[е]сть несла да кадильницу и все. А в кую ночь она преставилась, дождь заулевой был весь день, а когда хороняли, снегъ был. // Вот какая счастливая м[а]ть Серафима! Беснаа мать Фаина за нее не молится.

л. 133 об.

## Ѓ знаменїи ѿ честнаго Кр[е]ста Х[ри]с[то]ва.

Съ рукоп[иси] Афанас[їя]. Глав[а]° 51<sup>†</sup>.

У м[а]т[е]ри Олины во обители было чюдо в 7470-м году, на первой н[е]д[е]ли Великаго поста в пяток. Начали молиться молебн велик[о]мученику Феодору Тирону, м[а]ть Серафима читала начал: «Г[оспод]и, услыши м[о]л[и]твѣ», ѡлом дочитывала, стояла подле кр[е]ста, по правую руку стоял кр[е]сть с предстоящими. И увидала свет в малом означенїи над главою Иоанна Б[о]г[о]слова, ѿ рѣченьки Х[ри]стовой ѿ самого локоточка. Первый раз блеснул свет — сестра увидала, но не разглядела, читала начал и глядела на другую икону, потому и не разглядела, откуда был свет, толи от Х[ри]стовой руки или от Б[о]г[о]слова от главы. Первый раз блеснул свет, и сразу побежало масло или муро, неизвесно что, из рѣки Х[ри]стовой из самого локотка, из левой руки. Но сестра не поверила, потому что не разгля//дела. А потом стала смотреть внятно, еще что будет, нет. И потом смотрит — второй раз блеснул свет круглым пузырьком. Пузырек был величиной с главѣ Иоанна Б[о]г[о]слова, как свет блеснул и сразу из пузырька ленулось миро (или масло) и прямо на плечо Иоаннѣ Б[о]г[о]слову, и так много, что всего Б[о]г[о]слова облило до самых ног. А у ног Б[о]г[о]слова стояла меднаа икона, и бежало прямо за икону.

л. 134

М[а]ть Серафима думала, что уже наверно лыва мира на божнице за медной иконой. Хотела какой-нибудь сосудецъ скорее подставить, но не охота было с глаз спустить. Хотела сказать, что «дайте мне скорее сосудец какой-нибудь», но не посмела сказать ради сестр, как раз читала началъ, нельзя было сказать, сестры смутятся, потому что они не знают, в чем дело. Хотела медную икону отодвинуть, но не посмела. Сбоку наклонилась, посмотрела, на божницу не набежало, но оно бежало таким образом: к ногам Б[о]г[о]слова // збежало и в икону

л. 134 об.

<sup>с-†</sup> написано на левом поле;



вошло. А выливалось примерно по хлебальной лошке не раз, два раза разливалось на всего Б[о]г[о]слова, а в третий раз излилось таким образом, так же из локотка Х[ристо]ва излилось, но немного другим видом. Когда ☩ свету ленулось и добежало только до плечика Иоанна Б[о]г[о]слова, и остановилось миро, и стало подниматься кверху и свиваться комочком, когда свилось, тогда етот комочик стал светлый блестеть, как светлый бисер, и медленно стал спускаться книзу, покати́лся по Б[о]г[о]слову книзу к ноженькам, сначала катился тихо, а потом покати́лся скорее, и сильно блестящій, светлый, и так покати́лся и ука́тился к ноженькам, и за медную икону спустился.

И так внятно м[а]ть Сераф[има] смотрела, и так уверилась, что во истину веліе чудо! М[а]ть Серафима, видевшая ето чудо, она ранее не поклонялась етому кр[е]стѸ ввиду того, что ранее она слышала разговор *от* м[а]т[е]рей, что етот кр[е]сть новенькой и изображеніе тучное. // И вот того ради у м[а]т[е]ри были такіе мысли, что «не буду етому кр[е]сту кланяться, он новенькій, и темъ не стану поклоняться, на котором кр[е]сте анг[е]лы стоят на коленочках, те тоже новеньки». И *вот* у ней были всегда такіе мысли, а когда насмотрелась на ето чудо, тогда устрашилась и крепко уверилась, что никак нельзя никакое иметь сомненіе о с[в]я[т]ых иконах. И ☩ того время с великим усердіем поклоняться стала етому кр[е]стѸ. А когда етот светлый комочик ука́тился за медную икону, сестра подумала, что он лежит на божнице за иконой, она попросила м[а]ть Флину икону ☩одвинуть и посмотреть, и отодвинули, посмотрели, и ничего не оказалось. А когда по иконе ета большая капля катилась, сестра смотрела и ей охота было сильно ету каплю в чо-нибудь подхватить, и нечо было подставить под каплю. Хотела руку подставить, но страшно стало. И такъ // ничего не пришлось подставить, етим и окончилось. Длина<sup>у</sup> кр[е]ста 55 сантиметров, ширина 30 и пол. Изображеніе Спасителя и предстоящих 28 сантимет[ров].

л. 135 об.

### ☩ явленіи о[т]ца Симеона. С рѣкописи тожъ ж[е] м[а]т[ери] Сераф[им]ы. Глав[а]<sup>ѳ</sup> 52<sup>х</sup>.

В лето, — рече, — 7469, 3 декабрѣ, в годину о[т]ца Симеона, сотворися чудо в нашей обители, и мать Серафима беснующая не могла стоять за панахидой, все бы бросала и ломала. Ето писавшая старица сама сказывала, что пред панахидой еще матушка Флина не раздувала кадилницу, а уже дым каженія появился в часовне. И во время пенія панахиды

<sup>у</sup> слово подчеркнуто, на левом поле высота, тоже подчеркнуто;

<sup>ѳ</sup> написано на правом поле;

нездоровая старица смущалась с[е]рдцем, и вынуждало ее кричать: «За-чем Сёмка пришол сюда!» Но невидимая сила не попускала ей кричать. Однажды оглянулась и точно увидела о[т]ца Симеона, сѣ кадилницей стояща между рядами, потому что старицы стояли в два ряда. А видевшая старица стояла у налая, читала 17 кафизму, и оглядываться больше не посмела, пото//му что о[т]е]цъ за ней стоял ближе двух метров. А когда пропели кафизму, старица оглянулась, пошла на свое место, и уже виденіе скрылось и неизвесно когда, а прочіе сестры ничего не видели. л. 136

Потом кончили моленіе и зашли в келарску, келари уже на трапезу собрали, и м[а]ть Олина призвала едину сестру и сказала ей унести м[и]л[о]стыню хр[и]столубцем, и она ушла. А м[а]ть Олина с семьей стали обедать, стали питаться первую яству студеную, и спитались студеную, начали горячую. И пришла сестра, уносившая м[и]л[о]стыню, тогда матушка Олина вышла из-за трапезы и встретила сестру, попрощала ю и сказала: «Садись за трапезу, питайся». Сестра села, а матушка поначаловала варива и сказала: «Питайтесь!» А сама стала и пошла в часовню, и там стала с кем-то прощаться и разговаривать, и не сильно, тихо и негромко, кто-то там с ней стал разговаривать, негромко, тихо и смиренно, но и не вовсе // шепотом. В келарской было слышно хорошо изѣ часовни, двери были открыты, мы половину варива выхлебали, и тогда матушка вышла изѣ часовни и вся в страхе и трепете, и по всему лицу у ней заходили миджи\*, все лице у ней побелеет и потемнеет и покраснеет ☩ страха, как ровно после большова разореніа или после пожара. л. 136 об.

Пришла к нам, сяла за стол, и она ровно была вся ни в себе, в расстройстве, печальна и уныла, и сказала семье, что «тихо вариво питаются». Ей кажется, что она долго в часовне была, а еще вариво питаются, а сама ничего не питается. И опять мало с нами посидела и ушла вторично в часовню, и мы без нея допитались вариво и надо уже начинать другіе яствы, а ее все нету. И сестры посидели,ждали долго, и она опять вышла из часовни, сразу ушла в сенки, и потом из сенок пришла к нам за трапезу, а сначала того ради не пришла сразу из часовни за трапезу, а уш//ла в сенки, чтобы не заметили сестры, чего ради уходит часто в часовню, и за трапезой не питается ничего. Поначалует только и опять сидит, крѣчинная. Мало нечто попиталась и опять ушла из-за трапезы в сенки, и слышно было, там с кем-то она поговорила, не так долго время, и потом опять зашла в келарску и хотела сразу забежать в часовню, но ради семьи удержалась, что сестры замечают. Но она стала на порог часовенный, взялась рукой за косяк часовенных дверей и наклонилась далеко за косяк в часовню, и стала разговаривать с кем-то, но неизвесно с кем, она вопрошает, а к ней отвещает тихо, кротко и смиренно, негромко и слышно хорошо, л. 137

но не понятно, что *говорят*, и чей голос с матушкой *говорит*, а она только понукивает: «Ну, ну, чо, посидиши или пойдеш?»

И потом *опять* матушка ступила обратно с порогу в келарску и пришла за трапезу к семье, лицом светлая и веселая. И только хотит что-то нам сказать, и уста *откроеет*, но какал-то сила ей не дала // *вещать* к нам, а первые раза выходила из часовни печальная и невеселая, а в последний раз вышла в неизреченной радости, а на сестр тогда напал страх и трепет, что матушка в какой-то большой измене. Но еще пока сидели за трапезой, все думали, что какие-то гости пришли к нам, и что-нибудь в мире неблагополучно, и они матушке рассказали, и за то она стала в большом растройстве. А когда вышли из трапезы и зашли в часовню, и гостей никаких не оказалось. Тогда на нас паче страх и трепет напал, потому что никаки гости в часовне не были, а она с кем-то говорила и неизвесно с кем. А мы из-за трапезы вышли, пришли в часовню все молиться, петь «Содетелю и Творче»\*, тогда едина послушница накрытая подошла к матушке Флине и стала спрашивать: «Матушка! С кем ты разговаривала, скажи нам?» И матушка сразу на лице спыхнула и изменилась, и стала *говорить*: «Ничего я не

знаю и никого я не видала, // вы напрасно говорите, я ни с кем не говорила, я на пороге стояла и с кошкой поговорила». А кошки совсем не было там, она в углу лежала. И так прилежно сестры допрашивались, и никак никому не сказала. *Говорит*: «Зря вы говорите, вам только так показалось, я нечо не знаю, я нечо не помню, и нечо не видала. А вы достойны, дак видели, вам Б[о]гъ *открыл*, а мне нет». А сестры добивались у ней: «Матушка, скажи нам, кто был, кого Г[о]с[по]дь на посещение *къ* нам послалъ? И почто ты закрываеш посещение Б[о]жје и данный тебе дар ☩ Б[о]га, а ты прикрываеш ☩ нас?» И она более ничего нам не сказала, а только сказала: «Ну и чо, и слава Б[о]гъ, Б[о]гъ посетил дак». Дозде м[а]ть Серафима.

Сїа м[а]ть Серафима видела о[т]ца Симеона с кадильницей и знаменіе *от* руки Х[ри]с[то]вой, изображеннаго на кр[е]сте, іако же выше речеса. //

— *Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 1—138. Ксерографическая копия рукописи 1969 г. Скоропись. Автограф А. Г. Мурачева. Бумага оригинала — тетрадная в линейку, переплет матерчатый, корешок кожаный, одна медная застежка. (Описание см.: Мальцев А. И., Панич Т. В., Титова Л. В. Рукописи XVI—XX вв. из коллекции Института истории СО РАН. Новосибирск, 1998. С. 209).*

# Приложения

# Комментарии

## Том 1

Л. 3. «Ты еси Петръ... и врата адова не одолеют ей». — Мф 16: 18; Феофилакт Болгарский. Евангелие с толкованием (благовестное). М., 1649. Л. 128 об.

...на върѣ Х[ри]сто[с]ь основа Ц[е]рковь свою. — Ср.: Св. Иоанн Златоуст. Толкование на св. Матфея евангелиста // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста в двенадцати томах. Т. 7. Кн. 2. М., 2001. С. 554.

...Ц[е]рковь, каже обдреванїа прїемлет и не поколеблетсѧ... — Ср.: Там же. С. 555.

Л. 3 об. Многим бо гонителем и еретиком... составленна ѿ собранїа вѣрных Б[о]жїих. — Ср. Феофилакт Болгарский. Евангелие с толкованием. Л. 129. Автор патерика дает парафраз текста.

Не прїдет родъ сей, дондеже всѧ сїа будут. — Мф 24: 34; Мр 13: 30; Лк 21:32.

Л. 4. Св[я]т[ой] бо ап[о]с[то]лъ Андрей прїиде в Россїю... где к вере многих привел. — Ср.: Сб. Книга о вере. М., 1648. Л. 31. Автор патерика дает вольный пересказ текста.

Л. 5. ... стисателя Правья веры... — имеется в виду сборник «Книга о вере». А по исполненїи лѣт числа 1666... брань съ самим дїяволом. — См.: Сб. Книга о вере. Л. 271. Цитата с незначительными искажениями.

Л. 5 об.—6. Тогда обретоша себе для храненїя непорочныя веры... начальное бысть действия прїема. — Родословие часовенного согласия // Духовная литература... 1999. С. 81.

Л. 6. Перваго прїяша на с[вя]щеннодействие... не допустиша его до тайнодействїя. — Там же. С. 81, 82.

Л. 6 об. ...Жиль о[те]ць Софонїй в здешных краях... подают с верою к ним притекающим... — Ср.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). В лесах // Собрание сочинений в восьми томах. М., 1976. Т. 3. С. 210.

Л. 6 об.—7. Гробница его в лесу среди поляны... на могилѣ о[т]ца Софонїа въ Д[у]ховь д[е]нь. — Ср.: Там же. С. 225, 226.

Л. 7. Дїонисїй прїял Ѳеодосїа с[вя]щенноинока... малорѣскими еп[и]с[ко]пами. — Ср.: Духовная литература староверов России XVIII—XX вв. Новосибирск, 1999. С. 82, 83.

Л. 7 об. *Чтобы избежать преследования правительства... завели хозяйства.* — Ср.: Плотников К. Н. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. Изд. 2-е. СПб., 1894. С. 83, 85. Цитирование с пересказом.

*На первых порах центрами беглопоповчины слѣжжили... Иргизскіе монастыри.* — Ср.: Там же. С. 133.

Л. 7 об.—8 об. *На Донѣ. На берегу рек[и] Чир... основано несколько новых пустынь.* — Ср.: Там же. С. 136—137. Пересказ, дополненный отсутствующими у К. Н. Плотникова сведениями.

Л. 8. *Пишет Мельников, что там было 77 скитов... поголовно были старообрядцы.* — Мельников П. Исторические очерки поповщины. Часть первая. М., 1864. С. 78. Неточное цитирование.

Л. 8—8 об. *В 1706-м году жившій сам прежде в келіях на Керженце... старообрядцы бросились за рубежь на Ветку.* — Ср.: Там же. С. 78, 79. Цитирование с редактированием: текст стал более толерантным по отношению к староверам.

Л. 8 об. *...Питирима, архиепископа Нижегородскаго... (1719—1738)... — Мельников П. И. (Андрей Печерский). В лесах. Т. 3. С. 205. Сноска 1.*

*...77 скитов было разорено на Кержени... в подданство короля Польскаго.* — Там же. С. 227.

Л. 8 об.—9. *По втором разореніи Ветки в 1764 год[у]... ушло за границѣ семь восьмых всего населенія.* — Ср.: Мельников П. Исторические очерки поповщины. С. 255, 256, сноска 1 на с. 256.

Л. 9. *Вскоре скитов появилось больше сотни... и за рекой Ветлугой.* — Ср.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). В лесах. Т. 2. С. 315, 316.

*В лесах Черной Рамени... Каменным вражком зовут его...* — Там же. С. 319.

*На Каменным вражке было до сорока... а жителей считалось до двух тысяць...* — Там же. С. 322.

*Шарташ и Актус, пустыни Висимских лесов... приходили оттуда на Каменный вражѣк возы...* — Там же. С. 325. Сноска в патерике (см. сноска «х») повторяет сноску 1 издания (см.: Там же. С. 325). Кроме того, в сноске, дополнительно к тексту Мельникова-Печерского, есть информация составителя патерика.

Л. 9—10. *На Каменном вражке м[а]т[е]ри Манефы обитель... хранилось в обители м[а]т[е]ри Манефы.* — Ср.: Там же. С. 327, 328. Цитация с пропусками, изредка — искажением текста (напр.: «небольшого» вместо «большого» и т. п.).

Л. 10. *Были три кр[е]ста с мощми, книгѣ харатейных и старопечатных 30 или 40...* — Ср. Там же. Т. 3. С. 375.

*М[а]ть Клеопатра, чтимая всем Керженцем... нужд и скорбей претерпела.* — Ср.: Там же. Т. 4. С. 73.

Л. 10 об.—11. *Иона Курносый, старообрядческий писатель... Оставитесь мнихи и бельцы разыдоишася.* — Ср.: Там же. Сноска 1 на с. 26—28. Цитирование с пропусками и редактированием части текста.

Л. 11—12. *Уничтоженіе было Керженских и Чернораменских скитов... на могилах ... старца Софонія.* — Там же. Т. 3. С. 205, 206.

Л. 12. *Все эти места в Семеновском уезде Н[ижне]городской губерній.* — Там же. С. 206. Продолжение сноски 2 со с. 205.

Л. 11 об., сноска «ъ». *Оуґрочище это называется «Смольаны»... другіе 11 поповъ.* — Ср.: Мельников П. Исторические очерки поповщины. С. 65, сноска 1. Составитель патерика «разрезал» на части текст П. И. Мельникова-Печерского и скомпоновал его по-своему.

Л. 11 об.—12. Продолжение сноски «ъ». *У с[вя]щенноинока Діонисіа былъ довольный запасъ міра... а ѿтѣдѣ прїиде на Веткѣ по прошенію ветковских.* — Ср.: Там же. С. 64—66. Пересказ.

Л. 12 об. *Основаніе слобод на пустом острове Ветке... сделалась средоточием всей поповчине, как ея митрополіи.* — Ср.: Там же. С. 63, 64, 69. Цитирование и пересказ.

Л. 12 об.—13. *Но вскоре положеніе ея изменилось... отправлены в Сибирь на поселение.* — Ср.: Плотников К. Н. История русского раскола... С. 134, 135. Цитирование и пересказ.

Л. 13. *В Стародубье Черниговской губерній... 17 церквей и 16 публичных часовень.* — Ср.: Там же. С. 135. Цитирование и пересказ.

Л. 13—13 об. *Во время чумы 1771 год[а] поповцам было отведено... число прихожан Рогожс[кого] клад[бища] старообрядцев достигало 60 008 ч[ел]л[ове]кѣ.* — Ср.: Там же. С. 140, 141, 144. Составитель патерика допустил ошибку в количестве прихожан Рогожского кладбища: у К. Н. Плотникова не 60008 чел., а 68000 (См.: Там же. С. 144).

Л. 13 об.—15. *...основано несколько слобод... отправляли повседневную службу и совершали требы.* — Ср.: Там же. С. 137—140. Цитирование с большими пропусками, пересказ и частичное редактирование.

Л. 15. *Иргиз сделался митрополіею поповчины.* — Сформулировано по аналогии с оценкой П. И. Мельниковым-Печерским Ветки как «митрополия всей поповщины» (см. комм. к л. 12 об.)

Л. 15—16. *...после проезда протопона Аввакума... но не изменить старой вере.* — Кузнецов А. Исторические очерки уральского старообрядчества // Уральский старообрядец. 1915. № 11. С. 17.

Л. 16 об. *...в глухие и непроходимыя леса, пустыни, на Дон, в Астрахань, на Урал и Сибирь, за границу, в Польшу...* — Ср.: Там же. С. 20.

Л. 16 об.—17. *Из сенатскаго указа 17 сент[яб]ря... по старым преданіям и обрядам.* — Ср.: Там же. С. 21. Составитель патерика неправильно искажил цифру количества беглецов: у А. Кузнецова 442 тысячи человек, а не «около 4042 человек», как в патерике.

Л. 17, сноска «п». *Юзов*. — Фамилию составитель патерика взял у А. Кузнецова (См.: Там же. Сноска 3). А. Кузнецов имел в виду следующее издание: *Юзов И.* Русские диссиденты: староверы и духовные христиане. СПб., 1881.

Л. 17—17 об. *Вскоре появляются в Екатеринбургe... низали ризы на св[я]т[ы]е иконы...* — Кузнецов А. Исторические очерки... С. 22.

Л. 17 об.—18 об. *Кроме шарташских скитов... в николаевскіе времена...* — См.: Там же. С. 23.

Л. 25—25 об. *«Если, как ты говоришь, он (Іаковъ)... указанія Б[о]ж[і]аго»*. — См.: Преподобный Феодор Студит. Послания. М., 2003. Кн. 1. С. 416.

Л. 29—29 об. *«Есть также преданіе,.... не допустили на старообрядческое кладбище...»*. — Эпизод текстуально соответствует фрагменту из очерка В. Санина «На Веселых горах» (*Санин В.* На Веселых горах. Очерки торжественных молебствий старообрядцев, иллюстрированные рисунками с натуры художника Вл. А. Кузнецова и отчеты о подготовительных трудах к Всероссийскому съезду старообрядцев часовенного согласия. Екатеринбург: Типография газеты «Уральский Край», 1910. С. 11).

Л. 29 об.—30. *«Сей инок Павел бе родом.... Убит он в 1830 г[о]д[у]»*. — См. источник эпизода: Путник (А. Т. Кузнецов?) // На Веселых горах. Уральский старообрядец. 1915. № 6. С. 11.

Л. 30 об. *«...приезжайте ко мне на саях погребсти тело мое»*. — Сходный эпизод предсказания смерти в ситуации, когда в теплое время выпадет снег, содержится в Житии Варлаама Хутынского (*Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 17.)

Л. 32. *«И когда изгоняли беса из некоей старицы, сего ради молились службу с[в]ятому Іоанну Б[о]г[о]слову»*. — Св. Иоанн Богослов в Древней Руси считался избавителем от бесовских козней. В апокрифическом Житии Иоанна Богослова, вошедшем в древнерусские сборники постоянного состава (Четьи Минеи, Торжественники) он предстает именно в таком качестве, как помощник в борьбе с язычеством и дьявольской силой. См.: *Кадлубовский Арс.* Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. С. 30—32.

Л. 32. *«... а она пошла одна по грибы, и опять бес зашел в нее»*. — отзвук анимистических представлений, когда лесные духи («лешие») считались разновидностью «нечистой силы». Подобное смешение дохристианских представлений и христианской демонологии является ярким проявлением народного христианства. См., например: *Рязановский Ф. А.* Демонология в древнерусской литературе. М., 1915. С. 12; *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 108—111; *Толстой Н. И.* Из заметок по славянской демонологии. 2. Каков облик дьявольский? // Народная гра-



вюра и фольклор в России XVI—XIX вв. (К 150-летию со дня рождения Д. А. Ровинского). М., 1976. С. 289—297.

Л. 33. «*Васильй Никитичъ Санин*». — В. Санин — псевдоним уральского писателя и журналиста Владимира (Василия) Николаевича Афанасьева.

«*Исторїа Санина. Глава 13*». — Дальнейший текст (главы 13—18) представляет собой редакцию очерка В. Санина (*Санин В.* На Веселых горах. С. 3—38). См. подробнее настоящее издание, с. 412—413.

Л. 37. «... *схоронен въ 1783 год[у] в мае м[е]с[я]це 27 день*». — В данном случае дата по сравнению с основным источником (очерком В. Санина) уточняется, там указано: «схоронен в 1782 году в мае месяце» (*Санин В.* На Веселых горах. С. 10—11).

Далее в очерке В. Санина следует эпизод с попыткой Василия Старикова надругаться над останками о. Максима. Этот эпизод включен в другое место Патерика, главу об о. Максиме. См. выше, л. 29—29 об.

Л. 39 об. «...*Андреевскій Некто в сером*». — Аллюзия на пьесу Л. Андреева «Жизнь человека» (1906), одним из персонажей которой является «Некто в сером, именуемый Он».

Л. 47 об. «... *превратилась в настоящую кликушу...*». — Далее пропущен текст источника: «Разубедить рассказчицу в том, что в ней никакого беса нет и что кликушество не более как результат ея расстроенных нерв, не было никакой возможности» (*Санин В.* На Веселых горах. С. 29).

Л. 48. «...*желая, как оне объясняют, испытать себя...*». — Далее пропущен текст, описывающий массовую истерию кликуш как патологическое явление: «...Представьте себе картину — на коленопреклоненных женщин надвигается многотысячная толпа с иконами, высоко приподнятыми на руках, раздается пение молитв. Впереди и позади начинают судорожно биться кликуши. Все вместе создает колоссальное нервное напряжение. В результате более слабые женщины из прибегающих к своеобразному способу испытания своего здоровья не выдерживают, впадают в истерику и начинают кликушествовать. Из наблюдений в этой области на Веселых горах можно сделать следующий вывод — кликушество, обязательное явление у всех святых мест, здесь проявляется чаще, чем где-либо. Причины тому — самовнушение на почве религиозного фанатизма в связи с массовым народным невежеством» (*Санин В.* На Веселых горах. С. 29).

Л. 54. «*В. Санин. 25-26 йюна 1910 год[у] (7418)*». — Здесь заканчивается следование источнику, очерку В. Санина «На Веселых горах».

Л. 54 об. «*Но по разрушеніи ц[а]рской власти безбожными в лет[о] 7425 настали плачевные времена, когда покрыл бедную Россію темный облак безбожїя ... на малое стадо X[ристо]во верных*». — Революционные события 1917 г. трактуются в том же ключе, что и Собор 1666 г., положивший начало церковному расколу. Использованы образы, которые можно отнести к loci communes старообрядческих духовных стихов и публицистиче-

ских сочинений на эсхатологические темы. См., например: *Журавель О. Д.* Литературное творчество старообрядцев. Темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012. С. 272—274.

Л. 66 об. «*СѸ от[ц]е Нифонте*» — См. Биографические справки.

Л. 68. «*Прїидите, взыдем на гору Г[о]с[по]дню и в дом Б[о]га нашего*». — Песнопение литургии на Преображение Господне (слава на литии). См. также: Ис 2: 3; Мих 4: 2.

Л. 68 об. «*И оставиша останки мл[а]д[е]нцем своим*». — Пс 16: 14.

Л. 69. «*Образом ходит ч[е]л[ове]къ и въсѣде мѣтеса...*» — Пс 38: 7.

«*Горе, им же рекут добре вси ч[е]л[ове]цы*». — Лк 6: 26.

Л. 69 об. «*Приложихса скотом несмысленым и уподобихса имъ*». — Пс 72: 22. Далее кратко излагается Слово 18 книги Иоанна Лествичника «*Лествица или скрижали духовные преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы*». М., Печатный двор, 1647. Л. 174 об.—176.

Л. 69 об. «*Бл[а]жени плачущїи, яко ти утешатса*». — Мф 5: 4.

Л. 70 об. «*не убоишия ниже от страха ночного, ниже от стрелы, летящїя во дне*». — Пс 90: 5.

Л. 71 об. «*блаженъ ч[е]л[ове]к, иже на Того упованїе возложивши*». — Пс 39: 5.

Л. 72. о. *Сава* — в миру Мягков Селивестр Ефимович. См. Биографические справки.

Л. 74. о. *Силѣян* — См. Биографические справки.

о. *Симеон* — в миру Лаптев Сафон Яковлевич. См. Биографические справки.

Л. 75 об. *блисты* — Возможно, от «близна́», церковнославянское: морщина, рубец на теле от раны или язвы (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1879. Т. I. С. 97).

Л. 76 об. «*По множествѣ болезней моихъ въ с[е]рдцы моем утешенїа твоа возвеселиша д[у]шию мою*». — Пс 93: 19.

Л. 77. «*СѸ Всепетая Мати, рождишася*» (следует «*рождашася*»). — Н. П.) — строфа 13-го кондака Великого Акафиста: «О всепетая Мати, рождашася всех святых Святѣйшее Слово, нынѣшнее приношение приемши, от всяких напасти избави всех, и грядущия изми муки, вопиющия Ти: Аллилуиа».

Л. 77 об. *кавтырь*. — «кафтырь, (каптырь), раскольн., род покрывала на камилавку, черное, отороченное красным гарусом» (*Даль В.* Толковый словарь живаго великорусского языка. Т. II. СПб, М. 1881. С. 86).

Л. 79. *детельный*. — Относящийся к деятельности, здесь — относящийся к духовному деланию.

Л. 84 об. «*СѸ Всепетая М[а]ти*». — См. комм. к л. 77.

Л. 86 об. «*Бѣдѣт последиїи первїи*». — Мф 20: 16.

Л. 88. *Возведи окрест...* бл[а]г[о]с[ло]ващи *Х[рист]а вовъки*. — Неточная цитата из Канона св. Пасхе. См.: Триодъ цветная. М., 1635. Л. 242 об.

Л. 90 об. «Пишется в книге *Родословной*». — См.: Духовная литература... Новосибирск, 1999. С. 94.

Л. 90 об. о. *Мина*. — В миру Зебзеев Михаил Прокопьевич. См. Биографические справки.

Л. 91. о. *Антоний*. — В миру Людиновсков Афанасий Михайлович. См. Биографические справки.

Л. 91 об. о. *Тимофей*. — В миру Кустов Трофим Иванович. См. Биографические справки.

Л. 92. м. *Мастрадия*. — В миру Мария. См. Биографические справки.

Л. 92 об. *колибы*. — шалаши, шатры (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 239).

Л. 94 об. *мерзость запустенія ... на месте с[вя]те*. — Дан 9: 27; Мф 24: 15; Мр 13: 4.

Л. 95. м. *Флина*. — В миру Шабаршина Татьяна Кондратьевна. См. Биографические справки.

Л. 95 об. м. *Валентина*. — В миру Тюрина Вера Григорьевна. См. Биографические справки.

Л. 96 об. *Александр*. — Голдобин Александр Григорьевич. См. Биографические справки.

Л. 97. о. *Макарий*. — В миру Паутов Матвей Семенович. См. Биографические справки.

Л. 97 об. м. *Тавифа*. — В миру Людиновскова Татьяна Михайловна. См. Биографические справки.

Л. 98 об. м. *Евгения*. — В миру Копылова Евдокия Ермиловна. См. Биографические справки.

м. *Маргарита*. — В миру Коровина Макрина Наумовна. См. Биографические справки.

Л. 99. м. *Анатолия*. — В миру Меренкова Анна Васильевна. См. Биографические справки.

Л. 99 об. «Здесь начались допросы и расследованіе...». — Следствие первую неделю (24—31. 05. 1951 г.) велось в с. Ярцево, а с 31. 05 по 26.10 1951 г. — в Красноярске. Материалы этого следствия используются в комментариях настоящего издания. Суду было предано 33 человека, все обвиняемые были приговорены по ст. 58-10, ч. 2 и 58-11 к срокам лишения свободы от 10 до 25 лет. В ноябре 1954 г. все осуждённые (за исключением погибших в заключении о. Симеона и м. Маргариты) были амнистированы. Подробный рассказ об этих событиях написал А. Г. Мурачёв (Духовная литература... Новосибирск, 1999. С. 272—289). См. также: *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ // *Солженицын А. И.* Малое собрание сочинений. М., 1991. Т. 7. С. 178—179; *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные на востоке России. М., 2002. С. 52—54.

Л. 103. *Не имѣт бо скончатисѧ грады І[з]раїилевы до втораго пришествїя Х[рист]ова.* — См.: Сборник «Кириллова книга». М., 1644. Л. 52 об., 53.

Л. 103 об. *«забвенїе и неразумїе надо всеми нами хвалитсѧ».* — См. молитву 10 утреннего Начала.

*«десятичное число, и пятичное, и сотое с седмидесятым, и пятьдесятое последи».* — Согласно цифровому значению кириллических букв, получается: «Лерон».

Л. 107 об. *«Занеже нѣжно есть Ц[ар]ствїе Б[о]жїе, и нѣжницы восхицают е».* — Мф 11: 12.

Л. 109. м. *София.* — В миру Катаева Секлетиныя Анисимовна. См. Биографические справки.

*Чуна (Уда).* — Река в Иркутской обл. и Красноярском крае, правая составляющая реки Тасеевой (сливающаяся слева с Бирюсой).

о. *Максим.* — в миру Русинов Анатолий Алексеевич. См. Биографические справки.

Л. 111 об. *«Патерик Азбучный».* — Патериком Азбучно-Иерусалимским принято называть древнеславянский перевод алфавитно-анонимного собрания «Изречения святых старцев» (᾿Αλοφθέυματα τῶν ᾿αγίων γερόντων), в том виде, в каком оно сложилось к IX в. Он включает 1062 рассказа и изречения. См.: *Николаев Н. И.* Патерик Азбучно-Иерусалимский // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Л., 1987. Вып. I. (XI — первая половина XIV в.). С. 299—302.

Лимонарь. — «Синайский патерик» (другое название от греч. Λεζωνάριον — буквально «лужок», «Луг духовный») — нравоучительная книга, содержащая повествования о жизни христианских подвижников. Основным автором текстов Лимонаря считается инок Иоанн Мосх (VII в.) Закончен, дополнен и издан этот труд был другом и соратником Иоанна Мосха Софронием Иерусалимским. Лимонарь был переведён на славянский язык и впервые напечатан в 1628 г. (Лимонарь, сиречь цветник. Киев, 1628).

Л. 112. ... *по окончании тропарей.* — На заупокойной службе после «Отче наш» поются тропари: «Со духи праведных скончавшихся...».

Л. 112 об. *Сым.* — Река в Красноярском крае, левый приток Енисея. Через неё проходит водный путь из бассейна Оби (река Кас) в бассейн Енисея.

Л. 117 об.—118. *«Аще ли нарочно уготовишисѧ... но на исканїе Ц[а]рства Н[е]б[е]снаго».* — См.: Цветник священноинкоа Дорорея. Гродно, 1790. Л. 41 об., 42.

Л. 119 об. *«Г[о]с[по]дѣ волю боящихся Его сотворит, и м[о]л[и]твѣ их услышит, и сп[а]сетъ ихъ».* — Пс 144: 19.

Л. 120. о. *Кастор.* — В миру Чернов Кирияк Автономович (1884—1926 г.). См. Биографические справки.

Л. 122 об. о. *Тарасий (Мурзин)*. Род. ок. 1911—1912 г.

Л. 124 об. *конопленна куглина*. — Колос конопля (арханг., олонцк.), мякина конопля (вологодск.)

Л. 125 об. *Иларион Иванович Глухов*. — брат м. Порфирии (Пелагеи Ивановны), был келарем в скиту о. Симеона на Дубчесе, в 1951 г. был арестован, но оставлен на свободе, жил в поселке Подбель. Умер 10 декабря 1960 г. См. Биографические справки.

Л. 131 об.—134. — Данный текст текстуально соответствует письму о. Ефрема Уральского на тему о ситуации, сложившейся в уральском старообрядчестве после принятия манифеста о веротерпимости 1905 г. (См. список этого сочинения: Собрание Института истории СО РАН. № 12. 1997. Л. 2—6 об.) Среди негативных явлений, отмеченных в письме о. Ефрема и в данной главе Патерика, — заключение незаконных браков, нарушение таких традиционных обычаев старообрядцев, как ношение бороды, а также регистрация общин. Последнее воспринималось в ряду таких тенденций, как «запись в раскол», споры о которой шли в старообрядчестве с начала XVIII в. (См.: *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 25—27, 292—312; *Мальцев А. И.* Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII — начале XIX в. Новосибирск, 2003). Старообрядческий автор дает собственное толкование термина «климовщина», в корне отличающееся от официального. В его понимании, последователями о. Климента были православные христиане, не принявшие губительных, на его взгляд, послаблений и продолжавшиеся придерживаться строгих обычаев и чистоты веры. См. также: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII—XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. С. 293—294.

Л. 134. «Знай, что у насъ не ѿделеніе ѿ церкви, но зачищеніе истинны и оправданіе Б[о]ж[е]ственныхъ законовъ (Феодор Студит. Т. 2, 4, пис. 28)». — Преподобного отца нашего и исповедника Феодора, игумена Студийского, письма к разным лицам // Творения преподобного Феодора. СПб., 1908. Т. 2. С. 192. Автор ссылается на 28-е письмо к Василию игумену Федора Студита (759—826 гг.). Феодор Студит, один из основоположников монастырской жизни в христианстве и автор сурового монастырского Устава, являлся одним из главных книжных авторитетов староверов-часовенных.

Л. 136. «Г҃ главишнѣ свят[аго] Симеона Новаго Б[о]г[о]слова: «Аще восхощеша ѿрещиса мира ... ниже страстномѣ уч[и]т[е]лю себе вдаши». — Поучение св. Симеона Нового Богослова, ранневизантийского мистика и богослова, яркого представителя традиции исихазма, «Аще восхощеша отрещиса мира...» было распространено в древнерусской четвѣй традиции. См.: *Творогов О. В.* Древнерусские четвѣй сборники XII—XIV вв. Статья четвертая. Дидактические гомилии // ТОРДРЛ, 1999. Т. 50. С. 37).

Л. 136 об. «*А кто хочет тебе послѣжити, тем не ѿкажи, ... тамо прочти*». — Пандекты Никона Черногорца. Почаев, 1795. Поучение 58. Л. 512.

«*Ч[е]л[овѣ]че, неси ли мира оставилъ ... токмо въ праздно има облеклса еси*». — Ефрем Сирин. Поучения. М., 1647. Слово 14.

*Не бѣдет помысловѣ, не бѣдет и венцовѣ. Но сѣдитса, егда сладце прѣимеши его и бесѣдѣши с ним. За сѣю бо винѣ 12 поклонов. Иосиф Волокал[амскій]*. — Сочинения преп. Иосифа Волоцкого (Волоколамского), «Просветитель» и «Устав», пользовались популярностью не только в Древней Руси (См., напр.: *Лурье Я. С.* Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства // ТОДРЛ. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 116—140), но и в старообрядческой книжной традиции. Выдержки из трудов часто встречаются в старообрядческих рукописных сборниках. См., например: *Панич Т. В., Титова Л. В.* Описание собрания рукописей ИИФиФ СО АН СССР. Новосибирск, 1991. С. 6, 44, 80, 81, 98, 115, 126, 127, 129 и др.

«*А книги чти дѣтельныя, то ест[ь]: Лествицѣ, патерик, Исаака Сирина, Ефрема Сир[ина], Симеона Новаг[о] Б[о]г[о]слова, Дорофея и жития с[вя]тых*». — К «дѣтельным», полезным книгам о. Антоний относит книги ранневизантийских христианских мистиков и богословов, близких к исихастской традиции. О традиции исихазма у часовенных см.: *Зольникова Н. Д.* Традиции исихазма к скитам Урала и Сибири XX в. // Культурное наследие средневековой Руси в традициях Урало-Сибирского старообрядчества. Мат-лы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1999. С. 64—74.

Л. 138. «*О сем зри во второй части, глав[а] 20*». — отсылка к главе 20 2-го тома публикуемого Патерика, где о. Симеон предрекает свой визит ко времени кончины старицы.

Л. 139 об. «*начальникѣ Анковады*». — Анковадой старообрядческий книжник называет НКВД. О печальных событиях разгрома скитов часовенных органами НКВД см.: *Покровский Н. Н.* За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир. 1991. № 9. С. 77—90.

Л. 144. «*Тайнѣ ч[а]рствѣ добро хранити, — глаголет Писаніе, — а дела Б[о]г[о]слова проповедати преславно естъ*». — Тов 12: 7.

Л. 148. «*...кто еси, яко земля еси и пепел, и под ногами у всех*». — Ср. Быт 18: 27. Ср. Кондак 2 Акафиста преп. Марии Египетской: «...несмы дух, но земля, прах, и пепел, и всячески плоть, ничтоже духовное когда помыслившая и ни единыя добродетели имущая».

Л. 148 об. «*Г[оспод]и [сѣсе] Х[рист]е, С[ын]е Б[ож]їи, помилѣи ма грешнаго!*... *какое великое онѣ имел стараніе и тицаніе о умном деланїи*». — «Исусовой» молитве у староверов-часовенных придавалось первостепенное значение. Не случайно текст молитвы сопровождается авторским комментарием об «умном делании». Здесь мы видим прямой экс-

курс в исихастскую традицию. И в историческом контексте, и в практике староверов эта молитва соотносилась с практикой исихазма.

Л. 149. «*написал Цветник на тетрадной бѣмаге ... для спасенія дѣшевнаго*». — Цветник, о котором упоминает о. Антоний в письме к о. Максиму, как и другие крупные его сочинения, не сохранился. О его литературном творчестве мы в узнаем в основном из фрагментов писем и посланий, включенных в Урало-Сибирский патерик (Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII—XX вв. С. 282).

Л. 150 об. «*Обратитеса ко Мне, и обрати҃сѧ къ вамъ*». — Ср.: Зах 1: 3.

«*Хотеніем не хоцѣ смерти грешникѣ, но еже обратитисѧ, и живѣѣ быти емѣ*». — Иезек 33: 11.

Л. 155. «*Елика въ житіи семъ*». — Ср.: «Помяни, Господи, яко благи рабы Твоя, / и елика в житии согрешиша прости, / никтоже бо без греха, токмо Ты един, / могий и преставленным дати покой» (Тропарь об усопших. Глас 2 // Требник. М., 1651. Л. 58 об.)

Л. 155—155 об. «*а бесѣ ее уже ломал и закричалъ: «Кривой прииол!»*». — Здесь и далее демонологический персонаж, не решаясь назвать имени праведника, прибегает к лексической замене, отмечая физический недостаток о. Антония, то, что он был «кривой» (не видел одним глазом). Долгие годы тяжелых испытаний и труда сказались на здоровье о. Антония. После ареста в 1951 г. тюремная медицинская экспертиза признала его негодным к тяжелому физическому труду. В частности, был поврежден левый глаз (Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII—XX вв. С. 280.)

Л. 157. «*Со Д[8]хи пр[а]в[е]дными*». — Ср.: «Со духи праведных скончавшихся душу раба Твоего...» (Тропарь, глас 4-й, литии миряном // Требник. М., 1651. Л. 158).

«*Вечнаѧ памѧть*». — Последование панихиды по усопшим.

Л. 160. «*Г[о]с[но]ди помилѣй! ... М[и]л[о]с[е]рдїѧ двери ѿверзи нам!»* — Тропарь покаянный, глас 6, молитвы на сон грядущим.

«*Б[о]гѣ Г[оспо]дѣ*». — Песнопение утрени и молебна. (Пс 117: 27).

«*Сѧ Всенетаѧ М[а]ти*». — Кондак 13 Акафиста Богородице.

Л. 160 об. «*Невидимая брань*»... 4-е искѣиеніе въ час смертнѣй призраками. — Перечисляются названия 10—13 глав 2-й части: «О четырех бывающих в час смерти искушениях вражеских». «Невидимая брань». Блаженной памяти старца Никодима Святогорца. Изд. 4-е Афонского Русского Пантелеймонова монастыря. М., 1904. Никодим Святогорец — афонский монах, богослов Нового времени. Почитается в лике преподобных (1749—1809).

Л. 161. «*Просите и дастѧ вам, толцѣте и ѿверзетсѧ вамъ*». — Ср.: Мф 7: 7. В богословской традиции известны толкования на этот евангельский стих блаж. Феофилакта Болгарского, свт. Иоанна Златоуста, преп. Аввы Дорофея.

«В чемъ та застанѣ, въ томъ и сждѣ». — Ср.: Мф. 24: 42. Данное высказывание является изречением Иисуса Христа, не вошедшим в Евангелия (т. н. «аграфы»). Оно дошло через творения древних христианских авторов (напр., мученика Иустина Философа в «Разговоре с Трифоном иудеем»).

## Дополнение к т. 1.

Л. 1. *Анатолій Федорович Емельяновъ в въ книжке «Ḳ̄мира не уйти».* Документальные повести. — Емельянов А. Ф. От мира не уйти: Докум. повести и очерки. (2-е изд.) Кызыл, 1984.

Л. 1—4. ... *родился в 1881 году в деревне Развилы... могу только принимать помощь от мира продуктами.* — Ср.: Емельянов А. Ф. От мира не уйти. С. 74—78.

Л. 4—4 об. *Спросила, не притесняет ли их кто... с большим услажением тил хлебный квас.* — Ср.: Там же. С. 72—73.

Л. 4 об. *Думал я и о других обитателях... нужен за ним уход.* — Ср.: Там же. С. 79.

Л. 7. *О[те]цъ Паладїй был роста средняго... В школах не учился, самоучка.* — Ср.: Там же. С. 71, 72, 74.

*М[а]ть Измарагда, до накрытия Зинаида Федоровна Руковицына... настоятельница женскаго монастыря.* — Ср.: Там же. С. 81.

Л. 7—9. ...*м[о]н[а]стырь основали в 1918 году... Трудно было, многие погибли.* — Ср.: Там же. С. 51—54.

Л. 9. *М[а]ть Мастрадїа... молчат, словечка не вытянешь.* — Ср.: Там же. С. 46.

Л. 9—10. ...*жила в местечке Чоддралыг... Так и прожила всю жизнь черноризицей.* — Ср.: Там же. С. 82—85.

Л. 10 об. ...*мы жили в семье...* — Каждый отдельный скит его насельники называли семьей.

Л. 16 об. *Кошница.* — Корзина.

Л. 30. *«Подобни мне бывайте, акоже и азъ Хр[и]сту».* — 1 Кор 4: 16.

## Том 2

Л. 4 об.—5. ...*последова ученїю Завьялова.* — Георгий Яковлевич Завьялов отделился от часовенных, образовал свой «толк»; проживал на Алтае в 1-й пол. XX в.

Л. 7—7 об. ...*чюдотворной иконе кн[я]зѣ Феодора...* — Феодор Ростиславич, св. благоверный кн. Ярославский.



Л. 11 об. *Игнатиев монастырь*. — Входил в Комаровский скит Керженца.

...дельвы. — «Делва, церковное — бочка» (*Даль В. И.* Толковый словарь... Т. 1. М., 1978. С. 426).

Л. 12. ...*пріяша Австрійо*. — Имеется в виду переход в белокрыницкое (австрийское) согласие.

Л. 17. ...*волос*. — Сиб. — (у В. Даля — «волосец») «нутряковый червь... живет под кожей человека ... заносится из Средней Азии» (см.: *Даль В.* Толковый словарь... Т. 1. С. 235).

Л. 18 об. *В Баронїи...* — Имеется в виду: Бароний Цезарь. Деяния церковные и гражданские от Рождества Христова до 1198-го лета. М., 1914.

Л. 23. *М[и]л[о]с[е]рдїа двери отверзи нам*. — Молитва Пресвятой Богородице.

Л. 23 об. ... *трудоуые лагеря*. — Имеются в виду советские концлагеря (именовались исправительно-трудоуыми).

Л. 27. ... *на Горы молиться*. — Имеются в виду Веселые горы, центр поклонения могилам особо почитаемых старцев часоуенного согласия.

Л. 30. «*Тогда вси познают, яко Мои уч[е]н[и]цы есть, аще любовь имате между собою*». — См.: Ин 13: 35.

Л. 31. «*Возвеселиса нѣстыня не раждающая, расторгни и возопи не болевшаа*». — Перефразированный текст Ис 54:1, использованный в службе Великой вечерни на праздник Усекновения главы св. пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна («Возвеселися, неплоды не раждающая, расторгни и возопий, не болевшая»).

Л. 33 об. *Спяніе*. — Усердие, ревность (*Срезневский И. И.* Словарь... Т. 3. Ч. 1. С. 475).

Л. 34 об. «*Горе смеоуимса, яко тии восплачутся*». — Ср.: Лк 6: 25.

Л. 38. *Бастричок*. — Бастрык, пермск. и сиб. — шест, рычаг, стяг, которм сено притягивается на возу (*Даль В.* Толковый словарь... Т. 1. С. 53).

Л. 43 об. ...*угонзнути*... — Уйти, убежать (см.: *Даль В.* Толковый словарь... Т. 4. С. 469).

Л. 51. ...*запела «Помяни нас, Г[оспод]и»*... — Слова исповедания благоуразумного разбойника (Лк 23: 42), вошли в молитвословие «Блаженны», которое поется третьим антифоном.

...*на остров ко иноку Авраамїю*... — Авраамиев остров посреди лесного Бахметского болота в верховьях р. Кармак («тюменские пределы») — место «паломничества и поклонения староверов-часоуенных всего Зауралья» (см.: *Шаиков А. Т.* Комментарии // Духовная литература староверов востока России. Т. 2. Новосибирск, 2005. С. 435, 436).

... *нетленнаа моуи инока Авраамїа и инока Иоанна*... — Инок-схимник Авраамий (Алексей Иванович Венгерский) и инок Иван Кодский — деятели раннего сибирского старообрядчества; в 1682 г. руководили выступле-

нием в Утяцкой слободе. Жили в скитах на Ирюме и на болотных островах на Кармаке. На одном из островов, Авраамиевом, похоронены. См.: *Шашков А. Т.* Комментарии к «Истории про древнее благочестие» // Духовная литература... Новосибирск, 1999. С. 629.

... в *Ирюмской родословне*. — Имеется в виду Родословие часовенных Зауралья о. Валентина. Издание см.: Там же. С. 54—64 (публ. текста и коммент. — В. А. Байдин, А. Т. Шашков).

... до деревни *Щелконоговой*. — Дер. Щелконогова Фоминской вол. Тюменского у., идейный центр староверов-часовенных Кармака в 1870-е—1880-е гг. См. о нем: *Шашков А. Т.* Комментарии // Духовная литература... Т. 2. С. 437).

...пелены и чины шила. — Пелены — покровы, используемые в молитвенных домах и храмах; чины — монашеское одеяние («монашеский чин»).

Л. 53 об. ... *б[о]городичную лестовицу-полуторницу*. — Старообрядческие четки с вложенной в них богородичной молитвой («Богородице, Дево, радуйся...»), состоящие из 150 «ступеней».

...*м[а]т[ь] Матрадіа со своими семейными*. — Иначе, с насельницами ее скита.

Л. 55 об. ... «*Кр[е]стѣ Твоемѣ поклоняемса, Вл[а]д[ы]ко, и с[в]ятое Воскр[е]с[е]ніе Твое славим*». — Тропарь, который поется в третье воскресенье Великого поста и всю крестопоклонную неделю.

Л. 56. *Станция Унь Кузнецк*. — Ныне существует ст. Унь Шалинского р-на. Далее идут станции Чусовская, Кузино, Лысьва.

...до пристани *Коломина*. — Ныне с. Коломино Чаинского р-на Томской обл.

*Парбик*. — Ныне: с. Парбиг в Бакчарском р-не Томской обл., на правом берегу р. Парбиг, левого притока р. Чая, впадающей в р. Обь.

Л. 60. ... *процалась у ней в своих недостатках*... — Каялась, просила прощения.

Л. 62 об. *М[и]л[о]с[е]рдїа двери*... — Молитва Богородице: «Милосердия двери отверзи нам...».

Л. 64. «*Иже отметае наказание, ненавидит себе, соблюдая ж[е] обличение, любит свою д[у]шѣ*». — Ср.: Притч 15: 32.

Л. 64—64 об. *Аще соблюлъ еси слово терпенія моего, и аз тя соблюду от часа искушенія, хотящаго прїити на всю вселенную*. — Откр 3: 10.

Л. 68 об. «*Да воскреснет Б[о]гъ*». — Молитва Честному кресту.

«*Иже кр[е]стом ограждаеми*». — На стиховне стихира Крестна.

Л. 78. ... *стали начинать охлястывать*... — Имеется в виду отделение остатков соломы при молотье.

Л. 82 об. ...*пела «Б[о]гъ Г[оспод]ь»*. — Песнопение утрени и молебна, состоящее из стихов 117-го псалма.

Л. 83 об. *шестины*. — Поминки через шесть недель после смерти человека.

Л. 84. ... в «Невидимой брани»... — См. комм. к л. 160 об. т. 1.

Л. 88 об. ... *камилавку*. — «Наглавник, род черной шапочки... носимой мо- нахами под клобуком (см.: *Даль В. Толковый словарь...* СПб., 1881. Т. 2. С. 82).

Л. 90—90 об. «*Юко вси бози кзыкъ бесове, Г[оспод]ъ же н[е]б[е]са сотвори*». — Пс 95: 5.

Л. 94. «...у *гaley*». — Галья — тип почти непроходимых моховых болот в Западно—Сибирской низменности, лишенных древесной растительности (См.: Экологический энциклопедический словарь. Кишинев, 1989; Электронный ресурс: [dic.academic.ru/dic.nsf/ecolog/3162/ГАЛЬЯ](http://dic.academic.ru/dic.nsf/ecolog/3162/ГАЛЬЯ)).

Л. 94 об. «*Волю боличхса Его сотворит, и м[о]л[и]твѣ их услышит и сп[а]сетъ ихъ*». — Пс. 144: 19.

Л. 96 об. «*Волсви, персидстїи царїе*». — Стихира-славник на литии Праздника Рождества Христова, глас 5.

Л. 99 об.—101 об. ... *Она объмирала на 3 дни... не велели сказывать*. — Видение Агнии содержит черты книжного жанра эсхатологических видений и фольклорного жанра обмираний. В нем сочетаются мотивы «большой» и «малой» эсхатологии, составляя в совокупности яркую картину народно-православных представлений о загробном мире. См.: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII—XX вв. С. 356—362; *Журавель О. Д.* К изучению жанрового состава современной старообрядческой литературы: видения потустороннего мира в составе Урало-Сибирского патерика // Книга и литература в культурном контексте. Сб. науч. трудов, посвященных 35-летию археографической работы в Сибири 1965—2000 гг. Новосибирск, 2003 г. С. 459—468.

Л. 100 об. «*Тело Х[рист]ово прїимите, источника безсмертнаго въкусите, алилдїа*». — Стих на причащение в Литургии верных.

Л. 101 об. ...*книгѣ Златоуст о Страшном суде и о муках*. — Беседа о Страшном суде и о воздаянии // Творения св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. СПб., 1900. Т. 6. Кн. 2. С. 581—586.

Л. 102. ... *тропарь «Елика въ житїи»*. — Тропарь об усопших. Глас 2 // Требник. М., 1651. Л. 58 об.

Л. 103. ... *50 бобочков*. — Молитвы в среде староверов-часовенных принято читать по четкам (лестовкам), «бобочки» или «бабочки» — элементы лестовок. (*Вургафт С. Г., Ушаков И. А.* Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 158—159.)

«*Гдѣ тебе радѣтса*». — Тропарь св. Иоанна Дамаскина в честь Богоматери, включен в Октоих. Используется как задостойник в литургии свт. Василия Великого.

«*Г҃ ВсенетаѦ М[а]ти*». — Кондак 13 Акафиста Богородице.

Л. 105. «*Службу н[е]б[е]сным силам молимса за твоѦ здравіе*». — Всем Святым и бесплотным Небесным силам посвящены Канон, стихеры, тропари, кондаки, молитва, в которых просят о скорой защите и покровительстве.

Л. 105 об. «*Елика въ житіи сем како ч[е]л[овѣ]къ согрѣши*». — См. комментарий к л. 102.

Л. 107. «*Положи къ нам твердѡ любовь си, Г[оспод]и*». — Ирмос полунощницы недельной, глас 3, песнь 4.

Л. 109 об. «*Блажена, юже избра, и пріѡт ю Г[оспо]дѣ*». — Ср. глас 6 на литургии в субботу мясопустную (Триодь цветная, глас 6), см. также Чин погребения мирянам. Стихиры покойны, глас 8, стих 2 // Требник. М., 1651. Л. 334.

Л. 117 об. «*встала на комли*. — От «комель» — «толстая часть ствола дерева непосредственно над корнем и корневищем»; «вывороченный из земли комель иногда называют корягой» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. С. 298)

Л. 126. «*Давоскр[е]снет Б[о]гъ*». — Пс. 67: 2. Текст в молитве Честному кресту входит в состав молитв на сон грядущим.

Л. 130. «*что будут первіи послѣдніи, а послѣдніи первіи*. — ср.: Мф 20: 26—27, Мк 9: 35, Мк 10: 31.

«*В чем застану, в том и сужду*». — См. комментарий к л. 161 т. 1.

«*Нужно есть Ц[а]рство Н[е]б[е]сное, и нужници восхищают е*». — Мф 11: 12.

«*Ангель престатель*». — Икос 1 Акафиста Богородице.

Л. 130 об.—131. «*Б[огоро]д[и]цѣ Дево радѣйся*... «*И бл[а]г[ос]л[о]вен плодъ*» ...«*чрева Твоего, яко родила еси*» ...«*Х[ри]ста Спаса*», «*избавителя*». — отдельные строки Песни Пресвятой Богородице, одного из важнейших молитвословий, составленного из приветствий, обращенных архангелом Гавриилом при Благовещении (Лк 1: 28). Входит в тропарь вечерни в составе воскресного всенощного бдения.

Л. 131 об.—132. «*Как у Іакова Іосифъ былъ справедливой, и его братія не любили за ето*. — Реминисценции сюжета об Иосифе Прекрасном (Быт. 37—50).

Л. 133 об. «*Г[оспод]и, услыши м[о]л[и]твѦ*». — Пс. 101: 1, входит в состав службы Феодору Тирону на первой неделе Великого поста в пяток.

Л. 137 об. «*Содетелю и Творче*». — Глас 6 заупокойной службы (над гробом и сорокоуст) (Требник. М., 1651. Л. 256).

## Биографические справки

1. **Акинфа**, м., в миру **Черепанова** Агафья Михайловна. Родилась в 1906 г. в д. Черепаново будущего Новодеревенского сельсовета Старо-Арченского района Уфимской губернии (позднее это Сажинский район Свердловской области); из крестьян, светское образование — 3 класса. Жила с родителями до 1921—1922 г., когда она ушла в Сунгульский монастырь к м. Фекле, где уже жила ее сестра Пелагея. С 1923 г. Агафья Михайловна — послушница м. Тавифы, с которой жила она 44 года (до смерти м. Тавифы в 1967 г.), странствуя вместе с ней. Так в 1925—1927 гг. она вместе с м. Феклой, м. Тавифой и матерью м. Тавифы, с Пелагеей и другими (всего 13 человек) переместилась в Исетский район, в скит у д. Солобоево на р. Танаевке, откуда в 1929—1930 г. — в скит на р. Коргу и на р. Тавангу в Колыванской тайге, оттуда в 1933—1934 г. — на р. Парбиг, ближе к скиту о. Саввы—Симеона; здесь о. Мина постриг Агафью под именем Акинфы. В феврале 1937 г. переместилась на Безымянку, а летом 1940 г. — на Дубчес вместе с м. Тавифой. Арестована в 1951 г., приговорена к 10 годам лагерей по ст. 58-10, ч. 2 и 58-11. Освобождена по амнистии из Степлага 23 декабря 1954 г. Позднее жила вместе с м. Тавифой в скиту м. Анатолии. М. Акинфа записала целый ряд своих рассказов о сунгульских старицах и других скитожителях, они составили значительную часть второго тома Патерика. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 4. Л. 113—170; Т. 11. Л. 325—326, 401.)
2. **Алевтина**, м., в миру **Лаптева** Агриппина Яковлевна, сестра о. Симеона. Жила в его монастыре в Колыванской тайге. В январе—феврале с м. Тавифой и о. Антонием в составе первой группы скитников выехала на Безымянку. После переезда на Дубчес жила на Тогульчесе у м. Тавифы, келарила у нее. Скончалась там же 19 февраля 1942 г. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 4. Л. 62 об.)
3. **Алевтина**, м., в миру **Лескова** Агриппина Давыдовна. До 1934 г. жила на Урале в женском скиту у д. Кедровки на Черной горе, где была игуменьей ее сестра Анисья, в монашестве Афанасия, которая умерла в 1924 г. При разгроме скита была арестована в 1934 г., осуждена и получила 3 года ссылки, после отбытия ссылки перебралась в Колыванскую тайгу, в скит на Таванге. В 1939 г. вместе с другими перебралась с Таванги на Безымянку, жила там в скиту. В 1940-х гг. вместе с м. Тавифой перебралась на приток Дубчеса — Тогульчес. В 1951 г. аресто-

вана, но осуждена не была, ее отпустили и по делу она не проходила. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 4. Л. 232—об.; Т. 5. Л. 71—72 об., 213 об.)

4. **Алевтина**, м., в миру **Людиновскова** Александра Михайловна, младшая сестра м. Тавифы и о. Антония. Родилась ок. 1896 г. Пришла в скит м. Елены после м. Тавифы, когда ей было 9 лет, вместе с Анной — м. Анатолией; уже умела читать Псалтирь. В скиту вскоре стала читать все книги, учила других знаменному пению. «Могла писать полезные письма», хорошо вышивала пелены, бисерные иконы; вырезала из дерева кресты. Передвигалась вместе со скитом м. Феклы, была в Солобоево. Получила иноческий чин от о. Тарасия в марте 1928 г., скончалась 16 июня 1928 г. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 50об.—55.)
5. **Голдобин** Александр Григорьевич. Послушник Дубчесского мужского скита, в 1951 г. арестован во время карательной акции, осуждён, отпущен по амнистии. Автор рассказов Патерика.
6. **Александра**, м. За несколько лет до 1886 г. (около 1880 г.) вместе с м. Мелетиной (Кунгурской) поступила в известный скит на р. Сылве близ д. Кедровки Кунгурского у., основанный инокинями-схимницами Феодорой и Зинаидой. В скит пришла 22 лет от роду вместе со своим супругом Власием (позднее иг. Варлаамом): оба хотели уйти в скиты, но их приняли не сразу. Вместе со скитом переместилась ок. 1882/1883 г. в «тюменские пределы» на заимку Калмыковых (Ялуторовский у. Тобольской губ.). Между 1890—1892 гг. была помощницей м. Мелетины, руководившей тогда этим скитом. Когда в 1892 г. м. Мелетина перевела основную часть скита на правобережье Оби (р. Юкса, приток р. Чулыма), м. Александра возглавила оставшуюся на Урале часть скита. Она руководила дальнейшими перемещениями скита: на Черную гору (у д. Кедровки на р. Сылве), затем в 1912 г. — под Нижний Тагил (д. Лая) и в 1922 г. — на р. Танаевку, приток р. Пышмы, на запад от Тюмени, где она скончалась 24 марта 1925 г., а через 20 дней умер игумен Варлаам, чей скит был неподалеку от ее скита. Правила своим скитом строго, но «до тонкости» справедливо. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 1—2 об., 4—5, 91 об.—92 об.)
7. **Анатолия**, м., в миру **Меренкова** Анна Васильевна, младшая сестра м. Елены и м. Мелетины, (ок. 1893—1966). В десятилетнем возрасте пришла из Кыштымского завода в Сунгульский скит м. Елены вместе с Александрой Михайловной Людиновской (будущей м. Алевтиной), сестрой м. Тавифы и о. Антония. Как и Александра, хорошо вышивала, резала деревянные кресты, хорошо читала, учила знаменному пению. Когда в 1921—1923 гг. во время голода скитницы разъехались, Анна Васильевна уехала на р. Танаевку (ок. 90 км от Тюмени), но

- и там власти разорили их. После смерти м. Елены (17.04.1927 г.) ушла в скит м. Еванфии и м. Валентины на Танаевку же в 1927 г.; скит затем перебрался на запад, на Бизь (близ Сылвы). В этом скиту в 1928/1929 г. А. В. была пострижена о. Лаврентием. Когда скит в 1933 г. стал перемещаться в Кольванскую тайгу, м. Анатолия поехала первой, вместе с м. Валентиной. Это трудное путешествие описано в издаваемой гл. 14 второго тома Патерика. Приехали на Тавангу 1 августа 1933 г., затем к ним приехала и м. Еванфия с остальными сестрами, жили в одних кельях с матушками Сунгульского скита Феклой, Мелетиной, Тавифой 5 лет, а в 1938 г. переместились в Красноярский край на р. Безмянку, в 1940/1941 г. м. Анатолия с м. Алевтиной и Еванфией переселились на Моховку, а в 1946/1947 г. м. Анатолия и м. Валентина переехали на Дубчес, к м. Тавифе (их кельи были на притоке Дубчеса Керженке), перед разорением 1951 г. м. Анатолия отселилась дальше и уцелела. Позже она собирала других уцелевших на новом месте. Написала несколько повестей и писем, часть их помещена в Патерике. Зимой 1965—1966 гг., в приближении смерти, она записала свой рассказ о путешествии с Урала в Сибирь. Скончалась 3 марта 1966 г. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 50 об., 55—66.)
8. **Антонида**, м. — преемница м. Маргариты по управлению скитом на р. Лысьве (в XIX в. — скит монахини-схимницы Феодоры). Продолжала жить в этом скиту с м. Маргаритой и в 1951 г., когда скитницы с Дубчеса накануне разгрома Дубчесских скитов писали на Лысьву, уговаривая их перебраться на Дубчес. В 1955 г. или в 1956 г. м. Антонида писала енисейской м. Флине (Т. К. Шабаршиной) о событиях в своем скиту. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 2, 121—123, 125 об.—126.)
9. **Антоний**, о., в миру **Людиновсков** Афанасий Михайлович, брат м. Тавифы и м. Алевтины, из «средняцкой» крестьянской семьи, которая ок. 1891 г. переехала с Урала (Кыштымский завод) под Минусинск, где Афанасий Михайлович родился в 1895 г. в д. Быстрая. Ок. 1902/1903 г. семья вернулась на Кыштымский завод. Юношей хотел уйти в скит, но о. Ириней посоветовал «прежде отвести военную службу». Призван на войну в 1914 г. (или в 1915 г.), воевал год, попал в плен к немцам, совершил побег и вернулся в Россию уже после революции. А. М. сначала скрывался около скита м. Елены, где жили его сестры, ходил на исповедь к м. Фекле, которая посоветовала ему уходить дальше, в Кольванскую тайгу к о. Савве. Затем А. М. около года скрывался в скиту о. Иринея около д. Яр «в тюменских пределах», в 1926 г. перебрался в скит о. Саввы (на Парбиг), а 15 февраля 1928 г. о. Савва постриг его. В том же году он писал в скит на Танаевку сестре Алевтине, сообщив, что они с о. Саввой советуют им перебраться в Кольванскую

тайгу. Активно помогал м. Тавифе и другим скитницам в этом переезде, строил им кельи. В 1936—1940 гг. во время переезда скитов из Кольванской тайги через Безымянку на Дубчес о. Антонию выпала тяжелейшая работа по разведыванию пути, организации переезда и налаживанию хозяйства на новых местах. Все пять лет он непрерывно находился в пути и в этих работах, подорвав свое здоровье. На Дубчесе о. Симеон благословил его принимать исповедь у стариц. Во время разгрома Дубчесских скитов в 1951 г. был арестован, приговорен к 25 г. лагерей, на кассацию не подавал. Освобожден 21 декабря 1954 г. из лагеря в Иркутской обл. После освобождения руководил восстановленным скитом о. Симеона, бывал на соборах часовенных. Автор нескольких нравоучительных посланий и многих текстов патерика. Скончался 13 марта 1977 г. (См. Собрание Института истории СО РАН. № 4/90-г. Л. 134—157 об.; Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 1. Л. 113—197; Т. 11. Л. 352 об.—326, 394 об, 407—408.)

10. **Афанасий**, о. (мирское имя Антоний). Черноризец скита о. Саввы, иконописец, друг о. Симеона. Был трудолюбив и добронравен. Постриг принял перед смертью. Скончался 18.12.1920. По рассказу о. Саввы, о. Афанасий являлся ему в 3-й, 9-й и 40-й день после своей кончины во время службы на своем обычном месте в моленной скита. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 4/90-г. Л. 104 об.—105.)
11. **Афанасия**, м. (мирское имя Анисья). Родилась ок. 1870 г. на заводе Елатарка, в 10 верстах от известного ирюмского центра часовенных — с. Солобоево. Мать ее, «никонианской» веры, сама привезла ее (до 1890 г.) на заимку Калмыковых в скит м. Акинфы (скит находился ранее у д. Кедровки близ р. Сылвы, Кунгурского уезда; игуменьи: инокиня-схимница Феодора, затем инокиня-схимница Зинаида, затем инокиня Венедикта. После м. Акинфы, которая руководила скитом 4 года, о. Нифонт успел поставить игуменьей м. Анатолию Невьянскую, которую сменила м. Мелетина. Вместе с о. Саввой (или сразу за ним) скит в 1892 г. переехал на р. Чулым Томской губернии (правобережье р. Обь). Здесь Анисья ок. 1894—1895 г. была «накрыта» под именем Афанасии. Еще на Урале она выполняла келарские обязанности, продолжала это и на Чулыме, помогая игуменье м. Мелетине. Вместе со скитом переселилась в Кольванскую тайгу на р. Парбиг, где после кончины м. Мелетины 21.01.1928. стала игуменьей. В келарях была очень трудолюбивой и молчаливой, в игуменьях — весьма строгой, взыскательной, но одновременно очень скромной и пользовалась особым покровительством о. Саввы. С 1933 г. не ходила из-за болезни ног. При начале переселения скита с Парбига на Безымянку скончалась 20 мая 1938 г. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 1—2, 8 об.—10.)



12. **Афанасия**, м. (Анна Афанасьевна (Лаврентьевна) Иноземцева или Башкирцева). Родилась в 1893 г. в известном центре часовенных с. Солобоево (будущий Исетский район Тюменской области). Из крестьян-«средняков». Дважды была замужем. Первый муж погиб в 1921 г. во время крестьянского восстания в Западной Сибири. С 1925 г. в Исетском женском скиту близ с. Солобоево; после разгрома этого скита властями переезжает в 1931 г. с другими скитницами в Колыванскую тайгу, в Пудинский район и позднее вместе со скитами — на Безымянку и далее в верховья р. Дубчес. Была «накрыта» в конце 1949 — начале 1950 г. В 1951 г. арестована при разгроме скита м. Тавифы, приговорена по ст. 58-10, ч. 2 и 58-11 к 10 годам (по кассации) лагерей, в декабре 1954 г. амнистирована и освобождена из концлагеря. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 4. Л. 219—256 об.; Т. 11. Л. 325 об., 326, 397.)
13. **Афанасия**, м. (**Лескова**), сестра м. Алевтины (Лесковой Агриппины Давыдовны). Монахиня уральского скита, основанного м. Феодорой и м. Зинаидой. Была в этом скиту, когда он размещался на заимке бр. Калмыковых, близ о. Нифонта, в Ялуторовском у. Тобольской губ. Ушла оттуда в Невьянск с м. Анатолией (Невьянской) и м. Алевтиной (Лесковой), а затем с ними же — на Черную гору (Пермской губ.) После смерти там м. Анатолии (23.05.7418) стала игуменьей этого скита и была ею до своей смерти в 7432 г., т. е. в 1923/24 г. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 1 об.—2.)
14. **Басаргин** Кондратий Киприанович, из сибирской старообрядческой семьи. В 1925—1930 гг. эмигрировал в Китай, семья поселилась близ р. Сунгари. В Россию вернулся в начале «культурной революции» в Китае, жил в п. Амгунь (с 1980-х гг. — Тавлинка) Хабаровского края. Во второй половине 1960-х гг. — начале 1980-х гг. много ездил по старообрядческим поселениям, в т. ч. верхнего и нижнего Енисея. Умер ок. 1990 г.
15. **Валентина**, м. (**Тюрина** Вера Григорьевна). Родилась в 1893 г. в семье рабочего, в поселке Бымского завода (будущий Осинский р-н Молотовской обл.). В 1901 г. родители в уехали на р. Чижму Кунгурского у. Пермской губ., жили в тайге; Вера посещала скит м. Александры. После смерти матери в 1911 г. ушла в скит и была тогда же пострижена м. Александрой на Черной горе. В 1912 г. этот скит вынужден был переехать из Кунгурского у. в Верхотурский, в 3-х км от д. Лая (на восток от Нижнего Тагила), где находился до 1922 г. Затем со скитом она переселилась на р. Танаевку (Тугулымский р-н Свердловской обл., близ д. Яр) и далее на юго-запад, на р. Бись. В 1932 г. они оттуда перебрались в Колыванскую тайгу, на р. Тавангу (Томская обл., Парбигский р-н), где соединились со многими обитательницами Сунгульского скита. Оттуда в 1938 г. м. Валентина вместе с другими скитожителями начала тяжелый путь

- в бассейн Енисея: на Безымянку, затем на р. Моховку (правый приток р. Сым). Здесь после кончины м. Еванфии стала вместо нее игуменьей, а в 1947 г. преселилась со скитом на Дунчес, приток р. Дубчес. Была арестована в 1951 г., приговорена к 10 годам лагеря, освобождена по амнистии 6 января 1955 г. Создала и возглавила скит в Иркутской обл. на р. Чуне, где и скончалась 24 (28?)11.1957. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 6. Л. 18—18 об.; Собрание Института истории СО РАН. № 4/90-г. Л. 95; № 11/90-г. Л. 94 об.—97.)
16. **Вера**, м. Монахиня известного Шарташского скита под г. Екатеринбург. После разорения этого скита ушла в пос. Погорельский Челябинского у.; отсюда в 1835 г. переселилась в пещерную келью на острове озера Тургояк близ Миасского завода. Ее келья и могила в XIX — начале XX в. были местом массового паломничества. (См.: Собрание Института истории СО РАН, № 4/90-г. Л. 61 об.—62.)
17. **Глухов** Илларион Иванович. Родился ок. 1885—1886 г. в семье крестьян среднего достатка в д. Алмяш Пермской губ. (буд. Усинский р-н). В 1931 г. вступил в колхоз, но через год вышел из него и переехал (возможно, вместе с мужем сестры Иваном Илларионовичем Кустовым) в Колыванскую тайгу, в д. Чумаковку (Чумакаевку) Поротниковского с/с. Но в 1935 г. вынужден был опять вступить в колхоз. В 1935 г. жена Иллариона Ивановича Стефанида отправляет с Чумакаевки на Чарус к Ивану Илларионовичу Кустову свою дочь Елизавету. Та становится послушницей в скиту м. Флины, позднее к ней присоединится вторая дочь — Татьяна (с 1947 г. — м. Еванфия и м. Трифена). В 1938—1941 гг. Глуховы вместе со скитом перемещаются на левобережье Енисея в Ярцевский р-н, где Илларион Иванович ведет «единоличное» хозяйство. С лета 1948 г. живет в скиту о. Симеона. Арестован во время разгрома скита в 1951 г., но в число осужденных не попал. (Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 5. Л. 154 об.—156; Собрание Института истории СО РАН. № 4/90-г. Л. 123, 125 об.—127 об.)
18. **Горбунов** Иван Тихонович. Родился в 1922 г. в д. Горбуновка, буд. Парбигского р-на Томской обл. (затем Чаинского р-на Новосибирской обл.), крестьянин-«середняк». В 1933 г. умер отец Тихон Иванович, в 1935 г. умерла мать Евдокия Алексеевна. В 1934—1936 г. И. Т. с братом Павлом и сестрой Татьяной переместился в Бакчарский р-н, на р. Пенга, где на заимке занимались охотой и промыслами. Непосредственно перед отъездом на Низ-Безымянку жили с братом в д. Кадочниково Парбигского р-на. В 1937 г. перебрался с братом и сестрой в Красноярский край, на Низ-Безымянку, где жили в землянке, в отдельной избушке, занимались охотой, находясь «на нелегальном положении», не желая регистрироваться в Луговатском с/с и идти в колхоз, были связаны со

- скитами. После отъезда Павла на Вороговку И. Т. уехал на Сандакчес, жил у Е. Г. Котегова (о. Ефрема), просил у о. Симеона разрешения переехать в его скиты на Дубчес вместе с Е. Г. Котеговым. Вдвоем они совершили этот переход на лыжах. Были арестованы в 1951 г. во время разгрома скитов. И. Т. осужден на 10 лет, в 1954 г. освобожден по амнистии. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 3. Л. 225—261; Т. 11. Л. 325 об., 326, 426.)
19. **Горбунов** Павел Тихонович. Родился в 1920 г. в д. Горбуновка, буд. Парбигского р-на Томской обл. (затем Чаинского р-на Новосибирской обл.) В 1934—1936 г. П. Т. с братом и сестрой переезжает в Бакчарский р-н, занимаясь охотой и промыслами. П. Т. посещал в 1936 г. скит о. Симеона, где тогда жила Татьяна, познакомился с о. Миной. В 1937 г. переехал с братом и сестрой в Красноярский край, на Низ-Безымянку. Где-то в 1939—1942 гг. по приглашению о. Мины Павел Тихонович уехал в его скит на р. Вороговку, на правом берегу Енисея, был опять «на нелегальном положении». В 1943 г. Павел Тихонович был арестован как уклоняющийся от призыва в армию, приговорен к 7 годам лагерей, но через 2 года сумел бежать из лагеря и вернулся на Вороговку. Помогал м. Мастардии в полевых работах. В 1947 г. переехал в Дубчесские скиты. Был там арестован в 1951 г., осужден на 25 лет (вины не признал); в 1954 г. освобожден по амнистии. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 3. Л. 183—224, 225—261; Т. 11. Л. 325 об., 326, 426.)
20. **Даниил**, о. (**Солдаткин** Денис Сафонович). Родился в 1909 г. в с. Черноисток буд. Нижнетагильского р-на (затем Висимского р-на Свердловской обл.) в старинном центре часовенных. Образование 4 класса. Жил там до 1930 г., 15 июля подвергся аресту органами НКВД как «фанатик, организатор группы староверов»; тройкой ОГПУ осужден на 3 года, семья была «раскулачена». После освобождения работал на заводах и золотых приисках Урала до 1938 г., когда переехал в с. Луговатка Ярцевского р-на Красноярского края, холостым вел единоличное крестьянское хозяйство. Жил в отдельной избушке рядом со скитами. Осенью 1939 г. переехал на Дубчес в скит о. Антония еще до приезда туда о. Симеона. Был «накрыт» в этом скиту в 1949 г. Арестован в 1951 г., осужден на 25 лет ИТЛ, освобожден по амнистии 6 декабря 1954 г. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 2. Л. 189—236; Т. 11. Л. 325 об., 326.)
21. **Досифея**, м. (**Устинова** Доминика (Домна) Савельевна (Савишна)). Родилась в 1885 г. в буд. Исетском р-не Тюменской обл. в семье крестьян среднего достатка. До 1928 г. жила с мужем Анастасом Семеновичем в д. Петропавловка Упоровского р-на Тюменской обл. В 1928 г. они продали свое «средняцкое» хозяйство и переехали в д. Корга Пу-

- динского с/с Парабельского р-на. В 1939 г. Д. У. уехала отсюда с мужем и детьми в Красноярский край на р. Безымянку (муж работал в лес-промхозе), с 1940 г. — на р. Дубчес, т. к. муж заключил в Вороговском с/с договор на ловлю там рыбы. Жили рядом с К. Я. Лаптевым. В 1945 г. муж умер; Д. У., «не желая работать в колхозе», ушла с дочерью Маремьяной в скит м. Тавифы, вскоре туда же ушла и вторая ее дочь Анфиса (1926 г. р.). В 1951 г. Д. У. с дочерью Анфисой была арестована, но на следствии проходила как свидетельница и была отпущена. Позднее постриглась под именем Досифеи. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 9. Л. 100—101; Т. 4. Л. 12 об., 232 об.)
22. **Еванфия**, м. (**Глухова** Елизавета Илларионовна). Отец — Илларион Иванович Глухов из крестьян-«средняков» Пермской губ. Елизавета Илларионовна родилась в 1919 г. в д. Большие Кусты Пермской губ. (буд. Усинский р-н). В 1932 г. с семьей переехала в Колыванскую тайгу, на Бакчар, в д. Чумаковку (Чумакаевку) Поротниковского с/с. В 1935 г. мать отправила ее на таежную заимку на р. Чарус к И. И. Кустову для определения в женский скит м. Флины. В 1937 г. она присоединяется к мигрирующим на Енисей скитам о. Симеона и поступает с сестрой Татьяной в женский скит; «накрыта» в 1947 г. Арестована в 1951 г., осуждена на 10 лет, освобождена по амнистии в 1954 г. Жила затем с отцом в п. Подбель до его смерти 11 декабря 1959 г. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 5. Л. 138—187; Собрание Института истории СО РАН. № 4/90-г. Л. 125 об.—126.)
23. **Еванфия**, м. (**Осипова** Евдокия Прокопьевна). Постригалась в скиту м. Александры на Черной горе в 7—10 км от с. Урмырь (Кунгурский у.), а после ее смерти в 1920 г. возглавила этот скит. Скит перемещался: в 1912 г. — в Верхотурский у., д. Лая; в 1922 г. — в Тугулымский р-н Свердловской обл. на Танаевку, затем — на юго-запад, на р. Бись (водораздел Чусовой и Сылвы); в 1932 г. — в Колыванскую тайгу на р. Тавангу (Томская обл., Парбигский район), затем на р. Парбиг. Здесь в скиту м. Еванфии было 7—8 чел. С 1938 г. началось новое движение на восток — на Безымянку, а затем на р. Моховку. Здесь м. Еванфия скончалась 6 марта 1945 г. Патерик отмечает ее огромное трудолюбие. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 93 об.—94 об.; Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 6. Л. 18 об.—23 об., 101.)
24. **Евгения**, м. (**Копылова** Евдокия Ермиловна). Родилась в 1898 г. в с. Николаевка Николаевской вол. Томской губ. в крестьянской семье. В 1905 г. отец погиб на войне, мать вскоре умерла. Е. Е. жила у бабушки Анастасии Терентьевны Комаровой. В 1914 г. (?) вместе с ней переселилась в скит между р. Парбиг и р. Двоечага, где тогда уже жили

- 7 женщин из ее с. Николаевка. Около 1917—1918 г. Е. Е. переселилась на Парбиг к о. Савве, который постриг ее в 1921 г. Позднее переместилась вместе с монастырем на Низ-Безымянку (там проживала по р. Большой Кас Луговатского с/с ее двоюродная сестра Домрачева Полина Евграфовна с мужем). Оттуда Е. Е. с м. Тавифой уехала на Дубчес в 1937 г., где поселилась отдельно от м. Тавифы, в одной келье с м. Маргаритой (М. Н. Коровиной) и была старшей в этой келье. Арестована 12 апреля 1951 г., приговорена к 10 годам ИТЛ, в 1954 г. амнистирована и 24 декабря освобождена. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 7. Л. 172—222 об.; Т. 11. Л. 325 об.—326, 414.)
25. **Елена**, м. (**Меренкова** Елена Васильевна), одна из основательниц Сунгульского скита. Родилась ок. 1882 г. в семье заводского жителя. Пыталась стать пустынноницей уже в 17 или 18 лет, уйдя в келью на Сунгуле, где жила Анастасия, мать ее будущей подруги Феодосии (м. Феклы). Познакомилась с последней в каслинском скиту о. Нифонта, но родители вернули Елену домой. Однако вскоре она с Феодосией окончательно уходит на Сунгул, где они создают новый скит. Елена была пострижена под своим именем о. Григорием и стала помогать м. Фекле в управлении скитом. Около 1903/1904 г. туда пришли сестры м. Елены Мария и Анна, ставшие м. Мелетиной и Анатолией, а затем и сестра о. Антония Татьяна (м. Тавифа). Когда во время голода 1921—1923 гг. этот большой уже скит разделился и многие разъехались по тюменским деревням, м. Елена осталась на месте. М. Елена в 45 лет заболела раком груди. Операция не помогла, и она скончалась 17 апреля 1927 г. Патерик приводит два ее предсмертных письма: матерям Еванфии и Валентине на Танаевку и о. Тарасию с матушками Верой, Енафой и Евгенией в Солобоево. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 2—34.)
26. **Енафа**, м. (Елисавета Парамоновна). Родилась ок. 1908 г. Жила в обители м. Елисаветы — м. Феврусы, что в 12 верстах от Невьянского завода. Стала «бесной» после того, как отец, взятый на фронт в 1915 г. и погибший на войне, «являлся» ей в лесу. Как «бесная» жила не «накрытая» в этом скиту. Из обители м. Феврусы ее перевели в скит м. Августы на Урале, где она была в 1931 г.; в 1932 г. этот скит был разорен властями, а м. Августа арестована. В 1950—1960 гг. жила в енисейских скитах, где была «накрыта», в частности — жила в ските м. Анфисы. Ряд ее рассказов помещен в Патерике. Среди осужденных дубчесских скитников ее не было. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 88, 112—114.)
27. **Ермиония**, м. (**Шубина** Евдокия). Родилась в 1900 г. Жила в скитах на Дубчесе, была арестована в 1951 г., но по делу не проходила (какую-то Ев-

докию А. Г. Мурачев называет среди отпущенных в 1951 г.). (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 3. Л. 132.)

28. **Ефрем**, о. (**Котегов** Ефим Григорьевич). Родился в 1915 г. в д. Балдыки Шарканской вол. Ижевского у. Вятской губ. (буд. Тыловыйский р-н Удмуртской АССР), в старинном центре старообрядчества в семье крестьян среднего достатка. Зимой 1927 г. семья уехала к родственникам на р. Кондому (приток р. Томь, где были старообрядческие поселения и скиты, жили брат и сестра отца Е. Г.), в 200 км от г. Бийска. Осенью 1928 г., собрав урожай, переехали на р. Чичка-Юл (приток р. Чулым, на правом берегу Оби), в Тегульдетский р-н Западно-Сибирского края (позднее Томской обл.), на заимку рядом с другими староверами. Через год Е. Г. переехал в д. Большие Сушняки того же Тегульдетского р-на и встал на учет. В 1937 г. его отец Григорий Арсентьевич был арестован за то, что на дому у него была моленная. В том же году семья переезжает на территорию будущей (с 1940 г.) фактории Сандакчес. В 1938 г., когда там начали организовывать колхоз, семья ушла дальше вглубь тайги по р. Сандакчес, находясь уже «на нелегальном положении», вместе с 3 другими семьями. До лета 1941 г. они промышляли охотой, рыбной ловлей, занимались и хлебопашеством. Летом 1941 г. в связи с постройкой Сандакчесской фактории Е. Г. ушел на Дубчес в скит о. Симеона, а его мать Мария Ивановна и сестра Агриппина Григорьевна — туда же, в женские скиты. (Мать умерла в 1943 г., сестра была арестована в 1951 г., но сумела бежать из-под стражи.) О. Симеон «накрыл» Е. Г. в 1947 г. В 1951 г. он был арестован, приговорен к 25 годам лагерей. В ноябре 1954 г. освобожден по амнистии. Позднее жил в возрожденном Дубчесском скиту, возглавлял его, скончался в н. 1990-х годов. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 2. Л. 1—75; Т. 11. Л. 325 об.—326.)
29. **Зырянов** Дементян Филиппович — начетчик из п. Сандакчес. В 1947 г. он от колхоза ушел в тайгу на р. Сандакчес. В 1951 г. жил с семьей на р. Дубчес, недалеко от К. Я. Лаптева, был арестован, но по делу не проходил. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 9. Л. 11—14.)
30. **Иноземцев** Илари́й Иванович. Родился в 1886 г. в д. Солобоево (буд. Исетский р-н), старинном центре часовенных, в семье крестьян среднего достатка. Жена — Евдокия Ивановна. В 1912—1914 гг. жил в Благовещенске, в 1914—1917 гг. служил в армии, затем вернулся в Солобоево. В 1920 г. призван в Красную Армию, демобилизовался в 1921 г. и до 1929 г. вел единоличное крестьянское хозяйство. В 1929 г. переселился с семьей вместе с соседом Л. К. Москвиным на восток, уходя от коллективизации, через Каинск в Колыванскую тайгу, видимо — в с. Рогалево. По его показаниям, в 1931 г. был арестован за невыполнение продналога,

хозяйство конфисковали (по справке Солобоевского с/с он выехал оттуда по своей воле в 1931 г.). По суду 1931 г. был приговорен к 2 годам ИТЛ, но в августе 1932 г. бежал с расконвойки на Томском кирпичном заводе. Тайно приехал в том же августе к жене на заимку на р. Корга, оттуда сразу же ушел в женский скит м. Феклы на р. Тавангу, работал на покосе скита, в начале сентября 1932 г. вместе с о. Антонием ушел на Парбиг и поселился в 1 км от скита о. Симеона в келье с о. Серапионом. Жена переехала ближе, в п. Сухая Речка, в 30 км от о. Симеона. И. И. жил с семьей до 1934—1935 г., затем ушел в скит, но часто приезжал к семье, встал на учет, платил налоги около года перед переездом на восток. В 1938 г. (или в 1937) вместе с частью скита о. Симеона уехал на Верх-Безымянку, встал там на учет, вышел из скита, соединился с семьей и жил на заимке на р. Ломоватке. В 1946 г. начал с семьей движение дальше на восток: в 1947 г. живет в Подбели, где его опять обложили налогом. После смерти сына возвращается в скит, в 1948 г. (или в 1949) он на Дубчесе, продает в скит о. Симеона корову, теленка и две овцы. В 1951 г. арестован в скиту. Осужден на 10 лет, освобожден 13 декабря 1954 г. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 7. Л. 55—110 об.; Т. 11. Л. 325 об., 326, 401.)

31. **Иосиф**, о. (**Земеров Иван Евграфович**). Родился в 1915 г. (так по справке; по его показаниям — в 1914 г.) в д. Велижанка буд. Панкрусихинского р-на Алтайского края (на запад от Камня на Оби) в зажиточной семье. Занимался сапожным ремеслом. В 1929 г. (по справке) или в 1931 (по показаниям) семью раскулачили и выслали всех в п. Пономарево Пудинского с/с Каргасокского р-на Нарымского края. В марте 1937 г. И. Е. ушел в скит о. Симеона и далее перемещался с ним на Низ-Безымянку и затем на Дубчес, где в 1947 г. (или в 1946) был пострижен; корчевал лес под пашню, строил жилье. В 1951 г. арестован, приговорен к 25 годам лагерей. Освобожен 6 декабря 1954 г. (См. Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 2. Л. 146—188; Т. 11. Л. 325 об., 326, 411.)
32. **Иулия**, м. Жила ок. 1878 г. на Урале, посещала могилу инока схимника Нифонта за с. Вознесенским, в 70 верстах от оз. Светлого. Позднее жила в скиту о. Уара на р. Танаевке. Записала несколько рассказов об уральских событиях, вошедших в Патерик. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 114 об.—120.)
33. **Кирилл**, о., сотоварищ о. Силуяна по пустынной жизни; ок. 1876 г. он удалился с ним в келью близ какого-то села. О. Нифонт пришел к ним и перевел в свой скит, где и постриг о. Кирилла около 1885 г. После смерти о. Нифонта (26.01.1890) о. Кирилл вместе с о. Силуяном переселились на р. Чулым (правобережье р. Обь) еще до о. Саввы, организовав там свой скит, а когда в 1892 г. приехал о. Савва, перемести-

лись к нему. О. Кирилл здесь умер еще до переселения скита о. Саввы в Кольванскую тайгу в 1917 г. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 74—74 об.)

34. **Кропочев** Антип Варфоломеевич. Родился в 1892 г. в крестьянской семье в д. Кирсаново Бобылевской вол. Ялуторовского у. (буд. Исетский р-н Тюменской обл.) — известном еще в XVIII в. центре часовенных, связанном с деятельностью Мирона Галанина. А. В. воевал на фронтах первой мировой войны, в 1917 г. был демобилизован, крестьянствовал. В октябре 1928 г., уходя от коллективизации и налогового гнета, переехал в п. Тенга Каргасокского р-на Нарымского края. В декабре 1935 г. под угрозой принудительного вступления в колхоз переезжает в с. Каргасок, устраивается сторожем, в декабре 1938 г. переходит на работу в леспромхоз. В мае 1941 г. переезжает в д. Низ-Безымянка Енисейского р-на и становится на учет в Луговатском с/с. В 1944 г. уходит на р. Дубчес и живет на заимке на «нелегальном положении». К 1951 г. у него большая семья — жена, семь детей. За «связь с нелегальным монастырем» арестован 4 апреля 1951 г., причем у него были захвачены письма, которые он тайно переправлял от скитников к их родственникам. Осужден на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. В 1954 г. амнистирован и освобожден из концлагеря. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 7. Л. 1—38 об.; Т. 11. Л. 325 об.)
35. **Кропочев** Хрисанф (Кирсантий) Варфоломеевич. Родился в 1886 г. в д. Кирсаново Бобылевской вол. Ялуторовского у. (буд. Исетский р-н Тюменской обл.), известном центре часовенных еще в XVIII в. в семье крестьян среднего достатка. До 1910 г. работал в хозяйстве отца, в 1910—1912 гг. служил в армии, в 1917 г. (по справке — в 1919) занимался охотой и в поисках новых мест переехал в Кольванскую тайгу. Жил в д. Базуево (буд. Кенгинский с/с Парбигского р-на). В 1927—1928 гг. выезжал на год охотиться на Дальний Восток. В 1936 г. переехал с семьей в п. «Налимный шлюз» (Обско-Енисейский канал). В июле 1946 г. переехал на Дубчес с семьей (до этого приходил туда сам, беседовал с И. А. Потаниным и др.), поселился в 18 км от скита м. Тавифы и в 40 км от скита о. Симеона, завел хозяйство, выращивал рожь, ячмень, картофель, имел корову, помогал женским скитам. На Дубчесе «перешел на нелегальное положение». Следствие считало его «связником» скитов. К 1951 г. он имел жену, 11 детей, один сын погиб в Великой Отечественной войне, двое скрывались, будучи «на нелегальном положении», брат был арестован. При разгроме скитов был арестован, сыновья спаслись. Приговорен к 10 годам ИТЛ, в 1954 г. амнистирован и 20 декабря освобожден. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 7. Л. 39—97; Т. 11. Л. 325 об., 326, 406.)



36. **Лаврентий**, о. Родился в дер. Коптелы Пермской губ., близ р. Сылвы. После женитьбы на будущей м. Максимиле и рождения двух дочерей (будущих м. Енафы и м. Измарагды) стал упорно учить Псалтирь и исто- тово молиться. Супруги вскоре разошлись и стали жить «по келейно- му». Иноческий чин получил от о. Варлаама на р. Танаевке и был им отправлен назад на родину «исправлять нужды», то есть быть настав- ником мирской общины. Приезжал он и к о. Савве в Сибирь, хотел жить у него, но тот «ему посоветовал, что нельзя оставить духовных детей и проводил его обратно на Урал» (ранее 18.12. 1928 или 1929 г.). С началом коллективизации поехал на Алтай искать укромное место, был под Бийском, Кузнецком и Абаканом, успел даже перевезти ба- гаж, но был арестован около 1931/1932 г. Его племянница м. Евфалия рассказывала, что «ему давали в руки Евангелие и говорили: “Брось на пол и топчи!” Он этого не делал, они сами бросят и начнут его бить, сколько хотят, на допросах — и опять отнесут в камеру тюремную. Когда ему говорили на допросах, что “Отрекися от Евангелия!”, он им говорил, что: “Благодарю Бога, сподобившаго мя за Его пострадати”. Питаться не стал, говорят, 40 дней не вкусил пищи. Потом его отпу- стили на квартиру, тут он и преставился 6 июля, а память ему 17 июля. Был мужественный и крепок телом». (См.: Собрание Института исто- рии СО РАН. № 4/90-г. Л. 128 об.—129 об.)
37. **Лаптев** Кирилл Яковлевич, брат о. Симеона. Родился в 1907 г. в д. Жид- ки Учанской вол. Ишимского у. Тобольской губ. (буд. Петуховский р-н) в семье зажиточного крестьянина. До 1930 г. жил в этой д. со своим отцом Яковом Самойловичем (умер в 1946—1947 г. на Дубчесе), рабо- тал в хозяйстве. В 1930 г. семья была раскулачена (отняли 6 лошадей, 6 коров, молотилку, сноповязалку, ветрянную мельницу). К. Я. был со- слан с отцом и братом в г. Тагил, на завод Серебрянка чернорабочим, но уже в октябре 1930 г. они бежали и, захав в д. Жидки за семьей, уехали вместе с однофамильцами Лаптевыми к родственникам послед- них в г. Бийск, оттуда с ними же — в г. Мариинск; в феврале — марте 1933 г. жили в Томске, а в мае того же года уехали на заимку Зебзеево в Кольванской тайге (заимка брата о. Мины Архипа Зебзеева находи- лась в 30 км от скита о. Симеона); К. Я. переписывался с о. Симеоном. В марте 1936 г. К. Я. с отцом уехал с заимки (ее земля отошла к кол- хозу) в д. Ломоватка (близ канала с Кети на Кас) Луговатского с/с, где жил до 1939 г. В 1939 г. переселяется вместе со скитом на Дубчес (ра- нее К. Я. участвовал в разведке мест на Дубчесе для скитов), уклоняясь от призыва. На Дубчесе помогал скитам — подарил быка, соль, кру- пу; его жильё было перевалочным пунктом для идущих в скиты. Арес- тован в 1951 г., приговорен к 10 годам ИТЛ; 15.10.1954 срок снижен до 6 лет и К. Я. амнистирован. Освобожден 23.12.1954 из Степлага.

- (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 8. Л. 1—54 об.; Т. 11. Л. 325 об., 380—385, 418—419.)
38. **Макарий** (Ирюмский), о. (Долгих Михаил Тарасевич), иногда ошибочно Перфильевич (он же Иванов Макар Тарасович). Родился в 1903 г. в д. Сушняки (буд. Уральской обл.). В 1920-е гг. — крестьянин д. Осипово Исетского р-на Тюменской обл. В 15 лет поступил послушником в скит рядом с с. Солобоево, около 1929 г. перешел в другой — недалеко от с. Рогалево (буд. Пудинский р-н Томской обл.). В 1936 г. вместе с отцом переехал на Енисей, в Ярцевский р-н, где отец вскоре умер, а М. П., скрываясь от призыва в армию, организовал тайный скит на о. Березовичи, в котором собралось несколько человек молодых староверов. Арестован в 1943 г. при разгроме этого скита, освобожден в 1945 г. по амнистии и ушел в скит о. Симеона на Дубчесе. В 1951 г. во время карательного налета на этот скит был в отлучке и избежал ареста. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 2. Л. 99 об.; Т. 3. Л. 129, 138, 139 об., 141—141 об.; Т. 8. Л. 141 об.)
39. **Макарий**, о. (**Паутов** Матвей Семенович). Родился в 1905 г. в с. Реши буд. Петрокаменского р-на Свердловской обл. Рано остался сиротой, жил у старших братьев, нанимался работать к своим зажиточным дядьям, которых позднее задавили «твердым заданием»; сестра его жила в с. Лая. М. С., «не желая вступать в колхоз» (по его словам) около 1922—1923 г. ушел в «странствование», перейдя на «нелегальное положение». Около 2 лет сначала жил близ с. Лая, затем 2 года близ с. Бизь на р. Сылве (Шамарский р-н) — это места скита м. Александры и др. скитов. На Сылве (Бизь) он жил в скиту о. Кастора (Чернова Кирияка Автономовича, 1884—1926 гг.) вместе с тремя стариками. В 1926 г. или в 1927 г. М. С. ушел в Колыванскую тайгу в скит о. Саввы. Переселялся вместе с этим скитом на Безымянку, а затем на Дубчес. Был арестован в 1951 г. и осужден на 25 лет, не написал кассационной жалобы и ему оставлен этот срок. Освобожден из Степлага 6 декабря 1954 г. Написал для Патерика жизнеописание о. Кастора. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 4/90-г. Л. 120—120 об., Л. 80, 83 об.; Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 3. Л. 55—118; Т. 11. Л. 396, 166.)
40. **Македония**, м. (Мариамия Петровна), из семьи крестьян, живших «в Белобородовой тайге в томских пределах». Еще в молодости тайно от родителей ушла в лес, где выкопала себе келью-землянку и жила в ней, но родители вернули ее. Позднее ушла в скиты на Чульме, на р. Юксе, бывшие под руководством о. Саввы — за 20 лет до переселения этих скитов в 1917 г. в Колыванскую тайгу. На Юксе М. П. жила сначала 10 лет в послушании у м. Порфирии, затем с м. Мелетиной (Кунгурской). Иноческий чин получила от о. Израила, постриженника инока-схимника

- Никиты (последний упомянут в Родословии о. Нифонта под 1843 г.). В монастыре этом было много древних икон и книг. Вместе со скитом м. Мелетины в 1917 г. переселялась в Кольванскую тайгу, на р. Двоечага (близ р. Парбиг), где прожила 12 лет, оставалась за старшую, когда м. Мелетина уезжала из скита. Вместе со скитом переехала на Безымянку и на Малый Кас, где жила с м. Акинфой и со своей ученицей м. Евстолией. На Дубчес со скитами не поехала из-за старости и болезней, но писала с Каса на Дубчес м. Тавифе и другим. После 1951 г. жила на р. Еловой, где ее в 1957 г. навещал о. Антоний; ее хотели увезти в скит на р. Чуну (Иркутская обл.), но не получилось; позднее ее перевезли на Малый Кас, близ заимки Васевской, недалеко от Безымянки, где она скончалась 29 декабря 1967 г., как утверждает Патерик — в возрасте 108 лет. До самой глубокой старости переписывала без очков много книг для скитов и мирских наставников. М. Македония хорошо владела пером, автор ряда нравоучительных посланий и многих рассказов Патерика. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 7 об.—8 об.; Л. 14—22 об.)
41. **Максим, о. (Русинов Анатолий Алексеевич)**. Родился в 1902 г. в д. Маракуша Сарапульского у. Пермской губ. (буд. Фокинского р-на Молотовской обл.) в семье крестьянина среднего достатка, работал в хозяйстве родителей. В 1927 г. семья переселилась в Кольванскую тайгу. А. А. уходит в скит о. Симеона и о. Мины, а его мать — в женский скит там же. Вместе со скитами переезжает на Енисей, живет на Дубчесе. Арестован в 1951 г., осужден на 10 лет ИТЛ. В 1954 г. амнистирован, освобожден 10 ноября 1954 г., вновь вернулся в скит. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 3. Л. 1—53 об.; Т. 11. Л. 325 об., 326, 399.)
42. **Маргарита, м.** — обительница известного уральского женского скита, основанного приблизительно в 1870-х гг. инокинями-схимницами (сестрами) Феодорой и Зинаидой. Скит находился сначала близ р. Сылвы у д. Кедровки Кунгурского у. Пермской губ., затем неоднократно менял свое место, располагаясь последовательно на заимке Калмыковых в Ялуторовском у. Тобольской губ., под Невьянском, близ Черной Горы, опять у Сылвы. М. Маргарита была послушницей игуменьи этого скита м. Евстолии, которая правила скитом с 1924 г., затем, получив иноческий чин, сама возглавила этот скит после смерти м. Евстолии. Потом она уступила место настоятельницы м. Антониде. В начале апреля 1951 г. скитницы с Дубчеса писали на Лысьву в скит м. Маргарите и Антониде (которых они называли уже старушками), звали перебираться к ним. (См.: Л. 2, 123; Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 10, письма, л. 8—8 об.)
43. **Маргарита, м. (Коровина Макрина Наумовна)**. Родилась в 1911 г. в с. Большие Кусты Осиновской вол. Пермской губ., в семье зажи-

- точных крестьян. Отец был у Колчака, отступал вместе с ним, забрав семью. Позднее семья переехала в Бакчарский с/с Чаинского р-на Томской обл., где было много старообрядцев. В 1929 г. М. Н. ушла в Кольванскую тайгу, на Парбиг, в скит м. Афанасии, где была пострижена в 1932/1933 г. о. Миной, передвигалась далее с этим скитом на Безымянку и на Дубчес, где была арестована в 1951 г. Приговорена к 10 годам лагерей, скончалась 21 марта 1954 г. в Минлаге (Коми АССР). (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 85 об.; Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 7. Л. 223—259 об.; Т. 11. Л. 325 об.—326, 401 а.)
44. **Мастрадая**, м. (Мария). Родилась ок. 1883 г. Ок. 1902 г. ушла в чулымские скиты (правобережье р. Обь), где ок. 1906 г. пострижена о. Саввой и м. Мелетиной, жила в послушании у последней, а после ее смерти (21.01.1928) — у ее преемницы м. Афанасии, уже в Кольванской тайге, на Парбиге и Двочаге, куда скит перебрался в 1917 г. Затем при разделении этого скита надвое ушла с несколькими молодыми скитницами за 7 верст и стала игуменьей нового скита. Переселялась далее вместе со всеми скитами на Безымянку. Оттуда м. Мастрадая в 1940/1941 г. уехала с о. Миной на правобережье Енисея, на р. Вороговку, где пустычники сильно голодали, ели мох, саранку, колбу. Позднее м. Мастрадая переселилась в Туву, жила близ скита о. Кастора на левом берегу р. Малый Енисей (Каа-Хем), выше с. Ужеп. Там она скончалась 19.04.1956. Отличалась начитанностью, прекрасной памятью, хорошо знала не только службу, но и святоотеческую литературу (перед смертью подарила о. Антонию книгу Исаака Сирина), толковала книги. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 4/90-г. Л. 92; № 11/90-г. Л. 6 об.—7, 79—82; № 7/91-г. Л. 15—об.)
45. **Мелетина**, м. (**Кунгурская**). В 1880-х гг. (за несколько лет до 1886 г.) пришла вместе с м. Александрой в скит на р. Сылве близ д. Кедровки Кунгурского у. «на Зарослой» при иг. Венедикте (преемнице инокинь-схимниц Феодоры и Зинаиды). М. Мелетина ухаживала за сестрой Венедикты и дочерью Зинаиды, м. Маргаритой, жившей в келье на р. Сылве. Вместе со скитом переместилась ближе к скиту о. Нифонта, на заимку Калмыковых (Ялуторовский у. Тобольской губ.). Где-то между 1890—1892 гг. после смерти иг. Анатолии (Невьянской) стала ее преемницей, игуменьей этого скита, а м. Александра была ее помощницей. В 1892 г. вместе со скитом о. Саввы м. Мелетина со своим скитом уехала от Калмыковых на р. Чулым, на р. Юксу, в томские пределы, а затем в 1917 г. с о. Саввой их скит переселился к р. Парбиг, в Кольванскую тайгу, на р. Двочага. На Юксе и Двочаге ее ученицей была м. Македония, написавшая в патерике о ней и ее кончине 21.01.1928. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 2, 6—8 об.; 9 ж.)

46. **Мелетина**, м. Родилась на Урале; с м. Елисаветой (иг. скита на р. Лае и затем на р. Танаевке) и м. Феврусой ходила молиться на Веселые Горы. В 1937 г. жила в г. Перми. Скончалась в скиту м. Антонины 20 января 1959 г. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 123—125.)
47. **Мелетина** (Сунгульская), м. (**Меренкова** Мария Васильевна). Родилась ок. 1889 г. на Урале. (Сестра м. Елены, основательницы Сунгульского скита, и м. Анатолии.) Пришла в этот скит ок. 1903/1904 г. вместе с сестрой Анной, буд. м. Анатолией. Постоянно помогала вести дела скита. Во время голодовки 1921—1923 гг. она уехала вместе с м. Феклой в Солобоево (Исецкий р-н). В Патерике повествуется, что м. Мелетина после смерти м. Елены (17.04.1927) уехала сначала в Танаевку, затем вскоре — в Солобоево. В январе 1929 или 1930 г. уехала вместе с м. Тавифой на Коргу (Пудинский с/с); кельи помогал строить о. Антоний. Жила и на Таванге с м. Феклой. Вместе с м. Феклой начали (ок. 1937—1939 г.) движение на восток. После смерти м. Феклы 24.04.1944 на Безымянке, при которой она присутствовала и очень горевала, м. Мелетина скончалась там же 28.06.1944. Похоронены они в одной могиле. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 27 об., 35—36; Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 4. Л. 30—31 об., 35.)
48. **Мина**, о. (**Забзеев** Михаил Прокопьевич). Где-то между 1892—1917 гг. пришел в скит о. Саввы на р. Чулым, но не постригся, а вскоре «стал жить по-супружному» с одной из обитательниц соседнего женского скита (тоже не постриженной, позднее — м. Антонида). Затем они разошлись и оба опять ушли в скиты, М. П. — в скит о. Симеона, уже на Парбиге, где он был пострижен. О. Савва перед своей кончиной (17 октября 1928 г.) передал о. Мине управление скитом «по духовным делам». О. Мина, ранее живший в отдельной своей келье в Колыванской тайге, сначала отказывался переселиться в скит на общее житие, но потом сделал это и управлял скитом вместе с о. Симеоном. В 30 км от скита была заимка, на которой жили с семьями его родные братья Архип и Нестор. Архип с сыном были арестованы в 1933 г. за религиозную и антиколхозную агитацию, заимка разгромлена властями. О. Мина участвовал в общем переселении скитов на Енисей, но там в июне 1941 г. поселился не на левом, как о. Симеон, а на правом берегу Енисея, на р. Вороговке — по просьбе обитательниц женского скита м. Мастардеи, поселившихся неподалеку. Принимал их на исповедь. Скончался 6 августа 1942 г. и похоронен там же. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 7/91-г. Л. 14—16; Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 1. Л. 234; Т. 3. Л. 15, 22 об.)

49. **Мурачев** Афанасий Герасимович. Родился в 1916 г. в д. Каначак (Каначакский сельсовет Турочакского р-на Алтайского края) в многодетной семье зажиточного сибирского крестьянина-старовера часовенного согласия. Семья жила в верховьях р. Бии, Афанасий ребенком, как обычно в крестьянских семьях, тоже работал в поле, боронил, возил копны. Раскулаченная в 1928 г., семья успела спастись, уехав ночью из деревни. Переселились в пос. Чичкаюл Тегульдетского района. Привлекла глухая тайга, укромные места. Семье пришлось еще не раз переселяться, избегая насильственного водворения в колхоз. В 1940 г. Афанасий уже один перебирается на притоки Енисея, долго скитается, терпя нужду и голод, а в 1947 г. уходит бельцом в знаменитый Дубчесский скит к о. Симеону, став его младшим учеником. Здесь он овладевает сокровищами древнерусской книжности и учености, что станет основой его выдающегося писательского мастерства. При разгроме скита в 1951 г. Афанасий тоже был арестован, но сумел убежать, когда партию захваченных скитских жителей переправляли в пос. Ярцево, один из центров пересылки тех времен. После многих скитаний он поселился в одной из деревенок Нижнего Енисея, стал наставником местной общины. Он много переписывал, великолепно переплетал книги в кожу, активно работал в разных литературных жанрах. Ему принадлежит ряд замечательных произведений. А. Г. Мурачев активно сотрудничал и в создании трехтомного Урало-Сибирского патерика. Несомненно, его можно назвать одним из самых крупных крестьянских писателей России. Публикации: Повесть о Дубчесских скитах // Новый мир. 1991. № 9. С. 91—103; Стихосложении (Берестяная книга) // Живая старина. 1995. № 1. С. 31—39; О конце света // Проза Сибири. 1996. № 1. С. 278—286. Пример ко лжедуховномудренникам // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 134—142. Литература: *Зольникова Н. Д.* Современный писатель-старообрядец с Енисея // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 283—288; *Покровский Н. Н.* Рукопись сибирских старообрядцев на бересте // Живая старина. 1995. № 1. С. 28—30; *Титова Л. В.* Духовные стихи в берестяной книге Афанасия Герасимова // Там же. С. 40—41.
50. **Мушкин** Иван Трофимович, заготовитель пушнины в Вороговском с/с. Жил в 170 км от дубчесских скитов, снабжал их продовольствием и товарами и информацией «о мероприятиях советской власти», хотя и не принадлежал к строгим старообрядцам. Был захвачен у себя дома в 1951 г., но сумел бежать и по делу не проходил, хотя следствие собирало на него обвинительный материал. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 1. Л. 36; Т. 3. Л. 75 об.)

51. **Никита**, о. (**Новоселов** Назар Киприянович). Родился в 1908 г. в д. Старая Нерпа буд. Упоровского р-на Тюменской обл. Из семьи зажиточных крестьян. В 1928 г. в связи с образованием колхоза переехал в д. Сенькино Парабельского р-на Томской обл. (недалеко от р. Чарус), в 1932 г. женился на Долгих Анастасии Галактионовне. В связи с созданием колхозов и в томских таежных местах в 1939 г. перебрался с семьей на р. Кас, жил на заимке «на нелегальном положении», занимался хлебопашеством и охотой (в 2 км от женского скита). В 1941 г. у него умерла жена; Н. К., уклоняясь от призыва в армию, жил в скиту на о. Березовичи Луговатского с/с вместе с М. Т. Долгих (о. Макарием) и еще несколькими молодыми часовенными. Был там арестован, осужден на 10 лет ИТЛ, в сентябре 1945 г. амнистирован. В июне 1946 г. ушел в Дубчесские скиты вместе с М. Т. Долгих. Арестован в 1951 г., осужден на 25 лет ИТЛ, освобожден по амнистии 6 декабря 1954 г. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 3. Л. 119—188; Т. 11. Л. 325 об.—326.)
52. **Нифонт**, о. — постриженник о. Лаврентия, игумена известного скита о. Максима (XVIII в.); о. Лаврентий руководил этим скитом с 12 мая 1843 г. до 13 августа 1867 г. До пострижения о. Нифонт 15 лет был в скиту послушником, после пострижения ушел с немногими скитожителями «на безмолвие». Но вскоре по настоянию о. Лаврентия вернулся и вступил около 1862 г. под его руководством в управление скитом. Скит находился близ д. Кедровки на р. Сылве Кунгурского у. Около 1878/1879 г. о. Нифонт временно ушел из скита с одним о. Саввой «на безмолвие», оставив вместо себя о. Сергия. Около 1882/1883 г. о. Нифонт с о. Саввой и затем весь скит переместились по совету о. Иеремии на заимку братьев Калмыковых в Ялуторовском у. Тобольской губ., в 8 верстах от дома хозяев заимки. О. Нифонт выступал на Екатеринбургском соборе 1884 г. против поисков священства, он участвовал и в заседаниях Екатеринбургского собора 1887 г. По поручению этого последнего собора о. Нифонт написал «Родословие» часовенного согласия. Кроме этого, о. Нифонт написал книгу «Историческое сказание» о разделении восточного и западного христианства, об унии, реформах Никона и страданиях старообрядцев за древнюю веру. Он также автор полемиического сочинения против старообрядцев «австрийского» согласия (выдержку из него см.: Собрание Института истории СО РАН. № 249/86. Л. 96—97) и нескольких посланий (изложение двух из них см.: Собрание Института истории СО РАН. № 4/90-г. Л. 68—71 об.), в том числе — к своей бывшей супруге Акилине (м. Акинфе). Скончался 26 января 1890 г. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 4/90-г. Л. 66 об.—74.)

53. **Паольга**, м., в миру **Гусельникова** Пелагея Семеновна, была в ски-ту м. Еванфии; на Дубчесе была помощницей м. Валентины. В 1951 г. была арестована, но сумела бежать из-под стражи и по делу не проходила. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 6. Л. 52, 101, 131 об.)
54. **Потанин** Алексей Киприанович, отец И. А. Потанина. Жил в г. Камень на Оби, а затем в Чаинском р-не Томской обл.
55. **Потанин** Иерон Алексеевич. Родился в 1914 г. в семье алтайских крестьян, близ г. Камень-на-Оби. Во время революции семья переселилась в будущий Чаинский р-н Томской обл. Через несколько лет с семьей И. А. переехал в Кольванскую тайгу, в Парбигский р-н, где тогда скрывались многие скитожители. Во время коллективизации уехал с женой и сыном на восток, на Безымянку, где раскорчевал лес под пашню. Когда в 1937 г. туда стали прибывать переселявшиеся на Енисей из Кольванской тайги о. Симеон, о. Антоний и др., И. А. принял деятельное участие в разведке дороги, мест на Дубчесе и в самом переселении: ехал в эту разведку в одной лодке с о. Симеоном. Затем и сам перебрался с семьей на Дубчес, продолжая деятельно помогать скитам в налаживании хозяйства. Во время войны скрывался, но был пойман, когда появился в Ворогово для обмена пушнины. Терпел сильный голод в тюрьме, но выжил и в 1943 г. (или чуть раньше) смог как-то освободиться. До разгрома скитов в 1951 г. был, по определению следствия, «связником для скитов». Во время этого разгрома был арестован, но организовал смелый побег с плота себе и еще трем арестованным. Однако вскоре был опять захвачен и осужден по отдельному судопроизводству. После освобождения переехал в 1955 г. на приток Ангары р. Тасей в пос. Бурный, пригласив с собой нескольких пустынных и затем 20 лет он помогал их скиту. Был очень начитан, активно участвовал в соборах часовенных, отстаивая более строгие правила. Около 1975 г. переехал в Усть-Кайтым (на р. Оне, притоке р. Бирюсы). Скончался 2 апреля 1979 г. Ему принадлежит Повесть о разгроме Дубчесских скитов и несколько других текстов Патерика. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 7/91-г. Л. 19—30.)
56. **Савва**, о. (**Мягков** Селивестр Ефимович), из уральских крестьян. В 1872 г. пришел в скит о. Нифонта близ д. Кедровка Кунгурского у. Пермской губ. на р. Сылве. Около 1877/1878 г. был пострижен о. Нифонтом. Около 1878/1879 г. о. Нифонт с одним лишь о. Саввой удалился из скита на безмолвное житие, а около 1882/1883 г. по совету о. Иеремии переместился на заимку Калмыковых, в Ялуторовском у. Тобольской губ., в 8 верстах от заимки. Здесь скит о. Нифонта прожил 9 лет, здесь же после его кончины 26 января 1890 г. о. Савва возглавил скит. На следующий год власти погромили скит, и о. Савва в 1892 г.



- переместил его на правобережье р. Обь, на р. Чулым, севернее г. Томска. С ним уехали о. Силуян, о. Кирилл и др., м. Мелетина (Кунгурская) со своим скитом. В 1917 г. о. Савва, м. Мелетина и др. переместились со своими скитами в болотистые места левобережья р. Оби, «в Кольванскую тайгу», на р. Парбиг (а о. Силуян и о. Гурий — на Дальний Восток, «на открытое море»). В начале 1928 г. или 1929 г. о. Савва одобрил переселение женских скитов из тюменских пределов (р. Танаевка) в Кольванскую тайгу, на р. Корга и Таванга. Скончался 17 октября 1929 г. (так в большинстве источников, в одном из списков Дополнения родословия о. Симеона — 1928 г.). Ряд устных рассказов о. Саввы приведен в Патерике. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 4/90-г. Л. 66 об.—74; № 11/90-г. Л. 102 об.; Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 1. Л. 38 об.)
57. **Силуян**, о. Родился 7 октября 1858 г. Ушел в скит 8 мая 1876 г. Жил с будущим о. Кириллом в келье близ какого-то села. О. Нифонт, услышав о них, пришел к ним, принял их в свой скит и в свое послушание, а 16 февраля 1885 г. он постриг о. Силуяна; постриг он и о. Кирилла. После смерти о. Нифонта (26.01.1890) о. Силуян с о. Кириллом переселились на Чулым, еще до о. Саввы и организовали скит с несколькими пустынножителями, а когда приехал о. Савва, все перешли к нему. О. Кирилл здесь умер. В 1917 г., когда скит о. Саввы переселялся в Кольванскую тайгу, о. Силуян и о. Гурий уехали на Дальний Восток. Там, на левом берегу р. Улунги, притока р. Бикин (Приморский край), в его скиту было еще 3—4 отца и послушники. О. Силуян скончался там 18 декабря 1927 г., а через несколько лет власти разорили и сожгли эти скиты, несколько скитожителей убили. О. Силуян был небольшого роста, «браду имея черну малу. Речист же бе, превосходя словесностию о. Саву. О. Сава всегда его с собой брал, егда прилучашеся какова-либо духовная беседа». Патерик пишет о совместных сочинениях о. Саввы и о. Силуяна, называя одно из них — известное ответное послание на вопросы А. А. Коновалова (Собрание Института истории СО РАН. № 10/90-г. Л. 88—139 об.). Возможно, им же принадлежит рассказ об Екатеринбургском соборе 1 мая 1884 г. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 4/90-г. Л. 72—79 об.)
58. **Симеон**, о. (**Лаптев** Сафон Яковлевич) — настоятель часовенных скитов в Кольванской тайге, затем на Нижнем Енисее. Уроженец д. Жидки Учанской вол. Ишимского у. Тобольской губ. Родился в семье зажиточного крестьянина Я. С. Лаптева в 1895 г. Еще до революции был признан негодным к службе в армии. В 1919 г., по его собственным словам на следствии в 1951 г., ушел в скит о. Саввы в Кольванской тайге. Там был «накрыт» с именем Симеона. Вскоре он выдвинулся как грамотный книжник; о. Савва брал его с собой для бесед с крестья-

нами в качестве толкователя священных книг. Перед смертью о. Савва завещал скит о. Симоону (править хозяйственные дела) и о. Мине (принимать на исповедь). Однако управление скитами лежало в значительной степени на плечах о. Симеона; он же организовал и переезд скитов в Восточную Сибирь. Вскоре после переезда о. Мина умер, оставив Симеона единственным главой скитов. Ему принадлежит ряд сочинений. Кроме этого, о. Симеон был инициатором создания и одним из авторов «Повести чудесных событий» — трехтомного Урало-Сибирского патерика староверов-часовенных. В 1951 г. скиты были обнаружены, разгромлены, а их обитатели арестованы. О. Симеон и еще 32 человека были обвинены в антисоветской агитации и создании «нелегального антисоветского формирования» (имелись в виду скиты); в 1952 г. суд вынес им обвинение по ст. 58-10, ч. 2 и 58-11 УК РСФСР. О. Симеон получил 25 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. Он не дождался освобождения и скончался в Озерлаге, отказавшись, по свидетельству староверов, принимать лагерную пищу. Дата его смерти точно не известна: следственное дело называет 20 августа 1954 г., Урало-Сибирский патерик — 1953 г. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 1. Л. 20—112; Т. 11. Л. 380—385, 398; Собрание Института истории СО РАН. № 4/90-г. Л. 100.)

59. **София**, м. (**Катаева** Секлетинья Анисимовна). Родилась в 1924 г. в д. Хохловка буд. Парбигского р-на Томской обл. в семье крестьян-«середняков». До 1941 г. жила с родителями в пос. Березовка Парбигского р-на Томской обл., училась в начальной школе, окончила 4 класса. В 1941 г. семья переехала в д. Тарасовку, в районе Обь-Енисейского канала. Через 2 месяца С. А. ушла в скит и пострижена о. Антонием в 1950 г. на Дубчесе. Арестована в 1951 г., приговорена к 10 годам ИТЛ, амнистирована и освобождена 5 февраля 1955 г. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 6. Л. 39—79 об.; Т. 11. Л. 325 об., 326, 431.)
60. **Тавифа**, м. (**Людиновска** Татьяна Михайловна), сестра о. Антония и м. Алевтины. Родилась в 1886 г. в Кыштымском заводе Пермской губ. в крестьянской семье. Около 1891 г. семья переехала под Минусинск, в д. Быструю, но около 1902/1903 г. семья вернулась на Кыштымский завод. Лет 17 или 18, т. е. в 1903 или 1904 г. ушла в Сунгульский скит м. Феклы и м. Елены (в 18 верстах от Каслей), через год после М. В. Меренковой (м. Мелетины). Жила в послушании у м. Елены, через 5 лет (около 1908 г.), в 23 года, была пострижена о. Геннадием. Когда в 1922—1923 гг. Сунгульский скит разъезжался из-за голода, м. Тавифа уехала сначала в д. Журавлево («в тюменских пределах»), а затем на р. Исеть, в д. Солобоево, вместе с сестрой м. Алевтиной. Вернулась в Сунгульский скит по зову заболевшей м. Елены, похоронила ее 17.04.1927, затем на Тана-

евке похоронила 16.06.1928 сестру Алевтину и сразу с м. Феклой стала готовиться к переезду скита в Кольванскую тайгу. М. Тавифа отправилась для этого к о. Савве, он договорился о приеме скитницы на р. Корга. В январе 1929 г. или 1930 г. прибыла с 2 монахинями (с м. Акинфой и Пелагеей Ивановной Беляевой) на Коргу, а другие скитницы — на Тавангу. Около 1933—1934 г. (или в 1934—1935 гг.) перебрались на Парбиг, в скит м. Афанасии. Оттуда на Безымянку м. Тавифа отправилась с первой партией (о. Антоний, м. Акинфа, м. Касьяния, о. Макарий, Агриппина Яковлевна Лаптева), в янв.—февр. 1937 г., сначала на Верхнюю Безымянку, в 10 верстах от д. Луговатки, затем в 1939 г. по приезде м. Феклы с о. Симеоном — на Нижнюю Безымянку (3—4 км от д. с этим именем), Тавифа и Акинфа перешли в 1939 г. туда. Летом 1940 г. отправилась на Дубчес с о. Симеоном (который назначил тогда ее игуменьей), м. Акинфой, м. Евгенией и м. Маргаритой. М. Фекла на В. Безымянке тоже благословила м. Тавифу в игуменьи. Арестована в 1951 г., приговорена к 10 г., в 1954 г. амнистирована и освобождена. После чего уехала в Минусинск, затем в скит в Туву, но около 1961 г. вернулась в родной скит м. Анатолии (сестры м. Елены), где и скончалась 24 июля 1967 г. М. Тавифа — автор многих текстов Патерика. (См.: Собрание Института истории СО РАН, № 11/90-г, л. 27 об., 36 об.—50; Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 4. Л. 1—112 об.; Т. 11. Л. 325 об.—326, 394 об.)

61. **Тарасий** (Мурзин), о. Род. ок. 1911—1912 г. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 4/90-г. Л. 122 об.)
62. **Тарасий**, о. (**Долгих** Тарас). Отец о. Макария. Жил в Сунгульском скиту у м. Феклы или на Танаевке у д. Солобоево в часовне. Около 1927 г. советует ей ехать не в Кольванскую тайгу, а на Дальний Восток. В 1828 г., в марте, «накрыл» Александру Людиновскову с именем м. Алевтины. В 1929/1930 г. жил на р. Чузик в п. Горелый Яр (Кольванская тайга, Чудинский р-н). Умер в скиту на р. Корга, в 15 км от с. Рогалево. (См. Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 8. Л. 140.)
63. **Тарсила**, м. (**Горбунова** Татьяна Тихоновна). Родилась в 1914 г. в д. Горбуновка буд. Парбигского с/с Томской обл. Сестра Павла и Ив. Горбуновых. В 1938 или 1939 г. вместе с братьями и о. Миной переехала в Луговатский с/с Ярцевского р-на. Уже тогда она была послушницей в скиту м. Валентины. Пришла она в этот скит около 1934—1935 г. на Парбиге (она жила перед этим в пос. Омеличи Парбигского р-на), когда этим скитом руководила еще м. Еванфия (под покровительством о. Симеона). Братья Т. Т. активно помогали преселению скитов с Парбига и назад затем не вернулись, перейдя на «нелегальное положение» близ скитов на Безымянке. Далее Т. Т. переселилась (года через два, т. е. около 1940—1941 гг.) на Дубчес к м. Тавифе, а когда туда перебралась

и м. Валентина, ушла к ней. Арестована в 1951 г., приговорена сначала к 25 г., а по кассации — к 10 г. лагерей. Была вместе с м. Маргаритой в Минлаге в Коми АССР. Освобождена 24.11.1954. Ушла в скит, где пострижена в 1963/1964 г. Была неграмотной или малограмотной. Скончалась 20 августа 1966 г. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 6. Л. 80—119; Т. 11. Л. 325 об.—326, 393; Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 83—86.)

64. **Тимофей**, о. (**Кустов** Трофим Иванович). Отец — Иван Илларионович Кустов, пермский крестьянин; мать — Пелагея Ивановна, дочь наставника, позднее — м. Порфирия, умерла в скиту м. Мастрадеи (ее брат Илларион Иванович был келарем в скиту о. Симеона на Дубчесе, в 1951 г. был арестован, но оставлен на свободе; его дочери — м. Еванфия и м. Трифена были тогда отправлены в лагерь (Собрание Института истории СО РАН. № 4/90-г. Л. 125 об.—126). Т. И. родился ок. 1915 г., жил в д. Большие Кусты Пермской губ. Около 1932 г. жил с семьей на р. Бакчар Томской обл., в д. Чумаковке Поротниковского с/с, в Колыванской тайге, близ скитов, которые он не раз посещал и где тогда был пострижен. Семья перемещалась несколько раз в Колыванской тайге, в 1935 г. у них уже была заимка на р. Чарус (приток Парабели), куда, в связи с организацией колхоза на Бакчаре, к Кустовым перемещается сначала Татьяна, затем Елизавета Глуховы. В доме его отца Ивана Илларионовича одно время жила м. Флина и другие старицы, в доме был обыск, но чудотворная ряса о. Павла, привезенная м. Флиной с Урала, уцелела и была передана затем в скит о. Симеона. Вместе со скитами о. Тимофей переселился на Малый Кас, на Ломоватку, близ Безымянки, а оттуда в район Дубчеса, на остров на р. Малый Тогульчес. Во время разгрома скитов в 1951 г. скрылся. Ему, согласно рассказу И. А. Потанина и о. Антония, о. Симеон сумел заочно передать благословение на руководство уцелевшими пустынноиками. Автор нескольких рассказов Патерика. (См.: Собрание Института истории СО РАН, № 4/90-г. л. 32 об., 123—126; Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 2. Л. 53 об.; Т. 3. Л. 81.)
65. **Трифена**, м. (**Глухова** Татьяна Илларионовна), дочь Иллариона Ивановича Глухова и сестра м. Еванфии. Родилась в 1921 г. в д. Большие Кусты Пермской губ. (буд. Усинский р-н), в семье крестьянина «средняка». В 1932 г. вместе с семьей переехала в Колыванскую тайгу, на Бакчар, в д. Чумаковку (Чумакаевку) Поротниковского с/с. В 1935 г. или чуть позднее мать отправляет ее вслед за старшей сестрой Елизаветой на север, на заимку дяди Татьяны И. И. Кустова на р. Чарус (приток Парабели), послушницей в скит м. Флины, который опекают Кустовы. С 1937—1938 г. мигрирует с этим скитом на Безымянку и далее на Дубчес. «Накрыта» в монахини вместе с сестрой около 1947 г.

- Арестована в 1951 г., осуждена на 10 лет, срок отбывала в Минлаге в Кожвинском р-не Коми АССР вместе со своей землячкой м. Маргаритой. Освобождена по амнистии в 1954 г., жила затем в п. Подбель с отцом до его смерти 11 декабря 1959 г. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 5. Л. 100—137; Собрание Института истории СО РАН. № 4/90-г, Л. 125 об.—126.)
66. **Февруса**, м. — одна из монахинь уральского скита м. Нионилы, в 12—15 верстах от Невьянского завода. В скиту было около 20 стариц (Патерик перечисляет трех игумений этого скита до м. Нионилы). После смерти м. Нионилы (около 1917/1918 г. или несколько ранее) игуменьей этого скита стала м. Февруса. В 1955 г. рассказывала о. Антонию о жизни монахинь своего скита и других уральских событиях; эти рассказы в передаче о. Антония вошли в Патерик. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 108—109, 124.)
67. **Фекла**, м. (**Дорогина** Федосья Устиновна). В молодости ушла от родителей в небольшой скит на Каслинском заводе, где о. Никон жил «семейным скитом» со своей женой и дочерью (впоследствии игуменьей). Здесь к Ф. У. вскоре пришла будущая м. Елена, они подружались. Родители сначала были против их жизни в скиту, но затем мать Федосья Анастасия сама перебралась в келью близ о. Сунгул, где с ней жили по монастырскому уставу еще 3 старушки, не будучи пострижены в монахини. Когда там появилась первая черноризица — Ксенофонта, родители отпустили около 1900 г. обеих девушек в сунгульские кельи, где они основали новую общину в 5 человек. Вскоре Федосья была пострижена некоей м. Глафирой под именем Феклы. Она около 1901—1902 г. возглавила этот новый скит по духовным делам, а м. Елена — по «внешним». Новая обитель вскоре стала весьма авторитетной, она выросла до 40 человек, но в голодные 1921—1923 гг. обитель пришлось разделить, многие переехали, жили в разных тюменских деревнях, но обе основательницы оставались на прежнем месте до смерти м. Елены в 1927 г. По показаниям м. Тавифы, около 1927 г. м. Фекла уехала с м. Мелетиной в Исетский р-н в скит в 1 км от д. Солобоево. После этого м. Фекла уехала на Танаевку (80 верст от Тюмени), одно время она — игуменья Исетского скита, а затем, как и другие сунгульские скитницы, перебралась на восток в Кольванскую тайгу: на Коргу, затем на Тавангу (левобережье Оби). Во время дальнейшего перемещения скитов в бассейн Енисея жила на Безымянке, где скончалась 24 апреля 1944 г. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 2 об., 3, 26—32 об.; Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 4. Л. 30—31 об., 35, 44.)
68. **Флина** (Флена), м. (**Шабаршина**, в девичестве Данилова, Татьяна Кондратьевна). Родилась в 1895 г. в Петрокаменском з-де Верхотур-

- ского у. Пермской губ. в семье крестьянина среднего достатка. В 1911 г. вышла замуж, муж погиб во время первой мировой войны, ребенок ее тоже умер, и в 1918 г. она уходит в скит м. Александры и Елисаветы на Лае, недалеко от деревни Т. К. и в 20 верстах от Нижнего Тагила. Когда м. Елисавета по приглашению брата о. Саввы Михаила Ефимовича Мягкова переселилась на Алтай, основав скит у д. Ашпанак на р. Бии (в 150 верстах выше г. Бийска), Т. К. в том же 1918 г. переехала к ней и была ею пострижена. После смерти м. Елисаветы (15 авг. 1921 г.) м. Флина прожила в том же скиту при игумении м. Поликсении год и при игумении м. Илари — 7 лет. Но в скиту пошла распря из-за усиления влияния «завьяловских» и м. Флина уехала на Урал, где жила 8 лет (по ее показаниям на следствии, это время она жила «в миру», работала частной портнихой). Где-то около 1937 г. (или чуть раньше) переезжает в Томскую тайгу, на заимку крестьян Кустовых, в скит м. Еванфии, где прожила год, затем переместилась с Кустовыми и скитом на Безымянку, а потом в 1945 г. — на Дубчес. Уже на Безымянке стала игуменьей. Арестована 23 марта 1951 г., осуждена на 10 лет лагерей, освобождена по амнистии 6 января 1955 г. из лагеря у п. Заярск Иркутской обл. Автор многих рассказов Патерика, записанных во второй половине 1950-х и в 1960-х гг. (См.: Собрание Института истории СО РАН. № 11/90-г. Л. 1, 103, 107; Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 5. Л. 1—99; Т. 11. Л. 325 об.—326, 429.)
69. **Харин** Анисим Абрамович. Родился в 1926 г. в д. Мостовой Чаинского р-на в семье «средняка»; владел ремеслом пимоката. В 1930 г. переселился с семьей в п. Пензер Парбигского р-на Томской обл., а в 1940 г. с семьей же — в Низ-Безымянку Красноярского края. В 1943 г. был призван в Красную Армию, но бежал и скрылся на Дубчесе, в скиту о. Симеона. Там он переписывал сочинения о. Симеона. Захвачен в 1951 г. и осужден на 25 лет лагерей. Освобожден по амнистии 6 декабря 1954 г. (См.: Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 2. Л. 76—145; Т. 11, Л. 325 об.—326, 411).

## Урало-Сибирский патерик

Урало-сибирский патерик был создан в XX в. на нижнем Енисее староверами-часовенными в скитском центре Дионисия — Максима — Нифонта — Симеона. С начала своего существования согласие часовенных представляло собой ветвь поповщины, в котором признавали священников «дониконовского» поставления, а позже стали принимать иереев, перешедших из официальной православной церкви. После 1840 г. внешние (массовые преследования николаевского времени) и внутренние (повсеместный переход к обливательному крещению в «никонианской» церкви) причины привели согласие к беспоповской практике; значительная его часть всегда почитала благочестивых священников своего прошлого — именно эту позицию всегда занимал упомянутый урало-сибирский скитской центр. Одним из авторитетнейших игуменов скита во второй половине XIX в. можно назвать о. Нифонта — автора знаменитого исторического сочинения часовенных — «Родословия». В литературе часовенных уже существовал труд с таким же названием, написанный черноризцем о. Валентином не позже 1879 г. в д. Юшковой Тюменского уезда и представлявший собой компиляцию из произведений часовенных XVIII — первой пол. XIX в.<sup>1</sup> «Родословие» о. Нифонта написано на Урале почти через 10 лет — по специальному постановлению Екатеринбургского собора часовенных 11.01.1887. Собор постановил обосновать в новом «Родословии», «почему наши претки принимали священство от российской церкви, а потом впоследствии то же священство и от той же церкви не стали принимать». О. Нифонт должен был проследить линию преемственности благодати от первых «дониконовских» священников старообрядческих центров к современному часовенному обществу<sup>2</sup>. Труд о. Нифонта несомненно послужил одним из образцов для Урало-Сибирского патерика и лег в основу его старейшей части.

История упомянутого уральского скитского центра конца XIX — начала XX в. оказалась связанной с постепенной, со временем ускорявшейся миграцией на восток. После смерти о. Нифонта 26 января 1890 г. во главе скита остались его ученики о. Савва и о. Силуян. В 1892 г. существование его на старом месте стало опасным, и обитель переводится на р. Чулым

---

<sup>1</sup> Духовная литература староверов востока России XVIII—XX вв. Новосибирск. 1999. С. 622, 623.

<sup>2</sup> Там же. С. 645.

«в томских пределах». В 1917 г. пришлось предпринять новый переезд: о. Силуян с несколькими монахами переехал на Дальний Восток, в Приморье, а о. Савва с основной частью скита — в Колыванскую тайгу. За несколько лет до смерти он трудился над продолжением «Родословия» о. Нифонта. Перед смертью о. Савва поручил скит отцам Симеону и Мине. Но и на таежные села с начала 1930-х гг. стала наступать коллективизация. С 1936 г. сибирские часовенные начали разведку пути на восток, в Красноярский край. Переезд туда группы скитов (мужского и нескольких женских, часть которых — осколки разгромленных властью урало-сибирских женских общин) и сопутствовавших им крестьян-часовенных продлился с 1937 г. по 1940 г. Скиты расселились в низовьях Енисея, по его притокам. Но через 10 лет, 23 марта 1951 г., карательный отряд МГБ разгромил эти скиты. После суда в 1952 г. арестованные были разосланы по лагерям. И хотя в 1954 г. их освободили по амнистии, игумен скита о. Симеон уже умер в лагерном заключении в 1953 г.

Каратели в 1951 г., уничтожая скиты, сожгли и их библиотеку древних рукописей и старопечатных книг. Усилия скитников спасти хоть что-то из этих бесценных сокровищ были тщетными — за одним важным исключением. Перед сожжением одного из скитов запертые в сарае его обитатели сумели тайно закопать в землю первоначальную рукопись того сочинения XX в., которое по замыслу и масштабам исполнения заняло впоследствии выдающееся место во всем литературном творчестве часовенных. Речь идет о задуманном о. Симеоном и начатом под его руководством коллективным труде по истории часовенного согласия, выполненном в традиционном жанре патерика<sup>3</sup>. Его полное самоназвание гласит: «История о отцах и пустынножителех, в последнее гонительное время подвизавшихся в северных краях Русския земли, в пределах Уральской и Сибирской пустыни». Употребляется на страницах памятника и краткое самоназвание: «Повести чудесных событий». Составители также называют этот свой труд «Уральским патериком», хотя правильнее его было бы назвать «Урало-Сибирским патериком». Этого последнего названия мы и придерживаемся в настоящем издании.

<sup>3</sup> Т. I — Собрание ИИ СО РАН. № 4/90-г. Ксерографическая копия рукописи 1962 г. (автограф А. Г. Мурачева). Описание рукописи см.: *Мальцев А. И., Панич Т. В., Титова Л. В.* Рукописи XVI—XX вв. из коллекции Института истории СО РАН. Новосибирск, 1998. С. 204—205; Т. I. Дополнение. — Собрание ИИ СО РАН. № 7/91-г. Ксерографическая копия рукописи 1990—1991 г. (автограф А. Г. Мурачева). Описание рукописи см.: *Мальцев А. И., Панич Т. В., Титова Л. В.* Рукописи XVI—XX вв... С. 230; Т. II — Собрание ИИ СО РАН. № 11/90-г. Ксерографическая копия рукописи 1969 г. (автограф А. Г. Мурачева). Описание рукописи см.: *Мальцев А. И., Панич Т. В., Титова Л. В.* Рукописи XVI—XX вв... С. 209; Т. III — Собрание ИИ СО РАН. № 5/91-г. Ксерографическая копия рукописи 1990—1991 г. (автограф А. Г. Мурачева). Описание рукописи см.: *Мальцев А. И., Панич Т. В., Титова Л. В.* Рукописи XVI—XX вв... С. 228, 229.



В трех томах Урало-Сибирского патерика содержится в целом 212 глав. Первый том сообщает о возникновении часовенного согласия, его деятельности на Урале и за Уралом и приводит жизнеописания скитских старцев согласия, живших в XVIII—XX вв., выполненные в жанре агиографии. Второй том содержит рассказы о старицах часовенных скитов конца XIX — конца XX вв., преимущественно — матушек Сунгульского центра (под Кыштымом, где позднее, в 1957 г. разразилась челябинская атомная катастрофа) и дочерних сибирских скитов этого центра. В третьем томе описаны различные «чюдесные события», случившиеся в XIX—XX вв. со скитскими старцами и старицами, а также со старообрядцами-мирянами, а подчас даже с верующими других конфессий или с атеистами. Хронологические рамки этого своеобразного патерика весьма велики — от появления первых старообрядцев-пустынников на демидовских уральских заводах в начале XVIII в. до начала девяностых годов двадцатого столетия.

Урало-Сибирский патерик открывается «Предисловием», начало коего намеренно приближено по форме и по смыслу к самому богодухновенному тексту христианства — Евангелию (см.: Лк 1: 1—4)<sup>4</sup>.

<p>Лк 1: 1—4</p> <p><b>Понеже убо мнози начаша чинити повесть</b> о известованных в нас вещех, якоже предаша нам, иже исперва самовидцы и слуги бывшии словесе, <b>изволися и мне последовавшу</b> выше вся испытно, порядку писати тебе, державный Феофиле: <b>да</b> разумееши, о них же научился еси словесех, <b>утверждение</b></p>	<p>Урало-Сибирский патерик, т. 1, л. 1 об.</p> <p><b>Понеже убо мнози, ови съчиниша</b>, ови же словом из[ъ]явиша различная <b>повествования</b> о пустынных жителех обоего пола в последнее гонительное и плачевное время, подвизавшихся в северных странах Российския земли, в пределах Уральской и Сибирской пустыни. <b>Изволиста убо и нам, сим последовавшим</b>, сия их писания некую часть от нужнейших совокупити, и яже от повествователей слышахом ... о сем представити...</p> <p><b>да</b> неведящии слышавше удивятся, ведящии же памятию обновятся ... не утверждени же в вере, сия слышавше и всяко сомнение отвергше, <b>утвердятся</b>.</p>
--	---

Так авторы Патерика задают высочайший образец для всего замысла, таково понимание ими сакрального смысла истории своего согласия, евангельского значения всех жертв, принесенных староверами «в последнее гонительное и плачевное время» в борьбе с противниками Христа<sup>5</sup>.

<sup>4</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 4/90-г. Л. 1—2 об.; Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII—XX вв. М., 2002. С. 315.

<sup>5</sup> О. Д. Журавель, исследовавшая недавно традицию старообрядческих предисловий, проследила связь Урало-Сибирского патерика с поморскими предисловиями: «Истории об

Здесь глубокая внутренняя тема, постоянно присутствовавшая и во всех сочинениях задумавшего Патерик о. Симеона, убежденного в скором наступлении конца света. Мучения и жертвы, принесенные истинными христианами в самый канун пришествия антихриста и последней схватки сил добра и зла, замыкают круг времени, завершают христианскую историю на «старой» земле, историю, начатую искупительной жертвой Христа и первым его пришествием, о которых повествуют евангелисты.

«Предисловие» задает программу создания Патерика: рассказать «в краткости» «о начале благочестия, откуда изведе» — подобно тому, как это делали авторы исторических сочинений часовенных XVIII в. и с опорой на них, о гонениях, «о великодушии страдания ревнителей благочестия», о пустынноиках, «борбствовавших противу невидимых врагов», о почитании подвижников прошлого «и о различных чудесных событиях». В «Предисловии» подчеркивается, что достоверные рассказы о чудесах твердо базируются как на устных и письменных свидетельствах разных очевидцев, так и на собственных свидетельствах авторов Патерика о случаях, кои «и сами видехом»<sup>6</sup>. Следователи по красноярскому делу 1951—1952 гг. особенно дотошно интересовались «антисоветским» литературным творчеством о. Симеона и его учеников и многое выяснили о том, как создавался Патерик. Знание это конкретизирует краткое свидетельство «Предисловия».

Работа о. Симеона по сбору устных и письменных свидетельств о пустынноиках востока России началась после тайного переселения его скита в 1937—1940 гг. в низовья Енисея. В протоколе допроса о. Симеона (1951 г.) записано: «По моему указанию и под моим руководством Котегов Ефим Григорьевич<sup>7</sup> примерно с 1946 г. производил сбор у участников формирования», — как назывался на языке протоколов следствия скит, — «рассказов и повествований и составил сборник их, так называемый Патерик Уральский».

Сбор и запись устных преданий о руководителях и простых людях согласия о. Симеон сумел организовать очень широко. Как настоятель он обратился в первую очередь к обитателям своей группы скитов, а также — к связанным с ними крестьянам. О. Симеон призвал их записывать все, что им известно, о скитских старцах и старицах, о других деятелях согласия, об их благочестивой жизни, страданиях за веру, поучительных обстоятельствах кончины и шире — о разных «чудесных событиях», свидетельствующих о божественном промысле. Таким путем на страницы

---

отца и страдальца солонецких» и «Винограда Российского» (см.: Журавель О. Д. Предисловия в старообрядческой рукописной традиции // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 57—62).

<sup>6</sup> Ср.: Лк 1: 1—3.

<sup>7</sup> Имелся в виду о. Ефрем, черноризец Дубчесского мужского скита.

Урало-Сибирского патерика проникла мощная струя устного народного творчества, фольклорных преданий — хотя, конечно, не в первозданном виде, а отредактированных о. Симеоном и его преемниками. Напомним, что все это вполне укладывается в законы византийского и древнерусского патерикового жанра — при всей бросающейся в глаза современности самого фактического материала.

Следствие установило, что о. Симеон тщательно собирал все подобные записи на бумаге и на бересте, сделанные по его призыву. Собранные тексты в более или менее отредактированном виде соединились затем с выдержками из письменных памятников в единую ткань Патерика, с указанием источников. Следует отметить, что все показания на следствии 1951 г. о путях создания Патерика полностью подтверждаются и самим его текстом, которого в распоряжении следователей не было.

Зарытый в землю во время разгрома скита, Урало-Сибирский патерик в его первой, симеоновской редакции несколько пострадал от огня, но вернувшиеся на свободу ученики о. Симеона позднее, выкопав рукопись, реставрировали ее, дописав утраченные части. Затем они в течение почти 40 лет дополняли ее по методу и схеме, выработанным погибшим настоятелем. Значительную часть этой работы проделали преемник о. Симеона по руководству возродившимися скитами о. Антоний, а также скитской иконописец и книжник о. Ефрем; немало потрудился и ученик о. Симеона, талантливый крестьянский писатель Афанасий Герасимович Мурачев<sup>8</sup>.

Одно из самых ранних (1958 г.) добавлений в текст Патерика с описанием разгрома скитов в 1951 г. принадлежит очевидцу, местному крестьянину Иерону Алексеевичу Потанину. Это составившая 38 главу первого тома Патерика Повесть о разгроме Дубчесских скитов<sup>9</sup>. В конце своего текста он рекомендует желающим узнать историю согласия обращаться к «Родословию» о. Нифонта, а свой труд называет дополнением этого «Родословия».

Очередная редакция Урало-Сибирского патерика была завершена в «лето 7471» (1962/1963). После этого несколько дополнений написал в 1964—1968 гг. о. Антоний, возглавивший возрожденный скит после смерти о. Симеона. Он же вместе с о. Ефремом продолжил работу о. Симеона по включению в патерик новых записей устных преданий о событиях

---

<sup>8</sup> О них см.: Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 278—313, 395—415; Духовная литература староверов востока России XVIII—XX вв. Новосибирск, 2005. Т. 2. С. 302—411, 536—556; Зольникова Н. Д. Мемуары А. Г. Мурачева, сибирского старовера-часовенного (конец XX — начало XXI в.) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV—XXI вв. Новосибирск, 2010. С. 213—288; Духовная литература староверов востока России XVIII—XX вв. Новосибирск, 2011. Т. 3. С. 151—306, 374—393.

<sup>9</sup> Название дано публикаторами. См.: Духовная литература... Новосибирск, 1999. С. 97—107.

XX в., сделанных скитницами м. Енафьей, м. Фаиной, м. Софьей, м. Акинфой, м. Фленой, а также о. Михаилом и другими. Целый ряд текстов Патерика написан и отредактирован А. Г. Мурачевым. Таким образом, Патерик постоянно подвергался доработке: шло его исправление и дополнение новыми повестями, при этом учитывались мнения и монахов, и мирян. Переписывался Патерик одновременно в скитах и в крестьянской округе, причем сразу в нескольких местах<sup>10</sup>. Так воплощался замысел задумавшего этот огромный труд авторитетнейшего скитского лидера первой половины XX в. о. Симеона, поставившего цель создать идейную защиту «верных христиан»-часовенных от мира грядущего антихриста и его слуг.

Завершающие 8 глав первого тома Патерика (включившие, в частности, жизнеописания знаменитого верхнеенисейского пустынноика о. Палладия и крестьянина И. А. Потанина) были написаны Афанасием Герасимовичем Мурачевым в 1991 г., это последняя известная нам сейчас дата работы над текстом Патерика. Правда, писал эти дополнения А. Г. Мурачев по нашей просьбе, и мы не знаем, было ли впоследствии согласовано со скитами их включение в Патерик или они остались только в экземпляре А. Г. Мурачева, копия с которого хранится в Собрании ИИ СО РАН.

Окончательный текст трехтомника вобрал в себя весьма разнородный материал. Сочинения старообрядческих писателей XVIII—XIX вв., включая урало-сибирских крестьянских авторов, используются преимущественно в первом томе, особенно в начальных его главах. В томах встречаются тексты, принадлежащие перу историков, краеведов, журналистов, писавших о старообрядцах-пустынниках Урало-Сибирского региона и о разных «чудесных событиях». Рассказы Патерика о делах и людях конца XIX—XX вв. основаны в первую очередь на разновременных записях устных преданий о них, делавшихся в самих скитах и в связанных с ними крестьянских домах, а также на авторских текстах составителей Патерика. Подавляющее большинство из тех сотен небольших фрагментов, на которые разнимается весь этот текст трехтомника, имеет четкие указания на авторство самих пустынноиков, их родственников и соседей. Это несколько десятков жителей скитов и сел востока России. Главы и их части вводятся обычно точным обозначением источника: «Поведа нам мать Антонида», «С письма матушки Фаины», «Поведа нам отец Макарий Ирюмский» (М. Т. Долгих), «С рукописи матушки Флины», «Поведа нам Александр Григорьевич» (Голдобин), «Аз, Петр, повествую сице», «Поведа дед Иларион Иванович» (Глухов) и т. д.

Исследуя проблему источников Патерика, можно отметить аналогию с отмечаемой Н. Ю. Бубновым для старообрядческих центров XVII в. на-

---

<sup>10</sup> О работе над составлением и перепиской Патерика в скитах и мирской округе см.: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные... С. 317—319.

чальной порой их литературной деятельности, когда активно использовались «архивы» общин<sup>11</sup>. Подобным образом составители нашего Патерика включили в его текст хранившиеся в «архиве» скитской общины послания о. Симеона, о. Антония и другие тексты.

Говоря о письменных источниках Патерика, подчеркнем их значительную широту — от Священного писания и предания до трудов историков XIX и XX вв., журналов и газет. Патерик, подобно Родословию о. Валентина и ряду исторических сочинений староверов других согласий, начинает свое повествование с первых событий христианской истории в мире и на Руси. На первой же его странице — интерпретация цитат из Евангелия от Матфея и бесед Иоанна Златоуста об этом Евангелии. Библия и святоотеческие тексты часто цитируются и далее, служа каждый раз отправным пунктом для оценок событий прошлого и современности. Таково, например, завершение рассказа вполне житийной 10 главы 2 тома Патерика, посвященной богоугодным делам мученицы м. Маргариты, захваченной при разгроме дубчесских скитов в 1951 г. и скончавшийся 21 марта 1954 г. в Минлаге (Коми АССР). В Патерике рассказывается, что благочестивая жизнь и светлая кончина мученицы произвели большое впечатление даже на «саму начальницу лагеря», которая, несмотря на строжайшие режимные запреты, разрешила желающим проводить тело праведницы до самого кладбища за пределами зоны. Повествуя на страницах Патерика об этом невероятном событии, почти чуде, соизница усопшей м. Тарсила (Т. Т. Горбунова) выделяет в заключение своего рассказа главное: «Воистину достойно удивления! Как прославляет Бог прославляющих его, яко прослави рабу свою, вдохнув такое благорасположенное чувство народу и “властям”, презиравшим всех узников “как осужденных”». И в подтверждение своего тезиса о том, что особое внимание к почившему праведнику — следствие «указания Божияго», авторы Патерика приводят приличествующую случаю цитату из Священного предания — сходный рассказ Федора Студита о кончине Иакова Исповедника. Сходство, конечно, весьма относительное — ни начальницы советского концлагеря, ни чуда с временным выходом провожающих из зоны в византийском тексте, конечно, нет. Но почтительное отношение «людей знатных обоего пола» к погребению Иакова Исповедника дает желаемое основание сибирским авторам для своей смелой параллели с древним агиографическим текстом<sup>12</sup>. Патериковый по типу рассказ о м. Маргарите не единственный, где святоотеческие тексты окажутся к месту при характеристике подвигов сибирских пустынников.

<sup>11</sup> Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 29.

<sup>12</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 11/90-г. Л. 25, 25 об.

Закономерно, что старообрядцы XX в. ссылались в своем коллективном сочинении на древние патерики: Синайский (Лимонарь), Азбучный и Киево-Печерский. Таким образом, у часовенных было что взять за образец для Урало-Сибирского патерика. Рассказывая о первых веках христианства на Руси и затем об отпадении Руси при Никоне в царство антихриста, авторы Урало-Сибирского патерика цитируют Книгу о вере; хорошо знакома им и Кириллова книга. Важное место среди литературных источников Патерика занимает и пласт старообрядческих сочинений XVII—XIX вв. Но значительное влияние их, как правило, сказывается опосредованно, через «Родословия» староверов-часовенных XIX в. и уральских авторов XVIII в.

Несмотря на единство замысла, вероучительных позиций и идеологии всех трех томов Патерика, каждый из этих томов имеет и свои специфические черты.

В первом томе бросается в глаза значительный удельный вес исторического повествования, подобно тому, как это было принято в некоторых древних патериках, включая русские. Л. А. Ольшевская вслед за Д. С. Лихачевым и В. В. Кусковым пишет в этой связи о взаимодействии двух жанровых начал в древнерусских патериках — «агиографического, ориентированного на вневременное и внациональное, и летописного, поэтизирующего конкретно-историческое». Это последнее начало в Киево-Печерском патерике представлено текстами о возникновении и первоначальной истории знаменитого монашеского центра. Той же цели служат разные формы документирования, «соотнесения агиографического рассказа с конкретно-историческим временем». Древние патерики выработали несколько приемов, при помощи которых житийные рассказы вставлялись в более широкий исторический контекст<sup>13</sup>.

В начальных главах первого тома Урало-Сибирского патерика историческое повествование преобладает, наблюдается определенная контаминация агиографического сочинения и жанра родословия. Упомянутая выше отсылка автора гл. 38 первого тома Патерика Иерона Потанина к Родословию о. Нифонта не случайна: этот памятник самым широким образом используется (цитируется или пересказывается) в предыдущих главах тома. Но еще важнее то, что о. Симеон сразу же, с первых листов сближает свой Патерик с Родословием часовенных постановкой главной задачи: доказать непосредственную преемственную связь своего согласия с основателем христианства и не прерывавшуюся передачу благодати от апостольской Церкви к героям глав Патерика. Эта задача обуславливает структуру и содержание первых 25 глав тома, охватывающих период от возникновения

---

<sup>13</sup> *Ольшевская Л. А.* «Прелесть простоты и вымысла...» // Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 237—239, 248.

христианства до игуменства о. Нифонта, причем последние строки гл. 25 являются цитацией последних строк Родословия о. Нифонта (написанных уже о. Саввой), а сам источник указан на поле<sup>14</sup>.

При всем обилии цитат из этого Родословия в первых главах Урало-Сибирского патерика, при использовании даже некоторых названий глав, труд о. Нифонта является не наиболее обильно цитируемым в этих главах. Он уступает здесь сочинениям нескольких «внешних» авторов (К. Н. Плотников, В. Санин, П. И. Мельников-Печерский и др.) и известному начетчику часовенного согласия А. Т. Кузнецову (24.10.1879 — 7.06.1938). Впрочем, статьи этого последнего в журнале «Уральский старообрядец», используемые в Патерике, в немалой мере базировались на Родословии о. Нифонта<sup>15</sup>. Но в любом случае первые главы первого тома Патерика по концепции, порядку и структуре ориентированы на Родословие, даже если конкретное наполнение этих глав во многом уже заимствовано у «внешних» авторов.

Заимствованием концепции Родословия о. Нифонта (и его источников XVIII в.) объясняется и то, что первая глава первого тома посвящена созданию апостольской церкви и крещению Руси при князе Владимире Святом, а вторая глава повествует о сохранении древней благодати истинной православной веры у старообрядцев-поповцев XVII—XVIII вв.; это подводит читателя непосредственно к рассказу об основателе согласия керженском о. Софонии в гл. 3 и истории беглопоповщины в различных ее центрах, включая Урал.

Характерно, что в начале начал всей этой цепи — творческий акт самого Христа, созидающего истинную Церковь: в предисловии говорится о «неразрушимом пребывании христианского рода до скончания века», основывая этот постулат на знаменитом 18 стихе 16 главы Евангелия от Матфея: «Ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь мою и врата ада не одолеют ей». Формула эта нужна и для того, чтобы вновь разъяснить принципиальное положение всего беспоповского староверия о том, что истинная Церковь зиждется на вечной духовной субстанции — вере, а не на «частях вещественных», подверженных разрушению. Далее тема эта будет развиваться известными стихами из Евангелия от Луки о вечности истинной веры (Лк 21: 22—23), из Евангелия благовестного (с толкованиями Феофилакта Болгарского на упомянутые стихи). А в рассказе о крещении Руси дойдет очередь и до цитат из Книги о вере<sup>16</sup>. Эту тему подробно развивал еще о. Симеон в 1930-е гг. в своем полемическом сочинении

<sup>14</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 4/90-г. Л. 66 об.

<sup>15</sup> Об А. Т. Кузнецове см.: *Клюкина Ю. В.* Старообрядцы-часовенные Урала в конце XIX — нач. XX вв. // *Очерки истории Урала и сопредельных территорий.* Екатеринбург, 2000. С. 91—92, 96, 107.

<sup>16</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 4/90-г. Л. 4.

против «австрийских». В Патерике основная мысль этого сочинения стала частью той самой назидательной составляющей, которая обязательно присутствовала во всех патериках.

За хронологическими пределами, которые охватывает Родословие о. Нифонта (с продолжениями о. Саввы и о. Симеона, включенными в Патерик — гл. 26, 27, 35), характер глав первого тома постепенно начинает меняться. В них вырастает удельный вес устного по происхождению материала, столь характерного для патериков вообще. Издревле его поставщиком служил монастырский и другой фольклор<sup>17</sup>. И до этого в известия упомянутых печатных и старых (XIX в.) рукописных источников первого тома от случая к случаю вплетаются рассказы обитателей Дубчесских скитов, а также их письменные фиксации, сделанные при подготовке Патерика «по заказу» его создателей. После посвященной о. Савве гл. 27 эти источники начинают явно преобладать в главах начального тома и другие уже почти не встречаются. Одновременно все строже проводится патериковый принцип формирования каждой главы из устных и письменных рассказов разных лиц о каком-то одном пустынножителе.

На основе собственных воспоминаний и рассказов других участников событий написана упоминавшаяся Повесть о разгроме Дубчесских скитов И. А. Потанина. Мы уже цитировали и будем цитировать этот удивительный памятник, содержащий рассказ о трагических для пустынников событиях 1951 г. По жанру это цельное историческое повествование, посвященное одному конкретному сюжету, ограниченному узкими хронологическими рамками этого года<sup>18</sup>. Подобный жанр исторической прозы является достаточно древним на Руси, как и сюжет разгрома оплота православия неверными — вспомним хотя бы Повесть о взятии Царьграда турками Нестора Искандера (XV в.). Стиль Повести о разгроме Дубчесских скитов, сочетающий древнерусскую лексику и синтаксис с реалиями «века-волкодава», вполне уникален в современной отечественной словесности и производит сильное впечатление. Рассказ о набеге на тайные убежища мирных пустынников в полном соответствии с реальными фактами выстроен и преподан И. А. Потаниным в традициях агиографического жанра, той его разновидности, которая посвящена повествованиям о мучениях праведников<sup>19</sup>. Рассматриваемая как отдельная повесть, гл. 38 достаточно традиционна в старообрядческой письменности: напомним хотя

<sup>17</sup> *Ольшевская Л. А.* «Прелесть простоты и вымысла...». С. 247, 248.

<sup>18</sup> Переселению на Дубчес внимание в гл. 38 уделено минимальнейшее, и Патерик затем будет возвращаться к нему в главах, связанных с о. Антонием.

<sup>19</sup> О попытках классификации патериковых рассказов по тематическому признаку (Н. В. Водозов), по типам его героев (Д. С. Лихачев), по «сущности их религиозно-нравственных подвигов» (В. А. Грихин), среди которых — и мученичество за веру, см.: *Ольшевская Л. А.* «Прелесть простоты и вымысла...». С. 248, 249.



бы «Историю об отцах и страдальцах Соловецких» С. Денисова. Подобно этому весь Патерик имеет переключки с «Виноградом Российским».

Завершающие шесть десятков листов первого тома (гл. 39—58) чаще всего приближены к повествованиям собственно агиографического характера: каждая глава посвящена подвигам одного лица. Но и здесь, как, впрочем, бывало и в древних патериках, перемежаются главы с разными типами организации материала. Так, о Симеону посвящены три главы — 39, 40 и 41. Первая из них стремится подражать классическому житию (хотя и не включает многих его составных частей). Рассказ начинается с самого рождения будущего игумена, далее говорится о его возмужании, обучении грамоте, любви к душеполезному чтению, уходу в пустынь и т. д. — вплоть до его кончины в советском концлагере. В конце приводится список его 9 сочинений и воспоминания пустынников о нем, в том числе о «монастырском уставлении» о Симеона, его борьбе с дьяволом и помыслами, насылаемыми последним на молящегося. Отсюда — плавный переход к гл. 40 и 41, посвященных чудесам. Это в целом соответствует патериковой традиции: после жизнеописания (иногда неполного) святого, как правило, рассказывается о связанных с ним чудесах, посмертных явлениях, исцелениях от его мощей, могилы, других сакралий. В классическом патерике эти сюжеты могут быть объединены в одной главе с житием святого, а могут быть выделены в отдельное «сказание». Но в Урало-Сибирском патерике эта структура имеет и свои особенности. Так, в гл. 40 излагается рассказ самого о Симеона (с дополнениями других лиц) о событии, в котором проявилась «непобедимая крестная сила». И здесь подвижник выступает не как главное действующее лицо, а только лишь как человек, оглашающий чудо, произошедшее даже не с ним самим. А вот следующая гл. 41 содержит уже несколько рассказов о Симеона, в которых он сам является проводником божественной силы. Речь в них идет о контактах с одержимыми бесом, причем их поведение соответствует традиционной реакции бесноватых на столкновение со святым подвижником. В конце 41 главы помещен рассказ о явлении о Симеона в моленной женского скита во время панихиды в день его памяти, вполне соответствующий патериковой традиции. И в дальнейших главах первого тома мы встретим и цельные рассказы о том или ином пустынноике, и повествования об отдельных связанных с ним «чудесных событиях» (например — гл. 48 «О бесовском действе в заслонке», гл. 49 «О изступлении» — видения от приема конопля, гл. 51 — «О избавлении от плена»). Героями большинства глав по-прежнему являются пустынники, но иногда среди них вдруг оказываются и пустынницы (гл. 46 о м. Павлине) и даже обычные крестьяне (упомянутая гл. 50 и гл. 51, герой которых — «деда Иларион Иванович» — Глухов). Реальная жизнь вторгается в ткань повествования куда смелее, чем в древних патериках, ломая структуру жанра.

Из всех томов трехтомника второй том, посвященный старицам, ближе всего к традиционному патерику. Вместе с тем примечателен не вполне традиционный замысел таежных агиографов создать отдельный том как своеобразный «женский патерик». Из 52 глав второго тома крестьянского патерика лишь одна небольшая (л. 1—5) посвящена общему очерку истории женских скитов Урала и Сибири, а остальные являются либо «житиями» пустынножителей, либо описанием одного или нескольких чудес, коим они были свидетельницами. Причина краткости и неполноты исторического очерка (гл. 1) объяснена в первых же строках тома:

«Древняя родословна стариц нам не извесна, до нас не дошло никаких старых рукописей о их родословии. Но токмо лишь о последних старицах от устных преданий, елика слышаху от сожительствующих, и елика сами видеша старицы мать Флена и мать Анатолия и по нашему прошению написаша, мы же с их рукописей и от повествования матери Акинфы собрахом и еще к тому достойная памяти неких деяния и душеполезныя повести приложивше написахом». На деле число авторов глав второго тома отнюдь не ограничивается этими тремя именами, кроме них своими воспоминаниями делятся многие другие старицы и старцы, а также несколько крестьян.

Здесь же, на л. 1 второго тома следует важное разъяснение. Так как «старицы, хотя и имели своих игумений, но были под управлением духовных отец, засвидетельствованных в Родословной, и от них получали благословение», в этом томе (в отличие от первого) не ставится задача проследить преемственность духовную, но только «потомственное преемство» управления женскими скитами.

Исторический очерк второго тома, не основанный на глубокой письменной традиции, не может погружаться в глубину веков. Повествование и гл. 1, и всего тома, как правило, не относится ко времени ранее 90-х годов XIX в., лишь изредка касаясь событий 1880-х гг. Да и для этих десятилетий XIX в. рассказ Патерика весьма далек от полноты. Он, за несколькими незначительными исключениями, касается лишь тех двух пустынножительных центров Урала, обитательницы коих (или их преемницы) были представлены в Кольванской тайге и на Дубчесе. Это Сунгульский скит матушек Феклы, Елены и Мелетины, возникший в 1901—1902 гг., и Пермский скит (на Сылве, близ дер. Кедровки) другой м. Мелетины, основанный инокинями и схимницами Феодорой и Зинаидой не позднее 1880 г., причем ранняя история этого последнего скита дана весьма фрагментарно. Скитницам Сунгульской пустыни уделено больше внимания, чем обитательницам Пермской, ибо многие из них были родственниками руководителей и иноков скита отцов Максима — Нифонта — Саввы — Симеона — Антония и выходцами из тех же крестьянских семей Людиновских, Лаптевых и др.

Из 51 следующих глав второго тома Патерика 29 являются «житийными» повествованиями, озаглавленными как правило «О матери (такой-то. — *Н. П.*)», а 22 главы посвящены различным чудесам, видениям, связанным с обитательницами скитов, и чаще всего озаглавлены «О чуде (знамении, явлении и т. д. таком-то. — *Н. П.*)». Деление это несколько условно, ибо в «житийных» главах немало рассказов о сходных чудесах и не всегда эти главы описывают всю жизнь подвижницы, а нередко — лишь несколько «чудесных событий» из этой жизни. Главы второго типа концентрируются большей частью в конце тома, после гл. 33.

Авторы Патерика соблюдали законы жанра, включая в жития первых двух томов для достоверности сообщения о времени и месте рождения героя, его родителях, фактах биографии. Последние по большей части служили обязательному свидетельству о монашеском подвижничестве. Особенно подробно рассказывалось о болезнях и смерти; с ними связывалось немало чудес, которые говорили об избранности человека и спасении его души. Авторы Патерика, конечно, сознавали, что речь идет не о «настоящих» святых (при отсутствии церковной иерархии не могло быть речи о новой канонизации), а о тех, кто общиной воспринимался либо как святой, либо как человек, считавшийся удостоившимся спасения.

Своеобразие Урало-Сибирского патерика, его важное отличие от классических образцов жанра, которым пытались подражать в сибирских скитах, в какой-то мере обусловлены спецификой воинствующего государственного атеизма нового столетия. В советские годы скитожителем и их крестьянским единоверцам очень важно было не просто прославить богоугодные деяния известных отцов и матушек, не только присовокупить к ним рассказы о подобных же делах, благочестивой жизни некоторых мирян, но и всячески противопоставить государственным обличениям любой веры в Бога, чудесные явления, загробное существование души и т. д. Отсюда то направление литературного творчества о Симеоне и его последователей, которое нашло свое отражение во втором самоназвании Патерика: «Повести чудесных событий».

Рассказы о чудесах составляют весьма важную часть всей агиографии. Но именно в советское время противостояние с официальной атеистической идеологией является столь острым, что подобные рассказы приобретают особое звучание. В составе Патерика они уже далеко не всегда привязываются к изложению жизни того или другого инока, подвижника, приобретая все более значительную самостоятельную ценность, служа опровержением разных сторон антирелигиозной пропаганды. Одновременно и повествования о чудесах, связанных с именами известных общехристианских или православных святых, их небесным заступничеством за искренне верующих, в Урало-Сибирском патерике подчас уже не выполняют задач чисто агиографических, они могут не иметь никакого от-

ношения к скитожителям. Политические реалии века породили еще одну группу текстов Патерика, связанных с чудесным наказанием за богохульство представителей атеистических властей или вообще людей советского образа жизни. И хотя общий смысл сюжета подобных рассказов весьма распространен в раннехристианской агиографии, все реалии, как и конкретные детали сюжета, продиктованы новой современностью. Традиции и новации переплетаются здесь подчас довольно причудливо.

Так, вполне обычный для христианской литературы (включая агиографию) мотив недопустимости работы в церковные праздники получает в Патерике несколько разных воплощений, продиктованных советской действительностью и неизбежно носящих более или менее острую политическую направленность против советских властей или советского атеистического образа жизни. В гл. 10 второго тома Патерика, повествующей о монашеских подвигах и мученической кончине в советском концлагере м. Маргариты, особо подчеркивается, что в лагере матушка «в праздники не работала, аще и принуждаема бе, и наказуема тюремным заключением»<sup>20</sup>.

Уже из приведенных текстов Патерика видна одна важная его особенность. Хотя он не содержит развернутых, последовательных историософских схем, посвященных объяснению событий XX в. (эту задачу решают другие сочинения часовенных), на его страницах нашли то или иное отражение многие ключевые социально-политические события нашего бурного времени: коммунистический «переворот» 1917 г. (термин Патерика), гражданская война, коллективизация с ее неизбежным следствием — голодовками, раскрестьянивание, идеологические репрессии, лагерная жизнь. И отношение ко всему этому вполне однозначное — недаром следователи МГБ с полным правом считали захваченные ими подготовительные материалы к Патерику важными «вещдоками» на политическом процессе 1951 г. Тот факт, что перед нами не просто агиография, но агиография, проходившая по ст. 58-10 УК РСФСР, существует не только для заплечных экспертов бессмертного ведомства НКВД—МГБ—КГБ, но и для нормального исторического анализа. Традиционная житийная литература, бытовавшая среди православных нашей страны, имела продолжительную, зачастую многовековую историю жизни, развития своих текстов от редакции к редакции. При этом, как правильно отметил еще В. О. Ключевский, наблюдалась тенденция замены конкретного, детального описания реалий (особенно — как-то отражавших злобу жизни) стандартными этикетными штампами, вполне соответствовавшими вечным истинам христианства, но мало что говорящими историку о специфике момента<sup>21</sup>. Подобный про-

<sup>20</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 11/90-г. Л. 25.

<sup>21</sup> *Ключевский В. О. Древнерусские жития...* С. 427—438.

цесс шел и в сибирской литературе XVII в.: как обнаружила Е. К. Ромодановская, при переработке канцелярских документов об Абалацкой иконе в литературный текст — сказание об этой иконе, в первую очередь происходила замена конкретного описания реалий на обобщенные этикетные формулы<sup>22</sup>.

В Урало-Сибирском патерике, авторы которого старались тщательно следовать за византийскими и древнерусскими образцами, употребление этикетных формул соседствовало с широким набором реалий — хронологических, географических, персонально-семейных, бытовых и, конечно же, политических. Поэтому правильно будет отметить, что это творение енисейских пустынников и крестьян получилось, при всем богатстве этикетных формул и вневременного нравоучительного материала житийного типа, гораздо более политизированным, чем древние жития после их многовековой обработки в традиционных рамках жанра. Однако, конечно, для старообрядческой агиографии такая заостренность, характерная уже для первых расколоучителей, была нормой, несмотря на отмеченную нами тенденцию к некоторому ее сглаживанию.

Можно отметить еще несколько линий (либо являющихся в рассказах Урало-Сибирского патерика сюжетообразующими, либо сопутствующими основному сюжету), наиболее тесно связанных с отношением авторов Патерика к политическим реалиям своего века. Назовем в этой связи рассказы или отдельные упоминания о богохульном поведении представителей власти, коммунистов, комсомольцев, кадровых госслужащих, о государственном терроре, репрессиях, всевозможных насилиях властей, о душепагубности вступления в колхозы, кооперативные союзы и общества, об уловлении душ антихристом через советские средства массовой пропаганды и через такую соблазнительную приманку, как пенсии.

Кульминацией всей этой неизбежно политизированной линии Патерика, сочетающей в картинах исключительно жестоких гонений за веру древние агиографические каноны и детализированное описание реальных событий XX в., является глава 38 первого тома Патерика — один из самых ярких текстов всего памятника. Нельзя удержаться, чтобы не привести небольшую часть этого повествования крестьянина И. А. Потанина о трагических днях уничтожения «христианоненавистным полком безбожных варвар» святых обителей по Дубчесу. Весь этот рассказ начитанного енисейского старовера демонстрирует его поразительную попытку изложить языком древнерусских обличений эпизод постыдной истории сталинских репрессий: «По первому требованию от старших отряда было дать им пищи, накормить всех пришедших, близ 40 человек. Сие сотвориша смиреннии старицы,

---

<sup>22</sup> Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. Новосибирск, 1973. С. 137—159.

всех накормиша и напоиша. А место для отдыха они, зверонравнии богохульницы, избраша часовню, где по прибытии сразу же сия красоту обнажиша, святые книги и иконы попираху и сожигашу; аще и не вси первее, но егда по отъезде вся сожгоша, келии и книги и иконы — разве аще негде Божиим благоволением остана или сокровени быша негде. Зде явная мерзость запустения творящееся от них на месте святе<sup>23</sup>, скверными своими руками всю святыню истребляюще, богохульными словесы и скверными неизглаголанными сквернословии нсмечающеся и табачным дымом всюду обдыхающе, аки пси ненасытнии сего сосуще, никогда же насытятся, и аки мотыло смердяще. И прочая наругания и посмеяния неизчетная творяху над всеми обычаи христианскими и утварми церковными. Како стерпе милосердый Господь, за такое беззаконие не казни их, не повеле земли пожрети сих живых? Великое милосердие Божие долготерпит о всем<sup>24</sup>.

В «житиях» трехтомника встречается ряд сюжетов, не обязательно присутствующих при характеристике каждого пустынноика, но тем не менее весьма желательных и важных для создания обобщенного образа обитателей святой скитской земли (в староверческих деревнях Тувы приходилось слышать, как крестьяне именно так называли эту землю, мотивируя свое желание умереть в ней и загодя готовя себе в скиту домовину). К числу таких сюжетов относятся и рассказы о примерном трудолюбии скитожителя, о соблюдении в пустыни древнего принципа прокормления трудом рук своих, заветов апостола Павла и Ефрема Сирина. Напомним, что тема эта веками была одной из самых важных в истории российского монашества, причем не раз сторонники аскезы напоминали обитателям богатых процветающих монастырей эти принципы и авторитетные примеры жизни знаменитых древних старцев и их поначалу скромных обитателей. Напомним также, что о ежедневном обязательном труде монахов дважды повествуется одинаковыми словами в открывающих Киево-Печерский патерик Житиях преп. Антония и Феодосия: «Ежедневно работали они своими руками, плели волну (шерсть. — *Н. П.*) и исполняли другия ручныя работы, которыя носили в город и продавали ... другие же в огороде копались, выращивая овощи»<sup>25</sup>.

Об образцовом возделывании огородов пустынноиками и вообще скитском земледелии в подчас нелегких почвенно-климатических условиях свидетельствуют авторы ряда текстов Урало-Сибирского патерика<sup>26</sup>. Отец

<sup>23</sup> См.: Мф. 24:15; Мк. 13: 14.

<sup>24</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 4/90-г. Л. 94 об.—95; ДЛ. С. 100.

<sup>25</sup> Киево-Печерский патерик. М., 1999. С. 71; см. также: Житие Феодосия Печерского // Начало русской литературы. XI — начало XII в. М., 1978. С. 330—331.

<sup>26</sup> Плоды этого труда неизменно наблюдали археографы в своих экспедициях в скиты, нередко и вкушая от них у гостеприимных матушек. Наряду с огородами почти во всех скитах мы видели и хорошие пасеки.

Антоний, восхваляя в гл. 46 первого тома Патерика, посвященной келарю о. Георгию, его монашеские подвиги (он скончался голодной смертью при переезде на Дубчес), особенно подчеркивал каждодневный, не исключая и праздников, труд хлебопека, повара и огородника:

«А хлеб пек зело хороший, корки никогда у хлеба толстой не было, и сырого тоже не было. И всю пищу приготавливал вкусно для питания братии. И был добр огородник, вся овощь у него росла хорошо. Ботун во все лето не приедали, даже и ко старицам носили и на зиму насаливали. Лук у него рос крупный, и капуста тоже росла, хороши вилки и крупны. Словом, что умел ходить за огородом. Весной, как только отпуст отпустили вечером, и отец Георгий сразу тут же в моленной кладет поклоны и благословляется у отца, и идет полевать капусту и прочия овощи, и никогда не скажет, дабы кто-то ему помог»<sup>27</sup>.

Непрерывных тяжких трудов требовало от пустынножителей освоение все новых лесных земель в процессе постоянной миграции. Это лейт-мотив всей истории согласия. Напомним те слова, которыми в Патерике описаны непосильные труды двух девиц-пустынниц с р. Еловой Красноярского края, скрывавшихся в тайге от «мобилизацый». Брат одной из пустыниц писал о том, что там, где не слышался более ничей голос, кроме небесных птиц, девицы «сами стали беспечальными птицами и конечно скинули с себя ярмо “житейских суетий”». И, однако, «беспечальным птицам» пришлось одним тянуть всю мужскую работу, создавая натуральное хозяйство на неосвоенной земле. И этот обыденный крестьянский подвиг трудниц воспет словами высокой поэзии: «И кто исповест ихнюю веру и надежду на Бога? И кто исповест труды и лишения?»<sup>28</sup>.

Во втором томе Патерика трудолюбие отмечается в качестве важной добродетели для многих пустыниц, например — для м. Александры, м. Тавифы, м. Валентины, м. Фаины, м. Анисьи. В гл. 7 второго тома повествуется об особом трудолюбии м. Македонии (крестьянки Мариамии Петровны из томской «Белобородовой» тайги), неустанно переписывавшей древние книги: «Писать была гораздая, добро и скоро писала и вот у ней была ета работа, все время писала, что отец (Израиль, затем Антоний. — Н. П.) заставит. Много книг — цветников, акафистов и канонов написала. И писала с великим тщанием и трудом, как она сама написала в конце книги Великого зеркала в выходе: “Сия богодухновенная книга, нарицаемая Великое зеркало, начата бысть великим тщанием преписоваться в лето 7434, декабря 15, совершена же бысть великими трудами того же лета, апреля 30-го (30 апреля 1925) с книги Зеркала же древлеписменныя, 367 листов”»<sup>29</sup>.

<sup>27</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 4/90-г. Л. 113.

<sup>28</sup> Там же. № 5/91-г. Л. 152.

<sup>29</sup> Там же. № 11/90-г. Л. 14 об.—15, 70, 86, 87 об.

Наряду с перепиской древних книг м. Македония трудилась и над составлением и размножением собственных «душеполезных чудесных повестей», целый ряд которых помещен в Патерике (т. I — гл. 20, т. II — гл. 3, 6, т. III — гл. 27, 28). Но многие ее сочинения были захвачены карателями в 1951 г. и уничтожены «руками сильных мира сего». Отец Антоний рассказывает о писательском и писцовом трудолюбии м. Македонии, которое, как он считал, было вознаграждено удивительным чудом, о котором и рассказывает в той же гл. 7. Когда ей было уже «близ ста лет» (скончалась м. Македония, дожив до 108 лет), она стала плохо видеть, «человека плохо узнает, точию близ. А пишет — без очков!» Она так объяснила это о. Антонию: «Вижу светлый клубочек, и он мне освещает, егда пишу». В Патерике отсюда делается вывод, что м. Македония за свое трудолюбие «сподобися благодати Божия»<sup>30</sup>.

Патерик приводит и некоторые общие положения об обязательности для пустынножителей неленостного труда, восходящие и к традициям раннехристианского и византийского аскетизма (Ефрема Сирина, Феодора Студита, Симеона Нового Богослова), и к авторитету Киево-Печерских монахов и Сергия Радонежского, и к заветам прежних игуменов скита отцов Максима — Нифонта. В гл. 39 первого тома Урало-Сибирского патерика, посвященной о. Симеону и его духовному наследию, о. Антоний после рассказа об уставных требованиях о. Симеона о молитве, добавляет:

«Отец Симеон не любил запаздывать на работе и вообще старался содержать по возможности обычай и порядки отца Савы. Да еще сей отец Симеон надпоминал: Аще кто будет провожен на некую работу или дома, и аще будет работы на час или два, и не растегать дело на полдня, или будет дела на полдня, и не растегать ето дело на весь день — и се будет леность и небрежение, но потщимся окончить дело во свое время. И приди, извести о окончании дела, и тогда тебе дадут ино дело. Аще не будет дела, тогда проводят на молитву. Се и отец Сава говаривал: “Занеже нужно есть царствие Божие и нужницы восхищают е”»<sup>31</sup>.

В Урало-Сибирском патерике не могли не отразиться представления пустынножителей и урало-сибирских крестьян, связанные с картиной потустороннего мира и его взаимоотношениями с миром живых. Очень часто они выражались в видениях о потустороннем мире, о которых рассказывают повествования Патерика о посмертных судьбах тех или иных усопших — знакомых визионера. Для Урало-Сибирского патерика особенно подходили подобные свидетельства о блаженном пребывании в раю урало-сибирских пустынножителей, героев памятника. Наиболее красочными в Патерике явля-

<sup>30</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 11/90-г. Л. 15 об.

<sup>31</sup> См. также: *Зольникова Н. Д.* Сибирские писатели-староверы XX в. // Проза Сибири. Новосибирск, 1996. № 1. С. 270.



ются подобные видения, относящиеся к м. Досифее, в миру — тюменской крестьянке Доминике Савельевой (Савишне) Устиновой (1885—1966). До 1928 г. она жила со своим мужем, крестьянином-«средняком», в Упоровском районе Тюменской обл. (недалеко от Исетско-Ирюмского центра староверия); в 1928 г., спасаясь от коллективизации, Устиновы продали свое хозяйство и переехали туда же, куда и многие пустынноики — в Колыванскую тайгу, в Пудинский сельсовет. Семья эта помогала скитам и перебиралась вместе с ними сначала на Безьянку, а затем на Дубчес. В 1951 г. она была захвачена в скиту м. Тавифы вместе с двумя дочерьми, но на следствии проходила как свидетельница и была отпущена, позднее была пострижена в скиту м. Анатолии — м. Тавифы, где и скончалась. Другая обитательница этого скита м. Тарсила, долго болевшая после пребывания в концлагере и скончавшаяся в том же 1966 г., что и м. Досифея, через 3 месяца после нее, рассказывала скитницам о своем видении после смерти м. Досифеи. «Мать Тарсила видела во сне старца, похож на иконе святитель Никола, и видит домик zelo светлый, и внутрь малою скважнею зрит, что пол золотом и серебром блестит. И говорит старец: “Матере Досифее обитель готова, и пол послали, можно переводить”. И проснулась, говорит: “Очень стало обидно мне — а я, видно, не готова, мне надо трудиться еще более”»<sup>32</sup>.

Дважды в Патерике одними и теми же словами рассказывается о сходном видении «деда Логина», отца м. Елены. 15 ноября 1958 г. в долгом и сложном видении о загробном мире он «видел обитель прекрасную матери Досифеи и говорит: “Не сказать красоты ея, уж шипко хороша, мать Досифея прежде пойдет в нее”»<sup>33</sup>. Таковы крестьянские представления о рае и райских чертогах для праведников.

В рассказе второго тома Патерика об обстоятельствах пострижения м. Афанасии (в миру — девицы Анисьи, преемницы м. Мелетины Сунгульской по руководству скитом — уже после переселения на Парбиг) есть слова о райских одеяниях праведников. Будущая м. Афанасия много лет ухаживала за заболевшей племянницей м. Мелетины м. Анисьей (в миру Агафьей). После своей смерти эта последняя явилась во сне своей заботливой сиделке «вся в золотой парче и в золотом перстне. Девица Анисия спросила ее (мамушку Анисию. — Н. П.): “Кто тебе даде такое одеяние?” Она ответила, что “Мать Мелетина сие мне даде. Ты у ней проси — и тебе даст”. Тогда Анисии прииде желание получить ангельский чин, и наречена бысть по накрытии: черница Афанасия»<sup>34</sup>.

Мать Акинфа (в миру Агафья Ивановна Черепанова, уральская крестьянка, затем черноризца Сунгульского скита) в видении узнала о за-

<sup>32</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 11/90-г. Л. 84, 84 об.

<sup>33</sup> Там же. № 5/91-г. Л. 113; № 11/90-г. Л. 83.

<sup>34</sup> Там же. № 11/90-г. Л. 9, 9 об.

гробной судьбе незадолго до этого скончавшейся м. Александры. Эта последняя, в миру Агриппина (1925—1965), с 16 лет была в дубчесском скиту м. Тавифы, стала там келарем, много работала — и топором, и иглой, и кистью и пером; во время разгрома скитов в 1951 г. совершила смелый побег из-под ареста; автор красивых посланий, включенных в Патерик). В сороковой день ее кончины м. Акинфа видела во сне м. Мелетину Сунгульскую, а также «родительницу о. Антония и м. Тавифы», м. Маргариту (обе давно скончались), а поодаль стояла м. Александра, «веселая». «Я спросила у матери Мелетины, — пишет м. Акинфа, — где находится мать Александра? Она сказала, что мать Александра с нами определена в одной обители, но теперь еще не пребывает с нами, зане еще в сорочинах»<sup>35</sup>.

Таким образом, по представлению м. Акинфы, на небесах существует обитель, скит, где собираются из земного скита все «свои» праведники. Впрочем, составителям Патерика не вполне ясно, сохранится ли в небесных скитах деление, существовавшее между земными скитами. Во время бесконечных преследований и миграций по урало-сибирским просторам скиты не раз разделялись и объединялись в разных сочетаниях. Представление о «своей семье» пустынножителей сохранялось долго, но все же постепенно размывалось. И та же м. Акинфа, которую мы только что цитировали, записала для второго тома Патерика следующее видение. Уже в 1967 г. у стариц возникли споры «в части разделения семей» — не лучше ли соединиться разным женским скитам в одну обитель? И было видение м. Акинфе во сне. Ей явилась умершая за десять лет до этого м. Валентина (1893—1957, в миру Вера Григорьевна Тюрина, из семьи пермских заводских рабочих, пострижена в 1911 г. в известном Пермском скиту м. Мелетины Кунгурской; в 1932 г., перебравшись в Колыванскую тайгу, соединилась с матушками Сунгульского скита, близ Безымянки на Обско-Енисейском канале, стала игуменьей остатков Пермского скита, арестована в 1951 г. близ Дубчеса, после освобождения возглавила скит на р. Чуне Иркутской обл.). М. Валентина, соединившая в своей биографии принадлежность к обоим женским скитам, переместившимся из-под Сунгула и Сылвы в Колыванскую тайгу, затем под Безымянку и на Дубчес, укорила м. Акинфу: «Что вы размышляете: “Ети нашей семьи, а ети — не нашей. Сие не полезно есть. Мы все в одной обители”. И показала перстом на восток, и сказала: “Смотри, где мы находимся”. Я зглянула — и вижу неисчетно множество венцов разноцветных, аки множество звезд, или когда солнце играет»<sup>36</sup>.

Некоторые из видений повествуют о загробной судьбе не только пустынников, но и мирян. Таково довольно обширное и сумбурное видение Агнии Филимоновны, родной тетки м. Софии (в миру Секлетины Анисии

<sup>35</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 11/90-г. Л. 75, 75 об.

<sup>36</sup> Там же. Л. 96—96 об.; Архив УФСБ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 6. Л. 18—18 об.

мовны Катаевой, из семьи парбигских крестьян-«средняков», ушедших вместе со скитами на Дубчес, где она была пострижена в 1950 г. о. Антонием). Агния болела, «обмирала на 3 дни», а придя в себя, описала свои видения этих дней в письме к племяннице, а та прислала это письмо для второго тома Патерика (гл. 29). В этом рассказе перемешалось многое — и загробная «огненная река, зело шумящая и воняющая», которую Агния переплывала на коне, и картина начала Страшного суда, когда мертвые уже воскресли и небо разверзлось, а душа Агнии вымаливает у Богородицы заступничество перед Христом-судией, и двое светоносных мужей, водивших Агнию по аду и раю. И вот тут-то она и увидела знакомых. В «темных домиках» мучаются скупые хозяева, у которых Агния когда-то квартировала; один из них, некий Григорий, утопленник, «стоит на льду босой и нагой» — вода не смыла с него грехи, как это бывало с другими персонажами Патерика. Савватий, муж сестры Агнии, нечаянно застрелившийся, сидит в котле, «руки поднял вверх, просит молиться» за него. Далее поясняется, что «Савватия отпустят, он только до Страшного суда» — Агния и Софья явно полагают, что приговор частного суда может быть не окончательным, может расходиться с приговором Страшного суда, особенно если на земле молятся за прощение грехов усопшего. В соседнем котле принимает муки «наш сват Бакулев Михаил», о его дальнейшей судьбе ничего не сказано. В раю Агния видела, как о. Савва о чем-то советовался с тремя святителями — Василием Великим, Григорием Богословом и Иоанном Златоустом. А рядом — «хороший домик, весь в цветочках», из коего приветствовать Агнию вышла ее мать Прасковья Ивановна и сестра матери Зиновия Ивановна (в Патерике здесь подстрочное примечание о благочестивой жизни обеих). Видение Агнии заканчивается весьма прозаически, что отнюдь не вредит в сознании составителей Патерика его сакральному смыслу: визионерка «с радости» заговорила с матерью и теткой, но тут «на меня заворчал муж, и я проснулась, и оказалась в избе».

Интересно, что Агния сама подчеркивает влияние на свои видения «книг ... о страшном суде и о муках», хотя и утверждает, что читала «Златоуст» и другие подобные книги уже после главного видения, прибавляя, что всего, что она видела на небе, ей там «не велели сказывать»<sup>37</sup>. О видениях Агнии после чтения книг о Страшном суде Патерик умалчивает, но и в изложенном видении можно заметить влияние традиционной христианской литературы, весьма популярной у староверов. Первой книгой, которую новосибирская археографическая экспедиция обнаружила на Енисее в 1968 г., была лицевая перепечатка Жития Василия Нового и видения ученика его Григория с описанием и изображением загробных мытарств (хождение Феодоры по мытарствам).

<sup>37</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 11/90-г. Л. 100, 100 об.

«Видение Агнии» — один из трех помещенных в Патерике текстов, где не просто говорится о посмертной судьбе близких и знакомых, но и дается какая-то более или чаще менее связанная картина потустороннего мира. В ней переплетаются и постулаты православных догматов, и образы святоотеческой византийской и древнерусской литературы, канонической и апокрифической, и фольклорные мотивы, в том числе — широко распространенных на Урале и в Сибири духовных стихов. Эти огромные многовековые пласты общественного сознания и книжности, несомненно, влияли на рассказы Патерика, хотя фрагментарное изложение и довольно случайный подбор сюжетов на эту тему в трехтомнике позволяет сделать лишь отдельные наблюдения.

Все эти рассказы визионеров в Патерике вполне находятся в русле православной книжной и фольклорной традиции. Описание райского блаженства праведников, красот райского сада книжники-староверы находили, например, в очень популярном на Руси Житии Андрея Юродивого (Великие Минеи Четьи, 2 октября). О загробных мучениях грешников дифференцированно по разным группам грехов говорилось в очень многих святоотеческих и апокрифических памятниках. Из первых назовем, кроме упоминавшегося уже Жития Василия Нового, и весьма ценимое староверами Слово Палладия мниха о втором пришествии, а из вторых, конечно же, в первую очередь — Хождение Богородицы по мукам, где перечислены многие группы грешников<sup>38</sup>. Конкретные пути влияния всей подобной литературы (как и иконописи, храмовой живописи, книжной миниатюры) на весь рассмотренный комплекс текстов Патерика, конечно, не поддаются выявлению, но само это влияние бесспорно.

Из других тем Патерика остановимся вкратце на популярном в древнерусской литературе и фольклоре сюжете о потаенных частях земного мира, таинственно связанных с миром потусторонним, о чудесно исчезающих святых местах, о звучащем в лесу колокольном звоне давно разрушенного скита. В частности, А. А. Панченко в своей упомянутой выше работе немало места посвятил анализу преданий о скрытых (провалившихся) церквях и монастырях, граде Китеже и т. п., усматривая в представлениях о них «во-первых, символику появления открытого пути из земного мира в “иной”... и, во-вторых, достоверные свидетельства о существовании этого мира, подающего весть звуками колокола и т. п.»<sup>39</sup>.

В рассказе первого тома Патерика со ссылкой на устное повествование А. Г. Голдобина излагается история шарташской игуменьи м. Веры, которая нашла чудесный таинственный скит, где жили пустынники и иконы

---

<sup>38</sup> Хождение Богородицы по мукам // Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 586—597.

<sup>39</sup> Панченко А. А. Народное православие. СПб., 1998. С. 150.

освещались неким «клубом огненным». Пустынники сообщили ей, что они — «священнического чина..., бежавшие от никониян. Ныне же погибе священство от рода сего». Вскоре они скончались на глазах м. Веры, «чюдный светильник» погас и вскоре весь скит стал невидим<sup>40</sup>. Так догматические споры XVIII—XIX вв. в согласии часовенных о послениконовском священстве превратились в поэтический образ старообрядческой «повести чудесных событий».

Как известно, в средневековом христианстве избавление от несчастья, а также от бесов и их происков мыслилось только путем обращения к Богу, святым, и кроме того — к всевозможным сакралиям. Этот постулат по происхождению общехристианский, идущий еще от евангельской истории. Он пронизывает всю западную и восточную средневековую церковную литературу, включая древнерусскую. Урало-Сибирский патерик тоже наполнен примерами, когда бесы одолеваются только указанным путем, и наоборот, при пренебрежении им следует окончательная гибель. С помощью священного слова иногда удавалось справиться с весьма сложными техническими явлениями мира безбожников, которые часовенными неизменно воспринимались как бесовские чудеса. Так, с помощью молитвы и крестного знамения можно было заставить замолчать радио. Об этом рассказывается в двух повестях второго тома Патерика: такое удавалось м. Акинфе в клубе концлагеря, а также м. Евстолии, когда она еще жила в миру, и в ее доме, по воле любившего развлечения мужа, «было радио, которое незатыкаемо бе все гласило»<sup>41</sup>. Обладающими противобесовской силой традиционно считались и сакралии. В нижеенисейских скитах, как утверждалось в Патерике, имелись и великие святыни общехристианского значения. Как рассказывается в его первом томе, в часовне мужского скита «до разорения» были «часть от древа честнаго креста Господня и малые части от мощей святых, zde реченных: апостоли — Андрея Первозванного, Варфоломея, Варнавы; святители — Николы чюдотворца, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Афанасия Великого, Кирилла Александрийского, Спиридона Тримифунтского; преподобнии — Андрея, Георгия Хозевита, Никона, Феодора Сикеота, Марка Печерника, преподобного мученика Анастасия Персиянина; мученицы — Феодора великомученика, Меркурия, Христофора, Иоанна Воинственника, мученик сожженных, Безсребренника Кира, разных святых неименованных»<sup>42</sup>.

Кроме этих великих святынь, возможно, хранившихся в скитах с возникновения софонтиевского (часовенного) согласия или же приобретенных позже разными путями, были там и не менее почитаемые старообряд-

<sup>40</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 4/90-г. Л. 61 об.—63.

<sup>41</sup> Там же. № 11/90-г. Л. 125 а, 125—126.

<sup>42</sup> Там же. № 4/90-г. Л. 110 об., 111.

ческие сакралии местного значения. К ним можно отнести мощи некоей инокини Миропии, бежавшей еще «Никоново время», которые были привезены откуда-то издалека на Алтай, в с. Ашпанак («косточки только, тело тлению предалось»); мощи «некоего старца отца Савватия», обретенные на Урале «в некоем месте в заводе» (также только кости и неистлевшие остатки погребальных риз)<sup>43</sup>. На Урале же («от Невьянска верст 15») были обретыны мощи инока-схимника Варлаама, на могиле которого «поблиз живущии християне пожелали поставить мраморный памятник». «От представления его на третье столетие», говорится о времени похорон Варлаама в Патерике; похоронен он был рядом с тремя другими иноками<sup>44</sup>. Из могилы Варлаама была взят «лоскуток от схимы... с большую ладонь и аки златым бисером посыпана зело блестящая».

К таким же святыням относились мощи и ризы убиенного инока Павла, могила которого на Веселых горах была объектом массового поклонения<sup>45</sup> (рассказ о нем имеется в Родословии часовенного согласия о. Валентина и в первом томе Патерика). Их история была длительной; в ней переплелись перипетии судьбы часовенного согласия XX в. Поскольку о. Павел еще при жизни был известен своим единоверцам чудотворением и даром предвидения, то при погребении взяли «ноготь от мощей его и рясу, в ней же убиен бысть... И сие ноготь и ряса хранилось в Невьянске у некия старья девицы в ящике. Этот ящик был хорошо устроен, покрашен голубой краской, и в нем бархатом оклеено. И вот мы (пишет мать Флена) скали свечи в Невьянск и со старостой познакомились, он нам предложил: “Может быть, вы желаете, то я доставлю ящик с рясой отца Павла вам, его теперь некому не надо”. Ящик был взят в скитскую часовню (верст 18 от Невьянска). Многие гостившие в скиту монахини просили частицы рясы и в конце концов у м. Флены осталась половина. Святыня позже была ею привезена с Урала в Нарымский край, на Парабель. Затем ее выпросил у м. Флены о. Симеон. Ряса, как рассказывала одна из видевших ее, “была холстенная, похоже как бы дебленая, толстая и заплатная (многושвенная) окровавленная, видима на ней кровь”». Ряса сгорела при разгроме скитов в 1951 г., но некоторую часть ее все же удалось сохранить, как и ноготь, который хранится по сей день в скиту в особом сосуде<sup>46</sup>. Так же ценилась часовенными Нижнего Енисея часть мантии о. Саввы и мантия мученически погибшего глубоко почитаемого игумена о. Симеона<sup>47</sup>. Примеры можно умножить. Сакральную силу, как уже упоминалось, приписывали, в со-

<sup>43</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 11/90-г. Л.98, 103.

<sup>44</sup> Там же. Л. 108—109.

<sup>45</sup> *Санин В.* На Веселых горах. Екатеринбург, 1910.

<sup>46</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 4/90-г. Л. 30—32об.; *Духовная литература...* Новосибирск, 1999. С. 60.

<sup>47</sup> Там же. Л. 109; 5/91-г. Л. 97.

ответствии с христианской традицией, могилам праведников часовенного согласия; земля с этих могил считалась целебной и чудотворной.

Происхождение и дальнейшее бытование названных сакралий сопровождалось чудесами, рассказы о которых сохраняли традицию их почитания и освящали всю историю часовенного согласия. По правилам агиографического жанра о сакралиях, связанных с именем святого или праведника, рассказывается чаще всего после повествования о его добродетельной жизни, подвигах, в том числе и в борьбе с нечистым, и нередко — о дарованной ему свыше способности к чудотворению, прорицанию и т. п. И как о прижизненных и посмертных чудесах канонизированных святых сообщалось в их житиях, так об аналогичных явлениях в истории часовенных урало-сибирского региона, связанной со скитами отцов Нифонта — Саввы — Симеона — Антония и др., повествуется в многочисленных эпизодах трехтомного Патерика. Так, при упоминании могил черноризцев Иоанна, Иосифа и Павла упомянуто, что «при животе охранял их змий, не пускал в келию приходящих с лукавством»<sup>48</sup>. Жизнь другого инока Павла была освящена многими чудесами. Так, на могилах «прежде почивших отец» он раздавал все полученное подавание нищим, а когда подающие попытались было обойти это обыкновение о. Павла и жертвовать в отсутствие нищих, чтобы подношение досталось все же ему, то в сосудах с подаванием «являхуся различныя гады». Когда постоянно подвергавшегося арестам и заточению инока пытались насильственно кормить мясом, то после трапезы тюремщики находили в блюде рыбы кости. Мощи и риза инока Павла обладали целительной силой и, в частности, с их помощью с успехом изгоняли нечистую силу, даже в тех случаях, когда до прикосновения к реликвиям она себя не обнаруживала и человек не считался одержимым<sup>49</sup>. Тяжелую реакцию у бесноватых вызывал при жизни о. Симеон — один из важных признаков, по которым обнаруживалась святость подвижника. Иногда прижизненные чудеса известны не были и чудотворной силой отличались только реликвии, по чему обнаруживался и новый святой. В западном и восточном христианстве такой путь

<sup>48</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 11/90-г. Л. 108. Змей мог олицетворять бесовскую силу, а мог быть и положительным героем, защитником, по своей святости не уступавшим Богу и его угодникам. М. Элиаде писал о свойственном змею «божественном двуединстве», которое прослеживается в мировой мифологии (*Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения.* М., 1999. С. 380, 381). Образ змея-защитника отмечен в верованиях сербов (см. *Слацьев В. В. Змей // Славянская мифология. Энциклопедический словарь.* М., 1995. С. 197). В этой своей ипостаси змей и выступает в данном эпизоде с уральскими черноризцами-часовенными. Интересно, что на предыдущей странице Патерика речь тоже идет о змее, но более привычной дьявольской природы (недаром он сравнивается там с собакой): один из богобоязненных жителей Ашпанак видел змея над женским монастырем, который оказался пораженным ересью: «змий как собака пал... на монастырь» (Собрание ИИ СО РАН. № 11/90-г. Л. 107 об.).

<sup>49</sup> Там же. № 4/90-г. Л. 30—32 об.

пополнения пантеона был традиционным; для Сибири здесь можно упомянуть историю возникновения в XVII в. культа Василия Мангазейского и Симеона Верхотурского<sup>50</sup>.

Устный рассказ, взаимодействуя с книгой и иконой, всегда играл немалую роль в истории народного почитания святого. Жития (а особенно — посмертные чудеса) часто сохраняют свидетельства исключительно устного бытования отдельных эпизодов в течение какого-то времени, иногда довольно долгого. В свою очередь рукописные и печатные тексты, иконы и фрески нередко оказывают прямое влияние на вновь создаваемые устные народные предания о святом<sup>51</sup>.

Упомянем также еще раз о важной теме взаимовлияния фольклорных жанров и агиографических текстов — теме, к которой не раз обращались исследователи, но которая еще далека от полного раскрытия. В Урало-Сибирском патерике мы находим немало ценных свидетельств для изучения этой темы. Как уже говорилось, многие главы (и части глав) начинаются с указания на устный источник повествования, подобно тому, как это имело место в древнерусских агиографических текстах<sup>52</sup>. На непосредственный устный источник указывают и формулы трехтомника типа: «рассказал нам...», «пояснил нам...». В таких случаях указание на устный источник присутствует и внутри текста рассказа — слово «рече». Вводная формула «с рукописи» такого-то бесспорно свидетельствует о письменном источнике, но сам этот источник может восходить к устному рассказу, что иногда и отмечается в главах трехтомника. Довольно обычная вступительная формула «от повести» такого-то чаще всего не дает возможности судить, об устном или письменном повествовании идет речь. Иногда историческая глубина передачи текста в устной форме до его первой записи бывает в трехтомнике весьма значительной. Рассказы об умершем в 1830 г. о. Павле были впервые записаны в первом томе «Повестей чудесных событий» где-то в 1940-х—1970-х гг., пройдя до этого по цепочке устной передачи: о. Павел — о. Валентин — о. Нифонт — о. Савва — о. Симеон<sup>53</sup>.

Сибирские патериковые рассказы не всегда принадлежат только одному автору. Обычно это своеобразное соавторство, когда текст составлен из повествований нескольких человек (в заголовке они всегда указаны). Но далеко не всегда ясно, что кому принадлежит, хотя на полях довольно часто

---

<sup>50</sup> См. об этом: *Бахрушин С. В.* Легенда о Василии Мангазейском // Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 1. С.331—354.

<sup>51</sup> *Аничков Е. В.* Микола Угодник и св. Николай. СПб., 1892. *Дмитриев Л. А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. Народные сказки о бже, святых и попах / Сост. М. К. Азадовский. М., 1963.

<sup>52</sup> *Дмитриев Л. А.* Житийные повести... С. 217—225.

<sup>53</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 4/90-г. Л. 30.



можно увидеть пометки, где названо имя автора, а конец его текста бывает обозначен: «дозде» такой-то<sup>54</sup>. Открытым остается и вопрос об обработке собранного материала при его сведении в единый житийный рассказ; обработка может стать уже двойной, если используются устные мемуары в чьей-то передаче. Многие устные рассказы, записанные в Патерике, как и его местные письменные источники (послания, повести, агиографические тексты), окрашены народной лексикой, сибирскими диалектизмами в сочетании с лексикой древней, книжной; сюжеты, персонажи, образительные средства находят подчас параллели в быличках, волшебных сказках. Нередко агиографическая повесть Патерика о чуде является записью широко распространенного фольклорного повествования, которое меняет в зависимости от места и времени некоторые реалии, полностью сохраняя основной сюжет.

Таковы лишь некоторые направления исследования агиографического трехтомника часовенных. Его текст обнаруживает и стремление охватить, возвысить сразу всю почти трехвековую историю пустынножительства в согласии софонтиевцев-часовенных, и утвердить при этом традиционную христианскую систему ценностей, и в чем-то отразить злобу дня, используя богатые книжные собрания, фольклор и рассказы очевидцев.

Создатели трехтомника, задумавшие его в разгар наступления карательного атеизма на любую религию, вели полемику на трех уровнях. На первом они, опровергая официальную идеологию, доказывали само существование в мире божественной субстанции, бесплотных сил, загробной жизни души, провидения, чудес. Здесь в противовес безбожию привлекались свидетельства любых источников, включая «никонианские» и даже коммунистические.

На втором уровне борьба шла с догматическими системами других христианских вероисповеданий, и по общему правилу — тем ожесточеннее, чем ближе данная система была к собственной. Например, в Патерике есть ряд чудес, направленных на обличение одного из самых опасных противников — «австрийских»; есть и чудеса, «работающие» против спасовцев.

Некоторые споры внутри самого согласия часовенных авторы Патерика по традиции стремились не доводить до полного раскола, поэтому тема трудного противостояния «чувственников» и «духовнопонимающих» в Патерике вообще не звучит. В то же время обличению окончательно отделившихся от часовенных «климовцев» посвящена особая глава. И это уже борьба, которая велась на третьем уровне.

Сюда же, к третьему уровню противостояния, относится борьба за души тех членов своего согласия, которые признавали всю принятую

---

<sup>54</sup> Патерик обычно содержит два типа указания на авторство: «с рукописи» и «от повести», «от сказания». Возможно, так различаются письменные и устные мемуары.

у часовенных систему догм, но, не являясь атеистами, все менее ревностно исполняли требования церковного устава и бытовых традиций, отделяющих «своих» от «чужих» — то есть постепенно «обмирщались». На противостояние этой немалой опасности направлены многие тексты Патерика: о наказании за несоблюдение христианских праздников, постов, признаваемых у часовенных таинств, нерадение в молитве, пренебрежение к иконам и т. д. Воспитание ведется и другим путем — в большинстве житий и рассказов Патерика в качестве образца для всех часовенных восхваляется и даже сакрализуется благочестивое поведение пустынников и немногих мирян.

*Н. Н. Покровский*

## Авторы Урало-Сибирского патерика

Урало-Сибирский патерик посвящен непрерывной трехсотлетней старообрядческой монашеской традиции, которая сохранялась несмотря на почти постоянное нелегальное существование последней, несмотря на преследования властей, периодически превращавшиеся в сокрушительные погромы. В этих условиях часовенным удалось сохранить не только преемственность внутри конфессиональной организации, но и свою письменную и устную традицию, что в XX в. дало им возможность создать свой патерик. В свое время на материале Киево-Печерского и Волоколамского патериков был сделан, с учетом наблюдений предшественников, ряд общих замечаний о характерных чертах российского отечника: «Жанр “патерика”, сборника произведений о святых какой-либо одной местности» или монастыря, имел на русской почве свои особенности — тесное переплетение агиографии и летописи, активное стремление к документированию, «историзм, связь с конкретными событиями», патриотические мотивации, «проекции в настоящее и будущее страны», публицистическая направленность некоторых «слов» и др.<sup>1</sup>

Урало-Сибирский патерик создан именно как отечник (одно из его самоназваний — «Уральский патерик»). Его структура, как и положено патерику, открыта, от редакции к редакции добавляются все новые материалы. Старообрядческий отечник представляет такой же жанр-ансамбль, как и его предшественники; набор жанров в нем даже шире, чем в древности. Это агиография (другие патерики, жития), в цитатах — книги Священного Писания и Предания, церковная и светская художественная, научно-популярная литература, газетная публицистика, родословие (вместо древнерусской летописи), историческое повествование, устные и письменные мемуары, послания, монастырский фольклор, былички, плачи и пр., и пр. Российского патриотизма старообрядческий патерик не лишен, но он обращен в благочестивое прошлое точно так же, как и так называемый народный монархизм в старообрядческом варианте. Уже в начале первого тома патерика говорится о «равночестности» России с другими православными странами — упоминается о миссии апостола Андрея Первозванного, якобы водрузившего крест на Киевских горах, о крещении Руси князем Владимиром, о Москве —

---

<sup>1</sup> *Ольшевская Л. А.* «Прелесть простоты и вымысла...» // Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подг. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1999. С. 233—252.

III Рима, славу которого засвидетельствовал при благоверном царе Феодоре Иоанновиче патриарх Константинопольский Иеремия<sup>2</sup>. Кроме того, мы можем найти на страницах народного патерика поразительные по проникновенности строки, посвященные «малой родине» — тем местам, где долго существовали скиты, где оставались дорогие могилы: их раз от раза вынуждены были покидать монахи и связанные с ними крестьяне, спасающиеся от государственных антирелигиозных и «антикулацких» погромов. Что касается публицистической направленности, текстов «на злобу дня», то и они присутствуют в сибирском памятнике. Страстному обличению в терминологии раннехристианских житий подверглись на листах всех трех томов представители атеистической государственной власти, которых часовенные отождествляли со слугами антихриста. На листах патерика широко представлен языческий пантеон народных верований недавнего прошлого: домовые, лешие, банники, драконы и пр., который, конечно, соотнесен с бесами, нечистой силой христианства; тем не менее разнообразие этой нечистой силы, живописные подробности ее облика и привычек, обилие случаев общения с ней указывают на то, что патерик составлялся в сфере народного православия. Отсюда несомненная связь ряда текстов патерика с быличкой, сказкой.

Другая особенность Урало-Сибирского отечника — старообрядческая специфика: с 1840-х гг. часовенное согласие лишается даже нижнего звена церковной иерархии, поэтому часть таинств вообще была недоступна верующим, часть модифицировалась и, естественно, не признавалась официальным православием. Модифицировано было и пострижение; понимая его неполноту, часовенные-монахи называли себя всего лишь черноризцами. Старообрядческие «святые» не могли быть канонизированы по традиционным правилам православия, поэтому осознавались таковыми с помощью известных в христианстве признаков: наличия божественных даров (прозорливости, чудотворения — исцеления через сакралии, способность к экзорцизму и т.д.), а также путем специфической реакции бесноватых на присутствие или даже упоминание «святого». Свою роль при этом играл и набор традиционных топосов, присущих тому или иному типу святости.

Хор авторов Урало-Сибирского патерика можно сравнить с органной музыкой — так много людей участвовало в его создании. Обо многих у нас просто нет сведений. Напишем о тех четверых, роль которых была особенной. Первые двое, стоявшие у истоков патерика, игумены о. Симеон и о. Антоний, несломленными прошли мученичество сталинских лагерей; в патерике есть их жития, написанные по образцу житий преподобных. Отец Ефрем, иконописец и один из руководителей скитов до начала 1990-х гг., был главным организатором создания патерика в его трехтомном варианте. Афанасий Герасимович Мурачев, младший ученик

<sup>2</sup> Собрание Института Истории СО РАН, № 4/90-г, л. 4, 4 об.

о. Симеона и друг о. Ефрема, принимал деятельное участие в создании окончательного варианта патерика и его тиражировании. Все четверо — писатели народной урало-сибирской школы старообрядцев часовенного согласия, определившие ее лицо в XX в.

**Отец Симеон.** Сафон Яковлевич Лаптев, в будущем — знаменитый игумен одного из самых авторитетных часовенных скитов, родился в 1895 г. в д. Жидки Учанской волости Ишимского уезда Тобольской губернии (позже — Петуховский р-н Тюменской обл.). В семье крестьян Якова Самойловича и Татьяны Гавриловны Лаптевых, кроме Сафона, было еще 8 детей — 6 сестер и 2 брата. Хозяйство, даже по дореволюционным стандартам, было зажиточным. Если верить тому, что следователем было записано как показания о. Симеона на допросах в 1951 г., Лаптевы владели 6 лошадьми, 5—6 коровами, ветряной мельницей, сноповязалкой, молотилкой; в сезон иногда нанимали работника. Правда, в апелляции 1952 г. о. Симеон писал, что до его ухода из дома (до 1919 г.) в семье было лишь 4 взрослых работника: она не была богатой — всего лишь не бедствовала<sup>3</sup>. Сам Сафон Лаптев не отличался здоровьем: будучи призван в армию в 1917 г., к службе был признан негодным.

По свидетельству Урало-Сибирского патерика, Сафон (как часто бывало с физически слабыми детьми) рано пристрастился к чтению. Он выделялся среди сверстников как знаток церковно-славянской книжности и любимый обществом чтец на молениях в деревенской старообрядческой часовне; пробовал свои силы, несмотря на молодость, и в поучениях. Тот же патерик упоминает, что Сафон принимал участие в общинных беседах, на которых, как можно предположить, обсуждались все злободневные вопросы. Видимо, этот опыт пригодился ему при создании своего первого сочинения — «На союзы», написанного еще до ухода в скит (т. е. до лета 1919 г.)

Первый творческий опыт будущего главы урало-сибирских часовенных отличается подчеркнутым следованием древнерусским литературным традициям. Сочинение предваряется торжественным предисловием с обращением к читателю, в котором Сафон Лаптев умоляет быть снисходительным к своим недостаткам. Самоуничижительные слова о себе как о писателе он повторяет и в конце сочинения. В то же время Сафон Лаптев был убежден в особом предназначении своей учительной миссии. В зачине сочинения употреблена формула обращения к аудитории, которая живо напоминает соответствующие формулы, присущие речи апостола Петра<sup>4</sup>. Апостолическое напряжение, явственно ощущаемое в сочинении молодого крестьянина, вызвано, вероятно, тем, что начинающий автор

<sup>3</sup> Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 1. Л. 5, 34, 112; т. 11. Л. 105 об.

<sup>4</sup> Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII—XX вв. М., 2002. С. 246.

сразу поставил перед собой грандиозную задачу: дать эсхатологическое осмысление современности. Умело используя приемы риторики, молодой крестьянский писатель повторяет мысли своих предшественников о бросающихся в глаза признаках «отступления»: «Где благодетельные патриархи? Где цари? Где светло сияющее благочестие?» Недавнее свержение древней русской монархии, как когда-то, при Петре I, исчезновение в России института патриаршества, давало С. Лаптеву лишний аргумент для утверждения о наступлении «последних времен», позволяло ему оценить переживаемое время как самый канун конца света (сторонник теории «чувственного антихриста», он считал, что приход последнего еще впереди). В центр эсхатологического осмысления современности молодой крестьянин поставил порабощенность мира «житейскими вещами», которые на самом деле представляют собой дьявольский соблазн, специально «воздвигнутый» для отвлечения христиан от Бога, — древний мотив аскетической критики действительности, изначально присущий всей христианской литературе. Главные же агенты дьявола по распространению этого соблазна, как считал С. Лаптев, — купцы. В своем сочинении он дает развернутую оценку одному из видов торговой деятельности, а именно — торговой кооперации. Именно артели, или «союзы», С. Лаптев считал особенно пагубными для своих единоверцев ввиду прямой опасности соединения в них со слугами грядущего антихриста. Кооперативы, по мнению писателя, — не что иное, как сборища «нечестивейшаго и злейшаго народа», поскольку «в сем союзе обретаются различных сект еретики и безбожники»<sup>5</sup>. Сообщение с еретиками и вообще иноверными и у часовенных, и в других согласиях староверия всегда было одним из самых караемых проступков. В полном согласии с этой мировоззренческой основой Лаптев писал о душепагубности отступлений в данной сфере: люди перестали отличать чистое от скверного и потому «явились неискусны в вере».

Другим крупнейшим нарушением в «союзах» традиционных установлений Сафон Лаптев считал нарушение святости праздника, независимо от того, торговал ли сам старовер или нанятый им работник: «Воздвигаем лавку и поставляем от себя в нее рабочего человека, который продает товар в воскресенье и праздничные дни. И вот тут и является мерзость египетския работы, безчестится день господень»<sup>6</sup>. Второе нарушение оказывалось тесно связанным с первым: в лавках торговали товаром, который запрещался в старообрядчестве, — табаком, водкой.

Вскоре после освобождения от воинской повинности Сафон принял решение уйти в монастырь, которое осуществил в 1919 г., видимо, где-

<sup>5</sup> О. Симеон (Сафон Яковлевич Лаптев). На союзы // Духовная литература староверов востока России XVIII—XX вв. Новосибирск, 1999. С. 161, 162 (подг. текста и комм. Н. Д. Зольниковой).

<sup>6</sup> Там же. С. 166.

то после 31 мая, когда в Учанской волостной земской управе ему выдали паспорт)<sup>7</sup>. В Сибири в это время уже бушевала гражданская война, которая, несомненно, вела к обострению ощущения близости конца света, и без того присущего, как видно из его первого сочинения, молодому староверу<sup>8</sup>. Уход в скит в этих условиях был в его глазах, вероятно, единственной возможностью спасти душу.

Предприняв сложное путешествие, Сафон Яковлевич оказался в скиту о. Саввы. Там он быстро выдвинулся: уже через полтора года его определили помощником игумена по хозяйственным делам скита. А еще через полгода он стал черноризцем, одним из последних постриженных о. Саввы. После этого, по формулировке «допросных речей» о. Симеона, стал помогать игумену «в исполнении религиозных обрядов»<sup>9</sup>. Так о. Симеон обрел ту стезю, к которой давно стремился. В Урало-Сибирском патерике отмечалось, что особую роль в этом сыграли сочинения идеолога монастырского общежития, византийского церковного писателя VIII—IX вв., св. Феодора Студита, с сочинениями которого он не расставался еще в родительской семье.

Однако покой и уединение и в глухой тайге были относительными. Связи скитов с миром не прерывались. Это было невозможно и в хозяйственном отношении, но были и причины нематериального порядка. Речь идет о важнейшей функции монастырей в отношении мира — учительной. Крестьяне-староверы регулярно обращались в Колыванские скиты за духовной поддержкой, советом в сложных жизненных обстоятельствах. Чаще всего эту миссию поучения игумен с доверенными помощниками осуществляли вне стен монастыря, на удаленной крестьянской заимке. Одним из таких помощников игумена стал в Колыванском скиту о. Симеон. Со временем поучения скитских руководителей приобретали все более опасную политическую заостренность. С середины 1920-х гг. крестьяне чаще и чаще стали обращаться в скиты с вопросами об отношении к власти. Последняя уже четко обозначила как свою антирелигиозную политику, так и враждебное отношение к зажиточному крестьянству, каковым в большинстве своем было урало-сибирское старообрядчество. В этот период о. Симеон детально разрабатывает свою оригинальную теорию конца света, стержнем которой стало определение советской власти как близкой предшественницы антихриста, а российской современности — как непосредственного кануна конца света. Свои теоретические воззрения о. Симеон не оставлял за пределами реальной жизни: в 1951 г. он показывал на следствии, что советовал крестьянам, особенно с начала коллективизации, не вступать в колхозы и не работать в государственных учреждениях, в ко-

<sup>7</sup> Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 239.

<sup>8</sup> Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 1. Л. 46—47; История Сибири. Л., 1968. Т. 4. С. 90—127.

<sup>9</sup> Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 1. Л. 41 об.

торых силой навязывалось атеистическое мировоззрение и было невозможно соблюдать церковные праздники<sup>10</sup>.

После смерти о. Саввы о. Симеон становится главным руководителем скитов — в опаснейшее время, когда разворачивались репрессии против крестьянства (скит находился на территории Нарымского края, которую почти полностью заняли спецпоселения «раскулаченных»). Именно на его игуменство пришелся один из самых трагических периодов в жизни этих скитов: в 1933 г. властями была разгромлена заимка Зебзеевых, «опорная» для скитов, и проведены аресты среди старообрядческих наставников округа. В 1936 г. скиты решились на трудное, многоэтапное перемещение в таежные низовья Енисея.

Переезд скитов, обустройство на новых местах более чем на 10 лет отняли у игумена возможность спокойного творчества. Именно на период до отъезда, до 1936 г., приходится расцвет скитской литературной деятельности о. Симеона, появление его основных сочинений. Это «Краткая памятная запись нынешних событий и о судьбе Древняго Рима» (1925/1926 г.), «Доказательство от Святаго писания против австрийских» (1927 г.), «О пришествии святых пророков и о последнем антихристе» (3 марта 1928 г.), послание отцу и брату и послание неизвестному (между 1929 и 1936 гг.), «О воскресении Иисуса Христа из мертвых, прение под видом двух человек, вернаго с неверным» (1934 г.), «Познание от твари Творца и Управителя вселенной» (краткий вариант, между 1934 и 1937 гг.), «Воинствующая Церковь Христова на земле» (1935—1936 гг.), «Прощальное письмо при гробнице о. Савы пред отъездом в пределы реки Енисея» (1936 г.), послания и другие произведения, которые цитировались в Урало-Сибирском патерике<sup>11</sup>.

В это время окончательно сложилась вся система взглядов о. Симеона, была отточена его незаурядная литературная манера полемиста. Благодаря мужеству енисейских крестьян и монахов, бережно сохранявших списки сочинений о. Симеона, за что они могли серьезно поплатиться, мы можем теперь судить о его онтологических, гносеологических и исторических представлениях, богословских, оригинальных эсхатологических взглядах таежного игумена.

Историко-эсхатологическое сочинение «Краткая памятная запись...» — сочинение поистине революционного характера. В нем он впервые предложил совершенно новый вариант осмысления всей мировой истории и современной ему действительности как ее части, в котором применил метод использования идеологии врага для создания сценария конца света, наполненного реалиями XX в. При этом он старался сохранить и опору на традицию. Следуя средневековой схеме, о. Симеон считает всю мировую

<sup>10</sup> Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т.1. Л. 53, 56 об.

<sup>11</sup> Духовная литература... Новосибирск, 1999. С. 676.



историю чередованием четырех царств. Вслед за Ипполитом Римским, блаженным Феодоритом, Симеоном Метафрастом он считает, что первые три — Вавилонское, Персидское и Македонское — закончили свое существование до рождения Христа. Четвертое, Римское (четвертый зверь пророчества Даниила), существовало во дни Христа. Об этом царстве о. Симеон вслед за церковными писателями говорит как о последнем, которое должно разделиться на десять монархий (десять рогов зверя).

Как и его предшественникам, о. Симеону пришлось в очередной раз столкнуться с проблемой пророчества о гибели мира вместе с четвертым царством. Для того, чтобы связать Древний Рим с современностью, о. Симеон обращается к авторитетнейшей в старообрядчестве Книге Кирилла Иерусалимского и развернутым в ней теоретическим построениям Стефана Зизания. Заново осмысляя последние, о. Симеон делает вывод, что государства, на которые распалась Римская империя, по сути — тот же Рим, только новый; власть его — римская по происхождению. В конце мировой истории, по пророчеству Даниила, из десяти рогов должен появиться одиннадцатый рог (антихрист, в толковании христиан), который разрушит их власть — как писал о. Симеон, «разорит чрез посредство своих же слуг», имеющих «единую волю и силу», которые «область свою зверю отгадут»<sup>12</sup>. О. Симеон опирает свою эсхатологию на традиционное старообрядческое построение, заимствованное из Книги о вере, о трех отступлениях христианского мира во власть сатаны (отпадение католиков, униатов, никониан). Последний этап «отпадения» мира во власть нечистого, начавшийся во времена патриарха Никона, заканчивался, по убеждению о. Симеона, «в дни наша жизнь». Разыскивая признаки появления слуг антихриста, готовящих ему царство и имеющих единую волю и силу, о. Симеон увидел их в прогрессирующем объединении мира, совершающемся в условиях роста безбожия. Главной же апокалиптической силой, которая во время первой мировой войны потрясла мир, успешно покорила Россию и вот-вот распространит свою власть на остальные страны, по мнению о. Симеона, являлся рабочий класс с его лозунгом интернационализма. Современник революции, о. Симеон четко обозначил ее начало событиями 28 февраля, а не рокового октября 1917 г. Оказалось, что этот крестьянин, выросший в семье, причастной к буржуазному развитию села, был против любой политической демократии, которую он считал изобретением восставшего против Бога дьявола, изобретением, припасенным для окончательного изгубления человеческого рода в канун пришествия антихриста. Восстание против института монархии, наследия благочестивых времен, оценивалось им как восстание против Бога, несмотря на то, что сама эта монархия, союзная с «никонианской» церковью, с мо-

---

<sup>12</sup> О. Симеон. Краткая памятная запись нынешних событий и о судьбе древняго Рима // Там же / Подг. текста и коммент. Н. Д. Зольниковой. С. 176.

мента церковной реформы середины XVII в., по его мнению, находилась во власти слуг антихриста. Выстраивая свой сценарий конца света, о. Симеон находит для него строительный материал в весьма неожиданном месте: он заимствует целые блоки из чуждой ему идеологической культуры, в частности — политических теорий XIX—XX вв., снабжая их, однако, отрицательным знаком. Как и самые известные политики XX в., о. Симеон считал первую мировую войну катализатором революции, но в отличие, например, от В. И. Ленина — катастрофическим катализатором, приведшим Россию к окончательной гибели. В том же ключе заимствовал о. Симеон и некоторые элементы теории пролетарской революции.

Отец Симеон воспринял часть господствующей в 20-е гг. в России политической теории, широко внедрившейся в сознание населения, но совсем не так, как ее проповедывали власти. Явно согласившись, что теория пролетарской революции хорошо описывает происходящие в мире явления, о. Симеон использовал ее в своих целях, придав ей знак минус и встроив в эсхатологический сценарий. Перемещенная в средневековую в своей основе концепцию мировой истории, она начинала играть экзотическую роль, полностью утратив в чуждой ей системе связь с идеологическим контекстом той культуры новейшего времени, которую принципиально отвергали таежные хранители древнерусского наследия. У этих двух теорий, несомненно, были сближающие черты. И в той, и в другой системе Россия — ключевое звено спасения. По революционной теории, с России начинается процесс построения коммунизма (по сути — земного рая), и это мыслится вершиной человеческой истории; по ходу продвижения к означенной вершине уничтожаются враги этого процесса. По эсхатологии о. Симеона (традиционно для русского староверия вообще), Россия — страна, где начались события, завершающие земную историю, в итоге чего последует окончательная гибель врагов Христа, спасение немногих избранных и победа Царствия небесного. При общем сходстве итога мировой истории изначально противоположной является направленность спасения (в мире материальном или в мире трансцендентном).

Углубленной попытке разобраться с вопросом об обстоятельствах прихода антихриста и об оценке в соответствии с этим «текущего момента» о. Симеон посвятил специальное сочинение, написанное через несколько лет после «Краткой памятной записи...», а именно «О пришествии святых пророков и о последнем антихристе». В этом сочинении он вновь обращается к оценке реформы Никона как начала последнего этапа порчи мира. Его трактовка значения этой реформы иная, чем у сторонников теории «духовного» антихриста. В 1666 г., писал о. Симеон, сбылось пророчество старца Елеазара Анзерского о Никоне, «всколебавшем» всю Россию введением несправедливого трехперстия при крестном знаменнии, пятиперстия при благословении и других «новин». Разброд не минул и тех, кто не последо-

вал Никону: они разошлись на разные толки (по выражению о. Симеона, «религиозности»). С тех времен, писал о. Симеон далее, поморцы, странники, спасовцы и другие и стали писать о «духовном» антихристе и, соответственно, о тех святых, которые, по канону, должны явиться для борьбы с ним. Их явление тоже стало истолковываться духовно, символически: если антихристом сочли в целом всех отступников и нечестивые власти, то посланных против него святых осмыслили как мучеников за благочестие вообще. Сам о. Симеон не отвергал совсем метода символического истолкования священных текстов, но утверждал, что его нельзя абсолютизировать и полностью исключать «чувственное» толкование, как это делали, по его мнению, «духовнопонимающие». Признавая, что отцы церкви называли вероотступников антихристами, о. Симеон повторяет мысль своих предшественников, сторонников теории «чувственного» антихриста, о том, что речь у отцов церкви шла не о том «последнем» антихристе, который должен явиться перед концом света. «Последним» же будет могучий волшебник, который явит обманутым людям множество ложных чудес, показывая «мечтанием», как он двигает горы с места на место, писал, опираясь на священные тексты, о. Симеон. Он был убежден, что неизвестен будет, по Писанию, только день и час второго пришествия Христа, а примерное время этого события определить можно, ибо антихристовы «предтечи ближайшие уже явились», о чем говорит исполнение многих предсказаний на конец света, имеющих в Священном Писании и Предании. Свидетельство тому (об этом говорится и в Апокалипсисе), доказывал о. Симеон, — широкое распространение неверия во всем мире.

В конце 1920-х гг., когда в России повсеместно побеждал воинствующий атеизм, а инакомыслящих тысячами уничтожали физически, о. Симеону казалось, что вскоре, лет через 10, в крайнем случае 35, везде окончательно воцарится неверие и сбудется предсказание св. Ефрема Сирина о том, что накануне второго пришествия Христа некому уже будет слушать слово Божие. О. Симеон считал, что именно с Россией во главе начинается установление единой мировой республики без христианской веры, по его выражению, с «гуманитарной» (иначе — сатанинской) религией. Итак, по представлениям о. Симеона, пролетарские предтечи антихриста уже явились, вот-вот явятся и он сам, и его святые противники, Енох и Илья. Те же, кто не считает, что в конце света воцарится «чувственный» антихрист, писал о. Симеон, могут принять его за самого Спасителя, поскольку ждут сразу второго пришествия Христа. Следовательно, они неминуемо погубят свою душу. Таким образом, инакомыслие по поводу сути антихриста рассматривалось о. Симеоном как угрожающее самому спасению души, фактически выводящее «духовнопонимающих» из круга «своих».

Одновременно с внутриконфессиональной полемикой, направленной на идейную унификацию, о. Симеон вынужден был вести споры и меж-

конфессиональные, защищая часовенных от агрессии «чужих» извне. Одним из соперников часовенных, которых удавалось успешно переманивать в свои ряды, было белокрыницкое («австрийское») согласие староверов. Сочинение «На австрийских» и было посвящено о. Симеону полемике с белокрыницкими миссионерами<sup>13</sup>.

Сочинение «О воскресении Иисуса Христа...», направленное против проповеди безбожия, характерного для времени антихриста, а также кануна его прихода, посвящено защите подлинности новозаветных событий в споре с отрицающим эту подлинность неверующим. До переезда в Красноярский край о. Симеон пишет еще одно сочинение, также направленное против мировоззрения торжествующего в стране атеизма: «Познание от твари Творца и Управителя вселенной» (краткий вариант; расширенный вариант написан в 1950 г.). О. Симеон с блеском справлялся со своей непростой задачей. Сложные вопросы происхождения и строения вселенной и живой природы он умел сделать доступными, а свои доказательства убедительными для паствы, состоявшей целиком из крестьян. Все его черноризцы и черноризицы тоже вышли из этой среды и никогда не порывали с тяжелым сельскохозяйственным трудом. Естественно, далеко не все они были искушены в книжной премудрости. Поэтому о. Симеон старается, в основном, опираться на примеры из окружающей жизни, быта, словом, на повседневный опыт жителя севера, охотника, рыбака, земледельца. Подобному методу о. Симеон, большой знаток патристики, мог научиться, например, у Василия Великого, которому приходилось проповедывать среди ремесленников и учитывать их тип мышления и интересы, включенность в природу, материальный мир<sup>14</sup>.

В обеих редакциях «Познания...» сравнительно немногочисленные прямые цитаты из отцов церкви (их церковнославянский текст действительно труден для восприятия) сосредоточены, в основном, в начале сочинения<sup>15</sup>. Это начало о. Симеон посвятил обличению атеистов, утверждающих, что Бога нет, так как его не удастся увидеть ни в подозрительную трубу, ни поднявшись на небо «в аэроплане». О. Симеон излагает здесь учение Церкви о свойствах Бога и об ограниченности его познания. Он подчеркивает, что Бог — существо духовное, поэтому все попытки осязать его или увидеть объясняются безумием и невежеством неверующих, атеистов. Но даже атеисты, по мнению о. Симеона, могли бы убедиться в существовании Бога, несмотря на его принципиальную недоступность восприятию земной твари. Единственный путь, открытый всем, — осознание целесообразности устройства вселенной. И все остальное сочинение в обеих редакциях посвящено доказательству разумного устройства живой и неживой природы. В этом основная мысль

<sup>13</sup> Подробнее см.: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные... С. 257—261.

<sup>14</sup> *Райнов Т.* Наука в России XI—XVII веков. М.; Л., 1940. С. 87.

<sup>15</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 2/92-г. Л. 1; № 3/94-г. Л. 2—5.

о. Симеона: целесообразное строение вселенной и ее обитателей — прямое доказательство бытия Творца, эту цель осуществившего<sup>16</sup>.

Непосредственно перед началом многотрудного перемещения скитов на восток о. Симеон пишет еще одно сочинение: «Воинствующая церковь Христова на земле», дошедшее до нас лишь в «переводе» (для нужд следователей) с церковнославянского на русский, сохранившемся в следственном деле. Сочинение представляет собой своеобразный христианский мартиролог. Раз за разом цитирует игумен Евангелие, Деяния апостолов, Четьи минеи, древних церковных писателей, рассказывая о мужестве первых христиан и их стойкости перед лицом гонителей. Учитывая, что произведение было написано в середине 1930-х гг., в разгар сталинских репрессий — «раскулачивания», конфискации имущества, костров из церковных книг и икон, арестов, ссылок и расстрелов, эти рассказы приобретали вполне современное звучание. Судя по всему, прием аллюзии игумен применил здесь совершенно сознательно. Сочинение имеет незаконченный вид, оно оборвано на рассказе о мучениях св. Климента. Нет завершающих рассуждений, какого-нибудь нравоучения или хотя бы просто молитвенных слов, обращения к Богу и т. п. Остается загадкой, в чем здесь дело; о. Симеон не закончил свой труд, тем более, что, как уже говорилось, насущные заботы начавшегося переселения скитов надло отодвинули литературные занятия таежного игумена<sup>17</sup>.

Возобновление его литературной работы относится уже к 1940-м гг., когда закончились последние хлопоты с перемещением скитов на таежные притоки Нижнего Енисея. В 1949 г. он пишет небольшое сочинение «Девствующая церковь Христова на Севере»<sup>18</sup>, продолжающее тему «Воинствующей церкви...». По наблюдениям О. Д. Журавель, в «Девствующей церкви...» особенно акцентируется мысль об истинной вере как гонимой. Та же мысль, как мы видели, является сквозной и для «Воинствующей церкви...». Есть в обоих этих сочинениях и общие цитаты из Священного писания<sup>19</sup>. В целом же для «Девствующей церкви...», как считает упомянутая исследовательница, определяющими стали образы и мотивы Откровения Иоанна Богослова, темы эсхатологии. В сочинении описывается северная пустынь, в которую скрылась от преследований Церковь; пустыни как реально существующему бесплодному месту «противопоставлено

<sup>16</sup> Подробнее см.: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные... С. 264—273.

<sup>17</sup> Публикация и анализ сочинения см.: *Зольникова Н. Д.* Отец Симеон (Сафон Яковлевич Лаптев). Воинствующая Церковь Христова на земле (в переводе с церковнославянского Е. И. Насекайло) // *Власть, общество и человек в исторических и литературных источниках XVI—XX вв.* Новосибирск, 2012. С. 214—250.

<sup>18</sup> Публикация и анализ сочинения см.: *Журавель О. Д.* «Девствующая церковь Христова на Севере» о. Симеона — памятник современной старообрядческой литературы // *Общественное сознание и литература XVI—XX вв.* Новосибирск, 2001. С. 274—291.

<sup>19</sup> Там же. С. 287, 288; *Собрание ИИ СО РАН.* № 5/94-г. С. 9, 10 (пагинация авторская). Ср.: Еф 6: 12.

идеализированное изображение пустыни духовно плодоносной», на которую накладывается образ скита<sup>20</sup>. В обоих сочинениях раскрываются одни и те же идеи спасительности терпения земных мук в ожидании небесной награды, раздаются одинаковые призывы победить страх перед преследователями и лишениями и содержатся обращенные к своим единомыслителям «назидание, призыв и утешение». И, наконец, как уже отмечалось, в 1950—1951 гг. игумен перерабатывает свое старое произведение «Познание от твари Творца...», которое становится теперь втрое больше.

Ту же систему идей, которую о. Симеон проповедывал в своих авторских произведениях, можно обнаружить и в другом, уже коллективном труде, который он организовал и возглавил. Это самый большой литературный замысел о. Симеона — создание сборника жизнеописаний часовенных-скитожителей, патерика часовенного согласия. Как упоминается в статье Н. Н. Покровского в настоящем издании, о. Симеон не только был одним из авторов Патерика, но вплоть до своего ареста отбирал тексты, которые признавал годными для включения в Патерик, редактировал их и распоряжался о белой переписке. Черновики, как и многие письма, часто писали из-за недостатка бумаги на ее клочках, бересте, даже дощечках<sup>21</sup>.

Возможно, эта затеянная им коллективная работа показала енисейскому игумену несовершенство литературных навыков соавторов Патерика. Во всяком случае, в последние годы своей жизни о. Симеон явно предпринимал попытки передать свое писательское мастерство скитским жителям, и особенно, как показывает состав его учеников, — молодежи, чтобы не угасли традиции той литературной школы, к которой принадлежал и он сам. Как следует из показаний нескольких скитожителей на следствии в 1951 г., зимой, когда не было полевых работ, о. Симеон собирал тех, кто пограмотнее, и пытался обучить их искусству полемики. По его заданию о. Антоний, о. Ефрем, А. А. Харин, А. Г. Голдобин, И. Т. Горбунов, М. И. Глухов писали сочинения на заданную тему, в том числе — в области полемики и богословия. Это было труднее сравнительно простой работы в патериковом жанре, когда дело ограничивалось бесхитростной передачей жизненных историй, обработка которых к тому же явно доставалась на долю игумена. Возможно, о. Симеон пытался привлечь обитателей мужского скита к участию в создании расширенного варианта «Познания от твари Творца...». С этой целью он попросил их самостоятельно написать тексты, где доказывалось бы существование Бога, целесообразность творения. Подобная работа была тем более удобна для учебных целей, что заканчивая переработку своего сочинения, о. Симеон — как бы в процессе одновременного труда — мог предьявить своим ученикам свежие «контрольные» образцы по заданной теме.

<sup>20</sup> Журавель О. Д. Девствующая церковь... С. 272—287.

<sup>21</sup> Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 1. Л. 90, 90 об., 94.

Но те примеры, которые избрали ученики о. Симеона для выполнения задания, говорят не столько о самостоятельной работе, сколько о знакомстве с церковной литературой и сочинениями самого игумена, зачитывавшимися на вечерних беседах в скиту. Так, о. Антоний изобразил спор безбожника с верующим (безбожник сам Ленина не видел, но верит, что он был; следовательно, веру в Бога, которого он тоже не видел, безбожник отрицает несправедливо). Этот пассаж — вариант аналогичного эпизода из сочинения о. Симеона «О воскресении Иисуса Христа...». А. А. Харин на примере пчелиной семьи доказывал, что ее сложную деятельность можно объяснить только целесообразностью божественного творения. Это тоже скорее жанр изложения, а не сочинения, так как использованный А. А. Хариним пример с глубокой древности служит полемистам и неоднократно повторен в патристике, в естественнонаучных православных трактатах, в которых доказывается целесообразность устройства мира. Наиболее удачным было признано сочинение о. Ефрема, который на следствии упомянул только, что описал спор верующего с неверующим<sup>22</sup>. Можно предположить, что здесь о. Ефрем так же, как и о. Антоний, следовал в своем литературном опыте за наработками названного выше сочинения о. Симеона.

Завершением литературного творчества о. Симеона нужно считать его кассационную жалобу. Жестокость приговора (от 10 до 25 лет лагерей), по убеждению о. Симеона и остальных осужденных, стала результатом судебной ошибки и недобросовестности следователей. Некоторые из них отправили кассационные жалобы на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверника, в которых объясняли неправомерность как формулировок, так и существа обвинения в свой адрес, давая свое толкование зафиксированных в обвинении событий и фактов, фактически пытаясь осуществить своеобразный перевод понятий старообрядческого мировоззрения с языка своей культуры на язык советской власти. Наиболее обстоятельно и умело сделал это лидер арестованных, игумен о. Симеон, по приговору суда наказанный 25 годами лишения свободы и 5 — поражения в правах.

Уже в первых строках своей жалобы от 12 января 1952 г. о. Симеон, используя язык судебно-следственных органов при изложении сути обвинений, дезавуирует их с помощью союза «будто бы»: «Будто бы мы, отойдя от общественной жизни и уйдя в леса, тем самым сознательно вышли из общественной жизни, дабы собой явить пример другим, путем встреч поддерживали сношения с внешним миром, а сами укрывались в лесах, создав себе нелегальное положение по форме подпольных заговорщиков»<sup>23</sup>. Таежный игумен объясняет: его долг в том, чтобы просить власть предрежащих

<sup>22</sup> Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 1. Л. 187 об.; Т. 2. Л. 36 об., 37, 107 об.—108 об.

<sup>23</sup> Там же. Т. 11. Л. 215.

не только за себя, но и за всех осужденных. Игумен поставил себе трудную задачу попытаться объяснить атеистической власти суть образа жизни и мировоззрения монахов-староверов. В кассационной жалобе он писал о традициях их духовной жизни. Среди главных он назвал постоянное чтение церковной литературы и всего, «что касалось религии». Понятно, что любое участие в «мероприятиях» советской власти автоматически превращало последователей старой веры в приспешников антихриста. Перед ними вставала дилемма: отказываться от вероисповедания и порывать со своей общиной, т. е. утрачивать самоидентификацию как старообрядцев, или, следуя своему мировоззрению, уходить из сферы взаимодействия с властью, сохранив веру, душу и надежду на загробное спасение. Как правило, конкретные запреты на вступление в колхозы, на так называемый учет (особая регистрация по месту жительства) принимались не в скитах, а на общественных собраниях староверов — или в местных религиозных общинах, или на соборах представителей разных общин, получивших от скитских старцев разъяснения по поводу природы советской власти. Так было в 1-й пол. 1930-х гг. в старообрядческих общинах бывшего Нарымского края, главы которых подверглись аресту и репрессиям за сопротивление коллективизации; так продолжалось и в Красноярском крае. Отец Симеон в своей кассационной жалобе даже признался в нескольких случаях «криминального», с точки зрения властей, общения с крестьянами, однако по-прежнему совершенно не соглашался с их квалификацией как антисоветской пропаганды: «...я обвиняюсь с братией в том, что в 1939—1940 годы в Ярцевском районе провел 4 собрания на антисоветские темы. Неправда! Это были только моления, и были мне от мирян вопросы... и о труде в воскресенье. Я сказал, что грешно. Мне пожаловались старики, что в колхозе заставляют работать и в воскресенье... как и гласит вера, я подтвердил греховность такого действия. Но и только»<sup>24</sup>. Как видим, о. Симеон придавал своим оценкам не социально-политический смысл, как представители судебно-карательных органов, а религиозно-нравственный.

Аналогичным образом о. Симеон отвергал обвинения в укрывательстве дезертиров из Советской армии и беглых заключенных: «Харин и Глухов... пришли ко мне вместе в 1944 году... рассказали... что при призыве с них сорвали нательные кресты, надругались над верой и Богом. Оба они убоялись, что на поле боя падут и будут отвергнуты Господом, и посему не решились идти на войну, а убежали. Однако, убежав, во имя прощения их Богом, решили лишиться себя всего, обречь себя на всегдашнее моление и отречься от мира во имя Бога. С этим и пришли они ко мне. Если бы они пришли укрыться только как беглые преступники, я не принял бы их. Но они шли на добровольное изгнание на всю жизнь, ища тем самым милости не мирской, а Божьей. И я обязан был, как велик бы грешник не был, принять его под наш кров

<sup>24</sup> Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 11. Л. 218 об.



и учить его молитве и смирению. Так я и сделал, как велит Бог, его Евангелие и Писание. Горбунов ушел действительно из заключения, но прибыл ко мне не за укрытием, а как богомolec-отшельник, и я принял его, как ранее принял Харина. Они были послушниками и готовили себя к покрытию. Никакими антисоветскими делами они не занимались, ни агитации, ни выходок непростойных я не видел, они молились с усердием и трудились в черном труде»<sup>25</sup>.

Старообрядческий игумен действовал здесь в русле христианской традиции, направленной на спасение прибегающих к Богу; ее литературные памятники, в частности, изобиловали описанием покаяния грешников, в том числе и разбойников. Кроме того, дореволюционная история старообрядчества, в том числе и часовенного согласия, была богата примерами того, как государство отправляло в тюрьмы староверов, считая их преступниками всего лишь за «неправильную» веру. Естественно, сами староверы их таковыми не считали и в случае побега укрывали. Тем не менее о. Симеон настойчиво подчеркивал, что его скиты — не притоны дезертиров и беглых бандитов. Но именно так рассматривали тайные монастыри как красноярские следователи, так и высшие чины государства, для которых христианское учение было, в лучшем случае, «опиумом для народа», подвергающегося идейной обработке в антисоветских целях.

Касаясь обвинения в письменной пропаганде антисоветских взглядов путем распространения своих сочинений, о. Симеон вновь повторяет, что в них он «кроме религии, ничему не учил». Однако, как уже говорилось выше, там содержались новые для старообрядческой эсхатологии теоретические построения о конце света, которые включали учение об антихристовой сущности интернациональной (и российской в том числе) власти пролетариата. Во время официального следствия и в своей кассационной жалобе о. Симеон старался не входить в детали этих своих взглядов: у него был опыт их изложения одному из карателей во время разгрома скитов. Об этом рассказал А. Г. Мурачев, захваченный отрядом МГБ при разгромах скитов, но позже скрывшийся во время этапирования в Красноярск: «Начальник Щербин говорит отцу Симеону: “Вот вы живете здесь в лесу, а чем вы занимаетесь?” Отец ответил: “Молимся и книги читаем”. Говорит начальник: “Но если книги читаете, а что толку из этого? Что вы знаете?” Говорит отец: “Это вам так кажется, что в наших книгах толку нет, мы читаем — и знаем, что происходит в мире”. Говорит начальник: “Но а что по-вашему происходит в мире?” Говорит отец: “Мы пророчество сличаем с событием времени и видим, что мир объединяется и в дальнейшем должно быть одно государство во всем мире”. Начальник с веселым взглядом сказал: “Да, справедливо, отец, коммунистическая партия к этому ведет”. Говорит отец: “Тогда будет один управитель во всем мире”. Начальник радушно ответил: “Да, весь советский народ борется

<sup>25</sup> Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 11. Л. 219—219 об.

за это”. Говорит отец: “Но управитель тот будет антихрист”. Начальник лицо изменил и хмуро возразил: “Нет, наоборот, будет хороший человек”»<sup>26</sup>.

Приведенный выше разговор как в капле воды отражает неоднократно затем повторяющуюся ситуацию безнадежного диалога представителей разных культур. Самое интересное, что почти до конца собеседники одинаково описывали схему предполагаемого будущего, на самом деле — часть абсолютного разных идейных систем. Лишь в конце разговора обнаружилась их нестыковка в самом главном: для «начальника Щербина» всемирный «управитель» мыслится как явление сугубо положительное, а для о. Симеона — отрицательное. Любопытно, что Щербин, если бы строго придерживался логики своего мировоззрения, до конца не должен был соприкасаться со смыслом построения о. Симеона: для атеиста и Христос, и антихрист — персонажи суеверных сказок, неактуальные для описания судеб мира. Однако Щербин уловил тот отрицательный смысл, который с помощью понятия антихриста арестованный игумен придал всей картине коммунистического будущего, и остался этим весьма недоволен. По всей видимости, это понимание оказалось возможным вследствие знакомства (обстоятельства и степень его могли быть самыми разными) Щербина с отвергнутой православной культурой и, в частности, с эсхатологией.

Игумен писал в жалобе о своем долге защищать своих подопечных и скорее всего именно поэтому предпринял попытку объяснить советскому чиновнику суть своей культуры и ее основных понятий, добиться смягчения приговора. Эта попытка была весьма проблематичной в той государственно-правовой системе, в которой над староверами вершился суд. Хотя 12 осужденным Верховный Суд явил свое снисхождение, выразилось оно в том, что им снизили срок заключения в исправительно-трудовых лагерях с 25 до 10 лет, едва ли такое «милосердие» оставляло надежду дожить до освобождения. В отношении же себя автор кассационной жалобы, похоже, ни на что не надеялся. Но при внимательном ее чтении обнаруживается еще один смысл, вряд ли внятный адресату, но хорошо опознаваемый в координатах христианского мировоззрения. Она несомненно имела некоторые черты своеобразного исповедания веры. Думается, что сам о. Симеон отчетливо осознавал это, возможно, имея перед мысленным взором пример раннехристианских мучеников. Об их подвиге он не раз писал в своих сочинениях, фактически указывая на аналогию в поведении древнеримских и советских преследователей христиан. Недавно, как мы видели выше, в самом начале жалобы он страстно восклицает: «Для этого (служения Богу. — Н. З.) я готов на все муки и испытания».

<sup>26</sup> Мурачев А. Г. История о Дупчском ските // Духовная литература... / Публ. и комм. Н. Н. Покровского / Новосибирск, 1999. С. 285, 286; Покровский Н. Н. Общественное сознание и творчество староверов-часовенных на востоке России в XVIII—XX вв. // Вестник РГНФ. 2003. № 3(32). С. 37, 38.

О. Симеон не раз называет предъявленные обвинения облыжными наветами, временами открыто смеивает их. Игумен заявляет о своих религиозных убеждениях перед самыми высшими чинами антихристовой, по его убеждению, власти, по форме прося снисхождения, а реально бросая вызов антагонистической культуре.

Отец Симеон был одним из наиболее оригинальных и плодovitых писателей в урало-сибирской традиции часовенных. Цикл его сочинений дает редкую возможность подробно представить мировосприятие и весь спектр общественно-политических взглядов народного писателя. Это существенно и в связи с его высоким скитским статусом, что делало личное мировоззрение о. Симеона особо значимым для его единоверцев, обеспечивало длительное влияние его творчества и идей в среде единоверцев.

**Отец Антоний.** Афанасий Михайлович Людиновсков родился в 1895 г. в середняцкой, по позднейшей терминологии, семье уральских крестьян-староверов часовенного согласия. Людиновсковы в начале 1890-х гг. переехали в район Минусинска. Там, в д. Быстрой, и родился Афанасий. Однако, прожив на новых местах 12 лет, семья вернулась на родину, в Кыштым (тогда — Екатеринбургского уезда Пермской губернии).

Урало-Сибирский патерик, согласно агиографическому этикету, особенно подчеркивал христианские добродетели Людиновсковых и, в частности, их стремление к монашеству. Но кроме канона за этими рассказами стояла и реальность старообрядческих традиций. Как теперь хорошо известно, урало-сибирские старообрядческие монастыри были связаны со своими единоверцами тесными экономическими и родственными связями, часто выполняя роль института общественного призрения. Во всяком случае, все три известные нам поколения Людиновсковых пополняли часовенные скиты: там в конце концов оказались бабушка Афанасия по отцу, его родители и, кажется, вся молодежь последнего поколения, которая вообще предпочла семей не создавать.

Сестры Афанасия, Александра и Татьяна, очень рано ушли в знаменитый Сунгульский скит, Афанасию же пришлось сначала отслужить в армии. Затем в его биографии — первая мировая война, плен, возвращение домой (по сведениям Патерика — в результате группового побега). Антоний на допросах в 1951 г. почему-то пытался скрыть истинную дату возвращения. У следователя была своя задача: из контекста ответов на его вопросы понятно, что он старался выяснить, не был ли Антоний связан с колчаковцами. Так или иначе, послереволюционный мир, очевидно, показался Афанасию поработанным слугами антихриста настолько, что он уходит в скит, что по терминологии советского следствия значило «переход на нелегальное положение»: старообрядческие монастыри в 20-е гг. новой властью не признавались.

В 1926 г. Афанасий Михайлович Людиновсков приходит в скит о. Саввы в Колыванской тайге, через два года получает пострижение с именем Антоний и поступает в послушание к о. Симеону. На плечи молодого черноризца легли трудные заботы. Монастырь опекал женские скиты — даже те, которые не находились в его непосредственном подчинении. Уже в первый год своего пострижения Антоний был направлен о. Саввой в томскую тайгу «с просьбой к христороубцам» найти новое место для Сунгульского женского скита, который в начале 20-х гг. переселился от голода и преследований властей в тюменские пределы, а в конце этого десятилетия был вынужден бежать и оттуда. Приехав на заимку Корга (территория Пудинского сельсовета, около 100 км от монастыря о. Саввы), Антоний сумел «возбудить христороубцев строить келии» для скитниц; он работал с ними вместе<sup>27</sup>. В этом скиту подвизались мать и сестра о. Антония, его стариц он знал еще с сунгульских времен, и забота о них отныне сопровождала его всю жизнь. Через некоторое время Антоний стал и духовным отцом скитниц.

Авторы Патерика позже вспоминали, что уже будучи настоятелем, «о. Антоний по освобождении (из лагеря. — *Н. З.*) принимал братию на исповедь, и стариц, и много мирян, великое имел о сем попечение... Некая старица спросила его: “Отче святыи, поди, тебе трудно, столько нас много принимаешь, каждую нас надо наставить на путь спасения и успокоить во всем”. Он сказал: “Я бы ровно весь мир принял, и мне не в тягость было бы... У царя небеснаго места хватит во царствии небесном, аще и весь мир бы обратился и покался”»<sup>28</sup>.

Вскоре началась многолетняя эпопея бегства монастыря в Восточную Сибирь. «Отец Антоний великия переносил труды и опасности в различных путешествиях ... и переселениях с места на место. Когда опасно стало жить на Парбике, — рассказывает в Патерике, — насоветовали посмотреть новые места. Отец Антоний... в 7444-м (1936. — *Н. З.*) году 21 мая поехал на лодке на Кас, по рассмотрении мест возвратился обратно зимой... 23 декабря пошел с попутным Кирилом Я. (Кириллом Яковлевичем Лаптевым, родным братом о. Симеона. — *Н. З.*) пешком, продуктов пудов около пяти везли на нартах в самые морозы, были бураны, дорогу заметало. Так шли верст 300 до Краснаго Яра, в нем купили лошаденку маломальну, говорят, хотя бы котомки везла, а сами пешком»<sup>29</sup>. Пять лет подряд зимой и летом Антоний постоянно находился в пути, помогая переселению скитов, выбирая безопасные удаленные места, строя кельи, налаживая на новых местах нехитрое, но необходимое для выживания монастыря хозяйство.

<sup>27</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 4/90-г. Л. 137 об.

<sup>28</sup> Там же. Л. 153.

<sup>29</sup> Там же. Л. 138 об.

Тяжелый надрывный труд не прошел бесследно. В 1951 г. тюремная медицинская экспертиза признала о. Антония годным только к легкому физическому труду: у него был поврежден левый глаз, обнаружилась правосторонняя паховая грыжа. В конце жизни, по свидетельству Патерика, «у него ... болел живот, подпирало под грудь... грудь и живот были запухшие»; страдал он и ревматизмом<sup>30</sup>.

После разгрома в 1951 г. скитов арестованный о. Антоний, как и большинство их обитателей, не признал себя виновным в антисоветской агитации, но получил, несмотря на это, 25 лет по обвинительному приговору. Кассационной жалобы он не подавал, амнистирован был вместе со своими поделниками в 1954 г. и в декабре того же года освобожден<sup>31</sup>. Скиты через некоторое время регенерировали, и о. Антоний возглавлял их до своей смерти в 1977 г.

Еще в начале монашеской жизни о. Антония заботы наставничества и проповеди рано привели его к попыткам взяться за перо. И здесь о. Симеон оказался строже других к своему послушнику. Одна из стариц позже вспоминала, что о. Антонию «о. Симеон, видно, не шибко советовал писать, а отец Сава сказал: “Пушай пишет!”». Выше уже упоминалось, что в зимнее время уже на Дубчесе о. Антоний писал сочинения на своеобразных «уроках мастерства», которые проводил о. Симеон.

Однако не на богословских или полемических сочинениях сосредоточил основные свои усилия о. Антоний. По-видимому, излюбленными у него были два популярных в старообрядческой книжности жанра: «Много он написал кратких ... цветников и поучительных писем просящим», — вспоминает один из авторов Патерика. Цветниками обычно называли сборники, в которых были собраны различные извлечения из творений отцов церкви и авторитетных старообрядческих писателей. О содержании и объеме одного из подобных цветников упоминает сам о. Антоний в 1976 г., за год до смерти, в письме о. Максиму: «Вот ныне зимой кое-как написал цветник на тетрадной бумаге, за лишним 100 листов, о болезнях, о смертной памяти, о воскресении мертвых, о суде и прочее кое о чем полезное для спасения душевнаго»<sup>32</sup>.

Больше можно сказать о посланиях о. Антония. В основном, они сохранились в отрывках, которые цитируются в Патерике. Жанр посланий был, как и другие, унаследован старообрядчеством от древнерусской литературы, очевидно, со многими его особенностями. Даже по отрывкам из Патерика видно, что, как и в древнерусском жанре, резкой грани между частным письмом и поучительным посланием для более широкой аудитории у о. Антония не было. Эта особенность, по-видимому, сознательно культивировалась в патриархальной старообрядческой среде. Скит восприни-

<sup>30</sup> Архив Управления ФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 1. Л. 120, 165; Собрание ИИ СО РАН. № 4/90-г. Л. 152.

<sup>31</sup> Там же. Т. 11. Л. 59, 407, 408.

<sup>32</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 4/90-г. Л. 147, 149, 149 об.

мался как единственное святое место<sup>33</sup>, сохранившееся в царстве слуг антихриста, где можно спасти душу; его жители осознавали себя как носителей особой миссии по отношению к окружающему миру. Поэтому и их частные письма нередко включали в себя поучение в том или ином виде.

О некоторых посланиях о. Антония мы знаем лишь в кратком пересказе Патерика. Так, в 1964 или 1965 г. он отправляет «большое письмо м. Тавифе и м. Анатолии с сестрами, в нем пишет об обычаях отца Савы и о кончине его, о ревнителях и о перемещении в енисейския пределы»<sup>34</sup>. Оно, очевидно, относится к истории общины, к составлению Патерика (как отмечено во введении к последнему, написан он был «по благословению о. Симеона и о. Антония»).

Почти полностью приводит Патерик самое раннее из известных нам посланий о. Антония. Оно помещено в начале 57 главы Патерика, посвященной самому Антонию<sup>35</sup>. Письмо предназначалось родной сестре Александре (по накрытии — м. Алевтине), которая жила в тюменских пределах, в скиту на р. Танаевке. В Патерик не вошло начало этого частного письма, не нужное для целей агиографического сборника: опущен адрес, обращение, формулы приветствия. Однако сохранена конечная часть с новой его подписью — сообщением имени, данного при пострижении, и датой этого события (15 февраля 1928 г.), что позволяет примерно датировать письмо, появившееся, видимо, вскоре после этого события.

Но частное, в общем-то, по назначению и деталям личного характера письмо изначально создавалось как поучение, об этом просила сама Александра: «...ты, сестро, просишь от мене совета, как бы тебе не погибнуть и жизнь бы твоя была Богу приятна...». Именно поэтому все реальные бытовые детали, обсуждавшиеся в нем (болезнь Александры, ее желание переселиться поближе к брату, проблема с разрешением на это главы скитов и т. д.), включены в контекст поучения о христианских добродетелях и тем самым выводятся из области мирского, обыденного в сферу сакрального. То, что Антонию удалось превратить личное письмо в общезначимое послание-поучение, подтверждает факт включения его в Патерик.

Поскольку сестра готовилась к постригу, Антоний дает ей главные, в общем-то элементарные наставления о том, как себя вести, чтобы быть достойной «накрытия», что нужно искать в иночестве. Уже в этом раннем

---

<sup>33</sup> См. об этом также: *Журавель О. Д.* «Мать-пустыня» (к проблеме изучения народно-христианских традиций в культуре старообрядчества) // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 32—41; *Полетаева Е. А.* «Уход в пустыню» в древнерусской и старообрядческой традиции (на материале севернорусской агиографии и старообрядческих сочинений) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1998. Вып. II. С. 198—213.

<sup>34</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 4/90-г. Л. 147.

<sup>35</sup> Там же. Л. 135 об.—137.

послании проявляется черта, которая хотя и входит в общий стандарт монашеских добродетелей, но, видимо, как-то особенно характерна для личности о. Антония. На просьбу сестры наставить ее он отвечает: «...и кто есмь аз, да научу тя сему, когда аз отнюд того не творю». В конце письма о. Антоний отказывается от авторства поучения: «...писал не от себе, ни от своего разума, но яже слышах от отца моего и за любовь возвестих ти по благословиению его». Подчеркнутое самоуничужение усилено здесь реальным фактом того, что постриг и, следовательно, особое право наставлять в этой области, были получены им совсем недавно.

Став в дальнейшем (после освобождения из лагеря и до смерти) глубоко почитаемым игуменом, имевшим огромное количество духовных детей, истово выполнявшим свою наставническую обязанность, Антоний продолжает сокрушаться: «егда аз, многогрешный, писал возлюбленным братиям и старицам и после всего написания решил нечто написать и о себе, да вси познают мое непотребное поведение: ни Богу, ни добрым людям, что я, грешный многим пишу, и говорю, и вспоминаю некоторым некия недостатки, а сам более всех имею недостатков, но за собой не вижу, но точию, не перестая, осуждаю всегда ближняго... Не может минуть ни един мал часец, дабы аз, многогрешный, в чесом не ошибся и не согрешил... О, старче, познай свою немощь, кто еси, яко земля еси и пепел и под ногами у всех, и что возносишься...»<sup>36</sup>. И за год до смерти в письме к о. Максиму он писал о том же: «Здравие у меня, грешнаго, что-то видимо слабеет... я, грешный, уже выхожу из строю, пишу тихо, а делать уже ничего не делаю, но туне ям хлеб и не потребен ни Богу, ни добрым людям. Подвига тоже нет. Ранее думал, что постарее буду и тогда буду готовиться ко исходу, но вышла большая ошибка, и не заметил, когда протекли лета моей грешной жизни. Конечно, для вас его не интересно, но я для того его писнул, дабы кто из вас тако же не мог ошибиться»<sup>37</sup>. И здесь опыт своей жизни о. Антоний делает поучением для монастырской братии.

Из пространных посланий о. Антония полностью в наших руках есть лишь одно, содержание которого Патерик кратко раскрыл следующим образом: «большое письмо поучительное христианом о покаянии, о молитве, о крестном знамении, о последнем времени, о смешении с еретики, о пьянстве» (между 1964 и 13 марта 1977 г.)<sup>38</sup>. О его авторстве известно со слов А. Г. Мурачева. Послание весьма обширно, написано на 48 листах с оборотами; мотивация его создания вполне соответствует средневековым образцам с их постоянной апелляцией к теме конца света и Страшного суда. Поводом к созданию послания о. Антоний называет какие-то слухи

<sup>36</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 4/90-г. Л. 147—148.

<sup>37</sup> Там же. Л. 149, 149 об.

<sup>38</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 5/97-г. Л. 1—48; N 4/90-г. Л. 147.

о грядущих государственных преобразованиях: «Осенесь услышал новое и зело опасное для нас, христиан, что хотят изменить законы и отставить от празднования Воскресение Христово и хотят пустить в ход число антихристово, сиречь 666. Увы, и что се хошет быти, наверно, уже близ кончина миру, страх и ужас близ есть»<sup>39</sup>.

Традиционная главная посылка — «век уже болеет и к концу приближается» — определила столь же традиционный набор поучений в послании о. Антония. Сквозная мысль, которая пронизывает весь текст: следует постоянно быть готовыми к Страшному суду, и ранее этого — к собственной смерти (общехристианское *memento mori*). Давно отмечено, что конец средневековья в Европе ознаменовался резким усилением проповеди страха перед Божеством, что разрушило прежнее равновесие между милостью и угрозой. Бог стал представляться прежде всего карающим судьей. Рассуждая об этом, А. Я. Гуревич привел фразу одного французского кюре о смысле жизни: «Мы рождаемся, чтобы умереть, а умираем для того, чтобы быть судимыми»<sup>40</sup>. В полной мере все эти соображения можно отнести и к русскому старообрядчеству, возникшему в России в переходный от средневековья к Новому времени период и сохранившему кризисное мироощущение до сегодняшнего дня. Близко к формуле упомянутого кюре высказалась в 1951 г. в письме к матери молодая крестьянка, белица нижеенисейского скита: «Мы родились не жить, а спасти душу. Жить будем на будущем, если кто заслужит»<sup>41</sup>.

В самом начале своего послания нижеенисейский игумен кратко набрасывает программу того, как готовить себя к ответу перед Богом: жить по заповедям в страхе Божьем, в воздержании, посте и молитве, трезвости и бодрости, «хранить веру непорочну и вси законы христианския и обычаи, во первых, власы, браду, одежду, а также и житие, чтобы по всему можно было познать нас, что действительно мы христиани... да еще и то надо бы неколи же забывать, отход еже отсюда, сиречь смертный час... и Суд страшный»<sup>42</sup>.

Не нужно, исходя из этой цитаты, думать, что для енисейского игумена соблюдение законов веры заключалось в первую очередь в сохранении традиционного внешнего облика. Дело здесь в уходящем корнями в средневековые символизме старообрядческого менталитета и конкретно-образном мышлении часовенного проповедника (обычном и для «народного католицизма», и для «народного православия»). Специфика внешнего облика в традиционных обществах, как известно, указывала на принадлежность к определенной культуре, в том числе и религиозной. Для старообрядче-

<sup>39</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 5/97-г. Л.1.

<sup>40</sup> Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. С. 94.

<sup>41</sup> Зольникова Н. Д. Скитская переписка: Нижний Енисей, 1951 // Памятники культуры. Новые открытия. 1999. М., 2000. С. 123.

<sup>42</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 5/97-г. Л. 1—3 об.



ства после реформ XVII — начала XVIII вв., как и всех последующих изменений, верность особому типу одежды, прически и т. п. была внешним выражением принадлежности к «истинным христианам», которым нельзя было поступать так же, как и основами вероучения. Известен расхожий аргумент староверов в пользу бороды: раз Господь изображается на иконах с бородой, то это и есть тот образец, по подобию которого был создан человек. О. Антоний, упрекая в своем послании женщин, употребляющих косметику, спрашивает: «Увы! Как может Бог признать в них свое создание и свой образ, когда они носят дьявольское лице?». Внешнее несоответствие божьему образу, по о. Антонию, отражало порочное внутреннее состояние души, когда человека поглощали заботы не о ней, а о теле, ее временном и тленном вместилище, и присущие ему страсти<sup>43</sup>.

Наставляя свою паству на путь спасения, о. Антоний гораздо более, чем о внешнем облике, говорит о способах самоусовершенствования — например, о том, «как себя укорять» и каяться, как бороться с дурными помыслами, об искушениях во время молитвы и т. д.<sup>44</sup> Многие из этих сложных тем разрабатывались корифеями византийского и русского исихазма: о. Антоний ссылается на творения св. Симеона Нового Богослова, страницами цитирует преп. Нила Сорского; их в енисейских скитах активно читали и пытались им следовать<sup>45</sup>. А для того, чтобы эти тонкие материи были усвоены не только обитателями скитов, но и духовными детьми игумена из крестьянской округи, он и вводит в оборот «примеры» — конкретные иллюстрации к абстрактной морали: «... и пописал вам немного от Божественного писания, некия примеры, и события, и поучения святых отец, ведущие на путь спасения»<sup>46</sup>. Это перечисление вполне соотносится с перечнем литературных источников европейских средневековых *exempla* — кратких рассказов о чудесном вмешательстве сакральных сил в обыденную жизнь; сборники таких «примеров» составлялись в помощь проповедникам<sup>47</sup>.

Свое поучение о богоспасаемости мучения за Христа (вполне возможно, вспоминая и о жестоких преследованиях староверов в послереволюционные десятилетия, связанных, в том числе, с проблемой церковных праздников) о. Антоний иллюстрирует житийным примером из Четых миней о страдании вавилонского царя, в крещении Иоанна. Призывая пасомых из молодежи читать священные книги, даже если в них не все понятно, нижеенисейский игумен приводит в пример чудо с преп. Арсением — явление ангела, растол-

<sup>43</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 5/97-г. Л. 4—5 об.

<sup>44</sup> Там же. Л. 17, 27—32.

<sup>45</sup> Зольникова Н. Д. Традиции исихазма в скитах Урала и Сибири XX в. // Культурное наследие средневековой Руси в традициях урало-сибирского старообрядчества. Новосибирск, 1999. С. 64—74.

<sup>46</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 5/97-г. Л. 25 об., 26.

<sup>47</sup> Гуревич А. Я. Культура и общество... С. 48, 62.

ковавшего ему видение-загадку. Еще один «пример» из послания о. Антония напрямую связан с западно-европейской традицией сборников *exempla*. Необходимость и спасительность исповеди и покаяния он проиллюстрировал рассказом о чудесном явлении Троицы погрязшему в грехах парижскому студенту. Источник «примера» — Великое Зерцало (переводной памятник, созданный на основе западноевропейского сборника *exempla*<sup>48</sup>).

В послании о. Антония не прослеживается жесткая логическая структура. Скорее, оно напоминает цепочку всевозможных описанных выше поучительных примеров на ряд тем, скрепленную призывами о. Антония к покаянию, к добрым делам и т. д. Материал для поучений, как мы видели, в значительной мере он черпает у отцов церкви, включая в послание большие отрывки их произведений; иногда к ним он присоединяет пересказы житий святых. Использует о. Антоний и целые куски своих сочинений. Не редкость в послании внутренние повторы. В этой компиляции внимание привлекают заключительные примеры, почерпнутые уже из быта сибирских крестьян. В конце своего послания о. Антоний перешел от «примеров» из средневекового фонда легенд и чудес к классическим актуальным *exempla*, в основе которых — случаи из повседневной жизни староверов урало-сибирского региона вообще и ближайшей округи в частности. Главной темой при обращении к местным реалиям оказался ставший распространенным в среде старообрядчества в XX в., и в особенности в его второй половине, грех пьянства, который о. Антоний тесно увязывал с другим душепагубным для староверов отступлением от «христианского закона» — «смешательством» с иноверными и безбожниками. И употребление спиртного, и общение с теми, кто не принадлежал к исповедовавшим «истинную веру» — тема постоянного осуждения в сочинениях староверов и их соборных постановлениях, восходящая к средневековым православным традициям<sup>49</sup>. Внезапная драматическая (как и положено по канону *exempla*) смерть повинных в том или другом грехе, или же в обоих разом — сквозная тема «примеров» о. Антония. Не успев раскаяться и исправиться, такие грешники, по воззрениям староверов, теряли возможность спасения души: им отказывали в «христианском» погребении, за них нельзя было молиться. В своих «примерах» енисейский игумен в полном соответствии с законами *exempla* указывает точные географические координаты события, время, имена действующих лиц, часто их возраст. В форме повествования, как и в отмеченных А. Я. Гуревичем средневековых европейских *exempla*, воспроизводится структура устного рассказа. И если в предыдущих «примерах» литературного, чаще всего житийного происхождения преобладал церковнославянский язык, то здесь

<sup>48</sup> Зольникова Н. Д. Традиции средневековых *exempla* в творчестве староверов востока России (XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2001. № 2. С. 12, 13.

<sup>49</sup> Подробнее об этом см.: Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 59—104.

употребляется преимущественно современный разговорный. «На Урале, в Пермской области, — ведет рассказ о. Антоний, — деревня Симонята, бе некий человек, настоятель был, именем Сергей, молодой, мало более 30-ти лет. Жил воздержно и поучал людей на духовную жизнь, а сам никогда не пил. И в лето 7434 (1926. — Н. 3.) приблизительно 15-го июня, пошли втроем во иную деревню Рошшу, верст 10, на духовную беседу. И только переехали реку Сылву, и там некий человек гнал самогонку, и их угостил, и каким образом сей настоятель согласился выпить, потому что он раньше никогда не пил, и говорят его спутники, что выпил зело мало. И тогда уже не пошли на беседу, но вернулись обратно. И только переехали обратно реку, и он сказал, что я спать хочу, и на берешке лег на солнце, а оные два человека ушли по домам. А сего человека жена несколько раз посылала девочку по него, почто там Сережа спит. И она прибежит к матери, и скажет: “Мама, он там спит, спит да спит”. И до вечера доспал. Вечером пошли к нему, а он уже еле жив и не говорит. И его увезли домой и долго отваживались, но уже отводиться не могли и вывезли в поле, увы, как скотину. И не через долгое время в этом селе ночью приезжают на вороных конях два человека в военных формах, в вострых касках к кузнецам и просят их подковать коней, говорят, нам необходимо нужно, мы вам заплатим. И кузнецы двое же пошли ковать... и врас нечаянно конь человеческим голосом заверещал, у кузнецов от страха и руки оцепенели, а мнимыя люди пали на коней и угнали. И бесныя выкликивали: “Вот как мы на Сереже-то гоням, только копыта шшелкают”»<sup>50</sup>.

Тема гибели ранее праведного человека всего лишь от одной рюмки спиртного продолжается в другом примере: «И в тех же пределах (речь шла о деревне Ильино Тюменской области. — Н. 3.) некий юноша, богатых родителей один сын, выпил точию одну рюмку вина и внезапно умер. И родители его, от печали сокрушаемы, повсюду ездили и хлопотали, дабы разрешили за него молиться. И на горах некий старец сказал им: “Откопайте его и посмотрите, если так же лежит, как его похоронили, тогда молитесь, а если же лежит внис лицом, тогда скажите: «Буди трое проклят!»”. И когда его открыли, и он лежит вниз лицом. И родитель его сказал: “Буди трое проклят!”. А родительница, как только увидела, что он лежит вниз лицом, и сразу ума лишилась»<sup>51</sup>.

В этих двух «примерах» налицо такой конститутивный элемент ехеп-рла, как чудо, сверхъестественное событие. В нем знаковое действие потусторонних сил свидетельствует о судьбе бывших членов мира живых, происходит встреча двух миров. В обоих случаях чудесные события оказались фольклоризованы. Так, в эпизоде с посмертной судьбой настоятеля Сергея использован сказочный мотив превращения человека в коня, причем конь

<sup>50</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 5/97-г. Л. 42 об.—43 об.

<sup>51</sup> Там же. Л. 43 об., 44.

оказывается вороным, как и положено колдовским лошадям. Вообще, использование нечистой силой человека в качестве перевозочного средства, в частности, коня — общеевропейский фольклорный мотив. Превращение происходит ночью (опять-таки излюбленное время колдовства) в кузнице, месте тоже непростом, т. к. кузнецы еще в дохристианское время имели репутацию колдунов. Во втором «примере» святой старец с гор — скорее всего, отшельник из часовенных скитов со знаменитых уральских Веселых гор, но в то же время он явно обладает магическими знаниями не совсем христианского толка: погребенное тело, повернутое лицом к «своему» месту, подземному миру, не только несет на себе знак принадлежности сфере сатаны, но и имеет отношение к общефольклорному персонажу — волшебному мертвецу. О «живых трупах» европейских средневековых ехемпла — телах без душ, обладавших способностью передвигаться, так как ими владели бесы, также писал А. Я. Гуревич<sup>52</sup>.

Послание о. Антония в конце дополнено еще одним «примером» с чудесным событием, тоже отмеченным фольклорным влиянием. Дополнение, видимо, сделано не им самим, а кем-то из читателей, возможно, скитскими книжниками — вместо характерного для о. Антония употребления единственного числа, когда он говорил от своего лица, употребляется множественное. В этом последнем «примере» рассказывается о событии, которое произошло в 1957 или 1958 г. (в тексте послания — 7466 г. от сотворения мира) с человеком, который обладал добродетелями («христианин, грамотной петь и читать и не мешался шипко»), но «выпивать любил». По дороге к нему, уже бывшему под хмельком, пристали какие-то прохожие с предложением выпить. «Христианина»-традиционалиста насторожило бесчиние: «Какая же на дороге выпивка?». Тогда бесы, скрывавшиеся, как оказалось, под личиной пьяниц, саморазоблачились и напали в открытую с криками: «Давайте из него душонку вытрясем». Спаситься помогла вовремя произнесенная молитва; «а, догадался», — расстроившись, удалилась нечистая сила. После этого герой рассказа долго не пил, но потом вновь вернулся к своей привычке, и рассказчики добавляют от себя, что не знают, каков будет итог<sup>53</sup>. Характерная деталь: имя героя не было упомянуто по этическим соображениям: он еще был жив. Однако на нижнем поле заключительного листа рукописи имеется дополнение другим почерком, сделанное позже каким-то читателем этого сочинения: «Но сей человек сейчас уже покойной, имя Тарас Иудович». Подлинность события, что так важно было для ехемпла, таким образом была дополнительно подтверждена, хотя итог для души героя так и не был уточнен — видимо, легенда не получила развития.

<sup>52</sup> Гуревич А. Я. Культура и общество... С. 79—81.

<sup>53</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 5/97-г. Л. 47 об, 48.

Для остальных «примеров» из жизни, с помощью которых о. Антоний увещевал свою паству, а их большинство, характерно отсутствие прямого проявления сверхъестественных сил в мире живых. Момент общения двух миров — лишь внезапная, неожиданная смерть человека, древнейший мотив иудео-христианской традиции. Спасение или гибель души здесь не связаны с чудом, а зависят только от того, выполнял ли человек принятые в общине правила «христианского закона» и жил ли по принципу «*memeto mori*». Та или иная катастрофа, составляя кульминацию каждого примера, фактически вытесняет чудесное событие из ткани *exempli*. Так, внезапная смерть постигла в 1927 г. тюменского крестьянина, приехавшего в сельсовет получить деньги за сданных гусей и соблазнившегося выпить всего один стакан вина<sup>54</sup>. Через год, повествовал о. Антоний, злая смерть зимней дорогой постигла другого крестьянина после одной впервые выпитой им рюмки вина, которую ему навязали люди, явно к «христианам» не относившиеся. Катастрофичность ситуации усугублялась тем, что крестьянин уже пострадал до этого, но праведным страданием — был «раскулачен», изгнан со своей семьей из дома и угнан на принудительные работы. На этих-то работах он и работал вместе, а также и квартировал, с будущими собутыльниками, погубившими его и принесшими несчастье и без того обездоленной семье. Так, по невысказанной морали этого «примера», погибли все прошлые заслуги «христианина», оказавшегося недостаточно твердым при вынужденном общении с «чужими», впавшего в грех приобщения к спиртному и одновременно допустившего запрещенное «смешение» с ними.

Характерно, что в «примерах» довоенной хронологической привязки сохранилось возникшее тогда у староверов острое восприятие как бесовских, несущих гибель душе, новых порядков и их носителей, разрушительно вторгшихся в крестьянскую жизнь. Так, в рассказе о наставнике Сергее бесы в кузницу явились в образе конных красноармейцев в буденновках, тюменского крестьянина соблазн настиг в связи с приездом в сельсовет, эпизод с нравственным падением оказавшегося на принудительных работах крестьянина произошел в конечном итоге именно потому, что его «раскулачили», лишили благочестивой среды «своих» и тем самым толкнули к смешению с неверными.

Мы видели, как Патерик использовал послания о. Антония, написанные в разное время. Но писал он и специально для Патерика. Кроме житийных текстов, ему принадлежат несколько назидательных рассказов в третьей части Патерика, которая посвящена не житиям, а всевозможным «чудесным событиям». В частности, упомянутый сюжет о наставнике Сергее включен и в Патерик, с пометкой «с рукописи о. Антония»<sup>55</sup>. Однако его патерико-

<sup>54</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 5/97-г. Л. 43 об.

<sup>55</sup> Там же. Л. 107—108.

вые рассказы, за несколькими исключениями, не принадлежат только ему, дополнены тем или иным соавтором; к тому же тексты обычно обрабатывались при включении в патерик. Поэтому оценки патериковых текстов о. Антония вынужденно должны иметь приблизительный характер.

Наиболее значителен вклад о. Антония в четырех житиях: его самого (житие, как таковое, создано было, скорее всего, уже после смерти о. Антония, и для него использовался как архив согласия, так и мемуары Антония, созданные в качестве «заготовок» для Патерика в целом), его сестры Татьяны (м. Тавифы), о. Симеона и о. Георгия. В первых двух случаях жития насыщены подробными биографическими и автобиографическими сведениями с указанием многочисленных дат и конкретных обстоятельств. Эти биографические сведения укладывались в каноническую схему жития преподобного: происхождение от благочестивых родителей, стремление с юности к постригу и т. д. А весь жизненный путь о. Антония и м. Тавифы осмысливается как проявление христианских и монашеских добродетелей и борьба с темными силами.

Тексты о. Антония, использованные в житиях о. Симеона и о. Георгия, как раз полны той жизненной остроты, о которой писал в применении к севернорусским житиям Л. А. Дмитриев<sup>56</sup>. Это рассказы о той добродетели, которая равно ценилась как крестьянством, так и монахами скитской традиции, связанной, в том числе, и с заветами Нила Сорского о личном труде как основе жизни. С большим пиететом повествуя о традициях монастырского устава, строго поддерживаемых о. Симеоном, о. Антоний прежде всего подчеркивает в них требование честного труда, категорическое осуждение лени и возможных попыток часть своей работы переложить на других. В рассказе же о монастырских обязанностях о. Георгия звучит откровенное восхищение его крестьянским талантом<sup>57</sup>. Тот же подчеркнутый документализм и реализм подробностей присущ и рассказам о. Антония о чудесах. Около десятка таких его рассказов включено в разные жития Патерика. В них в основном описаны его чудесные исцеления при обращении к помощи как канонизированных святых, так и местночтимых из числа усопших старообрядческих старцев и стариц. Иногда он обращается к тем и другим одновременно, тем самым как бы признавая за ними одинаковый статус.

Единственной известной нам попыткой о. Антония создать богословское сочинение, подобное написанным о. Симеоном, можно считать большое, на 36 листах произведение с пространным названием: «Укрепление христианского чувства, истинного разума, о непостижимости Творца, о воскресении Христовом, и о проповеди евангельской, и о обращении

<sup>56</sup> Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973.

<sup>57</sup> О житии о. Георгия см.: Покровский Н. За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир. 1991. № 9. С. 83, 84.

язычества, и о скончание мира»<sup>58</sup>. Главная цель его отражена в первых словах названия и приводит на память аналогичные работы предшественника о. Антония по игуменству, о. Симеона, и целый ряд сочинений последнего, написанных с целью противостоять атеистической пропаганде и наступлению безбожной культуры вообще. Вероятно, без большой натяжки можно сказать, что труд о. Антония — вариация на темы сочинений о. Симеона. В «Укреплении христианского чувства...» о. Антоний с первых строк высказывает те же идеи, что и о. Симеон в «Познании от твари Творца...»: о существовании высшей силы, устроившей все разнообразие мира и управляющей им, о возможности познания Бога через наблюдение целесообразности творения. Так же, как и о. Симеон, о. Антоний использует для своих целей труды так называемых «внешних» авторов — писателей XIX—XX вв., не принадлежавших к старообрядчеству. Сама структура сочинения о. Антония также аналогична схеме, положенной в основу трудов о. Симеона: начинается он с цитат из отцов церкви, как бы предвещающих те отступления от веры, на обличение которых будет направлен основной пафос. Затем изложены достижения материалистической науки, часть из которых осмысливается и подается как подтверждение собственных тезисов, с другими же разворачивается полемика.

Мотивы сочинений о. Симеона, присущие ему словоупотребления встречаются едва ли не на каждой странице «Укрепления христианского чувства...». Рассуждая о творении, о. Антоний так же, как и о. Симеон, называет Бога Творцом и Управителем вселенной, близкими аргументами отмечает роль «слепого случая». Как и его учитель, о. Антоний ведет спор, опираясь на средневековые астрономические представления. Если о. Симеон опровергал теорию происхождения солнечной системы и жизни на земле, отталкиваясь от статьи в «Крестьянском календаре» и современных ему школьных учебниках, то о. Антоний обсуждал достижения современной ему астрономии (сведения о высоких температурах на Солнце) и полет Гагарина, который до рая «не долетел, наверно, плотенному никому не долететь». И, наконец, у о. Антония есть и прямые многостраничные заимствования, раскavyченные цитаты из сочинений о. Симеона, в основном, из «Воскресения Иисуса Христа...»<sup>59</sup>. И это, безусловно, не плагиат беспомощного подражателя, а привычный для книжника средневековой традиции прием компиляции (вспомним о многочисленных «цветниках», написанных Антонием).

При том, что сочинение о. Антония носит, как мы видели, сугубо подражательный характер, у него есть и свои ярко выраженные особенности. О. Антоний гораздо больше своего учителя был подвержен влиянию фоль-

<sup>58</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 22/90-г.

<sup>59</sup> Ср. «Укрепление христианского чувства...» (Собрание ИИ СО РАН. № 22/90-г. Л. 17—20, 26 об.—31) и «О воскресении Иисуса Христа...» (Там же. № 2/94-г. Л. 73, 75 об.—79 об., 82).

клора и, по-видимому, менее начитан. Так, пытаясь по примеру о. Симеона дать очерк мировой истории, о. Антоний весьма неожиданно для старообрядческого начетчика толкует библейские мифы. Вот как он описывает начало человеческой истории: «...два рода было. От Каина-братоубийца сынове человечестии нарицалися, а от Авеля — сыны Божии, и емя заповедано было от Бога не брачатися с каиновым родом. Но они преступили заповедь, начали брать без разбору, похоже нынешним. За сие Господь потопил тот род водой, точию Ноя с семейством 8 душ сохранил в Ковчеге, который и до сего времени стоит на горе Арарат в горном езере в замерзшей воде, при помощи низкой температуры сохранился длинное время»<sup>60</sup>.

Как видим, Антоний спутал Авеля с Сифом, от которого православная традиция истолкований начала человеческой истории и ведет происхождение «детей божьих»<sup>61</sup>. Легенда о находке ковчега на Арарате со ссылками на газетную периодику конца XIX — начала XX в. зафиксирована в третьей части Урало-Сибирского патерика, откуда, вероятно, о. Антоний ее и заимствовал. Стоит еще отметить, что, как и в житиях, в этом сочинении о. Антоний озабочен доказательством достоверности излагаемых чудесных событий: «Гора Арарат вертикально семь километров, экспедиция точно исследовала, с библейской историей точно»<sup>62</sup>. Интересно, что вечная сохранность ковчега отнесена о. Антонием к естественным причинам, а не к области чудесного, что было бы не удивительно для предмета, связанного с одним из самых знаменитых событий Священной истории. Это несомненное влияние на традиционное сознание культуры Нового времени.

Фольклорной, несколько сказочной (естественно, не функционально) представляется в сочинении о. Антония апокрифическая интерпретация библейского сюжета о Вавилонской башне: после Ноя у людей «потоп бывшей, аки в зеркале, на уме был. Сего ради задумали столп создать кирпичной, ибо язык един был всем, сила и разум большой, если паки Господь наведет потоп, то мы, дескать, зайдем на столп и сохранимся от потопа. И уже создали большой, три версты в кавадрат в высоту и в ширину. И во время делания, когда зашли все на столп работать, и Господь разсеял их по лицу всея земли и по островам морским, и языки их размесил, и образа изменил, каждого по нравственности, насколько кто ожесточен был. А до того един язык был адамов, сирской. А Евер не согласился с ними, не пошел на строительство, у них остался природной язык, адамов. И от того время, от Евера, род пошел евреев, за сие они были любимы Богом»<sup>63</sup>.

<sup>60</sup> Там же. № 22/90-г. Л. 21 об.

<sup>61</sup> См., например: Творения бл. Феодорита, епископа Кирского. Ч. 6. М., 1859. С. 27, 28.

<sup>62</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 5/91-г. Л. 7 об.—10 об.; № 22/90-г. Л. 22.

<sup>63</sup> Там же. № 22/90-г. Л. 22, 22 об.



В приведенном отрывке поражает и необыкновенно яркая, конкретная картина вавилонской стройки, нарисованная крестьянским писателем, и формулировка ее причин, понятная народному сознанию, равно, как и причин особой любви Бога к евреям. Мотивация возведения Вавилонской башни из-за боязни нового потопа заимствована из Откровения Мефодия Патарского, чрезвычайно популярного в России (в Новое время — в особенности у староверов), где была создана особая интерполированная редакция с включением ряда апокрифических текстов<sup>64</sup>. Вероятно, из стандартов народного восприятия исходит замечание о. Антония по поводу отличий во внешности этносов. Представление о первоначальности сирийского языка, на котором якобы говорил Адам, скорее всего, также заимствовано из апокрифов<sup>65</sup>.

Еще одно известное нам относительно крупное сочинение о. Антония озаглавлено «Повесть о предохранении от смешательства, дабы не пришло в забвение последнему роду»<sup>66</sup>. В его основу положен уже знакомый нам метод компиляции. Сочинение состоит из двух самостоятельных частей, соединенных сентенциями о. Антония о необходимости отмежевания от тех, кто «смешивается» с миром, поврежденным слугами антихриста. Первая часть — письмо о. Ефрема Уральского на ту же тему о начале этого разделения на Урале после манифеста о веротерпимости 1905 г.<sup>67</sup> Вторая часть — письмо о. Саввы «с братьею», посвященное этой же проблеме. Оно написано 2 февраля 1909 г. и отправлено с Чулыма в уральский скит м. Анатолии и м. Александре<sup>68</sup>. Письмо это сохранилось лишь в составе этого сочинения и представляет самостоятельный интерес: в нем обсуждаются постановления Чулымского собора 12 февраля 1909 г. (вероятно, и написано оно по горячим следам соборных заседаний)<sup>69</sup>. Заключительные четыре листа сочинения о. Антония — его краткое резюме о современном состоянии проблемы, которое он дал как специалист, сам составлявший такой нормативный памятник, как енисейский «епитимейник».

Отец Антоний, несомненно, был куда менее квалифицированным и сведущим в богословии писателем, нежели о. Симеон. Однако в силу своих возможностей он продолжал его дело. Одной из главных задач свое-

<sup>64</sup> Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 286, 691, 692.

<sup>65</sup> Успенский Б. А. Вопрос о сирийском языке в славянской письменности: Почему дьявол может говорить по-сирийски? // Избранные труды. Т. II. М., 1994. С. 49, 50.

<sup>66</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 12/97-г. Л. 1—18 об.

<sup>67</sup> Там же. Л. 2—6 об. Письмо это помещено также в т. I Патерика. См.: Там же. № 4/90-г. Л. 131 об.—134.

<sup>68</sup> Там же. № 12/97-г. Л. 6 об.—13. О м. Анатолии Невьянской см.: Покровский Н. Скитские биографии // Новый мир. 1992. № 8. С. 202.

<sup>69</sup> Постановления Чулымского собора см. Собрание ИИ СО РАН. № 4/85-г. Л. 184—191.

го общественного служения, унаследованных от о. Симеона, о. Антоний считал охранение «верных христиан» часовенного согласия от скверны мира, в котором распоряжались слуги грядущего антихриста. Эта позиция четко отразилась в его творчестве, проявляясь в разных жанрах: житийном, проповеди, поучениях, нормативной литературе.

**О. Ефрем.** Ефим Григорьевич Котегов родился в 1915 г. в д. Балдыки Шарканской вол. Ижевского у. Вятской губ. в семье крестьян среднего достатка. Судьба твердых староверов Котеговых после революции была схожа с судьбами многих их одноверцев, да и крестьян из других конфессий. В конце 1920-х гг., с началом тотального государственного наступления на сельских тружеников, началось их массовое бегство в районы, где таковое еще не набрало силу. Зимой 1927 г. Котеговы (отец с матерью и дети, Ефим и Агриппина) уехали к родственникам на таежную алтайскую заимку за 200 км от Бийска. Там они задержались ненадолго: собрали посейный весной урожай и с собранным запасом переселились в глухой Тегульдетский р-н Западно-Сибирского края (метод крестьянской миграции, опробованный веками). Туда в это время с разных концов стекались староверы, не согласные с экономической и конфессиональной политикой советской власти. Год прожили на заимке без государственной регистрации, а затем переселились в д. Большие Сушняки, в которой жили такие же переселенцы-часовенные. Здесь уже семья «встала на учет», но в колхоз не вступила, хотя, как вспоминал позже А. Г. Мурачев, живший с родителями там же, уже с 1935 г. начались попытки принудить неселение и этих мест стать колхозниками. Еще два года Котеговым удавалось уклониться от этой участи (А. Г. Мурачев с гордостью писал: «На нашем посёлке 1-е Сушняки не одна семья не вступили») <sup>70</sup>. Однако летом 1937 г. был арестован глава семьи. Причиной стала «агитация» Григория Котегова против колхозов и, по формулировке следственного протокола, организация на своей квартире «нелегальных сборищ верующих для произведения молитв» <sup>71</sup>. Такая же беда прокатилась по всему селу; по воспоминаниям А. Г. Мурачева, в Сушняках «в 1937 году многих мужиков поарестовали и забрали, которых за религию, а которых не ведая, за что» <sup>72</sup>. По всей видимости, после серии арестов деревня опустела: те, кто уцелел, ушли в тайгу. Уехали и осиротевшие Котеговы: вместе с братом арестованного Григория и двумя семьями одноверцев они перебрались в Енисейский

<sup>70</sup> Собрание ИИ СОРАН. № 10/05-г. Л. 6; *Зольникова Н. Д.* Мемуары А. Г. Мурачева, сибирского старовера-часовенного (конец XX — начало XXI в.) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV—XXI вв. Новосибирск, 2010. С. 245.

<sup>71</sup> Архив УФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 2. Л. 15.

<sup>72</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 10/05-г. Л. 6.

р-н Красноярского края. В том же направлении перемещались и другие такие же беглецы, включая насельников часовенных скитов<sup>73</sup>.

Семья Котеговых остановилась и построила дом там, где несколькими годами позже была основана государственная фактория Сандакчес. С осени 1938 г. с семьей Ефима установили тесный контакт обитатели переселявшихся на Дубчес мужских и женских скитов часовенного согласия: некоторые даже останавливались в доме Котеговых по пути на новое место. А в мае 1941 г. Ефим и сам присоединился к монастырю; его мать и сестра стали послушницами женского скита. Так он нашел убежище от правительственных отрядов, разыскивавших по всей тайге молодежь призывного возраста. Монастырю же, обустроивавшемуся в новых, весьма неплодородных местах, очень нужны были рабочие руки. Однако позже, когда началась война, о. Симеон перестал принимать молодых людей в монастырь, боясь возможных карательных мер со стороны властей за укрывательство дезертиров. Однако не стоит преувеличивать материальные причины ухода в монастырь всех Котеговых. Очевидно, не меньшее значение могли иметь трагическая потеря главы семьи, жизнь в побеге под постоянной угрозой разделить его судьбу, и, скорее всего, склонность самого Ефима, человека, по отзывам А. Г. Мурачева, тихого и кроткого, к уединенной монашеской жизни.

Сначала Ефим жил в монастыре послушником, а в 1947 г. стал черноризцем с именем Ефрем. Как и остальная монастырская молодежь, он много занимался хозяйственными работами. Помимо участия в обустройстве мужского скита сразу по поступлении в монастырь молодой послушник помогал корчевать лес для нужд женского скита, распахивал землю под посевы, позже чинил мельницу возле того же скита и т. д. В 1949 г. он помогал женскому монастырю переехать далее вглубь тайги. Но тяжелый крестьянский труд не поглощал всего времени о. Ефрема. Он был одним из самых прилежных учеников о. Симеона, который активно приобщал своих духовных детей к полемическому ремеслу. В своих показаниях на следствии в Красноярске о. Ефрем признавался, что он читал перед участниками одного из зимних «мастер-классов» свою рукопись, написанную в виде беседы старообрядца с «неправедным», в которой, по протокольной фразеологии, «излагал свои антисоветские взгляды, клеветал на советскую науку и в противоположность ей доказывал наличие Бога»; игумен труд молодого инока одобрил<sup>74</sup>. Именно о. Ефрем, обладая великолепным почерком, переписывал на бумагу с берестяных черновиков начальные главы задуманного о. Симеоном Урало-Сибирского патерика, первый вариант которого был за-

<sup>73</sup> Подробнее об этом см.: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные... С. 34—51.

<sup>74</sup> Архив УФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 2. Л. 35—58 об. Об этом см. также: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные... С. 244—245.

кончен в 1946 г.<sup>75</sup> Переписывал о. Ефрем и сочинения самого о. Симеона. Не удивительно, что, подобно игумену, о. Ефрем получил максимальное наказание, которое давали по этому делу: 25 лет лагерей, причем кассационная жалоба с просьбой уменьшить срок удовлетворена не была<sup>76</sup>.

После амнистии о. Ефрем, как и остальные монашествующие, репрессированные по Красноярскому делу, вернулся к скитской жизни, обосновавшись (после неудачных попыток найти новое пристанище) на старом месте в восстановленном Дубцеском монастыре. В нем он и прожил до своей смерти в феврале 1990 г., после кончины о. Антония став одним из скитских руководителей. Именно он возглавил и довел до конца огромный коллективный труд часовенных — составление трехтомного Урало-Сибирского патерика. О. Ефрему посвящена очень интересная характеристика в мемуарах А. Г. Мурачева, редко кого удостоивавшего уважения и похвалы: «По кончине отца Антония старейшинство и благословение перешло на отца Михаила и на отца Ефрема. Первый принимал (на исповедь. — Н. З.) стариц всех, а второй старцев всех... Отец Ефрем был высокий ростом, слабосильный, когда возили нарты с грузом, он не мог много возить. Здоровьем был слабый, образом смирен, пред людьми стеснительный, мастерством иконописец изряден. По его настоянию, и снисканию, и трудом сочинился исторический патерик послениконовских времен. У него же было неисчетно всяких записей, в его завале досталось братие порыться не один год. Писал быстро и красиво. Ранее, когда еще до разорения иконы не писал, тогда книги поправлял. Когда он один где находится, то видать, что он находится в плачевном виде, скорбит о душе своей. У нас из келарни были двери в кладову, а оттуда ход в картовну яму. И вот он удалится туда и там плачет о душе своей, а нам только доносилось глухое подземное стонание»<sup>77</sup>.

Дубцеский монастырь, как идеологический центр часовенного согласия, в первой половине 1970-х гг. оказался вынужденным противостоять новому «раздорнику», Исаю Назаровичу, жившему в непосредственной близости от скитов — в одном из крестьянских поселений на р. Шурнихе, притоке Дубчеса. Он написал несколько сочинений, в которых изложил оригинальное эсхатологическое учение. Кроме того, будучи сторонником теории «духовного антихриста», он, как и многие его единомышленники в прошлом и настоящем, осуждал практиковавшийся в согласии часовенных прием священников от «никонианской» церкви без перекрещивания, «вторым чином»<sup>78</sup>. Но, в отличие от них, Исай Назарович пришел к выводу,

<sup>75</sup> Архив УФСБ РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 2. Л. 60 об.—62 об.

<sup>76</sup> Там же. Т. 10. Л. 325 об.

<sup>77</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 10/05-г. Л. 20 об., 21; *Зольникова Н. Д.* Мемуары А. Г. Мурачева... С. 265.

<sup>78</sup> Подробный анализ взглядов Исаия Назаровича см.: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII—XX вв. М., 2002. С. 395—408; *Зольникова*

что на «отцов» часовенного согласия, керженцев и уральцев, прихожан таких «беглых» попов, распространилась «никонианская ересь», поэтому они должны быть прокляты и извергнуты из памяти истинной церкви.

Единоверцы Исаия Назаровича резко отрицательно отнеслись к его нововведениям в сфере эсхатологии и нападкам на отцов часовенного согласия. Сочинения оппозиционера вызвали особенное беспокойство еще и потому, что его «мудрования» сеяли разногласия в местных часовенных общинах, ранее всегда находившихся под идейным влиянием скитов<sup>79</sup>. Как только новый «раздорник» проявил себя в качестве заметной оппозиционной величины, черноризцы Нижнего Енисея задумались о достойном отпоре. По-видимому, о. Ефрему было поручено составить аргументированный разбор заблуждений отступника, чтобы предупредить дальнейшее распространение его учения. Несомненно, о. Ефрем пользовался советами, помощью и библиотеками своих многочисленных единомышленников: скитских старцев Дубчеса, родственного центра в Кемеровской области (о. Ефрема Уральского, жившего в Кемеровской тайге в районе станции «Сокол»), наиболее сведущих мирских книжников<sup>80</sup>. Работа продолжалась не менее пяти лет, хотя первый вариант сочинения рассылался в охваченные влиянием Исаия Назаровича деревни уже в 1974 г.<sup>81</sup>

«Слово на Исаия в защиту предков» состоит из 20 глав, в которых обличаются основные «еретические» утверждения шурнишенского оппонента часовенных. В первых четырех речь идет о разногласиях староверов и пореформенной церкви по поводу восьмого члена Символа веры (с «прилогом» «истинный» или без него), Иисусовой молитвы, написания имени Христа, а также перстосложения при крестном знамении и благословении и т. д. Позиция, занятая о. Ефремом, за которым стояли скиты, была поистине удивительна для старовера. Эти различия он признал не слишком существенными, касающимися обрядов и не имеющими отношения к догматике. Такой взгляд не был его собственным изобретением, своим появлением он обязан книгам православных миссионеров и синодальных ученых конца XIX — начала XX в., а также полемистов австрийского согласия. Особенно много часовенный инок позаимствовал из учебных пособий преподавателя Олонецкой духовной семинарии и миссионера К. Н. Плотникова. Позицию последнего в отношении старообрядчества можно охарактеризовать как чрезвычайно жесткую, в определенной мере

---

ва Н. Д. Шурнишенское богословие // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2003. С. 273—280; Она же. Наука в эсхатологических построениях Исаия Назаровича // Сибирь на перекрестке мировых религий. Новосибирск, 2006. Вып. 3. С. 223—226.

<sup>79</sup> Зольникова Н. Д. Скитские письма ... // Общественное сознание и литература XVI—XX в. Новосибирск, 2001. С. 301.

<sup>80</sup> Там же. С. 300—304, 307.

<sup>81</sup> Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 403.

отражающую церковно-правительственную точку зрения, начиная со времени царя Алексея Михайловича.

Каким образом подобный автор мог стать опорой в старообрядческой полемике? О способности староверов прагматично подходить к «внешней» литературе написано немало. В частности, достаточно примеров можно привести из литературной деятельности писателей самого часовенного согласия; чего стоят старообрядческие интерпретации сочинений корреспондента Гете, немецкого мистика Иоганна Генриха Юнга-Штиллинга<sup>82</sup>. Однако в этих случаях речь шла по большей части не о заимствовании системы идей «внешних» авторов, а о приспособлении к своим целям вырванных из контекста отрывков чуждого сочинения или каких-то высказываний его автора. В 1970-х гг., напротив, речь идет уже о копировании метода рассуждений и изрядной части концепции своего исконного религиозного противника.

Важным достижением «никонианской» литературы, особенно XIX — начала XX в., для часовенного автора стали многочисленные примеры (со ссылками на древние рукописи) сосуществования спорных написаний имени Христа, перстосложения (двуперстия и трехперстия), аллюзии и т. п. При этом о. Ефрем специально подчеркивает, что указанные выкладки синодальных писателей не были приняты им слепо, на веру: «Здесь мы привели внешних писателей, и которые у нас имеются книги, по книгам проверяли ихни свидетельства, в книгах так же напечатано». Подобная проверка позволяла, как считал о. Ефрем, при всех его оговорках о предпочтении «отеческих» заветов, иногда фактически принять сторону изначальных врагов староверия: «...может быть, на Втором вселенском соборе был составлен Символ без слова “истинного”»<sup>83</sup>. Интересно, что К. Н. Плотников, из сочинений которого, как уже упоминалось, взято много указанных «свидетельств» о. Ефрема, частенько отдает предпочтение таким, которые работают на позицию «никонианской» церкви. В этих случаях часовенный инок молча исправляет «перекос», приводя примеры противоположного характера<sup>84</sup>.

Столь серьезный пересмотр традиционных утверждений старообрядчества понадобился о. Ефрему для того, чтобы защитить от нападок «еретика» Исаия Назаровича поповское прошлое своего согласия и каноничность приема без перекрещивания беглых из «никонианской» церкви священников. Новая позиция, которую выработал о. Ефрем, позволяла не относить патриарха Никона и всю пореформенную официальную церковь к еретикам первого чина (только последние при переходе в «истинную церковь» нуждались в перекрещивании, т. е. приеме «первым чином»). Многопла-

<sup>82</sup> Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 171—177.

<sup>83</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 1/08. Л. 7 об.

<sup>84</sup> См. примеры употребления в восьмом члене Символа веры «прилога» «истинный»: Там же. Л. 4, 4 об.

новое обличение Исаия Назаровича о. Ефрем предваряет и сопровождает текстологическим исследованием его сочинений. Ему удалось убедительно показать, что шуришенский полемист позволяет себе небрежно цитировать авторитетные тексты, подчас искажая их в своих целях<sup>85</sup>.

Работа с источником, поставщиком достоверных сведений, занимает в «Слове на Исаия» немалое место при создании цепи исторических доказательств. Использование этого метода связывает «Слово на Исаия» как с традицией легендарных выгорецких палеографов Денисовых, так и с влиянием русской исторической науки XIX—XX вв. К несомненному достижению скитского источниковеда относится его изыскание по поводу несколько раз цитировавшегося Исаем Назаровичем так называемого сочинения патриарха Иосифа о 50-м правиле Иппонского собора, которое о. Ефрем определяет как апокриф. Позже о «Правилах Иппонского собора» как о «старообрядческой мистификации» писал современный исследователь Ю. Д. Рыков<sup>86</sup>.

Однако о. Ефрем, как и многие его предшественники, не всегда цитирует первоисточник. Последний часто поставляется посредником — это чужое сочинение или же сборник выписок, цитат. Выше мы уже говорили о таких посредниках, как книги К. Н. Плотникова. То же можно сказать о работах А. К. Бороздина, П. С. Смирнова, П. И. Мельникова (Печерского), епископа Белокриницкой иерархии Антония (Паромова), и мн. др. В «Слове на Исаия» источники указываются, иногда на полях, иногда в виде сносок. Но посредник указан далеко не всегда. Так, в начале гл. 1 (л. 3 об.—4 об.) о. Ефрем приводит целый ряд цитат из старопечатных книг с разными формулировками 8 члена Символа веры, большинство которых имеется и в одной из книг К. Н. Плотникова. Лишь ссылка на рукопись из Хлудовской библиотеки, которую не мог видеть о. Ефрем, но на которую есть указания у К. Н. Плотникова, совершенно четко указала, где надо искать источник подборки, тем более, что в следующем абзаце скитской полемист именно на него и ссылается. Подобных примеров, связанных с произведениями этого миссионера, можно привести немало.

Еще одно сочинение послужило таким же поставщиком подходящих цитат из разнообразных авторитетных рукописей и печатных книг, причем необычным оказался как общий объем этих заимствований, так и то обстоятельство, что о. Ефрем, в отличие от других аналогичных ситуаций, вообще ни разу не сослался на этого посредника. Речь идет о «Святоотеческом сборнике» епископа Белокриницкой иерархии Антония (Паромова), изданном в 1910 г. Уже в «Предисловии к читателю» на л. 2—2 об. находится заимствованный оттуда отрывок, составленный о. Ефремом из текстов

<sup>85</sup> Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 403, 404.

<sup>86</sup> Там же. С. 404, 405.

с двух разных страниц творения епископа Антония. Не имея в своем распоряжении изданных в XIX в. творений отцов церкви, церковных писателей и т. п., дубчесский инок широко черпает подходящие цитаты со страниц «Святоотеческого сборника». Здесь и свв. Феодор Студит, Викентий Лирийский, и блаж. Иероним, и так называемая трехтолковая Кормчая полного перевода — здесь чаще всего заимствовались рассуждения Феодора Вальсамона, антиохийского патриарха и выдающегося канониста XII в., и Иоанна Зонары, византийского историка и канониста того же века. Оттуда же заимствовались целые страницы трудов историков XIX в., недоступных для старообрядческого писателя из сибирской глубинки. Текст листов 115—127 с обзором древних ересей и полемикой поповца с беспоповцем практически целиком является компиляцией разных отрывков из «Святоотеческого сборника»<sup>87</sup>. Почему же о. Ефрем на него не ссылался? По-видимому, открыто делать это ему не хотелось: белокрыницкое согласие было основным конкурентом часовенных, успешно переманивавшим к себе как рядовую паству, так и выдающихся книжников. К тому же у о. Ефрема был здесь пример для подражания: в 1910 г., когда только что появился из печати «Святоотеческий сборник», две главы из него положил в основу своей полемики с алтайским наставником Г. Я. Завьяловым В. А. Ласкин, старейшина уральских наставников часовенных общин. Он применил именно тот метод, который позже был характерен и для о. Ефрема: заимствование цепи доказательств, частей концепции, компиляция отрывков из разных текстов, цитирование нужных авторитетных писателей по «Святоотеческому сборнику» без единой на него ссылки<sup>88</sup>. Сочинение В. А. Ласкина о. Ефрем наверняка хорошо знал: оно находилось в распоряжении А. Г. Мурачева и позже было им подарено Институту истории СО РАН.

Сочинение игумена Дубчесских скитов о. Ефрема, несомненно, представляет собой пример перевода в разряд «своей» целого пласта не просто «чужой» литературы, но и резко оппозиционной староверию. Работая со своим источником, о. Ефрем не только «не замечает» все жесткие нападки К. Н. Плотникова на старообрядчество и даже русскую дореформенную церковь, не замечает его фактические ошибки, он без комментариев исправляет перекосы цитирования миссионером авторитетных книг. Мало того, видя тенденциозность и временами — недобросовестность «никонианского» автора, он тем не менее слепо доверяет ему, когда тот приводит недоступные ему тексты. И если ранее запреты на использование иноверной литературы доминировали в старообрядческом общественном

<sup>87</sup> [Отец Ефрем (Котегов)]. Слово на Исаия в защиту предков // Духовная литература староверов востока России XVIII—XX вв. / Изд. подг. Н. Н. Покровский, Н. С. Демкова, Н. Д. Зольникова и др. Новосибирск, 2011. Т. 3. С. 374—393 (подг. текста, вступ. статья и коммент. Н. Д. Зольниковой).

<sup>88</sup> *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные... С. 226—237.



сознании, а вынужденное их нарушение совершалось молча, то во второй пол. XX в. о. Ефрем, понимая, каким обширным такое использование оказалось в его сочинении, счел нужным обеспокоиться, «чтобы чтущии не зазирали нас в том, что от никонианских книг приводим свидетельства. И святии тоже приводили от еретик достоверныя свидетельства (1 собор, 8 прав[и]ло, Зон[ара] и Валсам[она], Злат[оуст] на Ма[т]ф[ея], Бес[еда] 89, Ева[н]г[елие] учит[ельное] на Рож[дество] Христово)»<sup>89</sup>.

Дубчесский игумен счел необходимым оговориться в отношении «никонианских» книг и некоторых других, также относящихся к «внешним». В заимствовании из книжности соперничающего белокрыницкого согласия он, как уже отмечалось, не решился признаться. В данном случае перевод «чужого» в разряд «своего» был скрыт от неискушенного читателя.

Использование провозглашенного нового принципа продолжалось в Дубчесских скитах и позже. Так, в своей автобиографии в начале нового столетия А. Г. Мурачев жаловался, что под прикрытием лозунга «от враг свидетельство достовернейши суть» в скитах приняли еретическое писание (по его устному сообщению — протестантского происхождения теорию о компьютере-антихристе). Однако стоит помнить, что такое разрушение барьера между вероисповеданиями диктовалось очередной злободневной нуждой и происходило с ограничением «здесь и сейчас». В рассмотренном нами случае явно сработал закон, подмеченный для западного средневековья еще А. Я. Гуревичем: к старому врагу-иноверцу часто относились более терпимо, нежели к собственному еретику.

**Афанасий Герасимович Мурачев.** Будущий писатель и наставник родился в 1916 г. в многодетной семье беспоповцев часовенного согласия, жившей на Алтае в верховьях Бии. С 1929 г. семья несколько раз была вынуждена переселяться с места на место, уходя от раскулачивания. В 1940 г. Афанасий по настоянию родителей, спасавших его от призыва в армию, уехал на один из притоков Енисея, затем перебрался на р. Дубчес и долго скитался один. В этих краях реки малорыбные, промысловой птицы также немного, постоянны недороды. Однажды Афанасий остался с зимним запасом муки в полтора пуда и мог лишь изредка делать мучную болтушку. Хлеб ему заменил кедровый орех. Те же, кто запас недостаточно ореха, пытались заменить хлеб травой, древесным мхом, «муку» делали даже из торфа и иструхшего дерева. Такие люди жестоко голодали, иногда погибали.

Все военное время Афанасий Герасимович продолжал скрываться. Незадолго до окончания войны он познакомился со старцами из часовенного Дубчесского скита, но в скит его приняли лишь в 1947 г.: боялись навлечь на себя подозрение в укрывательстве. Отец Симеон обратил внимание

<sup>89</sup> Собрание Института истории СО РАН. № 1/08. Л. 53.

на молодого послушника, страстно стремившегося к чтению святоотеческих книг, и стал руководить его церковным образованием. Афанасий вспоминал: «Отец Симеон ... предлагал книги читать посменно, если две-три беседные или исторические, то потом детельные и нравственные. Он говорил: Беседные и исторические книги высят и гордят человека, что для нас опасно и вредно, а детельные книги смиряют, вразумляют и вопче душевную красоту предают»<sup>90</sup>.

Так Афанасий попал в один из центров старообрядческой духовной культуры Сибири, в котором пробыл до разгрома скиотов весной 1951 г. Самому Афанасию и еще некоторым арестантам удалось бежать с плотов во время их перегона по Енисею до Красноярска, потом опять пришлось много лет скитаться. Некоторое время он находился при о. Ефреме из скиотов Кемеровской области, с которым ездил на Урал, помогая обзаводиться книгами. Подобные поездки он со временем стал отваживаться совершать и один. Но однажды был схвачен в Абакане как не имеющий документов и помещен в «спецприемник». После десятидневной проверки Афанасия Герасимовича отпустили, снабдив справкой для устройства на жительство. Через некоторое время в одном из енисейских поселков ему выдали паспорт. Со временем он стал настоятелем в одной из старообрядческих деревень на притоке Малого Каса. Афанасий Герасимович почти до самой кончины активно переписывал книги, сам переплетал их в переплеты, кожу для которых выделывал тоже самостоятельно. Умел он обрабатывать и бересту для письма. Несмотря на свои годы, совершал дальние поездки, собирая книги. Но главное — несколько десятков лет работал в разных литературных жанрах.

Главными своими сочинениями А. Г. Мурачев считал эсхатологические. Одно из самых крупных, «О временах», написано в 1969—1970 гг. Его дополняют сочинение 1982 г. «О останке Израилевом» и два небольших сочинения 1983 и 1984 гг. «Предатомные предвестии» и «Наука и техника природе убийца»<sup>91</sup>. В марте 1994 г. А. Г. Мурачев написал краткое популярное изложение своей эсхатологической концепции — специально для «широкого читателя», не очень искушенного в богословии<sup>92</sup>. Продолжая работать над созданием современных лапидарных и наглядных форм про-

---

<sup>90</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 13/90. Л. 1; *Герасимов Афанасий*. Повесть о Дубчесских скиотах // Новый мир. 1991. № 9. С. 92.

<sup>91</sup> *Мурачев А. Г.* О останке Израилевом // Духовная литература староверов востока России XVIII—XX вв. / Изд. подг. Н. Н. Покровский, А. Т. Шашков, Н. Д. Зольникова и др. Новосибирск, 2005. Т. 2. С. 303—397, 536—549; *Он же*. Наука и техника природе убийца // Там же. С. 398—400, 549—550; *Он же*. Предатомные предвестии // Там же. С. 401—406, 550—551 (Подг. текстов, аналитической статьи и коммент. Н. Д. Зольниковой).

<sup>92</sup> *Афанасий Герасимов*. О конце света // Проза Сибири. 1996. № 1. С. 263—275; Собрание ИИ СО РАН. № 1/94-г. Л. 1—18.

паганды своего учения, в 1999 г. он создал текст, названный им «Периодической таблицей Апокалипсиса»<sup>93</sup>.

Афанасий Герасимович разработал собственную периодизацию мировой истории после Рождества Христова и ее толкование в связи с будущим концом света. Всю историю от Рождества Христова он делит на «семь времен», которые истолковывает как семь церквей Апокалипсиса. Первое — от Рождества Христова до завершения апостольской проповеди; второе — период христианства «гонительного времени», то есть от апостольской проповеди до Константина Великого. «Третье время» — время благочестивых царей, примерно 700 лет. По окончании 1000 лет, когда был связан сатана, наступает «четвертое время», которое распространяется на разные страны постепенно, по мере трех известных отступлений (католиков, униатов и Никона с его последователями). В этот период началось царство «наложницы сатаны», церкви-любодеицы, а «праведная церковь Христова с господствующего места отлетела в пустыню». В 1917 г. кончается «четвертое время», когда над еретической церковью и «прелюбодействовавшими» с ней царями начинает сбываться пророчество об их уничтожении, причем сначала — в России, где социализм «оскорбил» царей, купцов, богачей и «никонианское» духовенство.

Здесь четко прослеживается влияние эсхатологических идей о Симеона. Но А. Г. Мурачев не согласился с ним в том, что с 1917 г. быстро приближается конец света. По его мнению, при советской власти наступило пятое время, которое полностью соответствует словам, обращенным в Апокалипсисе к ангелу Сардийской церкви: *Имя имеешь, как живой, а мертв еси. «Мы, — писал Афанасий Герасимович, — подвержены небрежности, слабоверию и житейской привязанности, смотря на своих детей и внуков пьянчивых, табачных и незаконнобрачных»*<sup>94</sup>. С начала пятого времени в России воцаряется лжепророк, а именно КПСС: «Понеже еще до революции большевики предсказывали о лучшей жизни, которой мир еще не видел, да и теперь обещают и ожидают светлое будущее в коммунизме, о чем в Божественном писании не писано и только лжет в своих предсказаниях»<sup>95</sup>. Этому лжепророку Бог попустил уничтожить капитализм и еретическую церковь-любодеицу: на все страны Европы распространяются социалистические революции. «По отрешении пятой печати, когда началась революция, так как в Росие с 1914 и до 17-го года, и с немцем с 1941 и до 45-го года, также и с Китаем в 1945-м году. Во время этих сражений миллионы пало людей, и на фронтовых местах казалось ужасное разрушение, и в государствах великое истощание, и для жителей

<sup>93</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 1/94-г. № 1/2000; 1/2001; 2/2001. См. также: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные... С. 396—397.

<sup>94</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 2/88-г. Л. 63.

<sup>95</sup> Там же. Л. 88 об., 89.

страны тяжкий период»<sup>96</sup>. По мнению А. Г. Мурачева, войны «пятого времени» уничтожат капитализм, а на смену социализму придет коммунизм; тогда-то и воцарится антихрист. «У людей, — пишет Афанасий Герасимович, — будут отняты собственность, то есть свое личное хозяйство, и предажайшая Богом дарованная человеку воля»<sup>97</sup>.

В самом конце XX в. А. Г. Мурачев, учитывая происшедшие в России политические изменения (крушение режима социализма в России и «народной демократии» в Восточной Европе), попытался скорректировать свою теорию, вовсе не считая ее ошибочной. Он дает следующую дополнительную характеристику «пятому времени» в своих пояснениях к Периодической таблице Апокалипсиса (декабрь 2000 г.): «С 1917 г. идет в мире власть двурогого зверя... Два рога, две власти. Один означает советскую власть, а другой российскую. Первый внедрял в мире безбожие, а второй внедряет в мире всевозможное распутство: чрез телевизиные фильмы, чрез печатание срамословных книг и чрез срамные изображения»<sup>98</sup>. «Пятое время» кончится войной, и война будет атомной, сопровождающейся повсеместным одновременным «изгублением» людей, о чем говорится в пророчествах и толкованиях. Но погибнут не все: невредимым останется Израиль, куда к тому времени соберутся все иудеи, как считал народный богослов, в «шестое время» в Израиле будут проповедывать Илья и Енох. Часть населения они обратят в христианскую веру (партия сионистов при этом подчинится антихристу). Пророки восстановят священную иерархию. «Шестое время» кончится гибелью Ильи и Еноха, за которой последует, в соответствии в Откровением Иоанна Богослова, уничтожение антихриста. «Седьмое время» — краткий период мирной жизни спасшихся от преследования антихриста и не отошедших от истинной веры иудеев. Затем последует Страшный суд.

Свои эсхатологические сочинения Афанасий Герасимович пытался распространять в часовенном согласии. Но ему пришлось столкнуться и с осуждением своих трудов, причем, как он пишет, не за ложные объяснения, а за то, что посягнул на такое великое дело — толкование Священного писания. Но, пишет он, «...я считаю, что меньший грех всем порицателям и оболгателям моим, нежели мне, как лукавому рабу, затаить один неполный талант»<sup>99</sup>. Вспомним в связи с этим первое сочинение о Симеона, в котором отразилось столь же напряженное сознание собственной избранности, земного долга перед Богом. А. Г. Мурачев постоянно ссылается на признанное в христианской литературе утверждение, что пророчества исполняются лишь с течением времени, а их темные места объясняются событиями будущего. Именно поэтому не исчезает необходимость в но-

<sup>96</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 2/88-г. Л. 49—50.

<sup>97</sup> Там же. Л. 90.

<sup>98</sup> Там же. № 1/2001. Л. 1.

<sup>99</sup> Там же. № 2/88-г. Л. 3.

вых толкователях — такое умозаключение постоянно встречается в сочинениях староверов прошлых веков. Несмотря на свое глубокое почтение к авторитетам и использование их текстов, Афанасий Герасимович ставит себя в один ряд с самыми знаменитыми предшественниками по труду. Он, в частности, напоминает о жалобах блаженного Иеронима на то, что его толкования также вызывали осуждение современников. Сокрушаясь, что нет сейчас Андрея Кесарийского, который объяснил бы последние события исходя из Апокалипсиса, он пишет: «Но жалость в том, что и он привлек бы на себя недоверие людей, подобно нашей худости»<sup>100</sup>.

В течение своей долгой творческой биографии А. Г. Мурачев постоянно писал не только богословские труды, но был занят и разнообразной полемикой. Одно из направлений — защита своего вероучения от внутри-конфессиональных врагов. Главной здесь стала борьба со сторонниками теории «духовного» антихриста или, как их называет сам А. Г. Мурачев, «лжедуховноудрениками». Правда, в Сибири «чувственники» и «духовнопонимающие» довольно долго сосуществовали в одних часовенных общинах<sup>101</sup>. Вынужденные миграции, бегство на восток, в тайгу для спасения души и хозяйства временно отодвинули эти разногласия перед лицом общей опасности. Здесь имелась и своя традиция: на Невьянском соборе 1777 г. авторитетный руководитель главного скита часовенных о. Максим сумел в какой-то мере установить подобный же статус-кво, хотя остались и многочисленные противники такой позиции<sup>102</sup>. В XX в., пребывая на нелегальном положении, часовенные скиты наследников о. Саввы заботились о мировоззрении старообрядческой округи. Известно, например, что в 1940-е гг. о. Симеон отправлял из Дубчесского скита к мирским жителям, крестьянам окрестных деревень, опытного полемиста о. Никиту для противостояния проповеди местного «духовнопонимающего» спасовца Васева, который говорил об уже воцарившемся антихристе<sup>103</sup>.

Со временем, по-видимому, противостояние «чувственников» и их оппонентов в часовенных общинах Сибири усиливалось, хотя А. Г. Мурачев в 1977 г. писал: «...и теперь еще есть немного таких, хотя и духовно понимают о временах, но не откальваются от церковного единения»<sup>104</sup>. Однако такие идиллические отношения становились редкостью. Дело к тому же было не только в спорах непосредственно об антихристе. Приверженность

<sup>100</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 2/88-г. Л. 118.

<sup>101</sup> Там же. № 3/90. Л. 12, 12 об.; № 5/90-г. 40 об.

<sup>102</sup> *Покровский Н. Н.* Споры об исповеди и причастии у староверов-часовенных востока России в XVIII в. // *Культура славян и Русь*. М., 1998. С. 526.

<sup>103</sup> *Зольникова Н. Д.* Урало-сибирские староверы в первой половине XX в.: Древние традиции в советское время // *История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI—XX вв.* Новосибирск, 1998. С. 188.

<sup>104</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 5/90-г. Л. 41.

той или иной эсхатологической теории вызывала дискуссии по проблемам иерархии, таинств и т. п. В полемике с «лжедуховномудрениками» А. Г. Мурачев выступил против А. К. Килина — еще одного самобытного и очень плодovitого крестьянского писателя часовенного согласия. Между ними развернулась ожесточенная «перестрелка» посланиями, как в публицистической, так и в художественной форме<sup>105</sup>.

Кроме богословских проблем, внимание А. Г. Мурачева-полемиста привлекала та обширная сфера контактов старообрядческой культуры, ориентированной на традиции прошлого, с цивилизацией нового и новейшего времени, которой посвящены многие соборные постановления часовенных. Отправляя в разные концы Сибири и Дальнего Востока письма своим единоверцам, А. Г. Мурачев оставлял себе их копии<sup>106</sup>. И хотя их формуляр по форме соответствует частному письму, содержание не концентрируется на домашних и личных новостях. Как раз таких сведений там нет. Они представляют собой общественно-значимые послания, рассчитанные на чтение в кругу религиозной общины. В центре посланий — всегда обсуждение спорных вопросов или событий, важных для конфессиональной жизни. К А. Г. Мурачеву часто обращались за советом как к известному начетчику, связанному к тому же со скитами — главным авторитетом нижегородских староверов часовенного согласия. Предлагавшиеся в его письмах решения и указания помогают, в числе прочего, увидеть отношение староверов к «внешней» культуре, к проблеме «чужих» и «своих» более подробно, чем материалы изредка созывавшихся соборов или еще более редких теоретических, программных сочинений местных книжников.

Как уже не раз упоминалось, к советскому государству старообрядчество востока страны относилось как к явлению мира антихриста. Эти оценки окончательно сформировались к концу 1920-х — началу 1930-х гг. — времени массовых гонений на крестьянство, осложненных религиозными преследованиями. Поэтому староверы стали осуждать все, связанное со службой антихристову государству<sup>107</sup>. Система социальной защиты населения как явление враждебной культуры в числе прочего попала под старообрядческие запреты. Однако отношение к ней не оставалось неизменным в разные периоды и в разных районах. Как выясняется, каждая группа общин по-своему приспосабливалась к реалиям современности, от которой нельзя было отгородиться «железным занавесом».

Если в начале 1930-х гг. самой острой проблемой для староверов было отношение к колхозам и вступающим в них единоверцам, то позже постановка вопроса становится много шире и охватывает работу на любых го-

<sup>105</sup> Подробнее об этой полемике см.: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные... С. 302—309.

<sup>106</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 13/90-г.

<sup>107</sup> *Зольникова Н. Д.* Урало-сибирские староверы ... С. 174—190.

сударственных предприятиях и в учреждениях. С этими запретами тесно связан и один из наиболее дискуссионных во всех согласиях старообрядчества вопрос о пенсиях.

Часовенный епитимейник 1969/1970 г., фиксируя постоянные нарушения на общение с «кадровыми», содержал строгий запрет на него. Письма А. Г. Мурачева проливают новый свет на эту проблему. Так, оказалось, что один из самых авторитетных в то время начетчиков Хабаровского края, К. К. Басаргин, вообще, по свидетельству А. Г. Мурачева, «борется за штат», т. е. выступает против каких-либо санкций по отношению к работавшим на государство единоверцам (письмо 1979 г.)<sup>108</sup>. В том же письме Мурачев высказал свое мнение на этот счет: «Штат — это заменитель колхоза, один господин их издал. Наши предки потерпели раззорение, но не пошли в колхоз». Но одновременно выясняется, что и в общинах Нижнего Енисея практически одновременно с появлением епитимейника 1969/1970 г. стали повсеместно и с согласия скитских старцев практиковаться послабления. «Штатных» и пенсионеров не изгоняли из общины вовсе, «чтобы не привести в отчаяние людей». Им разрешали присутствовать на молитве, а также петь и читать вместе со всеми во время моления, но поклоны они при этом клали отдельно от всех молящихся; чтобы не было «смешательства» в питании, для них полагалась и отдельная посуда (письмо 1972 г.)<sup>109</sup>. Это были своеобразные «паршивые овцы» конфессиональной общины. В Бирикчуле (Минусинский район) в это время «христиан» из числа «штатных» работников принимали на исповедь, отпевали и хоронили без всяких сомнений. Бирикчульцы даже запрашивали А. Г. Мурачева, можно ли получать при этом деньги на похороны с места работы такого «штатного». Эту норму советского соцстраха А. Г. Мурачев решительно отвергает и сурово отвечает своим корреспондентам, что «штатному» перед смертью следовало написать заявление об увольнении — читай, письменно отречься от антихриста. А иначе он все равно будет причислен к «верным строителям коммунизма», которые в теоретических трудах идеолога енисейских часовенных, о. Симеона, отождествлялись со слугами антихриста. О пенсионерах А. Г. Мурачев пишет там же: «Как и наши отцы, так согласно и мы считаем их общипками Июде Искаротскому, который оставил верного Христа питателя и шед к противником его прияти серебро... Был разговор у старцев, если пенсионер не отстанет... от пенсии заживо, то по смерти его не молиться за него погребение, понахиды и прочее»<sup>110</sup>. Временный характер нижеенисейского компромисса, оставлявшего «штатных» и пенсионеров в общине на положении маргиналов, предполагал, что попавшие

<sup>108</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 13/90-г. Л. 12 об.

<sup>109</sup> Там же. Л. 32 об.

<sup>110</sup> Там же. Л. 33.

в плен чуждой культуры и обычаев в конце концов вернуться к «своим», иначе будут окончательно извержены. В письме от 6 марта 1980 г. Мурачев рассказывает о двух случаях в своей общине, когда тяжело заболевшие «к смерти» пенсионеры под угрозой лишения христианского погребения вынуждены были отказаться от пенсии<sup>111</sup>. И уж совсем невозможным казалось нижеенейским часовенным иметь наставника, духовного отца-пенсионера — таких, по свидетельству Афанасия Герасимовича, никто на настоятельство не благословлял. «К штатному и к пенсионеру итти на покаяние, разве только при смертном случае..., если нет близ отца духоваго, то оставляют выбор на совесть больнаго»<sup>112</sup>.

Но в том же сборнике можно увидеть и более снисходительное отношение к пенсионному обеспечению. В письме от 27 марта 1967 г. А. Г. Мурачев отвечает на вопрос, «к чему отнести пенсию» таким образом: «...мы ее не называем догматическим нарушением, а только греховным»<sup>113</sup>. И почти через полтора десятка лет уточняет свою позицию: «...в пенсионерах есть большая разница, есть безродные и получают небольшую пенсию, можно таковых попросить» молиться и сорокоуст (1980 г.)<sup>114</sup>. А. Г. Мурачев в данном случае оставляет эсхатологические построения где-то на заднем плане, перемещая центр аргументации в морально-этическую сферу. Главный грех пенсионеров он видит в том, что они получают даровые деньги. Понятие о пенсии как результате социального страхования, как о деньгах, заработанных своим трудом в прошлом, которые теперь государство возвращает, абсолютно чуждо А. Г. Мурачеву. Он подходит к делу с традиционными для патриархального крестьянина мерками непосредственного воздаяния за труд. Поэтому незаслуженные деньги — пенсию, может (и то с раскаянием) получать лишь больной или лишенный помощи родных. В этом случае пенсия становится чем-то вроде милостыни, хотя без ее главного признака (милостыню жертвуют во имя Бога). В письме в Хабаровский край от 22 апреля 1979 г. Мурачев рассуждает: по старости идет человек на пенсию, «и многия из них, имея полную возможность трудиться и питаться от труда рук своих, но они, уповая на пенсию, пребывают праздны, или злейшее то, что упиваются и провождают старость свою не по Бозе: итак, за старость и за немощ и болезни они могли бы иметь в будущем милость у Бога, но они уже здесь получили деньги, пенсию»<sup>115</sup>.

Тема неправедных денег, сребролюбия и развращения, пагубных для спасения души, земного воздаяния вместо небесного присутствует и в от-

<sup>111</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 13/90-г. Л. 41.

<sup>112</sup> Там же. Л. 41 об.

<sup>113</sup> Там же. Л. 29 об.

<sup>114</sup> Там же. Л. 41 об.

<sup>115</sup> Там же. Л. 1 об., 2.



ношении А. Г. Мурачева к другим формам социальной защиты населения в системе советского государства. В упомянутом письме от 22 апреля в этом же ключе он оценивает оплаченный отпуск по родам, в то время как по Писанию, указывает он, чадородие — то, благодаря чему «спасется жена» (которая рассматривалась, заметим, в патриархальном христианском обществе преимущественно как источник греха и соблазна). Оплата по больничному листу, страховому полису — это, по Мурачеву, и вообще спор с Богом, который посылает человеку болезнь или несчастье для его вразумления, очищения души и тем самым — спасения для вечной жизни. Точно так же, как и во всех описанных выше случаях, лишается, как он считает, награды на том свете и те родители, которые получают ежемесячное пособие на детей. Не меньше раздражают А. Г. Мурачева и дома престарелых. По его мнению, их обитателей собирают туда специально для того, чтобы они не просили Христа ради (с негативной оценкой исчезновения нищих, просящих милостыню Христовым именем, мы встречались и во время археографических экспедиций в 1970-е гг.). Бедность, славящая Бога, для А. Г. Мурачева, несомненно, предпочтительнее безбедной, обеспеченной за чужой счет жизни: «и вот они живут как скот, услаждаясь увеселениями»<sup>116</sup>. Сравнивать государственные дома престарелых с играющими во многом аналогичную роль скитами, куда жертвуют опять-таки ради Христа, а основное занятие обитателей — молитва, Мурачеву даже не приходит в голову, настолько очевидна для него разница в культурном контексте.

Таким образом, А. Г. Мурачев, как и многие его единоверцы, рассматривал социальные завоевания советского общества как стремление к роскоши, ведущей, по Писанию, широкой дорогой в ад; те же, кто отказывается от них, избирают трудный, узкий путь спасения. Подчеркивая чужеродность этого «широкого» пути традиционной системе ценностей староверов, А. Г. Мурачев называет его «асфальтовым» (символ новой цивилизации). Однако, как асфальтовыми дорогами приходится пользоваться и староверам, так и другие элементы современной цивилизации со временем проникают в их среду, включая и систему государственных льгот. Интересно, что на страницах писем А. Г. Мурачева ни разу не было осуждено бесплатное медицинское обслуживание населения. Однако, при всех указанных колебаниях и отступлениях система советской социальной защиты и во второй половине XX в. служила своеобразным определителем для выявления «своих» и «чужих» в среде староверов-часовенных.

Художественные произведения А. Г. Мурачева, на наш взгляд, — вершина литературного творчества школы урало-сибирских часовенных. Он пишет и стихи, и прозу, блестяще сочетая при этом древние и новые формы. О своем пристрастии к стихотворному творчеству он писал в мемуа-

<sup>116</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 13/90-г. Л. 2 об.

рах: «Я был охочий сочинять духовные стихотворении». Игумен о. Симеон стремился дать полезное направление таланту молодого послушника: «Он заставил меня с Никона лет родословную и историю хотя бы вкратце написать стихотворением... А потом прочитать в моленной при всем соборе»<sup>117</sup>. Этот ранний опыт А. Г. Мурачева не сохранился и, вероятно, был сожжен со всей скитской библиотекой во время разгрома скитов в 1951 г. Зато нам известны некоторые его «стихосложения» позднейших лет. Одно из полемических сочинений А. Г. Мурачева против А. К. Килина написано в стихах, зеркально отразив попытку последнего в стихотворной форме опорочить сторонников теории «чувственного» антихриста как еретиков и «скверноядцев». Стихи А. Г. Мурачева, записанные им в так называемой Берестяной книге, посвящены разгрому Дубчесских скитов, учительным назиданиям и т. п.<sup>118</sup>

Афанасий Герасимович — мастер современного рассказа, недаром один из них, «История о дубчесских скитах», был опубликован в 1991 г. в «Новом мире»<sup>119</sup>. Виртуозное владение словом, образом, метафорой придает необыкновенную эмоциональную, иной раз разящую силу всем его сочинениям. Так, для обличения лжи противников он находит весьма выразительную поговорку: «Если они говорят, что там огонь, то иди туда с ведром и найдешь там лужу воды, а если они говорят — там вода, то иди с берестом и возьми огня». В уста потерявшей сына Богородицы он вкладывает народную женскую причеть: «Да почто же я тебя отпустила с моих глаз, цветочик ты мой!» С помощью аллитерации, больше характерной для жанра поэзии (и проза здесь действительно рифмуется!), изображается шаркающая походка Соломии, «баушки»-повитухи, торопящейся помочь в родах Марии: «... ногами шуршит, на послужение к девей спешит»<sup>120</sup>.

<sup>117</sup> Зольникова Н. Д. Мемуары А. Г. Мурачева... С.251.

<sup>118</sup> Берестяная книга // Духовная литература староверов. Новосибирск, 1999. С. 310—321 (изд. и комм. подг. Н. Н. Покровским и Л. В. Титовой).

<sup>119</sup> Афанасий Герасимов. Повесть о дубчесских скитах / Предисловие и комментарии Н. Н. Покровского // Новый мир. 1991. № 9. С. 91—103. Для издания в общероссийском журнале названию сочинения был придан более «литературный» вид; оно повторно опубликовано Н. Н. Покровским под самоназванием «История о Дупческом ските» в 1999 г. в «Духовной литературе староверов...» (С. 272—189).

<sup>120</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 5/90-г. Л. 4; Мурачев А. Г. «Благовещение Пресвятыя Богородицы и Рождество Христово» // Духовная литература староверов... Новосибирск, 1999. С. 265, 270 (подг. текста и коммент. Л. В. Титовой). А. Г. Мурачев работал и в жанре поэзии. Публикацию см.: Берестяная книга // Духовная литература староверов... Новосибирск, 1999. С. 310—322, 701—703 (Подг. текстов и комм. Н. Н. Покровского, Л. В. Титовой). Сочинения А. Г. Мурачева привлекли внимание и такого выдающегося филолога и культуролога, как Б. А. Успенский, опубликовавшего одно из них (*Успенский Б. А. Древнерусское богословие: проблема чувственного и духовного опыта (представления о рае в середине XIV в.)* // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М., 1996. С. 105—151); публикации с анализом сочинений А. Г. Мурачева принадлежат также О. Д. Журавель (см.: *Мурачев А. Г. Слово о Марфе*

Перелагая в одном из сочинений священную историю своими словами, А. Г. Мурачев населяет ее узнаваемыми образами крестьян и крестьянок со всей присущей им психологией. Так, св. Иосиф у него, горько и искренне каясь в том, что по неведению собирался отослать из своего дома непраздную деву Марию, простодушно соображает и по поводу выгоды нового положения дел: «Куда же лучше, вернее и надежнее, что у меня будет жить Спаситель на дому». В том же произведении метавшаяся в поисках отставшего в Иерусалиме мальчика-Христа и потерявшая сон Богородица с досадой смотрит на уснувшего от усталости св. Иосифа: «Это верное свидетельство, что нет твоей кровности в моем сыночке ни единыя капли, поетому и сон тебя одолел»<sup>121</sup>.

Особое направление творчества А. Г. Мурачева принадлежит агиографическому жанру. Он принимал самое деятельное участие в организации работы над Урало-Сибирским патериком под руководством о. Ефрема: был одним из главных переписчиков и соредкторов патерика. А. Г. Мурачев должен был оценить, правильно ли другие переписчики вставляли в патерик добавочные повести и разъяснения к каким-то текстам, которые были присылались из скитов, не были ли там допущены ошибки. И все же руководящая роль в этом содружестве оставалась за скитами. Там шел окончательный просмотр текстов; обо всех исправлениях А. Г. Мурачев должен был сообщать. Отец Ефрем при этом просил написать о найденных ошибках, чтобы исправить их в скитском экземпляре. Но, думается, что за этой просьбой чрезвычайно деликатного о. Ефрема, вообще всегда в письмах отзывавшегося уничижительно о своих собственных трудах (это было связано еще и с древнерусской традицией этикета книжников), стояло требование окончательной скитской цензуры. Она не была абсолютной. Экземпляр патерика, переписанный А. Г. Мурачевым, свидетельствует о том, что не все советы, исходившие из скитов, были им выполнены. Так, А. Г. Мурачев в своем экземпляре патерика оставил на прежнем месте несколько спорных текстов, которые о. Ефрем рекомендовал исключить из окончательного варианта патерика<sup>122</sup>. Возможно, без санкции скитов остались некоторые жития, написанные самим Мурачевым. Так, завершающие 8 глав первого тома Патерика, которые составили содержание так называемого Дополнения к т. 1, были написаны Афанасием Герасимовичем Мурачевым в 1991 г. Писал он их по просьбе Н. Н. Покровского, и мы не знаем, было ли впослед-

---

и Марии // *Духовная литература староверов...* Новосибирск, 2005. С. 407—408 (подг. текста и комм. О. Д. Журавель); *Мурачев А. Г. Плач Богородицы* // Там же. С. 409—411 (подг. текста и комм. — Она же); *Мурачев А. Г. Плач Пресвятыя Богородицы* // *Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI в.* Новосибирск, 2012. С. 410—414 (распространенная редакция).

<sup>121</sup> *Мурачев А. Г. Благовещение Пресвятыя Богородицы...* С. 260, 269.

<sup>122</sup> *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные...* С. 319—320.

ствии согласовано со скитами их включение в Патерик, или они остались только в экземпляре А. Г. Мурачева, копия с которого хранится в Собрании ИИ СО РАН и публикуется в данном издании<sup>123</sup>. Жития Дополнения написаны по уже выработанному авторами патерика канону. Для монашествующих они учитывают обязательные топосы, обычно присутствующие в житиях преподобных. Что касается фигур образцовых мирян-часовенных, то они изображаются с помощью особого набора топосов, включающих христианские добродетели, присущие именно этому «разряду» подвижников: кроткие, ласковые в общении, усердно исполняют евангельские заповеди, примерные семьянины и т. д.<sup>124</sup> Своему другу, часовенному наставнику И. А. Потанину, А. Г. Мурачев посвятил около трети объема Дополнения к т. 1 патерика<sup>125</sup>. В его тексте четко выдерживается жанр жития: сообщаются место рождения, пути переселения семьи Потаниных с Алтая через Колыванскую тайгу в Красноярский край; документированы подлинными письмами И. А. Потанина обстоятельства его предсмертной болезни. В житии повествуется о такой важной черте характера, особенно в крестьянской среде, как трудолюбие (раскорчеванные им в тайге пашни даже получили нарицательное имя Иероновых полей), воздержность (почти не прикасался к хмельному). Особенно отмечается его прилежание в молитве, а также собирании книг и икон, — нетрудно заметить, что это роднит Потанина с молодым крестьянином Сафроном Лаптевым — будущим игуменом о. Симеоном. Недаром И. А. Потанин сблизился с ним еще в бытность скитов в Колыванской тайге. Позже, в Красноярском крае, как торжественно повествуется в дополнении к патерику, Потанин имел попечение о женских и мужских скитах; в частности, помогал в переезде скита о. Симеона на Дубчес, при этом ему пришлось зимой в морозы в одиночку путешествовать около месяца на лыжах. Он был крупным жертвователем: снабдил скиты лошадьми и быками. В дополнении к патерику упоминается о частых беседах И. А. Потанина с о. Симеоном, о молитвах игумена за скитского благодетеля, когда тот попал в тюрьму за отказ от воинской повинности. Как следует из контекста патерикового рассказа, именно молитвы игумена помогли Потанину благополучно вернуться домой вопреки предсказаниям некоторых мирян-часовенных. На долю Иерона Алексеевича выпало такое же, по формулировке патерика, страдание за Христа от мучителей-безбожников, как и о. Симеоноу вместе с другими арестованными в ходе разгрома скитов: он отбывал срок в лагере по тому же делу и был выпущен вместе с остальными по амнистии после смерти Сталина (как

<sup>123</sup> *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные... С. 321; Собрание ИИ СО РАН. № 7/91-г.

<sup>124</sup> О христианских подвижниках-мирянах у часовенных см.: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные... С. 439—446.

<sup>125</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 7/91-г. Л. 19—29 об.

передает дополнение к патерику, Потанин сам о себе говорил, что «пострадал ради отцов»).

После освобождения И. А. Потанин не изменил своим прежним добродетелям: помог обустроиться освобожденным из заключения скитским старцам на новом месте (на Ангаре), поселился рядом с ними и продолжал их опекать в течение последующих 20 лет. Став по благословию игумена о. Антония наставником в мирской общине, И. А. Потанин был всегда милостив к духовным детям: в любое время принимал приходящих на исповедь и никогда не жалел времени на беседы, несмотря на собственное требовавшее постоянных забот большое хозяйство. Потанин был наставником твердых правил, державшимся порядков, завещанных о. Симеоном, и недовольные этой строгостью стали упорно его преследовать. Однако, как можно прочесть в дополнении к патерику, он «все переносил со благодарением... от человек, ненавидящих его, и наветы от лукавых бесов»<sup>126</sup>. Следуя житийной традиции, авторы дополнения к патерику оценили как высокую христианскую добродетель терпение Иерона, мучившегося от тяжелой болезни, которая в конце концов свела его в могилу. Упоминается и его нежелание лечиться. В общем контексте жития это звучит похвалой: в патерике в целом прослеживается средневековая установка о вреде и тщете врачебного вмешательства в болезнь, которую в качестве испытания (наказания, вразумления) посылает человеку Бог<sup>127</sup>.

Житие позиционирует И. А. Потанина как святого: так, в Дополнении сообщается о таких сверхъестественных событиях, как его явление незадолго до смерти в качестве носителя света веры ферганскому родственнику, а после кончины — появлении на своем обычном месте во время общего моления близких. Симптоматично, что видение, аналогичное последнему, патерик зафиксировал и в отношении о. Симеона. С именем И. А. Потанина связаны и другие посмертные чудеса: в дополнении к патерику рассказывается о целой серии исцелений (от головной боли, повышенного давления, болей в спине и т. п.) с помощью земли с могилы Иерона Алексеевича или же воды, настоянной на этой земле. То же воздействие оказывало молитвенное обращение к помощи усопшего. Иногда исцеление приносила только мысль о необходимости прибегнуть к сакралии.

Сверхъестественные события, сопровождающие жизнь и кончину героев повествования, посмертные чудеса, особенно связанные с сакралиями и землей с могил праведников, в Урало-Сибирском патерике можно встретить чаще всего в жизнеописаниях черноризцев, статус святости которых относится к преподобным. Однако, как мы видели, частично топосы, обычные для последних, составители патерика употребляли и при создании житий

<sup>126</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 7/91-г. Л. 22 об.

<sup>127</sup> Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 380—383.

праведных мирян, хотя разница между святым черноризцем и святым мирянином, несомненно, осознавалась. Наиболее четко ее выразил А. Г. Мурачев в заключительном слове к житию И. А. Потанина: «Иерон Алексеевич был правая рука отца Симеона. Отец Симеон был образец и светильник для скитов. Иерон Алексеевич был образец и светильник для мирян бельцов»<sup>128</sup>. Но недаром тот же А. Г. Мурачев (правда, в мемуарах) назвал И. А. Потанина «равноангельным», что относится к топосам преподобного<sup>129</sup>.

Нужно отметить ту черту житийного творчества А. Г. Мурачева, которая роднит его с длинной чередой предшественников, писателей-часовенных, вплоть до других авторов патерика. Подобно им он своеобразно использует для житий сочинения «внешних» авторов, нередко враждебно настроенных по отношению к староверам. А. Г. Мурачев выбирает из их произведений необходимый ему фактический материал, вполне ему доверяя, и оставляет за бортом, без каких-либо оценок, все негативные высказывания в адрес старообрядцев. Так он поступил при создании жития о Палладия: поставщиком биографического материала монаха послужила вполне атеистическая, наполненная неприязнью к образу жизни тувинских монахов-часовенных книга А. Ф. Емельянова<sup>130</sup>. А. Г. Мурачев сделал из ее материалов мелкую «нарезку», скомпоновав отрывки в нужном ему порядке и подчинив канону жития. При этом нередко менялась на противоположную оценка описываемых событий или фактов: то, что в культурном поле человека атеистического мировоззрения свидетельствовало о дикости, об образе жизни, проиворечащем нормам цивилизованной жизни, для А. Г. Мурачева было проявлением исконных монашеских добродетелей; в совокупности они образовывали топосы святых чина преподобных.

Опыт творчества в жанре жития А. Г. Мурачев использовал в своих мемуарах, над которыми работал с 1992 г., создав три редакции. Переработка жизнеописания от редакции к редакции имеет разительное сходство с аналогичным процессом, отмеченным еще для Жития протопopa Аввакума: текст превращался в житие святого<sup>131</sup>.

В агиографическом жанре написано небольшое сочинение А. Г. Мурачева «Откуда началось иконное изображение и их почитание»<sup>132</sup>. Поводом, несомненно, послужила полемика о перстосложении при крестном знаме-

<sup>128</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 7/91-г. Л. 30 об.

<sup>129</sup> Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 498.

<sup>130</sup> Емельянов А. Ф. От мира не уйти: Докум. повести и очерки. 2-е изд. Кызыл, 1984. См. коммент. к Дополнению т. 1 в настоящем издании.

<sup>131</sup> Зольникова Н. Д. Мемуары А. Г. Мурачева, сибирского старовера-часовенного (конец XX — начало XXI в.) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV—XXI вв. Новосибирск, 2010. С. 213—288.

<sup>132</sup> Публикацию и анализ см.: Зольникова Н. Д. Сказание об иконе Божьей Матери Римской в перделке А. Г. Мурачева // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 296—319.

нии, развернувшаяся между часовенными США, Бразилии и России (общины и скиты Нижнего Енисея)<sup>133</sup>. В связи с этой полемикой некоторые иконы, в значительной мере «богородичные», с «неправильным», с точки зрения некоторых спорящих, крестным знаменем даже стали отвергаться. Их оппоненты заговорили об иконоборчестве. Сочинение А. Г. Мурачева представляет собой переделку «Сказания известна о чудесех Пресвятыя... Богородицы Марии, еже... честною Ея иконою содеяся, яже и Римляныни нарицатися обыкши...»<sup>134</sup>, созданную им в 2004 г., за несколько лет до смерти. А. Г. Мурачев, как положено грамотному книжнику, сделал отсылку к своему источнику, однако тут же обозначил специфику своей работы: «местом с сокращением, с объяснением, с украшением на наш понятный язык»<sup>135</sup>.

Народная обработка древнерусских памятников — явление, известное в староверии. Уже почти полвека ученые анализируют гораздо более обширную, чем у А. Г. Мурачева, деятельность по переработке литературных источников древности, которой посвятил свой талант И. С. Мяндин, старообрядец поморского согласия из Усть-Цильмы (Русский Север). Первооткрыватель его творчества В. И. Малышев отметил главные приемы мяндинских переделок: целенаправленное сокращение текста, непонятного или далекого для местного читателя, упрощение языка, включающее разговорную речь, в ряде случаев — внесение элементов старообрядческой идеологии. Е. К. Ромодановская, исследуя мяндинские обработки повести о царе Аггее, отметила интерес народного писателя к конкретным деталям крестьянского труда, свободное изложение сюжета источника, введение в него новых ярких деталей, упрощение языка и т. д.<sup>136</sup> Общий итог многолетних исследований ученых, посвященных редакторской работе усть-цилемского книжника XIX в.: Мяндин трансформировал чужой текст по-разному — «от минимальной правки стиля, синонимических замен и небольших сокращений до замены текста источника собственным», причем сюжет после сокращений часто становился динамичнее<sup>137</sup>.

---

<sup>133</sup> Об этих спорах см.: *Зольникова Н. Д.* Полемика староверов часовенного согласия в начале XXI в.: крестное знамение и иконопись (статья первая) // *Общественное сознание и литература России: Источники и исследования.* Новосибирск, 2008. С. 331—413; *Она же.* Полемика староверов часовенного согласия в начале XXI в.: крестное знамение и иконопись (статья вторая) // *Археографические исследования отечественной истории.* Новосибирск, 2009. С. 226—311.

<sup>134</sup> Сборник из 71 Слова. М.: тип. единоверцев, 1897. Л. 338 об.—359. Впервые издан в Москве в 1647 г., позже неоднократно издавался для нужд староверов; О ранних переводах памятника см.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков // *Сборник ОРЯС.* СПб., 1903. Т. LXXIV. № 1. С. 23.

<sup>135</sup> *Собрание ИИ СО РАН.* № 7/05-г. Л. 9 об.

<sup>136</sup> *Ромодановская Е. К.* Повести о гордом царе. Новосибирск, 1985. С. 219, 224.

<sup>137</sup> *Малышев В. И.* Усть-Цилямская обработка Повести о царевне Персике // *Исследования и материалы по древнерусской литературе.* М., 1961. С. 326—337; *Волкова Т. Ф.* Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. Сыктывкар, 2005. С. 68, 79, 80.

В редакторской работе А. Г. Мурачева прослеживаются те же приемы обработки текста, что и у его предшественника, с творчеством которого он, как мы знаем, не сталкивался. Это, на первый взгляд, удивительно, поскольку писатели принадлежат к культуре разного времени, разных старообрядческих направлений, наконец, их разделяют огромные пространства России (хотя в своих путешествиях А. Г. Мурачев и добирался до Москвы, но не до Русского Севера). По всей видимости, определяющим в этом творчестве народных писателей-староверов позднего периода оказалась общность мировосприятия и сознания, учет литературных потребностей крестьянской аудитории, для приспособления к которым древних памятников оказались независимо друг от друга выработаны приемы обработки, отличавшиеся известным универсализмом. Здесь проявилась устойчивая особенность 350-летней истории старообрядческого творчества: при принципиальной ориентации на древнюю традицию новые тексты всегда несут отпечаток культуры современной им цивилизации.

Крестьянские писатели-староверы урало-сибирской историко-литературной школы оставили нам прекрасный образец народного христианского творчества XX в. В их трудах возродились многие жанры древнерусской литературы: учительные послания, богословские трактаты, полемические сочинения, нравоучительные и исторические повести, «приклады» (exempla), агиография и ее особый вид — патерик. При этом литература староверов-часовенных не была мертворожденной, она оставалась живой, наполнялась реалиями XX в., как и его литературными жанрами: во многих сочинениях, в том числе и в Патерике, обнаруживается вполне современный остросюжетный рассказ. Писатели-староверы обладали литературным талантом, необыкновенно выразительным языком, в котором причудливо сочеталась современная разговорная речь и церковнославянский язык родом из «дониконовской» книжности. Талант свой, сколько кому досталось, писатели-часовенные обращали на общественное служение, понимая его как дар, посланный Богом во спасение «верных» в последние времена перед концом света.

*Н. Д. Зольникова*



## Идеологические обоснования агиографии Урало-Сибирского патерика. Повествовательные стратегии

Урало-Сибирский патерик — уникальный источник по изучению судеб агиографии в новейшее время. Повествования агиографического типа, включенные в него, посвящены как легендарным деятелям согласия, так и рядовым пустынножителям, и отразили процесс сакрализации в среде старообрядцев-часовенных. Одни агиобиографии напоминают краткие жития патерикового типа, другие являются обширными жизнеописаниями. Отдельным персонажам посвящены целые агиографические комплексы, обладающие сложной структурой, где рассказы о подвижниках вплетены в историю согласия.

В этом памятнике, как и в старообрядческих «родословиях», агиографическое начало тесно связано с историческим контекстом, с «необходимостью связать повесть об урало-сибирском расколе с общерусской историей старообрядчества»<sup>1</sup>. В основе агиографического дискурса лежат историософские концепции, тесно связанные с эсхатологическими убеждениями. «Старообрядцы ощущали себя и первыми христианами, и последними; в их сознании конец отчетливо смыкался с началом, замыкая круг истории, заключая время в контекст вечности»<sup>2</sup>. Эти слова Н. М. Герасимовой являются комментарием к рисунку протопопы Аввакума, который сопровождает его «Житие». На схеме, выполненной рукой томившегося в земляной тюрьме протопопы, «верные», идущие к спасению, заключены в круг, в центре которого — Бог, а вне круга остаются отпавшие, погруженные в тень антихриста. Этот круг замыкается в предельной полноте, за его пределами не остается бытового и житейского. Таким образом, все истинно верующие, вся их земная жизнь по определению оказываются в сфере сакрального. Представления о святости староверов-часовенных базируются на тех же основаниях<sup>3</sup>.

Благочестие, воспринятое от апостолов и самого Христа, наследовалось как некая субстанция, хранилищем которой прежде, до падения «Тре-

---

<sup>1</sup> Покровский Н. Н. Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири XVIII века // Историческое повествование Древней Руси. ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 172; Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII—XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. С. 323.

<sup>2</sup> Герасимова Н. М. Поэтика «Жития» протопопы Аввакума. СПб., 1993. С. 32.

<sup>3</sup> См. выше, Покровский Н. Н. Урало-Сибирский патерик. С. 35—36. См. также: Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII—XX вв. С. 323.

тьего Рима», была Московская Русь. Именно эта, «из рук в руки», «другопередатне» воспринятая святость становится своеобразным духовным генетическим кодом, обусловившим распространение сферы сакрального на всех «истинно верующих», и той почвой, на которой в новых исторических условиях создавались агиографические тексты, воспроизводящие древнейшие жанровые формы.

Во второй половине XIX в. автор «Родословия часовенных Зауралья» о. Валентин, называя имена подвижников, заслуживших спасения, писал: «истинная и святая наша христианская вера, отцы наши нам преданная, самим Господом нашим Иисусом Христом с небес снесенная, апостолы Христовыми во вся концы земли проповеданная, святыми вселенскими соборами утвержденная»<sup>4</sup>. Писатель и идеолог часовенных иноков-схимников о. Максим, поднаторевший в риториках Нового времени, уже в XVIII в. предельно лапидарно выразил эту мысль силлогизмом: «Всяк убо верный свят, поелику верен есть»<sup>5</sup>.

Ключевую роль в концептуальных и жанровых установках Урало-Сибирского патерика играет предисловие. В этом проявилась связь с традициями древнерусской книжности, где предисловия были важной частью книги, направляющей и определяющей все дальнейшее содержание. Именно данная функция предисловия в Патерике была подчеркнута Н. Н. Покровским, и он же заметил евангельскую реминисценцию в начале текста (Лк 1: 1—3)<sup>6</sup>. Автор слегка перефразировал Евангелие от Луки. Одно из небольших, но принципиально важных текстуальных отличий — формула, выражающая эсхатологическое мироощущение старообрядческого книжника. Он намерен вести повествования «о пустынных жителях обоюбого пола в последнее гонительное и плачевное время». Эсхатологическая идея сопрягается с выраженной далее концепцией преемственности с заветами Московской Руси. Именно в таком идеологическом контексте, гарантирующем «интериоризацию сакрального»<sup>7</sup> в сферу жизни согласия, разворачиваются далее агиографические нарративы.

Авторы Урало-Сибирского патерика продолжили те же тенденции, которые по отношению к выговской историографии отмечали Р. О. Крам-

<sup>4</sup> Духовная литература староверов Востока России XVIII—XX вв. Новосибирск, 1999. С. 63. «Родословие» о. Валентина датируется не позднее 1879 г. (Там же. С. 622—623, коммент. В. И. Байдина и А. Т. Шашкова).

<sup>5</sup> «Разсуждение инока схимника Максима» (Собр. ИИ СО РАН. № 9/71-г. Л. 78). Автор ссылается на одну из авторитетных в старообрядчестве книг — «Альфу и Омегу».

<sup>6</sup> Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII—XX вв. С. 315.

<sup>7</sup> Ранчин А. М. Автобиографические повествования в русской литературе второй половины XVI—XVII вв. (Повесть Мартирия Зеленецкого, Записка Елеазара Анзерского, Жития Аввакума и Епифания): проблема жанра // Ранчин А. М. Вертоград златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 233—247.

ми<sup>8</sup> и Н. С. Гурьянова<sup>9</sup>. Теоретические построения выговцев позволили им найти свое место в потоке универсальной христианской истории. Как и представители старших поколений старообрядцев, урало-сибирские часовенные XX в. осознают себя прямыми преемниками и продолжателями православных традиций. Достаточно четко это выражено в восприятии древнерусской теории «Третьего Рима», представленной кругом памятников 20-х—30-х гг. XVI в.

Известная доктрина, обусловившая многие идеологические тенденции в русской культуре Средневековья и Нового времени, является сложным идейным комплексом, основанным на ряде мифологем: «в этой схеме два аспекта: минор и мажор, апокалиптика и хилиазм», — писал Г. Флоровский<sup>10</sup>. По терминологии Н. В. Сеницыной, в этой концепции эсхатологический аспект, выраженный знаменитой формулой поэтапного отступления от истинной веры мировых центров христианства, сопрягается с «панегирическим», утверждающим взгляд на Московскую Русь как на центр вселенского православия<sup>11</sup>. В теории в латентном виде выражена утопическая идея процветания Руси как земного рая: «...Старого убо Рима церкви падеся... сия же нынѣ третьяго Рима, державнаго твоего царствия святая соборная апостольская Церкви, иже в концѣх вселенныя в православнѣй христианстей вѣре во всей поднебеснѣи *паче солнца свѣтитца...*»<sup>12</sup>.

Исследователи не раз отмечали усвоение старообрядцами теории «Третьего Рима», при этом речь шла, как правило, об идее трех отступлений и ее влиянии на эсхатологические построения старообрядцев<sup>13</sup>. Не менее продуктивным можно считать и «панегирический» аспект теории. Старообрядцами был востребован образ Святой Руси как райского пространства и средоточия истинной веры. Представление о процветании православия в дониконовской Руси оказалось вовлечено вторым поколением старообрядцев, выговскими авторами, в арсенал ключевых идей при обосновании

<sup>8</sup> Крамми Р. Историческая схема выгорецких большаков // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 90—96.

<sup>9</sup> Гурьянова Н. С., Крамми Р. О. Историческая схема в сочинениях писателей выговской литературной школы // Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.). Сб. науч. трудов / Под ред. Е. М. Юхименко. М., 1994. Л. 120—138.

<sup>10</sup> Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. (Фототипическое воспроизведение издания: Париж, 1937). С. 11.

<sup>11</sup> Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV—XVI вв.). М., 1998. С. 269—278.

<sup>12</sup> Там же. С. 361.

<sup>13</sup> Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Истоки, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 90—93; Сеницына Н. В. Третий Рим. С. 313—317; Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 22—41.

собственной историософии и послужило в качестве вектора «золотого века» в формировании утопического проекта<sup>14</sup>. Идеальный образ Руси — цитадели православия, «теократической утопии»<sup>15</sup> — оказался использован в концептуальных построениях, на которых зиждется и вся последующая историософия старообрядчества, в том числе создателей Урало-Сибирского патерика. Образ Святой Руси как сотериологической оси мира, в совокупности с рядом других мифологем, в частности, с идеей преемственности «благочестия», становится важным аргументом в старообрядческом учении о спасении, в утверждении собственной конфессиональной исключительности, открывает перспективы сакрализации членов согласия, наследующих святость, сконцентрированную в дониконовской Руси.

Предисловие к Кормчей 1653 г., одной из книг, принятых старообрядцами в число «книжных авторитетов», включает Уложенную грамоту константинопольского патриарха Иеремии об утверждении патриаршества на Руси в 1589 г., в которой использован текст одного из сочинений, отразивших концепцию «Третий Рим», — Послания великому князю Василию III<sup>16</sup>. Эта грамота использовалась в качестве источника уже в Пятой Соловецкой челобитной<sup>17</sup>, а затем, со ссылкой на Кормчую, во всех крупнейших историко-агиографических сочинениях выговских старообрядцев: «Поморских ответах», «Винограде Российском» Семена Денисова, «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова. Урало-Сибирский патерик отразил эту тенденцию, включив в предисловие данную цитату, ставшую «общим» местом, своеобразным топосом историософии старообрядцев.

<b>Уложенная грамота 1589 г. (Кормчая 1653 г.)</b>	<b>Виноград Российский</b>	<b>История Выговской пустыни</b>	<b>Урало-Сибирский патерик</b>
Пресвятѣишии Иеремиа...новаго Рима вселенский патриарх... глаголаше сице:	О нихъ же всевятѣишии Иеремиа к царю Феодору Иоанновичю таковыя златословесныя источи глаголы:	Всесвятѣишии убо Иеремиа патриархъ к царю Феодору Иоанновичю таковыя сладкия вѣщаши глаголы:	Свидетельствуетъ приезжавшии в Россию всесвятѣишии Иеремиа патриарх константинопольский, к царю Феодору Иоанновичю, тако рече:

<sup>14</sup> Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012. С. 179—186.

<sup>15</sup> Ср.: Зеньковский С. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Мюнхен, 1970. С. 459—463.

<sup>16</sup> Гольдберг А. Л. Три «послания Филофея» (Опыт текстологического анализа) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 86; Синицына Н. В. Третий Рим. С. 299—305.

<sup>17</sup> Гурьянова Н. С., Крамми Р. О. Историческая схема в сочинениях писателей выговской литературной школы. С. 121—122.

<p>«...Твое же, о благочестивый царю, великое Русийское царствие, третий Римъ, благочестиемъ всѣхъ превзыде, и вся благочестивая в твое царствие в едино собирашя, и ты единъ под небесемъ христьянскій царь именуешия во всей вселеннѣй, во всѣхъ христьянехъ»<sup>18</sup></p>	<p>«Твое же царство, богохранимыи царю, есть третий Римъ, благочестиемъ всѣхъ превзыде, и вся благочестивая в твое царство собирашя». Кормчая в предисловии<sup>19</sup></p>	<p>«Твое же царство, богохранимыи царю, есть третий Римъ, благочестиемъ всѣхъ превзыде, и вся благочестивая в твое царство собирашя». Книга Кормчая в предисловии<sup>20</sup>.</p>	<p>«Твое же царство, богохранимыи царю, есть третий Римъ, благочестиемъ всѣхъ превзыде, и вся благочестивая во твое царство собирашя»<sup>21</sup>.</p>
--	--	---	---

Реминисценцией из Евангелия и приведенным здесь «общим местом» авторы не ограничились. Как в древнерусской и в более ранней старообрядческой книжности, данное предисловие скроено из комплекса цитат, каждая из которых важна в концептуальном плане. Обратимся к некоторым из них.

Семен Денисов в «Истории об отцах и страдальцах соловецких» сходным образом, также отталкиваясь от евангельского первоисточника, по-ясняет цель своего труда.

<p><b>История об отцах и страдальцах Соловецких</b></p>	<p><b>Урало-Сибирский патерик</b></p>
<p><i>не похвалу мужем чудным, яже во устех грешных не красна есть, соплетаяще, но самыя вещи, самая деяния</i> отец, яже от различных писателей собрахом, яже от уст самобывших во время разорения обители в воинстве слышахом, яже от оставших соловецких отец известно научихомся, сия боголюбивых ушесем представляюще, возвещаем<sup>22</sup>.</p>	<p><i>не похвалу сим, яже во устех грешных не красна есть, соплетаяще, но самыя вещи, самая деяния их</i> изъясляюще (л. 1)</p>

<sup>18</sup> Кормчая. М., 1653. Л. 15—15 об.

<sup>19</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 54/71. Л. 9 об.

<sup>20</sup> Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 8.

<sup>21</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 4/90-г. Л. 4 об.

<sup>22</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 54/71. Л. 363—363 об.

Текстуальное сходство с этим же сочинением обнаруживается в следующем пассаже, где автор намечает цели дальнейшего повествования:

Урало-Сибирский патерик	История об отцах и страдальцах Соловецких
<i>И первое убо о начале благочестия, откуда изыде, и проповеди Слова Божия, и о неразрушимом пребывании христианского рода до скончания века, в краткости; таже о гонении, бывшем от никониян, и о великодушии страдания ревнителей благочестия</i> (л. 1—1 об.)	<i>И первое убо о начале святяга обители, когда создася ... наконец о великодушии страдания ревности благочестия</i> <sup>23</sup>

Отметим и важное отличие: Семен Денисов пишет «о начале святяга обители», Соловецкого монастыря, сыгравшего важную роль в истории выговского общежития, сибирский автор — в целом «о начале благочестия», намечая историческую и одновременно эсхатологическую перспективу («до скончания века»). Примечательно, что, изъясняя цель своего труда, о. Симеон заимствует стихотворный фрагмент сочинения Семена Денисова, 13-сложные силлабические вирши.

Урало-Сибирский патерик	История об отцах и страдальцах Соловецких
да неведящии, слышавше, удивятся, ведящии же памятию обновятся, добраго усердия плод обще обимут, корысть послушания в небе воспримут (л. 1 об.)	неведящии, слышавше, удивятся, ведящии же памятию обновятся, добраго усердия плод обще обимут, корысть послушанию в небе воспримут <sup>24</sup>

Смысл заимствованных стихов в Патерике подробно поясняется, автор акцентирует важность проповеднической и даже миссионерской функции памятника. Главная его цель — «утверждение в вере». Сочинение адресовалось не только «ведящим», но и тем материалистам и атеистам из внешнего мира, кто не признает «никаких сверхестественных действий и чудес, и не исповедающих быти Бога, и никакого духа, ни добраго, ни злаго, т. е. ни ангела, ни души, ни беса» (л. 2).

Данные наблюдения касаются первой части предисловия. В памятнике присутствует и вторая его часть, которая может быть признана вторым предисловием. Им по сути дела является первая и начало второй главы 1 тома (л. 3—5 об.). Это второе предисловие раскрывает идею,

<sup>23</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 54/71. Л. 363 об.

<sup>24</sup> Там же. Л. 363 об.—364.

намеченную в первом: представить историю согласия от его истоков, рассказать «о нерушимом пребывании христианского рода». Слитность текста этого второго предисловия с началом повествования об истории часовенного согласия не случайна: таким образом автор даже композиционно показывает неотрывность жизни и деятельности согласия от самого корня христианской веры. Такой же прием используется и в «Истории Выговской пустыни», где история «рода христианского» плавно переходит в рассказ об основании Выга Даниилом Викуловым<sup>25</sup>. Глобальный сюжет мировой истории завершается в Патерике повествованием об основании Керженских скитов, откуда ведут свою историю староверы-часовенные.

Изложение мировой истории христианства как истории истинной веры (и согласия) начинается с евангельской цитаты «Ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь мою» (Мф 16: 18), лежащей у истоков экклезиологии старообрядцев, отказавшихся от официальной церкви. Статус догмы получила цитата из Иоанна Златоуста «Церковь есть не стены и покров, но вера и житие»<sup>26</sup>, приведенная уже в «Поморских ответах» в качестве аргумента в пользу отказа от официальной церкви. Приводя евангельские цитаты, ссылаясь на богословскую литературу (Благовестник Феофилакта Болгарского<sup>27</sup>), автор излагает свое понимание истинной веры. Важным для него является идея принадлежности к единому роду всех «верных» христиан: «и еще глаголет Христос: “Не приидет род сей, дондеже вся сия будут”. Род, рече, не тогда сущий, но род весь христианский верный...» В сюжетах Патерика часто говорится о жителях старообрядческого скита как о «семье», наставники и наставницы, обращаясь к рядовым скитянам, выражают свои отеческие и материнские чувства. Духовное единство, понимаемое как родство, находится в безусловном приоритете перед физическим родством. Заострить мысль о всех членах согласия, некогда живших и живущих, как о едином роде, представлялось автору важным. Не случайно жанр исторических сочинений, использованных и в данном памятнике, определяется как «родословия».

В изложении историософской концепции, выводя «христианский род» от сошествия Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы, автор предисловия к Патерику берет несколько небольших цитат из авторитетной «Книги о вере» 1648 г., давая в целом самостоятельную краткую версию древней истории.

<sup>25</sup> Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. С. 27.

<sup>26</sup> Иоанн Златоуст. Слово о еже «Предста Царица» // Иоанн Златоуст. Маргарит. М., 1641. Л. 519.

<sup>27</sup> Феофилакт Болгарский. Евангелие с толкованием (благовестное). М., 1649.

Книга о вере	Урало-Сибирский патерик
<p><i>По преславном же Воскресении Своем и Вознесении на небеса дело то спасенное божественным учеником и апостолом поручил...<sup>28</sup></i></p> <p><i>В та же времена и веки и Русия не лишена бысть от проповеди апостольския<sup>29</sup>.</i></p>	<p><i>По преславном убо Вознесении Господа нашего Иисуса Христа Дух Святый прииде на святых апостолы в День пятидесятный и научи их всему, еже веровати подобает &lt;...&gt; Тогда и наша отдаленная Россия не лишена была от проповеди апостольския (л. 3 об.—4).</i></p>

Далее в описании процветания веры на Руси вплоть до патриарха Никона автор Патерика следует за текстом «Винограда Российского». Пользуясь средствами барочной стилистики, выговский автор рисует пышную картину райского процветания в дониконовской Руси. Ответ райской утопии лежит и на фрагменте из предисловия Патерика, где излагается история российского благочестия.

«Виноград Российский»	Урало-Сибирский патерик
<p><i>великии убо и всехрабрыи князь Владимир, муж яко пречюдныи храбрости, тако дивнаго тцзания сый, иже своим добродовижным тцанием взыска светлость пресветлаго Сионскаго благочестия на востоце и взыскав от восточных стран, всю Россию привел во благочестие, просвети. От Сиона бо, рече, изыде Закон и Слово Господне от Иерусалима, от греческих стран прия благочестия доброту, ... отонуду архиепископы, епископы, священницы и весь церковный причет, и вкратце рещи, вся доброты православия, вся красоты церкви, вся благолепия христианская, от грек в российския страны преславно привлече, откуду преславная Россия всепреславным благочестия просветившиися светом, толь всепресветло многосияннаго православия свет ... простре, ... яко не бяше града, идеже благочестия свет не сияше, но бяше села, идеже православия луча не озаряше, не бяше веси, идеже благоверия сияние не блисташе<sup>30</sup>.</i></p>	<p><i>великий князь Владимир своим добродовижным тцанием взыска светлость пресветлаго благочестия Сионскаго на востоке, всю Россию привел во благочестие, просвети. От Сиона бо, рече, изыде Закон, Слово Господне от Иерусалима, от греческих стран прия благочестия доброту, оттуду вся доброты православия, вся красоты церкви, оттуду архиепископы и епископы, и священники, и весь церковный причет преславно привлече, откуду преславная Россия так пресветло многосияннаго православия светом преоблиста, что не было града, ни села, ни веси, идеже благочестия свет не сияше (л. 4—4 об.).</i></p>

<sup>28</sup> Книга о вере. М., 1648. Л. 30.

<sup>29</sup> Там же. Л. 31.

<sup>30</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 54/71. Л. 6—6 об.



Слегка сократив текст источника, автор Патерика следует довольно точно за Семеном Денисовым, в его текст попадают сложносоставные слова (доброподвижный, многосиянный), являющиеся характерной чертой барочного стиля. Заимствуется фрагмент, где при помощи повтора ключевых слов с корнем «свет» (а также их синонимов — слов с корнями «блеск» и «сияние») путем риторического приема формируется мотив райской идиллии.

И, наконец, автора XX в. не оставило равнодушным описание в «Винограде Российском» грандиозной мистерии порабощения мира силами тьмы. Эсхатологическая идея выражается Семеном Денисовым в контрастной барочной тональности.

«Виноград Российский»	Урало-Сибирский патерик
<p>Обаче не до конца таковым пренебесным окружахомся веселием, не до конца всеблагодатного наслаждахомся преизобильно мира. Оле твоя ядоносная огнедыхательная злобы на нас, всепрепроклятыи дьяволе!<sup>31</sup>...Не насытисся, пожер запад, не укротисся, смутив восток, но и на оставшая северная всесвирепе нагльствует и нагло свирепеет, на росийскую всеблагодатную (увы!) наскачет страну<sup>32</sup>...вся спасительная обезобразив, испроверже, ... вся тмою новшественных мраков загустив, помрачи...<sup>33</sup>.</p>	<p>Но не до конца таковым пренебесным окружахомся веселием, не до конца всеблагодатного наслаждахомся преизобильно мира. О твоя ядоносная огнедыхательная злобы на нас, всепроклятыи дьяволе! Не насытисся, пожер запад, не укротисся, смутив восток, но и на оставшая северная свирепе нагльствует, и на росийскую всеблагодатную (увы!) наскачет страну, вся спасительная обезобразив, испроверже, вся тмою новшественных мраков загустив, помрачи... (л. 4 об.—5)</p>

Таким образом, через предисловия Урало-Сибирский патерик приобщался к книжной традиции, сложившейся в старообрядчестве. Среди идей, «мигрирующих» от памятника к памятнику, — важнейшие концепты старообрядческой историософии: эсхатологические построения и идеальное утопическое представление о Руси дониконовской как о своеобразном «золотом веке» христианства.

Урало-Сибирский патерик представляет собой уникальный пример воспроизведения агиографического жанра в XX в., когда средневековые жанры как система ушли в прошлое, но представления о святости остаются актуальны. Подобное явление стало возможным в системе старообрядческой письменности, сохранившей, хотя и в модифицированном виде,

<sup>31</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 54/71. Л. 12.

<sup>32</sup> Там же. Л. 14.

<sup>33</sup> Там же. Л. 15 об.—16.

древнейшие жанровые традиции. Наличие культа подвижников в среде часовенных подтверждено различными источниками. Некоторые из них приведены в Урало-Сибирском патерике. Паломничество на могилы праведников описал и старообрядческий историк А. Т. Кузнецов, чей труд огромными блоками цитируется в Патерике, и «внешние», по выражению составителей патерика, авторы — П. И. Мельников-Печерский и уральский писатель и журналист В. Санин.

Включение в текст Патерика сочинений, созданных «внешними» авторами, сопровождается их адаптацией. Несмотря на то, что источник указывается достаточно корректно (например: «Исторїа Санина», «Кузнецов. История»), и все необходимые, в понимании редакторов Патерика, факты добросовестно переписываются с сохранением нарративной структуры источника, создатели Патерика к «идеологической» надежности источников относятся чрезвычайно внимательно. Покажем это на примере рецепции очерка В. Санина.

Обширный раздел (главы 13—18) 1-го тома Патерика представляет собой редакцию очерка В. Санина (псевдоним Владимира (Василия) Николаевича Афанасьева) «На Веселых горах»<sup>34</sup>. Автор очерка, уральский писатель и журналист, назван старообрядческим книжником «писателем никоньяннином» (л. 33). Текст подвергся обработке на уровне композиции (разбиение на главы, которых нет в очерке), графики и орфографии, а также на идейно-содержательном уровне.

Произведение, изданное в дореволюционный период, естественно, публиковалось с применением правил старой орфографии. Однако при воспроизведении текста, за единичными исключениями, редактор Патерика последовательно исключает все буквы «ѣ», заменяя их на «е», убирает «ъ» в конце слов. Случаи, когда «ѣ» сохраняется, единичны. Учитывая, что основной текст УСП, основанный не на «внешних» источниках, создавался с активным применением этих букв, в особенности «еров», столь последовательную замену можно считать принципиальной. С другой стороны, современные написания, применяемые В. Саниным, заменяются на архаичные («Максим» заменяется на «Маѣим», «время» на «времѣ», «возницу» на «возницѣ» и т. д.). Очевидно стремление старообрядческого книжника «перекодировать» текст автора-«никонианина». В области орфографии прослеживается тенденция к архаизации, свойственная памятнику в целом (написание «ю» после шипящих: «чувства», «чуть» и др.; «лицо» заменяется на «лице»), и к введению просторечного стиля

<sup>34</sup> Санин В. На Веселых горах. Очерки торжественных молебствий старообрядцев, иллюстрированные рисунками с натуры художника Вл. А. Кузнецова, и отчеты о подготовительных трудах к Всероссийскому съезду старообрядцев часовенного согласия. Екатеринбург: Типография газеты «Уральский Край», 1910. С. 3—38.

(последовательная замена «э» на «е» в начале слов: «етот»), искажение написания ряда слов, особенно экзотичных для народного книжника («легулятор» вместо «регулятор»).

Следуя в целом первоисточнику, старообрядческий автор убирает те рассуждения В. Санина, которые идут вразрез с его убеждениями. Опровергается именование староверия расколом: «Писатель никоньянии называет нас, старообрадцев, раскольниками и расколом» (примечание к л. 33), уточняется семантическое поле слова «православные»: «православными — называютъ себя никоніане» (л. 43 об.). Переписаны все случаи поведения несообразных на могилах, но в текст Патерика не включены атеистические, «научные» объяснения феномена кликушества (их нет, в отличие от источника, в главе 17, «Кликушество бесных»)³⁵.

Отличия на лексическом уровне в целом незначительны, есть в ряде случаев пропуски слов, замена написания церковных терминов («стихиры» на «стихерь»), «Николай Угодник» правится на «Николу Угодника», в соответствии с нормами народной и принятой в данной локальной среде традиции.

Важной особенностью редактирования этого, а также других «внешних» источников является подстрочный «словарь». Многие слова иностранного происхождения, чуждые слуху старообрядца, тщательно поясняются. Основным источником для авторов Патерика послужил Словарь иностранных слов. Неопровержимые текстологические факты говорят о том, что старообрядец пользовался словарем, однако и здесь выступил самостоятельным редактором, на сей раз лексикографом. Приведем только несколько примеров соответствий словарных статей в подстрочниках Патерика названному академическому словарю. Так, слово «процессіа» (т. 1, л. 29 об.) комментируется как «торжественное многолюдное шествіе (собраніе)» (ср.: «Процессия — торжественное, обычно многолюдное шествие»³⁶; «версіа» (т. 1, л. 30) как «более веролатное сказаніе»; ср.: «Версия ... — одно из нескольких, отличных друг от друга изложений или объяснений какого-либо факта, события»³⁷. Слово «фанатическаа» трактуется через однокоренное: «Фанатизмъ — страстнаа преданность своим верованіем, соединеная с крайне нетерпимостію къ чужим убежденіамъ» (т. 1, л. 34). Ср.: «Фанатизм ... — страстная преданность своим убеждениям, соединенная с крайней нетерпимостью к чужим взглядам и стремлениям...»³⁸.

³⁵ Ср.: «Разубедить рассказчицу в том, что в ней никакого беса нет и что кликушество не более как результат ея расстроенных нерв, не было никакой возможности»; «...причины тому — самовнушение на почве религиозного фанатизма в связи с массовым народным невежеством» (Санин В. На Веселых горах... С. 29).

³⁶ Словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1986. С. 407.

³⁷ Там же. С. 100.

³⁸ Там же. С. 519.

Подобным образом строится несколько десятков подстрочных примечаний. Из обширной словарной статьи может быть взято лаконичное, удовлетворяющее народного лексикографа определение. Так, из достаточно большой, в 2-х пунктах, статьи к слову «примитив» (... «всякое явление, первоначальное (еще неразвитое, простое) по сравнению с другими явлениями того же рода...») выбирается краткая дефиниция: «Примитив — всякое явление первоначальное». А поскольку в Словаре иностранных слов отсутствует слово «массивность», автор-старообрядец, изучив статьи к словам «массив» и «массивный», дает свое лаконичное определение: «толщина» (т. е. «толщина»).

Язык Патерика синкретичен. Основные стилевые стихии, сформировавшие его самобытность, — высокий книжный стиль, включающий архаизмы (как на уровне лексики, так и синтаксиса — не редкостью являются, например, конструкции с дательным самостоятельным), старославянскую лексику и просторечие. Причем, помимо обильно представленной разговорной лексики, нередки проникновения устно-поэтической языковой стихии.

Главным творческим принципом составителей Патерика является опора на документ, строго исполняемое требование достоверности источников, что, как известно, было важно и для древнерусского агиографа. Историческая наука конца XIX — начала XX в. привнесла свои принципы в развитие агиографии, которые еще предстоит изучить, очевидно одно: в случае недостатка известий содержание главы не восполняется элементами книжного житийного канона. Внимание к документу, уважительное отношение к источнику обусловили главную композиционную особенность агиобиографий: их компилятивность. Каждая такая глава — по сути дела, текст, составленный из отдельных самостоятельных частей, принадлежащих разным авторам, причем этот комплекс вписан в макротекст Патерика, что уже диктовалось концептуальными установками.

Агиографические главы Патерика напоминают, таким образом, подборку материалов для жития подвижника. Как известно, в древнерусской традиции для создания житий использовались зачастую разного рода записки, в частности, воспоминания, которые хранились в архиве монастыря<sup>39</sup>. Урало-Сибирский патерик — памятник, обладающий законченной концепцией, он далек от черновой версии, от того, что можно было бы считать

---

<sup>39</sup> Дмитриев Л. А. Записка ли «Записка о последних днях Пафнутия Боровского» Иннокентия? // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 59—64; Крушельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе: Жития Филиппа Ирапского, Герасима Болдинского, Мартирия Зеленецкого, Сказание Елеазара об Анзерском ските: Исследование и тексты. СПб., 1996; Она же. К вопросу об автобиографизме в древнерусской литературе // Русская агиография. Исследования. Публикации. Polemika. СПб., 2005. С. 104—107.

архивной подборкой записей. Но отсутствие условий для традиционной, «законной» канонизации, как и проявления праведности в «последние» времена побуждали, видимо, искать новые композиционно-жанровые формы для житийных нарративов. Кроме того, отсутствие тенденции к созданию нового целостного текста на основе всех имеющихся источников, с единым сюжетом, единой авторской позицией и «голосом», если следовать терминологии М. М. Бахтина, выражает, видимо, бережное отношение к первоисточникам. Вместо монолога в случае с Урало-Сибирским патерком мы, как правило, встречаем полилог, многоголосицу народных рассказчиков. Отметим также, что разного типа источники использовались и в древнерусских патериках (например, в Киево-Печерском патерике).

К компилятивным главам, построенным на совмещении разных типов источников, относится, например, глава об одном из основателей часовенного согласия, керженском священноинюке Софонии. Вначале помещен текст из Родословия, в котором указано о соловецких (благонадежных) «корнях» знаменитого основателя и о принятии им хиротонии. Однако скудная информация старообрядческого источника дополняется яркими фактами, почерпнутыми из книги П. И. Мельникова-Печерского «В лесах и на горах». Рассказ о Софонии оформлен в книге писателя и исследователя старообрядчества как «сказание игумении матери Манефы» и содержит необходимые элементы житийного канона: краткие сведения о духовных подвигах и «трудах телесных», о нетленных мощах старца, приносящих исцеления (около его гробницы богомольцы, бравшие целебный песок, вырыли множество ям), о многолюдных собраниях на могиле в Духов день... Форма изложения, выбранная известным писателем, вполне удовлетворила запросы старообрядческих агиографов, которые охотно воспользовались материалами книги.

То же произведение П. И. Мельникова-Печерского оказалось полезным и в работе над главой об Ионе Курносом, знаменитом авторе «Истории о бегствующем священстве» (т. 1, л. 10 об.—11). Дефицит сведений о жизни Ионы Курносого восполнился рассказом об «иониной ели». Это дерево, растущее около могилы Ионы, воспринималось верующими как исцеляющая сакралия. Могила служила местом паломничества, а ствол ели был весь изгрызен жаждущими исцеления паломниками, страдающими от зубной боли. Факты народного почитания, запечатленные П. И. Мельниковым-Печерским, наполнили главу об Ионе фактическим содержанием и сделали рассказ о нем запоминающимся, не оставляя для читателей сомнений в святости знаменитого предка.

Ценным источником для составителей Патерика оказались труды А. Т. Кузнецова, старообрядческого историка и журналиста начала XX века. С его именем связана история журнала «Уральский старообра-

дец». Так, из статьи А. Т. Кузнецова почти дословно переписан рассказ о священноиноке Иове (т. 1, л. 18 об.—20 об.)<sup>40</sup>.

Глава об иноке Авраамии (Венгерском)<sup>41</sup>, одном из основателей уральско-сибирского старообрядчества, целиком основана на старообрядческом сочинении по истории часовенного согласия, относящемся к жанру родословий, «Рукописи о древних отцах»<sup>42</sup>. Рассказ об Авраамии содержится в Основной редакции этого памятника. Именем этого легендарного деятеля раннего староверия назван остров в верховьях р. Кармак, поскольку на этом острове он скрывался от преследования властей и туда же после кончины были перевезены его мощи). Рассказ, запечатленный в «Рукописи о древних отцах», весьма мало напоминает житие. Он представляет собой в основном описание непрерывных передвижений инока Авраамия, закончившихся упокоением его мощей на острове. Мы читаем, что «по восприятии иноческого чина» он *бежал* от Никоновых «перемен» на Ирюм, туда же *бежал* из Кондинского монастыря и инок Иоанн (мощи последнего покоились на том же острове вместе с мощами инока Авраамия и наряду с ними стали объектом паломничества); услышав о пустынных труднодоступных местах вверх по Кармаку, Авраамий с Иоанном *идоша* тамо» и поселились на том самом острове, где в подвижничестве прожили «много лет». Инок Иоанн преставился там же, а Авраамий по доносу был разыскан властями, схвачен и *увезен* в заключение в Тобольск. Из тюрьмы его выкрал и *унес* («взял на крыльцы под верхнюю одежду») некий инок с былинным именем Калина, и *привез* его на Ирюм в деревню Ильину, с которой начиналось подвижничество Авраамия, — здесь уже старец прожил до самой смерти. Однако на этом странствия не закончились, поскольку перед смертью он завещал похоронить себя не в этом месте: «“Как я скончаюсь, *увезите* плоть мою, где аз жил, в пустыню, на остров, идеже погребен брат мой Иоанн... Как вы *повезите* гроб мой чрез леса, и будет на вас страх велий, ибо востанет буря велия, и будет лес ломать напреди и назади, вам же никоего вреда не будет”». Еже и бысть» (т. 1, л. 22—22 об.). Завещание принимает вид пророчества с явным фольклорным отпечатком (проезд через опасное место). В итоге препятствие

<sup>40</sup> Кузнецов А. Т. Исторические очерки уральского старообрядчества // Уральский старообрядец. 1915. № 11. С. 25—28.

<sup>41</sup> Шашков А. Т. Авраамий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1: А—З. С. 44—47; Духовная литература староверов... С. 629 (коммент. В. И. Байдина и А. Т. Шашкова).

<sup>42</sup> Покровский Н. Н. Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе... С. 165—173. См. публикацию Основной редакции сочинения и так называемой Житийной редакции: Духовная литература староверов... Т. 1. С. 32—46. Основная редакция «Рукописи о древних отцах» датируется исследователями 70-ми гг. XVIII в. (Духовная литература староверов... Т. 1. С. 615. Коммент. В. И. Байдина и А. Т. Шашкова).

успешно преодолевается, и мощи старца оказались на острове, конечной цели всех предыдущих странствий.

В этом тексте, помимо влияния жанровых особенностей легенд о святых местах, отразилась одна особенность, свойственная именно старообрядческим житиям: динамизм. Ее по отношению к ранним памятникам старообрядчества отмечал Д. Н. Брецинский<sup>43</sup>. Эта черта отражена и в «Житии» Аввакума, и в Записке о жизни Ивана Неронова и в его же Житии, она прослеживается в Житии Корнилия Выговского. Есть разные объяснения этому феномену<sup>44</sup>, но, помимо влияния суровых жизненных реалий, побуждавших защитников старого обряда к поискам новых мест, здесь нельзя не усмотреть отпечатка общей, свойственной мировоззрению старообрядчества ментальной установки. Старообрядец — сторонник «гонимой» церкви, — так было в начале христианства, и так есть в конце времен; его корни — не в почве, а в вере. Это не означает отсутствие любви и привязанности к месту — достаточно вспомнить поэтический мотив «прекрасной пустыни». Утешая стариц, вынужденных покинуть насиженные места, м. Елена писала: «...Дорогие мои матушки и сестры, ежели вы пошли Христа ради жить, то не место спасает человека, но человек место просвещает, не держитесь за место, а держитесь за человека да за благословение, благословение свято, а неблагословение проклято» (т. 2, л. 33 об.—34).

В мотиве чудесного обретения мощей и заключается художественная доминанта рассказа об иноке Авраамии, по жанру близкого к легендам о святых местах. Видимо, авторы «Рукописи о древних отцах» зафиксировали местную легенду, возникшую в связи с почитанием Авраамиева острова. Для составителей Урало-Сибирского патерика эта легенда, уже в течение почти двух столетий бытовавшая в письменном виде, причем в составе авторитетного старообрядческого сочинения, памятника, имела статус ценного документального источника. Все сведения об иноке Авраамии переносятся из данного Родословия в Патерик без изменений и дополнений: автор патериковой статьи не пытается сломать схему первоисточника, не перестраивает местную легенду в образцовое житие. Единственное, что позволяет себе автор данной главы, — стилистическую обработку первоисточника. Текст подвергается небольшой редакторской переработке. Местами это всего лишь несколько слов. Так, «положи Бог жалость о нем»<sup>45</sup> (об иноке Калине) превращается в «положи Бог в *сердцы* его жалость о нем» (т. 1, л. 22).

<sup>43</sup> Брецинский Д. Н. Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 132.

<sup>44</sup> Там же. С. 133; Журавель О. Д. Старообрядческая литература: темы, проблемы. Поэтика. Новосибирск, 2012. С. 305—307.

<sup>45</sup> Духовная литература староверов... Т. 1. С. 38.

Редактированию подвергается и целый фрагмент.

«Рукопись о древних отцах»	Урало-Сибирский патерик
и слышали от человека-христоролюбца: «Есть-де у нас на Кармаках вверх по Кармаку пустья места». И поехали они, Авраамий со Иоанном, на Кармаки. Тамошняя жители поведали: «Есть де деревня Павлова, за ней пустья острова». Так они дошли в те острова на пригодное место. Тут они поставили келию и жили тут много лет. И ту инок Иоанн скончал жизнь свою» (С. 37—38)	И услышавше от некоего христоролюбца, что «есть у нас на Кармаках деревня Павлова, и от нея вверх по речке Кармаку есть пустья места <i>и удобныя для обитания пустынножителю.</i> Того ради Авраамий со Иоанном идоша тамо, и тамошнии жители <i>христоролюбцы доведоша их до оных пустых мест, до острова некоего, окруженнаго болотами неудобь проходимыми великими, они же на острове том во глубине темных лесов соградиша келию и начаша жити ту,</i> и жили много лет. По сих инок Иоанн <i>отиде ко Господу, Его же возлюбил, Его же ради бегая житиеския молвы и суеты и новин, и ту погребен бысть</i> » (л. 21—21 об.)

В различных источниках, обильно цитируемых в Патерике, сохранились свидетельства о массовых паломничествах старообрядцев на Уральские Веселые горы к могилам четырех знаменитых старцев: о. Германа, о. Григория, о. Максима и о. Павла Убиенного. Переписывая большие фрагменты из статей А. Т. Кузнецова<sup>46</sup> и книги В. Санина<sup>47</sup>, составители Патерика еще раз зафиксировали факт народного почитания святых могил, особенно развернувшегося в к. XIX — начале XX в., когда тысячные толпы верующих шли на Горы за исцелением и молитвенной поддержкой, а чудодейственная сила могил проявлялась в воплях бесноватых, приближавшихся к святыням. Однако память о названных четырех старцах сохранилась в разной степени. Об о. Германе не осталось никаких свидетельств (что не мешало его культу)<sup>48</sup>, и, соответственно, его жизнеописание в Патерике отсутствует. Иноку-схимнику Григорию (в миру — Гавриила Сергеев сын Коскин), известному на Урале иконописцу, уделено чуть больше внимания: небольшая

<sup>46</sup> *Путник*. На Веселых горах // Уральский старообрядец. 1915. № 6. С. 6—19 (псевдоним «Путник» принадлежит, очевидно, организатору журнала, старообрядческому начетчику и автору многих публиковавшихся в нем статей о жизни и истории старообрядчества, А. Т. Кузнецову; *Кузнецов Аф.* Исторические очерки уральского старообрядчества // Уральский старообрядец. 1915. № 11. С. 16—30; № 12. С. 21—30.

<sup>47</sup> *Санин В.* На Веселых горах...

<sup>48</sup> На этот факт обратил внимание В. Санин. В ответ на недоумение рассказчика, в качестве которого выступил сам автор очерка, один из паломников ответил: «Ето вы потомки Фомы Невернаго, ето вам подавай факты, выдумывай чудеса и прочия атрибуты святости, а старообрядца на Веселые горы влечет чистая вера» (т. 1, л. 37 об.).



глава, посвященная ему (т. 1, л. 26 об.—27), содержит указание на источник («журн[ал]», «Кузнец[ов]», «истор[ия]») и представляет собой почти дословную цитату из журнала<sup>49</sup>. Автор патериковой статьи сохранил без изменения даже очевидную ошибку источника — год смерти Григория, скончавшегося не в 1731 г., а в конце XVIII в.<sup>50</sup>, очевидно, за неимением иных источников. Зато в Патерике добавлено указание на день смерти — 4 сентября. Возможно, оно было почерпнуто из местного старообрядческого синодика. Такой тип источника нередко упоминается в Урало-Сибирском патерике. В Патерике, как и в журнальной статье, указано крестьянское происхождение Григория, освоение им искусства иконописи, отшельничество. Согласно легенде, отраженной в этих источниках, он обитал в пещере между камней, а летом писал иконы на вершине одной из скал. Этими скудными сведениями авторы Патерика ограничиваются, ни в чем не погрешая против правды сохранившихся источников. Видимо, намного большим количеством материала располагали авторы, обратившись к образам других почитаемых старцев, инока-схимника Максима и о. Павла Убиенного. В итоге выстраиваются полноценные агиографические блоки.

Инок-схимник Максим, основатель одного из главных центров часовенных, прославился как искусный полемист и писатель, сделавший немало в догматическом оформлении перехода софонтиевского согласия от беглоповповской к беспоповской практике<sup>51</sup>. Несмотря на популярность его сочинений в среде часовенных Урала и Сибири, устная память об этом выдающемся иноке, очевидно, не сохранилась. При составлении рассказа о нем<sup>52</sup> авторы Патерика воспользовались доступными письменными источниками. На один из них сделана ссылка на поле рукописи: «журн[ал] Кузнец[ов]» — речь идет об упоминавшейся уже статье А. Т. Кузнецова «На Веселых горах»<sup>53</sup>. Кроме того, было использовано подстрочное примечание к другой статье того же автора<sup>54</sup>, основанное на фактах, известных по сочинению инока Кастора «О священной епархии христианской и пустынных жителей»<sup>55</sup>. Кроме того, большой фрагмент заимствован из «Родословия» о. Нифонта<sup>56</sup>.

<sup>49</sup> *Путник*. На Веселых горах... С. 10—11.

<sup>50</sup> Духовная литература старOVERов... С. 628 (комм. В. И. Байдина и А. Т. Шашкова).

<sup>51</sup> Об иноке Максиме и его сочинениях см.: *Покровский Н. Н.* Новые сведения... С. 181—182; *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* СтарOVERы-часовенные... С. 127—141; Духовная литература старOVERов... Т. 1. С. 607—608 (коммент. В. И. Байдина и А. Т. Шашкова).

<sup>52</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 4/90-г. Л. 27—29 об.

<sup>53</sup> *Путник*. На Веселых горах...

<sup>54</sup> *Аф. Кузнецов*. Исторические очерки уральского старообрядчества // Уральский старообрядец. 1915. № 11. С. 28.

<sup>55</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 9/71-г. Л. 101—102 об.; № 13/88, л. 1—5. Сочинение включает указание на авторство: «аз...грешный инок Кастор, рукоположен иноком-схимником Лаврентием, поживши с ним 17 лет» (Собрание ИИ СО РАН. № 9/71-г. Л. 102 об.).

<sup>56</sup> Духовная литература старOVERов... Т. 1. С. 87—89.

Весь этот комплекс источников не перерабатывается в единый текст: границы между тремя источниками прослеживаются достаточно четко. При этом каждый из них подвергается небольшой правке. Из названных текстов взяты те сведения, что позволяют выстроить агиобиографию выдающегося деятеля согласия, мученика, страдавшего за веру. В рассказе о начальном этапе биографии<sup>57</sup> прослеживаются текстуальные совпадения с подстрочником из статьи А. Т. Кузнецова:

А. Кузнецов. Исторические очерки	Урало-Сибирский патерик
<p>Инок схимник Максим, родом из нагайских татар, в 1724 году был взят в плен российскими войсками. Он поступил в услужение к Змееву, по распоряжению которого крещен и наречен Михаилом. Он обучен был грамоте и письму в совершенстве. Познакомившись со старообрядцами и сознавая неправоту своего верования, он тайно бежал и пришел в Н. Тагильский завод, где и был принят Иовом, который облек его во иноческий чин и нарек Максим<sup>58</sup>.</p>	<p>Предреченный инок схимник Максим родом был из нагайских татар. 1724 году был взят в плен российскими войсками. Он поступил в услужение к Змееву, по распоряжению которого крещен и наречен Михаилом. Он обучен был грамоте и письму в совершенстве. Познакомился со старообрядцами и, познав неправоту своего верования, он тайно бежал и пришел в Нижнетагильский завод, где и был принят священноиноком Иовом, который облек его во иноческий образ и нарек Максим (т. 1, л. 27—27 об.).</p>

Все упомянутые в цитатах сведения содержатся в названном сочинении инока Кастора, но в их изложении составители Патерика ориентировались на статью А. Кузнецова.

«Родословие» о. Нифонта послужило авторитетным источником и для этой главы, и для раздела об иноке Максиме. Отсюда взят дословно большой фрагмент повествования, рассказывающий о жизни Максима в скиту инока-схимника Дионисия, о дальнейшей его деятельности в качестве главы основанного им скита, сыгравшего большую роль в истории уральского старообрядчества<sup>59</sup>. Здесь появляются имена и других сподвижников инока Максима, а его биография обретает исторический контекст, вплетаясь в историю согласия.

Со скрупулезной точностью переписан обширный эпизод из статьи А. Т. Кузнецова<sup>60</sup>, повествующий о мученическом заточении инока Максима в Невьянской башне. В этой статье уже содержалось то, что так необходимо было составителю данной главы Патерика: свидетельство об аскетизме Максима («по преданию, он хлеба совсем не ел, а питался лиш

<sup>57</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 4/90-г. Л. 27—27 об.

<sup>58</sup> Кузнецов А.ф. Исторические очерки уральского старообрядчества... С. 28.

<sup>59</sup> Духовная литература староверов... Т. 1. С. 88.

<sup>60</sup> Путник. На Веселых горах... С. 10—11.

овощами»<sup>61</sup>) и запись посмертного чуда — о неудавшейся попытке надругаться над останками знаменитого инока. А вот в описании этого столь важного для житийного сочинения эпизода современный автор предпочел версию ... В. Санина! Именно этот фрагмент — единственный, исключенный из редакции очерка В. Санина, о которой речь шла выше, не по «цензурным соображениям». В главе об о. Максиме этот рассказ показался более уместным и более, видимо, убедительным, чем версия, опубликованная «Путником».

В. Санин. На Веселых горах	Урало-Сибирский патерик
<p>Есть также предание, что после смерти ин. Максима тело его хотел вырыть из могилы и съечь впавший в ересь невяньский житель Василий Стариков, но когда последний приблизился к могиле подвижника, его обуял такой ужас, что руки отказались повиноваться. Но тем не менее старообрядцы узнали о кощунственном намерении Старикова, и когда вскоре умер брат еретика, то даже его старообрядцы, вышедшие толпой навстречу похоронной процессии, не допустили на старообрядческое кладбище (с. 11)</p>	<p>Есть также предание, что по смерти инока Максима тело его хотел вырыть из могилы и съечь впавший в ересь невяньский житель Василий Стариков, но когда он приблизился к могиле подвижника, его обуял такой ужас, что руки отказались повиноваться. Но тем не менее старообрядцы узнали о кощунственном намерении Старикова, и когда вскоре умер брат еретика, то даже его старообрядцы, вышедшие толпой навстречу похоронной процессии, не допустили на старообрядческое кладбище (л. 29—29 об.)</p>

Глава об иноке-схимнике Максиме содержит лаконичное описание его внешнего облика: «росту был средняго». Точно такая же фраза есть в подстрочнике А. Т. Кузнецова, а также в сочинение инока Кастора: «Был роста средняго»<sup>62</sup>. Скорее всего, для А. Т. Кузнецова текст Кастора послужил источником. Подобные краткие описания внешности содержатся и в некоторых других главах Патерика, например, в рассказе об о. Силуяне (о нем см. ниже): «отец Силуян возрастом был мал, якож отец Максим, браду имея черну малу. Речист же бе, превосходя словесностию отца Саву» (т. 1. л. 79). В этих кратких описаниях можно увидеть след старообрядческой литературной традиции. Так, «словесные портреты», составленные по определенным канонам, включались в повести «О представлении», — жанр, сложившийся на Выге в связи с традицией почитания наставников, а также в популярные там же надгробные слова. Не исключено, что здесь отразилась связь с древнерусским жанром иконописных подлинников<sup>63</sup>.

<sup>61</sup> Ср.: *Путник*. На Веселых горах... С. 10.

<sup>62</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 9/71-г. Л. 1—2 об.

<sup>63</sup> *Гурьянова Н. С.* «Словесный портрет» на Выгу // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI—XX вв. Новосибирск, 1998. С. 112—120.

Все необходимые элементы житийного повествования присутствуют в разделе, посвященном знаменитому иноку, Павлу Убиенному<sup>64</sup>. И здесь налицо использование комплекса источников. Этот легендарный старец на протяжении столетий пользовался особым почитанием в старообрядческой среде. «Ряса инока Павла Убиенного» — одна из святынь часовенных, до разорения главного скита на Дубчесе органами НКВД она хранилась наряду с самыми ценными сакралиями в центральной часовне (т. 1, л. 110 об.—111)<sup>65</sup>, а «ноготь...хранится в малом сосуде у о. Тимофея»<sup>66</sup>. Спасению рясы придавалось большое значение. К истории ее спасения, среди прочих, причастна оказалась и одна из главных рассказчиц Патерика, м. Флина. Предание хранит память о личном знакомстве с о. Павлом: «сия поведана нам о. Симеон, слыша от о. Савы, сеи же от о. Нифонта», а тому «поведана» о. Валентин, лично видевший о. Павла. Ряса о. Павла «находилась во обители *нашей*, и нам ее показывал о. Симеон», — пишет редактор Патерика.

Помимо «устного предания», в разделе об о. Павле использована статья из «Уральского старообрядца»<sup>67</sup>, содержащая краткую биографическую справку о Павле Убиенном. Составитель Патерика почти точно передает ее содержание, подвергая текст легкому стилистическому редактированию. Скупые факты, взятые из статьи, существенно дополняются легендарными источниками, границы между фрагментами опять-таки четко обозначены. Несмотря на компилятивность главы, редактору удается создать запоминающийся образ популярного в народе святого: подвижника и нищелюбца, прозорливого старца, страдальца, гонимого при жизни и принявшего мученическую кончину.

В соответствии с легендой, отраженной в статье из «Уральского старообрядца» и заимствованной из этого источника Патериком, о. Павел вел суровую жизнь аскета: «Место, идеже живяше старец, на Рябиновой горе, бе блатно, и терпяше мраз и зной, пребывая без покрова зиму и лето» (т. 1, л. 29 об.). Редактируя текст источника, автор ставит акцент на теме тяжелых условий жизни подвижника — болото указано не как место захоронения — именно так оно представлено в источнике («могила... находится на Рябиновой горе, в болотистом месте»)<sup>68</sup>, а как место, где жил старец, — в результате правки усиливается характеристика о. Павла как сторонника крайней аскезы<sup>69</sup>. Описание рясы Павла, сделанное очевидцем, автором

<sup>64</sup> Собрание ИИ СО РАН, № 4/90-г. Л. 29 об.—32 об. См. об о. Павле: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные... С. 385—386.

<sup>65</sup> О рясе о. Павла см.: Там же. С. 385.

<sup>66</sup> Об о. Тимофее (Кустове Трофиме Ивановиче), сыне Ивана Иларионовича, см.: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные... С. 42, 54, 334.

<sup>67</sup> *Путник.* На Веселых горах... С. 11.

<sup>68</sup> Там же.

<sup>69</sup> Мотив «болота» является и отражением жизненных реалий (поскольку отражает реальные условия жизни часовенных в заболоченных таежных местах), и элементом жанровой топики: в Патерике подчеркивается, например, что на болотном месте жила м. Маргариты

и редактором данной главы («ее нам показывал о. Симеон»), можно рассматривать как деталь в создании образа святого аскета: «Она была холстенная, похоже как бы дубленая, толстая и заплатная (многошвенная)...» (т. 1, л. 32 об.). В этом рубище, прикрывавшем тело о. Павла и в зной, и в мороз, он был и убит — автор рассказа отмечает оставшиеся на ней следы запекшейся крови.

В устной традиции староверов-часовенных сохранилась память о необычайной духовной силе старца. Автор главы сообщает, что о. Симеон поведал ему следующие слова о. Валентина, лично видевшего знаменитого старца (сам о. Симеон слышал об этом от о. Савы, тот — от о. Нифонта, о. Нифонт — от самого о. Валентина): «Егда, — рече, — отец Павел огради мя своим крестом, тогда ощутих в себе аки стрелу, прошедшу от главы даже до ногу» (т. 1, л. 30). Аскеза и нищелюбие снижали подвижнику уже при жизни и дар чудотворения. По определению м. Флины, он был «милостив» — отказывался от приносимых ему даров, все раздавая людям. Попытка навязать ему приношения обманом, против его воли, закончилась, как уже отмечал Н. Н. Покровский, плачевно для доброжелателей: «... в принесенных ему сосудах с различными снедми являхуся различныя гады. Они же недоумевахуся, откуда сия вхождаху, покровенным бывшим сосудам» (л. 29 об.—30). Другое чудо произошло в Невьянской тюрьме, куда был заключен о. Павел, преследуемый властями: мясная пища, подаваемая ему, превращалась в рыбу («а косточки рыбныя очудятся»).

Существенная черта духовного облика о. Павла, как и многих других персонажей Патерика, — дар пророчества. Он предвидит свое освобождение из тюрьмы: «и по навету дияволу придут власти и его поведут. Девиды заплачут: «Опять, отче, тебя повели». Он скажет: «Не плачите, я ведь съ Богородицей пойду, скоро вернусь» (т. 1, л. 31). И действительно, через несколько дней старца отпускали. Предсказывал о. Павел и свою кончину. В соответствии с одним источником, приведенным в данной главе, он сказал навестившей его сестре, с другим — «неким христолюбцам», что, мол, в следующий свой приход они его уже в живых не застанут. По легенде, переданной в Патерике из разных опять-таки источников, старца нашли с пробитой головой. В статье из «Уральского старообрядца» указывается, что, по одной версии, его убил собственный послушник, пришедший на Веселые горы с преступной целью, по другой версии, он убит лесобъездчиком, также кем-то подкупленным. Год смерти о. Павла в Патерике определен так же, как и в журнальной статье, — 1830 г. (исследова-

---

та, старательно освящавшая его кадиллом (т. 2, л. 5 об.—6); о захоронении на болоте мечтал о. Георгий, в знак смирения и самоуничужения. Этот мотив встречается в древнерусской агиографии: ростовский святой-юродивый Исидор (XV в.) «жил в куще, на болоте» (*Федотов Г. П. Святые Древней Руси. Ростов-на-Дону. 1999. С. 263*).

тели указывают на 1836 г.<sup>70</sup>). Несомненно, насильственная смерть о. Павла в народной традиции была осмыслена как мученическая кончина, что не только дополнило облик праведника, но и повлияло на его имя, наиболее напоминающее по типу имя святого («Павел Убиенный»).

Мотив предвидения собственной смерти в редакции Патерика (под влиянием рассказа м. Флины) обрастает подробностями: о. Павел предрекает посетителям: «Вы к тому не узрите мя в животе сем. 2-го же сентября приезжайте ко мне на санях, погребите тело мое». Они удивляются, что на санях, ведь еще рано снегу быть. «И збыться его проречение: на память бо святого мученика Маманта, 2-го сентября, снега необычно много напало, приехали к нему на санях и обретоша его убиена и погребоша его» (т. 1, л. 31—31 об.). Данный эпизод имеет параллель в севернорусской агиографии; в Житии Варлаама Хутынского содержится «Пророчество Варлаама о снеге и мразе в Петров пост». В ответ на просьбу архиепископа Антония приехать к нему святой предрек, что навестит его в первую неделю Петрова поста и придет к нему на санях. Предсказание сбылось — в летнее время ударил мороз и выпало много снега<sup>71</sup>.

В древнерусской агиографии образ святого нередко формировался в соответствии с уже существующими агиографическими образцами, новый святой причислялся к ряду тезоименитых святых и включался в традицию почитания. Среди святых, тезоименитых Павлу Убиенному, в православной традиции едва ли не наибольшей популярностью пользовался Павел Простой. Житие этого ранневизантийского святого, подвизавшегося в египетской пустыне, известно по Лавсаику, или Египетскому патерику, откуда его сокращенный вариант проник в Прологи и Четьи Миней. Нестыжательство, кротость «милостивого» Павла Убиенного из старообрядческого Патерика напоминают некоторые качества этого святого. Его прозвали «простым» за крайнюю степень смирения («Павел простец и невежа»<sup>72</sup>, «чрезвычайно незлобивый и простой нравом»<sup>73</sup>). И тот, и другой в прошлом были крестьянами. Их сила — не в образованности и обширных знаниях, а в «простоте», что сближает и того, и другого с юродивыми. Оба старца прославились смирением плоти, суровым аскетизмом. Египетский патерик выразительно повествует о жестоких испытаниях, которым подверг св. Антоний Великий пришедшего к нему уже немолодого Павла, испытывая его смирение.

<sup>70</sup> Духовная литература... Т. 1. С. 631 (коммент. В. И. Байдина и А. Т. Шашкова).

<sup>71</sup> Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 17.

<sup>72</sup> Макарий, митрополит. Великие Миней Четьи. Октябрь. Дни 4—18. СПб., 1874. Л. 795 (4 октября).

<sup>73</sup> Палладия епископа Еленопольского Лавсаик или повествование о жизни святых и блаженных отцев. Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь. 1992. С. 66.

Судя по свидетельствам Патерика, Павел Убиенный пользовался в этой местной старообрядческой традиции славой демоноборца: его ряса использовалась в экзорцистской практике. Возможно, и представление о бесобороческой силе Павла Убиенного формировалось в сознании старообрядцев не без влияния отмеченного византийского образца. В патериковом Житии Павла Простого особо подчеркнута, что именно своим неслыханным смирением и кротостью он получил власть над бесами. Ему повиновались и его боялись даже те бесы, с которыми не мог справиться сам св. Антоний Великий: «обыкновенно низшие демоны изгоняются мужами высокими в вере, а начальные — смиренными»<sup>74</sup>. Это качество указано и в Минейном, и в Проложном вариантах его Жития («толми добродетелен бысть, яко дарования приати чудотворения на недуги и на бесы»<sup>75</sup>).

По типу источников глава об иноке Павле приближена к главам, посвященным современникам составителей Патерика. Определяющее значение в их создании сыграли устные свидетельства носителей народной традиции, записанные и обработанные либо составителями, такими же представителями народной старообрядческой культуры, либо — предвзрительно — самими «информаторами»<sup>76</sup>.

Во многих «современных» главах первых двух томов Патерика проявилась тенденция к созданию агиографических циклов, когда образ инока служит своеобразным композиционным стержнем повествовательного комплекса. Подобные циклы, включенные в основную концептуальную линию Патерика, сосредоточивают внимание на разностороннем раскрытии личности подвижника. Подобные объемные агиографические комплексы посвящены о. Нифонту, о. Симеону, о. Антонию, м. Маргарите, м. Мелетине, м. Македонии, м. Тавифе, м. Алевтине, м. Анатолии, м. Александре, м. Елене и некоторым другим прославленным деятелям согласия, которых можно признать местнотимыми святыми<sup>77</sup>. Такие повествовательные циклы состоят из двух основных обязательных частей: I. Биография, дающая, наряду с жизнеописанием, своеобразный «литературный портрет» подвижника. Иногда описание духовного облика, наиболее ярких черт личности святого дается отдельно от биографии, в качестве самостоятельного фрагмента. II. Прижизненные или посмертные

<sup>74</sup> Палладия епископа Еленопольского Лавсаик. С. 70.

<sup>75</sup> Макарий, митрополит. Великие Миней Четьи... Л. 796.

<sup>76</sup> «Письменных выборок было у нас много, — свидетельствует м. Македония, — но за наши грехи сильнии мира взяли» (т. 2, л. 8 об.). О сборе и записи устных преданий, принятых о. Симеоном и использованных при составлении Патерика, см.: Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 316—317, 392—393.

<sup>77</sup> Необходимо отметить, что в Патерике присутствуют и типично «патериковые» жития — небольшие рассказы, посвященные скитским жителям, чем-то прославившимся в монастырской жизни.

чудеса, свидетельствующие о святости героя повествования (рассказы о них могут быть рассредоточены в разных местах главы и даже в других главах). Кроме того, если подвижник обладал литературным даром, был «искусен в Божественном Писании», приводится перечень его сочинений, включаются цитаты из них. В ряде случаев переписываются сами сочинения, — если объем их невелик, а содержание представляет ценность или в плане отражения личности подвижника, или в связи с общими дидактическими целями Патерика, творчеству подвижника посвящается еще одна, III-я часть цикла. Функцию своеобразного «литературного наследия» могут выполнять и рассказы, записанные со слов самого святого — о силе молитвы, о чудесных исцелениях, о бесноватых и т. д. Эти две или три (при наличии последней) части комплекса состоят из ряда фрагментов (до десяти и более), иногда весьма произвольно сочетающихся друг с другом. Тексты сочинений подвижника могут располагаться до изложения чудес или после них, иногда те и другие перемежаются между собой, вставляются в биографическую часть.

Так, рассказ о переезде м. Анатолии с Урала в Сибирь, содержащийся в ее жизнеописании, прерывается иллюстрирующей его цитатой из сочинения самой матушки, затем, также в связи с описанием жизненных испытаний, приводится отрывок из ее письма<sup>78</sup>. Перечень ее сочинений приводится в конце биографии, до описания кончины: заканчивая повествование о ее многотрудном жизненном пути, автор делает попытку итогового портрета матушки и дополняет его перечнем ее «писаний» (т. 2, л. 63). Приведенные вслед за перечнем цитаты из сочинений («от писем»), рассказы ее о чудесных исцелениях перемежаются с описанием прижизненных и посмертных чудес самой матушки-чудотворицы (там же, л. 63–69 об.)<sup>79</sup>. Подобная композиция характерна, например, и для главы о м. Македонии (т. 2, л. 13—22 об), о которой речь идет в статье Н. Н. Покровского в данном издании. Патерик открывает, наряду с рядом других, имя этой талантливой писательницы, наследовавшей в своих сочинениях традиции древнерусской словесности: «вся жизнь дыхания нашего в книгах», — пишет она в предсмертном послании (т. 2, л. 19).

Письма о. Нифонта, включенные в его жизнеописание, играют существенную роль в воссоздании духовного облика известного игумена, автора Родословия и ряда других сочинений. При составлении биографии последнего отмечается его любовь к уединению, стремление к сосредоточенной жизни, побудившее его дважды уходить из скитов в пустынь

<sup>78</sup> Покровский Н. Н. Скитские биографии // Новый мир. 1992. № 8. С. 208—209.

<sup>79</sup> См. также рассказы о. Симеона, записанные с его слов и соседствующие в разделе, посвященном ему, с его сочинениями и записью чудес, где проявилась его святость (т. 1. л. 106—111 об.) и др.



«на безмолвие» и отказываться от руководства монастырем<sup>80</sup>. Два письма, написанные им в связи с отходом на безмолвие и помещенные в конце его жизнеописания<sup>81</sup>, не только дают ключ к пониманию внутренних мотивировок расставания о. Нифонта с общежителем, но и открывают уникальную возможность проникновения во внутренний мир инока, необычайно близко воспринявшего идеи раннехристианского и византийского аскетизма, в частности, исихастскую практику. Отказ от жизни в монастыре, от руководства скитом и предпочтение этому суровых условий уединенной подвижнической жизни в «прекрасной пустыне» сопрягается в литературной версии Нифонта с юродским поведением в истинном, глубинном смысле этого явления. Уход в пустыню означал для него крайнее смирение, стремление к подвигу самоотречения.

В его письмах мы находим и отражение борьбы с грехами, в частности, с грехом гордыни, что и заставило о. Нифонта сложить с себя обязанности настоятеля; и крайнее самоуничижение, уподобление себя «скотом неммысленным», и искренний горячий порыв идти к Богу «узкой стезею» — древняя тяга к христианскому идеалу, Абсолюту, к избавлению от неизбежных жизненных компромиссов на этом пути. Навыки самоанализа, психологической рефлексии, отраженные в этих письмах, являются, скорее всего, результатом хорошего усвоения византийского богословского наследия — в частности, «Лествицы» Иоанна Синайского, цитируемой в письмах, сочинений ранневизантийского аскета Исаака Сирина, классика «добротолубия» аввы Дорофея и др. авторов, весьма популярных в ситах урало-сибирских часовенных и в XX в.

То, что тексты сочинений, созданных самими героями агиобиографических повествований, играют важную художественную роль в воссоздании их духовного и психологического облика, свидетельствуют и другие разделы Патерика<sup>82</sup>.

Из совокупности точек зрения, приводимых в главах, которые посвящены подвижникам, воссоздается образ персонажа, соответствующий

<sup>80</sup> Подобное поведение, интерпретированное как проявление смирения и самоуничижения, не раз описано в Патерике. Ср.: Т. 2. Л. 1 об. (отказ от игуменства м. Анатолии); Там же. Л. 11 (отказ м. Ксенин).

<sup>81</sup> Подробный анализ писем о. Нифонта в составе Патерика см.: Журавель О. Д. К изучению топки старообрядческой литературы: ситуация «отшествия на безмолвие» // Культурное наследие средневековой Руси в традициях Урало-Сибирского старообрядчества. Мат-лы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1999. С. 74—84.

<sup>82</sup> Ср., например, письма м. Елены, сочетающие высокую книжную культуру и традицию поэтических «плачей» (Собрание ИИ СО РАН. № 11/90-г. Л. 29—32, 32 об.—33). См. о них: Покровский Н. Н. Скитские биографии // Новый мир. 1992. № 8. С. 201; Журавель О. Д. «Мать-пустыня» (К проблеме изучения народно-христианских традиций в культуре старообрядчества) // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного создания. Новосибирск, 2000. С. 39—40).

тому или иному типу святости. Авторы Патерика систематически применяют элементы жанровой топики, свойственной агиографии: это могут быть устойчивые формулы, мотивы, характерные для поэтики традиционного жития, или даже сюжетные ситуации<sup>83</sup>. Однако они сочетаются с элементами реалистического описания, с прорывом бытовых и психологических деталей. Черты книжного языка, отражающие топику жанра на языковом уровне, сопровождаются элементами разговорной и устно-поэтической речи.

Подчас трудно провести грань между стремлением народного агиографа «вписать» героя в литературный канон и отражением реальной ситуации, воспроизводящей этот канон. Так, например, для выражения «принять монашество» используется в качестве синонимичного «сподобиться ангельского образа», принять «святый ангельский образ» (т. 1, л. 82 об., т. 2, л. 9 об., 27 об. и др.). Здесь отразился важнейший тип топики монашеских житий, *imitatio angeli*, наиболее последовательно представленный в житиях преподобных<sup>84</sup>. Именно эта жанровая разновидность житий оказала наибольшее влияние на агиобиографии Патерика, что легко объясняется тематикой памятника, повествующего в основном о пустынножителях. В то же время частотность употребления формулы разными авторами позволяет говорить о том, что данное выражение употреблялось в монашеском обиходе часовенных и не является только литературной формулой<sup>85</sup>.

Знакомы сюжетам Патерика такие общие места преподобнического жития, как мечта о постриге, владеющая святым с детства, ранние попытки уйти в монастырь<sup>86</sup>, а также уход из дома, когда святой не берет ничего, кроме одежды<sup>87</sup>. Так, например, с детства испытывала «ревность жить в пустыне» мать Македония. Убегая в лес, она рыла там келейку, пока, наконец, не получила «иноческий чин» (т. 2, л. 14). Мать Елена в 17 или 18 лет, взяв с собой «икону, псалтырь, лестовку и сарафан» (там же, л. 29), покинула родительский дом, одержимая жаждой подвижнической жизни, и вскоре стала одной из основательниц Сунгульского скита.

<sup>83</sup> Конявская Е. Проблема общих мест в древнеславянских литературах (на материале агиографии) // *Ruthenica*. Київ, 2004. Т. 3. С. 80—92; Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // *Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика*. СПб., 2005. С. 59—101; Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // *ТОДРЛ*. СПб., 2006. Т. 57. С. 453—500.

<sup>84</sup> Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии). С. 79; Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных. Т. 57. С. 434—436.

<sup>85</sup> Об этом же свидетельствует археографический опыт. В Тувинских скитах, преемственно связанных с теми, о которых речь идет в Патерике, матушки использовали именно это выражение для обозначения иночества.

<sup>86</sup> Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных. Т. 57. С. 439.

<sup>87</sup> Там же. С. 441.

Отразились в Патерике некоторые элементы сюжетной схемы житий, посвященных основателям монастырей. Среди них — мотив отеческой любви игумена к братии («яко отец чадолюбивый»), в женских житиях — «яко мати чадолюбивая»<sup>88</sup>. Так, характерной чертой м. Елены, руководительницы скита, было матерински заботливое отношение к инокиням. «Могла поучить и словом утешить послушниц в случающихся в большой семье неурядицах. Бывали случаи, что просигивала повсенощно с требующими помощи в назидательных наставлениях» (т. 2, л. 27 об.—28). Ее предсмертные послания выражают сердечную боль о том, что духовные чада остаются сиротами (там же, л. 32 об.—33).

Главы Патерика, посвященные настоятелям, включают мотив предсмертного поучения братии, который входит в топику игуменских житий<sup>89</sup>. Вполне вероятно, что литературный канон запечатлел практику, принятую в скитской жизни. Встречаются в Патерике и элементы топики других разновидностей житий. Так, прощаясь с о. Савой, о. Симеон употребляет выражение «аки елень на источники водныя»<sup>90</sup>, а это — формула апостольского жития (*imitatio apostoli*)<sup>91</sup>.

В главе о Павле Убиенном, а также в ряде «современных» глав о смиренных иноках, терпящих «оскорбления» и поношения от скитян, четко прослеживается инерция житийного канона юродивых<sup>92</sup>. В агиобиографиях инокинь можно отметить ряд топосов житий праведных жен, следование принципу *imitatio Mariae*: отмечается чистота, молчаливость, мотивы рукоделия, обучения грамоте и любви к Священному Писанию<sup>93</sup>. Народная легенда, отраженная в Патерике, запечатлела представление о монашеском облике как подобии Христа (*imitatio Christi*)<sup>94</sup>: три свидетеля зафиксировали рассказ о м. Маргарите, которая жила уединенно близ реки Сылвы «и хоуждаше за реку на горку ежедневно три года, кадить ету горку», а поскольку «не бе моста, ходящи верху воды *аки посуху*» (курсив мой. — О. Ж.) (т. 2, л. 6).

В скитах урало-сибирских часовенных были унаследованы ранневизантийские и древнерусские аскетические традиции, о чем уже шла речь выше. Среди книжных авторитетов неизменно оставались сочинения Феодора Студита, Исаака Сирина, других проповедников «узкого пути» к Богу.

<sup>88</sup> Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных. Т. 57. С. 491.

<sup>89</sup> Там же. С. 499.

<sup>90</sup> Духовная литература староверов Востока России XVIII—XX вв. / Сост. Н. Н. Покровский, В. И. Байдин, Н. С. Гурьянова и др. Новосибирск, 1999. С. 214.

<sup>91</sup> Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии). С. 77.

<sup>92</sup> Журавель О. Д. «Мы безумны Христа ради...» (К вопросу о месте юродства в культуре старообрядчества) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2002. № 2. С. 32—36.

<sup>93</sup> Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии). С. 94—97.

<sup>94</sup> Там же. С. 72—73.

Суровые уставные требования накладывались и на крайне суровые условия жизни, подчас невольно «поддерживались» вынужденными голодовками и гонениями от властей<sup>95</sup>. В ряде текстов содержатся указания на «любовь к безмолвию», «умное делание», «умную молитву», в чем можно видеть проявление исихастских тенденций, весьма распространенных в среде часовенных-староверов<sup>96</sup>.

Вполне закономерно — и это не является данью литературному этикету — устойчивыми мотивами агиографических глав являются описания аскетических подвигов, издавна составлявшие важнейшую часть агиографической схемы<sup>97</sup>. Среди традиционных житийных элементов данного сюжетного узла можно отметить мотив краткого сна: «сон святого всегда краток: он чаще всего спит не лежа (“на ребрах”), а — сидя или стоя, и то “зело мало”, или вообще проводит ночь без сна, в молитвах»<sup>98</sup>. Этот мотив часто встречается в Патерике, но словесное его выражение опять-таки заставляет говорить об отражении реальной ситуации. Так, автор вспоминает: «мать Александра от сна всегда воздерживалась, спала мало, 3—4 часа, и нам она сама так говорила, что 3 часа спать мало, не достает, а 5 часов излишно, 4 часа довольно» (т. 2, л. 71—71 об.). Самоотверженность, аскеза могут выражаться и простыми словами разговорной речи: «а о себе не брегла» (т. 2, л. 70 — о матери Александре).

Присутствуют в Патерике и устойчивые сюжетные ситуации, на «макроуровне» относящиеся к топике жанра. Помимо ситуации «отшествие на безмолвие», представленной в разделе о Нифонте, имеющей аналогии в древнерусской традиции<sup>99</sup>, в Урало-Сибирском патерике детально представлена другая устойчивая сюжетная ситуация, имеющая также глубокие корни в древнерусской литературе — ситуация преставления. В Патерике данной сюжетной коллизии уделяется самое пристальное внимание. Подробно описываются жесты, слова умирающего, бытовые подробности, в чем можно видеть и проявление своеобразного стихийного реализма, и литературную традицию. Сюжетная ситуация, связанная с описани-

<sup>95</sup> Покровский Н. Н. За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир. 1991. № 9. С. 77—90; *Он же*. Скитские биографии // Новый мир. 1992. № 8. С. 194—210.

<sup>96</sup> Зольникова Н. Д. Традиции исихазма к скитах Урала и Сибири XX в. // Культурное наследие средневековой Руси в традициях Урало-Сибирского старообрядчества. Матлы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1999. С. 64—74; Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII—XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. С. 432—438.

<sup>97</sup> Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII—XX вв. С. 426—450.

<sup>98</sup> Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных. С. 479.

<sup>99</sup> Руди Т. Р. Пустынножители Древней Руси (из истории агиографической топик) // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. II. С. 517—530.

ем смерти святого, входит в топику древнерусских житий<sup>100</sup> и составляет основу сказаний о преставлении<sup>101</sup>. Среди памятников этого жанра — «Записка о последних днях Пафнутия Боровского» Иннокентия, Повесть о болезни и смерти Василия III, «Сказание о последних днях митрополита Макария», написанное митрополитом Афанасием, «Повесть о преставлении патриарха Иосифа» Алексея Михайловича и некоторые другие памятники<sup>102</sup>. Описания смерти в старообрядческой литературе также известны по произведениям разных жанров. Среди них — выговские надгробные слова, повесть о преставлении<sup>103</sup>.

Исследователи (Л. А. Дмитриев, Е. В. Крушельницкая) отмечали, что повести о преставлении (или «записки-воспоминания о почитаемых наставниках») всегда создавались на основе документальных записей. Одна из проблем, встающих при изучении этих текстов, связана с разграничением реальной основы и обусловленного ею «бессознательного, стихийного средневекового натурализма»<sup>104</sup> и элементов литературного канона, привнесенных последующей письменной обработкой<sup>105</sup>. Как уже отмечалось, в агиобиографиях патерика достоверности придавалось первостепенное значение. Так, об отце Силуяне о. Савва рассказывал о. Симеону, тот — Александру, ученику Силуяна, и уже на записях последнего, присутствовавшего при кончине учителя, основывает свой текст последний редактор. Принцип недопустимости сознательного вымысла распространяется и на эпизоды преставления. Соответственно в интересующих нас эпизодах проведение грани между «жизненной» документальной основой и литературной топикой крайне затруднительно. Кроме того, в рассказах, записанных со слов очевидцев, даже традиционные, хорошо известные по агиографической литературе мотивы обретают уникальную речевую, стилистическую интерпретацию, несут отпечаток реального события.

<sup>100</sup> Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 101.

<sup>101</sup> Это жанр привлекает к исследованию Е. В. Крушельницкая, называя его «записки-воспоминания о почитаемых наставниках». См.: Крушельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе: Жития Филиппа Ирапского, Герасима Болдинского, Мартирия Зеленецкого, Сказание Елеазара об Анзерском ските: Исследование и тексты. СПб., 1996; Крушельницкая Е. В. К вопросу об автобиографизме в древнерусской литературе // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 104—107.

<sup>102</sup> Неоднократно высказывались предположения о написании подобных сочинений в связи с подготовкой канонизации преставившегося (см., например: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. XVI в. СПб., 2000. С. 563).

<sup>103</sup> Юхименко Е. М. Неизвестный писатель XVIII в. Василий Данилов Шапошников // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 441—452.

<sup>104</sup> Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. 2-е изд. М., 1970. С. 128.

<sup>105</sup> Дмитриев Л. А. Записка ли «Записка о последних днях Пафнутия Боровского» Иннокентия? // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 59—64.

Именно в этих сюжетных ситуациях часто появляется мотив предвидения собственной кончины. Умерший праведной смертью всегда знает о часе смерти и заранее готовится к нему: «виде, яко настоит ему отшествие отсюда, готовящесе ко исходу» (т. 1, л. 47). Рассказы, включающие мотив предвидения, сообщают об этом как о некоей тайне, подвластной подвижнику. Старице, гостившей у матушки Македонии и собиравшейся еще повидаться, та сказала: «Нет, уж больше не увидимся» (т. 2, л. 48 об.). Наступившие затем болезнь и смерть происходят «по ее предсказанию».

Встречается и мотив предвидения праведником не только собственной, но и чужой кончины. Когда отец Силуян за полчаса до смерти произнес «Буду дожидать о. Виталия», свидетель этих слов, Александр, выразил сомнение в том, что это было сказано не в помутнении рассудка. «Прозрение» старца противоречило здравому смыслу, поскольку о. Виталий жил далеко, за много верст от скита Силуяна, и никто не слышал о его недомоганиях. Однако предсказание сбылось. Понимание важности этого мотива послужило причиной того, что в рассказ о преставлении вставляется сюжет об отце Виталие, носящий явно вспомогательный, служебный характер. Главная сюжетная интрига этой вставной новеллы заключается в сообщении о неожиданном приезде о. Виталия в гости, о внезапной его болезни и последующей затем смерти. «И воистину отец Силуян прорече, и воистину дожда отца Виталия, и *воистину свят есть*» — подводит итог своему рассказу автор (т. 1, л. 79). В выражении сомнений рассказчика, подчеркнувших неопровержимость слов праведника, можно видеть сознательный литературный прием, повышающий интерес воспринимающего рассказ читателя.

Эпизодам преставления иногда предшествуют описания видений. Роль визионера, наряду с пророческим даром, также способствует созданию сакрального ореола. Так, отец Феодор перед смертью говорил: «Вижу мужа красна стояща». Стремление точно передать слова «видящего», характерное и для жанра видений, и для патерика в целом, исключает вольность интерпретации со стороны рассказчиков-очевидцев. Неизвестно, кем был этот «муж» — ангелом или святым. Но последующей затем беседе отца Федора с кем-то невидимым (лежал, «аки бы с кем беседея») придан статус визионерского диалога (т. 1, л. 82).

Ситуация преставления включала подробное описание всех запомнившихся очевидцам слов, поступков умирающего. Устойчивыми элементами этих эпизодов являются мотивы покаяния, исповедания грехов; если умирает настоятель, руководитель скитов — то он, повелев собраться всей братии, учит их «любви и смирению» (т. 1, л. 85); «аще и измолкшим гортанем, обаче еще показав должное, поучив всех помнити заповеди Господни» (т. 1, л. 67). Здесь Урало-Сибирский патерик продолжает древнерусскую житийную традицию, поскольку мотив предсмертного

поучения, как отмечалось, входит в топику игуменских житий. Но можно предположить, что умирающие наставники на самом деле произносили последние слова завещания, и литературный канон отражает этикетность самой ситуации.

Важнейшее значение в изложении предсмертного этапа придается молитвам (приводятся их названия, указываются точно молитвенные стихи, произнесенные умирающим) и причастию (в условиях согласия, не признающего священства, возможно было только причастие запасными дарами). Тексты Урало-Сибирского патерика отразили осознание перво-степенной важности этого таинства для готовящегося к кончине. Это наглядно видно на материале упоминавшегося уже рассказа о преставлении отца Силуяна. Он умирал, как и спал последние 10 лет, — сидя. Этому в рассказе приводится два объяснения. Одно свидетельствует о знакомстве рассказчика с топикой житий: «неции мнят, ради Бога не ложился». Это объяснение «литературное», мы уже упоминали о таком обычном для агиографии виде аскезы — не спать «на ребрах». Однако ученик знает и другую причину: «блисты не позволяли ему легчи». «Очень утроба болела, и пищу никакую принимать не стало давать, как поест, так блевать и нудит. И того ради три дни и не ел» (т. 1, л. 75). При такой болезни оказалось серьезной проблемой принятие причастия. Отец Силуян даже «откладывает» последние молитвы, как будто оттягивая последний час: «отпуст не повеле канону делать, и молитву оставить... причащати же его не повеле». Затем он сосредоточился на молитве. «Истово прекрестился крестным знаменем трижды и очень хотя болезнию одержим, но все силы употребил и простоял сию молитву. И потом повеле его посадить, и подвиг великий объят его, и тако до обеда потрудился, и после обеда повеле канон на исход души докончить, и молитву на скончание инока прочитать» (т. 1, л. 76). Возможность проглотить после этого причастие трактуется как чудо, заслуженное молитвенным подвигом.

Авторитет отца Силуяна уже при жизни был высок, все, касающееся смерти, предсмертной обстановки, фиксировалось и имело значение, и в этом следовании реальности больше преклонения перед умирающим, чем в попытках возвысить его образ при помощи книжных формул. Отец Силуян как бы не нуждается в дополнительном облагораживании, а его болезни трактуются как мученичество. Подобные описания содержатся и в других главах. Так, белец Иларион Иванович «два года совсем был больной, не одну ночь не ложился на постелю, а только скорчится, покачаться. Были боли сильные в животе и в груди, и кашлял почти с кровию...» И его ожидала благая кончина: «Господь его прославил при его кончине: и какие были мощи хорошие, хоронили телеса через трои сутки, и были телеса светлыя, и как живые, не было запаха, а чистый свежий воздух» (т. 1, л. 126 об.).

Теме предсмертных страданий в Патерике уделяется очень большое внимание. Составители понимали важность и даже обязательность этого элемента ситуации преставления: «но время уже воспомянути и о болезнех матери Тавифы» (т. 2, л. 46), «наконец речем о болезни и кончине матери Тарсилы» (там же, л. 84). Болезнь воспринимается как дар Божий, с благодарностью и смирением. Мать Алевтина, умершая в 25 лет от последствий несчастного случая (упала с лошади и была потоптана ею), «желала поболеть, и когда болела, была в великой благодарности, что Господь послал вестника, и готовилася к исходу смерти» (там же, л. 52 об.). Недуги описываются со всеми деталями и подробностями, отмечается развитие болезни и постепенное приближение к концу. «Первая болезнь у ней, — ведет свой рассказ автор о матери Александре, — была зуд и коросты на голове лет 10. Вторая болезнь: чехотка (туберкулез) приключилась, во время жары потная напилась холодной воды, и потом мучилась от кашлю. Болезнь терпела с благодарением» (там же, л. 73).

Праведная жизнь служит залогом «благой» кончины, о которой молит любой православный. Литературная формула, примененная к смерти отца Нифонта, — «тихообразно уснув сном вечнаго покоя»<sup>106</sup> — достаточно точно передает наиболее типичную для патерика ситуацию. Не случайно здесь часто встречается мотив умирания как постепенного «засыпания». Отец Савва перед концом принял причастие «и нача здыхати тише и тише, и тако успе сном вечнаго покоя»<sup>107</sup>. Безыскусные трогательные подробности сопровождают рассказ о благой кончине м. Анатолии. «Пошли проведовать матушку, а она тяжело здышет, спросили: “Что, матушка, тебе тяжело?” Она сказала: “Тяжело”. Испить поди хочеш? Она тихо сказала: “Хочу, да кафизму дочитаю”. И потом дочитала и славу отклала. Посадили на кроватку, подали пить, сама взяла крушку в руки, начала пить, поддерживали, маленько пивнула и зглянула на окно, и руки у ней опустились. Мы заговорили: “Матушка, что с тобой?” Она нам ничто не сказала, посмотрела на нас и главу преклонила. Мы отца Антония разбудили и мать Тавифу, приготовили кадило и святые дары, подали свещу в руку. Отец подал святыни, добре причастилася. Запели “О всепетая Мати”, *тихоньку* поздыхивала и помале сама закрыла очи и Богу дух предаде» (т. 2, л. 65 об.—66).

Помимо тихой кончины и праведных похорон, патерик знает и мотив «небрежения к телу»: желание оставить тело без погребения, на болоте. Этот известный в древнерусской традиции топос имеет корни в византийской агиографии<sup>108</sup>.

<sup>106</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 4/90-г. Л. 67—67 об.

<sup>107</sup> Там же. Л. 85. См. также: Там же. Л. 77.

<sup>108</sup> Руди Т. П. О композиции и топике житий преподобных. Т. 57. С. 491.



Тема кончины в сюжетах Урало-Сибирского патерика сопровождается и некоторыми устойчивыми формулами, имеющими явно книжное происхождение. Так, мы читаем, что отец Федор отошел «от временной жизни в вечный покой» (т. 1, л. 82), мать Мелетина «преставился от временныя к вечной жизни» (т. 2, л. 6 об.), отец Симеон «страдалческою кончиною запечатле свою жизнь временную, преселися на вечную» (т. 1, л. 106). И хотя в топике преподобнических житий акцентируется другая тема, противопоставления тела и духа, а не времени и вечности («телом начат изнемогати, иже душею крепкий» и др.<sup>109</sup>), книжный характер формул Патерика очевиден. Но встречаются в памятнике и поэтические речевые обороты, комментирующие смерть: «пошла весело, как пташечка улетела» (т. 2, л. 133).

Общим местом рассказов о преставлении Урало-Сибирского патерика является мотив преображения лица после смерти. Так, у матери Македонии «лице изменилось, и стало как у девятнадцатилетней девушки... чудно и на удивление всем: стало лице светлое и полное, бело-желтоватое и миложаво и весело, аки на улыбке губки ужала» (т. 2, л. 48 об.). «И изменися лице ея и бысть вельми желто-светлое», — читаем о матери Мелетине (там же, л. 7). Этот топос опирается опять-таки и на житийную традицию, и на хорошо известное народное представление. Близкий к нему мотив — изменение запаха от тела (в болезни ощущалось зловоние, по преставлении — «издаде благоухание») (см., например: т. 2, л. 74 об.—75, 85).

Кроме того, достаточно частотен мотив «нетленных телес». Обнаружение «тела цела и нетленна» является весьма важной частью складывания традиции почитания умершего. Останки могут служить предметом зависти представителей других согласий. Обладание мощами высоко ценится (иногда достаточно добыть ноготь или палец от мощей), а эпизоды, описывающие обнаружение, перенос и попытки похитить святые останки злоумышленниками, составляют существенный элемент сюжетной организации агиографических глав Патерика. Так, описан случай, когда «австрийские» (староверы, признающие свою традицию священства) пытались выкрасть святые мощи, но попытка закончилась крахом.

Плоть умершего подвижника обладает исцеляющей силой. Урало-Сибирский патерик отразил специализацию сакралий<sup>110</sup>. Так, целебной силой славится земля, взятая с могилы м. Александры. В ее жизнеописание включен рассказ о сонном видении, где несколько раз произносятся слова: «Знайте, что м. Александра великая чудотворица». Не менее полезен для излечения различных недугов снег с могилы м. Тавифы. Такая же слава —

<sup>109</sup> Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных. Т. 57. С. 492.

<sup>110</sup> Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII—XX вв. С. 384—387.

у источника, истекающего от могилы м. Мастрадии. Целебными и магическими свойствами обладали и «сакралия», оставшиеся от известных подвижников. Чудотворной бесборческой силой обладала ряса смиренного при жизни о. Павла Убиенного<sup>111</sup>. К сакралиям причислялась и мантия о. Симеона (т. 1, л. 109). В состав главы об отце Антоние входят рассказы о чудесных исцелениях при помощи прикосновения к его камиллавке и даже приводится своеобразная молитвенно-заговорная формула, включающая имя этого нового святого: по свидетельству некоей старицы, она, мучимая тяжелой головной болью, «попросила у отцов камиллавку отца Антония, надела ее на голову и помолилась за упокой тропарь 3-жды за отца Антония (он был тогда в сорочинах), и сказала ему как живому: “Отче святыи Антоние, исцели мне голову, верую, что сие тебе возможно благодатию Божию”» (т. 1, л. 164 об.) — результат не замедлил сказаться. В сочинении самого о. Антония, включенном в посвященный ему житийный цикл и развивающем тему чудесных исцелений, призывание имени св. Афанасия Великого столь же действенно, как обращение к недавно жившим одноверцам — о. Симеону, м. Александре и м. Анатолии (т. 1, л. 144—146).

К посмертному чуду, что также составляет топику ситуации преставления, приравнивается и реакция несодержимых («беснующие кричали на могиле», «нача бес вопити, душным его нарица») <sup>112</sup>. Символически воспринимается любое изменение в погоде, это знак свыше, свидетельствующий о святости умершего — и внезапно хлынувший дождь, и солнце, и снег. «Был ясен день, и когда стали погребать, внезапно спустился сильный дождь, и кадило погасло, и скоро престал» (т. 2, л. 10), «дождь заулевой был весь день, а когда хороняли, снег был. Вот какая счастливая мать Серафима!» (т. 2, л. 132—133 об.). Каждый из этих мотивов ярко отражает народные религиозно-мифологические представления.

Сюжетная ситуация преставления, известная по Урало-Сибирскому патерику, свидетельствует о том, что древняя житийная традиция получила своеобразное преломление в старообрядческих текстах. Житийный канон практически растворяется в «стихийном натурализме» подлинных ситуаций, воспроизводящих древние и чрезвычайно устойчивые народно-христианские представления о таинстве «прехода от сего света на безконечный живот» (т. 1, л. 77 об.). Старообрядческая письменность не только преемственно связана с древнерусской литературой, она входит в единое пространство национальной духовной культуры.

Использование отдельных элементов жанрового канона, типизация «по агиографическому типу» совмещаются в Патерике с тенденцией к ин-

<sup>111</sup> Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 386. Там же (с. 384—387) — о сакралиях, наделяемых у часовенных противобесовской силой.

<sup>112</sup> О своеобразном «сленге» беса см.: Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 389.

дивидуализации облика персонажа. В Патерике создан целый ряд ярких, самобытных образов подвижников, и некоторые главы по жанру напоминают не столько жития, сколько литературные портреты. Благодаря проникновению в стиль Патерика просторечных оборотов, реальных бытовых и психологических деталей элементы агиографического канона не превращаются в шаблоны, обретая самобытную форму. Тонкая наблюдательность и литературный дар авторов обусловили то, что в духовном облике героев агиобиографий высвечиваются наиболее характерные черты, отражающие сугубо индивидуальный путь подвижничества.

Так, образ отца Лаврентия, строгого руководителя центральных скитов часовенных, «тщательного подвижника и неленостного делателя», «опасного и бдивого», мало оставившего рукоположенных иноков из-за боязни нарушить правила, невозможно спутать с образом его ученика о. Нифонта, более склонного к уединенной созерцательной жизни. Одна из глав, наиболее полно отвечающих требованиям «правильного» жития, посвящена авторитетному руководителю скитов часовенных в XX в., писателю и полемисту о. Симеону. Его жизнь, обстоятельства которой были хорошо знакомы ученику о. Симеона, Афанасию Мурачеву, являющемуся, скорее всего, и автором данной главы, давала обильный материал для поучительной агиобиографии. Будущий наставник, уже с детства «преуспевший в грамоте», обладал уникальным даром полемиста и проповедника. Кроме того, подробно описана применяемая им практика молитвы, записаны приемы, используемые для достижения молитвенного состояния. В конце его биографии, закончившейся описанием мученической кончины в лагере, приведены рассказанные им чудеса о силе крестной магии и о демоноборчестве.

В духовном облике м. Анатолии (ее детальный психологический портрет дан уже после биографии) особо подчеркивается ее забота о монастырской «семье», умение найти слово утешения, поддержки. «Всегда нам говорила: “Не надо желать здешнее красное, мимоходящее, надо на будущее взирать”... Всеми была любима и о всех заботилась, всех поучала иметь смирение и любовь между собой. На молитву и чтение усердна, что прочитает, все нам расскажет. Если какие выйдут соблазны в семье, ей только скажешь, и она скажет: “Помолимся «Милосердия двери», и Господь поможет”, — и сразу бывало, облегчит. А когда придет уныние, точию к ней пойдешь, посоветует и утешит, и скажет: “Себе внимай, не теряй данное нам время на покаяние”. Или когда к ней придешь с какой-либо обидой, мало поговорит, только скажет: “Внимай себе, ето всей пройдет, как ветер продует. Могла она на пользу говорить, и утешить во всякой печали, словом была одарена...”» (т. 2, л. 62 об.—63)<sup>113</sup>.

<sup>113</sup> О судьбе м. Анатолии см.: *Покровский Н. Н. Скитские биографии // Новый мир. 1992. № 8. С. 208—209.*

Матушка Алевтина «телом была сильна, послушанием тщалива, в скорбех великодушна...в рукоделии бе искусна, пелены и чины шила, деревянные кресты вырезала, иконы низала. В молитвах и на пении слезные потоки изливала, и то было удивительно, что когда поет или читает, глас не изменяет, а слезы по ланитом текут» (т. 2. л. 51—51 об.). Главный ее дар — пение: «Никогда не устаю петь, более пою — сильнее голос» (там же, л. 50).

То, что перед нами предстают ярко индивидуализированные облики старцев, свидетельствует о литературном даре создателей Патерика. Но среди «арсенала» художественных средств этих народных писателей оставалось важное средство характеристики: слово самого персонажа. В среде староверов-часовенных образованность в Священном Писании, литературный дар, «дар слова» ценились чрезвычайно высоко и расценивались как один из видов подвижничества. Для стиля Патерика характерны формулы: «благоразсудителен бе в Божественном Писании» (о. Нифонт), «искусен в Писании» (о. Силуян), «искусен в Божественном Писании» (о. Симеон). Письма, содержащие цитаты и из Библии, и из духовных стихов, поучения, написанные ярким поэтичным языком, плачи открывают, кроме того, целый ряд имен талантливых народных писателей: это, например, книжница м. Македония<sup>114</sup>, считавшая, что «вся жизнь дыхания нашего в книгах» (т. 2, л. 22). Среди ее трудов — и краткие патериковые жития, и своеобразные новеллы. Так, со слов гостыи, приехавшей из нижегородских мест, она записала рассказ про инокиню Евгению, сюжетообразующую роль в котором играет мотив самовара. Он символизирует привязанность к мирским удовольствиям (там же, л. 12 об.—14). В прежней жизни Евгения, «мягко живущи, чай пияше, имея самовар», затем, когда осенило стремление найти монастырь, явленный в видении, она, «взят самовар», отправилась на поиски этого места. Обретя скит, «вхождаше во врата, имея в руку самовар». Игуменья «прият ю тако вшедшу, и до дву недель стерпе пити оней от своего самовару, не чай обаче, но некую траву благовонну», а затем, «поучивши ю, разбиша самовар и снемше с нея мирския ризы, облекоша ю во иноческия» (там же, л. 13 об.).

Использование художественной детали, обретающей функции образа-символа, встречается и в других главах патерика. Такова роль мотива зеркала в главе о м. Анатолии, написанной о. Антонием. Искушение утаить от настоятеля этот не нужный инокине предмет закончилось тем, что зеркало было разбито, а эпизод получил основательное нравоучительное завершение большой цитатой из Феодора Студита, автора сурового монастырского устава, которого придерживались в скитах часовенных.

Мать Александра и «всякое рукоделие делала: и шила иноческий чин, лестовки и прочее, писала добре и рисовала картины» (там же, л. 70 об.),

<sup>114</sup> Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 338—339.

и топором могла работать, и на пашне ей равных не было. Однако ярче всего запомнились ее высказывания. Так, она написала себе памятку: «Черница Александра, молись, не ленись. Когда станешь молиться, думай: «Только смрад от меня исходит, только гной. Пуще смирайся, отнюдь не помысли о себе доброе, это возвышение и гордость...» (т. 2, л. 70 об.). «Сердечно» любя пустыню, она влетала в свои письма строки из духовных стихов: «Сколь я живу здесь, не могу успокоиться, все охота обратно ехать, — писала она, вынужденно покинув родную пустынь, — оставили родную пустыню, просвещенную святыми отцами, нечо здесь не мило, нет никакова утешения. *Кто бы дал мне яко птице, два пернатые крыла, улетела бы я в те края...*» (там же, л. 71 об.).

Участие в создании Патерика рядовых пустынножителей, как и крестьянское происхождение основных создателей, обусловили проникновение в сочинение обширного пласта народных религиозно-мифологических представлений. Эта особенность мировоззренческой основы составителей Патерика ярко выразилась во многих аспектах его содержания и послужила почвой для регенерации таких архаичных жанров, как эсхатологические видения<sup>115</sup>. Этот жанр, существовавший в Средние века по собственным законам на грани литературы и религиозного фольклора, в Патерике тесно смыкается с фольклорным жанром «обмираний»<sup>116</sup>, и зачастую видения трудно отличимы от записей снов, однако они все же сохраняют элементы жанровой топики книжного жанра.

Ярким выражением народного православия является также демонология Урало-Сибирского патерика, включающая, в частности, множество сюжетов о бесоодержимых<sup>117</sup>. Архетипический сюжет о бесоодержимых — один из популярнейших в европейской и русской средневековой традиции<sup>118</sup>. Он представляет собой комплекс мотивов, тесно связанных с народными верованиями. Литературные истоки сюжета восходят к Священному Писанию<sup>119</sup>, он хорошо известен по византийской и древнерусской агиографии, где использовался, как правило, для свидетель-

<sup>115</sup> Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 356—362; Журавель О. Д. К изучению жанрового состава современной старообрядческой литературы: видения потустороннего мира в составе Урало-Сибирского патерика // Книга и литература в культурном контексте. Сб. науч. трудов, посвящ. 35-летию археографич. работы в Сибири 1965—2000 гг. Новосибирск: изд-во ГПНТБ СО РАН, 2003. С. 459—468.

<sup>116</sup> О жанре «обмираний» см.: Толстой Н. И., Толстая С. М. О жанре «обмираний» (посещения того света) // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 63—65. Лурье М. Л., Тарабукина А. Н. Странствия души по тому свету и русских обмираниях // Живая старина. 1994. № 2. С. 22—26.

<sup>117</sup> Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 367—393.

<sup>118</sup> Пигин А. В. Из истории русской демонологии XVII века. Повесть о бесноватой жене Соломонии. Исследование и тексты. СПб., 1998.

<sup>119</sup> Ср., например: Лк. 8: 27.

ства чудодейственной духовной силы святого, изгонявшего беса. Самая известная литературная его обработка представлена Повестью о Соломонии бесноватой, которая, как и Повесть о Савве Грудцыне, была создана в XVII в., в эпоху перехода от средневековья к Новому времени, и также впитала в себя комплекс народно-мифологических демонологических представлений. Повесть, широко популярная в рукописной традиции, стала одним из источников романа Ф. М. Достоевского «Бесы»<sup>120</sup>, повести А. М. Ремизова «Соломония»<sup>121</sup>.

Насколько можно судить по тексту Патерика, феномен несообразности является частью религиозной жизни старообрядческого сообщества, «бесные» (по терминологии памятника) воспринимаются сочувственно, не подвергаются дискриминации. Зафиксирован даже случай, когда муж одной такой стал настоятелем общины: «Евдокин муж Сергей жили слабенко, а как она забесновалась, тогда приобшились в братию. А теперь занимает должность настоятеля». Происходит это потому, что, как и в древнейшей традиции, бес не идентифицируется с той несчастной (чаще всего это женщины), в которой он поселился. Это подчеркивается комментариями, сопровождающими реплики беса: «когда в ней бес говорит, тогда голос разный от нея, тонкий, и глаза делаются на выпучке, и она тогда в нечувствии находится»<sup>122</sup>. Беса можно съесть с неблагословенной пищей<sup>123</sup>, он может быть пущен «колдовкой» по ветру<sup>124</sup>, «посажен» на воду. «Бес был посажен на воду, а Евдокия не ознаменовавшись крестным знаменем, выпила воду, тут зашел в нее бес»<sup>125</sup>. Патерик согласуется и здесь, как и в остальных мотивах сюжета, со средневековой традицией. Так, в «Чуде во граде Воронеже» (конец XVIII в.) девица Феодосия съела его в стручке, который дал ей подкупленный недоброжелательницей «персянин»<sup>126</sup>. Основной способ попасть в жертву — через пищу или дыхание, поэтому в присутствии несообразимых старались держать закрытым рот и даже

<sup>120</sup> Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века: Истоки и эстетическое своеобразие. Л.: Наука, 1974. С. 308—310.

<sup>121</sup> Пигин А. В. Повесть А. М. Ремизова «Соломония» и ее древнерусский источник // Русская литература. 1989. № 2. С. 114—118.

<sup>122</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 5/91-г. Л. 146 об. (см. о сюжете: Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 389).

<sup>123</sup> Древнее представление о том, что бес может попасть в человека через пищу, отражено в средневековых легендах. См.: Дурново Н. Н. Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе // Древности. Труды славянской комиссии импер. Московского археологического общества. М.: Типогр. Г. Лесснера и Д. Собко, 1907. Т. IV. Вып. 1. С. 54—152.

<sup>124</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 5/91-г. Л. 98.

<sup>125</sup> Там же. Л. 146 об.

<sup>126</sup> ОР БАН. 16.4.36. Л. 1. Сочинение публиковалось по другому, неполному, списку: Мендельсон Н. М. Демонологическое сказание XVIII в. // Известия Общества русского языка и словесности (ОРЯС). 1902. Т. VII. Кн. 2. С. 79—96.

прикладывать к нему два пальца. Это засвидетельствовано и в Патерике (в данном месте редактор следует за В. Саниным (т. 1, л. 46 об.)).

Патерик отразил и представление о том, что избавиться от беса чрезвычайно трудно. Практика экзорцизма в православии и в старообрядчестве не популярна, традиционные средства — крест, молитва, сакралии, применять сложно, поскольку их бес панически боится. К святым местам, которыми в среде часовенных стали могилы некоторых прославленных подвижников, «бесную» приходится тащить силой, такие случаи зафиксированы источником многократно. Неприязнь к святыням отражена в своеобразном бесовском «сленге»<sup>127</sup>. Так, на языке бесоодержимых «молиться» означает «шептать», молитва Иисусова — это «шопотки». Бес не может произносить имя Бога, Богородицы, называть ангелов, ограничиваясь местоимениями («вот эти») и жестами, указывающими на иконы или на небо. Поведение бесоодержимых выстраивается как «антиповедение», по принципу «обратного знака»<sup>128</sup>.

Это, в свою очередь, позволяет использовать бесов для утверждения, сохранения религиозных норм, для поддержания и урегулирования обрядов. Так, бес используется как верификатор святости и подлинности сакралий. Реакция бесноватых — один из важных признаков, по которым обнаруживается святость подвижника<sup>129</sup>. Устойчивые формулы «беснующие кричали на могиле» означают подтверждение святости мест захоронения. Агиографические главы о подвижниках, как правило, сопровождаются чудесами о «бесных». Так, после смерти о. Нифонта «беснующая кричала о нем: “Етот старик к Распятому ушол”». А когда молились за него, она кричала: “Опять за душнава-то молитесь”» (т. 2, л. 102). Духота, злование на языке бесов означает благоухание, которым отмечена святость останков подвижника. Доказательством святости является и употребление бесами имен в уменьшительно-пренебрежительной форме: Пашка, Райка, а также прозвищ: «Кривой» (об отце Антоние, один глаз которого не видел и он носил повязку). «Не пойду к пропащему, не пойду к Кривоуму», — кричала некая старица, сопровождавшая мать Фаину, приехавшую на отпевание отца Антония. Когда ее пытались подвести к могиле знаменитого наставника, «ногой пинала могилу, и бес у нее закричал нелепым голосом: “Фаинка пропастина, зачем ты к нему сюда приехала, пропадала бы там...”» (т. 1, л. 156). Среди сакралий, хранившихся в ските наставника отца Антония, одного из редакторов Патерика, была, наряду с предметами от Креста Господня и Святыми Дарами, земля с могил подвижников-староверов. «Беснующая» Евгения Семушина, как только преклонилась к ним, «и сразу завопила плачевным гласом (заревела)»<sup>130</sup>.

<sup>127</sup> Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 389.

<sup>128</sup> Там же.

<sup>129</sup> См. подробнее: Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные... С. 386—387.

<sup>130</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 5/91-г. Л. 96 об.—97.

Обычно, как уже отмечалось, бесоодержимые не могут приблизиться к святым могилам, и их приходится вести туда насильно. Но если сопротивление со святыми местами все-таки происходит, возможно невероятное в обычных условиях исцеление бесоодержимых. Так, «беснующая» исцелилась во время поездки на остров, где покоятся глубоко почитаемые в старообрядческой среде останки инока Авраамия. «Силой тянули ю, и к могиле силой подтащили, и тут она упала и начала блевать, и исцелела, и более сего не повторялось» (т. 2, л. 51). Чудо исцеления может произойти и при погребении, что является безусловно доказательством святости умершего. Так произошло при отпевании матушки Алевтины. «Беснующая» Агафья не могла «стерпеть», упала без сознания, ее закрыли скатертью, а когда очнулась, выздоровела. Доказательством исцеления (и соответственно, святости матушки) является указание на то, что, когда ей подали распятие со свечой, чтобы нести на могилу, она шла с этими сакральными предметами спокойно (т. 2, л. 54).

От земли с могилы, от святой воды, священных предметов бесы испытывают сильное жжение. Одна из создательниц патерика, мать София, пишет: «Я сидела, писала нонче на Пасхе (7466-м (1958-м) году), Евгения пришла в гости к нам и сяла перед меня к налою... Я встала потихоньку и чрез нее достаю святыню молча. Она соскочила на колени, начала меня колотить руками и закричала: “Ты, старушонка, кого там достаешь? Ни надо, ни надо, зажгло меня, зажгло”»<sup>131</sup>. Расставаясь, «беснующая» Евгения сказала: «Больше не пойду, душно у вас... А святыня была таковая: много земли с разных могил, инока Павла от рясы часть, отца Савы от мантии часть»<sup>132</sup> (названы известные подвижники староверов-часовенных).

Реакция бесоодержимых могла быть использована даже для нахождения мощей. Так, при переселении на новое место были обретенны мощи старца Саватия. По слухам, они покоились где-то в этих местах. Мать Валентина, по ее рассказу, молилась и «... извещена бысть знамением сичевым: петух начал петь под амбаром не по обычаю, яко же совершается куроглашением на возвышеностях. И от сего разумевши ту быти искомому, и приведе на то место беснующую жену, и возопи в ней бес, и начаша копати ту и обретоша мощи, уже тлению предавшася точию кости, и некия части от погребальных риз осташа» (т. 2, л. 98).

С помощью бесоодержимых поддерживается иерархия ценностей. То, что ругает бес, то и представляется истинным. Бесы показывают, какая молитва правильная, а какая бесполезна. Небрежная молитва, по свидетельству рассказов Патерика, не действует, поскольку тогда бесы спокойно могут проникать в «незашептанный» дом, пробраться сквозь те ме-

<sup>131</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 5/91-г. Л. 97.

<sup>132</sup> Там же.



ста, что не защищены крестным знаменем. Если «бесные» кричат, что не надо молиться друг за друга, то это необходимо делать. «Когда мать Ираида преставилась, бес у матери Фаины закричал: “Ух, оне противные, уговаривались, сидели, шептались молиться одна за другую... Ух она пропастина, как мучит меня”... И начнет себя бить, говорит: “Вот вам за ето, всю Фаинку изобью, убью ее пропащую”... и всю избил в синяки» (т. 2, л. 127). В среде старообрядцев запрещалось получать от государства пенсию — бесы подговаривают получать ее, аргументируя тем, что «во аде всем места хватит!»<sup>133</sup>.

Книжникам, создателям Патерика, традиционный христианский взгляд на бесов хорошо знаком. Излагая речи беса, которого пытались изгнать из женщины («когда накормили меня от рубашки Феодосия (юноша, погибший от медведя — О. Ж.), я был опален, и сильно били меня»), автор комментирует: «хотя он ложь есть и лжи отец, но принужденный и нехотя изрекает истину». Далее делается вывод о том, что юноша, кусочек от рубашки которого пытались скормить бесоодержимой, действительно сподобился благодать получить от Бога и силу, «от нея же опаляем, мучится немощный род нечистых духов»<sup>134</sup>. В данной цитате хорошо прослеживается столкновение в одном тексте двух стихий — книжно-ортодоксальной и народно-религиозной.

Бес отрицательно реагирует и на написание старообрядческого Патерика, о котором здесь идет речь, поддерживая таким образом идею необходимости его создания: «Бес до сих пор кричит, когда читали сию повесть, дошли до того места, где разстригали пояс, бес опять закричал. Снова укрошали крестом и молитвой <...> бес укрошался токмо истовым крестным знаменем, ... а небрежная и нерадивая молитва не действовали...»<sup>135</sup> Пока шло чтение написанных глав, бесоодержимая волновалась: «Не надо ничего рассказывать и писать, а то все узнают и молиться будут за нее... Она написала и рассказала, а меня бить будут за ето»<sup>136</sup>.

Бесам неприятно благозвучное пение, особенно когда расппеваются религиозные песнопения. Матушка Алевтина, славившаяся своим голосом, пела однажды при некоей девице Акилине, слепой и «бесной». «Вот эта хайластая-та расхайлалась и не можно переслушать», — кричала Акилина. «Бормотала то и другое, потом взяла подрушник и свернула его вчетверо, и бросила в Александру, угодила прямо в лице, несмотря на то что слепая, зато бес не слепой» (т. 2, л. 50 об.—51).

<sup>133</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 5/91-г. Л. 120—121 об. Пример цитировался: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные... С. 390.

<sup>134</sup> Там же. Л. 99. Более подробно см.: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные... С. 387—389.

<sup>135</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 5/91. Л. 100 об.—101.

<sup>136</sup> Там же.

Бесам, невольно способствующим укреплению религиозных норм и обрядов, предлагают даже добровольно помочь верующим: «Ты вот сидишь без толку, видиши, что у нас христианство ослабеваает, давай иди да и помогай нам»<sup>137</sup>. В ответ на это бес, сидевший в Евгении «бесной», возразил: «Я не на это посажен, чтобы помогать, а чтобы на грех наводить». Бес используется как источник достоверных сведений о потустороннем мире, о загробной участи умерших. Он сообщает, что мужчина, погибший на войне, попал все же в ад из-за матерной брани (косвенное указание на строгий запрет матерщины); а другой, живший неблагочестивой жизнью, спасся, поскольку утонул и «вода его очистила». Здесь зафиксировано архаичное представление о водной стихии, свойственное многим древним культурам<sup>138</sup>.

По свидетельству Патерика, способность несоодержимых говорить правду использовалась даже властями, когда в 1920-е гг. во время голода, ходили комиссии в поисках укрываемого хлеба. «И вот когда ходили власти по домам, выгребали и отнимали хлеб в голодный год, спросили у Иякова: “Есть ли или нет у Анны хлеб спрятанной”. Он сказал: “Есть, вот там”. Но не обо всем хлебе мог сказать — что спрятан с молитвой, того и он не видел»<sup>139</sup>.

В этом эпизоде появляются те, с кем авторы старообрядческого сочинения связывали главную опасность эпохи. Скитские, «домашние» бесы не так страшны, против них есть испытанные средства борьбы, их можно даже использовать для поддержания благочестивой жизни. Подлинной оппозицией истинному оказываются атеистические власти<sup>140</sup>, представляющие реальную угрозу, несущую разрушение и гибель. В 1951 г. произошел описанный в старообрядческой литературе разгром скитов часовенных, сопровождавшийся сжиганием книг и арестами. «Зверообразный» облик представителей НКВД, участвующих в погроме, точно совпадает в описании народных писателей с образом бесов из древнерусской литературы<sup>141</sup>. В соответствии с воззрениями урало-сибирских староверов, именно в атеизме — мрак подлинный, пустота и гибель; власти представляют реальную угрозу именно потому, что насаждают безверие. Инфернальное же и сакральное в старообрядческой культуре тесно сосуществуют, входя в единую религиозную систему, обладающую статусом истинности. У бесов свои, подчас необходимые и важные роли, поддерживающие стабильность и порядок в этой системе.

<sup>137</sup> Собрание ИИ СО РАН. № 5/91-г. Л. 120.

<sup>138</sup> Там же. Л. 102. См. также: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные... С. 390.

<sup>139</sup> Там же. Л. 110 об.

<sup>140</sup> О противоатеистической направленности Урало-Сибирского патерика см.: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные... С. 331—337.

<sup>141</sup> Там же. С. 337.

Тексты Патерика свидетельствуют о своеобразном преломлении в житейных нарративах агиографического канона. Представления о святости, сформированные в результате взаимодействия книжных образцов и народных взглядов, глубоко проникли в старообрядческую духовную культуру, как в монастырский быт, так и в книжность. Отец Антоний завершает свой рассказ о матери Александре следующим образом: «Сия написахом о ней, не возвышая и похваляя ю, но выясняя в славу Божию, в пользу чтущим и послушающим, а не в похвальбу. Сия буди в воли Божией: помолитесь Христа ради о души ея ко Господу Богу, дабы Господь учинил душу ея с лики святых» (т. 2, л. 78 об.). Важность дидактического значения агиографических нарративов, посвященных не древним, а современным подвижникам, объясняется важностью спасения в «последние времена». Современные подвижники, утверждая в правильности веры, по мнению составителей, являли своей жизнью образец для подражания не худший, чем святые, жившие в древности. Тщательно собирая и фиксируя весь доступный материал о жизни праведников, авторы Патерика как будто предоставляли их на суд высшим силам. При понятном в условиях старообрядчества отсутствии земных правомочных инстанций книжники своими силами восполняли обряд канонизации.

О. Д. Журавель

## Именной указатель

- Абрам Федорович, сибирский старообрядец, 163, 166
- Аввакум Петров, протопоп, писатель, идеолог раннего старообрядчества, 21, 27, 281, 400, 403, 404, 417
- Аввакум, уральский старец скитник, 58, 59
- Августа, тюменская черноризица, 238
- Августа, уральская игуменья, 257, 303
- Августа (Чунарева), урало-сибирская черноризица, мать о. Палладия, 145
- Авель, библ., 378
- Авраамий, лысковский иеромонах, 12
- Авраамий (Венгерский Алексей Иванович), урало-сибирский инок, 25–28, 208, 291, 416–418, 442
- Авраамий, керженский священник, 14
- Авраамий, послушник уральского монаха Корнилия (Ипатиева), 26
- Авраамий, основатель иргизского скита, 20
- Авраамий, дальневосточный черноризец, 75
- Авсияния, черноризица, ученица бийской игуменнии Елизаветы, сестра м. Евтихии, 155, 174, 175, 229, 230, 247, 249–251
- Агафья, послушница, 177, 178, 210
- Аггей, лит. персонаж, 401
- Агния (Чунарева Анна Карповна), тувинская черноризица, сестра о. Палладия 144, 145
- Агния, сибирская черноризица, 167
- Агния Филимоновна, сибирская крестьянка, 245–247, 293, 340–342
- Адам, библ., 379
- Азадовский М. К.*, 346
- Акиндин Фил[?], сибирский старообрядец, 166
- Акилина, слепая, 200, 208, 443
- Акинфа (Черепанова Агафья Михайловна), урало-сибирская черноризица, 60, 82, 105–107, 117, 125–127, 160, 166, 171, 173, 175, 176, 179, 183, 188, 190, 198, 204, 208, 211, 215, 218, 226, 227, 234, 235, 242, 267, 295, 309, 317, 326, 331, 339, 340, 343, 442
- Акинфа, Иакинфа (Акилина), уральская черноризица, игуменья, бывшая жена о. Нифонта, 68, 70, 171, 177, 298, 313
- Алевтина (Лаптева Агриппина Яковлевна), сибирская черноризица, сестра о. Симеона и м. Иулиании, 124, 125, 184, 215, 234, 246, 295, 317
- Алевтина (Лескова Агриппина Давыдовна), урало-сибирская черноризица, 295, 297, 299
- Алевтина (Людиновскова Александра Михайловна), сибирская черноризица, сестра о. Антония, 107, 121, 122, 124, 192, 195, 200, 201, 208–211, 296, 297, 316, 317, 365, 368, 434, 435, 438, 442, 443, 445
- Алевтина Черногорская, урало-сибирская черноризица, 112, 172, 216
- Александр, керженский диакон, 14
- Александр, уральский и дальневосточный черноризец, 72, 74–76, 431, 432
- Александр, *см.* Голдобин Александр Григорьевич
- Александра, игуменья, инокиня схимница шатрашского скита, 22
- Александра, игуменья, бывшая жена о. Варлаама, 171–174, 239, 240, 241, 243, 244, 247, 248, 254, 296, 299, 302, 308, 310, 310, 320, 337, 479
- Александра (Агриппина), дубчесская черноризица, 130, 136, 204–206, 216, 223–229, 234, 340, 430, 434–436, 438, 439

- Александра Дмитриевна, уральская старо-  
обрядка, 260, 261
- Александра Иакинфовна, сибирская  
старообрядка, 166, 167
- Алексей Михайлович, царь, 384, 431
- Алексей Ефимович, дубческий старо-  
вер, 128
- Алимпий, урало-сибирский черноризец,  
240
- Анастасий Персиянин, прп., мч., 103,  
343
- Анастасия, жительница скита на Сунгуле,  
мать м. Феклы, 191, 303, 319
- Анастасия, послушница Сунгульского  
монастыря, 192
- Анатолия Невьянская, уральская игуме-  
нья, 171–173, 298, 299, 310, 379
- Анатолия (Меренкова Анна Васильевна),  
игуменя одного из женских Дубческих  
скитов, сестра м. Елены и м. Мелетины,  
92, 95, 128, 130, 131, 172–174, 190, 191,  
196, 197, 201, 204, 206, 208, 210, 211, 212,  
214–224, 226, 227, 232, 235, 236, 238,  
241, 285, 295–297, 303, 311, 317, 332,  
339, 368, 426, 427, 434, 436–438
- Анатолия, черноризица, мать м. Вене-  
дикты, 270
- Анатолия, тувинская черноризица, 152
- Анафролия, тувинская черноризица,  
148
- Андреев Л.*, 283
- Андрей Первозванный, апостол, 11, 103,  
279, 343, 349
- Андрей, свт., архиеп. Кесарии Каппадо-  
кийской, 391
- Андрей, прп., 103, 343
- Андрей Юродивый, св., 342
- Андреян, томский казак-старообрядец,  
104
- Андреян, уральский инок-схимник, 32
- Анисия (Александра), дубческая черно-  
ризица, 235, 236, 337
- Анисия (Агафия), сибирская чернори-  
зица, племянница м. Мелетины, 177,  
178, 339
- Аничков Е. В., 282, 346
- Анна, дальневосточная черноризица,  
76
- Анна, послушница уральского женского  
скита, 195, 257
- Анна, тувинская и нижеенейская  
черноризица, 146, 153, 154
- Анна, сибирская старообрядка, 440
- Анна Ивановна, уральская старообрядка,  
217, 222
- Анна Иоанновна, императрица, 18
- Анния, сибирская черноризица, 188
- Антонида, игуменя, бывшая жена  
о. Мины, 155, 172, 263, 265–267, 311
- Антонида (Анастасия), уральская чернори-  
зица, 217, 220, 221, 297, 309, 311, 326
- Антоний Великий, св., 424, 425
- Антоний, прп., основатель Киево-Пе-  
черской лавры, 336
- Антоний, архиеп. Новгородский, 424
- Антоний (Паромов), епископ Белокри-  
ничской Церкви, 385, 386
- Антоний, уральский инок-схимник, 30,  
32, 63
- Антоний (Людиновсков, Людинсков Афа-  
насий Михайлович), сибирский игумен,  
10, 46, 52, 53, 82, 83, 86, 87, 90, 93, 95,  
96, 98, 99, 103–106, 108–110, 121, 122,  
124–140, 146, 147, 160, 162, 175, 181, 182,  
184, 185, 190, 192, 198, 205, 207, 208,  
215, 219, 220, 223, 225, 227, 229–231,  
236–238, 240, 241, 245, 249–253, 272,  
284, 285, 288, 289, 295–298, 301, 303,  
305, 309–311, 314, 316, 317–319, 325,  
327, 330, 332, 337, 338, 340, 341, 345,  
350, 360, 361, 365–379, 382, 399, 436,  
438, 441, 445
- Анфиса, основательница иргизского  
скита, 20
- Анфиса, сибирская черноризица, игуме-  
нья, 104, 180, 256, 303
- Аполинария, сибирская черноризица,  
166, 167, 267
- Аркадий (Федоров), архиеп. Пермский  
и Верхотурский, 24

- Аркадия Нижегородская, сибирская черноризица, 179–182
- Арсений, прп., 371
- Арсений, соловецкий и керженский старец, 17
- Арсений (Анатолий), урало-сибирский черноризец, 240
- Арсений (Артемий), дубчесский черноризец, 102
- Артемий, старообрядец, муж Варвары, 244
- Асенефа (Анна), дубчесская черноризица, 270
- Афанасий Великий, свт., 103, 129, 343, 436
- Афанасий (Андрей), митр. Московский, 431
- Афанасий, уральский черноризец, 110
- Афанасий (Антоний Субботин), черноризец скита о. Саввы, иконописец, 76, 97, 111, 247, 298
- Афанасий, урало-сибирский черноризец, брат старообрядца Николая, 247
- Афанасий, *с.м.* Мурачев Афанасий Герасимович
- Афанасия, игуменья шарташского скита, 22
- Афанасия (Анисия), игуменья женских скитов при ските о. Саввы, 174, 176, 177–179, 188, 201, 203, 229, 247, 295, 298, 310, 317, 339
- Афанасия (Лескова), уральская игуменья, 172
- Афанасия (Иноземцева Анна Лаврентьевна), дубчесская черноризица, 134, 236, 299
- Бакулев Михаил, сибирский крестьянин, сват Агнии Филимоновны, 246, 341
- Байбалов Антон, кармацкий церковный дьячек, 29
- Байдин В. И., 292, 404, 416, 419, 429
- Бакулев Михаил, крестьянин из Колыванской тайги, 246
- Бароний Цезарь, церк. писатель, католик, 184, 291
- [Басаргин] Кондратий Киприанович, харьковский наставник, 76, 299, 393
- Бахрушин С. В.*, 246
- Бахтин М. М.*, 415
- Беляева Пелагея Ивановна, сибирская старообрядка, 317
- Бороздин А. К.*, 385
- Брещинский Д. Н.*, 417
- Бубнов Н. Ю.*, 326, 327, 405
- Ваганов Григорий Селиверстович, невянский иконописец, 42, 43, 44, 50, 52
- Валентин, уральский инок, автор Родословия часовенного согласия 33, 292, 321, 344, 346, 404, 422, 423
- Валентина (Тюрина Вера Григорьевна), урало-сибирская игуменья, 90, 101, 160, 172–174, 178, 195, 197, 212, 213, 215, 216, 232, 235, 238–245, 263, 285, 297, 299, 303, 314, 317, 318, 327, 337, 340, 442
- Валентина, тувинская черноризица, 152
- Валов, участник карательного отряда при разгроме Дубчеса, 91
- Варвара, послушница, 183
- Варвара, тетка о. Виталия, 262
- Варвара, старообрядка, жена Артемия, 244
- Варлаам, керженский иеромонах, 14
- Варлаам, сожженный на Керженце, 17
- Варлаам, уральский черноризец, 117, 120, 218
- Варлаам, уральский инок-схимник, 63, 252, 253, 344
- Варлаам (в миру Власий), уральский черноризец, 239, 240, 239, 296, 307
- Варлаам, сибирский старообрядческий наставник, 246
- Варлаам Хутынский, св., 282, 424
- Варнава, апостол, 103, 343
- Варфоломей, апостол, 103, 343
- Варсонофия (Хлебникова Васса Ивановна), тувинская черноризица, 149, 150
- Васёв, плотник и охотник, 144
- Васев, начетчик Спасовского согласия в низовьях Енисея, 391

- Василий III Иоаннович, вел. кн. Московский, 431
- Василий Великий, свт., церк. писатель, 101, 103, 176, 177, 246, 293, 341, 343, 358
- Василий игумен, ранневиз., 287
- Василий Мангазейский, св., 246
- Василий Новый, св., 341, 342
- Василий, уральский старовер, 77
- Василий, послушник в скиту о. Саввы и Силуяна, 80
- Василий Стариков, невьянский житель, 33
- Василий Федорович, каслинский старовер, 199
- Венедикт, прп., 212, 215
- Венедикта, уральская и сибирская игуменья, дочь инокини схимницы Зинаиды, 66, 171, 175, 239, 298, 310
- Венедикта (Вера Павловна), уральская и сибирская черноризица, дочь черноризицы Анатолии, 76, 268, 270
- Вера, монахиня Шарташского скита, 61, 62, 300, 342, 343
- Вера, урало-сибирская черноризица, 196, 303
- Вера (Васса), сестра о. Арсения, дубчесская черноризица, 235
- Викентий Лиринский, прп., церковный писатель, 386
- Висарий, уральский черноризец, 216
- Виталий, дальневосточный черноризец, 75, 77, 432
- Виталий (Сычев Викул Мокеевич), дубчесский черноризец, 126, 127, 162, 166, 231, 262
- Владимир, вел. кн. Киевский, св., 11, 329, 349, 410
- Власий (Тянигин), уральский иноксхимник, 64, 71
- Водовозов Н. В.*, 330
- Волкова Т. Ф.*, 401
- Вургафт С. Г.*, 293
- Гавриил, архангел, 294
- Гавриил (Семеновских Гаврила Яковлевич), уральский священник, 25
- Гавриил, сибирский черноризец, 104
- Галактион, пермский пустынный, 46
- Галактион, дальневосточный инок, 73–75
- Галанин Мирон Иванович, урало-сибирский наставник, 26, 28–31, 306
- Геннадий, уральский черноризец, 199, 316
- Георгий Хозевит, прп., 103, 343
- Георгий, уральский инок-схимник, 62
- Георгий (Григорий), урало-сибирский черноризец, 105–112, 126, 127, 337, 376, 423
- Герасим Болдинский, св., 414, 431
- Герасим, сибирский (или урал.) священноинок, 14
- Герасим (Никифоров), уральский иноксхимник, 32, 63
- Герасимов Афанасий, см. Мурачев Афанасий Герасимович
- Герасимова Н. М.*, 403
- Герман, уральский инок-схимник, 32, 33–34, 36–38, 40, 42, 44, 45, 48, 51, 55, 256, 418
- Гете Иоганн Вольфганг*, 384
- Глеб, послушник Дубчесского скита, 139, 140, 142
- Глафира, сунгульская черноризица, 191, 319
- Глухов Илларион Иванович, отец м. Еванфии и м. Трифены, 114–116, 187, 300, 302, 318, 326, 331, 433
- Глухов *М. И.*, послушник Дубчесских скитов, 360, 362
- Глухова Стефанида, жена Иллариона Ивановича Глухова, 300
- Голдобин Александр Григорьевич, послушник Дубчесского скита 61, 90, 93, 285, 296, 326, 342, 360
- Голиндуха, основательница керженского скита, 17
- Голицын Иван Иванович, невьянский старообрядец, 39
- Гольдберг А. Л.*, 406
- Горбунов Иван Тихонович, послушник Дубчесских скитов, 300, 301, 317, 360, 363

- Горбунов Павел Тихонович, сибирский крестьянин, 300, 301, 317
- Горбунов Тихон Иванович, сибирский крестьянин, 300
- Горбунова Евдокия Алексеевна, жена Т. И. Горбунова, 300
- Горгония (Казанцева Гликерия Максимовна), тувинская черноризица, 151
- Гордый, алтайский старообрядец, 252
- Григорий, ученик св. Василия Нового, 341
- Григорий Богослов, свт., 103, 176, 246, 341, 343
- Григорий (Коскин Гавриил Сергеевич), невянский инок-схимник, иконописец, 31–34, 36, 37, 39, 40, 52, 53, 57, 243, 256, 257, 265
- Григорий, уральский черноризец, 191, 303
- Григорий, сибирский старообрядец, 246, 341
- Григорий Карпович, сибирский старообрядец, внук Феодора Зиновьевича, 157, 158
- Григорий Селивестрович, невянский иконописец, см. Ваганов Г. С.
- Гридин Иван, уральский крестьянин, 61
- Грихин В. А.*, 330
- Грудцын Савва, персонаж древнерусской повести
- Гуревич А. Я.*, 370–372, 374, 387
- Гурий Васильевич, уральский крестьянин-старообрядец, 77
- Гурий, нижнетагильский инок (Перетрутов Григорий Андреевич), 23
- Гурий, сибирский и приморский черноризец, спутник о. Силуяна, 71, 72, 315
- Гурьянова Н. С.*, 405, 406, 421, 429
- Даль В. И.*, 284, 291, 293
- Давид (Давыд), царь Иудейский, пророк, 67, 68, 69, 74, 83, 109
- Даниил, пророк, 285, 355
- Даниил (Викулов, Викулин), выговский киновиарх, 409
- Даниил (Солдаткин Денис Сафонович), дубчесский черноризец, 301
- [Девяшев] Михаил, сибирский крестьянин, 29
- Демкова Н. С.*, 386
- Денисовы, писатели поморского согласия, 385
- Димитрий, керженский священник, 14
- Димитрий, уральский старец, 63
- Димитрий, уральский старообрядец, 260, 261
- Диомид, постриженник о. Лаврентия, 65
- Диомид Арсентьевич, сибирский черноризец, 100
- Дионисий Шуйский, священноинок, основатель Керженских скитов, 12–15, 18, 70, 71, 279, 281
- Дионисий, уральский инок-схимник, игумен, 31, 32, 321
- Дмитриев Л. А.*, 282, 346, 376, 414, 424, 431
- Долгих Анастасия Галактионовна, сибирская старообрядка, жена будущего о. Никиты, 313
- Долгих Евдокия, сибирская старообрядка, 197
- Доментиан, тюменский священник-старовер, 21
- Дометиан, Доментиан, пермский старовер, 264, 265
- Домна, мать послушницы Матроны, 271
- Домрачева Полина Евграфовна, сибирская старообрядка, 303
- Дорофей авва, прп., визант. писатель, 76, 123, 288(?), 289, 427
- Дорофей, священноинок, церковный писатель, С. 76, 106, 108, 286, 288(?)
- Дорофея, сибирская черноризица, 180
- Досифей, уральский инок-схимник, 30
- Досифея, уральская черноризица, 254
- Досифея (Устинова Домника Савишна, Савельевна), дубчесская черноризица, 226, 231–233, 237, 271, 301, 302, 339
- Достоевский Ф. М.*, 440



*Дурново Н. Н.*, 440

Еванфия (Осипова Евдокия Прокопьевна), уральская и сибирская игуменья, 172–174, 178, 195, 197, 212, 215, 238–241, 244, 252, 297, 302, 303, 314, 317, 320

Еванфия (Глухова Елизавета Илларионовна), сибирская черноризица, 115, 128, 271, 300, 302, 318

Евгения, инокиня, 180, 438

Евгения (Копылова Евдокия Ермиловна), дубчесская игуменья, 92, 98, 106, 118, 126, 127, 189, 196, 285, 302, 303, 317

Евгения, черноризица, 262

Евгения (Евдокия Фомишна), черноризица, племянница Ивана Сенатова, 262

Евдокия, сибирская старообрядка, 176, 440

Евер, библ., 378

Евникия (Екатерина), черноризица, 235

Евникия, уральская черноризица, мать м. Елизаветы алтайской, 250

Евсевий, уральский черноризец, 65

Евстолия, уральская игуменья, 112, 172, 309

Евстолия, сибирская черноризица, 183, 184, 186, 187, 309, 343

Евстолия (Епистимия), черноризица из скита м. Антонида, 264, 266

Евтихий, свт., 212

Евтихия, черноризица из алтайского скита м. Елизаветы, сестра м. Авсиянии, 250

Евфалия, черноризица, племянница о. Лаврентия, 117, 118, 146, 307

Евфалия, уральская игуменья, 239

Евфимий (Ефрем Сибиряк, Елисей Яковлевич Поляков), уральский схимонах, 30, 32

Екатерина II, императрица, 19, 28

Екатерина, уральская черноризица, бывшая жена о. Никона, 190

Екатерина (Евдокия), уральская черноризица, 254, 255

Елеазар Анзерский, прп., 356, 404, 414, 431

Елена Сунгульская (Меренкова Елена Васильевна), уральская игуменья, 107–109, 122, 172, 186, 190–192, 195, 196, 199–201, 208, 209, 211, 212, 217, 220, 221, 226, 296, 297, 303, 311, 316, 317, 319, 332, 339, 417, 427–429

Елена (Ефросинья), сибирская черноризица, 197, 198

Елизавета Петровна, императрица, 27

Елизавета, уральская и алтайская игуменья, 97, 174, 247, 248–251, 253, 254, 320

Елизавета, уральская черноризица и игуменья, 253, 255–257, 265, 303, 311,

Елизавета Парамоновна, см. Енафа

Емельян Дмитриевич, уральский старообрядец, 261

*Емельянов А. Ф.*, 143, 148, 290, 400

Енафа, сибирская черноризица, дочь о. Лаврентия, 118, 196, 307

Енафа, Енафья (Елизавета Парамоновна), урало-сибирская черноризица, 60, 136, 236–238, 256, 257, 271, 303, 326

Енох, библ., 98, 153, 357, 390

Епестимия, дубчесская черноризица (скит м. Антонида), 264

Епифаний, инок, деятель раннего старообрядчества, 404

Ермил Артемьевич, сибирский старообрядец, 269

Ермиония (Шубина Евдокия), дубчесская черноризица, 161, 303

Есфирь, инокиня схимница, 180

Есфирь, тувинская черноризица, мать м. Надежды, 151

Ефрем Сирин, прп., церк. писатель, 76, 123, 288, 336, 338, 357

Ефрем, игумен Комарицкого скита, 17

Ефрем Уральский, игумен таштагольских скитов (Кемер. обл.), 119, 137, 168, 169, 287, 379, 383, 388

Ефрем (Котегов Ефим Григорьевич), иконописец, один из руководителей Дубчесских скитов (до 1990 г.), 206, 264, 266, 301, 304, 324, 325, 350, 351, 360, 361, 380–387, 397

- Желнин, тувинский старообрядец, урядник, 150
- Журавель О. Д.* 3, 6, 284, 293, 323, 324, 359, 360, 368, 396, 397, 406, 417, 427, 429, 439
- Завьялов *Г. Я.*, алтайский наставник, основатель нового «толка», 252, 290, 386
- Зализняк А. А.*, 312
- Захарий, уральский черноризец, 111
- Захария, пророк, 289
- Земзеев Архип, сибирский старообрядец, 311
- Земзеев Нестор, сибирский старообрядец, 311
- Земзеевы — крестьяне-часовенные из Колыванской тайги, 182, 354
- Зеньковский С. А.*, 406
- Зинаида, уральская инокиня-схимница, 171, 175, 296, 298, 299, 309, 310, 332
- Зиновия Ивановна, тетка Агнии Филимоновны, сибирская старообрядка, 246, 341
- Змеев С. П., стольник, 31, 38, 420
- Зольникова Н. Д.* 3, 6, 285, 287–289, 293, 312, 323, 325, 326, 338, 351–353, 355, 358, 359, 364, 366, 370–373, 380–386, 388, 389, 391, 392, 396–402, 403, 404, 419, 422, 430, 435, 436, 438–441, 443, 444
- Зырянов Дементян Филиппович, старообрядческий начетчик из с. Сандакчес, 304
- Иаков, библ., 272, 294
- Иаков Исповедник, прп., 190, 282, 327
- Иаков, керженский иннок-схимник, 18
- Иаков, уральский иннок-схимник, 32
- Иаков, невьянский иеромонах, 30
- Иаков, отец м. Енафы, сибирский старообрядец, 271
- Иаков Давыдович, тувинский старообрядец, 152
- Иван, заключенный, 93
- Иван Иванович, уральский старообрядческий настоятель, 252, 253
- Иван Неронов (Неронов Иван Мионович), протопоп, 417
- Иван Трофимович, см. Мушкин Иван Трофимович
- Иван Федорович — см. Рукавицын Иван Федорович
- Иван Филиппов, выговский киновиарх, писатель, 406, 407, 409
- Игнатий, дьякон, организатор самосожжения в Палеостровском монастыре, 22
- Игнатий, сибирский и тувинский черноризец, сын о. Иоаникия, 147, 150
- Иезекииль, пророк, 289
- Иеремия, патр. Константинопольский, 11, 350, 406
- Иеремия (Иеремий), уральский черноризец, 65, 71, 313, 314
- Иеремия (Тюкалова Евпраксия Артемьевна), тувинская черноризица, 151
- Иероним, блж., 386, 391
- Иерон — см. Потанин Иерон Алексеевич
- Измарагда (Рукавицына Зинаида Федоровна), тувинская игуменья, 147, 148, 150, 151, 290
- Измарагда, алтайская черноризица, сестра алтайской игумении Поликсении, 251
- Измарагда, черноризица, дочь о. Лаврентия, 118, 307
- Израиль, урало-сибирский черноризец, 60, 70, 75, 78, 91, 110, 182, 254, 308, 337
- Иларий, уральский черноризец, 70
- Иларий, священноинок, окормлявший женские шарташские скиты, 22
- Иларион Акиндинович, сибирский старообрядец, 165
- Илария, уральская игуменья, 254
- Илария, алтайская игуменья, последовательница учения Завьялова, 174, 247–252, 320
- Илия, св. пророк, 98, 153, 214, 357, 390
- Илия, керженский пустынный, 17
- Иннокентий, автор «Записки о последних днях Пафнутия Боровского», 414, 431
- Иноземцев Иларий Иванович, сибирский крестьянин, 304, 305

- Иноземцева Евдокия Ивановна, сибирская крестьянка, 304
- Иоаким (Харчевников Иван), сибирский инок, 27, 32
- Иоаникий, тувинский черноризец, 147, 150
- Иоанн Богослов, апостол, евангелист, 35, 111, 153, 243, 244, 273, 274, 282, 291, 359
- Иоанн Предтеча, св., 153, 154, 291
- Иоанн Дамаскин, св., 185, 293
- Иоанн, «авилонский царь», лит. персонаж, 371
- Иоанн Воин (Воинственник), св. мч., 103, 343
- Иоанн Злагоуст, свт., церковный писатель, 10, 103, 176, 246, 279, 289, 293, 327, 341, 343, 387, 409
- Иоанн Зонара, визант. историк, канонист, 386, 387
- Иоанн Мосх, инок, византийский писатель, 286
- Иоанн Синайский (Лествичник), прп., церковный писатель, 68, 76, 284, 427
- Иоанн (Кодский), уральский инок, 25, 26, 28, 208, 291, 345, 416, 418
- Иоанн, игумен жен. скитов, 60, 62, 65, 107, 120, 125, 212, 252–254, 257, 258
- Иоанн, томский настоятель, дед о. Тимофея, 113
- Иоанн, нижеенисейский крестьянин, брат о. Тимофея, 157
- Иоанн Илларионович — см. Кустов Иван Иларионович
- Иоанн Иоакимович, настоятель, 64
- Иоанн Маркелович, сибирский старообрядец, 35
- Иоанн, сибирский старообрядец, брат о. Тимофея, 157
- Иоасаф, уральский священноинок, 261
- Иоасаф, уральский черноризец, 68
- Иов Львовский (Лихачев Иван Тимофеевич), иеромонах, 14
- Иов, нижнетагильский иеромонах, 18, 23, 24, 31, 38, 71, 119, 120, 416, 420
- Иов (Иоанн Федорович), сибирский черноризец, 184
- Иоиль, уральский черноризец, 65
- Иона Городецкий, уральский инок-схимник, 32
- Иона Курносый, керженский игумен, 16, 17, 281, 415
- Иосиф, один из 12 сыновей Иакова, библ., 272, 294
- Иосиф, св., нареченный муж Богородицы, 397
- Иосиф Волоколамский, прп., церк. писатель, 123, 288
- Иосиф, патр. Московский, 18, 71, 96, 385, 431
- Иосиф (Иоанн), урало-тувинский черноризец, прадед старообрядки А. С. Кузнецовой, 158, 159
- Иосиф, уральский инок, 252, 345
- Иосиф (Иаков), дубчесский черноризец, 161
- Иосиф, тюменский старообрядец, 21
- Иосиф (Земеров Иван Евграфович), дубчесский черноризец, 105, 106, 127, 305
- Ипатий, адресат прп. Феодора Студита, 190, 282
- Ипатий, уральский схимонах, 30, 63
- Ипполит Римский, церк. писатель, 355
- Ираида, урало-сибирская черноризица, 62, 240
- Ираида (Ирина), дубчесская черноризица, 267, 268, 443
- Ирина, черноризица, 118
- Ирина Ильинична, старообрядческая учительница, 262
- Иринея, уральский игумен, 121, 297
- Исаак Сирий, прп., церк. писатель, 67, 68, 76, 123, 230, 288, 310, 427, 429
- Исаакий, основатель иргизского скита, 20
- Исаия, св. пророк, 194, 284, 291
- Исай Назарович, житель пос. Шурниха Ярцевского р-на Красноярского края, 382–386

- Исидор, козмодемьянский иеромонах, 12–13
- Исидор, блж., 423
- Иуда Искаротский, еванг., 125, 393
- Иулиания (Лаптева Иустина Яковлевна), сибирская черноризица, сестра о. Симеона, 184, 233, 234
- Иулита (Иулиания Анкидиновна), дочь черноризца Авраамия, тюменская черноризица, 30
- Иулия, уральская и сибирская черноризица, 18, 172, 258–260, 263, 265, 305
- Иустин Философ, мч., 289
- Ияков, керженский схимонах, 18
- Ияков, сибирский старообрядец, 444
- Кадлубовский А.*, 282
- Каин, библ., 378
- Калина, уральский инок, 26, 416, 417
- Калисфения, уральская и сибирская черноризица, 257
- Калмыков Антоний Васильевич, ирюмский старообрядец, 30
- Калмыковы, ирюмские старообрядцы, 71, 104, 171, 172, 175, 177, 239, 296, 298, 299, 310, 313, 314
- Капитолина, московская инокиня, 180
- Карп, уральский черноризец, 65
- Карфидов О. И., невьянский старообрядец, 39
- Кастор (Чернов Кириак Автономович), уральский игумен, 65, 105, 110–112, 286, 308, 310, 419–421
- Касияния, уральская черноризица, 125
- Касьян, урало-сибирский черноризец, 81
- Касьяния, сибирская черноризица, 317
- Кагаев Анисим Филимонович, сибирский старовер, отец м. Софьи, брат Агнии Филимоновны, 245
- Катаева Прасковья Ивановна, сибирская крестьянка, мать Агнии Филимоновны, 246, 341
- Килин А. К., старовер-беспоповец, 392, 396
- Киприан, послушник в дальневосточном скиту о. Силуяна, 74
- Кир Бессребренник, мч., 103, 343
- Кирилл Александрийский, свт., церк. писатель, 103, 343
- Кирилл Иерусалимский, свт., 355
- Кирилл, урало-сибирский черноризец, спутник о. Силуяна, 71, 72, 154, 202, 305, 306, 315
- Клеопатра, керженская монахиня, 16, 280
- Климент, св. мч., 359
- Климент, уральский инок-схимник, 70, 261
- Климент, уральский черноризец, 119–121, 287
- Клюкина Ю. В.*, 329
- Ключевский В. О.*, 334
- Козма, уральский черноризец, 64
- Комар, основатель керженского скита, 16
- Комарова Анастасия Терентьевна, бабушка м. Евгении (Копыловой), 302
- Кондратий Киприанович, см. [Басаргин] Кондратий Киприанович
- Коновалов А. А., старообрядческий полемист, 72 (здесь ошибочно: А. Д.), 315
- Константин Великий, император, 389
- Константин VI, византийский император, 121
- Константин, уральский старообрядец, сын о. Ефрема Уральского, 168
- Конявская Е. Л.*, 428
- Корнилий Выговский, инок, 417
- Корнилий (Ипатьев), уральский инок, 26
- Коробейник Иоанн, уральский крестьянин д. Павловой, 26
- Котегов Григорий Арсентьевич, сибирский крестьянин-часовенный, отец о. Ефрема, 304, 380
- Котегова Мария Ивановна, мать. о. Ефрема, жительница жен. скита на Дубчесе, 304
- Котегова Агриппина Григорьевна, жительница жен. скита на Дубчесе, сестра о. Ефрема, 304, 380

- Котеговы, вятские и сибирские староверы, 380, 381
- Крамми Р.*, 404–406
- Кропочев Антип Варфоломеевич, сибирский старообрядец, 306
- Кропочев Хрисанф (Кирсангий) Варфоломеевич, сибирский старообрядец, 306
- Крушельницкая Е. В.*, 414, 431
- Ксения (в миру Капитолина), сибирская черноризица, 178, 179, 427
- Ксения, сибирская старообрядка, 200
- Ксенофонта, сунгульская черноризица, 191, 319
- Кузнецов Афанасий Трофимович, издатель журнала «Уральский старообрядец», начетчик, 21–23, 31, 32, 38, 51, 53, 58, 62, 281, 282, 329, 411, 415, 416, 418–421
- Кузнецов В. Ал., художник, 51, 52, 282, 412
- Кузнецова Агрипина Симоновна, сибирская старообрядка, правнучка черноризца Иосифа, 158, 186
- Кусков В. В.*, 328
- Кустов Иван Иларонович, сибирский старообрядец, 35, 113, 300, 302, 318, 320, 422
- Кушинов, нижнетагильский старообрядец, 39
- Лаврентий, керженский иеромонах, 14
- Лаврентий, уральский инок-схимник, 64, 65, 70, 71, 313, 419, 437
- Лаврентий, сибирский черноризец, 117, 212, 297, 307
- Лазарь, св. праведн., 165
- Лаптев Кирилл Яковлевич, наставник сибирской часовенной общины, брат о. Симеона, 105, 125, 128, 160, 168, 302, 304, 307, 366
- Лаптев Яков Самойлович, ишимский крестьянин, отец о. Симеона, 315, 351
- Лаптева Татьяна Гавриловна, мать о. Симеона, 351
- Лаптевы — ишимские крестьяне-часовенные, 332, 351
- Ласкин В. А., старшина уральских наставников, писатель-часовенный, 386
- Лебедев Кирил, инвалид, 144
- Ленин В. И.*, 356, 360
- Леонид, уральский инок-схимник, 63, 107
- Лепехин (Лепихин) Яков Борисович, красноярский и тобольский старообрядец, организатор самосожжений, 21
- Лихачев Д. С.*, 328, 330, 431
- Логин, отец м. Елены, игуменьи Сунгульского скита, 339
- Логин, дубчесский старOVER, 232
- Лотман Л. М.*, 440
- Лука, апостол, евангелист, 11, 284, 291, 323, 324, 329, 404
- Лука Феофанович, сибирский старообрядец, 152
- Лукиян, уральский черноризец, 64
- Лурье М. Л.*, 439
- Лурье Я. С.*, 288
- Людиновскыы — урало-сибирские крестьяне-часовенные, 332, 365
- Макар Петрович, сибирский старообрядец, 269
- Макарий, митр. Московский, 424, 431
- Макарий (Долгих Михаил Тарасевич), урало-сибирский черноризец, 91, 92, 308, 313, 326
- Макарий (Паутов Матвей Семенович), урало-сибирский черноризец, 77, 82, 91, 92, 105, 110, 111, 125, 155, 285, 308, 317
- Македония (Мариамия Петровна), сибирская игуменья, 57, 76, 79–82, 104, 118, 176–179, 181–187, 192, 197, 242, 308–310, 337, 338, 426, 428, 432, 435, 438
- Македония (Марина), дубчесская черноризица, 161
- Максим (Михаил), уральский инок-схимник, игумен, 23, 31–34, 36–40, 42, 50–52, 57, 63, 64, 71, 76, 256, 283, 321, 332, 338, 391, 403, 418, 419, 421
- Максим (Русинов Анатолий (Маркиян) Русинов), сибирский черноризец, 99,

- 101, 105, 118, 119, 126, 132, 160, 162, 166, 174, 236, 247, 286, 289, 309, 367, 369
- Максим, сибирский старообрядец, 198
- Максимила, сибирская черноризица, бывшая жена о. Лаврентия, 118, 307
- Максимила (Чернова Мария Леонтьевна), дубчесская черноризица, 81, 181–184
- Мальцев А. И.*, 142, 170, 276, 287, 322
- Мальшев В. И.*, 401
- Мамант Кесарийский (Каппадокийский), мч., 34, 424
- Мамельфа, сибирская черноризица, 241
- Манефа, керженская (чернораменская) игуменья, 13, 16, 280, 415
- Маргарита, сибирская черноризица, мать о. Антония и м. Тавифы, 226
- Маргарита, инокиня керженского скита, 17, 422, 423
- Маргарита, основательница иргизского скита, 20
- Маргарита, инокиня схимница, 179, 180
- Маргарита, уральская игуменья, дочь инокини схимницы Зинаиды, 172, 175, 297, 309, 310, 429
- Маргарита (Коровина Макрина Наумовна), сибирская черноризица, 92, 95, 188–190, 210, 232, 257, 264, 265, 285, 303, 309, 310, 317–319, 327, 334, 340
- Мария, еванг., 397
- Мария Египетская, прп., 266, 288
- Мария, послушница в Игнатиевом монастыре, 179
- Мария, послушница в сунгульском монастыре, 222
- Марья, черноризица, бабушка о. Антония и м. Тавифы (Людиновских), 198
- Мария Стефановна, послушница тувинского женского скита, 152
- Марк, евангелист, 285, 336
- Марк Печерский, прп., инок Киево-Печерского монастыря, 103, 343
- Мартирий Зеленецкий, св., 404, 414, 431
- Марфа, еванг., 396
- Марфа Петровна, сибирская старообрядка, 159
- Мастрадия, Мастрадая, Мастридия (Мария), урало-сибирская игуменья, 87, 88, 113, 155, 156, 157, 174–177, 188, 210, 229–231, 238, 285, 292, 301, 310, 311, 318, 436
- Мастрадия (Марфа Ивановна), тувинская черноризица, 149, 150, 153, 290
- Матрона, дочь м. Досифея (Домники Савишны), 270, 271
- Матфей, апостол, евангелист, 10, 279, 284–286, 289, 327, 329, 336, 387
- Матфей, урало-сибирский черноризец, 104
- Мелетина (Кунгурская), сибирская игуменья, 171, 172, 175–178, 296, 298, 308–310, 315, 340, 435
- Мелетина (Меренкова Мария Васильевна), урало-сибирская черноризица, игуменья, сестра м. Елены Сунгульской, 107, 172, 173, 181, 182, 186, 188, 190, 191, 195–202, 211, 214, 222, 226, 229–231, 246, 296, 297, 303, 311, 316, 319, 332, 339, 340
- Мелетина, урало-сибирская черноризица, 60, 61, 264–266, 311
- Мельников-Печерский П. И.*, 13, 15, 17, 18, 22, 279–281, 329, 385, 411, 412, 415
- Мендельсон Н. М.*, 440
- Мефодий Патарский, свт., мч., богослов, церк. писатель, 379
- Мильков В. В.*, 342, 379
- Меркурий Смоленский, мч., 103, 343
- Мина, уральский черноризец, 65, 79
- Мина (Зебзеев Михаил Прокопьевич), игумен, 81, 82, 86–88, 124, 155, 156, 179, 188, 285, 295, 301, 309–311, 315, 317, 322
- Миропия, инокиня XVII в., 248, 344
- Миропия, дубчесская черноризица, 64, 65, 175, 257
- Митродора (Макрина), тувинская черноризица, 154
- Михаил, архангел, 79

- Михаил, игумен Дубчесских скитов, 121, 136, 139, 326, 382
- Михаил Илларионович, урало-сибирский старообрядец, 111, 121
- Михей, пророк, 284
- Моисей, послушник уральского о. Корнилия (Ипатиева), 26
- Мокий, дальневосточный черноризец, 74
- Москвин Л. К., сибирский крестьянин-старообрядец, 304
- Мурачев Афанасий Герасимович, сибирский наставник, 5, 6, 102, 115, 117, 142, 158, 162, 164, 168–170, 186, 258, 266, 267, 273, 276, 285, 312, 322, 325, 326, 350, 363, 364, 369, 380–382, 386–398, 400–402, 437
- Муштинкин Иван Трофимович, сибирский старOVER, охотник, 161, 312
- Мялков Михаил Ефимович, брат о. Саввы, 248, 251, 320
- Мягковы, сибирские старообрядцы, 248, 252
- Мяндин И. С., 401
- Надежда, уральская игуменья, 254
- Надежда, тувинская игуменья, 146–148, 151, 152
- Насекайло Е. И., ссыльный православный священник, 359
- Неонила, Нионила, уральская игуменья, 252–254, 319
- Нестор, беглый, 125
- Нечаев, участник карательного похода на Дубчес, 91
- Нестор Искандер, древнерусский писатель, 330
- Никандр, керженский монах, 17
- Никита, уральский инок-схимник, 70, 110, 182, 254, 309
- Никита, уральский черноризец, пострижник инока схимника, Лаврентия, 65
- Никита (Новоселов Назар Киприянович), дубчесский черноризец, 313, 391
- Никита Алексиевич, сибирский старообрядец, 168–170
- Никифор, керженский и уральский иеромонах, 14, 23, 30, 32, 71
- Никифор (Никита), тувинский черноризец, 153, 154
- Никодим Святогорец, афонский монах, 289
- Никодим, уральский инок-схимник, 64, 70, 71
- Николаев Н. И.*, 286
- Николай, архиеп. Мир Ликийских, свт., 47, 103, 116, 126, 222, 233, 243, 245, 339, 343, 346, 413
- Николай I, император, 17
- Николай II, император, 54
- Николай, уральский крестьянин, 111
- Николай, сибирский старообрядец, муж Агнии, 246, 247
- Никон Черногорец, прп., церковный писатель, 123, 288
- Никон, прп., 103, 343
- Никон, патр., 12, 13, 21, 25, 27, 36 66, 102, 179, 180, 313, 328, 344, 356, 357, 384, 389, 396, 410
- Никон, черноризец, пострижник инока схимника Лаврентия, 65, 190, 191
- Никон, черноризец, бывший муж м. Пелагии, 107, 319
- Нифонт, инок-схимник, похороненный недалеко от оз. Светлого, 258, 305
- Нифонт, уральский инок-схимник, 63
- Нифонт, уральский игумен, 30, 33, 65, 66, 68–72, 77, 78, 81, 103, 110, 284, 298, 299, 303, 305, 309, 310, 313–315, 321, 322, 325, 328–330, 332, 338, 345, 346, 419, 422, 423, 426, 427, 430, 434, 437, 438, 441
- Нифонт (Николай Субботин), чулымский черноризец, брат черноризца Афанасия, 76, 102, 111, 247
- Нил Сорский, прп., церк. писатель, 76, 131, 371
- Новожилов Симон Андреевич, настоятель общины часовенных в Приморье, 154
- Ной, библ., 378
- Ольшевская Л. А.*, 328, 330, 349

- Онисим Филимонович, см. Катаев Ани-  
сим Филимонович
- Павел (Савл), апостол, 47, 59, 75, 131,  
168, 336
- Павел Простой, св., 424, 425
- Павел (Конюскевич), митр. Сибирский,  
27
- Павел, настоятель керженской Иоинной  
обители, 17
- Павел, уральский старообрядец, 57
- Павел Убиенный, уральский инок-схим-  
ник, 33–37, 39, 40, 48, 53, 57, 101, 103,  
256, 265, 282, 318, 344, 345, 346, 418,  
419, 422–425, 429, 436, 442
- Павел, уральский черноризец, 252, 345
- Павлина (Пелагея), сибирская черно-  
ризица, 106–110, 126, 127, 171, 204,  
209, 295, 331
- Паисий (Заверткин Петр Федорович),  
уральский инок-схимник, иконописец,  
31, 32, 65
- Паисий, черноризец, 79
- Палладий, еп. Еленопольский, 424
- Паладий, Палладий (Чунарев Петр Карпо-  
вич), игумен Тувинских скитов, 143–148,  
150, 153, 230, 290, 326, 400
- Палладий мних, лит. персонаж, 342
- Панич Т. В.*, 142, 170, 276, 288, 322
- Панченко А. А.*, 342
- Паольга, Поольга (Гусельникова Пела-  
гея), сибирская черноризица, 161, 173,  
178, 314
- Патрикий, уральский черноризец, 252,  
253
- Пафнутий Боровский, прп., 414, 431
- Пахомий, основатель иргизского скита,  
20
- Пахомий, уральский инок-схимник, 30,  
32
- Перегрутов Григорий Андреевич, 23
- Петр, апостол, 10, 47, 59, 75, 131, 279,  
329, 351, 409
- Петр Алексеевич, Петр I, император, 15,  
23, 36, 38, 352
- Петр, старообрядец, 55, 326
- Пигин А. В.*, 439, 440
- Пилат Понтий, римский прокуратор,  
28
- Пимен Великий, прп., 187
- Пимен, соловецкий монах, участник  
самосожж. в Березовом наволоке Оло-  
нецкой губ., 22
- Пиор, уральский инок, 52
- Питирим, архиеп. Нижегородский и Ала-  
тырский, 15, 17, 280
- Платонида, уральская пустынноца, 60,  
61
- Платонида, уральская черноризица, 112
- Платонида, дубцесская черноризица, 59,  
264
- Плотников К. Н.*, 14, 17–19, 21, 280, 281,  
329, 383–386
- Покровский Н. Н.* 3, 5–6, 28, 29, 285,  
287–289, 293, 312, 323, 325, 326, 333,  
336, 346, 351, 353, 358–360, 364, 372,  
376, 379, 381–386, 388, 389, 391, 392,  
396–399, 403, 404, 416, 419, 422, 423, 426,  
427, 429, 430, 435–441, 443, 444
- Поletaева Е. А.*, 368
- Поликарп, уральский юродивый, 56
- Поликсения, сестра м. Измарагды, алтай-  
ская игуменья, 174, 249–251, 320
- Полинария (Пелагия), уральская черно-  
ризица, затем сунгульская игуменья,  
дочь о. Никона, 190, 191, 221
- Полинария, урало-сибирская черноризица,  
сестра м. Акинфы (Черепановой Агафьи  
Михайловны), умерла на Таванге, 107
- Полинария, тувинская черноризица,  
148
- Порфирия, урало-сибирская черноризица,  
177, 181, 308
- Порфирия (Кустова Пелагия Ивановна),  
сибирская черноризица, мать о. Тимо-  
фея, 113, 114, 287, 318
- Потанин Алексей Киприанович, отец По-  
танина Иерона Алексеевича, сибирский  
старообрядец, 314
- Потанин Артемий Иеронович, сын  
И. А. Потанина, 165, 167



- Потанин Иерон Алексеевич, сибирский старообрядческий наставник, 85, 151, 155, 160–168, 286, 306, 314, 318, 325, 326, 328, 330, 335, 398–400
- Потанин Наум Иеронович, сын И. А. Потанина, 166
- Потанина Александра Меркурьевна, жена И. А. Потанина, 160, 166
- Потанина Ксения Иероновна, дочь И. А. Потанина, 167
- Потанина Феврония Иероновна, дочь И. А. Потанина, 167
- Потанины, сибирские старoverы, 398
- Прасковья Ивановна, см. Катаева Прасковья Ивановна
- Прасковья, Парасковья Акиндиновна, сибирская старообрядка, 167
- Прасковья Севастьяновна, молящаяся на Веселых Горах, 57
- Прасковья (Парасковья) Терентьевна, сибирская старообрядка, 165
- Прокл Филимонович, бийский старover, 100
- Разсохины, игуменни керженских скиотов, 16
- Райнов Т.*, 358
- Ранчин А. М.*, 404
- Ремизов А. М.*, 440
- Рипсимия, черноризица, 263, 264, 266
- Ровинский Д. А.*, 283
- Ромодановская Е. К.*, 335, 401
- Руди Т. Р.*, 400, 428–431, 434, 435
- Рукавицын Иван Федорович, тувинский старover-часовенный, 146
- Рыков Ю. Д.*, 385
- Рябинин Андрей Иванович, нижнетагильский старообрядец 23, 39
- Рязановский Ф. А.*, 282
- Сава, Савва (Мягков Сильвестр Ефимович) урало-сибирский игумен, 33, 65–67, 70–72, 76–83, 86, 96, 97, 99–101, 103–105, 110, 111, 117, 120, 122, 124, 130, 131, 137, 155, 176, 188, 201–204, 215, 229–231, 246, 248, 249, 251, 263, 284, 295, 297, 298, 303, 305, 307, 308, 310, 311, 313–317, 320–322, 329–330, 332, 338, 341, 344, 345, 346, 353, 354, 366–368, 379, 391, 422, 429, 431, 434, 442
- Сава, уральский черноризец, 64
- Савва Грудцын, лит. персонаж, 440
- Савватий, уральский инок, 244, 344, 442
- Савватий, дальневосточный инок, 74, 75
- Савватий, зять Агнии Филимоновны, 246, 341
- Савл, см. Павел, апостол
- Салоникей, керженская монахиня, 16
- Самойлов (Соймонов Ф. И.?), тобольский губернатор, 27
- Санин В. Н. (В. Н. Афанасьев)*, 36, 43, 50, 54, 282, 283, 329, 411–413, 418, 421, 441
- Севастиана, уральская черноризица, 107, 204
- Семен (Денисов), выговский киновиарх, писатель, 331, 406–408, 411
- Семен Иванович — см. [Тавдинцев] Семен Иванович
- Семущина Евгения (Евдокия) Ивановна, сибирская старообрядка, 81, 101, 197, 441, 442, 444
- Сенатов Иван, сибирский старообрядец, 262
- Серапион, урало-сибирский черноризец, 65, 82, 305
- Серафима, урало-сибирская черноризица, 101, 102, 186, 271–274, 276, 436
- Сергей, наставник общины д. Симонята Пермской обл., 373, 375
- Сергий, уральский черноризец, 71, 105, 110, 111, 120, 243, 244, 147, 313
- Сергий Радонежский, прп., 338
- Сергий, уральский черноризец, юридивый, 67
- Сергий, священноинок, игумен Бизюковского монастыря, 12, 14
- Сергий, муж Евдокии, сибирский старообрядец, 440
- Силюян, сибирский и дальневосточный игумен, 66, 71–73, 75, 76, 80, 120, 154, 284, 305, 315, 321, 322, 421, 431–433, 438

- Симеон Верхотурский, св., 346  
 Симеон Метафраст, св., 355  
 Симеон Новый Богослов, св., 123, 131, 338, 371  
 Симеон Вятский (Ключарев Семен Васильевич), урало-сибирский священник, 25–27  
 Симеон, уральский инок, 64  
 Симеон (Лаптев Сафон Яковлевич), сибирский игумен, 10, 33, 35, 64, 72, 77, 79, 81, 82, 84–88, 90, 93–103, 105, 114, 122, 124, 127, 128, 130, 131, 155, 160, 161, 162, 168, 178, 184, 203, 215, 216, 234, 241, 247, 248, 263, 274–276, 284, 285, 295, 297, 300–302, 304–309, 311, 312, 314–318, 320–322, 324–333, 338, 344–346, 350–368, 376–379, 381, 382, 387, 388, 390, 391, 393, 396, 398–400, 422, 423, 426, 435–438  
 Симеон (Семеон), нижеенисейский крестьянин, 116  
*Синицына Н. В.*, 405, 406  
 Сиф, библ., 378  
*Слащев В. В.*, 345  
*Смирнов П. С.*, 385  
*Соболевский А. И.*, 401  
 Соколов, следователь МГБ, участник дубчесского карательного отряда, 91  
*Солженицын А. И.*, 285  
 Соломенников Тимофей, приморский старообрядец, 154  
 Соломия, повитуха, апокр., 396  
 Соломон, царь, библ., 218  
 Соломония бесноватая, персонаж древнерусской повести, 440  
 Соломония, послушница в Сунгульском монастыре, 192  
 София (Катаева Секлетинья Анисимовна), сибирская черноризица, 101, 163, 167, 174, 182, 241, 242, 245, 247, 267, 286, 316, 326, 340, 341, 442  
 Софоний (Софонтий), керженский иеромонах, 13, 14, 18, 30, 71, 279, 281, 329, 415  
 Софроний, патр. Иерусалимский, церк. писатель, 286  
 Софронов (Сафронов), следователь карательного отряда МГБ, 91, 92  
 Спиридон Тримифунтский, свт., церк. писатель, 103, 343  
*Срезневский И. И.*, 291  
*Сталин И. В.*, 398  
 Стариков Василий, невьянский старообрядец, «еретик», 33, 421  
 Стефан, сибирский старообрядец, 170  
 Стефан Зизаний, укр. церк. писатель, 355  
 Стефанида, послушница сибирского женского скита, 257  
 Стефанида Сидоровна, сибирская крестьянка, 119  
 Субботины, уральские черноризцы, 111  
*Судогорский В.*, 58, 60  
 Сусанна (Потанина Стефанида Иероновна), сибирская черноризица, дочь И. А. Потанина, 160–162, 164, 166  
 [Тавдинцев] Семен Иванович, урало-сибирский наставник, 26  
 Тавифа (Татьяна Михайловна Людиновскова), игуменья одного из женских Дубчесских скитов, 91, 92, 107–109, 121, 124, 125, 128, 131, 160, 172–174, 183, 192, 195, 196, 198–208, 210, 215, 223, 227, 234, 235, 238, 285, 295–299, 302, 303, 306, 309, 311, 316, 317, 319, 337, 339, 340, 365, 368, 376, 434, 435  
 Таисья, уральская монахиня, мать м. Веры, 61  
 Таисия, уральская игуменья, 210, 254  
 Таисья, (в миру Татьяна), сибирская черноризица, 235  
*Тарабукина А. Н.*, 439  
 Тарас Июдович, сибирский крестьянин, 374  
 Тарасий, свт., патр. Константинопольский, 121  
 Тарасий, ирюмский черноризец, 26, 28, 70, 107, 112, 195, 196, 202, 209, 287, 296, 303, 317  
 Тарсила (Горбунова Татьяна Тихоновна), дубчесская черноризица, 188, 189, 232–234, 300, 301, 317, 327, 339, 434

- Татьяна, сибирская старообрядка, 166  
Татьяна, уральская старообрядка, 262  
*Творогов О. В.*, 287  
Текуса, тувинская черноризица, 152  
Тимофей (Кустов Трофим Иванович), дубчесский игумен, 35, 87, 91, 92, 94, 95, 113, 114, 206, 285, 318, 422  
Тит (Тимофей Филиппович), сибирский черноризец, 79, 80  
*Титова Л. В.*, 142, 170, 276, 288, 312, 322, 396  
*Толстой Н. И.*, 282, 439  
*Толстая С. М.*, 439  
*Травников С. Н.*, 349  
Трифена (Глухова Татьяна Илларионовна), дубчесская черноризица, 115, 155, 157, 189, 300, 318  
Трифиллий, вологодский иеромонах, 12  
Трифиллий, уральский черноризец, 65  
Трифон иудей, лит. персонаж, 289  
Тюменский Стефан Иванович, тюменский старообрядец, 26, 27, 29  
Уар, уральский игумен, 46, 52, 305  
Уар, сибирский черноризец, 259  
Ульяния, сибирская черноризица, 192  
*Успенский Б. А.*, 379, 396  
Устинов Анастас Семенович, сибирский крестьянин, 301  
Устинова Анфиса Анастасовна, послушница женского скита на Дубчесе, 302  
Устинова Маремьяна Анастасовна, послушница женского скита на Дубчесе, 302  
*Ушаков И. А.*, 293  
Фаина, игуменья шарташского скита, 22  
Фаина, сибирская черноризица, 137, 138, 162, 163, 234, 268, 273, 326, 337, 441, 443  
*Фасмер М.*, 294  
Феврония, инокиня схимница, 180  
Февруса, урало-сибирская черноризица, игуменья, 252–257, 265, 303, 311, 319  
Федор Лазаревич, сибирский старообрядец, 269  
*Федотов Г. П.*, 423  
Фекла, керженская старица, 17  
Фекла (Дорогина Феодосья Устиновна), урало-сибирская игуменья, 107, 121, 122, 172, 173, 186, 190–192, 195–202, 205, 210–212, 215, 220, 221, 295–297, 303, 305, 311, 316, 317, 319, 332  
Фекла, сибирская черноризица, 119  
Феодор Иоаннович, царь, 12, 350, 406  
Феодор Вальсамон, Валсамон, патр. Антиохийский, визант. канонист, 386, 387  
Феодор Студит, прп., церк. писатель, 97, 121, 123, 190, 224, 225, 287, 327, 338, 353, 386, 429, 438  
Феодор Сикеот, прп., еп., 103, 343  
Феодор, вмч., 103, 343  
Феодор Тирон, вмч., 273, 294  
Феодор Ростиславич, кн. Ярославский, св., 176, 290  
Феодор, уральский черноризец, отец м. Миропии, 77, 78, 82, 432, 435  
Феодор Зиновьевич, настоятель сибирской часовенной общины, дед Григория Карповича, 157, 158  
Феодора, персонаж Жития Василия Нового, 341  
Феодора, уральская игуменья, инокиня схимница, 171, 296–299, 309, 310, 332  
Феодорит Кирский, блж., 355, 378  
Феодосий, прп. киево-печерский, 336  
Феодосий Рыльский, керженский иеромонах, 14, 18, 26, 279  
Филипп, черноризец, постриженник о. Лаврентия, 65  
Феодосий (Филипп), черноризец, постриженник о. Мины, 79  
Феодосий, сибирский старообрядец, 443  
Феодосий, уральский инок-схимник, 64  
Феодосия, литературный персонаж, 440  
Феодосия Терентьевна, сибирская старообрядка, 166, 167  
Феодосия, уральская старообрядка, жена Дмитрия, 261  
Феодот, сибирский старообрядец, 262  
Феодул, уральский инок-схимник, 32.

- Феофания, уральская и сибирская черно-  
ризица, 257
- Феофил, адресат евангелиста Луки, 323
- Феофилакт Болгарский, свт., церк. писа-  
тель, 279, 289, 329, 409
- Феофилакт, украинский монах, 27
- Филарет, уральский инок-схимник, 30
- Филатов Николай Трифильевич, невьян-  
ский иконописец, 51
- Филатов Трифилий, невьянский иконо-  
писец, 51
- Филипп Ирапский, св., 414, 431
- Филипп, тесть Александра Григорьевича  
Голдобина, 61
- Филипп, сибирский черноризец, 105
- Филофей, инок Псковского Спасо-Еле-  
азарова монастыря, 406
- Филонида, сибирская черноризица, 207,  
227, 228
- Флина, Флена (Татьяна Кондратьевна  
Шебаршина, в девичестве Данилова),  
сибирская игуменья, 34, 35, 89, 101,  
115, 161, 171, 174, 181, 183, 215, 229,  
247, 248, 251, 263, 265, 268, 270–276,  
285, 297, 300, 302, 318–320, 326, 332,  
344, 422–424
- Флоровский Г.*, 405
- Фома (Неверующий), апостол, 40, 418
- Фома, отец черноризицы Евгении Фо-  
миничны, 262
- Фома Абрамович, сибирский старооб-  
рядец, 202
- Фотиния, керженская игуменья, 17
- Фотиния, сибирская черноризица, сестра  
о. Ефрема Уральского, 169, 170
- Харин Анисим Абрамович, послушник  
скита о. Симеона, 320, 360–363
- Хиония, уральская инокиня схимница,  
180, 261
- Хлебникова Васса Ивановна, см. Вар-  
сонофия
- Христофор, мч., 103, 343
- «Черзов» (правильно — Чернцов), гене-  
рал-майор, 26
- Чикиуров Фадей Федорович, сибирский  
старообрядец, 214
- Чунарев Карп Созонтьевич, старообрядец,  
житель Сарапул. у. Вятской губ., отец  
о. Палладия, 143
- Чунарев Памфил Карпович, брат о. Пал-  
ладия, 144
- Чунарева Анна Карповна, сестра ою Пал-  
ладия, 144
- Чунарева Евфимия Карповна, сестра  
о. Палладия, 144
- Шапошников Василий Данилович, выгов-  
ский земский писарь, писатель, 431
- Шашков А. Т.*, 291, 292, 388, 404, 416,  
419
- Шверник Н. М., советский полит. дея-  
тель, 361
- Щербин, глава карательного отряда при  
разгроме Дубчеса, 91, 363, 364
- Шереметьев Петр, тобольский воевода,  
21
- Элиаде М.*, 345
- Юзов И.*, 22, 282
- Юнг-Штиллинг Иоганн Генрих*, нем. ми-  
стик, дух. писатель, 384
- Юхименко Е. М.*, 431

*Научное издание*

**УРАЛО-СИБИРСКИЙ ПАТЕРИК**

Тексты и комментарии

В трех томах

Книга 1 (Том 1–2)

Корректор О. Ланцова

Оригинал-макет подготовлен С. Белоусовым

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 12.09.2014. Формат 60×90 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times  
Уч. изд. л. 29. Тираж 500. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры»

№ госрегистрации 1037739118449

Phone: **959-52-60** E-mail: **Lrc.phouse@gmail.com**

Site: **<http://www.lrc-press.ru>**, **<http://www.lrc-lib.ru>**

**Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис»**

Тел. **+7 (499) 255-77-57**, e-mail: **gnosis@pochta.ru**

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.)

Адрес: г. Москва, Турчанинов пер., д. 4

